

УГО ЧАВЕС

Константин
Сапожников

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

К. Сапожников

УГО ЧАВЕС

ЖЗЛ

Annotation

Для единомышленников и всех людей доброй воли Уго Чавес навсегда останется «Команданте надежды», революционером без страха и упрёка, символом сопротивления в XXI веке, который только начинается. Он мечтал, что, завершив строительство общества социальной справедливости в Венесуэле, сможет «отойти от дел» и посвятить себя внукам, живописи, мемуарам, но при этом неизменно повторял: «Если мне дадут дожить». Он хорошо знал, что его ненавидят главари Империи, что западные спецслужбы ведут за ним беспощадную охоту. Смерть от пули или яда его не страшила, он стремился к одному: выполнить свою историческую миссию. Чавес победил и занял достойное место в Пантеоне латиноамериканских героев, рядом с Симоном Боливаром, Сальвадором Альенде и Че Геварой.

- [Сапожников К.Н.](#)

-
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)

- [Глава 14](#)
  - [Глава 15](#)
  - [Глава 16](#)
  - [Глава 17](#)
  - [Глава 18](#)
  - [Глава 19](#)
  - [Глава 20](#)
  - [Глава 21](#)
  - [Глава 22](#)
  - [Глава 23](#)
  - [Глава 24](#)
  - [Глава 25](#)
  - [Глава 26](#)
  - [Глава 27](#)
  - [Глава 28](#)
  - [Глава 29](#)
  - [Глава 30](#)
  - [Глава 31](#)
  - [Глава 32](#)
  - [Глава 33](#)
  - [Глава 34](#)
  - [Глава 35](#)
  - [Глава 36](#)
  - [Глава 37](#)
  - [Глава 38](#)
  - [ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УГО ЧАВЕСА](#)
  - [ЛИТЕРАТУРА](#)
  - [Иллюстрации I](#)
  - [Иллюстрации II](#)
  - [СОДЕРЖАНИЕ](#)
-

Сапожников К.Н. Уго Чавес

Однажды мальчишкой, в глухом провинциальном городке, он вдруг сказал приятелю: «Вот увидишь, я стану президентом страны!» Вряд ли в столь юном возрасте он отчётливо представлял себе, что это такое — быть президентом. Но Уго произнёс эти слова с такой уверенностью, словно они были продиктованы ему свыше.

Потом на разных этапах взросления в разговорах с друзьями тема его неизбежного президентства всплывала не раз. Он и сам начал верить в то, что его судьба predetermined на небесах, что ему предназначена особая роль в истории. В декабре 1998 года Уго Рафаэль Чавес Фриас был избран президентом Венесуэлы. За отпущенные ему годы он сделал всё, что в его силах, для разрушения старого мирового порядка и построения нового. Чавес ушёл в самый разгар битвы. Ушёл несломленным, непобеждённым, но с ощущением мучительной тревоги: не окажутся ли напрасными его сверхчеловеческие усилия, сумеют ли соратники продолжить его Боливарианскую революцию, завершить проект построения общества социальной справедливости и счастья для всех?

Глава 1

«БЕНИТО АДЛЬФ УГО ЧАВЕС...»

Уго Чавес, наиболее известный в России латиноамериканский политик после Фиделя Кастро, привлекал внимание смелостью своих взглядов, экзотичностью манер и поступков. В годы «победного шествия» мирового антикоммунизма он убеждённо говорил о «Социализме XXI века». Он не боялся критиковать Соединённые Штаты на пике их вооружённых авантюр, навязывания миру своей гегемонии. Более того, венесуэльский лидер предсказывал, что доминирование США близится к концу и к середине нынешнего столетия Империя под воздействием непреодолимых внутренних конфликтов развалится.

«Образ Чавеса», созданный на Западе для всемирного потребления, не соответствовал стереотипу «образцового демократического политика». Западные СМИ создали виртуального Чавеса и приклеили ему ярлык диктатора с популистской риторикой, склонного к экстремизму, который поддерживает связи с арабскими террористами, колумбийскими партизанами и ультралевыми группировками по всему миру. Плюс ко всему этому подозрительная дружба с политиками, которых Запад причисляет к изгоям.

В сравнительный ряд идентичных Чавесу типажей включали Сталина, Гитлера, Муссолини, Хусейна, Милошевича и других «сильных людей» прошлого. Бывший посол США в Венесуэле Отто Рейч (кубинские корни, антикастрист) никогда не озабочивался в выборе формулировок, когда речь шла о Чавесе. Для Рейча,

ведущего специалиста по Латинской Америке в администрации США, не было никакой разницы между венесуэльским президентом, Гитлером и Муссолини: «Чавес намерен поставить под свой контроль средства массовой информации, чтобы обманывать венесуэльский народ, превратить школы в систему коммунистической обработки и покончить с частным сектором. Если проанализировать суть “Социализма XXI века”, как Чавес называет будущее Венесуэлы, то станет понятно, что речь идёт о том же самом, что творили Муссолини в Италии и Гитлер в Германии накануне своих экспансионистских авантур. Это фашизм!» По мнению Рейча, высокие цены на нефть сделали Чавеса «богатым и опасным», а свержение его в апреле 2002 года было не государственным переворотом, как заявила ОАГ (ОАГ — Организация американских государств.), а «народным восстанием».

В Венесуэле созданный оппозицией для внутреннего потребления виртуальный Чавес был не менее отвратителен: он безжалостно преследует своих политических оппонентов, душит свободу слова, закрывает телеканалы, создаёт культ личности сталинского типа. Одним росчерком пера он уволил с работы тысячи сотрудников государственной нефтяной компании PDVSA (Petroleos de Venezuela S. A. (PDVSA) — государственная нефтегазовая компания Венесуэлы, созданная в 1976 году после национализации этой отрасли экономики. В середине 1990-х годов началась «ползучая» приватизация PDVSA под предлогом низкой эффективности, необходимости получения инвестиций и проведения модернизации. После «нефтяной забастовки» в 2002 году, которая привела к многочисленным акциям саботажа на предприятиях компании, над PDVSA был установлен жёсткий государственный контроль, который президент Чавес назвал «второй, подлинной национализацией»...),

бездоказательно обвинив их в саботаже. Он приучает детей к употреблению наркотиков, публично жуя листики коки, которые привозит ему из Боливии не менее подозрительный тип — индейский президент Эво Моралес. Какой ужас, Венесуэлой правит наркоман! Венесуэльцев пугали, что пребывание Чавеса на президентском посту грозит им неисчислимыми бедами. Рано или поздно Вашингтону придётся включить Венесуэлу в «ось зла». Последствия этого будут драматичны и для диктатора, и для всех венесуэльцев. Опасность Чавеса видели в том, что он «непредсказуем». У него якобы слишком много идей («типичный шизофреник»!). Он самозабвенно болтлив, и в характерном для себя запале часами вещает перед восторженными массами, не используя шпаргалок («ещё одно доказательство шизофрении»!). Чавес легко переходит от темы к теме, зачаровывая потоком слов толпу, которая обычно состоит из малограмотных люмпенов и потребителей правительственных подачек. Для поддержания интереса к своим речам Чавес нередко пританцовывает и поёт на трибуне, компрометируя авторитет президентской должности. Не по этой ли причине оппозиция советует: вам, камара да Чавес, с вашей жизнерадостной тропической натурой лучше всего выступать в развлекательном телевизионном шоу или в клубе «Тропикана» на обожаемой вами Кубе?

Один из многочисленных критиков Чавеса, мексиканский писатель Карлос Фуэнтес как-то сказал, что голова у венесуэльца похожа на большую мусорную свалку, которая образовалась из всего того, что за ненужностью выбрасывается на помойку (имеются в виду идеи, концепции, доктрины). Для Фуэнтеса венесуэльский лидер — это «плаксивый демагог»: «Он был близок к утрате власти. Прибег к защите церкви. Исходил слезами. Это человек без содержания,

тропический Муссолини четвёртой категории. Не имеет какого-либо реального веса». Чтобы оттенить «незначительность» Чавеса, Фуэнтес сравнил его с Фиделем Кастро, назвав кубинца «подлинной личностью, настоящим мужчиной», с которым можно не соглашаться, но которого нельзя не уважать. На фоне Кастро, по словам Фуэнтеса, венесуэлец «выглядит комедиантом, импровизатором».

Колумбийский писатель Габриэль Гарсия Маркес после беседы с Чавесом накануне его вступления в президентскую должность вдохновился на статью «Загадка двух Чавесов». Маркес обошёл без крайностей в оценках, но завершил статью такими словами: «В то время, когда он удалялся в окружении свиты из увешанных наградами военных и новоиспечённых друзей, меня потрясло озарение, что я только что путешествовал и с удовольствием говорил с двумя прямо противоположными персонажами. Одному из них непреклонная судьба предлагает возможность спасти его страну. Другой — иллюзионист, который может войти в историю как ещё один деспот».

В журнале «Плейбой Бразил» появилась статья «Как создаётся идол латиноамериканских левых» с такой преамбулой: «Вы хотите прославиться, как Че Гевара, но без винтовки в руках, не прячьтесь в густом кустарнике, не попав в засаду и не погибнув? Вы мечтаете стать таким же известным, как рок-звезда? Вы хотите объехать весь мир и стать объектом поклонения миллионов фанатиков социализма? На примере Чавеса научитесь, как это делается».

Чавеса обвиняли в «неискренности» его дружбы с Фиделем Кастро. Дескать, венесуэлец с нетерпением ждёт смерти кубинского патриарха, чтобы перехватить бразды правления «левомарксистским интернационалом». Даже специальный термин появился — *globalchavetizacian* — «глобальная

чаветизация». А с каким восторгом западные СМИ раскручивали «видеокартинку» с королём Испании, который на Иберо-американском саммите (Саммит проходил в Сантьяго-де-Чили в ноябре 2007 года.) раздражённо выкрикнул по адресу Чавеса: «Заткнись же!» Королю Хуану Карлосу не понравилось, что венесуэлец, выступая, несколько раз назвал бывшего премьер-министра Испании Аснара «фашистом». Королю крупно повезло, что Чавес отвлёкся в эту минуту и не слышал его оскорбительной реплики. Скандал мог приобрести грандиозный характер. О примирении сторон писалось намного меньше. Его пришлось ждать семь месяцев. За кулисами активно действовали испанские банкиры и нефтяные компании. Угроза Чавеса о национализации висела как дамоклов меч. По дипломатическим каналам всё-таки удалось договориться о встрече. В июле 2008 года президент прилетел на Мальорку, где находится летняя резиденция короля. Дружеское рукопожатие поставило крест на инциденте в Сантьяго-де-Чили. Светские хроникёры не сообщили, какой подарок привёз Чавес королю, но Хуан Карлос вручил гостю футболку со знаменитой фразой. Встреча в 2009 году была ещё более не протокольной. «О, ты отрастил бороду, стал совсем как Фидель!» — пошутил Чавес. Хуан Карлос провёл рукой по рыжеватым волосам: «Да, я решил немножко сменить look».

Снисходительно-насмешливый тон в отношении Чавеса проник в либеральные СМИ России, которые следовали стереотипам подачи венесуэльца западными массмедиа. Российские журналисты называли Чавеса «венесуэльским Жириновским». Если верить им, то какими-либо реальными достоинствами «крутой мачо» Чавес не обладал, разве что умением словесно «опустить» обидчика, и при этом цитировали бывшего премьер-министра Англии Блэра, который как-то сказал,

что Чавес среди лидеров современности обладает «наилучшей линией по штамповке оскорблений».

Как же надо было бояться человека, какую опасность видеть в нём, чтобы задействовать для его компрометации всю мощь «чёрной пропаганды» мировых СМИ?!

А ещё такой карикатуризированный Чавес был нужен для того, чтобы реальный, достоверный президент Венесуэлы не затмевал неолиберальных политиков, которые, однозначно ориентируясь на защиту интересов капитала, претендуют попутно и на всенародную любовь.

Искажённый «образ диктатора-марксиста» годами транслировался на среднестатистического потребителя информации в России, поэтому не удивительно, что у россиян возник такой невнятный стереотип восприятия личности Чавеса и его «то ли боливарианской революции, то ли социалистической реформы, то ли перестройки по-венесуэльски».

Расшифровать феномен Чавеса и его политического курса пытаются многие: иногда с симпатией, порой с недоумением, чаще, как видим, — с враждебных позиций.

Бывший генеральный прокурор Венесуэлы Хесус Петит да Коста входит в число «профессиональных» античавистов: «Камарада Чавес является таким же коммунистом-сталинистом, как Фидель Кастро. Чавес обучает на Кубе кадры своей будущей, единственно дозволенной в Венесуэле партии. С помощью кубинских учителей и врачей, а также венесуэльцев, которым промыли на Кубе мозги, он готовит в стране благоприятную почву для её функционирования. Организуя отряды резервистов, Чавес стремится к созданию Красной армии, которая заменит нынешнюю Национальную армию. Для этой же цели используются кубинские военнослужащие, исполняющие функции

советников. Чтобы замаскировать свои подлинные планы и дождаться “созревания условий”, Чавес использует имя Боливара. На самом деле он руководствуется указаниями Фиделя Кастро по всем вопросам формирования внутренней и внешней политики Венесуэлы».

В ином ключе интерпретирует Чавеса журналистка Альма Гильермоприето («Нэшнл джиогрэфик»): «Лидер Венесуэлы может быть непредсказуемым и не внушающим особого доверия, но это выдающийся деятель, и он усвоил один крайне важный урок, который другие, более осторожные политики, оставляют без внимания: в мире есть гораздо больше голодных бедняков, мечтающих о хорошем будущем, чем богачей, жаждущих сохранить прошлое».

Журнал «Тайм»(См.: Тайм. 2005. 10 апреля.) включил Чавеса в число ста наиболее влиятельных персонажей нашего времени. Для журнала принципиально несостоятельно проведение параллелей между Чавесом и Фиделем Кастро, поскольку кубинец в годы холодной войны получал поддержку от Советского Союза, установил строжайший контроль над прессой, демонстрировал во всех своих решениях качества диктатора. Венесуэлец во многом отличен от него. Он является «самодостаточным революционером», который позволяет диссидентство и критику в свой адрес и обладает существенным геополитическим весом, поскольку возглавляет одну из ведущих нефтедобывающих стран.

С 2005 года Чавеса начали выдвигать на Нобелевскую премию мира. Аргументы были таковы: президент, добиваясь модернизации Венесуэлы, неизменно проявляет гибкость, терпение, склонность к диалогу, выдержку даже тогда, когда может «на законных основаниях» прибегнуть к репрессиям. После попытки переворота в апреле 2002 года, когда он был

«отстранён» на 48 часов от власти, Чавес не поддавался искушению раз и навсегда раздавить заговорщиков и оппозицию, на чём настаивали его сторонники-радикалы.

Ещё в Москве, готовясь к командировке в Венесуэлу, в которой мне уже довелось работать корреспондентом АПН в 1983–1988 годах, я пытался составить для себя мнение о Чавесе. Кто он? Куда влечёт его «неумолимый рок событий»? Казалось бы, он предельно откровенен во всём, что касается его личной жизни и ещё больше — политической программы и стратегии действий внутри страны и за её пределами. Но его практические шаги кажутся настолько запутанными и противоречивыми, что невольно возникают сомнения: какова их конечная цель? Что в нём от революционера и что — от ловкого демагога, использующего революционную фразеологию? Не обманутся ли в нём в конечном счёте его сторонники? Я встретился в Москве с друзьями-латиноамериканистами из различных ведомств, с пристрастием расспросил их о Чавесе, перспективах его выживания в качестве президента. Это было после апрельских событий 2002 года, почти удавшейся попытки контрреволюционного переворота. В ответах собеседников преобладали пессимистические оценки: «Оппозиция проведёт перегруппировку сил и доведёт депо до конца», «цэрэушники с этим путчем лажанулись, готовит другой», «будет чудо, если Чавес дотянет до конца текущего года». Кто-то из коллег-пессимистов сунул мне «портретную справку» о венесуэльском президенте для служебного пользования со словами: «В твой журналистский архив. Мне она теперь вряд ли пригодится». Справка была написана с симпатией к венесуэльцу: «Чавеса без преувеличения можно считать лучшим оратором и полемистом Венесуэлы (всегда выступает без заранее подготовленного текста). Он свободно держится перед

любой аудиторией, хорошо чувствует и знает жизнь и настроения простых венесуэльцев, успешно использует радио и телевидение для пропаганды своих идей. Публичные выступления Чавеса доступны народу, изобилуют острыми словечками, пословицами и выражениями, характерными для людей из бедняцких кварталов. В его арсенале присутствуют и чисто популистские приёмы, рассчитанные на мгновенный, демонстративный эффект. Так, он отказался от президентского жалованья, передав эти средства для поощрения трёх студентов вузов (оставив себе военную пенсию).

Демократизм, умение напрямую общаться с массами сочетаются в венесуэльском лидере с жёсткостью, проявлениями авторитаризма. В политической борьбе он нередко склонен использовать элементы морально-психологического давления, например, являясь на официальный приём в форме десантника и демонстрируя оппонентам готовность прибегнуть при необходимости к силовому воздействию. В политических кругах Венесуэлы бытует представление о том, что Чавес стремится создать в стране систему жёстко авторитарного типа, с помощью которой ему было бы легко управлять государством.

Одной из его любимых тем является борьба с распространённой в стране коррупцией, уклонением от уплаты налогов, он постоянно призывает к устранению (вытеснению) из государственных структур антинациональной бюрократической элиты.

В общении с государственными деятелями других стран Чавес держится просто, без педантичного следования протоколу, сразу старается взять доверительный тон, расположить к себе собеседника. Несмотря на эмоциональность и пылкость характера, он умеет трезво оценить ситуацию, подать себя собеседнику в благоприятном свете. Президент

выделяется широтой общественно-политического кругозора и эрудицией. Цитирует по памяти Библию, работы Боливара, произведения мировой литературы. В его интеллектуальном багаже есть даже элементы дзен-буддизма.

Тщательно следит за своей внешностью. Шьёт одежду у наиболее модного в Венесуэле мастера, по несколько раз в день меняет костюмы, сорочки, галстуки. Хобби — бейсбол. В 1976–1980 годах выступал в профессиональных турнирах на уровне штатов. Пишет стихи, увлекается живописью, хотя жалуется, что в последние годы у него не остаётся для этого времени. Не пренебрегает возможностью встретиться за бокалом виски с наиболее близкими единомышленниками»...

Конечно, такой политик не мог не привлекать к себе повышенного внимания. Его ненавидели представители зажиточного среднего класса, компрадорская буржуазия, олигархические круги. И боготворили бедняки, самоотверженно вставшие на его защиту в дни апрельского переворота 2002 года и горько оплакивавшие его кончину в марте 2013 года. Причину можно понять: венесуэльский президент не только заявлял о социальной справедливости, равных возможностях, демократии для всех, но и исполнял свои обещания.

За 14 лет непрерывных баталий с враждебными силами и обстоятельствами Уго Чавес превратился в знаковую фигуру сопротивления империализму США, борьбы за многополярный мир. Среди десятков и сотен политиков современности Чавес воспринимается как одинокий революционный камикадзе, пожертвовавший собой во имя построения справедливого общества, которое он назвал «Социализмом XXI века».

Глава 2

КАРАКАС, ИЮНЬ 2002 ГОДА: ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

...Нелегко было вживаться в, казалось бы, знакомый город после многолетнего отсутствия — всё вроде на месте, всё узнаваемо и предсказуемо. И тем не менее внимательный взгляд не мог не отметить разницы между Каракасом начала 1980-х годов — ярким, празднично-беззаботным, космополитичным, и Каракасом, перешагнувшим в третье тысячелетие, — обрушившим на тебя беспокойно-тревожные противоречивые впечатления.

По всему городу шла «война» граффити: надписи «за» и «против» Чавеса. Уличные разговоры тоже были о нём, то и дело слышалось: Чавес, Чавес, Чавес... Наверное, иначе и быть не могло: в Венесуэле шла эпоха радикальных реформ, провозглашённых Чавесом под именем «мирной Боливарианской революции». Но такая ли она была мирная? Президентский дворец Мирафлорес окружали проволочные ограждения. По его периметру передвигались военные и полицейские патрули, которые напоминали о недавней попытке государственного переворота.

Венесуэльская столица показалась мне неухоженной и сиротливой: поблёкшие стены строений, пустыри с замершими кранами и экскаваторами, горы неубранного мусора на улицах. Я не увидел ни одного нового здания «общественного назначения». Старые — Театр Тересы Карреньо, Атенео, Культурный центр Ромуло Гальегоса, музеи и библиотеки — выглядели так, словно пережили затяжную блокаду. Пожалуй, прибавилось зданий всяких банков и

международных компаний, которые, будто памятники годам неолиберальных реформ и несбывшимся надеждам на сказочное обогащение, сконцентрировались в восточной части города.

Автотрасса имени Ромуло Бетанкура, которую с помпой начинали прокладывать на восток от Каракаса в начале 1980-х годов, так и застряла на первых десяти километрах. Финансирование на её строительство последними правительствами Четвёртой республики (Венесуэльские историки условно делят республиканскую историю Венесуэлы на пять периодов. Первая республика (1810-1812) возникла после провозглашения независимости Венесуэлы в 1810 году. Через два года испанская корона восстановила свой контроль над страной. Существование Второй и Третьей республик (1813-1814, 1817-1819) было тесно связано с освободительной эпопеей Симона Боливара. Четвёртая республика охватывает период с 1830-го по декабрь 1999 года, причём в рамках её существования особо выделяется так называемая «демократическая эра» 1958-1999 годов, когда страной после заключения Пакта Пунто-Фихо правили исключительно две буржуазно-демократические партии: Acción Democrática (Демократическое действие, AD) — социалдемократы, и COPEI (Comite de Organization Politico Electoral Independiente) — социал-христиане. Пятая республика повела свой отсчёт с 15 декабря 1999 года, когда была принята новая Боливарианская конституция.) выделялось, но под разными предлогами разворачивалось. Чавесу в первые годы правления было не до автотрассы. В стране шла борьба за власть.

Облик столицы в 2002 году определяли уличные торговцы — *vihoneros*, оккупировавшие улицы. Пёстрые шатры, лотки, импровизированные киоски, товары, разложенные прямо на асфальте и некогда ухоженных газонах, — от всего этого рябило в глазах, и у

стороннего наблюдателя создавалось впечатление, что бесцеремонно-шумный табор расположился в Каракасе надолго, игнорируя запретительные постановления властей. Терпимое отношение городского начальства к «буонерос» объяснялось тем, что уличная торговля (иначе — неформальная занятость!) позволяла смягчить безработицу, уровень которой достигал тогда 20 процентов трудоспособного населения.

Нашествия «буонерос» в центральной части города избежала только площадь Боливара, на которую выходят окна муниципалитета, старого здания МИД и кафедрального собора. Но и без торговцев площадь была полна людьми: самодеятельными политическими ораторами, страстными интерпретаторами Библии, скупщиками золота и распространителями революционной литературы. Старики-пенсионеры на скамеечках обсуждали текущие события. Им было о чём поговорить: политический пульс Венесуэлы в те дни частил как у загулявшего гипертоника.

Бульвар Сабана-Гранде, пешеходная зона протяжённостью километра в три, где когда-то отдыхала «приличная публика», прогуливались дамы с собачками, стайки туристов всматривались в роскошные витрины, солидные рестораны заманивали клиентов ароматами итальянской, французской и «креольской» кухонь, тоже был превращён в скопище уличных торговцев. Не менее трёх тысяч киосков плотно заполнили пространство бульвара: ни прогуляться, ни отыскать захиревшие или вовсе исчезнувшие когда-то модные бутики. Товар, которым торговали «буонерос», очень напоминал то, что продаётся покупателям на российских товарных рынках. Интернационал ширпотреба, пиратской продукции, суррогатов и подделок модных торговых марок. Потом мне довелось наблюдать, как нелегко пришлось избавляться от этого неолиберального наследия. Только к лету 2006 года

улицы Каракаса, да и других городов страны, были очищены от «стихийной торговли».

Площадь Чакаито, восточная оконечность бульвара Саба-на-Гранде, стала рубежом, который «табор буонерос» не смог преодолеть. Там, где расположен памятник кубинскому революционеру Хосе Марти, проходит условная «политическая граница» между западной и восточной частями города, граница противостояния, которое в начале 2000-х годов определяло всю внутреннюю жизнь Венесуэлы. На западе доминировали сторонники президента Чавеса, на востоке — оппозиция, хотя «анклавов» иной тенденции по обеим сторонам «линии разграничения» было более чем достаточно.

Из-за массивной обработки средствами массовой информации обитатели столицы были политизированы до предела. Манифестации, «перекрытия» дорог, ночные протестные бдения со свечами, мотоциклетные рейды во «вражеские тылы», подбрасывание шумовых взрывпакетов, «касероласо» — негодующее битье по сковородкам и кастрюлькам, — всё это затрудняло передвижение по Каракасу. Открывая утренние газеты, первым делом приходилось смотреть, где, когда и по каким маршрутам будут двигаться манифестации, иначе легко было попасть в многочасовую пробку или, не дай бог, в потасовку между чавистами и оппозиционерами. Такой меня встретила столица Венесуэлы летом 2002 года.

Иностранцу, приезжающему на работу в Каракас, приходится порядком поехать, чтобы выбрать подходящее «местожительство». В 1980-е годы наиболее спокойным и привлекательным для иностранцев районом города была Флорида, с элегантными кинтами (коттеджами) и многоэтажными домами, которые поражали модернистскими зеркально-бетонными линиями и плоскостями. Над тихими

улицами нависал плотный зелёный шатёр, спасавший от палящего солнца и внезапных ливней.

На четвёртом году революции желающих селиться в районе Флориды стало меньше. С нашествием на близлежащий бульвар Сабана-Гранде уличной торговли в районе заметно подрос уровень преступности. Поэтому здесь исчезли многие магазины, закрылись или понизили свой класс рестораны и кафе, а по периметру жилых домов были возведены каменные ограждения с колючей проволокой и будками охранников. На окнах квартир до третьего-четвёртого этажей появились решётки, а проезды на подземные автостоянки стали контролироваться телекамерами. Казалось, район перешёл на осадное положение. И не только этот.

Наиболее безопасными стали те районы, что расположены на возвышенностях. «Urbanizaciones» — так называются эти жилые зоны, своего рода белокаменные крепости-кондоминиумы, добраться до которых можно только по извилистым дорогам под неусыпным контролем полиции и частных охранных служб.

В дни острой, к счастью, словесной, конфронтации между чавистами и оппозицией в горных кондоминиумах жильцы несли ночные дежурства, строили баррикады, создавали запасы продуктов и питьевой воды на случай нашествия «чавистских орд». Муниципальные и домовые активисты рекомендовали жильцам вооружаться. Конечно, чависты и не помышляли об атаках на «urbanizaciones», но лидеры оппозиции считали, что страх — наилучшее средство для консолидации «сил сопротивления».

В горах, может, и безопаснее, но для размещения корпункта они не годились. Исходя из прошлого опыта, место для корпункта было выбрано в Чакао, почти у символической границы гражданского противостояния, то есть — в центре событий. В Чакао заправляла

оппозиция. На поддержание порядка средств не жалели: повсюду пункты муниципальной полиции, патрули, охрана в штатском. Безопаснее места не найти.

Как оказалось, самым сложным за время моей журналистской работы в Венесуэле было сохранение «нейтралитета» по отношению к противоборствующим сторонам — чавистам и оппозиции. И те и другие ревниво относились к проявлениям симпатии к «противнику» и если уличали или даже подозревали тебя в этом, то поддержание нормальных рабочих и тем более дружеских связей становилось невозможным.

Моё первоначальное непонимание всей глубины раскола в венесуэльском обществе привело к тому, что я растерял многих хороших знакомых по первой командировке в страну — от политиков и журналистов до тех, с кем поддерживал отношения бытового характера. Больше всего, конечно, меня поразила смена политических убеждений у тех, кого я считал безоговорочно «левыми».

Милейшая Алехандра, прежде лечившая зубы руководству компартии и рядовым пролетариям, во время первой же встречи заявила мне о своём категорическом неприятии «боливарианского режима» и желании ещё активнее бороться с ним. Мои наивные попытки сказать что-то в пользу «режима», хотя бы его очевидных стремлений решить неотложные социальные проблемы, были восприняты Алехандрой как недопустимая ересь.

«Как ты не понимаешь, что всё это демагогия и самореклама!» — с гневом воскликнула она.

Венесуэльский директор бюро АПН Аугусто, который когда-то распространял советские информационно-пропагандистские материалы и был награждён орденом «Знак Почёта» за многолетнюю работу на этой ниве, тоже сменил ориентиры и возглавил международный

отдел в газете «Расон». Теперь он разоблачал «порочный курс» Чавеса на сближение с Кубой, Китаем и Россией и критиковал «популистские режимы», используя «вспомогательные бюллетени» из атташата по печати посольства США. Я себе и представить не мог в 1980-е годы, что *camarada Augusto*, рекомендованный на работу в АПН компартией, претерпит подобную трансформацию.

Безоговорочную непримиримость к Чавесу проявляли практически все венесуэльцы из лагеря оппозиции. Резкость их оценок словно побуждала продемонстрировать собственную позицию: а ты — на чьей стороне? Что скажешь об этом «чокнутом», этой «горилле», этом «солдафоне»? На первых порах подобные вопросы шокировали, ставили в тупик. Отвечать приходилось уклончиво: только что приехал, не разобрался в ситуации.

Как правило, собеседник, не откладывая дела в долгий ящик, тут же пытался «открыть глаза» наивному иностранцу на подлинную сущность Чавеса, его далекоидущие планы по превращению страны в коммунистического сателлита Кубы, оплот арабских террористов и наркокартелей. Много таких «просветительских» лекций пришлось мне выслушать с непроницаемым выражением лица. Стоит ли возражать, когда твои аргументы заведомо не хотят воспринимать? Не меньшая политическая осторожность требовалась и в общении с чавистами любого служебного веса и влияния. Повышенную бдительность надо было проявлять к используемой лексике. К примеру, для сторонников Уго Чавеса употребление слова «режим» для обозначения боливарианского правительства однозначно свидетельствовало о «контрреволюционности» того, кто его произнёс. И это понятно: лидеры оппозиции с подчёркнутым остервенением произносили слово «*r-r-r-r-gimen*», а

оппозиционные СМИ круглосуточно вбивали в подсознание венесуэльцев, что идеологией «р-р-режима» является «кастрокоммунизм», а его конечной целью — «кровавая тирания».

Свобода слова и все другие свободы гарантированы Боливарианской конституцией. Оппозиция пользовалась этим на всю катушку. Каких только «сильных» выражений не звучало (и звучит до сих пор) из её рядов в адрес «р-р-режима» и его лидеров, и всё это без каких-либо последствий.

«Досье» на Чавеса я стал собирать с первых дней пребывания в Венесуэле. Архив быстро пополнялся. Чавес был многоречив, мобилен и динамичен. В его безразмерную повестку входили встречи, поездки, совещания, торжественные церемонии по разному поводу. Он был вездесущ в Венесуэле и, в не меньшей степени, — на международной арене. Бывший бразильский президент Инасио Лула да Силва говорил, что ему и другим латиноамериканским руководителям было трудно угнаться за Чавесом, ведь «он в политике, как гонщик “Формулы-1”».

Расшифровывая «феномен Чавеса», я старался не пропускать его пресс-конференции в президентском дворце Мирафлорес. Больше всего, конечно, запомнился Чавес на самой первой пресс-конференции, на которой я побывал. За два часа до её начала в компании коллег-журналистов разных стран я прошёл через стальную калитку на территорию президентского дворца. Потом последовали процедура регистрации, проверка фотоаппаратуры, содержания карманов «на металл». Сотрудники охраны отводили журналистов небольшими группами в Зал Айякучо. Потянулись минуты ожидания. Журналистская братия подкреплялась бутербродами, кофе и апельсиновым соком.

На невысоком подиуме появился помощник Чавеса, разложил на столе папки с документами, какие-то бумаги, стопку книг, поставил карандашницу с ручками и цветными фломастерами. Потом посмотрел по сторонам, обратил внимание, что портрет Либертадора Симона Боливара на стене чуть покосился, и попросил охранника поправить его. Именно этот портрет был сослан заговорщиками в тёмный чулан в быстротечные часы их торжества, когда казалось, что Чавес — навсегда перевёрнутая страница венесуэльской истории. Портрет Боливара был «репрессирован» за то, что слишком часто появлялся на официальных снимках президента и в восприятии венесуэльцев ассоциировался только с ним.

Чавес возник на сцене внезапно, дружески помахал рукой залу и деловито, по-хозяйски, устроился за столом. Вот он какой: крепко сколоченная фигура, крупное смуглое лицо с индейскими и негритянскими чертами, по-армейски коротко подстриженные чёрные волосы без признаков седины, подкупающе открытая улыбка. От президента веяло душевным и физическим здоровьем, уверенностью, внутренним спокойствием. Наверное, не только мне показалось, что его аура, тёплая и умиротворяющая, как Карибское море, заполнила пространство Зала Айякучо. Мои соседи радостно оживились и дружно защёлкали затворами фотоаппаратов. Чавес не торопился начинать пресс-конференцию и всем своим видом, даже тем, как он поправлял папки на столе, показывал: у меня всё в норме, я восстановился после тяжёлых испытаний в дни переворота, никуда не тороплюсь и намерен общаться со всеми вами долго и обстоятельно...

Бблыиюю часть той пресс-конференции Чавес посвятил анализу апрельских событий. Временами казалось, что президент излагает по памяти, близко к тексту, отрывки из своих ещё ненаписанных мемуаров.

Этот отстранённый взгляд Чавеса на самого себя поразил меня тогда больше всего. Откуда эта отстранённость? Может быть, венесуэльский лидер, человек прагматичный, цепкий, богато одарённый от природы, порой и сам не без изумления (как бы со стороны) созерцал самого себя, хитросплетения своей жизни, её кризисные и взлётные моменты? Ведомый некоей высшей волей, он продвигался всё дальше по незавершённым линиям судьбы, не задерживаясь надолго на промежуточных остановках. Всякий раз он ставил перед собой всё более труднодостижимые задачи и с фаталистическим упорством добивался их решения.

Слушая Чавеса, я раз и навсегда убедился, что он использовал свой ораторский дар как мощное диалектическое оружие убеждения, пропаганды и контрпропаганды. Его речь была проста, доходчива, эмоциональна, вызывала прочный контакт со слушателями. Чавес интуитивно ощущал тот момент, когда аудитория начинала уставать, и несколькими фразами, какой-либо побочной историей или забавным случаем давал слушателям возможность разрядиться, отдохнуть. Поневоле вспоминались слова одного венесуэльского психолога, постоянно пишущего о Чавесе и зарабатывающего этим на хлеб насущный, который назвал президента «мастером создания эмоциональных зигзагов» и наведения «мостов солидарности» с аудиторией. В Зале Айякучо возникли эмоциональные зигзаги и протянулись прочные мосты солидарности.

В букинистическом магазине «Pulperia de Libros» я познакомился с его владельцем Рафаэлем Кастельяносом, доктором философских и филологических наук. Он сказал, что ведёт учёт книжных публикаций, посвящённых Уго Чавесу, и после того, как количество «контрольных карточек»

перевалило за две тысячи, издал результаты своих кропотливых поисков отдельной брошюрой. Дон Рафаэль вручил мне книжечку со словами: «С тиражом я не угадал. Брошюра предназначалась для историков и библиографов. Но спрос на неё оказался таким, что придётся делать новое издание, дополненное. Книги о Чавесе выходят почти ежедневно. Интерес к нему глобальный!» Дон Рафаэль отозвался о Чавесе с уважением, назвал его главным читателем и библиофилом Венесуэлы. И в самом деле, на свои воскресные телепередачи «Алло, президент!» Чавес всегда приносил стопку книг, чтобы подкрепить цитатой ту или иную злободневную тему, указать на предвзятость и недобросовестность буржуазных учёных в интерпретации событий прошлого, поделиться впечатлениями о прочитанном. После выступлений президента обязательно вспыхивал книжный бум: за названными им книгами охотились соратники (ещё бы, рекомендовал сам президент!) и, разумеется, оппоненты, чтобы камня на камне не оставить от того, что сказал «ненавистный узурпатор власти».

Заметив мой интерес к личности Чавеса, дон Рафаэль как бы невзначай спросил: «Все иностранные журналисты, которые ко мне заглядывают, пишут или собираются писать книги о нашем президенте. А как ты?» Я отшутился, сказал букинисту, что не хочу проблем с российскими олигархами, для которых Чавес является зловещим символом возрождения социализма. К тому же Чавес не раз говорил, что «капитализм — это дерьмо». Дон Рафаэль понимающе покивал головой. Но его вопрос заставил меня задуматься. В самом деле, заинтересует ли российского читателя книга о революционере Чавесе? Не слишком ли далёк этот, безусловно, яркий латиноамериканский политик от повседневных забот и интересов россиян, которые по горло сыты всеми обрушившимися на них революциями

и реформами? В тот же день на приёме в посольстве России мне снова пришлось говорить на эту тему с коллегой-журналистом, приехавшим в Венесуэлу полгода назад. Мой друг был явно озадачен указанием, которое поступило к нему из московской редакции по электронной почте: «Через пресс-секретаря Чавеса проработайте вопрос об издании книги о президенте на русском языке. На реализацию проекта, включающего подготовку текста, венесуэльская сторона должна перечислить на наш счет 200 тысяч долларов».

— Ты можешь представить себе реакцию венесуэльцев, если я сунусь с таким предложением? — спросил коллега.

— Легко, — ответил я. — В лучшем случае они укажут тебе на дверь. В худшем сочтут за наглого мошенника, решившего залезть в президентскую кассу. Могут и аккредитации лишить.

— Вот именно, рисковать не стоит. Так и отвечу, венесуэльская сторона в реализации проекта не заинтересована.

Глава 3

ВЕНЕСУЭЛЬЦЫ ТАКИЕ, КАКИЕ ОНИ ЕСТЬ

«Плохо это или хорошо, но свой “Чавес” живёт внутри каждого венесуэльца», «Чавес — это, в принципе, типичный венесуэлец, но в предельно сконденсированном виде», «в Чавесе воплотилось самое хорошее и самое отрицательное, что есть в венесуэльском народе» — такого рода обобщения мне приходилось слышать от самих венесуэльцев.

Появление Чавеса как лидера-реформатора Венесуэлы было исторически оправданным и своевременным. У страны в годы Четвёртой республики был свой период «застоя», который возник в результате загнивания и возраставшего самодовольства власти, считавшей себя образцово-демократической.

Моя первая командировка в эту страну прилась как раз на такой период. Страной правил Хайме Лусинчи, вернее — его личный секретарь и любовница — Бланка Ибаньес, сорокалетняя дама, решившая воспользоваться главным шансом своей жизни, чтобы обеспечить себе безбедное будущее. Она взяла в свои руки распределение государственных заказов, получала комиссионные «за содействие» в сделках предпринимателей и банкиров и не безвозмездно «ускоряла» продвижение военных по служебной лестнице.

В Четвёртой республике внешне все демократические ритуалы подчёркнуто соблюдались. Избирательные кампании проходили каждые четыре года, но очередным президентом непременно становился кандидат одной из двух ведущих партий —

левоцентристской Action Democratica (социал-демократы) или правоцентристской COPEI (социал-христиане). Конкуренцию в этих партиях не опасались. Бюллетени, которые подавались за кандидатов «со стороны», учитывались не все, чтобы не создавать напрасных иллюзий у протестного электората. По согласованным квотам распределялись посты в государственном аппарате, очередной президент произносил тронную речь о назревшей необходимости бороться с безработицей, коррупцией, нищетой, неграмотностью и провалами в системе здравоохранения. Этим, в принципе, всё и ограничивалось. Правящая элита процветала и жировала, жёстко подавляя попытки модернизации политической системы и экономики страны.

Победоносное шествие по миру неолиберальной доктрины и политика приватизации государственной собственности были восприняты венесуэльской правящей элитой на ура. Президент Карлос Андрес Перес (социал-демократ) (Карлос Андрес Перес Родригес (1922-2010) — в 1941 году участвовал в создании партии Action Democratica (AD). Занимался подпольной политической деятельностью. В 1948 году после военного переворота был арестован, выслан из страны. В 1959-1963 годах был последовательно генеральным директором МВД и министром МВД. В 1974-1979 и 1988-1992 годах — президент Венесуэлы.), победивший на выборах в декабре 1988 года под лозунгами проведения справедливой социальной политики и искоренения коррупции, в считанные дни совершил поворот на 180 градусов и, следуя рекомендациям МВФ, объявил о проведении «пакета реформ» неолиберального толка. Резко подскочила цена на бензин, выросли транспортные тарифы, вздорожали продовольственные товары. Инфляция побила все рекорды.

«Смена курса» и «шоковая терапия» вызвали в столице и провинции народные волнения, которые неолиберальное правительство безжалостно подавило. Тогда, в конце февраля 1989 года, силами правопорядка было убито не менее трёх тысяч человек. Официально было признано не более трёхсот погибших, все остальные жертвы были захоронены тайком. Репрессии подобного рода в Венесуэле никогда не проходили безнаказанно для правителей. Президент Перес расстрелом народа подписал смертный приговор Четвёртой республике и своему политическому будущему.

В тот кризисный период офицер Уго Чавес Фриас, который уже вёл незаметную конспиративную работу в рядах армии, окончательно понял, что стоит на правильном пути. Конец Четвёртой республики всё ближе. К власти должны прийти революционеры-патриоты, члены конспиративных групп в армии и их сторонники из левых партий.

Далеко не все заговорщики в погонах считали допустимыми связи с «левомарксистскими элементами». Сказывалась многолетняя пропагандистская обработка военных Латинской Америки инструкторами Пентагона, чьи установки были категоричны: армия должна стать щитом от проникновения «экзотических идеологий», то есть марксизма, геваризма, маоизма и т. д. Поэтому в близком окружении Чавеса мало кто знал о его контактах с руководителями левых нелегальных организаций.

В радикальной оппозиции к боливарианскому «режиму» Чавеса находилось приблизительно 30–35 процентов электората. Эта цифра почти не менялась. Иногда по каким-то отдельным вопросам число противников увеличивалось. Или наоборот.

Особую активность в противостоянии Чавесу и его реформам проявляла самая состоятельная часть среднего класса. В буквальном смысле — им было, что терять и что отстаивать. Классовая смычка, защита привилегий, приобретённых в годы Четвёртой республики, принципиальное неприятие того, что надо чем-то «делиться» с социально обделёнными венесуэльцами, потребовавшими равноправного участия в руководстве страной, — всё это поддерживало «идеологию нетерпимости» правых радикалов, цементировало их оппозиционность и побуждало к экстремизму. В Венесуэле за такими закрепилось прозвище «borregos escualidos», означающее в переводе что-то вроде «отбросов старого мира». У кубинцев эквивалент этому — «гусанос», у чилийцев — «мумии», у никарагуанцев — «контрас». Когда-то, ещё до начала массовых антиправительственных демонстраций 2002 года, Чавес назвал оппозицию «escualida» (тощая, хилая), намекая на её малочисленность. Тогда постучать по кастрюлям выходила пара сотен состоятельных домохозяек. Потом, когда античавистские митинги стали собирать тысячи и десятки тысяч людей, сами оппозиционеры стали так себя называть, как бы подчёркивая, что насмешка Чавеса устарела. И эмблему себе придумали — нечто среднее между акулой и осьминогом. Люди, надевающие рубашки с этим рисунком, во-первых, обладают своеобразным чувством юмора, а во-вторых, без обиняков заявляют: «Нам с этим режимом не по пути»...

Нет ничего удивительного, что средний класс, прежде всего его молодое поколение, является основным поставщиком кадров для формирования организаций по образцу чилийской «Патрии и Либертад». Они имеют другие, внешне невинные названия, маскируются иногда под

«неправительственные организации» (НПО). Для них Чавес был главной помехой на пути реставрации порядков Четвёртой республики, казавшихся им идиллическими, единственно приемлемыми. Поэтому лозунг «escualidos» был неизменен: любой ценой убрать Чавеса! Если его сторонники будут настаивать на своих «правах», их надлежит загнать пулями туда, откуда они пришли, на склоны гор, в ранчос(Rancho (исп.) — «ранчо» в Венесуэле — это убогий самострой на «невостребованных» горных склонах и пустырях; то же, что фавелы в Бразилии.), в пояса бедноты! Политтехнологи из команды Чавеса предупреждали его о необходимости диалога со средним классом, иначе деструктивные процессы будут постепенно подтачивать устои боливарианской власти. Президент понимал сложность ситуации. Он не раз примирительно протягивал руку традиционным оппонентам, предлагая сотрудничество на благо страны. В привилегированных районах крупных городов появились организационные ячейки движения «Средний класс вместе с Чавесом». Социальные миссии боливарианцев учитывали интересы и среднего класса — строительство льготного жилья, качественное улучшение системы здравоохранения, бесплатное высшее образование, разнообразные программы обучения молодёжи за рубежом с предоставлением щедрых государственных стипендий и т. д.

Казалось бы, надо соглашаться на диалог, пожать протянутую президентом руку, отказаться от силовых схем сопротивления, добиваться компромиссов в конституционных рамках. Но оппоненты упёрлись намертво: с «диктатором» — никаких переговоров! Возвращение всей полноты утраченной власти — вот их главная задача. Самые нетерпеливые представители среднего класса предпочли уехать, чтобы переждать «лихую годину чавизма» за рубежом. Их никто не

тревожил и не беспокоил в Венесуэле, они могли спокойно жить и работать, однако «эмоциональное» несогласие с боливарианскими реформами побудило их эмигрировать. Они называли себя «политическими беженцами», что не соответствовало действительности. Это всего лишь каприз взрослых людей: Чавес порождал у них высокие децибелы внутреннего рефлекторного беспокойства, когда он рядом — комфортная жизнь невозможна! Отказ оппозиции от диалога побудил Чавеса формировать свой «боливарианский» средний класс в качестве нейтрализующего противовеса тем четырём-пяти миллионам, которые относят себя к «традиционному» среднему классу. Возможна ли подобная «социальная инженерия»? Вполне, если вспомнить о программах правительства Чавеса по повышению уровня жизни венесуэльцев из поясов бедноты, их обучению в системе среднего и высшего образования с достаточными стипендиями, трудоустройству на прежде недоступные привилегированные места, в том числе в управленческом аппарате.

Средний возраст венесуэльцев — 25 лет. Количественно доминирующая молодёжь из бедняцких слоёв всё напористее защищает свои экономические и политические права, и боливарианское правительство целенаправленно поддерживает её амбиции, особенно по приобретению более высокого социального статуса. По данным венесуэльской службы опросов Datanalisis, объективность которой не раз подтверждалась, более 80 процентов венесуэльцев считают идеальным уровень жизни, характерный для нынешнего среднего класса.

В чём он заключается в контексте венесуэльских реалий? Во-первых, это получение хорошо оплачиваемой работы; во-вторых, возможность приобретения достойного жилья; в-третьих, покупка одной-двух автомашин для обеспечения транспортной

независимости членов семьи. К этим запросам относятся также перспектива «передачи» статуса среднего класса следующему поколению, широкая гамма гарантированных социальных выплат, «домик для отдыха» на морском побережье, возможность ежегодных туристических поездок за рубеж и т. д. «Мы живём в богатой нефтяной стране, нефть принадлежит всем венесуэльцам, а потому и привилегии должны быть не для избранных, а для всех» — у венесуэльцев никогда не было разногласий по поводу справедливого распределения нефтяных доходов.

Когда Чавес заявил однажды, что «быть богатым это плохо», с ним не согласилась большая часть венесуэльцев. Для них аксиомой является другая формула: «Быть богатым — это хорошо». Тем не менее о росте покупательной способности венесуэльцев Чавес всегда говорил как о реальном достижении его правительства: «Деньги на достойную жизнь есть у всех».

Действительно, по мере укрепления Боливарианской революции в стране начал нарастать бум потребительства. За автомобилями, в том числе и дорогими, выстраивались очереди. Рестораны были переполнены. Ювелирные магазины никогда не продавали столько украшений, как при Чавесе. Даже убеждённые чависты полюбили отдых в Соединённых Штатах: разве не замечательно отдохнуть на пляжах Флориды и Калифорнии, пофланировать по Бродвею, прикоснуться к «американскому образу жизни»? Чавес назвал этот феномен «лакейской традицией», унаследованной от Четвёртой республики.

В 1970—1990-е годы Майами было излюбленным местом отдыха состоятельных венесуэльцев. Роскошные пляжи, весёлая ночная жизнь, бесконечная череда модных магазинов. Денежные визитёры из Венесуэлы были предпочтительными клиентами, их и

прозвали соответственно — «dame dos», то есть — «продай мне парочку». В XXI столетии маршрут на Майами остаётся самым оживлённым, несмотря на антиамериканскую риторику боливарианцев. Примечательно то, что в салонах «боингов», стартующих в логово империализма каждые полчаса, состав пассажиров заметно демократизировался. Пожалуй, чавистов среди них не меньше, чем оппозиционеров. Первое время, когда боливарианский туризм только набирал силу, противники Чавеса нередко вступали в рукопашные бои с его сторонниками на высоте девять тысяч метров над акваторией Карибского моря. Эти эксцессы вскоре заглохли. Венесуэльцу, каких бы убеждений он ни придерживался, не запретишь жить красиво и со вкусом. Поэтому в Майами сейчас всё чаще можно услышать: «dame tres», а то и — «dame cuatro». Понятное дело, если вещь понравилась, надо купить её не только себе, но и любимым родственникам.

На эту укоренившуюся американизацию Венесуэлы как-то указал в беседе с Чавесом бразилец Инасио Лула да Силва, шутливо заметив: «Мы — настоящие латиноамериканцы, наш национальный спорт — футбол, а не бейсбол». Лула попал не в бровь, а в глаз: внедрение бейсбола в венесуэльскую среду началось с прибытием в страну американских нефтяных компаний

Американские стереотипы потребления и образа жизни, новейшие модели автомашин «made in USA», получение образования в университетах США, культурный «багаж» в параметрах досконального знания голливудской продукции — это и многое другое было так прочно привито среднему классу Венесуэлы, что для таких «перерожденцев» в патриотических кругах страны родилось презрительное обозначение — «питиянки».

Перефразируя русскую поговорку, можно сказать, «поскреби венесуэльца и почти наверняка обнаружишь в нём что-то от янки».

Возникает вопрос: почему за годы интенсивной критики Чавесом Империи и *american way of life* не удалось изжить «лакейские традиции»? Неужели столетие неокOLONиальной зависимости от Соединённых Штатов привело к необратимой мутации национального характера венесуэльцев? Ослабленное национальное чувство венесуэльцев беспокоило Чавеса. Как противостоять Соединённым Штатам, если значительная часть венесуэльского общества — тот же средний класс — не культивирует в себе национальных идеалов, любви к истории Венесуэлы, её героям. *Apatridas* — денационализированные — называл их в своих речах Чавес. Люди без родины.

Чтобы в корне изменить ситуацию, в некоторых высших учебных заведениях при Чавесе был введён специальный курс — *venezolanidad* — «основ принадлежности к венесуэльской нации».

Видный венесуэльский экономист Доминго Альберто Ранхель, некогда пытавшийся стать политическим «ментором» Чавеса (на эту роль претендовали многие), высмеял его утверждения о неминувости агрессии США и призывы к подготовке всенародного сопротивления (См.: *Un antiimperialismo de riga boquilla* // 2001. 30.12.2007.). Ранхель считает, что агрессия «янки» давно состоялась и отразилась на повседневной жизни граждан страны: «После пробуждения обычное занятие каждого венесуэльца бритьё, и используются для этого станки “Жилет” или “Шик”. Других марок на рынке нет. Если вы хотите подстричь бороду, то делаете это ножницами американского изготовления. Усаживаясь за стол, чтобы позавтракать, вы поглощаете арепы из маисовой муки, импортированной из Соединённых Штатов. Если вы предпочитаете

пшеничный хлеб, то в Венесуэле его делают из американских ингредиентов».

По утверждениям Ранхеля, более 50 процентов автопарка Венесуэлы, в том числе госучреждений, имеет «имперское» происхождение — «форды», «шевроле», «крайслеры», «бьюики», «кадиллаки» или «линкольны». Самолёты, тракторы, телевизоры, кондиционеры, радиотехника, модная одежда, медикаменты — всё это и многое другое поступало в страну из США. Вывод экономиста такой: «Об антиимпериализме очень легко вещать с трибуны, когда рядом с ней тебя ожидает “линкольн”, когда ты красуешься в эксклюзивной сорочке, сшитой знаменитым международным кутюрье. И, что гораздо хуже, вещать в стране, где почти все отрасли производства, а также сфера потребления захвачены капиталом, торговыми марками и технологическими процессами, имеющими отношение к Соединённым Штатам». В подобных условиях, писал Ранхель, государственный лидер «не имеет никакого права и морального авторитета говорить плохо об Империи». Надо отметить, что это справедливое замечание при Чавесе быстро устаревало: после бурного 2002 года правительство очень много сделало для развития местной промышленности и особенно сельского хозяйства.

Когда-то Ранхель был революционером и считал своим лозунг Мао «винтовка рождает власть». Неудачи с различными «моделями социализма» сделали его пессимистом и неудержимым критиком подобного рода экспериментов. Когда его увлечение Чавесом прошло, престарелый экономист пользовался любой возможностью для публицистических выстрелов в президента. «Чавес — не революционер», «он ничем не затронул капитализм в стране», «Чавес лояльно относится к западным нефтяным компаниям», «Чавес

старательно исполняет договорённости о поставках нефти в США», «Чавес — ловкий демагог» — это обычные тезисы в статьях Ранхеля.

Их содержание, конечно, не доставляло удовольствия Чавесу, но он всегда (!) с максимальной корректностью говорил о Ранхеле, и если был повод, с похвалой отзывался о его книгах на темы венесуэльской истории. Это было замечено журналистами: «Господин Ранхель, как вы можете выступать с такой безжалостной и часто несправедливой критикой Чавеса, когда он не сказал о вас ни одного враждебного слова?» Экономист ответил недрогнувшим голосом: «Я считаю президента своим другом и уверен, что и он относится ко мне аналогичным образом». Вот такая специфическая дружба...

Доминго Ранхель без оглядки на авторитеты резал правдуматку, занимаясь тем, чему, в принципе, посвятил всю свою жизнь — критиковать и не соглашаться. Его книга мемуаров так и называется «Восставший против всего». Для большей части венесуэльцев тем не менее характерен конформизм. Соглашаться с властью, поддакивать, не перечить до тех пор, пока она не затрагивает твоих непосредственных интересов, твоего комфорта, спокойного образа жизни, миролюбивой созерцательности, унаследованной от далёких индейских предков.

Главная мудрость, которую венесуэльские родители передают своим детям: «Не встревай в чужие дела, не осложняй свою жизнь!» Бесконфликтное существование — вот что больше всего ценит венесуэлец. Пассивность, возведённая в принцип: я тебя не трогаю, и ты меня не тронь! Он терпит до последней возможности, если надо отстаивать свои права «в индивидуальном порядке». Воля и импульс к действию появляются тогда, когда вокруг него встают стеной другие обиженные и

ущемлённые, чаще всего — низкой зарплатой и недостаточными социальными льготами. Венесуэлец, растворившись в толпе, начинает энергично возмущаться и протестовать, чтобы надавить на работодателя, «равнодушного к чаяниям трудящихся», или на не менее «равнодушную» власть. В лексиконе венесуэльцев есть даже слово, которым обозначается такая «группа давления», — «сауара», «коллективно давить» — «сауареаг».

Для венесуэльца достижение материального благополучия — показатель успешной самореализации. Публичная демонстрация нажитого — обязательный ритуал. Показать себя в дорогом «прикиде», сфотографироваться на фоне фешенебельной виллы, промчаться в автомашине новейшей модели, засветиться в самых престижных ресторанах — от такого соблазна венесуэльцу не удержаться, тем более коль «ты был ничем, а стал всем». Не менее важно для венесуэльца, независимо от способностей и компетенции, занять такую должность, чтобы руководить, но не нести ответственности за результаты работы. Значимая должность — это статус, авторитет, внимание СМИ, ступенька для дальнейшей карьеры. В Латинской Америке популярна пословица — «слишком много касиков(Casique (исп.) — вождь племени.) и мало индейцев». В Венесуэле она звучит особенно актуально. Руководить хотят все, желающих быть «просто индейцами» не найти.

С каким ощущением собственной значимости современный casique формирует вокруг себя свиту, свой бюрократический аппарат! Словесная борьба с nepотизмом шла при всех президентах, на практике назначение родственников на тёплые места имеет неборимую традицию. Неведомо откуда возникают многочисленные «друзья», претендующие на свою долю влияния и благ при дворе успешного casique. Если

самому не удалось добиться завидного места, то в тени *casique* можно неплохо жить и процветать. Такие «друзья» умело мимикрируют при любых режимах, они берут всё от жизни и в боливарианскую эпоху Многого для этого не надо: заучить несколько ударных фраз из Чавеса и Боливара и иметь красную рубашку на случай манифестаций и маршей в поддержку революции. Когда о таких псевдоchauвистах с откровенным презрением сказал известный телеобозреватель Национального канала Вальтер Мартинес, его на следующий же день отстранили от эфира. Это было сделано по прямому распоряжению Чавеса: подобные заявления подрывают мораль боливарианского движения! Родственные связи в Венесуэле значат больше, чем революционные. Поэтому, каким бы антиchauвистом и «контрой» ни был племянник, двоюродный брат, дядя и прочие из семейного клана, ты не можешь оставить без внимания их просьбы о помощи в трудоустройстве. Когда-нибудь ты перестанешь быть *casique*, и тогда в аналогичной ситуации родственник тебе поможет. Так неумолимо киль революционного корабля обрастал ракушками, замедляя его прорыв к сияющему социалистическому горизонту.

Само собой разумеется, в боливарианских СМИ появлялись негодующие письма простых chauвистов о засилье контрреволюционеров в государственном аппарате, а также в управлении нефтяной госкорпорации PDVSA, в армии, в Национальной ассамблее, то есть — везде и всюду. Претензии были очевидны: «Эти скрытые “*borregos escualidos*” игнорируют подлинных революционеров, вытесняют их с важных постов, препятствуют прямому доступу к руководителям процесса». Порой раздавались жалобы, что и сам Чавес окружён плотной стеной скрытых саботажников, которые не пропускают к нему «честных

людей», способных открыть ему глаза на подлинную (разумеется, «тревожную», как же ещё) ситуацию в стране.

Истинная революционность — не только готовность к самопожертвованию во имя высокой идеи, но и стремление ежедневно делать что-то полезное на благо страны, города, муниципалитета, улицы, на которой живёшь. Готовы ли были к этому сторонники Чавеса? Невольно вспоминаются многочисленные призывы президента «навести порядок и чистоту» в столице, улицы которой были завалены гниющими горами мусора. Однажды Чавес с горечью сказал: «Каракас вызывает у меня отвращение». Но публичные наказания тогдашнему боливарианскому мэру Баррето вычистить город оказались бесполезными, и Чавес напрямую воззвал к своим сторонникам: «Почему бы всем вместе не выйти на улицы нашей любимой столицы и не вернуть ей прежнюю красоту и блеск? Показать всем пример коллективного, бескорыстного труда на благо общества».

Призыв президента услышан не был. Венесуэльцы не привыкли трудиться бесплатно. Соблюдение чистоты на «ничейной территории» их тем более не волнует, поэтому типичный венесуэлец любого социального статуса не задумывается, если надо избавиться от мусора: он его просто выбросит — на улице, пляже, из окна автомашины, в кинотеатре, в торговом центре.

Есть и более категоричное утверждение. «Мы, венесуэльцы, надо признаться, не любим работать», — сказала однажды с телеэкрана дама-социолог, чем вызвала всеобщую бурю негодования: «антипатриотка»! «космополитка»! «очернительница нации!» «Никто в Латинской Америке не работает так, как мы, венесуэльцы». Уверен, что дама не раз пожалела, что произнесла вслух то, с чем, в принципе, согласны многие её соотечественники, имеющие европейские

корни. Страну поднимали иностранцы, которых массово завозили с конца 40-х годов, и особенно много при диктаторе Пересе Хименесе. Критерий подбора был простой: иностранцы должны владеть полезными для Венесуэлы профессиями. Больше всего в эту страну прибыло итальянцев, испанцев и португальцев.

В хорошо документированной и объективной монографии «Кто мы, венесуэльцы?», автором которой, — подчеркну особо! — является венесуэлец, так сказано о причинах такого отношения к труду: «Тот, кто рождён на нефтяной земле, работать не хочет. Новый типаж уже проник повсюду, он как бы служит, имитируя работу, проводя время за чтением и разговорами. Он непременно отсутствует по понедельникам, прикрывшись медицинской справкой и занимаясь личными делами. Функционер предпочитает частые поездки за рубеж. Уже выработалась антимиораль по отношению к работе. Работает тот, кто хочет сделать приятное начальнику. Работает угодник. Работает одержимый, для которого труд является чем-то вроде наркотика. И, прежде всего, на любом месте работает иностранец, который получает в надёжной валюте гораздо больше, чем в своей стране».

Этот же автор затронул тему венесуэльского среднего класса. Ценность его анализа состоит в том, что он был сделан за долго до прихода Чавеса к власти и не отягощён сегодняшней конфронтационностью.

Каков же он, средний класс Венесуэлы? «Этот класс берёт начало в бедной и суровой среде. Его корни — в небольших селениях или скромных кварталах городов. Сейчас имена его представителей можно найти в телефонных книгах, и их доходы более чем существенны... Они проходят под рубриками: коммерсанты, строители, профессионалы, политики, военные. Все они озабочены деланием денег за короткое время, чтобы приобрести удобное жильё и

обзавестись автомашиной. Они предлагают свои услуги главным образом тем, кто может заплатить за них. И мы видим, как многие профессионалы, позабыв о своих скромных истоках, игнорируют бедняков, к которым они недавно принадлежали.

Профессиональные объединения, так называемые коллегии, эффективно защищают права и привилегии своих членов, но не слишком разворотливы, когда необходимо потребовать качественного уровня обслуживания клиентов или исполнения своих обязанностей. Падение профессионального уровня является следствием тяги к обогащению, царящей в стране. Строители не обладают нужной подготовкой, судьи и адвокаты продажны, хирурги делают ненужные операции. Нефтяной бум развязал погоню за лёгкими деньгами, быстрыми и без каких-либо усилий. Прокуроры и ревизоры тоже захвачены этим потоком, и, кажется, ситуация стала неуправляемой».

Можно только добавить, что за период неолиберальных реформ конца XX века и приватизации стремление к быстрым и лёгким деньгам многократно усилилось.

Воспитание венесуэльцев в духе боливарианского отношения к труду шло медленно и видимых результатов пока не дало.

Стоит сказать и ещё об одной особенности венесуэльцев — их страсти к слухам. По скорости распространения слухов и склонности к этому жанру устного творчества Венесуэла является лидирующей страной Латинской Америки. Эта местная специфика, о которой написаны монографии, нашла отражение в учебных руководствах ЦРУ: необходимо тщательно перепроверять полученную от венесуэльских агентов информацию, поскольку она часто основана на слухах. В каждой газете есть постоянные колонки для таких

«сплетен», авторы которых виртуозно оперируют фактами, «наводя тень на плетень».

При жизни Чавеса для оппозиции страстно желаемым было избавление от него, поэтому в этой теме «слухачи» работали, изоцряясь в фантазии. Сколько раз в доверительной форме знакомые из лагеря оппозиционеров говорили мне: «Теперь точно, Чавесу крышка, всё готово, чтобы свалить его понастоящему». Назначенная дата проходила без последствий, мои друзья не моргнув глазом оптимистично называли другой «точный срок». Слухи сопровождали Чавеса до последней минуты жизни. Весь мир оказался втянутым в вакханалию выдумок и клеветы, когда Чавес тяжело заболел.

Чавес — «венесуэлец в сконденсированном виде» — всегда учитывал особенности национального характера, поэтапно осуществляя свои революционные проекты, выстраивая стратегию и тактику построения нового общества. Он без колебаний маневрировал на венесуэльских политических просторах от станций «Национализм» и «Радикализм» до станций «Троцкизм» и «Марксизм».

Такая идеологическая гибкость долгое время помогала Чавесу руководить «Движением Пятая республика» («Движение Пятая республика» (Movimiento Quinta Republica — MVR) было создано в целях объединения сторонников Чавеса накануне президентских выборов 1998 года. «От имени» ДПР Чавес и был зарегистрирован в качестве кандидата в президенты. До формирования Единой социалистической партии Венесуэлы (PSUV) ДПР являлось главным инструментом политической поддержки Чавеса.) и не конфликтовать с политическими попутчиками. Различные левые тенденции и личные амбиции левых (относительно) политиков мирно уживались под широкой тенью

президентской власти. Но управлять революционным процессом Чавесу с каждым днём было всё сложнее. Сколько партий, столько программ и догматических ограничений. Только попробуешь сделать какой-нибудь шаг, как звучат предостерегающие окрики минипартий: Это оппортунизм! Ревизионизм! Сектантство! Уступка оппозиции! Разнобой политических мнений в типично венесуэльском духе (кто громче крикнет) побудил Чавеса взяться за строительство полноценной партии «под себя». Настоящий Лидер невозможен без исполнительного политического инструмента, связанного тысячами нитей с народными массами...

Глава 4

«БАНДИТ МАЙСАНТА» — НЕУКРОТИМЫЙ ПРЕДОК

Чтобы лучше понять Уго Чавеса, отправимся в штат Баринас, в те края, где прошло его детство. От Каракаса до городка Сабанеты — 600 километров пути, преодолеть их можно за шесть-семь часов: неплохие шоссейные дороги, многочисленные заправочные станции и придорожные закусочные. На алькабалах — полицейских КПП — никто к тебе не пристаёт: в Венесуэле живут самые благожелательные гаишники в мире.

Обширный штат Баринас раскинулся на юго-востоке страны до самой границы с Колумбией. Это — Льянос — венесуэльская степь, но с поправкой на тропики: с круглогодичной жарой, обильными дождями, необыкновенно плодородной землёй. Население штата занято скотоводством и выращиванием сахарного тростника, хлопка. Сугубо крестьянское хозяйство, которое дождь нефтедолларов обошёл стороной.

В Сабанете каждый житель охотно покажет, где находилась «зона обитания клана Чавесов». Деревянно-глиняный домик Росы Инес, любимой бабушки, у которой рос Уго, снесён, и небольшой земельный участок на углу двух улиц — Байон и 11-й — долгое время был засыпан щебёнкой. Это строение могло быть главной исторической реликвией в городе: в нём прошло детство популярного президента. В любой стране подобные места становятся культовыми, посещаются туристами, дают возможность зарабатывать деньги в местный бюджет. И на тебе — пустырь, хрустящая щебёнка под ногами, ободранные

стены невзрачных построек вокруг. Лишь незадолго до смерти Команданте здесь построили детский сад.

— Почему снесли домик Чавеса? — спросил я у женщины, сгучавшей в дверях овощной лавки близ пустыря.

— Он был такой некрасивый, так портил вид, что в муниципалитете решили его снести. Говорят, с согласия президента.

— Наверное, на домик покушались, — предположил я. — Пытались разрушить или сжечь? Собеседница неопределённо качнула головой, не промолвив и слова. Понять её было можно. Мало ли с какой целью задаёт иностранец свои вопросы.

В одноэтажном доме родителей Чавеса, который находится по соседству, сегодня располагается местное отделение Единой социалистической партии, «партии президента». На внешней стене дома художник изобразил оптимистично улыбающегося Чавеса.

Было бы преувеличением назвать Сабанету — родину народного президента — симпатичным провинциальным городком. Это такой же городок, каких сотни в Венесуэле. На главной площади — обязательный памятник Боливару. Здесь же — католическая церковь, недавно модернизированная. Это на её башню забирался подросток Угито, чтобы заявить о себе на всю округу весёлым колокольным звоном. Сегодня в Сабанете, как и в других городках по всей стране, обновляют мостовые, роют траншеи водоотводов, устанавливают современное уличное освещение, наводят «косметику» на дома колониальных улочек. Была отремонтирована и расширена школа имени Хулиана Пино, в которой учился будущий президент. Построен Дом культуры, есть своя городская радиостанция — «Голос Сабанеты», не оппозиционная, её стены покрыты боливарианской символикой. Местный колорит разбавлен «китайскими сюжетами»:

ресторанчики «Чифа», лавки с дешёвыми товарами и безделушками, украшенные красными бумажными фонариками и золотыми драконами.

В Венесуэле каждый новый президент, пребывая «во власти», старается облагодетельствовать свою малую родину. Судя по всему, Чавесу было не до этого — из-за масштабных проблем, кризисов и заговоров, которые ему пришлось преодолеть. Так что сегодня можно легко представить, каким захолустьем была Сабанета полвека назад и какой импульс романтизма, мечтательности, желания отправиться на завоевание «большого внешнего мира» давала она своим юным обитателям...

Родители будущего президента Венесуэлы поженились совсем молодыми. Уго де лос Рейесу Чавесу было 19 лет, Елене Фриас — 17. Уго де лос Рейес тяготел к социал-христианской партии COPEI, благоговел перед её лидером Рафаэлем Кальдерой. Особых служебных дивидендов это ему не принесло. Когда родился второй сын — Уго, он и его жена работали учителями в начальной школе в посёлке Лос-Растрохос, позднее перебрались в Сабанету. Значимый по местным меркам пост Уго де лос Рейес получил только при социал-демократах, во время первого президентского периода Карлоса Андреса Переса. Уго-старший был назначен региональным директором образования штата Баринас.

«Я не хотела иметь детей, — призналась как-то донья Елена. — Но Бог словно сказал мне, именно это тебе и суждено. Я вышла замуж и уже через месяц забеременела. За семь лет я родила семерых мальчиков, один из них умер в возрасте шести месяцев».

Перед рождением Уго-младшего Елена, почувствовав, что роды приближаются, попросила супруга отвезти её из Лос Растрохос в Сабанету. На

семейном транспортном средстве — велосипеде — муж отвёз её в скромный домик своей матери Росы Инес. Тряскую каменистую дорогу Елена выдержала стойко: ничего не поделаешь, надо терпеть.

Уго Чавес Фриас появился на свет 28 июля 1954 года. Роды прошли без осложнений. Смуглый малыш заявил о себе радостным криком, и повитуха сказала провидчески: «Горластый! Он заставит себя уважать».

Фотографий Уго-младенца не сохранилось. Чавес объяснял это тем, что «родился в глубинке, в сельской местности, среди крестьян, где и в помине не было никаких фотографов». На самой ранней карточке ему уже три года. Сняли Угито почему-то голым. Он сидит на деревянном крестьянском стуле, прикрывая живот тряпочкой. «Да, я наверняка был очень стеснительным ребёнком», — смеясь, прокомментировал Чавес эту фотографию.

В небольшом родительском доме многодетной семье Чавесов было тесно, и потому старшие сыновья Адан и Уго жили у бабушки, а младшие — Анибаль, Нарсисо, Архенис и Аделис — с родителями. Так было заведено во всех бедных семьях Венесуэлы: когда появлялись малыши, старших, более самостоятельных, детей отправляли к бабушкам-дедушкам. Когда Уго погружался в воспоминания о самом раннем детстве, то неизменно рисовал для слушателей трогательную картинку прощания: родители ненадолго заглянули в Сабанету и снова уезжают на велосипеде в Лос-Растрохос по своим учительским делам. Шлейф пыли медленно оседает на просёлочной дороге, и это означает, что они появятся вновь только через неделю.

По своим корням Уго Чавес — типичный венесуэлец: в бабушке Росе Инес, матери отца, смешалась индейская и негритянская кровь; её муж, дед президента, был негром и давно растворился в неизвестности, внуки даже не знали его имени; по

материнской линии в креольскую кровь потомков испанских завоевателей Америки добавилась толика индейской. Всё это смешение кровей отразилось на внешности Чавеса.

В раннем детстве у него было прозвище «Коко» (El Coco) — «Кокос»: орехообразная голова под шапкой порыжевших от солнца курчавых волос. Позднее добавилась кличка «Tribilm», что в переводе означает «Непоседа» или «Заводной».

Мама Роса, как мальчики звали бабушку, растила их в любви и заботе, помогала им всем, чем могла. Это она, задолго до школы, научила Уго читать, а потом любила вспоминать, как первые слова левша Уго читал задом наперёд.

Мальчишки тоже старались помогать Маме Росе, продавали изготовленные ею «фирменные» сладости из лечосы и лепёшки из маисовой муки на улочках Сабанеты. Адан иногда упрямился, стеснялся, сознавая, что подобная «коммерция в розницу» — откровенная демонстрация семейной нужды. Выручал его более подвижный и коммуникабельный Уго. В не большом захудалом городке, где в те времена не было туристов и не имелось каких-либо культурных заведений, кроме небольшого кинозала, было нелегко продать незамысловатые бабушкины изделия. Но даже один-два боливара оказывались существенным подспорьем для «клана Чавесов». Заработков родителей Уго едва хватало на самые неотложные нужды.

«Рядом с Росой Инес, — вспоминал Чавес, — я узнал скромность, нищету, боль, голодные дни. Я узнал о несправедливости этого мира. Рядом с ней я научился работать и собирать урожай. Я понял, что такое солидарность: “Угито, сходи-ка, отнеси донье Росе Фигередо эту альяку (La hallaca (исп.) — рождественское блюдо в Венесуэле.) и эту горсточку сладостей”. Мне приходилось от её имени делить небольшие порции еды

между подругами и друзьями, которые не имели ничего или почти ничего, как и мы сами. И я всегда возвращался с чем-то, что они находили для отдаривания: “Передай донье Росе”. Это была какая-нибудь сладость или что-то другое, съедобное, кукурузная каша или фрикадельки из риса. С бабушкой я научился принципам поведения и ценностям тех простых венесуэльцев, которые никогда ничего не имели и которые являются душой моей страны».

В Сабанете социальные различия были такими же острыми, как и по всей стране. Одни имели много, другие жили на грани нищеты. Чавесы относились к последним. Это, конечно, сказывалось на поведении мальчика Уго, направленности мыслей и мечтаний. Как сделать, чтобы не было обездоленных людей, чтобы все были сытыми и счастливыми? Ни в родительском доме, ни тем более у бабушки не было ни холодильника, ни кондиционера, ни вентилятора. В Сабанете долгое время вообще не было круглосуточного электричества, и детские годы Уго прошли, как говорится, «при лучине». Вести из внешнего мира поступали в основном из дешёвенького транзистора. Чавес вспоминал, что в штате Баринас лучше всего прослушивались передачи колумбийских станций, в особенности «Радио Караколь». Отсюда его знание музыкального фольклора и песен Колумбии. Слова национального гимна этой страны Чавес помнил наизусть и при случае с чувством пел его, радуя колумбийцев.

С детства Уго выделялся умением складно выражать свои мысли, богатым воображением и «сценической смелостью». Его не надо было уговаривать, чтобы он прочитал стихи на торжественных мероприятиях в школе и позже — в лицее.

Природа одарила Уго уникальной памятью. Габриэль Гарсия Маркес назвал её «сверхъестественной»,

«слоновье». Фидель Кастро — «исключительной»: «Если Чавес воспроизводит какой-либо разговор многолетней давности, в точности его слов можно не сомневаться». Чавес без усилий цитировал по памяти фразы из Библии, декламировал бесчисленное множество стихов самых разных поэтов. Он всегда обходился без зубрёжки: было достаточно один-два раза прочитать понравившийся текст.

Начальное образование братья Чавесы получили в школе им. Хулиана Пино. С ней у Чавеса было связано одно грустное воспоминание. Когда он пошёл на самое первое занятие, его не пустили на уроки из-за поношенных альпаргат. Эти самодельные тапки были его единственной «обувью». Из приятных воспоминаний — уроки рисования. Художественная одарённость в мальчишке проявилась рано, и уже в 12 лет за свои рисунки он получил первую премию на региональной выставке. Первая влюблённость тоже связана со школой в Сабанете. С синеглазой учительницы четвероклассник Угито не сводил глаз! Молоденькой учительнице было нелегко управляться с тридцатью озорными мальчишками. Уго всегда садился в первом ряду, старательно выполнял задания, но он однажды сорвался: швырнул тетрадку с домашним сочинением на стол учительнице, промахнулся, поднял тетрадь только после сделанного ему замечания. Учительница вряд ли догадалась, что мальчик приревновал её к преподавателю, дарившему ей шоколадки. (Эту историю Чавес рассказал в интервью газете «Ультимас нотисиас» в феврале 1992 года, будучи узником тюрьмы Яре. Учительница Кармен Эхильда Креспо, впервые узнавшая о мальчишеской влюблённости Уго, навестила бывшего ученика в тюрьме. Они проговорили несколько часов, вспоминая о далёких годах в Сабанете, о школе и одноклассниках. Её поразило, что Чавес, герой

восстания, хранит в себе мельчайшие подробности детских лет.)

Подростком Уго научился играть на куатро, мини-гитаре с четырьмя струнами, и стал обязательным участником дней рождения и других празднеств в Сабанете, а потом в Баринасе.

Как и все мальчишки Венесуэлы, братья Чавесы увлекались бейсболом и с друзьями создали бейсбольную команду. Тренировочной площадкой были задворки дома и пустыри. Уго-старший первым обратил внимание на спортивный талант сына: стремительный, сильный, несмотря на худобу, длиннорукий, к тому же левша (для бейсбола это преимущество). Отец решил поддержать сына и подписал контракт с Тинтаном Лопесом, известным бейсбольным игроком. Тот обязался за короткий срок создать в Сабанете серьёзную команду.

Вскоре начались тренировки. Тинтан поселился в доме Чавесов и часами рассказывал об играх, в которых он принимал участие, о знаменитых бейсболистах, их пути к славе.

В Сабанете считали Уго восходящей спортивной звездой. В игре Уго особенно нравились ситуации, в которых он мог проявить свои волевые качества: «Если ты метатель мяча — ты смотришь в глаза отбивающего. Это момент предельной напряжённости, борьбы один на один, он и ты, ты и он. Кроме того, ты должен понять, какой удар ему труднее отбить. На тебе сейчас ответственность за команду. Любая твоя ошибка может привести к поражению. Ты не имеешь права подвести команду».

Бейсбольным идиолом для Уго был однофамилец Исаиас Латиго Чавес. Ему он подражал, ловил о нём любую новость и со страстью обсуждал с друзьями «гениальность» его игры. Радиорепортажи о матчах, в которых участвовал Латиго, Уго слушал, прильнув к

приёмнику, отключаясь от окружающего мира. Домашние знали: когда играет Латиго, Уго лучше не тревожить.

Биографы Чавеса из «недружественного лагеря» обычно подчёркивают характерную черту мужчин-льянерос — драчливость, явно намекая на истоки «конфронтационного» стиля его политического поведения. Тогда следует сказать и о том, что типичные льянерос — хорошие рассказчики, знатоки местных легенд, прибауток и поговорок.

Как типичная жительница льянос бабушка Чавеса Роса Инес обладала даром рассказчицы, и её «преданья старины глубокой» будили воображение юного Уго. Особенно занимала его эпопея народного генерала Эсекиэля Саморы, партизанская армия которого в годы Федеральной (фактически гражданской) войны не раз вела бои на степных просторах штата Баринас. Роса Инес пересказывала легенды о Саморе, которые слышала от своей матери, расцвечивая их, приукрашивая, наполняя эмоциями и страстями.

Война длилась с 1859 по 1863 год. Её причины и хитросплетения до сих пор вызывают споры венесуэльских историков. Либеральная и Консервативная партии отстаивали свои корыстные цели, и главный интерес состоял в том, чья сторона в конечном счёте будет править Венесуэлой. Ситуация усложнялась расколами внутри самих партий, репрессиями и высылкой из страны тех военных руководителей, которые воспринимались в народе как истинные защитники его прав и свобод. Изгнанники не теряли времени и подготовили на островах Кюрасао и Сан-Томас вооружённые экспедиции. По стране поползли слухи (как без них в Венесуэле!), что президент Хулиан Кастро намерен восстановить рабство, готовит специальные клейма для этого, а «лишних» венесуэльцев собирается продать

англичанам, которые будут варить мыло из мяса и сухожилий этих несчастных, а из костей изготавливать рукоятки для ножей и набалдашники для тростей.

Реакцией на слухи стал ещё больший рост насилия. Под лозунгами «Смерть белым!», «Создадим индейское государство!» начали создаваться вооружённые отряды, состоящие из «тёмных людей», то есть метисов, мулатов, индейцев и негров. Они вливались в армию Эсекиэля Саморы, самого популярного народного вождя XIX века. Боевые столкновения «народной армии» и правительственных войск проходили на просторах нынешних штатов Баринас, Португеса, Кохедес, Апуре и Гуарико. Битвой у селения Санта-Инес в декабре 1859 года Самора, казалось бы, нанёс решающее поражение противнику, дорога на Каракас была открыта. Но во время малозначащей операции «по зачистке» городка Сан-Карлос Самору поразила случайная пуля. С этого момента его армия начала слабеть. В апреле 1863 года воюющие стороны заключили мирный договор. Страна устала от войны. В ней из тогдашнего населения Венесуэлы в 1 миллион 800 тысяч человек погибли около 10 процентов. Ещё немного — и воевать стало бы некому. Но в итоге правящая элита пополнилась «тёмными людьми», которые были щедро наделены полковничьими и генеральскими званиями, земельными угодьями. Один из генералов, сражавшихся в армии Саморы, так подытожил итоги войны: «Мы сражались пять лет, чтобы заменить одних воров на других, одних тиранов на других».

Неменьший интерес Уго вызывал дед матери по отцовской линии — Педро Перес Дельгадо, известный в истории Венесуэлы как «человек на коне», «убийца и бандит» по прозвищу Майсанта. (Майсанта имел двух сыновей: Педро Инфанте и Рафаэля Инфанте. Последний и был отцом Елены Фриас де Чавес. Мать Чавеса не раз рассказывала, что родственники

упрекали её мать: «Тебе не нужно было связываться с этими убийцами!» По легенде, воины Майсанты отрезали пленникам головы, насаживали их на копья и потом врывались на конях в города и селения, наводя страх и ужас на жителей.) Слухи о прадеде-бандите всегда вызывали у подростка глухой протест. Уго не мог смириться с тем, что в их роду был преступник. Да и рассказы бабушки Росы Инес отличались от того, что говорилось о Майсанте. Оказывается, Педро, когда ему было 15 лет, отомстил за сестру, которую «обрухатил» самодовольный полковник. Педро отыскал насильника и всадил ему в пулю в лоб. Сделал он это по настоянию матери, которая считала, что кто-то должен защитить честь семьи. Оставаться дома Педро не мог и решил бежать. Прощаясь с ним, мать возложила ему на грудь escarapulario — освящённый католический нагрудник из ткани с вышитым на нём гербом Святой Девы Кармен Сокорро.

На рубеже XIX-XX веков Майсанта участвовал во многих сражениях на территории Венесуэлы. Прославился в антиправительственных походах армии генерала Хосе Мануэля Эрнандеса (кличка Мочо). Враги боялись Майсанту и мстили тем, что распускали о нём слухи как о хладнокровном и безжалостном убийце. Потом Майсанта вроде бы остепенился и до 1914 года занимался сельским хозяйством в своём имении в окрестностях Сабанеты. Но когда соратники-«мочисты» позвали его снова взяться за оружие, на этот раз против диктатора Хосе Висенте Гомеса, Майсанта не сомневался ни минуты. Он бросил всё: семью, землю, налаженное хозяйство — вскочил на коня и, помахав на прощание своим домашним, умчался к горизонту, чтобы никогда больше не вернуться.

Мама Роса объяснила Уго, почему у его прадеда было такое странное прозвище. Перед каждой атакой Педро Перес Дельгадо крестился и с криком «Maí

Santa!» пришпоривал коня, чтобы быть впереди и показывать пример своим бойцам. «Mai Santa» — сокращение от «Madre Santa» — Святая Мать. Это была типичная крестьянская просьба о защите перед лицом враждебного вызова или опасности, «сокращённый» вариант от Madre Santa del Socorro, protegeme! — который был особенно распространён в штатах Баринас и Кохедес. Святая Дева Сокорро до сих пор считается покровительницей жителей этих штатов.

Конечно, официальная историческая наука не называла повстанцев иначе как бандитами. Позорная слава Майсанты стала болезненной зарубкой в памяти подрастающего Уго: когда-нибудь он узнает о нём всю правду, сумеет реабилитировать имя предка для семьи и для истории Венесуэлы. Желание понять прадеда, прикоснуться к его деяниям было настолько сильным, что Уго, «Трибилин», при любой возможности удирает из дома и в компании таких же босоногих приятелей отправляется в походы по окрестностям Сабанеты, по местам воображаемых сражений. Если очень везло, то Уго возвращался из этих походов с горстью ржавых гильз. Кто знает, может, это были гильзы из револьвера самого Майсанты! Рассказами о героическом прошлом обитателей Льянос бабушка Роса Инес вдохновляла внуков и сумела внушить им, что их тоже ждёт необычная, исключительная судьба. Уго навсегда запомнил её наставление: «Ты должен быть гордым, негритёнок!» Без всякого сомнения, именно под влиянием бабушки подросток Уго уверовал в своё особое предназначение. Как вспоминал один из его школьных друзей в Сабанете, в минуту внезапной откровенности Уго сказал ему: «Когда-нибудь я стану президентом Венесуэлы».

Недрузи Чавеса, собирая аргументы и факты для объяснения его «диктаторских замашек», потратили много усилий, копаясь в его детских и подростковых

годах. Они пытались выстроить теорию его «несчастливого детства, лишённого родительского внимания». Мать Уго Чавеса вынуждена была дать разъяснение: «Хотя это многим не понравится, но семья Чавесов была счастливой. Если кто-то и был счастлив в детстве, то это мои сыновья. Несмотря на материальные ограничения, они были счастливы: как и другие дети, запускали воздушных змеев, участвовали в карнавалах, играли в шарики (metras). Мне приходилось слышать, как наши ненавистники говорили о том, что мой сын Уго Рафаэль не имел счастливого детства. Они очень ошибаются. Уго и все его братья были счастливы! Были очень бедными, но счастливыми, благодаря тому душевному теплу, которое они получали от родителей и бабушки».

Соседи Чавесов в Сабанете и Баринасе утверждали, что Уго своим властным характером напоминал донью Елену. Она не спорила: «Я женщина очень дисциплинированная. Без дисциплины ничего не добьёшься. Честно говоря, он и в самом деле очень похож на меня. Адан, мой старший, более спокоен. Уго был гораздо активнее. Ему нравилось забираться на ветви деревьев, цепляться за лианы и бросаться вниз, подобно Тарзану в сельве. Уго был большим выдумщиком».

Лучше всего роль доньи Елены в «клане Чавесов» описала бывшая (неофициальная) спутница жизни Уго — Эрма Марксман. По её мнению, донья Елена — «сеньора весьма жёсткая, которая правит этими мужчинами, сыновьями и мужем. Я уверена, что она является реальным воплощением матриархата. Она обладает твёрдым характером и принимает решения. И её приказы выполняются».

В Баринас Уго переехал, чтобы поступить в лицей им. Даниэля Флоренсио О'Лири, в 1967 году, через 11 месяцев после Адана. Так что особая прочность

отношений между Аданом и Уго восходит к той далёкой эпохе, когда они вместе жили у бабушки, а потом учились в Баринасе. Многие «чавесологи» полагают, что для Уго его старший брат являлся единственным человеком, которому он безраздельно доверял. В таких утверждениях есть доля преувеличения, но Адан и в самом деле — был главной опорой Уго, неизменным советником и консультантом, надёжным спарринг-партнёром по анализу кризисных ситуаций и, без сомнения, душевным собеседником.

Для оппозиции Адан всегда был *alter ego* президента, но с противоположными личными качествами. Как интроверт, он — молчалив, невозмутим, терпелив, предпочитает находиться в тени. Он не любит быть протагонистом событий, находиться в центре внимания, произносить речи. Он беспощаден, если кто-то обманул его доверие, с подозрением относится к льстецам. Адан никогда не стремился занять ответственные выборные должности, считая, что не обладает, как его брат, харизмой и лидерскими качествами. Адан скуп на проявление эмоций и позволяет себе раскрываться только в семейном и дружеском (очень узком) кругу. Сильная сторона Адана — склонность к методичной организационной работе...

Обстоятельства заставили его нарушить это правило, провести избирательную кампанию и стать губернатором штата Баринас, сменив на этом посту отца. Судя по всему, он пошёл на губернаторство по идеологическим причинам: в Венесуэле штат Баринас считают «духовной колыбелью» Боливарианской революции. Переход штата под контроль оппозиции был бы истолкован как серьёзное поражение чавизма.

Первое время братья жили в доме дяди Маркоса — брата отца, на улице Карабобо, в квартале «В» рабочей зоны Родригес Домингес. Занятия в школе, подготовка уроков, бейсбольные тренировки, по вечерам — курсы

рисования и акварели. Дядюшка Маркос поощрял художественные наклонности племянника, покупал ему альбомы, пастельные карандаши, краски. Он с одобрением рассматривал работы Уго и говорил: «Пока ещё рано делать вывод, к чему ты тяготеешь больше: к пейзажу или портрету. Но Самора у тебя получается хорошо, как живой».

Несмотря на занятость, братья, как признался в одном из интервью Адан, скучали по бабушке. «Духовная взаимозависимость, — вспоминал он, — была столь велика, что в конце недели мы обязательно навещали Росу Инес, пока она, с помощью отца и дяди, не устроилась в Баринасе. Ей было за пятьдесят, когда она решила перебраться поближе к нам. Она провела всю свою жизнь в Сабанете, там было всё, что дорого ей, — огородик, фруктовые деревья, домашняя живность. И всё это она бросила из-за любви к нам».

Баринас в то время был провинциальным городом, годы его расцвета, когда он считался второй столицей Венесуэлы — первая треть XIX века, — давно миновали. Его покой не нарушило даже возникновение в штате (под влиянием кубинской революции) нескольких партизанских отрядов, которые довольно быстро были разгромлены специальными подразделениями национальной армии.

Тем не менее возможностей для духовного, интеллектуального и политического развития Уго и Адана в Баринасе было значительно больше, чем в Сабанете. По-прежнему Уго много и «беспорядочно», по его признанию, читал, оказывая предпочтение книгам по истории Венесуэлы, жизнеописаниям Боливара и других национальных героев. Его начала волновать социальная проблематика: причины расслоения общества на богатых и бедных и возможность такого его устройства, чтобы всё было «по справедливости». Он уже слышал что-то о кубинской революции, но не

слишком углублялся в материю, хотя имена Фиделя Кастро и Че Гевары были ему знакомы: «В 1967 году мне было 13 лет, и я учился в средней школе в Баринасе. Слово “геррилья” у всех было на слуху. Однажды я услышал, как говорили о Фиделе и Че, и потом уже не забывал их имён. Помню сообщение по радио о том, что в Боливии Че попал в окружение».

В Баринасе тринадцатилетний Уго познакомился с Хосе Эстебаном Руисом Геварой, коммунистом и бывшим партизаном. Руис был заметной фигурой. Он написал несколько книг, в основном краеведческого плана, участвовал в создании Венесуэльской ассоциации журналистов, был корреспондентом газеты КПВ «Трибуна популар», публиковался на страницах прогрессивной тогда газеты «Насьональ». Уго подружился с сыновьями Руиса, часто бывал у них в доме. Биографы называют Хосе Эстебана Руиса Гевару первым политическим ментором Чавеса.

Любознательный дотошный паренёк заинтересовал коммуниста, который стал постепенно приобщать его к миру политики, разъяснять «с классовых позиций» подоплёку текущих событий в стране. Делалось это ненавязчиво, без определённого плана. Уго мог слушать его часами. Руис разрешил подростку пользоваться книгами из своей библиотеки, и тот за короткое время одолел толстые тома Руссо, Боливара, Макиавелли. Заинтересовали мальчика и работы венесуэльских марксистов Сальвадора де ла Пласа и Федерико Брито Фигероа.

Руис не упускал возможности обсудить с Уго содержание прочитанных книг, обратить внимание подростка на те события венесуэльской истории, которые ярко иллюстрировали стремление народа к свободе и социальной справедливости. Особенно часто обсуждались сложные перипетии Федеральной войны и

особой роли в ней Эсекиэля Саморы, «выдающегося борца за народные права».

Ещё более захватывающей темой была судьба Майсанты. Руис написал о нём книгу под названием «Майсанта, последний флибустьер». Материалом послужили устные свидетельства современников, собрать и обобщить которые стоило больших усилий. Последние оставшиеся в живых ветераны из отряда Майсанты жили разрозненно, кто в труднодоступной амазонской сельве, кто на колумбийской территории. Книгу Руис заканчивал, находясь в тюрьме, что в глазах Уго придавало ей символическое значение: о партизане начала века написал партизан 1960-х годов. Это своего рода эстафета непримиримости, мужества, вызова олигархии. Кто следующий примет эстафету? Несмотря на просветительскую работу Руиса, которого Чавес всегда с уважением вспоминал как «мудрого человека и настоящего коммуниста», «интеллектуала из народа», подросток не проникся идеалами коммунистической идеологии. Не повлияли на него и друзья из «кружка Руиса», входившие в молодёжные ячейки КПВ. Сам Чавес неоднократно опровергал утверждения о своих марксистских политических корнях: «Я не могу сейчас претендовать на марксистское мировоззрение и заявлять себя марксистом. Я не читал “Капитал”. Я знаком с элементами марксистской теории, но в поверхностной форме». Лишь на десятом году своего президентства, в разгар всемирного экономического кризиса, Чавес взялся за серьёзное изучение работ Маркса. «Я принимаю марксизм, — заявил он публично. — Марксизм является наиболее передовой теорией, предложенной человечеству со времён Иисуса Христа».

На политические темы Уго говорил только с самыми близкими друзьями. Лицеист Энрике Кабальеро, который три года жил в доме семьи Чавесов в Баринасе

и делил с Уго комнату, вспоминал о долгих ночных дискуссиях: «Мы начинали говорить о революции и заканчивали разговорами о Боливаре. С Уго это было неизбежно, он всегда говорил о Симоне Боливаре, Эсекиэле Саморе, Франсиско де Миранде, иногда сюда вторгались идеи и книги о марксизме, но мы всегда завершали беседы Боливаром». По словам Кабальеро, уже в то время Чавес был склонен к долгим сольным «выступлениям». Обычная беседа незаметно перерастала в монолог Уго: «Он говорил и говорил без отдыха. Много раз он, не давая себе отчёта в том, что я заснул, продолжал говорить».

Учителя и соученики Уго вспоминают о нём как об уравновешенном школьнике, внешне далёком от политических тревожений. В городском молодёжном центре на ролях активистов — «горячих голов» — были другие.

Впрочем, иногда Уго присоединялся к маршам протеста против войны во Вьетнаме, против репрессий «венесуэльской демократии» в отношении левомарксистской оппозиции, практики убийств её лидеров. Сохранились свидетельства, что в год очередных президентских выборов Уго — по дружбе — вместе с однокашниками участвовал в демонстрациях, занимался расклеиванием листовок в пользу кандидата от партии MAS (Движение к социализму) (Партия «Movimiento al Socialismo» (MAS) провела свой учредительный съезд в Каракасе в январе 1971 года. В 1973 году партия приняла участие в президентских и парламентских выборах. Кандидатом в президенты от неё был известный журналист Хосе Висенте Ранхель, который набрал чуть более четырёх процентов голосов.). Эта левая партия была «осколком» от компартии Венесуэлы. В MAS вошли те, кто был недоволен приверженностью компартии к сталинизму и ориентацией на КПСС. Пройдут годы, и

«антисталинисты» Помпейо Маркес, Теодоро Петков и другие руководители-«масисты» станут непримиримыми врагами президента Чавеса.

Так или иначе, но в школьные годы политика для Уго оставалась на втором плане. На первом по-прежнему царил бейсбол. Тренировки и матчи были главным содержанием жизни. Венесуэльская команда, играть в которой мечтал Чавес, называлась «Navegantes del Magallanes» («Мореходы Магеллана»). Уго знал имена ведущих игроков, историю их спортивных достижений в Венесуэле и переходов в команды профессиональной лиги Соединённых Штатов, где они делали блестящую карьеру и зарабатывали миллионные состояния. Если он добьётся своего, сумеет проявить себя, то триумфальный путь на бейсбольные поля США ему гарантирован. Уго завёл тетрадь, в которую записывал результаты матчей, биографии звёзд, игровую статистику. Стены комнатухи, в которой он жил, разрисовал эпизодами бейсбольных поединков.

Девушки интересовали Уго меньше. Возможно, из-за категорического запрета матери сыновьям приводить домой подружек (*novias*). «В нашем доме я их не позволяла, — вспоминала донья Елена. — Если они и были, то где-то там, вне дома».

В марте 1967 года Уго пережил сильнейшее потрясение: в авиакатастрофе погиб его бейсбольный идол Исаиас Латиго Чавес. Уго воспринял эту смерть как личную трагедию, как крушение прежде гармоничного мира.

Постепенно расширялся круг друзей Уго. Это были друзьябейсболисты, соученики по лицу, члены просветительского кружка Руиса. Так сложилась неформальная «Группа Баринас». Хотя её участники тяготели к политике левых, это было далеко не главным. Почти все выходные и праздничные вечера приятели проводили вместе. «Я чувствовал себя с ними

очень хорошо, — вспоминал Чавес. — Обычно мы сидели в молодёжном баре, который находился по соседству с моим домом, или ходили отдыхать в клуб “Noches de Hungria” или клуб “Сарапараго”, где пела Бетсаида Волкан, красивейшая женщина». Эти клубы в Баринасе не претендовали на исключительность: есть деньги на чашечку кофе, стакан сока, можешь чувствовать себя спокойно, ты — полноправный клиент.

В дружеской компании была очень кстати гитара-куатро Чавеса, под аккомпанемент которой он исполнял *corias*, баллады народно-героического характера. Уго любил импровизировать, сочиняя на ходу новые куплеты. Это тоже соответствовало традиции музыкальной культуры *льянос* — брать какой-нибудь исторический эпизод, поэтически осмыслить его и доводить до слушателей в драматизированной, выбивающей слёзы форме. Нередко Уго пел для друзей шлягеры модных в то время певцов, особенно эквадорца Хулио Харамильо. Клуб «Noches de Hungria» получил это экзотическое название не потому, что его хозяином был венгр. Сентиментальные слова песенки Харамильо «Ночи Венгрии» были у всех на слуху. В скучном Баринасе пылкие страсти в далёком Будапеште, на берегу голубого Дуная, воспринимались как дуновение романтики, как мечта о чём-то несбыточном. Владелец клуба сделал правильный выбор. Провинция живёт мечтами.

В «Группу Баринас», помимо Уго, входило восемь человек: брат Адан, сыновья Руиса — Владимир и Федерико, Владимир Бустаманте, Иван Мендоса, Хесус Перес, Вильфредо Родригес и Анхель Родригес.

Душой компании был Вильфредо, шутник, весельчак, пародист. Братья Владимир и Федерико под влиянием отца стали в 1970-е годы организаторами партии «Causa R(adical)» в Баринасе. Именно Федерико позднее познакомил молодого офицера Чавеса с

руководителем этой партии, опытным подпольщиком Альфредо Манейро, который вдохновил Уго на конспиративную работу в армии. Позже в партию «Causa R» вступил ещё один член «Группы Баринас» — Хесус Перес. Впоследствии он стал известным дипломатом и своей стремительной карьерой был обязан Чавесу. Став президентом, Чавес, помня о том, что Перес учился во французском университете и хорошо знает страну, назначил друга послом во Францию. Некоторое время Перес возглавлял внешнеполитическое ведомство Венесуэлы.

Чавес сохранял верность всем друзьям из Баринаса, не только членам «Группы». Среди них — Луис Рейес Рейес, который приехал в город с карибского побережья Венесуэлы вместе с отцом, техником нефтяной компании «Мобил ойл». Луис учился с Уго в одном классе, играл в одной команде, вместе с ним поступил в Военную академию, а позже участвовал в заговорах. Многие соратники Чавеса «сошли с дистанции» за годы его политической деятельности и президентства, но Рейес Рейес не поддавался подобным искушениям даже в самые сложные периоды Боливарианской революции. В разные годы он был одним из министров в правительстве Чавеса.

В начале июля 1971 года Уго окончил лицей. В Баринасе не было своего университета, поэтому Уго собирался и дальше идти по стопам Адана, который уже был студентом Андского университета в Мериде, изучал физику и математику, предметы, которые нравились Уго. Правда, донья Елена в тайниках души надеялась, что второй сын пойдёт по духовной части, станет священником. Повод для таких надежд имелся: в 1962–1963 годах Уго был служкой в церкви в Сабанете и всегда с чувством вспоминал о кратком периоде своего служения Богу: «Тогда я научился любить Христа и по-

прежнему люблю его. Христос является для меня самым высоким революционным символом».

От планов учёбы в Мериде Уго отказался, когда узнал, что там нет бейсбольной команды. Без любимой игры он своего будущего не представлял. Именно в это время, когда Уго был на перепутье, в Баринас на каникулы приехал друг Ангарита, учившийся в Военной академии в Каракасе. Курсанты привлекались начальством для рекрутирования новых учащихся, и Ангарита вручил Чавесу брошюру, в которой в самых радужных тонах описывались военная карьера и её преимущества. Уго с детства привлекало всё военное, достаточно вспомнить игры в войну и походы по местам прошлых сражений. В академии преподавали обожаемые им математику и физику. Ну и, конечно, громадным плюсом в пользу академии было то, что при ней имелась высококлассная бейсбольная команда. Без долгих раздумий Уго отправил свои документы в Каракас на предварительное рассмотрение. Уязвимым местом в них был «неуд» по химии, полученный Уго Чавесом на выпускном экзамене. Тем не менее через два месяца из Каракаса пришла телеграмма: «Прибыть 8 августа».

Неожиданное решение Уго поступать в Военную академию в семье встретили с противоречивыми чувствами. Возможно, потому, что после успешных выступлений Уго в матчах на национальном уровне все домашние представляли его будущей звездой высшей бейсбольной лиги. Разногласия мнений смолкла после того, как мать сказала, что поддерживает Уго. По-своему он прав. Надо трезво оценивать ситуацию. Если сутана священника его не привлекает, то военная карьера предпочтительнее непредсказуемых взлётов и падений карьеры спортивной. Военная служба даст возможность вырваться из пут бедности и продвинуться по социальной лестнице.

Возражала только любимая Мама Роса, которая молилась, чтобы затея Угито провалилась. Она опасалась всего, что было связано с армией и военной службой. Внук успокаивал её: никакого риска для жизни нет, потому что партизаны сложили оружие и подписали мирное соглашение. Войны нет и больше не будет.

Глава 5

ВОЕННАЯ АКАДЕМИЯ: НА ПОДСТУПАХ К СУДЬБЕ

Существует легенда, что Чавес ступил на порог академии с томиком «Партизанских дневников» Че Гевары. Поддерживают её в оппозиционных кругах для того, чтобы доказать: Чавес с самого начала военной карьеры вынашивал конспиративные планы и в свои 17 лет действовал последовательно, ухищрённо и двулично по отношению к армии, которая, по большому счёту, дала ему путёвку в жизнь. Соответственно трактуется роль коммуниста Руиса: он был якобы «контролёром» Уго от компартии. Все последующие шаги Чавеса рассматриваются под этим углом: коммунисты тайно руководили им, чтобы со временем захватить власть в стране, однако Чавес оказался хитрее и повёл собственную игру, оставив коммунистов ни с чем.

Таких сомнительных легенд вокруг жизни Чавеса сложилось много, и они охотно используются недобросовестными биографами, исполняющими идеологический заказ по компрометации президента Венесуэлы.

Поступить в Военную академию Уго помогла его бейсбольная одарённость. Академия нуждалась в техничных игроках, и Чавес сумел-таки показать во время экзаменационного матча, что обладает хорошим классом для своего возраста. Проваленный экзамен по химии ему разрешили пересдать позже.

Итак, Уго стал членом большой кадетской семьи, в которую входили юноши из скромных по достатку социальных слоёв венесуэльского общества. Одни, как

Чавес, приехали в Каракас из провинциальных городков, другие и вовсе были из деревенской глуши. Чуть выделялись столичные ребята, правда, не из богатых восточных районов новой застройки, а из западных — пролетарских, густо заселённых и окружённых убогими кварталами ранчос.

Военные эксперты, указывая на «народные корни» венесуэльского офицерского корпуса, часто сравнивают его с командным составом самой «элитарной» армии на континенте — чилийской. Военная карьера в Чили всегда считалась привилегированной. Нет, наверное, ни одной состоятельной семьи в этой стране, представители которой не служили бы (и не служат) в национальных вооружённых силах. Отбор в военные училища осуществляется с предельной строгостью и по классовому принципу. Учитываются расовая принадлежность кандидата, традиционная политическая ориентация его семьи. Десятилетиями в Чили существовал запрет на приём в училища индейцев мапуче и аймара. Элитарный характер формирования офицерского корпуса Чили сохраняется до сих пор. Чавес с его пролетарскими корнями и «расовым многоцветьем» ни при каких условиях не смог бы в Чили стать офицером.

В первое же увольнение (после шести месяцев строгого казарменного режима) Уго посетил Южное кладбище в Каракасе, отыскал могилу своего бейсбольного идола Исаиаса Латиго Чавеса и поставил поминальную свечу в знак благодарности за «помощь оттуда» при поступлении в академию.

Этот визит был также прощанием с мечтой о звёздной карьере в бейсболе. «Я пошёл туда, — объяснял позднее Чавес, — потому что ощущал внутри какой-то узел, что-то вроде непогашенного долга, из-за чего я чувствовал себя плохо. Я начал говорить с могилкой, с духом (Латиго), который обволакивал всё

вокруг, с самим собой. Я словно говорил ему: “Прости, Исаиас, я отказался идти этим путём. Сейчас я солдат”. Покинув пределы кладбища, я ощутил себя свободным».

«Так, — вспоминал Чавес, — я вступил в военный мир, который был полностью неизвестным мне. Всё было внове, начиная от первой побудки под звук трубы в пять часов утра.

Шло время, и я проникался военным духом, ощущал в себе иную жизненную мотивацию. В солдатской форме я совершал на учениях долгие марши и часто видел на обочинах дорог истощённых детей. По ночам в читальном зале академии я писал дневник. Перечитывая его через двадцать с лишним лет, я убедился, что у меня уже тогда что-то пробудилось в душе. Потому что, когда я, будучи кадетом 18 лет, увидел сеньору у бедной хижины и рядом с нею малышей, полумёртвых от голода, я почувствовал, что должен сделать что-то для них. Причём гораздо больше, чем просто отдать им баночки с сардинами и леденцы из военного рюкзака».

Самыми трудными в академии были первые дни и недели, которые в учебных инструкциях назывались «Предварительный кадетский период». Далеко не все зачисленные выдержали его. Из 375 принятых в академию через два месяца осталось меньше половины. У кого-то обнаружилось плоскостопие, кто-то не выдержал ранних побудок, кто-то болезненно относился к постоянной требовательности командиров, особенно в усвоении воинского устава. Чавес с улыбкой вспоминал о своих тогдашних страданиях: «Мы, мальчишки, не имели даже представления о том, как отдают честь. Я — левша, и в один из первых дней в академии отправился за чистым бельём. Возвращался я с рюкзаком в правой руке, и когда увидел в коридоре офицера, отдал ему честь левой рукой. “Новичок, вы что, спятили?” — такова была его реакция. Помню, что

во время первого обеда в столовой академии я держал ложку с супом в левой руке. И, конечно, дежурный сделал замечание: «Ты с ума сошёл! Как можно есть левой рукой? Едят только правой!» Ложка в правой руке дрожала, суп проливался на форму, надо мной смеялись. Это было ужасно, хотелось сбежать, но когда ты имеешь твёрдую цель в жизни, это помогает преодолевать и более суровые испытания».

В повседневной жизни курсантов было много обязанностей. Уборка помещений и территории, чистка пуговиц, ботинок и портупей, парадных касок и кинжалов занимали немало драгоценного времени. Плюс к этому напряжённый ритм занятий — с подготовкой «домашних заданий» по девяти-десяти предметам. Чтение монотонно-научнообразных монографий, сочинённых преподавателями (попробуй прояви равнодушие к этим многостраничным трудам). Вечером кадеты без сил валялись в кровати, а утром — в пять утра по сигналу трубы — на пробежку. Уго с головой погрузился в учёбу, привыкая к армейской дисциплине, жёсткому распорядку дня. Можно представить, чего это ему стоило при его вольнолюбивом темпераменте «льянеро» — степняка.

В тот год, когда Уго поступил в Академию, началась модернизация национальной армии. Подготовка офицеров новой формации носила название «План Андрес Бельо». Академия перешла на новые учебные программы — более сложные, университетского уровня. Это только раззадорило Уго. Учебно-воспитательный процесс был построен в соревновательном ключе: по набранным баллам ежегодно определялся «рейтинг» курсанта. Престижно и перспективно было находиться в начале списка, не слишком почётно в его последних строках. Спортивный дух всегда был доминантой характера Уго. Трудности только подстёгивали его.

Раз в неделю кадеты в обязательном порядке писали письма родным. Не все были сильны в эпистолярном жанре, и здесь Уго заметно выделялся: он писал домой часто и охотно. Желание поделиться впечатлениями, переживаниями и планами переполняло его. В первые месяцы учёбы все его письма были посвящены бейсболу. Через год всё изменилось, темы посланий на родину стали разнообразнее, он писал о своих мировоззренческих поисках, размышлял о смысле человеческого существования. В одном из писем (в 1973 году) Уго написал родителям о том, что когда-нибудь станет президентом Венесуэлы. Как видим, идея, овладевшая им в юные годы в Сабанете, с годами не покидала его.

Стремительно бежали дни, и Чавес всё меньше скучал по Баринасу и родительскому очагу. Постепенно слабел интерес к тому, что происходит нового у некогда неразлучных друзей и в баре «Noches de Hungria». Расписанная по минутам кадетская жизнь неумолимо вытесняла тоску по беззаботной провинциальной жизни, по родным и близким.

За всё время учёбы в академии Уго ни разу не ездил в Баринас на рождественские праздники. По распорядку академии курсант, чтобы добиться права на эти каникулы, должен был не только успешно сдать экзамены и не иметь дисциплинарных взысканий, но и получить все зачёты по физической подготовке. Вот тут-то и была загвоздка. В первый год учёбы Уго не сумел выполнить норматив — прыгнуть в воду с вышки и проплыть 50 метров в бассейне. Как он ни старался, водная стихия ему не подчинялась. После прыжков Уго отчаянно хватался за край бассейна, глотая воздух. Поэтому Чавес под любым предлогом избегал нормативных «водных процедур» и, как следствие, оставался в академии на Рождество в полном одиночестве. Уго утешался тем, что библиотека

переходила в его полное распоряжение. Можно было читать дни и ночи напролёт.

В академии Уго увлёкся историей и военной философией, во многом благодаря генерал-лейтенанту Хасинто Пересу Аркаю, который преподавал эти дисциплины. Перес Аркай возглавлял учебно-воспитательную работу в академии, сформировал три поколения офицеров. Культ Боливара, национализм и антиимпериализм были составляющими элементами его идеологической доктрины для офицеров-патриотов. Уго знал, что Перес Аркай в середине 1950-х годов принимал участие в заговорах против диктатора Переса Хименеса. Причиной для вооружённого выступления Переса Аркайя и его товарищей стало вопиющее по цинизму решение диктатора проигнорировать негативные для него результаты плебисцита о пребывании во власти.

Однажды Перес Аркай выступил перед кадетами на торжественном акте, посвящённом памяти Симона Боливара, и с таким воодушевлением говорил о нём, словно сам участвовал в его походах, преодолевал невзгоды, громил армии испанских колонизаторов, был объектом покушений и предательств. Этот эффект «личной причастности» оратора к жизни Боливара поразил Уго. К тому же наставник, человек энциклопедических знаний, был автором самой лучшей монографии, посвящённой Федеральной войне. Уго разделял пассионарное отношение преподавателя к личности Эсекиэля Саморы и его роли в Федеральной войне. Чавес не раз говорил, что именно Перес Аркай зажёл в нём пламя боливарианца-патриота: «Я отношусь очень серьёзно ко всему, что касается воинской чести, и сохраняю это в себе, как и клятву верности флагу. Тот день, когда нам поручили поднять его и дать клятву верности отечеству, я воспринял очень серьёзно, и я сохраню это в себе навсегда».

На двадцатилетнего кадета Чавеса генерал впервые обратил внимание после научной конференции на тему «Боливар — государственный деятель». Докладчиком был доктор Акоста Родригес, который с упорством начётчика отстаивал тезис о том, что Боливар был типичным диктатором. Чавес внимательно выслушал аргументы учёного мужа и после завершения его выступления, когда заглохли последние хлопки благодарной аудитории, взял слово. Ему разрешили выступить, предполагая, что кадет скажет спасибо докладчику от имени всех присутствующих.

Оказалось, что намерения Чавеса были другими. Он заявил, что тезис о Боливаре-диктаторе глубоко ошибочен, что Либертадор был по убеждениям республиканцем. Кадет привёл в доказательство целый ряд аргументов, которые убедительно опровергали научные построения Акосты Родригеса. Конфликт возник нешуточный, причём он был истолкован не в рамках чисто теоретической дискуссии, а как «недопустимое проявление неуважения к профессору». Рапорт о происшествии «по вине Чавеса» пошёл по инстанциям, и самым вероятным результатом могло стать отчисление недисциплинированного кадета. Руководство академии потребовало письменных объяснений всех сторон, в том числе Чавеса.

Как вспоминал Перес Аркай, объяснение Чавеса с приведённой им аргументацией в защиту Боливара-республиканца «было блестящим, я не мог скрыть изумления». Члены комиссии по расследованию происшествия не нашли никаких признаков «непочтения» к профессору. Но в частном порядке чрезмерно эрудированному кадету было рекомендовано воздерживаться от полемических выступлений на мероприятиях подобного рода.

Уго дорожил учёбой в академии и урок усвоил: никаких дискуссий по поводу концепций и доктрин,

излагаемых преподавателями, а если есть сомнения, то лучше всего их развеять при помощи корректно сформулированных вопросов. Чавесу пришлось взять на вооружение армейскую мудрость — «не возникай, когда тебя не спрашивают».

Учебный процесс шёл своим чередом, Уго сдавал экзамены и «не возникал». Он убедился в том, что академия не поощряет прямоты, честности, что она — не такая демократичная, как кажется, и слишком авторитарна для внутренне независимых людей. Бунтарству была отдана другая часть его жизни, полностью скрытая от непосвящённых. Откровенные беседы можно было вести только с проверенными соратниками, конспиративно, многократно убедившись, что за тобой не следят, что тебя не прослушивают, что тебя не окружают агенты полиции и контрразведки.

После инцидента на научной конференции отношения Чавеса с Пересом Аркаем приобрели новое качество. Многие «чавесологи» ищут для разных этапов жизни Чавеса «менторов», «наставников», «гуру». Если следовать этим подходам к его биографии, то наибольшее влияние в годы Военной академии на Чавеса оказал именно генерал-лейтенант Хасинто Перес Аркай. Кадету было ясно, что тот «не похож на всех других преподавателей, суть его идей коренным образом отличается от того, к чему призывают они». Эта близость наставника и ученика позволила Пересу Аркаю сделать интересное заключение о личности Чавеса: «Он по натуре самоучка, способен выслушивать все точки зрения, выбирать суть из сказанного, делать какие-то исходные заключения, а потом подбирать другие дополнительные сведения по тому вопросу, который его интересует», «его отличала безграничная и отчаянная жажда знания».

Кого только нет среди авторов, проштудированных Чавесом в годы учёбы, — от Симона Боливара и

Наполеона до Клаузевица и Клауса Хеллера, книга которого «Армия как источник социальных перемен» рассматривала вооружённые силы в качестве влиятельного фактора в развитии гражданского общества. Уго увлёкся военными работами Мао Цзэдуна и использовал впоследствии его идеи при формировании новой доктрины вооружённых сил Венесуэлы. Главный тезис: армия без опоры на народ ничего не значит. Уго снова пытался изучать Маркса, но, по его признанию, поверхностно и без внутреннего позыва. Впрочем, в академии, несмотря на картбланш для всякой развивающей интеллект литературы, Маркс и Ленин не приветствовались.

На соревнованиях по бейсболу Уго познакомился с игроками команды Центрального университета. Так у него появились дружеские связи в студенческой среде, о которых Чавес не упоминал в стенах академии. Университет считался рассадником левого экстремизма. Уго посещал культурные мероприятия, организуемые студентами, два-три раза участвовал в театральных постановках, пробивался в первые ряды слушателей, когда в университетском концертном зале «Aula Magna» выступали с песнями протеста популярные барды Али Примера, Соледад Браво, Сесилия Тодд, Лилия Вера и другие. Ещё больше привлекали Чавеса диспуты на политические темы, в которых участвовали видные марксисты-интеллектуалы Анибаль Насоа, Моисес Молейро, Эктор Мухика, Людовико Сильва. Друзья-студенты помогали Чавесу получать книги из университетской библиотеки.

Эта вторая, невидимая для военного начальства и друзей-кадет жизнь Уго была необходимой отдушиной для тех беспокоящих мыслей, которые клокотали в нём, как подводные гейзеры. Чему посвятить свою жизнь? Только ли военная карьера должна его интересовать? Стоит ли следовать за марксистскими проповедниками

социальной справедливости, которых он слушал в университете? Почему он не такой, какими являются его однокашники в академии? Многие из них довольствуются тем, что есть, живут сиюминутными интересами, охотно подчиняясь приказам, не делая ни шага вправо или влево. Не свидетельствует ли о его особом предназначении это неугасимое стремление выбиться из рутины жизни? В академии Чавес дружил с однокурсником Рафаэлем Мартинесом Моралесом, который помог ему окунуться в иную жизнь, отличную от той, что неспешно текла в Баринасе. Рафаэль был каракасцем, причём из самого боевитого пролетарского района столицы — «23 Января». В начале 1970-х годов таких потенциально протестных народных зон в Каракасе было несколько — Пропатрия, Катия, Петаре. В них активно работали члены левых партий и группировок — коммунисты, «масисты», «миристы» (Миристы — члены партии Movimiento de Izquierda Revolucionaria (MIR), которая была создана в 1960 году в результате раскола партии Action Democratica. В основном в MIR вошла прогрессивная молодежь из Action Democratica, которая была увлечена идеалами кубинской революции.), чуть позднее активисты партии «Causa R». Шаг за шагом они распространяли своё влияние на пригороды Каракаса, на города Лос-Текес, Ла-Гуайра, Виктория и Маракай.

Во время увольнений, бывая в гостях у Мартинеса и его приятелей, Уго впитывал в себя настроения обитателей пролетарских районов столицы. В 1973–1974 годах он уже приблизительно знал, чем отличаются небольшие, преследуемые полицией, левые партии от узурпировавших власть буржуазных партий COPEI и AD. Когда во время очередных каникул в Баринасе в 1974 году Чавес встретился с Федерико Руисом и тот попросил сделать пожертвование на нужды партии «Causa R», Уго, не задумываясь, вручил

ему деньги. Другой сверстник и земляк Чавеса — Рафаэль Симон Хименес — вспомнил, как однажды встретил Уго в Баринасе и тот на обычный вопрос: «Как дела?» — ответил с многозначительной улыбкой: «Отлично, брат! Не за горами 2000 год, а ещё раньше я стану генералом. Вот когда я потрясу всю страну!» Академия дала Уго возможность больше узнать о существовании прогрессивных военных режимов в Латинской Америке. Особенное внимание преподавателей и кадет привлекало развитие событий в Панаме и Перу, где правили Омар Торрихос и Хуан Веласко Альварадо, националистически настроенные военные с сильным зарядом антиамериканизма. Дискуссии на эти темы — и в учебных классах, и в свободное время — вспыхивали постоянно.

В то время в академии в рамках программы двустороннего военного обмена вместе с другими панамцами учился (с 1971 по 1973 год) сын президента Торрихоса. Чавес часто играл в бейсбол с общительным парнем и подружился с ним. Друг из Панамы подарил Уго труды своего отца, под влиянием которых венесуэлец, по его позднему признанию, «стал убеждённым торрихистом». Чавес прочитал всё что мог о новейшей истории Панамы и народной борьбе за канал, узурпированный Соединёнными Штатами. Омар Торрихос противостоял местной олигархии, фактически вручившей страну североамериканцам и транснациональным корпорациям. Уго подолгу рассматривал фотографии Торрихоса. Какие необычные кадры: президент — всегда в военной форме! — дружески беседует с портовыми рабочими, крестьянами, индейцами! Этот президент не чурается народа! В 1974 году в составе группы прапорщиков Уго ездил в Перу, чтобы принять участие в праздновании 150-й годовщины битвы при Айякучо, в которой войска под командованием маршала Сукре нанесли

окончательное поражение армии испанской короны. Чавеса включили в группу в качестве эрудита, его знания могли быть востребованы. В академии он обладал репутацией боливарианца, способного при необходимости выступить с докладом на любую тему об эпохе освободительных войн. Но Чавес всё же подстраховался и посвятил несколько дней чтению всего, что имелось в библиотеке академии о Республике Перу.

«Мне исполнился тогда 21 год, — вспоминал Чавес, — я учился на последнем курсе академии и уже ощущал в себе ясную политическую мотивацию. Для меня, военного юноши, опыт знакомства с национальной перуанской революцией был вдохновляющим. В Перу я лично познакомился с Хуаном Веласко Альварадо». В один из вечеров президент принял во дворце венесуэльскую делегацию и после беседы подарил каждому кадету свои книги с «Революционным манифестом», «Планом Инка» и текстами речей. На долгое время эти книги стали для Уго настольными. Их содержание он выучил почти наизусть, а речи Веласко Альварадо даже произносил вслух (конечно, без свидетелей).

Во время мероприятий, посвящённых битве при Айякучо, венесуэльцы не раз общались с членами чилийской делегации. Уго пришлось делать большие усилия, чтобы не выдать своих подлинных чувств. Эти парни в военной форме представляли «армию Пиночета», которая участвовала в заговоре против законно избранного президента Сальвадора Альенде. Президент погиб в осаждённом дворце, сжимая в руках автомат Калашникова. Достаточно было обменяться несколькими словами с чилийцами, чтобы почувствовать: эти ребята понятия не имеют о бедности, о ранчос, о пролетарских тяготах жизни. Все они — из привилегированных слоёв, высокие, крепкие,

ухоженные, внешне скорее европейцы, чем латиноамериканцы. «Мы спасли континент от расползания коммунистической угрозы», — заученно повторяли чилийцы. Нет, 56 каких-либо симпатий у Чавеса они не вызывали: «Свержение Альенде в сентябре 1973 года стало для меня и, думаю, для других членов венесуэльской делегации трагическим событием и вызывало у нас осуждение, презрение к тем гориллам в армейской униформе, которые возглавили путч. Пиночет казался нам отвратительным типом».

Впечатления и наблюдения, сделанные во время пребывания в Перу, позднее пригодились Уго при написании курсовой работы по предмету «Политические науки». Он критически оценил достижения перуанского военного режима: «Этот эксперимент некогда революционной направленности последовательно сдавал позиции, ослабевал, даже с точки зрения используемой терминологии. Если проанализировать речь Хуана Веласко за 1968 год, то она очень похожа на выступления Фиделя Кастро, но в последние годы правления это уже было реформистское месиво. В проекте отсутствовала направленность на защиту народных интересов».

В 1975 году Чавес окончил Военную академию. Этот выпуск офицеров, обучавшихся по новым программам, получил имя Симона Боливара. Клятву верности республике и её демократическим идеалам принимал президент Карлос Андрес Перес. Он вручил каждому выпускнику офицерскую саблю.

На фотографиях, сделанных в тот торжественный день, Уго смотрится безукоризненно: военная форма сидит на нём как влитая, ремень подчеркивает стройность фигуры, ботинки вычищены до блеска. Без преувеличения можно сказать: бравый, исполнительный служака, дай приказ, и он без раздумий бросится его исполнять. Дисциплина превыше всего! Но это

обманчивое впечатление. Уго был уверен, что ему и его друзьям по академии, их боливарианскому выпуску, суждено сыграть огромную роль в трансформации армии, сближении её с народом. Некоторые преподаватели намекали на то, что для этого необходимо уменьшить влияние Соединённых Штатов на вооружённые силы Венесуэлы, которое было неограниченным в период борьбы с партизанами. Изучение идейного наследия Боливара побуждало занять чёткую позицию: нам с Империей не по пути. Многие из друзей Чавеса, которые позднее учились или проходили переподготовку в военных академиях США, возвращались с убеждением, что «гринго» испытывают презрение к латиноамериканцам. Они используют «туземных» военных для полицейско-карательных функций, чтобы контролировать континент и держать в узде народы, населяющие его.

57 Сразу после академии Уго направили служить в родной Баринас, где его терпеливо дожидалась невеста Нанси Кольменарес. Новоиспечённый младший лейтенант и Нанси сыграли свадьбу, подыскали скромную квартиру, кое-как обставили её и были счастливы в первые годы семейной жизни. Семья пополнялась новыми членами: две дочери, Роса Вирхиния и Мария Габриэла, и сын Уго Рафаэль. Любовь Чавеса к ним была безмерна. Он старался быть нежным, преданным, всё понимающим отцом. Для некоторых «чавесологов» его аффектированное отношение к детям является косвенным подтверждением того, что Уго чувствовал себя обделённым родительской любовью.

Есть свидетельства, что Нанси не вызывала симпатий у свекрови. Из всех невесток донья Елена выделяла только одну — Кармен, жену Адана, которую называла «дочерью». Объясняя свои отношения с невестками, донья Елена не прибегала к

дипломатическим формулам: «Дело не в том, что я плохо отношусь к ним. Я трудилась на износ, чтобы мои дети стали профессионально образованными людьми, и хочу, чтобы рядом с ними были достойные женщины». Её репутации «достойности» Нанси отвечала не вполне: Уго стремился к самоусовершенствованию, настойчиво пополнял багаж знаний, а Нанси хотела простого семейного счастья, революционных порывов мужа не разделяла, боясь, не без оснований, что это может обернуться бедой для них и детей. Самый первый подарок, который Нанси получила от мужа, — энциклопедический словарь, — остался невостребованным, она в него даже не заглянула, а потом и вообще задвинула на дальнюю полку. В жизни Нанси всё было просто и ясно, непонятных слов она никогда не употребляла.

Из всех спутниц жизни именно Нанси доставила Чавесу меньше всего хлопот. Ни одного сказанного публично критического слова, никаких упрёков, никаких жалоб.

Глава 6

РЕВНОСТНЫЙ СЛУЖАКА, НАЧИНАЮЩИЙ КОНСПИРАТОР

К служебным обязанностям Уго относился так же ревностно, с тем соревновательным настроем, которым он отличался, выступая на бейсбольной площадке или на диспутах в академии. Его назначили в подразделение связи батальона егерей «Мануэль Седеньо», который был сформирован в 1960-е годы для разгрома партизанских «очагов». Всего таких батальонов в 58 составе армии было тринадцать. Почти весь офицерский состав этих частей получил специальную подготовку в учебных центрах Соединённых Штатов. К тому времени, когда Чавес начал свою службу, партизанское движение было фактически уничтожено. Попытка герильерос повторить кубинский опыт захвата власти с помощью оружия провалилась.

Ла-Маркесенья, под Баринасом, где располагался батальон, раньше была коммуникационным центром региональных операций № 3 (ЦО-3). Ещё подростком, выезжая из Сабанеты на соревнования по бейсболу, Уго обращал внимание на огороженную рядами колючей проволоки военную базу. У местного населения она пользовалась дурной славой, а отец Уго однажды даже угодил в её каталажку. Грузовичок, на котором он возвращался с друзьями после какого-то местного праздника, по вине нетрезвого шофёра перевернулся неподалёку от базы. Все были задержаны и подвергнуты проверке по подозрению в «подрывной деятельности». И вот — парадоксы судьбы — младший лейтенант Чавес направлен в Ла-Марке — сенью для

обеспечения охраны дорогостоящего радиооборудования, предоставленного Венесуэле Соединёнными Штатами. Высокая антенна, установленная на холме, служила для бесперебойной связи с координационным центром Группы Южного командования ВС США в Панаме.

В Ла-Маркесенье Чавес впервые прикоснулся к событиям антипартизанской борьбы. Однажды, ревизуя складские ангары, он наткнулся на старую, изрешечённую пулями автомашину, которая когда-то была захвачена у партизан. В её багажнике он обнаружил несколько десятков книг. Часть из них («нейтрального содержания») Уго отдал в библиотеку батальона, другие — явно «подрывного марксистского характера» — оставил себе. Потом он порылся в старых отчётах об операциях в зоне ЦО-3 и в ближайший выходной день разыскал кладбище, на котором под убогими деревянными крестами были похоронены безымянные партизаны. События недавнего прошлого побуждали к размышлениям, поиску правды о причинах, которые заставили этих людей взяться за оружие...

Служба в Баринасе позволила Чавесу осуществить мечту детства: заняться поисками сведений о Педро Пересе Дельгадо по прозвищу Майсанта, которому некогда принадлежала земля Ла-Маркесеньи. Если бы прадед спокойно сидел на месте и не ввязывался в авантюры, то, возможно, его имение до сих пор принадлежало бы родственникам Чавеса. Но Майсанта был сыном своего времени, принимал участие во всех восстаниях, которые подворачивались. В результате его земли были конфискованы и перешли в собственность государства. Дед Чавеса, сын Майсанта, с документами в руках и с помощью дорогостоящих адвокатов пытался вернуть имение, но без какого-либо успеха. Только растратил свои сбережения на ненасытных адвокатов.

На самой известной фотографии Майсанта выглядит романтично: в широкополой шляпе, с широким кожаным поясом наездника. В левой руке — уздечка, рядом угадывается конский силуэт, правая рука твёрдо сжимает рукоятку сабли. Аккуратно подстриженные усы, тесно сжатые губы без намёка на улыбку, взгляд устремлён в неопределённую даль, и в нём можно ощутить некий фатализм. Этот портрет особенно нравится Уго. Может быть, потому, что в облике Майсанта есть еле уловимое сходство с братом Аданом.

Дополнительный импульс к разысканиям дал врач из Баринаса Хосе Леон Тапия, ещё один любитель-историк, который опубликовал книгу «Майсанта, последний мужчина на коне». Тапия с сочувствием описывал нелёгкие жизненные обстоятельства героя народных легенд, опасные ситуации, из которых тот с честью выходил благодаря мужеству, ловкости и предприимчивости. У Майсанта было много врагов, и он, безоглядно рискуя собой в схватках, больше всего опасался наёмных убийц. Не было препятствий, которые не мог бы преодолеть Майсанта, но как предусмотреть предательскую пулю или внезапный удар кинжалом? Уго встретился с автором книги и, беседуя с ним, понял, что в биографии прадеда по-прежнему остаётся много белых пятен. Буржуазные историографы не жаловали Майсantu, акцентировали внимание на его «бандитизме» и умалчивали об эпизодах, когда он проявлял себя как защитник народа, бескорыстный венесуэльский Робин Гуд на коне. Поэтому Чавес начал собственные разыскания в военных архивах и служебных библиотеках, в которых пылились отчёты об охоте на неуловимый конный отряд Майсанта. Уго изъездил штаты Баринас, Апуре и добрался до Арауки, приграничного района в Колумбии, где его загадочный предок тоже ухитрился оставить свой след.

«Я был младшим лейтенантом, — вспоминал Чавес, — молоденьким и неопытным, и меня задержали на одном из колумбийских КПП с чемоданчиком, магнитофоном, фотоаппаратом, военной картой той зоны, где я искал информацию. Я фотографировал старичков, записывал беседы с ними, сверял их рассказы с картой, с местностью, на которой разворачивалась “Битва при Перикере” в 1921 году. Мой прадед был одним из тех генералов, которые рядом с Аревало Седеньо участвовали в той баталии»(Agustin Blanco Munoz. Habla el comandante Hugo Chavez Frias. Caracas: Ed. Catedra Pio Tamayo, 1998. P. 29.). Два дня находился Уго в «колумбийском плену». Его действительно можно было принять за военного разведчика, использовавшего «легенду Майсанты» для сбора информации. Ситуацию усугубляло то, что в его автомашине нашли ручные гранаты.

Колумбийский офицер строго отнёсся к арестованному венесуэльскому «шпиону», и у него было изъято всё — от автомашины до шариковой ручки. Допрос длился до поздней ночи. Потом Чавеса отвели в арестантскую каморку с тощим тюфяком, брошенным на деревянный настил. Уго долго не мог заснуть, ворочался с боку на бок, боясь не столько нового раунда допросов, сколько последующего возвращения в свой батальон. «Самоволка» в Колумбию могла закончиться для него самым плачевным образом, вплоть до изгнания с военной службы.

На следующий день колумбиец был более расположен к Чавесу, возможно, ознакомился с содержимым его блокнотов, прослушал магнитофонные записи бесед со стариками, ветеранами баталий Майсанты. Во время завтрака они заговорили о Великой Колумбии, государстве, в которое раньше входили их страны, о Симоне Боливаре и героической плеяде генералов, сражавшихся под командованием Великого

Либертадора. Потом речь зашла о парадоксах истории, когда возникают никому не нужные границы, разделяя фактически один и тот же народ на колумбийцев и венесуэльцев. Колумбийский офицер оказался страстным поклонником и знатоком жизни Боливара, и надо ли говорить, что Чавес с упоением поддержал беседу на столь захватывающую тему. Он и думать позабыл о своём положении арестанта.

Обычной процедурой в случае ареста в приграничной зоне «подозрительных лиц» была их отправка в штаб для дальнейшего следствия. На этот раз колумбиец поступил иначе. Он пригласил Чавеса в местный ресторанчик, угостил его обедом, а потом проводил до границы. Машина и всё имущество было Чавесу возвращено, кроме гранат.

«Не забудь прислать мне свою книгу о Майсанте!» — крикнул колумбиец на прощание.

Почтительное отношение президента Чавеса к прадеду, как и следовало ожидать, побудило историков «от оппозиции» высказать свою, в корне противоположную точку зрения на Майсанту и с фактами в руках утверждать, что президент и тут был «не прав». С разгромными тезисами выступил в печати академик Олдман Ботельо, автор книги «Документированная история легендарного Педро Переса Дельгадо, Майсанты», выпущенной в 1995 году.

По мнению историка, реальные стороны личности «бандита» не слишком совпадают с тем идеальным портретом, который создал Хосе Леон Тапия и «разрекламировал» Чавес. Майсанта, служивший в армии диктатора Гомеса, дважды предал его. После первого предательства Гомес, несмотря на все враждебные набеги «последнего мужчины на коне», простил его и, более того, определил на государственную службу. Но второй раз «партизанщину» Майсанты оставлять безнаказанной

было нельзя: он участвовал во вторжении генералов — авантюристов с территории недружественной Колумбии.

Перес Дельгадо, находясь под арестом, прибег к испытанному средству, написал Гомесу хвалебно-покаянно-просительное письмо: «Я повторяю клятву в том, что являюсь вашим верным другом и готов доказать это. Надеюсь, что вы с вашим всепрощением и чувством справедливости окажете мне честь, я выйду на свободу и смогу служить вам самоотверженно и верно. В этом я вам клялся и в этом снова клянусь»(Rafael Simon Jimenez. Maisanta, Guerrillero pedigueno y traidor // Zeta. № 1554. 17.03.2006.). Гомес уже знал, чего стоят лесть и клятвенные заверения Майсанты, приказал заключить его в казематы крепости Пуэрто-Кабельо. Педро Перес Дельгадо умер в 1924 году, и есть серьёзные подозрения, что он был отравлен.

Чавес несколько раз пытался установить место захоронения Майсанты. Последнюю попытку он предпринял, став президентом. Были подняты архивные дела, связанные с тюрьмой Пуэрто-Кабельо, привлечены к делу краеведы, просмотрены регистрационные книги городских кладбищ. Никакого намёка, никакого следа могилы выявить не удалось. Вполне вероятно, что по приказу Гомеса, который умел мстить даже мёртвым, тело Майсанты просто бросили в море на съедение рыбам.

В ноябре 1976 года в соответствии с батальонным графиком Уго был направлен на границу с Колумбией. Его взвод патрулировал в районах Кутуфи, Эль-Нула и Ла-Виктория, куда периодически просачивались отряды Армии национального освобождения Колумбии (ELN). Чавес впервые столкнулся с жестокой обыденностью подобных вторжений. Ему пришлось опрашивать жителей венесуэльской деревушки Ла-Чирикоа в глухой

сельве Сан-Камило. В деревушку вошли партизаны и завладели нехитрым товаром из лавчонки. Владелец пытался оказать сопротивление, раздались выстрелы, появились убитые и раненые.

Составляя отчёт, Чавес написал, что грабителями были партизаны. Но уверен в этом не был. Разве партизаны могут быть заурядными грабителями и убийцами? После бумажных формальностей Чавес и его патруль отправились на катере вниз по реке Сараре искать партизан, но те как в воду канули. Единственные колумбийцы, которых они встретили, были рубщиками леса: испуганные взгляды, истощённые тела, рваная одежда. На все вопросы отвечали «не знаем», «не видели», «не слышали».

Новые впечатления, новые попытки осмысления жизни. Вспоминая о службе на границе, Чавес всегда подчёркивал, что она не прошла для него напрасно: «Партизанская война, армия, нищенский народ, мёртвый ребёнок. И в итоге ты, выходец из низов и когда-то тоже очень бедный мальчишка, начинаешь обдумывать всё увиденное, и если ты имеешь какое-то понимание исторического венесуэльского процесса, то эти размышления уже не остановить... И тогда я начал снова читать (книги) о Че, Мао, искать материалы в библиотеках, пытаться узнать причины этих процессов».

Не удивительно, что полученные знания требовали какого-то воплощения, росло желание поделиться ими. Так молодой офицер оказался на городском радио Баринаса, где начал вести еженедельную программу, а в местной газете «Эспасио» получил колонку, которой дал претенциозное название «Патриотическо-культурная проекция Седеньо 12». Статьи Чавеса того периода отличались высокопарностью и многословностью, избытком пышных эпитетов. Но патриотизм и боливарианская пассионарность

пробивались через недостатки стиля и лексические излишества.

По его инициативе в воинской части при поддержке местного университета было создано аграрно-животноводческое хозяйство. Солдаты в свободное время выращивали овощи и выкармливали кроликов, что значительно улучшило рацион питания. На пустырях в окрестностях батальона были разбиты спортивные площадки, на которых вместе с военнослужащими охотно тренировалась городская молодёжь.

Офицеры «старой закалки» относились к нетрадиционному поведению младшего офицера если не презрительно, то с б3 иронией: они слишком много мнят о себе, эти новые лейте нанты-боливарианцы, licenciados (Licenciado (исп.) — лицензиат, кандидат, получивший первую учёную степень.) чересчур учёные, «почти адвокаты»! Уго на насмешки реагировал остро, защищал свою честь, невзирая на чины и звания, и в итоге наказывался «за неподобающую форму ответа непосредственному начальнику».

Влетало ему и за дело. Так, однажды он без разрешения командира батальона ушёл играть за городскую бейсбольную команду. В тот вечер Чавес был в ударе, в радиорепортаже со стадиона постоянно звучало его имя. Солдаты в казарме шумно приветствовали успехи своего лейтенанта и, конечно, привлекли внимание капитана. Он выяснил, в чём дело, и после возвращения Чавеса с игры наказал его суточным арестом.

Конфликты Чавеса с начальниками чаще всего вызывались его непокорным характером, стремлением оспорить «неправильные» с его точки зрения приказы. Постепенно нарастал внутренний протест против попыток «затолкать» его неоправданными наказаниями в рутину армейской жизни, вытравить из него тот дух

боливарианского свободолюбия, который был усвоен в стенах академии.

Сам Чавес так вспоминал о первом периоде своей армейской службы: «Я сталкивался, и очень жёстко, с прямыми начальниками, когда видел случаи коррупции, причём не только в использовании небольших ресурсов батальона, но — моральную коррупцию вооружённых сил, служить в которых я готовился серьёзно, с моралью и правдой. По меньшей мере, с нашей правдой, в которую мы, боливарианцы, верим, возможно, потому, что наш выпуск получил имя Симона Боливара».

Через год батальон, в котором служил Чавес, был перебазирован в Куману, город на побережье Карибского моря. Причина смены дислокации — угроза возобновления партизанской активности на востоке страны. Попытки экстремистской части расколовшейся марксистско-ленинско-маоистской партии «Bandera Roja» («Красное Знамя») открыть «фронт вооружённой борьбы» встревожили правительство. В селении Сан-Матео (штат Ансоатеги) надо было развернуть пункт связи Центра операций № 2 (ЦО-2). Лейтенанту Чавесу поручили обеспечивать бесперебойную связь, следить за техническим состоянием радиостанций, командовать взводом, охранявшим военный лагерь.

Отношения с начальником лагеря у Чавеса с самого начала не сложились. Во-первых, тот — для собственного удобства — дал указание расположить радиопункт поближе к селению, где он арендовал квартиру. На замечание лейтенанта, что радиопункт должен быть хорошо замаскирован и что надёжной связи со штаб-квартирой в Матурине не будет из-за близости ЛЭП высокого напряжения, начальник прореагировал с раздражением: «Опять ты твердишь о теории электромагнитных волн и прочей чепухе! Придумай что-нибудь!» Пришлось ставить более высокую антенну, но и в этом случае наладить связь с

Куманой и Матурином не удалось. Только тогда начальник разрешил перенести радиопункт на возвышенность в полтора километрах от Сан-Матео. Связь тут же появилась. Чавес, заведомо зная, что снова нарвётся на скандал, напомнил начальнику, что командный пункт должен находиться рядом с радиостанцией, а иначе нарушается инструкция. Не моргнув глазом Чавес также сказал, что станцию охраняет взвод численностью всего в десять человек и потому она может стать заманчивым объектом для диверсии партизан.

Надо ли говорить, что подобные предостережения «зелёного» лейтенанта воспринимались как вызов, как стремление подчеркнуть свою «образованность». В частности, негодование начальства вызывала непозволительная «демократичность» Чавеса по отношению к нижним чинам. Он нарушал неписанный закон: не обедать вместе с сержантами и солдатами за одним столом. На замечания возражал, приводя примеры из биографий великих венесуэльцев — Симона Боливара или Хосе Антонио Паэса. В ответ — придирки, служебные претензии, попытки «подставить выскочку». В армейской жизни для этого много возможностей.

Однажды, когда капитан, начальник ЦО-2, отсутствовал, в расположении радиопункта появился грузовик с людьми. Вышедший из машины человек представился отставным полковником, бывшим контрразведчиком. Он и его помощники привезли крестьян со связанными руками. Их подозревали в связях с партизанами. Чавес разрешил на ночь поместить пленников в свободную палатку. Когда стемнело и, казалось, что все, кроме часовых, спят, из арестантской палатки раздались страшные крики. Чавес прихватил с собой трёх солдат и побежал выяснять, в чём дело. Оказалось, что полковник и его подручные развлекались тем, что избивали

«захваченных партизан» бейсбольными битами. Разгневанный Чавес поставил ультиматум: прекратить надругательство над людьми и передать крестьян под охрану его солдат или всем убраться из лагеря. Полковник предпочёл последний вариант, пригрозив Чавесу «серьёзными последствиями».

Он и в самом деле накатал рапорт, обвинив Чавеса в «сочувствии к партизанам». В ходе последовавшего расследования также обнаружилось, что Чавес «разъяснил» подчинённым антигуманную суть произошедшего, а это не соответствовало никаким военным уставам и положениям. Отдавать Чавеса под суд его непосредственный начальник не решился, но, чтобы сбить гонор с «лисенсиадо», направил его в подчинение другому лейтенанту. Несколько недель в составе мобильной группы Чавес патрулировал районы Санта-Росы, Анако, Кантауры, в которых действовали небольшие партизанские группы.

Отбыв наказание в «патрульной ссылке», Чавес вернулся в свою палатку на радиопункте. Нарушителем дисциплины он себя не считал, но протестовать по поводу незаслуженного наказания не стал. Не раз убеждался, что это бесполезно. Однако размышления о несправедливости многих сторон армейской жизни молодого офицера уже не оставляли. Разве можно терпеть разгул коррупции в Венесуэле? Разве не отражается эта всеобщая коррумпированность на армии? На батальоне, в котором он служит? Разве его начальник, капитан, не отправляется каждый уик-энд на курортный остров Маргарита, опустошая кассу батальона для своих развлечений в казино и с дамами лёгкого поведения? Разве нельзя было избежать тех смертей в далёкой деревеньке Ла-Чирикоа на границе с Колумбией? Разве не преступление — избиение беззащитных крестьян всего лишь за подозрение в связях с партизанами? Не из-за этих ли бесчеловечных

пытках бросился в пропасть один из них? Среди немногих акций, которые успели осуществить партизаны, стало нападение на военных в окрестностях селения Ла-Глория (в октябре 1977 года). В тот день Уго находился на базе в Барселоне, где получал дополнительные комплекты боеприпасов для батальона. Когда поблизости приземлился вертолёт с убитыми и ранеными, Уго бросился помогать санитарам. Неожиданно кто-то схватил его за руку, и Чавес узнал солдата из своего подразделения. Тот был в очень плохом состоянии, марлевая повязка на груди пропиталась кровью: «Мой лейтенант, не дайте, не дайте мне умереть!» Этот солдат скончался в госпитале на следующий день...

Запись из дневника Уго Чавеса, конец октября 1977 года: «Военные берутся за сабли для защиты социальных гарантий. В этом есть надежда. Вполне возможно. Пять гамаков. Офицеры спят. Солдаты тоже. Команда “Магальянес” проиграла 6:4 “Лос Тибуронес”. Я утратил прежний фанатизм. Этот бейсбол не наш. Он тоже североамериканский. Где-то в отдалении слышу хоропо. Это наша музыка. Она, как и всё другое, подавляется иностранной музыкой. Венесуэлец никогда не б6 мог встретиться сам с собой. Со своей землёй, со своим народом. Со своей музыкой. Со своими обычаями. Мы лишены идентичности. Мы всё импортируем. Но имеем “деньжата”. Мы “нефтедобытчики”. Для нас важно только одно: заработать “деньжат”. Иметь автомашину последней модели. Быть туристом. Получить “статус”. Таково сознание этого народа, изъеденное “нефтедолларами”. “Золото коррумпирует всё”. Снова Симон Хосе Антонио [Боливар]. Не могу избежать его [цитирования]. Это единственно ценное и прекрасное, что остаётся нам, любящим эту землю: вцепиться в то героическое прошлое и его людей, созидателей своей истории. Что ещё?» Несмотря на

большую концентрацию войск в регионе, партизаны продолжали свои действия. Лейтенант Чавес пытался разобраться в их стратегии и тактике. Было известно, что отряд Габриэля Пуэрты Апонте (Габриэль Пуэрта Апонте — один из партизанских командиров Венесуэлы в 1960—1970-х годах. Был создателем в конце 1969 года подпольной левозэкстремистской организации «Bandera Roja» («Красное Знамя»). Несколько раз был арестован, совершал побег из тюрьмы. В 1992 году Апонте поддержал вооружённое выступление У. Чавеса. В 2000 году «Bandera Roja» вышла из подполья и стала участвовать в акциях радикальной оппозиции против правительства Чавеса, который заклеил Апонте агентом олигархии и ЦРУ. В 2007–2008 годах «Bandera Roja» практически сошла с политической арены.) ставил главной задачей «пропагандистскую работу с массами, разъяснение народу целей борьбы». Казалось бы, в таком случае партизаны должны избегать прямых столкновений с военными. Но стычки становились всё более частыми. Видимо, партизаны с трудом уходили от преследования из-за плотности патрулей, засад и манёвренных групп. Вероятнее всего, у них слабая поддержка среди населения, что, в перспективе, обрекает их на поражение. Чавес сравнил состояние боевого духа солдат и партизан, оказалось — не в пользу первых. В его батальоне 300 военнослужащих, но их эффективность низкая, а моральное состояние тем более: «Солдаты не чувствуют, не понимают свои задачи. Очень просто. Их интересы как социального класса не совпадают с целями этой борьбы. В свою очередь, партизаны соответствуют этим требованиям, необходимым для перенесения трудностей, долгой изоляции и готовности к самопожертвованию».

В некоторых операциях Чавес принимал прямое участие. Ему и его напарнику лейтенанту Перейре поручили захватить партизанку Сириаки Карвахаль,

жительницу Сан-Матео. Стало известно, что её дедушка тяжело заболел, и она должна была появиться в посёлке, чтобы проститься с ним. В записи от 29 октября Уго описал всё случившееся в духе дневников Грэма Грина и Че Гевары: «Переодевшись в штатское, я выехал в посёлок с группой “SWAT”. Изобразив, что грузовик “попал в аварию”, мы разошлись — это было в пятницу — по опьяневшим и шумным улицам ночного Сан-Матео. Перейра был с гитарой-куатро. Я подпевал. Мы изображали пару пьянчужек. Деревенщину. Мы устроились на каком-то углу, и каково было наше удивление, когда после песни “Молиться — это далеко не всё” люди, которые болтали и смеялись поблизости, прониклись её содержанием настолько, что предложили нам сигареты. Нам пришлось спеть снова. Али Примера (Али Рафаэль Примера (1942-1985) — народный бард, уделявший большое внимание в своём творчестве теме сопротивления. Был близок к компартии, участвовал в её избирательных кампаниях. Примера погиб в автомобильной катастрофе. По одной из версий, авария была подстроена агентами тайной полиции. Чавес часто цитирует «мобилизующие» строки из песен Примеры во время своих выступлений.) нас не подвёл. Получилось так, что мы находились в квартале от дома Сириаки. Я воспользовался возможностью пообщаться с жителями селения. Простые люди. Искренние. Территория, где с лёгкостью зарождается дружба, без какого-либо побочного интереса. Я проспал до утра в грузовике. Сириаки так и не пришла. Звучит жестоко, но это необходимо — отказаться от сентиментализма или, по крайней мере, от его внешних проявлений, если хочешь выжить в этой войне. Другой вывод: поддержка народа тоже необходима. Но чтобы она была, важно добиться её и сохранить мотивацию. Совместить в едином пункте интересы этого народа и цели борьбы. Необходимо создание программы, которая

привлечёт народные симпатии. Более привлекательные, чем те, которые существуют сейчас. Но каковы в настоящее время интересы народа? Земля? Оружие? Богослужение? Равенство?» По содержанию дневника Чавеса «периода антипартизанской борьбы» легко сделать вывод, что он симпатизирует революционным идеям. Его ссылки на Че Гевару, анализ создавшейся ситуации с точки зрения партизан, отсутствие враждебных выпадов в их адрес — весьма симптоматично определяют характер его поисков. Нельзя не заметить подчёркнуто нейтральную позицию, когда Уго затрагивает различные аспекты противостояния армии и партизан. Это объяснимая необходимость. Дневник может попасть в чужие руки.

У начинающего командира растёт понимание того, что нужна какая-то реакция, какое-то противодействие всеобщей государственной деградации, в том числе в армии. И вот — первая попытка конспирации. Октябрь 1977 года. Уго создаёт «свою» подпольную ячейку, в которую входят три подчинённых ему сержанта, один из которых приходится ему племянником. Ячейка получила громкое название «Армии освобождения народа Венесуэлы». Вспоминая об этом первом протестном эпизоде своей жизни, Чавес признавался, что не имел никакого представления о том, каким именно путём, под какими лозунгами и во имя каких идеалов должна была действовать «Армия освобождения». Единственный результат её кратковременного существования был эмоциональный: создание армии позволило Уго сбросить пар негодования, доказать самому себе, что он способен на решительные поступки, вопреки давящей армейской атмосфере и враждебности начальства.

В декабре 1978 года лейтенанту Чавесу во главе взвода солдат довелось обеспечивать охрану избирательного участка, расположенного в школе на

окраине городка Сан-Карлос-де-Кохедес(В то время он служил в танковом батальоне «Бравое де Апуре» (Batalion Bravos de Apure).). На тех президентских выборах победил Луис Эррера Кампинс, кандидат партии COPEI. Молодой офицер стал свидетелем того, как относились к «свободе волеизъявления» в Четвёртой республике. На улице начался ливень, и Чавес, чтобы не промокнуть насквозь, попросил разрешения у «шефа» избирательного участка войти в здание. Разрешение было дано, и он с солдатами пристроился в углу зала. В то время голосовали карточками с изображением партийных символов, а подсчёт поданных голосов осуществлялся вручную.

На карточке компартии был изображён её традиционный символ — красный петушок. Наблюдатели при подсчёте голосов были только от двух партий — AD и COPEI — чем они и пользовались. Сговорившись, приписывали «по очереди» голоса коммунистов своим кандидатам.

«Кукареку, это для меня!» «Кукареку, это для тебя!» «Голосов, поданных в Сан-Карлосе за коммунистов, было немного, — вспоминал Чавес, — но и эти голоса были украдены под звуки “кукареку”. Вначале это рассмешило меня, но потом вызвало возмущение. Я изложил всё, чему был свидетелем, в рапорте и вручил моему начальству. Принесло это мне одни проблемы: «Вы не должны вмешиваться, это не ваше дело». В итоге я получил нагоняй и едва не попал под арест».

Между тем армейская жизнь шла своим чередом. Уго повышал офицерскую квалификацию на различных курсах, вовремя получал новые звания. Брат Адан окончил университет. Вначале он работал в Мериде, потом со своей семьёй вернулся в Баринас.

Если Уго ещё не определился с политическим выбором, то Адан уже состоял в Партии венесуэльской революции (PRV)(PRV — Partido de la Revolution

Venezolana.). В конце 1979 года к нему обратился член нелегального аппарата партии Нельсон Санчес. По заданию Дугласа Браво (Дуглас Браво (р. 1932) политическую карьеру начинал в компартии Венесуэлы. В период диктатуры Переса Хименеса сидел в тюрьме, в 1960-е годы возглавлял партизанское движение в стране — Fuerzas Armadas de Liberation Nacional (FALN).) он занимался подбором перспективной военной молодёжи для задуманного проекта «военно-гражданского восстания». Браво сделал выводы из партизанской эпопеи 1960-х годов: кубинский опыт для захвата власти в Венесуэле не пригоден, надо менять стратегию. Вовлечение в революционную борьбу националистически настроенных военных казалось перспективным, поскольку в армию Венесуэлы набирали молодёжь из малообеспеченных слоёв. По теории Дугласа Браво, заряд «социальной ненависти» у части военнослужащих был настолько силён, что даже после суровой муштры и «промывания мозгов» их можно было рекрутировать в организацию. Расчёт оказался верным. За несколько месяцев работы были установлены первые контакты среди сержантского и младшего офицерского состава.

Нельсон Санчес вспоминал, что Адан Чавес «нам сказал, что у него есть брат, который обладает определёнными задатками революционера, и он поговорит с ним... Адан выполнил обещание... Уго конспиративно, загримировавшись до неузнаваемости, побывал на нескольких встречах, послушал, о чём говорят на них студенты и представители народа. Потом, где-то в январе — феврале 1980 года, Адан подтвердил, что его брат хочет участвовать в нашей работе и стать членом организации по подготовке гражданско-военно-религиозной боливарианской революции». Только после этого Нельсон Санчес лично встретился с Уго, обсудил с ним условия работы и

представил лидеру Партии венесуэльской революции Дугласу Браво. Легендарный партизанский команданте поначалу осторожно отнёсся к молодому офицеру, прощупывал со всех сторон, особенно «по идеологической части». Впечатление о «новобранце» было не слишком благоприятным: «Незрелый!» Но потенциальные возможности и способности лейтенанта для привлечения военной молодёжи в партию были несомненными: он контактен, напорист, энергичен, обладает даром убеждения.

К этому времени Уго уже был переведён из провинции в Каракас и продолжал службу в качестве спортивного организатора в Военной академии. Авторитета и влияния на кадет ему было не занимать. Сегодня это кадеты, завтра — командиры боевых частей. Вот когда его парни скажут решающее слово.

Позднее Санчес с похвалой отзывался о вкладе новобранца в работу нелегального аппарата партии: «Уго Чавес всегда проявлял методичность и настойчивость, старался оказывать внимание офицерам, которых привлёк к делу. Многие из них после окончания академии были направлены на службу в глубинку, и Чавес, чтобы сохранить с ними связь, в свободные от службы дни отправлялся в далёкие гарнизоны: по-братски поддержать друзей, поговорить на текущие политические темы. Чавес заботился об укреплении своего лидерства и был самым эффективным офицером в подпольной структуре. Он обладал огромным чувством принадлежности к организации, делал всё возможное для повышения её боевитости. Чавес добивался того, что было намечено, потому что внутренне верил в правильность избранного пути».

Нужно отметить, что отношения с PRVy Чавеса складывались сложно. Он так объяснял причины: «Некоторые левые хотели манипулировать нами,

опираясь, возможно, на идею, что мы, военные, должны быть своего рода вооружённой рукой политического движения. У меня не обошлось без стычек с Дугласом Браво... Моя уверенность в том, что Дуглас ошибается, заставила меня в большей степени сблизиться с партией "Causa R", которая тогда больше работала среди народа, что было жизненно важным для видения гражданско-военной борьбы, которое начинало созревать во мне. Я уже тогда очень ясно осознавал необходимость связи с массами, а этого не было в партии Дугласа. Напротив, в партии "Causa R" я ощущал присутствие масс».

Об основателе этой партии Альфредо Манейро Чавес отзывался с неизменным уважением. Один из свидетелей их знакомства вспоминал: «Альфредо сказал младшему лейтенанту, что надо иметь терпение, что в стране не произойдёт ничего значительного в течение многих лет, потому что для иного варианта развития событий не сложились условия: "Поэтому старайся не рисковать, продвигайся по службе, формируйся политически, готовь кадры и будь особенно внимательным и ответственным к делам организации. Сейчас трудно сделать что-то значимое, поэтому надо работать спокойно. Будущие 71 успехи заключаются именно в этом: не быть разоблачённым. Сейчас важнее печатный станок, чем автомат. Надо иметь терпение, накапливать силы до того времени, когда будет смысл сменить этот станок на автомат". Лейтенант хорошо понял его. Когда он ушёл, Альфредо сказал: "Настанет день, когда мы поднимем восстание с помощью этого младшего лейтенанта"».

С самого начала приобщения к конспиративной работе Чавес отказывался быть пассивным исполнителем чужой воли. Он искал свой путь. Первым опытом стало формирование в рядах армии «Движения Боливарианской революции» — «MBR-200»(Movimiento

Bolivariano Revolucionario-200.). Цифра «200» появилась в названии потому, что в 1983 году страна готовилась к празднованию двухсотлетия со дня рождения Симона Боливара. Идея Уго назвать движение — «MBR-200» — была единодушно одобрена подпольным руководством.

Год 1982-й начался для Уго печальным известием: 2 января скончалась Мама Роса. Ещё несколько дней назад, на Рождество, он был в Баринасе, в доме родителей, разговаривал с ней, утешал, говорил, что болезнь её излечима. На самом деле надежды не оставалось никакой. Адан показал ему рентгеновский снимок её лёгких, от которых не осталось почти ничего.

В одном из углов комнатухи Росы Инес Уго устроил *presebre* — традиционную рождественскую композицию на тему рождения Иисуса Христа. Мама Роса с интересом наблюдала за его работой с кровати, давала советы, улыбалась, когда Уго доставал из корзины хорошо знакомые ей фигурки малыша Иисуса, Девы Марии, святого Иосифа, пастухов и овец. Из картона, фольги, бумаги и зеркала, подкрашенного синей краской, он соорудил пещеру, колыбельку для малыша, озеро и небо с большой Вифлеемской звездой. Много раз в прошлом Уго сооружал для Мама Росы рождественские сценки, но это *presebre*, — он это предчувствовал, — было для неё последним.

Дни в Баринасе пролетели быстро, надо было возвращаться в Военную академию. «Мне было очень тяжело уезжать, — вспоминал Чавес, — но иного выхода не было. Прощаясь с Мамой Росой, обнимая её, я плакал, и она мне повторяла: “Тихо, тихо, сын, не плачь, с таким количеством таблеток и лекарств я снова стану здоровой”... Я смотрел в её глаза, и что-то в глубине души мне говорило: “Я больше тебя не увижу, Роса Инес”»...

Склонность к выделению «ключевых моментов» жизни всегда отличала Чавеса. Одним из таких ярких

моментов его биографии стала символическая клятва под саманом Гюэре, вошедшая в новейшую историю Венесуэлы. Саман Гюэре — старое дерево в Маракае, где Чавес, уже капитан, проходил переподготовку в десантно-парашютном батальоне. Дерево считалось исторической реликвией: в древности под ним совершали обряды индейцы, а в эпоху борьбы за независимость не раз отдыхал Симон Боливар.

Внешне незаметное событие произошло 17 декабря 1982 года. В тот день офицеры-парашютисты — Уго Рафаэль Чавес Фриас, Фелипе Антонио Акоста Карлес, Хесус Урданета Эрнандес и Рауль Исаиас Бадуэль — оделись по-спортивному, чтобы не привлекать внимание, и в привычном ритме тренировочной пробежки отправились в путь...

За день до этого к Уго обратился его непосредственный начальник полковник Манрике Манейро: «Чавес, я хочу собрать завтра всех парашютистов, чтобы отметить годовщину смерти Боливара. Прошу подготовить доклад и выступить».

Поручение Чавес воспринял с энтузиазмом. Он оповестил о предстоящей церемонии все батальоны и вечером, прогуливаясь по пустынному плацу, стал обдумывать свою речь. Уже тогда он отдавал много сил пропаганде идей Боливара в военной среде: устраивал беседы, развешивал в казармах плакаты с цитатами из него, покупал книги с трудами Либертадора и вручал офицерам, которых собирался привлечь к конспиративной работе. Так что спасибо полковнику! Какая великолепная возможность: обратиться сразу ко всем парашютистам, доказать тем, кто ещё остаётся в стороне от общего дела, что мысли и идеи Боливара сохраняют актуальность и должны применяться для преобразования и обновления страны! В час дня 17 декабря, когда парашютисты уже были выстроены на плацу, майор Флорес Хилан, отвечавший за проведение

церемонии, спросил: — Где текст вашего выступления, капитан? Я должен приложить его к отчёту.

— Текста у меня нет, — развёл руками Чавес. — Полковник сказал: достаточно нескольких слов.

— По регламенту содержание доклада должно быть представлено в письменном виде до выступления...

Настаивать майор не стал, потому что времени на препирательство не оставалось.

Чавес начал своё тридцатиминутное выступление с цитаты Хосе Марти: «Стерегушим и обеспокоенным пребывает Боливар в небесах Америки, поскольку то, что он не завершил, остаётся незавершённым до сего дня». Эти слова были необходимы Чавесу для того, чтобы связать прошлое с настоящим, напомнить о бедственном положении народа Венесуэлы: «И не надо говорить, что Боливару сейчас нечего делать в Америке — с такой нищетой, с такой униженностью; как это Боливару нечего делать?» Когда Чавес завершил свою речь, он уже знал, что его слова взволновали всех присутствующих. Многие согласились с тем, что он говорил, другие, их было меньше, — насторожились: что это за подозрительная пропаганда под прикрытием имени Боливара? Майор Хилан сказал недоброжелательно, с явной обвинительной интонацией: — Вы, Чавес, похожи на политика.

В армии сравнить кого-то с политиком было равноценно оскорблению: политики воспринимались как демагоги, профессиональные обманщики. На помощь другу подоспел Фелипе Антонио: — Послушайте, майор. Капитан Чавес не является политиком, как вы его обозвали. Дело в том, что именно так думаем мы, боливарианские капитаны. И когда один из нас говорит подобным образом, все вы мочитесь в штаны.

Атмосфера стала накаляться, но вмешался полковник Манейро. Он сказал, что капитан Чавес

минувшим вечером в «устной форме» доложил ему о содержании выступления и получил «добро». Полковнику не поверили, но это был устроивший всех выход из конфликтной ситуации.

Чтобы сбросить напряжение и поговорить без посторонних глаз и ушей, Фелипе предложил Уго совершить пробежку, к ним присоединились капитан Хесус Урданета и лейтенант Рауль Бадуэль.

«Было немногим больше двух часов дня, — рассказывал Чавес, вспоминая тот день. — Вначале мы пробежались к казармам Ла-Пласера, затем свернули к саману. Когда мы остановились у дерева, мы ещё были под влиянием того, что недавно произошло, и полны негодования. Я предложил ребятам произнести слова клятвы. Мы воспользовались клятвой Боливара: “Клянусь Богом моих родителей, клянусь ими, клянусь моей честью и клянусь моей родиной, что не дам отдыха моей руке, ни покоя моей душе до того, пока мы не разорвём цепи, которые нас давят по воле испанской власти”. Я чуть изменил последние слова, стало: “по воле власть имущих”. Я повторил эти слова, и мои друзья выслушали их... С этого момента мы стали серьёзнее относиться к нашей революционной работе. В тот день мы ещё обсудили тему привлечения офицеров в наше движение. Был определён строгий принцип: приём производится только по общему согласию».

Клятва под саманом Гюэре была импровизацией, чуть театральной, но искренней. Помимо заимствования из Боливара она включала цитату из прокламации Эсекиэля Саморы: «Земля и свободные люди, народные выборы, страх олигархам, родина или смерть».

В этой четвёрке молодых офицеров, близких друзей, Хесус Урданета был первым, с кем Чавес, ещё в конце 1977 года, поделился мечтой о создании «чисто военной подпольной организации». Урданета придерживался национал-патриотических взглядов, негативно

относился к левомарксистским «подрывным» структурам и тем более к партизанским способам борьбы. Чавес с ним не спорил: «Мы в Герилью не пойдём. Это уже в прошлом. Наша боливарианская философия и наша военная подготовка с этим не стыкуются».

О Рауле Бадуэле Чавес как-то сказал: «Мы, члены “MBR-200”, относились к нему с большим уважением и ценили в нём образованность, его дружелюбие». В офицерской среде Бадуэль выделялся увлечением китайскими философами и военными стратегами. Тяготение к Востоку наложило отпечаток на его характер, придало ему некую загадочность или даже мистичность. Цветистая и замысловатая речь Бадуэля, в которую он вплетал изречения буддистских мудрецов, ничем не напоминала о его революционных наклонностях.

Из тех, кто давал клятву под саманом, до триумфа Боливарианского движения не дожил Фелипе Антонио Акоста Карлес. Он погиб при странных обстоятельствах в 1989 году, в дни «Каракасо», стихийных народных протестов, вызванных неолиберальными реформами правительства Карлоса Андреса Переса. Фелипе Антонио был в то время начальником административной части Военной академии. 27 февраля его направили в одну из «критических зон» столицы для выяснения обстановки. Родственники и члены «MBR-200» так никогда и не узнали, что произошло с Фелипе. Их попытки получить материалы аутопсии наткнулись на глухое сопротивление тайной полиции DISIP и угрозы: «Если дорожите жизнью, не вмешивайтесь, иначе...» В дни «Каракасо» Чавес был болен ветрянкой, и врач во дворце Мирафлорес, где тогда служил Уго, категорически запретил ему появляться на работе. За кровавыми событиями Чавес следил по телевизору. Трагическое известие он получил по телефону и, по его

словам, оплакал смерть друга вместе с Нанси и тремя детьми. «Фелипе был настоящим товарищем, — вспоминал о нём Чавес, — человеком действия, который никогда не подавал признаков уныния и умел поднимать дух своих товарищей, как это характерно для уроженцев штата Гуарико». О погибшем друге Чавес сложил поэму, которую не раз читал на митингах.

Комментируя события «Каракасо», Чавес говорит, что, если бы не болезнь, в дни 27-28 февраля его могла ожидать та же судьба, что и Фелипе Антонио Карлеса Акосту. В обстановке хаоса и насилия специальные группы полиции охотились за «установленными» врагами правительства. Счёт смертей шёл на сотни и тысячи, и списать ещё одну на «террор преступных элементов» было проще простого.

Глава 7

КОМПАНЬЕРА «ПЕДРО» — ТАЙНАЯ ЛЮБОВЬ

В апреле 1984 года Уго познакомился с женщиной, которая стала его тайной любовью и надёжной помощницей в конспиративных делах.

Эрма Марксман была на пять лет старше Чавеса. Она выросла в штате Боливар. Родной отец Эрмы умер, когда ей было два года. Мать снова вышла замуж — за Эдуардо Бенито Марксмана, служащего компании «Ориноко Майнинг» в Пуэрто-Ордасе. Он удочерил Эрму и сделал всё для того, чтобы она получила хорошее образование. Марксман был профсоюзным активистом, боролся за права рабочих, улучшение материальных условий их жизни. Его главным увлечением была история, он преклонялся перед гением Симона Боливара и возмущался тем, что в Пуэрто-Ордасе не было площади с памятником в его честь. «Пуэрто-Ордас — это единственный населённый пункт Венесуэлы, где игнорируют Либертадора», — возмущался он. Пуэрто-Ордас был молодым промышленным городом, но, по мнению Марксмана, это не являлось оправданием. Благодаря усилиям отчима такая площадь с небольшим бюстом Боливара всё-таки появилась.

После окончания школы Эрма поступила в Центральный университет Каракаса на отделение биологии. Это был конец 1960-х годов, и, венесуэльские студенты, как и в других странах мира, политизированные до предела, устраивали уличные беспорядки, сражались с полицией. Для того чтобы сбить волну студенческих волнений, университет на девять месяцев закрыли. Сидеть дома Эрма не захотела

и перешла в Педагогический институт на историческое отделение. Сказалось влияние отчима. Получив диплом учителя истории, девушка продолжила учёбу в аспирантуре университета Санта-Мария.

76 Научным руководителем её был известный в стране коммунист Федерико Брито Фигероа, считавший метод материалистической диалектики единственно возможным для анализа исторических процессов. Он охотно взял Эрму к себе, определил исследовательскую тему — «История жизни Франсиско Фарфана». По научной традиции считалось, что Фарфан был похитителем скота, бунтарём, почти разбойником. Но стоило чуть копнуть в архивах, как возникали сомнения: этот персонаж не так зловещ и примитивен. Своей исторической судьбой он напоминал Майсанту.

Эрма вышла замуж за адвоката Армандо Очоа, но брак, по признанию Эрмы, не сложился по разным причинам — от несходства характеров до принципиальных разногласий по идеологическим мотивам. Армандо был членом партии Action Democratica, Эрма — беспартийной, но ратовала за справедливость, равноправие, демократию для всех и с этой точки зрения критиковала партию мужа как буржуазную и псевдонародную. Круг чтения её был явно «левым»: «Красная книга» Мао Цзэдуна, «Мать» Максима Горького, «Как закалялась сталь» Николая Островского, даже «Коммунистический манифест» по рекомендации Брито Фигероа был ею проштудирован.

Когда Эрма познакомилась с Уго, она была уже в разводе, воспитывала сына и дочь, писала диссертацию о Фарфане и работала в одном из министерств.

По воспоминаниям Эрмы, никаких знаковых предчувствий в день её знакомства с Уго у неё не было. Она жила тогда в пригороде Каракаса Прадо-де-Мария, где снимала квартиру в доме своей подруги Элисабет. Первый этаж большого дома Элисабет сдавала для

проведения разного рода праздничных мероприятий. Как-то у подруги возникло срочное дело в городе, поэтому она попросила Эрму выяснить, что именно потребуется офицеру Уго Чавесу, который звонил по телефону и обещал подъехать.

Эрма выяснила всё, о чём просила Элисабет. Оказалось, что бейсбольной команде Чавеса предстояло играть в ближайшие дни и он был настолько уверен в победе, что решил заранее договориться об аренде помещения для банкета. Попутно Эрма и Уго обменялись несколькими словами об экономическом кризисе в стране. Уго посетовал, что кризис затронул армию, Эрма пожаловалась на нелёгкую ситуацию в школах. На том и разошлись. Как признавалась позднее Эрма, на следующий день она «даже не вспомнила» о Чавесе...

Команда Чавеса победила. Банкет был в разгаре, когда Эрма вернулась домой после работы. Особого желания общаться с кем-либо у неё не было, но Уго проявил настойчивость: «Нет, не уходи, давай побеседуем. Мне показалось очень интересным то, о чём ты говорила. Побудь хоть немного». Он так располагающе улыбался, что Эрма не смогла отказаться. Она осталась, и, как потом выяснилось, осталась надолго...

В Эрме Марксман Чавес встретил женщину, близкую ему по духу и интересам. С ней можно было обсуждать любые идеологические, политические и исторические темы, потому что Эрма обладала и глубокими знаниями, и здравомыслием. В чём-то она напоминала ему мать: у неё был такой же твёрдый характер, она умела настоять на своей точке зрения, но всегда оставляла возможность для примирения, всепрощающего поцелуя. За её внешним спокойствием угадывались доброта и нежность и — при необходимости — хладнокровие, умение выбрать то решение, которое больше всего

соответствовало создавшейся ситуации. Чавесу было за что ценить Эрму. Эта умная женщина, с детства приученная к самодисциплине, была находкой не только для Чавеса, но и для его организации.

Сама Эрма Чавеса принимала таким, каким он был, со всеми его увлечениями, недостатками, крайностями и перепадами настроения. Она умела гасить его тревогу и озабоченность, если у него что-то не ладилось, поддерживала в сложных ситуациях, которые нередко возникали у него, импульсивного, бескомпромиссного, живущего в предощущении событий, которые определяют его судьбу. К мировоззренческим поискам Уго, его стремлению создать боливарианскую идеологию, которая стала бы объединяющим началом для всех недовольных порядками, сложившимися в Венесуэле, Эрма относилась с пониманием.

...Сначала Эрма думала, что Чавес поддерживает с семьёй Элисабет чисто деловые отношения, но потом стала замечать, что он появляется у них и по другим причинам. Уго часто спрашивал о некоем Мартине. Звонил ли он? Приходил ли? Оставил ли послание? Эрма не выдержала, спросила у Элисабет: — Кто этот загадочный Мартин? — Друг моего двоюродного брата Нельсона Санчеса, — ответила она. — Уго иногда встречается с ним, чтобы поговорить по душам.

Объяснение показалось Эрме не слишком убедительным. Уго — человек занятой, просто «говорить по душам» не в его обычае. Атмосфера загадочности, окружавшая «Мартина», была развеяна в тот день, когда Эрма решила навести порядок на чердаке и среди старых вещей, пыльных журналов и книг 78 обнаружила тайник с левомарксистскими брошюрами. Эрма попросила у подруги разъяснений. Та хитрить не стала, объяснила, что её двоюродный брат является членом Партии венесуэльской революции, правой рукой её руководителя Дугласа Браво, он же —

Мартин. Дом Элисабет использовался для конспиративных встреч.

Эрма спокойно восприняла известие о том, что она живёт в «гнезде конспираторов». Тем более что и Уго не стал скрытничать и признался: «Я веду двойную жизнь. Днём я обычный офицер и дисциплинированно исполняю служебные обязанности, а вечера я посвящаю другим задачам, работаю в пользу революционного проекта на благо страны. Я встречаюсь с людьми, воспитываю и убеждаю их в нашей правоте, чтобы потом привлечь к делу».

Постепенно Уго втянул Эрму в конспиративную работу. Позже он признался ей, что предварительно навёл о ней справки через проверенных людей: «Все мы ходим по краю пропасти, полиция упорно ищет заговорщиков среди военных». Эрма и не подумала обижаться: она видела, как много внимания уделяет Уго вопросам конспирации, понимала, что он чувствует свою ответственность за общее дело и, особенно, — за безопасность товарищей.

Когда Эрма стала полноправным членом организации, ей был присвоен псевдоним «Педро». Предполагалось, что мужское имя затруднит работу агентов, если какие-то подпольные документы попадут в руки полиции. По этому же принципу у Чавеса был псевдоним «Люс» (Luz). Это женское имя, означающее свет, луч, восторга у Чавеса не вызывало. Но пришлось подчиниться.

В день военного переворота 4 февраля 1992 года он взял в качестве радиопозывного слово «Кентавр» (Centauro). Оно звучало внушительнее, чем «Люс». Возникали даже исторические ассоциации с президентом Паэсом, генералом, участником освободительной войны Боливаром. Паэса нередко называли «Кентавром из Баринаса». Оппозиционные остряки использовали потом слово Centauro для

насмешек над Чавесом: Кентавр из Сабанеты! Это звучало комично.

Когда Эрму спрашивали, каким был Чавес в первые годы их совместной жизни, она, не задумываясь, отвечала: «Он был человеком спокойным, любящим, нежным, заботливым, как всякий товарищ. Я чувствовала, что он нуждался в большой любви и что внутренне он был подвержен мучительным переживаниям. Уго объяснял их той двойной жизнью, которую вёл. С одной стороны, он был занят своим проектом и своей конспирацией и работал, не жалея сил. И другое — его жизнь в 79 академии, и все эти строгие военные дела, которые он должен был выполнять. Я думаю, что всё объясняется именно этим. Он всегда переживал за своих детей, был очень ласков с ними. Если они присылали ему красивые рисунки, он поздравлял их, писал им тёплые слова. И я всегда ощущала в нём огромное сострадание к обездоленным людям. Я не могу отрицать этого».

Иногда между Эрмой и Уго возникали трения, которые впоследствии она объясняла так: «Я воспринимала его как человека одинокого, со многими переживаниями, постоянными тревогами. Уго нуждался в большом чувстве, считал себя обездоленным в любви и искал её. На нём сказывались обстоятельства детства (частое отсутствие родителей) и крестьянские ограничения жизни. Однажды, это было в 1985 году, он вышел из Военной академии на бульвар Лос-Просерес и сел в мою автомашину. По какой-то пустяковой причине мы с ним поспорили, в чём-то не сошлись мнениями. Я сказала ему в заключение: “Больше не спорю. Скажи мне, где ты сойдёшь, я спешу домой”. Он вылез из машины и посоветовал мне “не поддаваться эмоциям, держать их под контролем”. Он так и остался на бульваре, а я уехала».

Через три дня Уго пришёл к Эрме домой довольно поздно, часов в девять вечера. Она работала с книгами, делала выписки и печатала на машинке. Чавес прилёг в гамак, начал курить, а Эрма продолжала писать. Не выдержав затянувшейся паузы, Уго поднялся, бросил сигарету на кафельный пол и с досадой придавил её ногой. Не отрываясь от машинки, Эрма сказала: «Слушайте, майор, эмоции надо держать под контролем». Это были те самые слова, которые она услышала от Уго на бульваре Лос-Просерес.

Та искренность, с которой Чавес ответил, поразила Эрму: «Да ты никак не хочешь понять, что я — из крестьян и что иногда даже не знаю, как обратиться к тебе и как говорить с тобой. Потому что, ясное дело, у тебя другое происхождение, которое сильно отличается от моего».

Из этого неожиданного признания Эрма раз и навсегда сделала вывод, что для её друга его социальное происхождение было определяющим фактором жизни. Не напрасно он с таким проникновенным и щемящим чувством вины вспоминал о Сабанете, о женщинах своего рода с натруженными руками, о бедном домике бабушки Росы Инес, о тех обделённых удачей людях из его доармейской жизни, перед которыми Чавес считал себя в неизбывном долгу.

От Уго Эрма знала, что его «официальная» семейная жизнь была благополучна лишь внешне. Первоначальная влюблённость давно прошла. Нанси не разделяла его взглядов, была 80 занята домашними делами, а политических увлечений мужа откровенно боялась. Зато о детях — девочках Росе Вирхинии и Марии Габриэле и сыне, которому исполнился один год, — Уго рассказывал с любовью. «Уго всегда был озабочен, — вспоминала Эрма, — записали ли его детей в школу, купили ли форму, карнавальные костюмы или игрушки. Надо признать, он был хорошим отцом».

Квартира Эрмы стала для Уго «альтернативным» семейным пристанищем. Он охотно занимался с её детьми, делал им подарки, помогал учить уроки, если был свободен (что случалось редко). Эту его жизнь на две семьи Эрма считала «ужасным испытанием» для себя. Она всегда подчёркивала, что в отношениях с Уго была более свободна, чем он, обременённый семьёй. Она утверждает, что он боялся огласки, опасался последствий для своего «имиджа», если «враги» захотят использовать связь с Эрмой для его компрометации.

Сдружился Уго и с Кристиной, младшей сестрой Эрмы. Она умела гадать по картам таро и линиям руки. Однажды Чавес, отправляясь в текущую командировку в штат Апуре, попросил Кристину «посмотреть» его будущее. Она разложила карты, долго всматривалась в них и потом сказала: — Слушай, Уго. Тебе придёт по воде какое-то письмо. Ты должен порвать его. Ни в коем случае не отзывайся на приглашение тех, кто его отправит.

Через две недели Чавес вернулся из командировки и, вручая Кристине подарок — тряпочную ведьмочку на метле, сказал: — Ты не ошиблась. Твоё предсказание сбылось.

Он рассказал, что в Элорсу по реке Капананаро прибыла лодка с людьми, которые хотели встретиться с Чавесом. Не найдя его, они вручили конверт лейтенанту Кералесу. Офицер только дома, разглядывая конверт, понял, что это «приглашение» колумбийских партизан на встречу. Кералес поспешил сжечь послание. Встречи подобного рода никому ничего хорошего не сулили.

Кристина с гордостью подвесила ведьмочку в своей комнате: заслуженный гонорар за своевременный совет.

Этот эпизод из биографии Чавеса, рассказанный Эрмой, часто приводят «чавесологи», когда

дискутируют на тему: поддерживал ли «объект» их научно-исследовательского интереса связи с колумбийскими партизанами? У Чавеса в армии был высокопоставленный недруг — генерал Карлос Пеньялоса, который утверждал, что такие «несанкционированные» встречи во время службы Чавеса на границе имели место. Но доказать это генералу не удалось. Слухи о контактах с герильей преследовали Чавеса постоянно. При любом осложнении венесуэльско-колумбийских отношений всплывали версии, что Чавес действует «в интересах» партизан против законного правительства Колумбии. «Аргументировали» эти утверждения тем, что колумбийская герилья называет себя боливарианской (то есть идеологически близкой к Чавесу!), а также тем, что венесуэльский президент недоволен превращением Колумбии в военный плацдарм Соединённых Штатов.

Идиллия в Каракасе не могла быть вечной. Чавесу предстояла очередная «ссылка» в провинциальную глушь.

В то время Чавес отвечал в академии за подготовку выпускного курса, носившего имя Хосе Антонио Паэса, участника борьбы за освобождение страны от испанской короны. Паэс называл своих отважных всадников «кентаврами» («Los Centauros»). Чавес любил исторические аналогии, и его подопечные тоже стали «кентаврами». Он уделял им много времени, никогда не отказывал, если кто-то обращался за помощью или поддержкой. В академии существовали жёсткие правила, регламентирующие характер отношений между офицерами и кадетами, но Чавес поступал по-своему: ему был интересен каждый «кентавр», его заботы и проблемы. Сближению помогал бейсбол. Ответственным за сборную команду в академии тогда был кадет четвёртого курса Дьосдадо Кабельо(Дьосдадо Кабельо Рондон (р. 1963) родом из

бедной провинциальной семьи, учился в Политехническом университете Вооружённых сил (UNERL), затем в Военной академии. Участвовал в избирательной кампании Чавеса 1989 года. После победы был назначен генеральным директором телекоммуникаций (CONATEL), затем — министром секретариата президента. В январе 2002 года стал вице-президентом. В 2004-2008 годах — губернатор штата Миранда. В январе 2012 года был избран председателем Национальной ассамблеи.). Невысокий энергичный крепыш был хорошим игроком, да к тому же увлекался историей. Чавес навёл о нём справки: отзывы были схожими — надёжен, смел, критически отзывается о порядках в стране. Такой предложение о вступлении в «MBR-200», без всякого сомнения, примет.

Много позже Кабельо узнал о том, что именно Чавес возглавляет «MBR-200». Кадеты считали его требовательным инструктором, особенно в том, что касалось военных ритуалов. Если, например, капитан Чавес замечал, что дежурный наряд провёл спуск флага без нужного пиетета и торжественности, он обязывал кадета повторять эту процедуру до тех пор, пока, с его точки зрения, не достигались идеальная синхронность и слаженность движений. Однако въедливый служака Чавес преображался, когда наступал час патриотических бесед о великих венесуэльцах прошлого — Франсиско де Миранде, Симоне Боливаре, Симоне Родригесе, Хосе Антонио Паэсе.

Причинами перевода Чавеса из столичной академии в приграничный гарнизон стали его «негативное влияние на курсантов-выпускников» и «неподобающая реакция» на гибель певца Али Примеры. Близкие к Уго люди знали, что песни Али оказывали на него вдохновляющее действие. Сам он подтверждал это: «В творчестве Али есть нечто такое, что передаёт мощный заряд энергии и одновременно побуждает к борьбе. Я

храню память о нём в моём сердце и стараюсь не подвести его».

В день гибели барда Чавес не скрывал своих чувств. В академии военная контрразведка была вездесущей. В агентурных сообщениях февраля — марта 1985 года отмечалось, что «“объект” признавался друзьям, что тяжело переживает гибель Али Примеры, и вёл себя так, словно потерял близкого родственника». Подобные эмоции, недостойные офицера, прямо свидетельствовали о симпатиях к тем идеям, которые воспевал «красный бард».

Весьма кстати пришлось письменные заявления родителей, обративших внимание на «подрывной характер» занятий Чавеса с кадетами по истории. Генерал Пеньялоса, гонитель Чавеса, приобщил жалобы к секретному рапорту в министерство обороны о том, что в стенах академии «зреет заговор».

В министерстве обороны к Пеньялосе относились по-разному: кто-то считал его принципиальным защитником чистоты армейских рядов, кто-то типичным карьеристом, который старается привлечь к себе внимание, чтобы доказать лояльность Четвёртой республике и со временем претендовать на пост министра обороны. Оставить рапорт без последствий было нельзя. Но и открытые гонения в «духе Маккарти» на офицеров, «пропагандистов идеалов Боливара», были бы контрпродуктивны. Военные инстанции ограничились «служебными перемещениями». Никаких политических репрессий! Чавеса отправили в штат Апуре, пусть «пропагандирует» среди индейцев. И для других возмутителей спокойствия нашли медвежьи углы: в Венесуэле их предостаточно...

Эрма ехать в глухомань не хотела, да и не могла. Оба надеялись, что эта «ссылка» (а именно так было воспринято назначение) не будет долгой. Отныне они

могли видаться только урывками во время служебных поездок Уго в столицу.

83 Оглядываясь назад, вспоминая прошлое, Эрма не раз называла Чавеса «очень одиноким человеком». По её мнению, он сам считал себя по жизни одиночкой, и в доказательство приводила его стихотворение, написанное во время служебной командировки в Гватемалу в 1988 году. Чавес побывал в соборе городка Эскипулас и сфотографировался на его фоне — серьёзный взгляд, белая рубашка, заправленная в брюки, в левой руке блокнот, в котором, наверное, и было записано стихотворение: «Чёрный Христос из Эскипуласа. / Я гляжу на тебя, / я хотел дойти до тебя / из очень далёких мест. / Жизнь меня вела, одинокого, / с моим крестом / невидимым / и тяжёлым, по моим мечтам, / которые исчезли, / которые пришли. И они сейчас рядом. / От тысяч твоих огоньков, / которые мерцают / и вызывают блеск твоего тела, / дай мне один, / для плодов моей жизни Уго Рафаэля, / Марии Габриэлы, / Росы Вирхинии, / они мой посев, / они моя кровь, / чёрный Христос, / дай им свет».

Это стихотворение — не единственное свидетельство того, что человек, который собирал многотысячные колонны последователей, боготворимый ими, нередко ощущал себя одиноким путником в пустыне. Он признавался в письме матери: «чувствую себя одиноким». На двери в квартире Эрмы он написал мелом слова о том «бесконечном одиночестве», которое его иногда охватывает. «Он часто говорил, — объясняла Эрма, — что в самом конце пути останется в одиночестве. Я уйду один».

Было время, когда Эрма интерпретировала слова Уго об одиночестве как признание революционера, намного опередившего время и перешагнувшего через эпоху неолиберализма, безумного потребительства мирового обывателя и массового предательства тех, кто

не так давно причислял себя к «левым», «марксистам» и даже «коммунистам».

Глава 8

ЕЛ ИЗ ОДНОГО КОТЛА С ИНДЕЙЦАМИ ЙАРУРОС

Несколько часов болтанки в транспортном самолёте ВВС, в иллюминаторы которого видно, как стелются бескрайние просторы штата Апуре, отмечаются дымками очагов редкие селения, сигналият солнечными бликами извилистые ленты рек. Наконец появились скромные постройки аэродрома на окраине городка Элорса. Итак, начался новый этап жизни на краю цивилизации: 22 августа 1985 года Чавес вступил в командование моторизированной частью «Полковник Франсиско Фарфан»(Escuadron de Caballeria Motorizada «Coronel Francisco Farfan»).

Для капитана Чавеса служба в Элорсе стала поворотным пунктом биографии, там он, по его словам, «открыл самого себя». Вместе с ним на новое место службы приехала Нанси с детьми. Их жизнь отныне, как и у всех обитателей городка, была тесно связана с тем, что происходило в гарнизоне. От военных зависело многое: транспорт, завоз продовольствия, защита от капризов погоды, от «лихих людей» с оружием, которых много бродило по необжитым просторам штата: разведывательные группы колумбийских партизан, парамилитарес, контрабандисты, уголовные банды, наркотрафиканты. Чавес впервые по-настоящему ощутил вкус власти. Его голос был непререкаем, к нему прислушивались, дружбу с ним искали, и не всегда для благих дел. Таким он указывал на дверь.

Властью Чавес не злоупотреблял, но порядок и дисциплину наводил твёрдой рукой, так что сомнений ни у кого не возникало: это прирождённый лидер, он

знает, что делает. Чавес был уверен, что в звании капитана ему придётся оставаться очень долго. Начальство на дух не переносит фрондёров и потенциальных бунтарей. Но так получилось, что в Элорсу с внезапной инспекционной проверкой нагрянул главнокомандующий армией Хосе Умберто Вивас. Его считали человеком непредсказуемым, капризным до самодурства. От него можно было ожидать самых неожиданных выводов и, соответственно, служебных последствий. Благополучно завершив инспекцию, генерал, перед тем как сесть в вертолёт, спросил Чавеса: «Когда вы ожидаете очередное звание?» — «В текущем году, мой генерал», — последовал ответ.

В Каракасе Хосе Умберто затребовал список офицеров, которым по выслуге лет надлежало присвоить звание майора. Отметив галочкой фамилию Чавеса, генерал сказал: «Поставьте его первым в списке. Ему нелегко приходится в Элорсе, у чёрта на куличках. А того, кто был первым из столичного гарнизона, перенесите на второе место».

Не только службой жил Чавес, он был душой гарнизонных торжеств и праздников. Его не надо было упрашивать: он с нескрываемым удовольствием пел на товарищеских встречах, и репертуар его был разнообразен — *corías* и фольклорные песни, танго и болеро. Коронным номером было исполнение баллады (*corrido*), посвящённой прадеду Майсанте. Друг Чавеса вспоминал, как тот произносил речитативом слова баллады, аккомпанируя себе на куатро: «Он делал это с таким глубоким чувством, что у нас, скажу честно, мурашки бегали по коже».

85 Иногда Чавес организовывал музыкальные праздники для офицерских семей, жителей Элорсы и её окрестностей. Прежде подобные мероприятия проходили, но за большие деньги и для избранной публики: богатых скотоводов, землевладельцев,

крупных чиновников. Певцы и певицы предпочитали петь для них шлягеры на английском языке. Всё проходило за высокими оградами, с изысканным угощением и изобилием виски двенадцатилетней выдержки. Этот устоявшийся ритуал Чавес отверг с ходу. В Элорсу зачастили те фольклорные звёзды, которые ему особенно нравились, — Кубиро, Крестобаль Хименес, Рейна Лусеро, Луис Сильва, Сексахесимо, Денис дель Рио. Они выступали для всех жителей на специально возведённых на площади подмостках.

Чтобы заплатить артистам, Чавес прибегал к традиционной для этих степных мест практике — «аукционам скота». Чтобы получить животных для аукциона, Чавес с двумя-тремя солдатами отправлялся за город, встречался с пастухом и просил «какую-нибудь тощую корову» для организации праздника. Потом эта просьба звучала снова и снова, но на других пастбищах. Пастухи с пониманием относились к обращению майора, и очередная «тощая корова», которую было не жалко пожертвовать, обязательно находилась. Продажа с аукциона «тощих коров» не только помогала собрать средства для оплаты солистов, но и подготовить для гостей щедрое угощение с мясом на вертелах в лучших традициях льянерос.

Эту сторону жизни Чавеса в Элорсе отчасти отражают воспоминания певца Крестобалья Хименеса: «Я познакомился с ним примерно в 1985 году в Элорсе. Он был майором, начальником гарнизона и президентом тамошних праздников. Он пригласил меня выступить, а я после нескольких концертов в Маракае был не в голосе. Объяснил ему: “Шеф, много петь не смогу”, на что он ответил: “Если ты споёшь народу ‘Corrido de Maisanta’, я оплачу тебе как за полный концерт”. Своё обещание он выполнил. На следующий день после выступления Чавес решил отвезти меня на военном джипе в Маракай. Мы добрались до переправы на реке

Араука, но паром дал течь, и мы долго не могли перебраться на другой берег. С Чавесом время пролетело незаметно. Мы много говорили о революции, о народных страданиях, о переменах, которые нужно произвести в Венесуэле. Конечно, я тогда не знал, что говорю с человеком, который посвятил свою жизнь борьбе за такие перемены. Мы просидели в джипе до восьми часов утра. В какой-то момент Чавес почувствовал усталость и прикорнул. Я замолчал, потом тоже заснул и увидел сон. Хотя, не знаю, был ли это сон или видение. Передо мной 86 предстал Чавес, но не в полевой униформе, а в белом торжественном мундире с золотым позументом. От удивления я проснулся, не зная, как истолковать это видение. И вот через много лет я увидел по телевизору парад на Лос-Просерес и Чавеса в белом президентском мундире, точно таком, который мне привиделся на берегу Арауки. Да, Чавес — это загадочное явление, личность, выбивающаяся из безликой толпы...» В Элорсе Уго продолжил поиски «следа Майсанта». Расспрашивая о нём престарелых обитателей селения, через семьдесят с лишним лет после боевых подвигов Майсанта, Уго открывал всё новые эпизоды жизни героического предка. Однажды Уго познакомился со старушкой Флор Амарильо, которая видела Майсанта, когда была девочкой. Флор рассказала, что партизанский вождь заглянул в их дом, чтобы встретиться с хозяином, и застал всю семью в слезах. Женщины объяснили, что неделю назад в селение нагрянул отряд полковника, служившего Гомесу. Полковник хотел арестовать хозяина дома, друга Майсанта. Не обнаружив его, увёз с собой одну из дочерей как заложницу. Расспросив обо всём, Майсанта сказал женщинам: «Я скоро вернусь» и ускакал.

Прошло несколько дней, и Майсанта снова появился у дверей скромного жилища. Он сумел найти и спасти девочку. Старушка, не скрывая слёз, сказала Чавесу:

«Знайте, в стенах этого дома все боготворили вашего прадеда».

По словам Чавеса, именно в Элорсе он научился понимать индейцев. В венесуэльском обществе всегда существовало отторжение «коренных народов». Они жили как бы вне пространства и времени. Индейцев не считали венесуэльцами, они не имели документов. Энтузиасты-антропологи и социологи призывали изменить государственную политику в отношении исконных обитателей страны, но к ним мало кто прислушивался. Дилемма для туземцев была простой: или ассимиляция (если повезёт), или физическое уничтожение. По мере освоения окраинных земель страны натиск на индейцев усиливался. Судебными властями, как правило, игнорировались случаи насильственной гибели индейцев. Всё списывалось на «неблагоприятные условия жизни», «пьянство», «межплеменную вражду».

Вокруг Элорсы обитали племена йарурос (yaguros) и куивас (cuivas), которых белые пришельцы методично выживали и безжалостно преследовали, загоняя в труднодоступные, непригодные для жизни места. Священник Гонсало Гонсалес посвятил Чавеса в историю взаимоотношений местных землевладельцев с индейцами. В начале 1960-х годов на берега реки Каньо-Карибе прибыли вооружённые люди, претендовавшие на «колонизацию» неосвоенных земель, которые принадлежали индейцам с незапамятных времён. Чтобы согнать их с насиженных мест, применяли самые дикие методы устрашения, вплоть до геноцида.

Один из таких эпизодов вошёл в историю Венесуэлы как «кровавое пролитие в Рубейре». Землевладелец позвал на работу индейцев, обитавших по соседству с его именем. Первый день прошёл спокойно. Хозяин и его подручные присматривались. На следующий день,

когда после нескольких часов работы индейцы сделали перерыв на еду, на них внезапно обрушились удары хорошо отточенных мачете. Хозяйские головорезы были безжалостны, убивая всех подряд — и мужчин, и женщин, и детей. Спасти удалось двум индейцам: они прыгнули в реку, несколько дней прятались в зарослях и потом глухой ночью пришли к священнику. Он тайком переправил их в Каракас. Разразился скандал. В ходе расследования в окрестностях Рубейры нашли сожжённые человеческие останки. С помощью адвокатов и подставных свидетелей дело спустили на тормозах: «виновными» оказались сами индейцы.

Разбогатевшие наследники тех землевладельцев приходили к Чавесу жаловаться на «самоуправство и наглость туземцев». Ничего не изменилось: для богачей индейцы всегда были без вины виноватыми. Чавес старался не вмешиваться в спорные проблемы гражданского характера, советовал обратиться к судье: «Отправляйтесь в селение, сделайте официальное заявление». Нейтральная позиция Чавеса вызывала недовольство латифундистов, привыкших к тому, что прежние начальники охотно помогали «ставить индейцев на место», часто — с применением силы. Чавес был непреклонен: это не моя задача.

Однажды пришли не латифундисты, а пожилая женщина со слезами на глазах: «Меня ограбили индейцы, забрали двух поросят, разбили копилку с деньгами, а это всё, что у меня было». Чавес решил действовать. Он взял с собой 15 солдат, опытного проводника и организовал погоню. Вскоре индейцы были обнаружены. Мужчины, женщины и дети остановились на привал под манговым деревом. Изучив индейскую «дислокацию» в бинокль, Чавес отправился на переговоры. Проводник пытался отговорить офицера от безрассудного поступка, но Чавес верил в благоразумие индейцев: на его стороне подавляющее

преимущество, солдаты настороже и готовы по его приказу в любой момент открыть огонь на поражение.

Как только Чавес вышел из укрытия и направился в сторону индейцев, они незамедлительно приняли боевое построение. «Это было похоже на двадцать молний, возникших из 88 рожи, — вспоминал Чавес. — В мгновение ока мужчины приступили к активным действиям. Они вытащили ножи, осыпали нас тучей стрел. Одна из них пролетела так близко от меня, что чудом не попала в голову. Индейцы считали, что мы собираемся их атаковать. Дело даже дошло до рукопашной схватки с солдатами. Я схватился за пистолет и выстрелил в воздух. Приказал моим парням, чтобы они отступили. К счастью, обошлось без раненых».

Категорический приказ солдатам «не стрелять!» дал индейцам возможность без потерь покинуть «поле битвы». Отряд ещё некоторое время следовал за племенем. Неожиданно послышались женские крики: одна из индеанок попала в стремительный речной водоворот. Всё это происходило «венесуэльской зимой», которая ничем не отличается от лета, если не считать частых проливных дождей. Река Каньо-Карибе превратилась в бурный поток и стала опасной. Индеанка выбивалась из сил, в плетёной заплечной сумке виднелась чёрная головка ребёнка. Женщина тонула, но продолжала крепко сжимать нож в руке.

«Никогда, пока я жив, не забуду глаз той женщины, — продолжал Чавес. — В её взгляде, направленном на меня, было столько испепеляющей ненависти, что это потрясло меня. Она то исчезала в воде вместе с ребёнком, то снова появлялась на поверхности».

Чавес забил тревогу: — Ещё немного, и они погибнут. Надо спасти их! Но проводник иступлённо закричал: — Капитан, стреляйте, стреляйте в неё! Чавес

опешил: — Зачем? Им надо помочь! — Убейте их, это — животные! Этот чертёнок, когда вырастет, будет пускать в нас стрелы! Но Чавес распорядился иначе, и солдаты помогли женщине выбраться на противоположный берег, на котором угрожающе столпились её соплеменники.

Этот случай заставил Чавеса задуматься. Почему даже крестьяне, люди, как правило, бедные, неграмотные, с презрением относятся к индейцам? Только ли из-за сложившихся расовых предрассудков, лишаящих индейцев человеческой сути? Но ведь и в нём, Чавесе, есть индейская кровь. Что, он должен стыдиться её? Стыдиться того, что является частью его собственной природы? Чтобы разобраться с проблемой коренных народов в Венесуэле, Уго при первой же возможности обратился в региональный отдел по индейским вопросам, прочитал всё, что было по этой теме в городской библиотеке губернского центра Сан-Фернандо-де-Апуре, встретился с этнографами и социологами Центрального университета в Каракасе. Под видом студента присоединился к одной из экспедиций университета в зоне расселения индейцев. Провёл в индейском селении несколько дней, ел с йарурос из одного котла, совершал с ними охотничьи вылазки, ночевал в хижинах под зыбкими крышами из пальмовых листьев. Всё для того, чтобы понять внутренний мир индейцев, проникнуться их проблемами.

Недели через две Чавес, уже в военной форме, но без оружия, вновь заглянул в это индейское селение. Вождь насторожился, увидев идущего к нему офицера, напряглись мужчины, окружавшие его. Когда Чавес снял фуражку и обратился к вождю по имени — Висенте! — тот глазам своим не поверил. Неужели именно с этим офицером он ел из одного котла? Этот широко улыбающийся человек в военной форме не

выглядел опасным. Висенте пожал протянутую Чавесом руку, завязался разговор, лёд настороженности начал таять.

Позже племя во главе с Висенте регулярно заглядывало в дом семьи Чавесов в Элорсе. Нанси вздыхала, доставала деньги и отправлялась закупать хлеб и продукты, чтобы приготовить еду на три десятка гостей. Всякий раз после такого «дружественного визита» она обнаруживала нехватку каких-либо вещей и удручённо вздыхала: «Ну как это возможно? Посмотри, индейцы унесли тапочки наших девочек». Чавес разводил руками: «Ничего, купим новые, не сердись». После своих «университетов» в сельве он знал, в чём дело: «У индейцев нет понятия о частной или личной собственности. У них нет различия между “твоеё” и “моё”. Они берут то, в чём нуждаются, как плоды с деревьев или рыбу из реки».

Отдалённость Элорсы от крупных гарнизонных городов не была препятствием для поддержания конспиративной переписки через курьеров и надёжные «оказии». Когда необходимо было лично встретиться с кем-либо, Чавес выезжал в Каракас, Маракай, Баринас, Сан-Кристоваль.

Об укреплении «MBR-200» свидетельствовали регулярные нелегальные съезды офицеров-боливарианцев из разных родов войск. В руководящее ядро «Движения Боливарианской революции» входили, помимо Чавеса: Франсиско Ариас Карденас, Рауль Исаиас Бадуэль, Фелипе Антонио Акоста Карлес, Хесус Мигель Ортис Контрерас, Луис Рейес Рейес, Хесус Урданета Эрнандес, Рональд Бланко Ла Крус, Вильмер Кастро Сотелдо. В разных гарнизонах страны на них замыкалось 90 не менее сотни офицеров, каждый из которых имел свою конспиративную группу.

Для справки следует сказать, что за три года начиная с 1983-го прошло пять съездов движения «MBR-

200». Инициатива их проведения принадлежала Чавесу. Он готовил программу, дискуссионную повестку, разрабатывал меры безопасности и «легенду прикрытия». В Первом съезде (Каракас) принимали участие 15 членов движения, и о них можно было сказать тогда, что «узок был крут этих революционеров». Следующие съезды с каждым разом становились всё более представительными. На этих форумах разворачивались нешуточные дискуссии. Чавесу казалось, что Венесуэла погружена в дремоту и бездействие. В Мирафлоресе царили коррупция, аморализм, бездуховность, и народ взирал на всё это с непонятым равнодушием. Требовалось встряхнуть его, переломить неблагоприятную для движения тенденцию, разбудить народные массы. Для этого Чавес предложил взрывать мосты, линии электропередачи и радиотрансляционные башни.

Франсиско Ариас не согласился с его радикализмом. Взрывчаткой ничего не добиться. Этому масса примеров. Надо терпеливо продолжать работу по консолидации движения. Главный тезис Ариаса: «Если мы хотим взять власть в свои руки, чтобы добиться реальных перемен, мы должны понять, что не должны выходить за функциональные рамки вооружённых сил». Чавес и Рональд Жа Крус тут же поставили под сомнение «революционность» Ариаса: «Мы находимся едва ли не в эпицентре революции, а ты этого не замечаешь, поскольку не можешь избавиться от социал-христианских пережитков, прочно засевших в тебе».

На одном из съездов вниманию делегатов впервые были представлены тезисы теории «Трёх Корней», которую Чавес разрабатывал в качестве идеологической основы для «MBR-200». Он считал, что у истоков этого проекта стояли великие венесуэльцы прошлого: Симон Родригес (Учитель), Симон Боливар (Лидер) и Эсекиэль Самора (Генерал суверенного

народа). Для краткости Чавес предложил обозначать проект как систему «EBR»: E — от Эсекиэля Саморы, B — от Боливара и R — от Родригеса. Это и есть первоисточники, создавшие ту национальную идею, которая соответствует социально-исторической сущности венесуэльского народа. Но и здесь Ариас выступил с возражениями, настаивая на чисто боливарианском акценте — патриотизм и национализм, — и категорически никаких теоретических элементов, напоминающих о «классовой борьбе». Так наметилось противостояние двух членов «MBR-200» с ярко выраженными лидерскими задатками.

91 Пятый съезд прошёл в 1986 году в местечке Парагуайпоа, на берегу Венесуэльского залива неподалёку от границы с Колумбией. В таком удалённом месте можно было не опасаться полицейских шпионов и агентов военной контрразведки. Это было особенно важно, так как главным вопросом повестки дня стоял захват власти. Делегатами фактически отработывалась хронограмма действий на ближайшие годы. Все прогнозы говорили о том, что на президентских выборах в декабре 1988 года победит Карлос Андрес Перес. Сомнений в том, что его правительство продолжит линию всех предыдущих и будет таким же антинародным, ни у кого не было. Чавес и «радикалы» в «MBR-200» очень рассчитывали на «эффект гамака», характерный для Венесуэлы: чередования относительно спокойных и предельно кризисных моментов. Удар по ненавистному режиму намечалось нанести на высшей точке кризиса. Предполагалось, что он придёт на июль — сентябрь 1991 года. Важным элементом плана было то, что ежегодно в июле производились перемещения в структуре вооружённых сил, и практически все члены руководства «MBR-200» могли рассчитывать, что возглавят боевые мобильные части.

Последний, шестой, съезд был проведён в 1987 году в экзотическом месте — на берегах реки Апуре, на южной границе. Это был самый многочисленный съезд, в котором участвовало не менее двухсот офицеров. Курс на захват власти был определён ранее, в Парагуайпоа, поэтому в целях конспирации участники съезда сосредоточились на вопросах боливарианской идеологии, её массового распространения. Чавес вспоминал, что два выходных дня — уик-энд — были посвящены обсуждению теоретического наследия Боливара, Родригеса и Саморы, целей революции, различных политических течений. Внешне это напоминало занятия в школе: проекты, схемы, аналитические прогнозы. Каждый мог высказаться, внести в дискуссию что-то своё.

В тот период в вооружённых силах Венесуэлы существовало несколько конспиративных организаций. Чаще всего это были малочисленные военные ложи, которые в целях безопасности редко принимали новых членов. Внутренние дискуссии, критика коррумпированного режима, подготовка проектов на перспективу — дальше этого подпольная работа не шла. Считалось, что выйти из тени, замахнуться на власть можно будет тогда, когда кризисное развитие событий в стране станет необратимым.

92 Из общего ряда военных конспираторов выделялся майор Вильям Исарра. Он в 1967 году с отличием окончил академию ВВС, перед ним открывалась блестящая карьера. Переломным моментом в его жизни стал эпизод с захватом кубинского лейтенанта Брионеса Монтото, который с группой партизан высадился на пустынном берегу штата Фалькон. Пилоту Исарре, которому было тогда 19 лет, поручили провести предварительный допрос кубинца. Тот держался с достоинством, о пощаде не просил и с самого начала заявил, что участвовал в

операции по созданию очередного партизанского «очага» добровольно как революционер-интернационалист. Этот допрос-разговор на всю жизнь запечатлелся в памяти Исарры. Кубинец был человеком образованным, убеждённым коммунистом, готовым к самопожертвованию. Когда Исарра на следующий день решил навестить его в тюрьме, Монтото был уже мёртв. Его пытали, а потом выстрелили в затылок. «Та история с кубинским лейтенантом стала для меня переломной, исходной точкой пересмотра моих прежних представлений о мире, обществе и социальной справедливости», — вспоминал Исарра.

Вскоре, навещая в тюрьме Сан-Карлос младшего брата, арестованного за издание «подрывного» журнала, Вильям познакомился с ведущими партизанскими командирами Венесуэлы, включая Теодоро Петкова. Позже состоялась встреча с Дугласом Браво, который воспринимался революционной молодёжью как живая легенда, героическое воплощение партизанской романтики. Чтобы лучше подготовиться для политической работы, Вильям поступил в университет, а потом отправился в Соединённые Штаты, где в Гарвардском университете защитил диссертацию о прогрессивных военных режимах в Панаме, Перу и Боливии.

В конце 1970-х — начале 1980-х годов Исарра работал над созданием подпольной организации в вооружённых силах. Она получила название Революционный альянс активных военных (ARMA). Неутомимый лётчик установил полезные контакты на Кубе, в Ираке и Ливии. В 1983 году Исарра интенсивно общался с Чавесом. Их революционные проекты были объединены, причём в этом союзе стал доминировать проект ARMA как более зрелый и подготовленный. В условиях всё более изощрённой слежки связь между Чавесом и Исаррой поддерживалась спорадически, а

потом и вовсе прервалась, что привело к фактическому распаду союза между подпольными организациями военных. К тому же ARMA пережила внутренний раскол, а «MBR-200» набирало силу, пополняло свои ряды, в том числе за счёт активистов ARMA.

93 В 1980-х годах Чавес пришёл к выводу, что руководство революционным процессом должен осуществлять лидер, рядом с которым не должно быть никаких потенциальных соперников, могущих претендовать на свою долю властных полномочий. Подобная конкуренция вредит процессу, порождает соперничество, конфликты и раскол. Исарра пользовался авторитетом среди прогрессивных военных, обладал несомненными задатками лидера и революционного теоретика. По всем этим причинам Чавес предпочёл держаться от Исарры на расстоянии. Каждый должен идти своим путём. Будущее покажет, кому суждено стать единоличным лидером. Впрочем, друзья Чавеса и Исарры объясняли это дистанцирование как проявление «соперничества сильных характеров».

Некоторые историки, занимающиеся изучением боливарианского процесса, называют Исарру «предтечей» Чавеса по известной аналогии: Франсиско де Миранда — Симон Боливар. Исарра такой параллели не опровергает. Она гарантирует ему особое место в венесуэльской истории. Но Чавес предпочитал делать акцент на том, что в вооружённых силах на закате Четвёртой республики существовало много конспиративных групп и ячеек. «Военные секции (бюро)» левых партий пользовались тем, что офицерские кадры формировались в основном из представителей бедных слоёв населения и среднего класса, и направляли в военные училища надёжную партийную молодёжь. Теодоро Петков и Дуглас Браво подтверждали, что с конца 1950-х годов в армии

Венесуэлы только по линии компартии служило не менее 170 офицеров. Вооружённые выступления военных начались задолго до начала армейской службы Чавеса в различных гарнизонах, по различным поводам. Но успеха в борьбе за власть за все годы Четвёртой республики добился только один офицер — Чавес, и это до сих пор не даёт покоя тем военным — от капитанов до генералов, — которые пытались сделать то же самое, но потерпели поражение. Почему Чавес, почему именно он? В «эпоху» Элорсы Чавес окончательно уверовал, что судьба его будет особенной. От него потребуются настойчивость, выдержка и готовность к риску. Если он будет последователен в действиях, сбудутся самые смелые его мечты. Ни в коем случае не надо забывать о конспирации. Размах партизанского движения в Центральной Америке, участие в герилье венесуэльских добровольцев из левых партий привели к тому, что полицейская слежка за «подрывными организациями» в Венесуэле усилилась. В Сальвадоре с начала 1980-х действовала 94 специальная группа венесуэльских спецслужб, которая под руководством ЦРУ помогала местным коллегам выявлять партизанские базы и ячейки, каналы поступления оружия и финансирования. Сальвадорский опыт спецслужб нашёл широкое применение в Венесуэле.

Время от времени Эрма присылала Чавесу с оказиями вырезки из газет на темы конспирации и безопасности. Оказывается, Эден Пастора, прославленный «Команданте Зеро» в Никарагуа, был платным агентом ЦРУ. Как научиться отличать «своих» от «чужих» в Венесуэле? Среди газетных вырезок попадались материалы о работе ЦРУ в Венесуэле. «Эта организация обладает огромным влиянием, но в мире трудно найти другую страну, которая была бы в большей степени, чем наша, пронизана щупальцами ЦРУ», — написал один из авторов. Он не преувеличивал.

Власти Четвёртой республики не хотели конфликтов с Соединёнными Штатами. Политика постоянных уступок — вот лучший способ развития двусторонних отношений, в том числе в сфере сотрудничества спецслужб. Резидентура ЦРУ подготовила бегство террориста Луиса Посады Каррилеса (Рассекреченные документы ЦРУ и ФБР содержат неопровержимые данные о террористической деятельности этого кубинского эмигранта. Так, Посада Каррилес вместе с другим кубинцем-«антикастристом» — Орландо Бошем — организовал в октябре 1976 года взрыв кубинского пассажирского самолёта. Каррилеса арестовали и осудили, однако в 1985 году он бежал из венесуэльской тюрьмы, переодевшись священником. Потом он «засветился» в Сальвадоре, где под именем Рамона Медины занимался поставками американского оружия никарагуанским «контрас». В 1998 году Каррилес дал интервью газете «New York Times», в котором признался в организации серии взрывов в кубинских отелях. В 2000-м его арестовали в Панаме по обвинению в подготовке покушения на Фиделя Кастро. Четыре года спустя, в последние часы своего правления, президент Панамы Мирейя Москосо помиловала Каррилеса и его сообщников. После этого, снабжённые фальшивыми паспортами, они покинули Панаму. Как следствие — разрыв Кубой дипломатических отношений с этой страной. В апреле 2005 года 77-летний Каррилес обратился к властям США с просьбой предоставить ему политическое убежище.) из венесуэльской тюрьмы. В DISIP не только знали о готовящемся побеге, но и содействовали ему. Посада — враг Фиделя Кастро, и это перечёркивало все другие соображения.

Однажды в начале 1988 года в расположении батальона появился мужчина средних лет в клетчатой рубашке и шляпе «льянеро». Он попросил одолжить несколько литров бензина: не повезло, направлялся в

имение в Капанапаро, а катер заглох из-за нехватки топлива. Уго приказал помочь незнакомцу. Позже Чавес узнал, что это был Хесус Рамон Кармона, видная фигура в партии Action Democrática, правая рука кандидата в президенты Карлоса Андреса Переса. В прошлом Хесус Рамон был студенческим лидером и членом партии MIR, но предпочёл революционным иллюзиям гарантированное пребывание в высших структурах государственной власти.

Знакомство произошло на исходе правления Хайме Лусинчи. Карлос Андрес Перес уже начал борьбу за второй президентский срок, и Хесус Кармона входил в его команду. По рекомендации Кармоны, не забывшего об услуге, Чавеса вызвали в Каракас и назначили адъютантом генерала Родригеса Очоа, который выполнял обязанности секретаря Национального совета по безопасности и обороне. Очоа проникся симпатией к Чавесу как толковому и перспективному офицеру новой формации.

Вскоре после победы Переса Чавес в одном из коридоров Мирафлореса столкнулся с Хесусом Кармоной. Не нужно было обладать даром физиономиста, чтобы понять: Кармона получил вожделенный пост министра администрации президента. Для Чавеса эта встреча в Мирафлоресе была даром небес. Генералы-недоброжелатели продолжали направлять в министерство обороны «совершенно секретные» материалы о заговорщицкой деятельности Чавеса. Поэтому в беседе с Кармоной он, как бы между прочим, пожаловался на неоправданные преследования, которые могли навредить его карьере. «Не беспокойся, — сказал новоиспечённый министр, похлопав Чавеса по плечу, — я их заткну». Ну как тут не поверить в удачу? Прошло несколько недель после вступления в должность, и Карлос Андрес Перес

объявил о начале неолиберальных реформ, которые патронировались Международным валютным фондом.

Для венесуэльцев, ожидавших от Переса повторения изобильных дней его первого президентского правления, когда после национализации нефтяной отрасли на граждан полились нефтедоллары и Венесуэлу называли второй Саудовской Аравией, крутой вираж победителя стал неожиданностью. В результате «реформ» резко ускорились инфляционные процессы, подскочили цены на товары первой необходимости, в первую очередь продукты питания. Возмущённые венесуэльцы буквально выплеснулись на улицы. Стихийный протест сопровождался погромами и грабежами, характерными для 96 кризисных эпизодов венесуэльской истории XIX и XX веков. Нападениям подверглось более двадцати тысяч магазинов и торговых центров в семи городах. Для нормализации обстановки в стране Перес не нашёл ничего лучшего, как применить силу и отменить конституционные гарантии. Для карательных акций, помимо полиции, были привлечены лояльные режиму воинские подразделения.

Кровопролитные события 27–28 февраля 1989 года в Каракасе и городках-спутниках вошли в историю страны под названием «Каракасо» (Caracazo). Они совпали с болезнью Чавеса. Врач Мирафлореса обнаружил у него ветрянку: «Ты заразишь здесь всех, включая президента. Отправляйся домой и лечись!» Когда события приобрели особую остроту, — счёт пошёл на сотни убитых, — Уго вернулся в Мирафлорес, но его вновь отправили домой: «Не распространяй болезнь!» Народный бунт был подавлен. События «Каракасо» показали, что власть в стране висит на волоске. Требовался ещё один решительный толчок, и коррумпированный, насквозь прогнивший режим

развалился бы как карточный домик. Заговорщицкие планы военных приобрели второе дыхание.

Уго по-прежнему встречался с Эрмой, продолжая жить на два дома. Ритм их жизни был напряжённым. Конспиративная работа вступила в решающую фазу. На Эрму было возложено множество обязанностей. Надо ли говорить, что именно она готовила дискуссионные материалы для всех съездов «MBR-200». А её «нештатная должность» личного водителя Чавеса? После очередного нелегального совещания Эрма садилась за руль, чтобы в дороге Уго мог выспаться и не опоздать на службу. Ночные маршруты были самые разные: из Маракайбо в Маракай, из Баркисимето в Каракас, из Сьюдад-Боливара в Куману. Объём работы в «MBR-200» у неё был такой, что приходилось использовать несколько псевдонимов: Анабелья, Лихия, Педро Луис или Педро. Уго и самые близкие друзья называли её Команданте Педро.

В 1990 году на территории Форта Тьюна, где располагаются части столичного гарнизона и министерство обороны, произошёл странный, возможно, спровоцированный военной контрразведкой, эпизод «неповиновения». Некий полковник вывел свою танковую часть из ангаров, чтобы заблокировать министерство обороны. Завершить операцию ему не дали, но сама акция породила множество противоречивых 97 слухов. Кто стоит за ней? Кому выгодна такая демонстрация силы? Подозрения пали на Чавеса, имя которого уже давно фигурировало в многочисленных «тайных донесениях». От комиссии по расследованию, составленной из генералов, Уго пощады не ждал. Но держался стойко, понимая, что каких-либо доказательств его вины у них нет. Когда в высоких кабинетах решалась судьба Чавеса, всё тот же добрый ангел Хесус Кармона поддержал его, заявив, что обвинения в «заговорщицких намерениях» и прочих

грехах не имеют основания. Он добавил также, что такого же мнения придерживается президент Перес. Это стало решающим аргументом.

Генералы из комиссии доказательств не нашли, но «по совокупности претензий» выдворили Чавеса из столицы в Матурин. Чтобы реабилитировать себя в глазах начальства, Уго, помимо исполнения рутинных обязанностей, продолжал заниматься наукой в заочной аспирантуре на кафедре политологии в столичном университете «Симон Боливар» (Свою научную работу Чавес защитить не успел из-за событий 4 февраля 1992 года — попытки «MBR-200» захватить власть вооружённым путём.).

В начале 1991 года Чавес сказал Эрме, что очень хочет, чтобы она родила ему ребёнка. Для неё вопрос о детях был закрытым: у неё есть двое детей, они требуют внимания, родить третьего означало бы сильно осложнить себе жизнь. За всё время их отношений Уго впервые заговорил о ребёнке. Временами Эрме даже казалось, что их интимная жизнь была всего лишь приложением к конспиративной работе.

Размышляя позднее об этом неожиданном желании Уго, Эрма пришла к выводу, что он «предчувствовал приближавшийся конец их связи», не хотел этого и надеялся, что ребёнок символически скрепит их союз. Против настойчивости Уго трудно было устоять. Эрма забеременела, но через полтора месяца из-за нервных перегрузок и постоянно возникавших проблем с подготовкой восстания у неё произошёл выкидыш.

О болезненных психологических переживаниях того времени Эрма старается вспоминать как можно реже. Реакцию Чавеса на это печальное событие она описала коротко: «Он тогда говорил, что мы должны попробовать снова, но вооружённое выступление, как снежная глыба, нависло над нами, и ход дальнейших событий предугадать было невозможно».

Глава 9

ПОРА БРАТЬСЯ ЗА ОРУЖИЕ!

В августе 1991 года Чавес окончил курсы старшего командного состава и Генштаба в Высшей школе армии (Curso de Comando y Estado Mayor en la Escuela Superior del Ejercito.). Но «распределение» получил в Куману, в региональный отдел провиантской службы армии. «Для меня это было как пощёчина, как ведро холодной воды», — вспоминал Чавес. Истолковал он это «тыловое назначение» как ещё одну попытку не допустить его к командованию полноценным боевым подразделением. В такой же ситуации оказались многие его друзья по «боливарианскому» выпуску академии: недоверие к ним среди генералов сохранялось, их считали главным ядром назревающего переворота. Вручать им мобильные, хорошо вооружённые части было рискованно. Именно так воспринималась в низших и средних армейских кругах эта дискриминация «боливарианского выпуска».

Протестовать против «провиантского варианта» Чавес не стал. Он поступил в распоряжение Генерального управления по снабжению в Каракасе. Шла реорганизация службы, в Куману торопиться не стоило. Он всячески демонстрировал, что равнодушен к тому, куда будет в конечном счёте направлен, и одновременно через надёжных людей зондировал возможность получения должности в столице. Он был уверен, что сроки выступления приближаются. Быть как можно ближе к Мирафлоресу, главной цели атаки в «час D», — вот чего добивался Чавес. Варианты возникали разные, и он, чтобы не показывать своей

заинтересованности в столице, говорил, что готов ехать в любое место.

Командиром батальона парашютистов имени полковника Брисеньо в Маракае первоначально был назначен другой офицер, прибывший с курсов подготовки в Соединённых Штатах. Он приступил к приёму имущества, но потом, «устав пересчитывать винтовки и боеприпасы», неожиданно написал рапорт на увольнение «по выслуге лет». Единственным кандидатом на получение батальона оставался к тому времени только Чавес. Поэтому, не слишком охотно, командуя армией Ранхель Рохас с согласия министра обороны Фернандо Очоа Антича подписал приказ. Параллельно были приняты меры для усиления слежки за Чавесом. Военная контрразведка стала засылать в батальон под видом «пополнения» агентов: иногда — офицеров, чаще — сержантов. По словам нового командира батальона, его собственная «контрразведка» их успешно выявляла: «В армии все знают всех, и потому очень редко бывает, что кто-то может кого-то обмануть».

Тем не менее причин для тревоги у Чавеса было много. Особое беспокойство вызывала проблема сохранности оружия: пропажа нескольких винтовок неизбежно вела к разбирательству, суровым обвинениям и унижительным санкциям. Однажды генерал Санчес Пас предупредил Чавеса: «Твой начальник Маричалес готовит тебе ловушку. Пересчитай винтовки, наличие боеприпасов, гранат, потому что у тебя намеренно воруют, а ты представления об этом не имеешь. Маричалес подкупил одного из твоих сержантов и готовит скандал, чтобы отстранить тебя от командования».

Всё подтвердилось. Если бы не превентивные действия Чавеса по разоблачению «заговора в батальоне», он был бы надолго скомпрометирован.

Желающих раздуть скандал нашлось бы много. И сюжеты были очевидны: оружие похищается по приказу Чавеса для передачи «левомарксистским» заговорщикам, продаётся колумбийским партизанам, парамилитарес или торговцам наркотиками...

Опасность поджидала повсюду. Даже само назначение в батальон парашютистов, где Чавесу после десятилетнего перерыва снова пришлось вспомнить искусство управления парашютом, уже казалось подозрительным. «Мы даже начали думать, — признавался Уго, — что имелся план ликвидации офицеров-боливарианцев. Скажем, воздушная катастрофа, прыжок с повреждённым парашютом. Поэтому я никогда не прыгал с одним и тем же парашютом. Мой друг Урданета Эрнандес, который является экспертом в этом деле, хорошо представлял возможные угрозы. Всякий раз, когда проходили прыжки, он говорил: смотри хорошо и с тем парашютом, на котором значится твоё имя, никогда не прыгай».

В ноябре — декабре 1991 года по Каракасу поползли слухи о приближающемся выступлении военных. На стенах столицы появились надписи «Golpe ya!» («Даёшь переворот!»). В Центральном университете циркулировали даже «точные даты»: сначала — 16 декабря, потом — 19 декабря. Правительством были приняты контрмеры. Под предлогом студенческих беспорядков, сопровождавшихся жертвами, батальон Чавеса был переброшен в столицу и временно переподчинён начальнику Школы специальных операций. Чавес с несколькими солдатами был оставлен в Маракае «при казармах» для «обеспечения их охраны». Через некоторое время в них расквартировали батальон механизированной пехоты, в котором, по удивительному совпадению, никого из членов «MBR-200» не было.

Чавес понимал, что его стараются нейтрализовать, а потом загонят в такую глушь, откуда будет невозможно выбраться. В военном министерстве уже запланировали отправить его батальон на трёхмесячное патрулирование границы с Колумбией с конца февраля 1992 года. После этого — в июле — предполагалась передача батальона новому командиру. Ротация! Аналогичные планы вынашивались министерством обороны в отношении перемещений других «боливарианцев». Поэтому, когда в конце января батальон вновь поступил в распоряжение Чавеса, он твёрдо решил: больше никаких отсрочек! Ситуация созрела! Венесуэльцы ждут действий, а не слов: каждый день на территорию батальона забрасывали женские трусики и мешочки с зёрнами кукурузы: мол, вы не военные, а трусливые куры! Глубокий социально-экономический кризис, вызванный неолиберальными реформами, ударил по большинству венесуэльских семей, в том числе по военным. Недоверие к руководству страны приобрело всеобщий характер, особенно из-за «подозрительно уступчивой» позиции президента Переса в переговорах по делимитации границы с Колумбией в Венесуэльском заливе. Недовольство офицеров разгулом коррупции в среде высшего командования достигло пиковой отметки. Многие в вооружённых силах не могли простить Пересу вовлечения армейских частей и национальной гвардии в жестокое подавление народных волнений в феврале 1989 года.

Дивизионный генерал Карлос Сантьяго Рамирес, которого заговорщики планировали на пост будущего министра обороны, чётко сформулировал причины вооружённого выступления военных: «злоупотребления так называемых демократов — обман, демагогия, применение силы, ограничение прав человека, административные извращения, пренебрежительное

отношение к экономическому и территориальному суверенитету Венесуэлы».

При подготовке восстания Чавесу пришлось столкнуться с проблемой сотрудничества «MBR-200» с левомарксистскими партиями и организациями. Он знал, что идея совместного участия в перевороте не одобряется большинством военных участников, антикоммунистические убеждения которых преодолеть было невозможно. Поэтому Чавес законспирировал свои контакты с руководителями левых организаций. Рвать с ними он не собирался, поскольку в будущем их поддержка могла стать жизненно необходимой.

На фоне слухов о приближающемся восстании активизировалась партия «Bandera Roja». Она вовлекала в свои ряды военнослужащих низшего и среднего звена. Чавес не без основания считал, что лидер «BR» Габриэль Пуэрта Апонте укрепляет свои позиции в армии для того, чтобы перехватить инициативу и установить контроль над «MBR-200» изнутри. Его опасения подтвердились, когда «BR» и «сержантско-капитанский сектор» в «MBR-200» подписали так называемый Пакт Сан-Антонио.

Получив текст документа, Чавес незамедлительно принял меры для объявления его «не имеющим силы». Военные, подписавшие пакт, надолго лишились доверия Чавеса. Он сделал для себя вывод: руководство «BR» намеренно вбивает клинья между подполковниками, создателями «MBR-200», и младшими офицерами, заявляя, что подлинно революционной силой в армейских рядах являются именно они.

Информация о том, что в «BR» проникли агенты тайной полиции DISIP, поступила от Мари Барахо, которая работала аналитиком в военной контрразведке DIM. Она поддерживала отношения с капитаном Антонио Рохасом Суаресом, членом «MBR-200», и была «ушами и глазами» движения в стане противника. По

данным Барахо, агентура DISIP в рядах «Bandera Roja» пыталась выяснить долгосрочные планы военных заговорщиков, имена руководителей «MBR-200».

Как провокацию воспринял Чавес требование «BR» на выделение им квоты «ответственных постов» в будущем правительстве. Разве для делёжки министерских кресел было создано «Движение Боливарианской революции»? Все эти годы цели революционеров-боливарианцев не менялись: взорвать смердящий «порядок» в стране, укрепить своё присутствие в рядах армии, чтобы очистить её от коррумпированного генералитета, и с оружием в руках гарантировать стране процесс мирных реформ. Очень приблизительный список лиц, которые могли бы войти во временное правительство, у них, боливарианцев, был, но себя они в него не включали. Трудно было предугадать, кто выйдет живым из вооружённой схватки с режимом Переса.

Обозначившиеся разногласия между «MBR-200» и «BR» вызвали недовольство Пуэрты Апонте. Он всё ещё скрывал свои настроения от членов «MBR-200», но Чавеса стал считать личным врагом. Объяснение этому было найдено сугубо политическое: Чавес — не революционер, только имитирует свою близость к левым силам. На самом деле он является пешкой правоконсервативных сил и прикрывается левонационалистическими лозунгами.

Дело дошло до того, что в «BR» заговорили о необходимости «избавиться» от Чавеса. Была запущена фальшивка о его «предательских отношениях» с министром обороны Очоа, о заключённом ими пакте о разделе власти после переворота. Для проведения теракта против Чавеса были подобраны исполнители.

Однажды поздно вечером в дверь «Майсантеры» — дома, в котором жил Чавес, — на 11-й улице в Сан-Хоакине (штат Карабобо), постучал офицер, член «BR»,

один из участников предстоящего выступления. «Надо срочно встретиться, — сказал он. — Приходи в пивную в Кагуа». Когда Чавес вошёл в полупустой зал, то к своему удивлению увидел, что за дальним столом в облаке табачного дыма его дожидаются четыре молодых офицера — напряжённых, настороженных. Они тут же начали обвинять Чавеса в том, что он в очередной раз дал отбой вооружённому выступлению. В тот день на базе Либертадор традиционно проводился праздник, посвящённый годовщине национальных ВВС. Замысел заговорщиков заключался в том, чтобы разом, «атакой с воздуха» и при поддержке наземных частей, захватить президента Переса, его министров и высшее военное командование. Осуществление плана пришлось в самый последний момент остановить: не все командиры частей «MBR-200» находились на месте, в том числе Франсиско Ариас, командированный в Израиль для закупки вооружений для своей части.

Чавес пытался объяснить сложившуюся ситуацию, но офицеры ему не верили. Прозвучали откровенные угрозы. Только тут Чавес заметил, что собеседники настроены крайне агрессивно. Они не принимали никаких объяснений, говорили всё громче, привлекая внимание присутствующих. Чавес резко прервал разговор, бросил на стол деньги и ушёл, не желая продолжать бесполезную перебранку. Позже, уже в тюрьме, Чавес узнал от одного из участников встречи в пивной, что его той ночью собирались убить. Спасло его только то, что никто из «четвёрки» не осмелился взять на себя инициативу.

Несмотря на обвинения в «трусости» и даже «предательстве», Чавес следовал своей линии: для выступления необходимо выбрать самый благоприятный момент. Надо застать врасплох лояльные правительству силы. Эффект неожиданности — первостепенный фактор успеха. Ну а пока

приходилось маневрировать, гасить конфликты среди заговорщиков, даже договариваться о «квотах» в будущем переходном правительстве. Так, в полдень 1 января 1992 года Чавес и Ариас конспиративно встретились с руководителями партии «Causa R» Пабло Мединой и Клебером Рамиресом. Обсудили ситуацию в стране и пришли к выводу, что с выступлением больше нельзя затягивать. Определили содержание первых декретов «новой власти», соотношение представителей от военных и партии «Causa R» в будущей гражданско-военной хунте. Если верить воспоминаниям Медины, Чавес и Ариас не претендовали на высшие посты в хунте. Им — на выбор — были предложены Служба президентской охраны (Casa Militar) и командование столичным гарнизоном, и они не высказали каких-либо возражений.

Ещё через неделю, на другой встрече с руководством «Causa R», на которую пришли Медина и Али Родригес (будущий министр боливарианского правительства), Чавес сообщил им, что восстание намечено на начало февраля, когда президент Перес будет возвращаться с экономического форума в Давосе. Тут же возник вопрос об оружии для волонтёров из «Causa R». Если оно будет, партия примет участие в выступлении и поддержит военных при штурме дворца Мирафлорес. Речь шла о трёхстах бойцах. Чавес заверил, что оружие есть. Договорились, что оно будет передано Али Родригесу вечером накануне восстания.

Звонок из Мирафлореса раздался около полуночи 2 февраля. Один из агентов «MBR-200», используя ранее обусловленный код, сообщил Чавесу точную дату и время возвращения президента. С этого момента начала стремительно разжиматься пружина заговора. «Операция Эсекиэль Самора» началась! Чавес вспоминал, что перед броском в неизвестность провёл несколько часов в кругу семьи: «Я отправился домой,

чтобы проститься с детьми, с Нанси, оставить ей банковский чек и все наличные деньги. В ту ночь я не спал, просматривая документы, переживая сложные чувства из-за того, что наконец подходит к финалу один этап жизни и кто знает, начнётся ли другой этап или всё этим и завершится».

...Вновь переступить порог «Майсантеры» Чавес смог только через 17 лет. В сопровождении дочерей Росы Вирхинии и Марии Габриэлы он прошёл по тесным комнатам, показал им, где стояли их кровати и где он, на всякий случай, уничтожал «лишние» бумаги. На вопрос журналистки, может ли Чавес что-то рассказать о жизни в «Майсантере» после стольких лет отсутствия, он ответил, что сделать это ему очень трудно, потому что боится заплакать. Он больше не сказал ни слова, но все увидели: глаза президента увлажнились, и он почти минуту молчал, пытаясь справиться с нахлынувшими чувствами...

В понедельник, 3 февраля, Чавес надел спортивную форму и, имитируя обычную утреннюю пробежку, сделал по маршруту «разминки» несколько звонков с телефонов-автоматов.

Первому сигнал о «чase D» он подал в Маракайбо Франсиско Ариасу. Под его началом находилась ракетно-артиллерийская часть «Хосе Тадео Монагас». Потом Уго оповестил командиров частей в Маракае и в штате Арагуа — на границе с Колумбией. Сложнее всего было связаться с Хесусом Урданетой, который находился в служебной командировке. Уго каждые полчаса названивал ему, но тот появился в своём батальоне в Маракае только к полудню. Урданета взялся за дело, даже не успев повидаться с семьёй. Теперь все командиры подразделений, привлечённые к выступлению, были своевременно оповещены о наступлении «часа D».

В тот день кое-кто из руководства «МВР-200» всё же отказался от участия в выступлении, среди них — Рауль Бадуэль, друг Чавеса, один из той четвёрки, что давала клятву под саманом. Существуют разные версии его отсутствия среди участников восстания 4 февраля. По одной версии — якобы у него в подчинении не было боевого подразделения. По другой — стремление сохранить подпольные группы в армии в случае поражения. Поговаривают также, что Бадуэль не был уверен в успехе предприятия. Свои сомнения он якобы откровенно высказал Чавесу, но отговаривать от выступления не стал.

Заговорщики не могли знать, что в их рядах оказался предатель «последнего часа»: капитан Рене Химон Альварес. Чавес многое сделал для успешной карьеры этого офицера, которого знал с 1982 года, когда тот был ещё кадетом. Химон производил впечатление убеждённого боливарианца. После выпуска из академии его направили служить в Ла-Маркесенью, туда, где начинал сам Чавес. Бывая в Баринасе, Уго непременно заглядывал к подопечному, давал ему советы, познакомил его со своими друзьями в городе.

По мнению Чавеса, «перерождение» Химона началось после его перевода в академию на преподавательскую работу. Он начал пропускать конспиративные встречи, потерял интерес к вовлечению в движение новых членов. Объясняли это тем, что Химон влюбился в дочь начальника академии генерала Дельгадо Гайнса и амурные дела отодвинули на второй план всё остальное. Женится, всё войдёт в норму, надеялся Чавес. Оказалось иначе. Когда капитан встал перед выбором: участие в выступлении или семейная жизнь, то предпочёл второе. Первый вариант казался провальным, второй — гарантировал успешное продолжение карьеры.

Химон «исповедался» будущему тестю, сообщил о приближающемся «часе D», и они спешно отправились в министерство обороны. Впоследствии стало известно, что Химон раскрыл далеко не все планы заговорщиков, сообщил только то, что касалось непосредственно его самого. Чавес говорил по этому поводу: «Интуиция мне подсказывает, что он знал куда больше, но что-то в глубине души помешало ему рассказать обо всём. Потому что, если бы он вывалил всё, во что был посвящён, о делах старых и новых, о более глобальных планах, то, вполне вероятно, что меня задержали бы ещё в Маракае, до выступления».

Утром 3 февраля 1992 года Чавес присутствовал на построении своего батальона на плацу казармы «Паэс». Эмоциональный подъём, с которым его парни ответили на приветствие, убедил Чавеса, что их боевой дух на высоте. Они не подведут, выполнят свою задачу. Несколько часов заняла подготовка марша на Каракас: были получены со складов оружие и боеприпасы, медицинские комплекты, сухие пайки. Была оплачена аренда тридцати автобусов для транспортировки парашютистов.

Повышенная активность Чавеса и других командиров подозрений не вызвала. На следующий день на учебном полигоне в Эль-Пао, расположенном в нескольких километрах от Маракаея, были запланированы традиционные показательные выступления парашютистов. На них должны были присутствовать министр обороны, несколько генералов из Генштаба, депутаты, представители прессы. Накануне таких выступлений подразделения обычно передислоцировались во временные лагеря.

В 15.00 Чавес отправился в казарму «Сан-Хасинто», где находился штаб бригады парашютистов. Там его ожидали друзья — Хесус Урданета, Йоель Акоста и Хесус Ортис, командиры батальонов парашютистов и

егерей. Предстояло в последний раз сверить и обсудить все элементы плана, хронограмму действий и прежде всего координацию вывода частей на исходные позиции.

Завершая совещание, Чавес сказал: «Главные задачи: нейтрализация президента Переса, захват президентского дворца и установление контроля над аэродромом Ла-Карлота. Обращение к народу я записал. Оно будет показано по телевидению во время проведения “Операции Самора” в Каракасе».

«Чавесологи» до сих пор спорят о том, что подразумевалось под словами «нейтрализация Переса». Сам Чавес категорически отрицает, что имел в виду физическую расправу: «Никогда, ни на одном нашем совещании не поднимался вопрос о ликвидации Переса. Мы планировали провести над ним судебный процесс. Он должен был ответить за преступления перед народом». Установление контроля над аэродромом Ла-Карлота, который находится в центре столицы, было необходимо по оперативным соображениям: на нём располагались база ВВС и воинские части, лояльные Пересу. Они могли воспрепятствовать захвату находящейся поблизости «Jla Касоны» — президентской резиденции.

О том, что о «часе D» уже известно не тол» ко заговорщикам, Чавес не догадывался. Министру обороны Фернандо Очоа было трудно судить о масштабах предполагаемого мятежа. Из того, что сообщил Химон, он выхватил главное: президент в опасности! Министр дал указание усилить охрану аэропорта и его окрестностей, расставить мобильные посты вдоль автотрассы из Каракаса в Майкетию. Чтобы обеспечить безопасность Переса министр обороны привлёк внушительные силы: морскую пехоту, части Национальной гвардии, сотрудников Службы безопасности, агентов DIM и DISIP. Очоа распорядился

подготовить вертолёт, чтобы лично встретить президента в Майкетии и доложить ему о заговоре.

Глава 10

ВООРУЖЁННОЕ ВЫСТУПЛЕНИЕ 4 ФЕВРАЛЯ 1992 ГОДА

Первым выполнил поставленную задачу Хесус Урданета. Он позвонил Чавесу через три часа после совещания в Сан-Хасинто и доложил: «Птичка попала в клетку». Это означало, что в соответствии с планом «Самора» он установил полный контроль над парашютной бригадой, в которой служил, разоружив и поместив под арест её старший офицерский состав.

В 18.40 Чавес стал хозяином положения в казармах Маракая, отведённых ему по плану. В 21.00 колонна автобусов с парашютистами тронулась к столице. Чавес был спокоен за свои тылы. В Валенсии, в 30 километрах от Маракая, его друзья — боливарианские капитаны — без единого выстрела подчинили себе воинские части, которые могли доставить немало хлопот заговорщикам, если бы там взяли верх «люди Переса».

Перегруженные людьми и оружием автобусы медленно продвигались по извилистому горному шоссе в сторону Каракаса. Представители «Causa R» Али Родригес и Рафаэль Ускатеги напрасно ждали с полуночи 3 до рассвета 4 февраля у алькабалы Ла-Тасон, где Чавес должен был передать им грузовик с оружием и боеприпасами. В последний момент Чавес с головным отрядом колонны решил направиться в Каракас другой дорогой, через Техериас. Изменение маршрута он позднее объяснил тем, что возникла опасность засады в Ла-Тасоне. По версии руководства партии «Causa R», Чавес, вопреки обещаниям, никогда не собирался вручать оружие «штатским» лицам.

Когда в 22.00 в аэропорту Майкетия приземлился самолёт президента Переса, офицеры Почётной гвардии, которые участвовали в заговоре и должны были арестовать президента, уже были задержаны. Министр Очоа доложил Пересу об угрозе военного переворота. Во время доклада поступила информация о захвате военными мятежниками Форта Мара в Сулии. Стало очевидно, что заговор носит масштабный характер. Надо было принимать срочные меры для разгрома «путчистов». Президентский кортеж направился в Мирафлорес.

Обходной путь через Техериас занял больше времени, чем предусматривалось планом. Автобусы с парашютистами Чавеса, Чириносо, Сентено и других офицеров добрались до Каракаса незадолго до полуночи.

К Военно-историческому музею, расположенному в бывшей казарме Jla Монтанья (Cuartel de la Montana) на высоком холме неподалёку от Мирафлореса, Чавес подъехал на двух автомашинах с четырьмя парашютистами. Предполагалось, что в музее разместится центральный командный пункт заговорщиков. В прошлом все перевороты в столице начинались здесь, в точке, позволяющей контролировать центральные районы столицы, в том числе — президентский дворец. К своему удивлению, Чавес обнаружил в музее группу офицеров. Они были лояльны президенту Пересу и настроены решительно: доступ на территорию закрыт! Чавес сумел убедить их, что направлен для усиления охраны и что вскоре придут дополнительные части парашютистов. Но драгоценные минуты уходили. Недоверие стражников удалось преодолеть, а вот наладить радиосвязь с группами не получилось! Полностью взять музей под контроль смогли только в три часа ночи, когда у его стен появилась колонна парашютистов под

командованием майора Сентено. Полковник, начальник охраны, решил не оказывать сопротивления. Радиосвязь по-прежнему не работала, по телефону удалось дозвониться до Урданеты и Ортиса. Ничего обнадеживающего они не сообщили.

К этому времени у президентского дворца уже шёл бой. Офицеры из столичного гарнизона вели атаку на Мирафлорес, но ответный огонь, в том числе из соседнего с дворцом административного здания, был настолько плотным, что прорваться на территорию дворца не удавалось.

Атакующих было около пятидесяти человек. Они прибыли на двенадцати лёгких танках типа «Драгон», но без снарядов.

Получить их со складов не удалось. Поэтому два танка были использованы как тараны. Тяжёлая защитная решётка главного входа была сбита, и один из «Драгонов» прорвался к той части Мирафлореса, в которой располагался кабинет президента. Группе парашютистов под кинжальным огнём защитников дворца удалось проникнуть через «Золотой вход» в протокольный зал, соседствующий с кабинетом президента.

Прислушиваясь за массивной дверью кабинета к звукам перестрелки, Карлос Андрес Перес с автоматом в руках готовился к наихудшему исходу. Телохранители вели огонь из примыкающих к кабинету помещений и коридора. Двое из парашютистов, проникших во дворец, были тяжело ранены. Чтобы спасти их и не допустить новых потерь, атакующая группа спешно покинула территорию дворца.

В этот момент президент принял рискованное решение: оставить дворец и обратиться к венесуэльцам по телевидению. Народ должен знать, что глава государства исполняет свои обязанности и контролирует ситуацию. Для эвакуации Переса

начальник Службы безопасности использовал личную автомашину бывшего президента Лусинчи, которую по его просьбе накануне отремонтировали. Экипаж танка «Драгон», находившийся на улице в 50 метрах от ворот, не сразу отреагировал на неожиданное появление роскошного лимузина. Очередь из пулемёта прошла мимо.

Парашютисты пытались изменить ситуацию в свою пользу и, прячась за танками, вели огонь по дворцу с авениды Урданета и прилегающих улиц. Майоры Педро Аластре Лопес, Карлос Диас Рейес, капитаны Рональд Бланко Ла Крус, Антонио Рохас Суарес, Ноэль Мартинес Риверо и другие офицеры отчаянно нуждались в поддержке, но части из Маракая запаздывали. В радиоэфире было пусто, и отсутствие информации всё больше беспокоило заговорщиков.

Перес выступил по телеканалу «Веневисьон» с обращением к нации и пообещал быстрое подавление мятежа. Позже он выступил ещё раз, подтвердив, что сохраняет контроль над страной. В словах президента было много неопределённого и неясного.

Венесуэльцы оставались в недоумении. Кто вывел боевую технику на улицы столицы и других городов? Если это военный мятеж, то каковы его цели? Кто возглавляет восстание? Обращение к народу от имени «MBR-200» Чавес записал заранее. Организовать передачу обращения по государственному телеканалу должен был младший лейтенант Хуан Валеро Сентено. Однако он, не имея опыта, допустил технический просчёт: речь Чавеса была записана на кассету VHS, а аппаратура телеканала использовала кассеты U-matic. Времени на перезапись не было. Не предусмотрели заговорщики использование такого эффективного средства информации в условиях Венесуэлы, как радио.

В 2.30 верные президенту военные восстановили полный контроль над территорией, примыкающей к

дворцу Мирафлорес. Атаки восставших уже не представляли реальной опасности.

В 4.45 к Чавесу в музей приехал в качестве парламентаря генерал Рамон Сантелис. Они беседовали во внутреннем дворе около четверти часа. Чавес всё ещё надеялся на чудо, на массовый переход воинских частей на сторону восставших. Генерал уехал ни с чем. О позиции Чавеса министр обороны Очоа и Сантелис доложили президенту. Сантелис попросил разрешения Переса сделать ещё одну попытку переговоров с Чавесом. По телефону. Разрешение было дано.

После очень краткого разговора Сантелис, не кладя трубки, крикнул: — Сеньор президент, команданте Чавес готов сложить оружие в три часа после полудня! Перес подошёл к столу с телефоном и громким голосом, чтобы было слышно на другом конце линии, сказал: — Передайте этому сеньору, чтобы он сдавался немедленно. В противном случае на рассвете он будет атакован бомбардировщиками.

Также громко, обращаясь к Очоа, президент приказал: — Министр, как можно скорее начинайте атаку на музей.

Для демонстрации полного превосходства был отдан приказ об облётах Военного музея самолётами F-16 и «Туканами». В 5.45 Сантелис снова позвонил Чавесу из кабинета президента: — Какое принято решение? Сдаётесь или нет? — Мой генерал, мы сохраняем контроль над гарнизонами Маракая, Валенсии и Маракайбо.

— Чавес, если вы не сложите оружия, я прикажу начать атаку частями морской пехоты и авиацией. Даю десять минут. У вас нет выбора. Если окажете сопротивление, единственное, чего вы добьётесь, ещё большего кровопролития.

В кабинете президента в это время находились венесуэльский олигарх Густаво Сиснерос и банкир

Карлос Бланко, личные друзья Переса. Они попытались прервать беседу министра с Чавесом: — Хватит уговоров! Надо кончать с этим путчистом! 110 Генерал Очоа вспылал: — Прекратите! Не мешайте работать! Министр решил «дожать» Чавеса: — Авиация появится над музеем через несколько минут. Не жертвуйте понапрасну своими солдатами! Безвыходность ситуации становилась Чавесу всё более очевидной. План «Операции Самора» разваливался на глазах. Его позиция в Военном музее стала уязвимой. Бросать на штурм Мирафлореса отряд в сотню парашютистов без танковой поддержки было безумием: морские пехотинцы уже заняли все высоты по периметру дворца. Особую опасность представляли те, что расположились в обсерватории Кахигаль на соседнем холме. Они вели беспокоящий огонь по музею и контролировали подъезды к нему — с авениды Сукре и с Кальварио, ещё одного холма вблизи президентского дворца. В районе Мирафлореса перестрелка затихла. Видимо, генерал Сантелис сказал правду: атака на дворец подавлена. Оборону дворца, конечно, усилили, и если даже удастся прорваться к нему, то большой кровью. Президент Перес выступил по телевидению («всё под контролем»), поэтому ждать спонтанных действий гражданского населения в поддержку их выступления не приходится.

В 6.15 над Военным музеем несколько раз прошли на бреющем полёте два самолёта F-16. Министр обороны, проявляя настойчивость, вновь позвонил Чавесу. За минувшие сутки лидер восстания ни разу не сомкнул глаз, был уставшим и, по некоторым свидетельствам, «деморализованным». После минутного раздумья он всё-таки взял трубку.

Очоа дал Чавесу своё видение ситуации в стране. Подчеркнул, что конституционное правительство контролирует положение, а воинские подразделения в

Каракасе в большинстве своём сохранили верность президенту. Очоа не стал скрывать, что в Ла-Карлоте продолжаются бои, но дело близится к развязке: — Из-за вашего упрямства гибнут люди, это будет на вашей совести.

После небольшой паузы Чавес ответил: — Мой генерал, дайте мне десять минут на размышление.

— Вы их имеете.

Новый звонок министра прозвучал ровно через десять минут. На этот раз Очоа добился своего.

— Мой генерал, мне нужны гарантии для сдачи.

— Считайте, что вы их получили, и вы, и другие офицеры. Даю вам моё слово.

— Мой генерал, я складываю оружие.

Министр поручил генералу Сантелису перевезти Чавеса из Военного музея в министерство обороны. В 7.00, перед тем как покинуть территорию музея, Чавес обратился к своим парашютистам с прочувствованными словами: «Ваши героические усилия и жертвы не будут напрасными!» Бесформенные кучи оружия — это последнее, что видел Чавес, выезжая вместе с Сантелисом из внутреннего двора музея. Его парашютистам не пришлось понюхать пороха. Может быть, в сложившихся обстоятельствах это не так плохо...

Сантелис внял уговорам Чавеса, заехал с ним в Провиантское управление на авениде Сукре, чтобы он мог проститься с другой группой своего батальона. Там Чавес привёл себя в порядок: принял душ, побрился, сменил форму. Своё оружие — винтовку М-16 и пистолет — он не сдал, но Сантелис знал, чем это вызвано. Ещё в музее Чавесу позвонил кто-то из друзей и предупредил, что на него готовится покушение. Сантелис решил: если Чавесу спокойнее с оружием, пусть так и будет. Он сдаст его в министерстве...

В 9.30 Чавеса провели в кабинет вице-адмирала Даниэльса, который в окружении группы высших офицеров вёл переговоры о капитуляции последних очагов сопротивления. На все усилия договориться об условиях сдачи заговорщики отвечали категорическим отказом. «Родина или смерть!» — кричали они, и это означало: восставшие намерены сражаться до конца. Они не верили, что Чавес сдался. Вновь кто-то предложил начать бомбардировку мятежников. Даниэльс отверг это: нежелательный политический эффект, большие человеческие жертвы, нанесение невосполнимого ущерба военному имуществу.

Из обрывков телефонных разговоров, которые доносились до Чавеса, он понял, что его товарищи в Маракае и Валенсии продолжают обороняться! Чавес предложил вылететь на вертолёт в Маракай, чтобы убедить Хесуса Урданету прекратить сопротивление. Именно за Хесуса он беспокоился больше всего, поскольку помнил его слова, сказанные накануне выступления: «Если нас ждёт неудача, я не сдамся». Урданета был настроен погибнуть с оружием в руках. Он отключил телефонную связь, отказывался принимать парламентёров.

Руководителю заговорщиков вертолёт не предоставили, но идея «показать» Чавеса по телевидению, чтобы он призвал соратников сложить оружие, Даниэльсу понравилась. Он позвонил министру обороны, обрисовал общую, очень нестабильную, ситуацию в стране и предложил использовать Чавеса, чтобы убедить восставших сдаться. Генерал Очоа находился в Мирафлоресе и поспешил к президенту, чтобы получить его санкцию. Перес задумался на две-три минуты и разрешил, но с оговоркой: «Показать по телевидению в записи. Никакого прямого эфира!» Для Даниэльса любое промедление с телетрансляцией было чревато потерей боевых самолётов: базу ВВС

«Либертадор» в Маракае окружили танки восставших. Если они прорвутся на её территорию, без бомбёжки не обойтись, и потом, когда всё закончится, ему, Даниэльсу, придётся отвечать за безрассудные решения политиков и военного руководства. Поэтому вице-адмирал, проявляя несговорчивость, сказал министру: — У нас нет времени. Атака на базу вот-вот начнётся, и после первых выстрелов её не остановить.

— О'кей, Даниэльс. Если ситуация настолько опасна, то под мою ответственность представь Чавеса прессе. Не трать напрасно время.

О том, что Чавес, вопреки «свидетельствам», не был «деморализованным», говорит то, что уже после сдачи он продолжал, как говорится, гнуть свою линию. И тогда, когда его, арестованного, завезли по его просьбе в Провиантское управление. И потом, когда он отказался «согласовывать» текст выступления: «Я ничего не стану писать. Я призыву к сдаче. Даю вам слово чести». Получив согласие, он потребовал, чтобы ему вернули берет парашютиста и военные знаки с формы, потому что, по его словам, «не хотел выглядеть как панамский президент Норьега, которого американцы показали всему миру согбенным и деморализованным». Ни при каких условиях он, Чавес, так выглядеть не будет! В 11.00 его ввели в протокольный зал министерства обороны, где в ожидании новостей толпились корреспонденты телеканалов и печатных СМИ. Трансляция шла прямо в эфир. На телеэкранах появилось усталое, мужественное, «киногеничное» лицо подполковника Чавеса. Он сказал: «Это боливарианское послание обращено к мужественным солдатам, которые находятся в подразделении парашютистов Арагуа и в танковой бригаде в Валенсии. Соратники, к сожалению, пока что цели, которые мы поставили, в столице не были достигнуты. То есть мы — здесь в Каракасе — не

смогли захватить контроль. Вы, там у себя, всё сделали отлично... Пришло время для осмысления. Потом будут другие обстоятельства, и тогда страна окончательно направит свой курс к лучшей судьбе».

Слова «пока что» отозвались эхом по всей Венесуэле, стали с самого момента их произнесения «историческими».

После телевизионного обращения Чавес несколько часов находился в здании министерства обороны. Не исключалось, что снова может потребоваться его помощь. Министр Очоа из дворца Мирафлорес следил за развитием событий и с удовлетворением отметил, что телевизионное выступление Чавеса сыграло свою роль. Переговоры о сдаче начались во всех последних точках сопротивления. Подполковник Ариас в Маракайбо не препятствовал восстановлению правительственного контроля над захваченными им военными объектами. Сдался со своим подразделением капитан Гуйон из 4-го пехотной дивизии. Майор Торрес снял осаду базы ВВС «Либертадор» и передислоцировал танки на базу парашютной бригады, где последовал примеру Гуйона. Последним из мятежников отдал приказ о сдаче оружия Хесус Урданета.

Когда генерал Очоа вернулся в министерство (примерно в 16.00), Чавес дожидался решения своей судьбы в представительском салоне министра. Рядом с ним были вице-адмиралы Элиас Даниэльс и Герман Родригес, генералы Иван Хименес и Рамон Сантелис. Министр уже намеревался отдать распоряжение об отправке Чавеса в Управление военной разведки, куда свозили со всей страны участников заговора, но в этот момент появился официант, обслуживавший столовую министра.

Неожиданно Очоа пригласил Чавеса пообедать со всеми. Это был великодушный жест победителя. Во время обеда Чавес почти не ел, потому что

присутствующим было трудно удержаться от вопросов. Генералы хотели знать, почему и для чего «всё это» было затеяно.

Чавес отвечал: вызывающая коррупция во всех правительственных сферах, предательская политика президента Переса по передаче Колумбии Венесуэльского залива, а также неспособность высшего военного командования страны положить конец этому произволу. Ответ показался министру неискренним и неубедительным. Поэтому, чтобы побудить Чавеса к большей открытости, Очоа сказал с подчёркнуто обвинительной интонацией: — Вы, Чавес, по итогам этих событий несёте ответственность за всех убитых и раненых. Эти венесуэльские юноши 114 погибли напрасно. Вы и офицеры-путчисты обманом втянули многих из них в эту авантюру.

Усталость Чавеса после всего пережитого была столь велика, что он ограничился короткой репликой: — Двигать историю без насилия невозможно.

Ответ его показался министру циничным и вызывающим. Ещё более враждебно он сказал: — Вы, Чавес, не только не выполнили своего воинского долга, предав своих командиров, но и совершили то же самое по отношению к подчинённым. Вы сдались без сражения. В отличие от вас большинство восставших выполняло данное ими слово до последнего момента. Некоторые погибли, другие были ранены. Остальные сдались только после того, как это сделали вы. Они были готовы умереть за свои идеалы. Но вы, со всей определённостью, этого делать не собирались.

На этом обед закончился. Чавес поднялся со стула, отдал честь и направился к двери.

В Управление военной разведки Чавеса сопровождал генерал Сантелис. По его мобильнику, сидя в машине, Чавес позвонил по двум номерам — матери в Баринас и Эрме на её домашний телефон. Из

коротких отрывистых фраз Эрма поняла, что Уго не ранен, что при аресте «эксцессов» допущено не было и что ей надо избавиться от «всего лишнего» в квартире. Последнего Чавес мог бы не говорить. За десять лет конспиративной работы Эрма научилась предвидеть события. Материалы, имевшие отношение к Уго и «MBR-200», были надёжно спрятаны в разных местах.

Из всего, что было сказано Эрме, Чавес оставил «для истории» всего несколько слов: «Я нахожусь здесь, близко». Так оно и было, Управление военной разведки и квартира Эрмы по прямой линии были совсем рядом. Интерпретируя позднее эту фразу, он не удержался от поэтической передачи своих чувств и ощущений перед «моментом истины»: «Четыре слова, полные безнадежного отчаяния, я сказал тебе на рассвете, который уже потрескивал и рассыпался под очередями смерти. В этих словах было заключено так много. Словно сказать: “Прости, потому что я не смог”. Словно сказать тебе: “Прощай, я уже умираю”. Это было как ураганный полёт по времени, которое бежало от нас как облака, как уносящиеся жизни, которые не возвращаются. Были смерть и роды в ту ночь. Конец и начало».

Следующие две недели Чавес провёл в подвалах DIM в полной изоляции. Однажды к нему пришёл военный священник. Во время причастия капеллан неожиданно наклонился к Уго и прошептал на ухо: «Ты, наверное, ещё не знаешь, что стал народным героем». Его словам Чавес не поверил. Только потом, когда его перевели в тюрьму Сан-Карлос, убедился: это правда. Они потерпели поражение, но дали народу надежду: всё можно изменить.

По поводу событий 4 февраля Чавесу чаще всего задавали вопрос: «Почему вы не выполнили своей задачи по операции “Самора” и не пришли на помощь штурмовой группе, которая атаковала Мирафлорес?»

Одна из причин сбоя была очевидной: не всё удачно сложилось с захватом Военно-исторического музея — штаб-квартиры восстания. Не было радиосвязи с восставшими частями: некоторые станции связи предусмотрительно вывели из строя сотрудники военной контрразведки.

В одном из интервью у Чавеса спросили: «Что не получилось в той операции, которую вы возглавляли в Каракасе?» Чавес ответил: «В ходе любой военной операции есть много неопределённого, неожиданных вводных факторов. Часть из них носила фатальный для достижения главной цели характер. План был выстроен для победы. Никакие другие варианты не могли нам её заменить». Чавес опровергал мнение, что он решил сдаться после того, как в небе над столицей появились самолёты F-16: «Наша цель была исключительно политической. Когда мы дали себе отчёт в том, что политическая цель не может быть достигнута и что нам остаётся только одно — уничтожение гражданского населения и военнослужащих, то есть братоубийство, мы решили сложить оружие с надеждой на более благоприятные условия для ведения нашей борьбы в будущем». Оценивая итоги проведения «Операции Самора» в Каракасе, Чавес самокритично сказал: «Она была выполнена всего на пять процентов». Из-за предательства Химона был блокирован Форт Тьюна, где находились привлечённые к заговору части, те самые, которые должны были захватить Мирафлорес.

В военном мятеже 4 февраля 1992 года участвовало 133 офицера и почти тысяча солдат (Выступая на форуме «Трансформация Венесуэлы: возможна ли утопия?» в Сорбонне (Париж, октябрь 2001 года), Чавес назвал другую, явно завышенную, цифру — десять тысяч человек (членов «MBR-200»).). В результате боёв, по официальным данным, погибли 17 военнослужащих, не менее 50 военных и гражданских лиц были ранены.

В Венесуэле есть политологи, которые считают, что конспиративная деятельность Чавеса «была разрешена сверху». По их версии, с 1985 года конфиденциальная информация о деятельности подпольных групп «Движения Боливарианской революции» в той или иной форме поступала к командованию вооружённых сил. Эти политологи высказывают также мнение, что заговору «покровительствовали» некие «диссиденты» в правящих структурах, чтобы в случае успеха этого предприятия перехватить власть. Может быть, по этой причине «MBR-200» не было своевременно обезглавлено, а его руководители, включая Чавеса, получили назначения на ответственные командные посты, без чего выступление 4 февраля было бы невозможно.

В этой связи «чавесолог» Бланко Муньос весьма критично высказался о программе восставших: в практическом плане она призывала только к «искоренению коррупции». Для движения, которое затратило столько времени и усилий на подготовку вооружённого выступления, отсутствие тщательно разработанной программы управления страной было действительно весьма странным. Аргентинский политолог Норберто Сересоле (Норберто Сересоле (1943–2003) — аргентинский политолог, автор многочисленных исследовательских работ, посвящённых перонизму, роли вооружённых сил в новейшей истории стран Латинской Америки, различным аспектам перманентно кризисных отношений между Израилем и Палестиной, разоблачению сионистского «фундаментализма» и «ревизии холокоста».) также считал, что в истории «восстания» существуют моменты, которые свидетельствуют о некоем «побуждении сверху» в скрытой истории этого мятежа: «Есть много аргументов, которые позволяют думать, что был

“другой” заговор за этим видимым выступлением 4 февраля». Чавес предположения подобного рода категорически отвергал. Его можно понять. Эти версии представляют его как слепую марионетку, действующую в чужих интересах.

Утром 5 февраля началось чрезвычайное заседание обеих палат Национального конгресса. Правительство Переса выступило с инициативой о введении осадного положения и приостановлении конституционных гарантий на всей территории страны. Парламентские фракции это предложение не поддержали, настояв лишь на принятии коммюнике с осуждением вооружённого мятежа.

К удивлению многих, экс-президент и пожизненный сенатор Рафаэль Кальдера выступил с полемической речью, в которой опроверг тезис правительства о том, что в планы восставших входило физическое устранение президента. Кальдера подчеркнул, что главной причиной выступления было стремление военных остановить дальнейшее сползание страны в кризис, спасти и укрепить демократический строй и его институты.

Речь Кальдеры с одобрением была встречена большинством венесуэльцев. Её взвешенность, продуманность, предложенные пути решения назревших проблем — всё это на время успокоило взбудораженное общество, помогло процессу стабилизации в стране, подготовке президентских выборов 1992 года. Кальдера возглавил коалицию небольших партий, которую пресса окрестила «chiripero» (тараканник). Его избирательная кампания шла под лозунгами наведения порядка, борьбы с коррупцией и прочими пороками, угнездившимися в Венесуэльском государстве.

С небольшим преимуществом в голосах Кальдера победил Андреса Веласкеса, кандидата от партии

«Causa R».

Глава 11

ТЮРЬМА КАК ФАКТОР ПОПУЛЯРНОСТИ

После ареста Чавес провёл более двух лет за тюремными стенами, получив идеальную возможность для осмысления причин провала и обдумывания планов на будущее. В то время он и представить не мог, что через 15 лет, уже в качестве президента, подпишет указ о создании новой правительственной награды — «Ордена 4 февраля», которым будут поощряться те, «кто героически боролся с обветшалыми устоями коррумпированной двухпартийной демократии с целью реорганизации республики и открывал пути для новой альтернативы». Музею военной истории было присвоено имя Восстания 4 февраля. Прошло ещё немного лет, и музей превратился в мавзолей, где нашёл успокоение Команданте Чавес...

В тюрьмы отправили более трёхсот военных, чьё участие в событиях 4 февраля было установлено и подтверждено. Сначала местом заключения мятежников были глухие камеры форта Сан-Карлос в Каракасе. Это из него в своё время бежали через подкоп партизанские команданте, среди них Теодоро Петков, Гильермо Гарсия Понсе и другие (По мотивам этого сенсационного побега на Литовской киностудии был снят художественный фильм «Это сладкое слово “свобода”»). Новые узники Сан-Карлоса вызывали у тюремного начальства хлопот не меньше. Окрестности тюрьмы стали местом паломничества для тех, кто с одобрением встретил мятеж молодых офицеров. Откровенно протестных выступлений не было, но антиправительственная подоплёка «сборищ» у

тюремных стен была очевидна. Раздражение властей вызвала попытка фольклорного певца Крестобала Хименеса исполнить композицию «Письмо команданте Чавесу», в которой автор выражал народное восхищение восставшими, любовь и уважение к их командиру. Певца «удалили» с нетрадиционной концертной площадки у подножия сторожевой башни, но появились другие барды со своими песнями протеста. Это был самый лёгкий способ получить свои десять минут славы в средствах массовой информации: воспеть революционный героизм офицеров-боливарианцев.

В Сан-Карлосе Уго Чавеса навел Хильберто Ломбано Домингес, внук Майсанты. Это случилось 29 февраля 1992 года, и эту дату Чавес включил в хронологию значимых событий своей жизни. Хильберто вручил Уго накидку (escarulario) Майсанты с вышитым символом Святой Девы Кармен и крестом. О том, что эта реликвия уцелела, Чавес узнал ещё в 1979 году, когда разыскал дочь Майсанты Анну де Ломбано. Уже тогда он был уверен: эта освящённая накидка, которая оберегала Майсанту от пуль и заговоров, обязательно попадёт к нему, но — после того, как он докажет, что заслужил право на обладание семейной реликвией. И вот — сын Анны де Ломбано стал посланником Майсанты из глубин истории. Прадед одобрил его, Уго, участие в событиях 4 февраля, признал кровное родство и передачей escarulario поощрил к новым свершениям на благо Венесуэлы и её народа.

Позже, когда Чавес стал публично бороться за восстановление чести Майсанты, о символическом значении накидки для Чавеса узнали все венесуэльцы. Для простых венесуэльцев в Уго Чавесе воплотились неуёмная душа и отважная сущность Майсанты, «революционного партизана», как назвал его великий венесуэльский поэт Андрес Элой Бланко.

Для прекращения политических демонстраций у тюрьмы и из-за опасений, что может повториться история с побегом (для десантников нет препятствий!), власти решили перевести Чавеса и его соратников в строго охраняемую тюрьму Яре в Вальес-дель-Туй, в 30 километрах от Каракаса. О ней шла дурная слава, потому что направляли туда отпетых уголовников, а условия содержания были отвратительными даже по венесуэльским понятиям.

Родственники заключённых заволновались. Перевод в другую тюрьму они восприняли как подготовку к убийству без суда и следствия под традиционным предлогом «попытки к бегству». У тюрьмы Сан-Карлос начали собираться люди. Страсти накалились до предела, в ход пошли полицейские дубинки. Пострадало несколько офицерских жён. Эрма была среди протестующих. Опасаясь, что всё это добром не кончится, она позвонила в парламент, где находился руководитель партии «Causa R» Пабло Медина: «Власти хотят устроить кровавую мясорубку!» Медина поспешил на радиостанцию «YVKE Mundial» и получил слово для срочного сообщения: «Карлос Андрес Перес сбросил маску, всё готово к жестокой расправе с офицерами, участниками событий 4 февраля. Народ должен выйти на улицы, чтобы защитить своих героев у стен Сан-Карлоса!» Властям с трудом удалось погасить новый конфликт. Заключённых всё-таки перевезли в Яре. Их поместили в отдельный блок с удовлетворительными санитарно-гигиеническими условиями, с внутренним двором для прогулок. Из-за событий у Сан-Карлоса больше всего пострадала радиостанция «YVKE Mundial»: на несколько дней её «замолчали», обвинив в распространении панических слухов и подстрекательстве к неповиновению.

Чтобы исключить возможность побега из тюрьмы Яре, по её периметру установили противопехотные

мины, а охрана получила зенитные установки на случай «вертолётного» варианта операции по спасению пленных comandantes. Популярность «заключённых в камуфляже» была столь высока, что самая, казалось бы, неподкупная и строгая охрана вступала с ними в «неформально-попустительские» отношения, позволяя внеочередные встречи с родственниками, передачу таких запрещённых вещей, как компьютеры и мобильники.

Охрану меняли каждые полтора-два месяца. На время строгие правила содержания заключённых возвращались: списки родственников и знакомых, желающих навестить узников, составлялись заранее, и приходилось дожидаться разрешения министерства обороны на допуск в тюрьму. Разрешения часто запаздывали. Чтобы ускорить бюрократические процедуры, заключённые угрожали голодовкой. Чины в министерстве, от которых зависели «визы» на посещение, сдавались быстро, не хотели выглядеть в глазах общественного мнения «безжалостными церберами».

Известный левый политик и журналист Хосе Висенте Ранхель (Хосе Висенте Ранхель Вале (р. 1929) — адвокат, журналист, с шестнадцати лет занимается политической деятельностью. В 1948 году выступил против военных, которые свергли демократическое правительство Ромуло Гальегоса, за что был выслан из страны. Получил политическое убежище в Чили, где познакомился со своей будущей женой скульптором Аной Авалос. В 1970—1980-е годы Ранхель трижды выдвигался кандидатом в президенты от левых партий, неоднократно избирался депутатом парламента в Четвёртой республике. Поддержал Боливарианскую революцию и вошёл в число ближайших соратников У. Чавеса. Министр иностранных дел (1999–2001), министр обороны (2001–2002), вице-президент (2002–2007). В

марте 2007 года возобновил телепрограмму «Хосе Висенте сегодня», первым приглашённым на неё стал Уго Чавес.) сумел обнаружить прорехи в системе тюремной охраны и передал Чавесу портативную видеокамеру. Листок с вопросами он получил ещё раньше. Интервью было записано без помех, и кассета с записью переправлена на волю. Ранхель так смонтировал интервью, что у зрителей создавалась иллюзия его «необъяснимо-загадочного» проникновения в тюрьму. Программа «Говорит Чавес» имела громадный успех. По решению военного трибунала Ранхеля надолго изгнали с телевидения. В отместку «за наглость» Чавеса были проведены обыски в домах его близких и дальних родственников. «Они перевернули всё, — вспоминал он. — Унесли даже одежду детей и те небольшие деньги, которые оставались у моей первой жены Нанси. Так и хочется спросить: что это было — демонстрация силы? По существу, это являлось проявлением самой настоящей слабости».

В то время страной правил престарелый Рафаэль Кальдера. Однако все узники, участвовавшие в перевороте, помнили о том, что ненависть экс-президента Переса к ним не имела границ: это по их вине кризис его правительства приобрёл обвальный характер. Поэтому угроза физической ликвидации организаторов переворота не миновала. Необходимые рычаги для этого у Переса были. В прошлом он был министром внутренних дел, сохранял отношения с представителями ЦРУ в Венесуэле и считал практичной их методику «превентивной нейтрализации» экстремистских лидеров. Аналитики и политологи, обслуживавшие Четвёртую республику, били тревогу: подполковник Чавес может стать могильщиком демократии в Венесуэле, ведь Фидель Кастро тоже начинал с поражения: неудача при штурме казармы

Монкада, потом арест, суд. Вовремя не остановили, и вот результат — коммунистический режим на Кубе. Надёжно «остановить подполковника» можно было только одним способом — убийством.

Несмотря на старания спецслужб, полностью изолировать узников Яре не удавалось. Венесуэльцы хотели знать как можно больше об участниках «мятежа Чавеса» (как окрестила восстание 4 февраля официальная печать). Людей интересовало, что думает Уго Чавес о состоянии дел в стране, каковы его прогнозы на будущее и какими он видит пути преодоления кризиса. Зная об этом, Чавес принял участие в подготовке манифеста, опубликованного под названием «Как выбраться из лабиринта». Главными в нём были призывы к новому прочтению теоретического наследия Либертадора, которое не утратило своей актуальности, и решительному отказу от позорной коррупционной практики Четвёртой республики.

Растущая популярность Чавеса вызывала ревность у некоторых его соратников. Особенно раздражался Франсиско Ариас. Он считал свои заслуги недооценёнными. «Панчо», как звали его друзья, старался скрывать свои переживания, но они прорывались наружу всякий раз, когда в беседах затрагивались события 3-4 февраля. По всему выходило, что он, Ариас, свои задачи в Маракайбо выполнил безукоризненно, а вот в Каракасе всё завершилось провалом. Главным виновником поражения он считал Чавеса.

Через девять месяцев после февральского мятежа, 27 ноября 1992 года, венесуэльские военные предприняли ещё одну попытку свержения правительства Переса. Центром выступления стал портовый город Пуэрто-Кабельо, где расположена крупная база ВМФ. Выступление возглавили контр-адмирал Эрнан Грюбер, контр-адмирал Энрике Кабрера

и генерал ВВС Эфраин Франсиско Висконти. К ним примкнули левые политические партии «Bandera Roja» и «Третий путь». Восставшие подвергли бомбардировке административные здания, установили контроль над основными военными объектами в городе и телевизионным центром.

Телезрители вновь увидели Чавеса. Его «Обращение к народу» было тайком записано в тюрьме и использовано Грюбером для усиления пропагандистского эффекта от вооружённого выступления. Венесуэльцы истолковали появление Чавеса на экранах телевизоров как указание на связь восстания военных в Пуэрто-Кабельо с событиями 4 февраля. Заговорили о том, что неутомимый и бесстрашный Чавес даже в тюремных стенах ведёт работу по подготовке революции.

В ходе ноябрьских боёв восставших с правительственными силами погибло не менее трёхсот человек. Заговорщики потерпели поражение. Ни одна из поставленных ими задач достигнута не была, в том числе — освобождение Чавеса (Тюрьма Яре была атакована отрядом майора Луго Лопеса численностью в 40 человек. Власти получили своевременную информацию об этой акции и направили для охраны тюрьмы дополнительные силы.). Почти все организаторы этого мятежа, включая контр-адмирала Грюбера, бежали за границу. Чавес отрицал свою причастность к ноябрьскому выступлению. По его словам, телевизионное «Обращение к народу» было записано для другого восстания, которое планировалось на июль — август. Чавес утверждал, что Грюбер саботировал совместную работу с оставшимися на свободе участниками событий 4 февраля, поэтому армейские подразделения, которые могли поддержать Грюбера, не были им задействованы. На провале выступления 27 ноября сказался ещё один фактор:

очередное предательство! «Иудой» стал капитан Манрике Падрон, правая рука Грюбера.

Военная контрразведка воспользовалась раздорами среди заговорщиков «первой и второй волны» и распространила слухи о том, что Чавес тайно способствовал поражению этого выступления, потому что, дескать, не хотел возникновения в военной среде нового лидера. Чавес вспоминал: «В эти месяцы — декабрь 1992-го — январь 1993 года — я чувствовал себя изгоем, впервые в своей жизни ощутил всю полноту горьких переживаний. Никогда прежде я не чувствовал такого, даже 4 февраля после капитуляции. Я ощущал эту горькую боль потому, что мои товарищи сочли меня виновником поражения 27 ноября».

Ариас подливал масла в огонь, при каждом удобном случае напоминая сокамерникам, что Уго — виновник провала заговора 4 февраля: «Отсиживался в безопасном месте, наблюдая за тем, как гибнут товарищи, штурмуя Мирафлорес». Уго защищался, говорил, что одно проигранное сражение не определяет поражения всей кампании. И снова приводил пример с неудачной попыткой Фиделя захватить казармы Монкада. Ариас отмахивался от аргумента: мол, это типичное «высокомерие» Уго, сравнивает себя с Кастро, демонстрирует свою «избранность», словно он единственный «обладатель правды». Трудно было представить, что совсем недавно Ариас придерживался противоположной точки зрения, говорил, что все участники движения должны помогать распространению мифа «о высшем предназначении Чавеса», закреплению его в народе, чтобы потом воспользоваться им для успешного завершения «боливарианского проекта».

В эти дни Уго часами осмыслял события последних месяцев. Он уединялся в пустой камере или на небольшой площадке в тюремном дворе, отгороженной

для него колючей проволокой. Обычная сцена: он сидит на стуле, погружённый в себя, а перед ним — на ящике — бюст Симона Боливара. Чавесу не мешали, может быть, потому, что привыкли к его медитациям, духовному общению с Либертадором, Саморой и Майсантой.

Расхождение во взглядах между Чавесом и Ариасом беспокоило друзей. Один из них писал на волю: «Кто виноват в этом? Оба. Они непримиримы даже в тактических вопросах. Дай бог, чтобы я ошибался. Если один говорит “чёрное”, другой отвечает “белое”, если один говорит “выборы”, другой настаивает на “неучастии в них”. Как грустно, потому что именно их голоса слушает народ. Если они не объединятся, то вполне вероятно, что “MBR” расколется. Лучшие представители нашего движения, 50 человек, сидя в тюрьме, не могут ни о чём договориться. Совладают ли они со страной в состоянии кризиса? Это очень серьёзно»...

Эмоции иногда перехлёстывали через край, выбивая искры непродуманных суждений, которые в конечном счёте попадали в СМИ. Франсиско Ариас отправил брату письмо, в котором критически оценивал шансы Чавеса на сохранение лидерства в «MBR» и, следовательно, в политической жизни страны после событий 27 ноября 1992 года в Пуэрто-Кабельо. По мнению Ариаса, в центре внимания теперь оказались другие военные, а Чавес отошёл в тень и «на его мессианстве можно поставить точку». Письмо было опубликовано в одной из популярных газет и стало для Чавеса ударом ниже пояса.

В Яре Уго не изменил привычек: много читал, сочинял стихи, рисовал акварелью и гуашью. Его тюремные эскизы стали историческими реликвиями, «не лишёнными определённых художественных достоинств», как выразился один из экспертов. Картина

«Луна Яре» в сентябре 2008 года была продана за 255 тысяч долларов на аукционе в Каракасе. Вырученные деньги пошли на избирательную кампанию Единой социалистической партии, которая была создана по инициативе Чавеса. Приобрёл картину «попутчик революции», владелец крупной строительной компании.

Из того, что Чавес прочитал в Яре, самое большое влияние на него оказали труды Фиделя Кастро «История меня оправдает», «Зерно маиса» и другие. Чавес в беседе с журналистами сказал однажды: «Знаете, о чём я просил Бога в тюрьме? Бог мой, когда я выйду отсюда на свободу, дай мне возможность познакомиться с Фиделем, чтобы рассказать ему, кто я такой и о чём думаю. Я мечтал именно об этом: выйти на свободу, чтобы познакомиться с ним».

В тюрьме Уго вернулся к работе над «Синей книгой», первые наброски которой были сделаны в 1991 году. «Боливарианскому революционному движению» были необходимы чёткие программные и идеологические установки. Название этого труда родилось по ассоциации с «Зелёной книгой», написанной ливийским лидером Каддафи. Дуглас Браво подарил её Чавесу в самом начале их знакомства. Черновой вариант рукописи Уго из тюрьмы переправил с надёжной оказией Эрме. Машинописные копии «Синей книги» были переданы ею на рецензирование тем участникам движения, которые после всех дознаний и чисток оставались на свободе. Через некоторое время Уго получил список высказанных замечаний и взялся за доработку своего труда.

В одной из глав «Синей книги» он подробно разъяснял выношенную им за прошедшие годы концепцию «Трёх Корней», исторических и идеологических истоков «МБР-200». Концепция «Трёх Корней», по мнению Чавеса, в конце XX века

необходима для того, чтобы идейно вооружить нацию на победоносном марше к XXI столетию. Недоброжелатели Чавеса тут же распустили слух о том, что теорию «Трёх Корней» он позаимствовал у Дугласа Браво. Злонамеренную и недобросовестную попытку представить Чавеса плагиатором опровергла Эрма Марксман, которая была свидетелем работы над «Синей книгой» от начала до конца. «Ещё до знакомства с Дугласом Уго обладал собственными устоявшимися воззрениями», — утверждала она.

Для «внешнего мира» Чавес был бесспорным героем без страха и упрёка, перспективной политической фигурой. Именно политической. Свои надежды на коренные перемены в стране многие стали связывать только с ним. Число визитёров к Чавесу било все рекорды. Среди них стоит выделить экономиста и публициста Франсиско Мьереса (Франсиско Хасинто Лопес Мьерес (1927–2008) учился во Франции, потом в Советском Союзе, где сначала был аспирантом МГУ им. Ломоносова, затем работал в Институте Латинской Америки АН СССР (1960–1967). Был послом Венесуэлы в России (2000–2001).), ведущего аналитика по нефтяным проблемам. В беседах с ним Чавес нашёл подтверждение своим критическим взглядам на ситуацию в нефтяной отрасли Венесуэлы, на лицемерный курс руководства PDVSA, которое под лозунгом «интернационализации» добычи углеводородов готовило «ползучую приватизацию» главного богатства страны. С Мьересом Чавес обсуждал перспективы конституционной реформы, перестройки политической системы в стране. Мьерес, хорошо знакомый с жизнью в СССР, на экспертном уровне мог разъяснить Чавесу суть «реального социализма» и слабостей советской системы.

Как-то вечером в камере Чавеса еле слышно запиликал мобильный телефон. Звонивший

представился: «Я — Микелена» (Луис Микелена (р. 1919) руководил профсоюзом водителей автобусов. В 1942 году вступил в Коммунистическую партию Венесуэлы. В 1946 году создал свою организацию — Революционную партию пролетариата, позднее вступил в MAS. С 1960-х годов поддерживал дружеские отношения с Хосе Висенте Ранхелем, ещё одним ветераном политической жизни в стране. Занимался предпринимательской деятельностью: в 1960—1970-е годы был представителем ряда фирм ЧССР, Румынии и ГДР.). Имя показалось знакомым. Однако Чавесу потребовалось напрячь память, чтобы вспомнить, где именно он слышал (вернее, видел) имя этого человека. Ещё в период подготовки выступления 4 февраля Чавес проводил некоторые конспиративные встречи (иногда ночевал) в адвокатском офисе с табличкой «Луис Микелена». Ключи от кабинета Уго получил от посредника и никогда личных встреч с хозяином помещения не имел. Микелена в подготовке заговора участия не принимал и, скорее всего, не подозревал, какие «остросюжетные» темы обсуждались в его конторе.

Вспоминая об истории своих отношений с Луисом Микеленой, Чавес постоянно подчёркивает, что о нём ничего не знал до момента знакомства в тюрьме Яре, куда тот стал наведываться. На Уго произвела впечатление политическая траектория этого человека. Вот её «резюме» в изложении самого Чавеса: «Микелена начал деятельность профсоюзного лидера ещё в 1940-е годы. Думаю, что он состоял в Коммунистической партии и потом основал движение, которое называли “Чёрными коммунистами”. Эта группа поддержала правительство Исаиаса Медины в день 18 октября 1945 года, когда партия “адеков” (Адеки — члены партии Action Democratica (AD).) устроила государственный переворот. Во времена диктатуры

генерала Переса Хименеса Микелена находился семь лет в заключении в Сьюдад-Боливаре; многие из известных старых руководителей левых организаций познакомились с ним в тюрьме. После свержения Переса Хименеса он вышел из тюрьмы и был близок к Ховито Вильяльбе из партии Республиканско-демократический союз; потом стал членом созданной партии MAS (Движение к социализму), которая выдвинула Хосе Висенте Ранхеля кандидатом в президенты».

К моменту знакомства с Чавесом Луис Микелена был известным адвокатом и видным политиком. С точки зрения Уго, в политической биографии Луиса Микелены не было ничего предосудительного. К тому же в первом телефонном разговоре Микелена сказал Чавесу вдохновляющие слова: «Команданте, я достаточно пожил на этом свете и хочу, чтобы вы знали следующее: вы находитесь в неволе, но вы уже сделали первый взнос в блестящую политическую карьеру и продолжаете его вносить».

Старый лис знал, как польстить Чавесу. Это потом, когда их пути разойдутся, а отношения станут враждебными, Микелена будет использовать всё, чему был свидетелем, для компрометации своего подопечного. Например, про условия содержания Чавеса в Яре он говорил: «Разве это было настоящее тюремное заключение? Это был праздник, а не тюрьма. У него был телефон, телевизор, каждый день ему приносили газеты. Его могли навещать все желающие. Мне бы такой комфорт, когда я сидел в тюрьме во времена диктатуры Переса Хименеса».

События 4 февраля и тюремное заключение отдалили Уго от Эрмы Марксман. До неё стали доходить слухи о женских визитах в тюрьму Яре: харизматичный подполковник привлекал внимание не только матерых политиков. Когда национальный герой попадает в

сложные обстоятельства, всегда находятся сочувствующие дамы, готовые облегчить его страдания.

Вину за охлаждение чувств Эрма возлагала не только на Уго, но и на Луиса Микелену. Он навещал Чавеса в тюрьме, изучал его возможности, перспективу использования в своих интересах. В той или иной форме Уго получал от Микелены советы по развитию имиджа, политкорректному поведению, в том числе в отношениях с женщинами. Венесуэльцы, любители посплетничать, охотно обсуждали личную жизнь самого известного узника Яре, о ней писали в СМИ и, следовательно, говорили на улицах, в ранчос, салонах богачей, правительственных коридорах и дипломатических кругах.

Вопрос об имидже приобрёл ещё большую актуальность после того, как опросы общественного мнения начали давать Чавесу надежду на победу в президентских выборах в декабре 1998 года. Всё, что касалось Чавеса, стало представлять общественный интерес. Неупорядоченность отношений с женщинами могла погубить его политическую карьеру. Продолжительная тайная связь с Эрмой была «динамитным зарядом», который враги могли использовать в своих целях. Имелись сложности в отношениях с Нанси. Отчуждение, непонимание, иногда даже отчаяние читались в её глазах. Чавес уже твёрдо решил погрузиться в политику и биться за пост президента, биться до последнего, и был уверен, что на этом многотрудном пути не получит от неё поддержки. Мать была права, когда однажды обронила: «Твоя Нанси не подходит тебе». Даже на гарнизонных праздниках она терялась и тушевалась и потому избегала их под разными предлогами. За годы супружества Нанси не изменилась, оставаясь неисправимо провинциальной и совершенно аполитичной.

В 1994 году правительство Рафаэля Кальдеры отказалось от судебного преследования путчистов и в целях «национального примирения» амнистировало их. В последние дни заключения к Чавесу зачастили посланцы от президента, которые предлагали «договориться»: «Ты можешь стать преемником Кальдеры. Мы тебя всесторонне подготовим и поддержим, но ты дашь обязательство выйти на свободу сторонником правительства. Ткни пальцем в любую точку на карте мира, и ты можешь отправиться куда захочешь: послом, на учёбу, а потом ты сменишь Кальдеру. Разумеется, с опорой на блок Convergencia». Среди этих эмиссаров был сын Кальдеры Андрес, занимавший пост министра секретариата президента.

На все соблазнительные обещания Чавес отвечал отказом: «Нет, я пойду не с Кальдерой, а на улицу, в катакомбы, к народу. И я знаю, что там увижу: бесконечную, беспросветную нищету».

Последние дни заключения Чавес и его соратники провели в тюремном госпитале. «Сертификатами о здоровье» правительство хотело подстраховаться от возможных обвинений в «бесчеловечном отношении» к «узникам в камуфляже». В госпитале Чавес и Ариас снова поссорились. Взгляды их разошлись даже в таком заурядном вопросе, в какой одежде идти к президенту, чтобы поблагодарить за освобождение. Уго настаивал на военной форме, и «если так не получится, то никакого визита и благодарности не будет». Ариас «жать на принцип» не стал, пришёл к Кальдере в гражданской одежде.

Глава 12

ПУТЬ НАВЕРХ В «ЧРЕВЕ ЧУДОВИЩА»

Начиная борьбу за президентский пост, Уго говорил брату Адану: «Надо проникнуть в чудовище, чтобы начать борьбу с ним изнутри». Эту же формулу о «борьбе с чудовищем» он иногда использовал в доверительных беседах с самыми близкими ему людьми, которые критически относились к его «смене курса» после выхода из тюрьмы Яре. Чавес намеревался перехитрить всех, кто стоял на его пути! Стратегию действий он основывал на наказе Христа: «Будьте хитрыми, как змеи, и чистыми сердцем, как голуби».

По мнению Чавеса, эту формулу умело использовал Мартин Лютер Кинг, который говорил: «Мы должны сочетать твёрдость змеи с мирной кротостью голубя: быть сильными духом, но нежными сердцем. Если у нас имеются свойства змеи, но нет свойств голубя, мы будем холодными, злыми, эгоистичными; если у нас будут свойства голубя и не будет свойств змеи, мы будем сентиментальными, анемичными и слабовольными. Значит, нам надо совмещать свойства обоих».

При анализе действий Чавеса нельзя забывать об этой «магической формуле», которая объясняет многие «нелогичные» и «непоследовательные» шаги в его деятельности.

Луис Микелена встретил Чавеса у ворот тюрьмы. Не теряя времени, они отправились к Хосе Висенте Ранхелю, чтобы Уго успел выступить в его телевизионной программе. Первый вечер на свободе Чавес провёл в небольшой квартире своего адвоката

Карлоса Фермина, где в узкой компании друзей отметил освобождение.

Стеснять Фермина Уго не хотел и на следующий день занялся поисками жилья. После нескольких ночёвок в случайных местах на помощь пришёл всё тот же Микелена, предложив подопечному комнату в своей квартире в здании «Универсо» на площади Альтамира. Получил Уго в своё распоряжение и его старый «мерседес-бенц».

«Политический ментор» Чавеса, как иногда называли Микелену, вёл свою хитроумную игру, главной задачей которой был демонтаж партии Acción Democrática. В этом вопросе Микелена был категоричен: «С адеками надо покончить раз и навсегда. Их время прошло». Но как быть с Чавесом, слишком самоуверенным, нетерпимым, авторитарным? Микелена с уверенностью отвечал своим друзьям: «Не беспокойтесь. Этого парня мы сделаем ручным. Главное для нас разобраться с адеками. А Чавес пусть пока шумит и делает то, что делает. У нас нет другого варианта».

К советам Микелены Чавес прислушивался. Один из них — держаться подальше от радикальных элементов — Уго принял без колебаний. Оценил он и усилия «ментора» по организации «фронта поддержки» в финансово-предпринимательских кругах. Вначале это не слишком удавалось. Олигархия с подозрением относилась к Чавесу: он превозносил бандитские подвиги Эсекиэля Саморы и своего предка Майсанты, и потому ему нельзя было доверять. Для создания «позитивного образа» Чавеса Микелена пытался подключить хозяев ведущих СМИ: Мигеля Энрике Отеро (газета «Насьональ»), Андреса Мата Осорио (газета «Универсаль»), Эстебана Пинеду (газета «Панорама») и, конечно, телевизионных магнатов, в первую очередь Густаво Сиснероса, владельца телеканала

«Веневисьон». На приёмах в посольстве США, куда Микелену иногда приглашали, он проводил ту же линию: «Чавес — единственная надежда для сохранения порядка и мира в Венесуэле, он будет гарантом стабильных поставок нефти в Соединённые Штаты». Тогдашний посол Джон Майсто (Джон Ф. Майсто служил послом в Венесуэле в 1997–2000 годах. После завершения миссии был назначен советником по внешнеполитическим вопросам ВС Южного командования США. В 2001–2003 годах был директором отдела по вопросам стран Западного полушария, помощником Кондолизы Райс. В 2003 году стал постоянным представителем США в ОАГ.) в отчётах в Вашингтон обильно цитировал Микелену и соглашался с ним в том, что в случае кризисного развития событий в Венесуэле без «сильной руки» не обойтись.

Вскоре после освобождения Уго развёлся с Нанси, которая пришла к выводу, что благополучная семейная жизнь и «политические авантюры» мужа несовместимы. Она сказала: «С меня хватит!» — ещё и потому, что узнала о существовании «другой женщины» — Эрмы, которой симпатизировала донья Елена. После развода Нанси довольно быстро вышла замуж. Новый спутник её жизни «революционных отклонений» не имел.

«Неофициальный союз» с Эрмой тоже распался. Она ревниво отнеслась к слухам о его неверности в тюремных стенах. Поверила утверждениям о том, что у заговорщиков не было отбоя от политически экзальтированных женщин, которые напрашивались к ним на визиты. Кто-то нашептал ей, что Уго считался главным стратегом по проведению операций под кодовым названием «матрац». Во время одного из свиданий Чавес посоветовал ей: «Не обращай внимания на то, что говорят о нашей жизни в тюрьме. Здесь слишком много лжи. Самое настоящее гниение. Нам с тобой требуется одно: терпение. Потом, когда я выйду

из тюрьмы, мы уедем к морю, будем бродить по берегу и терпеливо обсудим все вопросы».

Много позже Эрма рассказала, что иногда в тюрьму к Уго ездила её дочь Менкис, и он показывал ей письма, которые писали ему женщины. Как-то Менкис прихватила для матери одно такое послание: «Смотри, что пишут Уго!» Когда Эрма прочла письмо, у неё перехватило дыхание: «Не может быть, что всё это там происходило!» Чашу терпения Эрмы переполнило интервью Чавеса для радио, которое он дал в июле 1993 года. Уго говорил о своей счастливой семейной жизни с Нанси, но Эрма знала, что это было неправдой. Ещё в 1988 году он хотел развестись с женой, но из-за детей никак не решался на этот шаг. Прослушав интервью, Эрма поняла, что Уго, не скупившийся на комплименты для Нанси, следует рекомендациям советников: национальному герою говорить о своей семейной жизни надлежало только в идеальном свете. Какой же он лицемер и обманщик! Чтобы поставить крест на отношениях с Уго, Эрма написала ему гневное прощальное письмо. Она собиралась отправиться в Яре и вручить его Чавесу лично. Потом порвала письмо и выбросила. Лучше встретиться с матерью Уго и высказать ей всё, что она думает о её сыне.

Эрма так вспоминала тот разговор с матерью Чавеса: — Сеньора Елена, это последняя подлость, которую мне сделал ваш сын. Больше у него не получится. Потому что ни в этой жизни, ни в другой я не дам ему возможности снова оскорбить меня.

Грузная женщина заволновалась, крепко схватила Эрму за руки, на глазах у неё появились слезы: — Дочь, я умоляю тебя, не бросай моего сына! Пойми, он сейчас несвободен. Дождись, когда это всё пройдёт. Я обещаю, что буду твоей союзницей, вы помиритесь, у вас всё будет хорошо.

Эрма была непреклонна: — Нет, сеньора Елена, для меня то, что он сказал по радио, — момент истины. Мне всё стало понятно. Я решила: это конец! Подытоживая историю отношений с Чавесом, Эрма высказалась сурово: «Если ты не способен достойно решить домашние проблемы, самые простые — своей семьи, тем более не сможешь справиться с проблемами крупными».

Эрме не раз задавали вопрос, не смягчит ли она своего отношения к Чавесу, если он признает, «что совершил некоторые ошибки» по отношению к ней. Она считала это невозможным: «Для меня он умер 28 июля 1993 года. И когда кто-то умирает, ты его оплакиваешь, а затем преодолеваешь его смерть. Мой разрыв с этим человеком — окончательный».

Разрубив гордиев узел личных проблем, Чавес с головой погрузился в политику. Для начала он призвал сторонников воздержаться от участия в предстоящих выборах губернаторов. Не все последовали его призыву, среди них Франсиско Ариас, который объявил о намерении бороться за пост главы штата Сулия. Конфликт между двумя яркими фигурами мятежа 4 февраля вновь выплеснулся в СМИ Венесуэлы. Ариас блестяще провёл избирательную кампанию и добился успеха: стал хозяином самого богатого нефтяного штата.

В ту пору Чавес находился в процессе поиска не только идеологической и политической платформы, но и собственного «имиджа». Время красной рубашки и красного берета на фоне многотысячных манифестаций ещё не настало. Вначале он предпочитал традиционный облик политика с национальными корнями: шляпа с широкими полями, костюм «лики-лики» светло-бежевого цвета, ботинки в стиле «льянеро».

По мере расширения полезных связей, увеличения числа приглашений на телевидение, поездок за рубеж

Чавесу пришлось изменить свой look, он стал носить костюмы «западного покроя». Цепкая венесуэльская пресса пыталась уличить Чавеса в том, что он заказал несколько «троек» в мастерской «Клементе», самой дорогой в столице. Он не стал отрицать очевидного факта, резонно заметив, что в качестве политика должен достойно представлять страну. Обращение к «Клементе» вызвано предстоящей поездкой в Лондон, где костюм лики-лики будет выглядеть слишком экзотично. «У меня есть одежда для каждой ситуации, — разъяснял Чавес своё отношение к стилю одежды, — для официальных встреч с иностранцами — костюм с галстуком, для концертов народной музыки — “лики-лики”, а на случай нежелательных потрясений в нашей стране я берегу военную форму. Если потребуются, снова надену её и пойду в бой».

В первые месяцы «после Яре» Чавеса часто показывали по телевидению: модный персонаж! Он изучал записи своих выступлений, анализировал жестикуляцию, манеру говорить, наиболее выгодные ракурсы показа. «Я слишком скованно держусь перед камерой, а когда говорю, то выгляжу так, словно обороняюсь или оправдываюсь» — так он определил недостатки своего телевизионного облика. И сделал вывод: «Надо приобрести такую степень уверенности, раскованности и доверительности в обращении к телезрителям, чтобы они воспринимали это как общение один на один, глаза в глаза».

На первых порах Уго попадал в ловушки матёрых телевизионных волков. Однажды под предлогом «настройки микрофона» его попросили произнести фразу, которая на полгода стала рекламным хитом: «Смотрите самые интересные программы только на нашем канале!» Нервировала Чавеса круглосуточная слежка политической полиции. Иногда преследование было демонстративным: «Я выходил за угол и замечал

за собой агентов DISIP на трёх-четырёх мотоциклах. Всегда приходилось быть настороже, чтобы в твой гостиничный номер не подбросили наркотики, в автомашину не подложили бомбу, а в огороде небольшой финки (дачного участка. — К. С.) отца не закопали ящик с винтовками, чтобы обвинить меня в подготовке партизанской войны».

Во второй половине 1994 года Чавес отправился в поездку по странам Латинской Америки. Он хотел расширить политический кругозор, установить полезные связи с прогрессивно настроенными военными и деятелями левоцентристской ориентации, узнать из первых рук о процессах в регионе. Турне было организовано с размахом: Чавес посетил Аргентину, Уругвай, Чили, Бразилию, Колумбию, некоторые страны Центральной Америки. И хотя Чавес старался не афишировать турне, оно превратилось стараниями правоконсервативных СМИ в сплошное «скандальное шоу» «экс-мятежника».

«Международная пресса стала обращать на меня внимание, — вспоминал Чавес. — Сначала, когда я прибыл в Буэнос-Айрес, одна из тамошних газет опубликовала приветствие в связи с моим приездом: “Прибыл опасный венесуэльский десантник”. Потом я поехал в Монтевидео, где на первой странице ведущей газеты увидел: “Венесуэльский путчист прибыл консультировать Сереньи”(Либер Сереньи Москера (1916–2004) — политический деятель, бывший военный, организатор Широкого фронта левых партий; награждён Международной Ленинской премией в 1985 году.). У них в тот период проходили выборы. После этого я переместился в Сантьяго. В прессе тут же появилось сообщение, что я, должно быть, встречался с Виделой(Хорхе Рафаэль Видела (р. 1925) — генерал, глава военной хунты в период «грязной войны» в Аргентине (1976–1983).), Пиночетом и им подобными

генералами для воссоздания Интернационала чёрных генералов. Я отправился в Панаму по приглашению друзей из левого крыла Революционно-демократической партии, и опять меня ожидал сюрприз: “Венесуэльский путчист участвует в секретных встречах, чтобы сбросить Бальядареса”. Пришлось срочно уезжать. В Колумбии я встречался с друзьями из Санта-Марты и опять наткнулся на сообщения в прессе: “Путчист Уго Чавес обучает венесуэльских и колумбийских партизан неподалёку от Санта-Марты”. Особенно меня возмутила ложь тогдашнего президента Колумбии Сампера. Он направил президенту Кальдере якобы документально подтверждённое сообщение о том, что я, Чавес, “принял участие в нескольких атаках колумбийских партизан на венесуэльские войска, в результате чего погибли венесуэльские солдаты”. Эти злонамеренные выдумки охотно распространялись массмедиа».

Последняя зарубежная поездка Чавеса 1994 года (13-14 декабря) пришлась на Кубу, сам Фидель пригласил его. В газетах, издаваемых кубинскими эмигрантами в Майами, появилась версия о том, что «диктатор в Гаване» сделал это в ответ на визит Хорхе Каносы, руководителя Национального кубинско-американского фонда в Майами, в Каракас. Каноса — главарь террористов, не раз пытался подослать к Фиделю убийц. В Венесуэлу Каноса приехал по приглашению президента Рафаэля Кальдеры. Фидель Кастро якобы воспринял это как личное оскорбление. Но для Чавеса эта версия не имела никакого значения, мало ли что пишут «гусанос»! Кубинский лидер встретил Чавеса в аэропорту, подчеркнув тем самым важность неофициального визита венесуэльского революционера на остров. Дружеский жест Кастро вопреки слухам, наветам и клевете многими был воспринят как его авторитетное подтверждение: у

Чавеса есть политическое будущее. В прогнозах такого рода кубинский лидер редко ошибался.

Чавес вспоминал: «Встреча с Фиделем была для меня чем-то сказочным. Никогда не забуду этого свидания, нашей беседы. Прошли годы, и Фидель во всё большей степени становился для меня вторым отцом. В тот день, когда он вошёл в домик Мамы Росы в Сабанете, ему пришлось пригнуться. Двери были низенькими, а он — гигант. Я смотрел — и не верил глазам. Это было подобно сну. Тогда я сказал Адану: “Это похоже на роман Гарсии Маркеса”. То есть через сорок лет после того, как я впервые услышал имя Фиделя Кастро, он посетил дом, где мы выросли... Фидель для меня — отец, товарищ, наставник по выбору безошибочной стратегии. Когда-нибудь мне предстоит написать о том, что мы с Фиделем пережили, о тех встречах, которые были у нас. У нас сложились такие глубокие духовные отношения, что я уверен: он чувствует то же самое. Мы оба должны благодарить жизнь за нашу встречу».

Поездку Чавеса в Гавану подвергли критике даже его сторонники. Мол, на этапе активной «политической раскрутки» не стоило демонстрировать дружеских чувств к Фиделю и симпатий к кубинской революции: это будет стоить потери многих голосов на будущих выборах! Первый визит на Кубу имел немалое значение для Чавеса. Его узнавали на острове, который был источником вдохновения для тысяч революционеров Латинской Америки! «В день, когда я шёл по Гаване, одетый в “лики-лики”, ко мне приблизился какой-то человек и, рассмотрев меня, воскликнул: “Невероятно, но ты очень похож на Чавеса!” Я поприветствовал его, а он мне ответил: “Вива Фидель!”». Несколькими неделями позже Уго отправился в поездку по Венесуэле. Во время одной из остановок, в придорожном ресторане близ Сан-Матео, сеньора,

накрывавшая на стол, узнала Чавеса, крепко обняла его и сказала: «Карамба, вы говорили с моим вождём, вы говорили с Фиделем». Для Чавеса это было ясное послание народа: Куба и кубинский вождь у простых венесуэльцев отторжения не вызывают.

Недругами Чавеса поездка в Гавану была интерпретирована самым подлым образом. В газетах появились фотографии, на которых он обнимался с Фиделем, и комментарий, что они создают в Южной Америке партизанскую армию.

Отношения между Чавесом и Фиделем для оппозиционеров всегда были сильнейшим раздражающим фактором, подобным красной тряпке для быка. «Чавес полностью зависит от кубинского диктатора, выполняет все его указания даже вопреки интересам венесуэльского народа» — эти обвинения звучали постоянно. Чавес парировал: «Я уже говорил, для меня Фидель как отец. Он для меня — обязательная точка отсчета».

Как бы ни возмущался Чавес клеветнической кампанией в СМИ, его поездка в 1994 году по странам Латинской Америки была больше, чем просто «ознакомительной» и важнее, чем «установление полезных связей». Создание «Боливарианского интернационала» близких по духу партий на континенте — вот что он вынашивал в качестве международного проекта, дополняющего «домашний проект» — демонтаж прогнившей Четвёртой республики и создание Боливарианской Республики Венесуэла. Та поездка показала, что память о мрачной эпохе военно-диктаторских режимов в регионе, болезненные процессы восстановления демократии в странах, переживших разгул репрессий и террора, негативно сказались на общественном интересе к его визиту. К нему отнеслись как к типичному «путчисту», не слишком разбираясь в тонкостях его политической

программы. Выступлениями Чавеса в Буэнос-Айресе заинтересовались немногие, хотя в малотиражной левоцентристской прессе его подавали как «идейного продолжателя Перона». Журналист, показав Чавесу на полупустой зал, сказал не без иронии:

— Команданте, вам будет очень трудно создать боливарианский интернационал с такими кадрами. Их очень немного, и почти всем перевалило за пятьдесят.

— Ничего страшного, — ответил с улыбкой Чавес. — Если мне придётся выступать в зале с пустыми стульями, я это сделаю.

Во время того визита в Аргентину, в июле 1994 года, Чавес познакомился с политологом и социологом Норберто Сересоле. Венесуэлец стал для Сересоле даром судьбы. Аргентинский учёный разработал теорию «прогрессивного националистического бонапартизма» с харизматическим лидером во главе. Сересоле очень рассчитывал, что Чавес заинтересуется его теоретическими выкладками, особенно той частью, где излагалась доктрина использования армии для борьбы за национальное освобождение. Так и получилось: венесуэлец нуждался в научном обосновании своих претензий на власть, лидерство, включение армии в процесс социально-общественных преобразований. Сересоле представил Чавеса друзьям, бывшим и действующим военным правой ориентации. Венесуэлец активно общался с ними, но его интерес к организациям левого направления не снижался, что «неприятно удивляло» Сересоле.

Впрочем, аргентинец надеялся на всемогущую диалектику исторического процесса: Латинская Америка нуждалась в подлинном лидере — бесстрашном, объединяющем, выдвигающем грандиозные задачи. В Чавесе со всей определённой проступали черты такого харизматического лидера, который способен ответить на неотложные вызовы

современности, дать решающий импульс эпохе всемирных перемен.

Вскоре Сересоле перебрался в Каракас, поближе к своему «научному объекту». Позднее Сересоле написал: «В те времена мы вместе объездили, и не раз, почти всю венесуэльскую географию, по маршруту, который начался в далёком Буэнос-Айресе и завершился в Санта-Марте, в Колумбии. Я мог видеть на практике, как действует “харизма”, нечто, о чём я имел представление по книгам, но чего почти не видел в реальности. Я мог видеть — воочию, в эпоху “повышенного риска” для Чавеса — как борется выдающийся политик против враждебности истории и мелочных затруднений повседневной жизни».

Аргентинец был на десять лет старше Уго, но разница в возрасте почти не замечалась. Несмотря на свою грузность, Норберто был подвижен, размашисто жестикулировал, обладал живой мимикой и тонким юмором. Он был внимательным слушателем, что очень ценил Чавес. Сересоле снимал затемнённые очки, приглаживал аккуратно подстриженную бородку, проводил ладонью по высокому лбу, словно настраиваясь на доверительную волну общения, располагаясь посмеивался, предвкушая свободный полёт дискуссии, не ограниченной никакими табу.

В биографии Норберто Сересоле было много неожиданных выражений, и все они отражали его идейные метания, жажду участия в значимом латиноамериканском проекте преобразований. Кумир Сересоле Хуан Перон не сумел довести свой «Третий путь» до успешного завершения: помешали внутренняя аргентинская реакция, враждебность Соединённых Штатов, физическая дряхлость президента, второй президентский период которого длился менее года. Социализм Фиделя Кастро не казался Сересоле привлекательным. В нём было слишком мало

пространства для личной независимости и экспериментов. Большие надежды Сересоле возлагал на прогрессивные реформы в Перу, был близок к президенту Веласко Альварадо в качестве советника, эмиссара для особых поручений. Среди успешных миссий Сересоле была поездка в Москву по поводу закупки советского вооружения для перуанской армии. О Советском Союзе аргентинец отзывался с симпатией. Ещё бы, он» несколько лет преподавал советским офицерам в Высшей военной школе, опубликовал в Москве несколько монографий на тему модернизации вооружённых сил. Его заслуги признали даже в Академии наук СССР, в Институте Латинской Америки он был своим человеком. Сересоле не скрывал от Чавеса симпатий к арабскому миру. Ливан, Иран, Палестина — для аргентинца это были страны, подвергающиеся постоянной угрозе со стороны «янкисионизма», и потому им следовало оказывать всестороннюю поддержку. Сересоле установил контакт с организацией «Хесболлах» и получал от неё деньги на содержание центра солидарности в Мадриде.

Гибкость геополитического мышления Уго Чавеса — это в значительной степени заслуга Сересоле. Он сорвал флёр «политкорректности» с массмедиа, разъяснил венесуэльскому другу скрытые причины и следствия в хищническом мире международных отношений. Слабого пожирают, подчиняют, унижают и заставляют лакейничать. Надо уметь показывать зубы, использовать все возможности для сопротивления, если «янкисионизм» наступает и превращает твою страну в очередную жертву. Они жаждут завладеть венесуэльской нефтью. Если это произойдёт, Венесуэла окончательно превратится в колонию. И когда отступать некуда, лучший выход не в капитуляции, а в героизме самопожертвования: взорвать

нефтеперерабатывающие заводы и нефтепроводы, но не сдаваться.

В «чавесологии» прочно закрепился тезис о том, что Сересоле решающим образом помог Чавесу в выработке его «доктрины власти», исходным элементом которой была формула «Каудильо — народ — армия». Ею предусматривалась прочная смычка харизматического лидера и народных масс, причём на армию в этом треугольнике возлагалась роль своеобразной вооружённой партии. «Чавесолог» Альберто Гарридо полагал, что Чавес внёс одну существенную корректировку в формулу, заменив «армию» на более конкретное понятие — «военно-гражданская организация». Вторая рекомендация Сересоле также была использована Чавесом: Боливарианская революция должна иметь международную проекцию, идти в связке с борьбой за построение многополярного мира.

Появление «подозрительного» аргентинца в Венесуэле и его тесное общение с Чавесом были зафиксированы агентами тайной полиции. Слежка за ними была усилена по распоряжению тогдашнего директора разведывательного управления DISIP Исраэля Вейсселя, который был гражданином Израиля, кадровым сотрудником МОССАД (И. Вейссель покинул Венесуэлу незадолго до победы У. Чавеса на президентских выборах в декабре 1998 года. Боливарианское правительство предпринимало неоднократные «чистки» в DISIP и других спецслужбах, чтобы избавиться от глубоко законспирированной агентуры МОССАД.). Вейссель считал Сересоле экстремистом, тесно связанным с палестинцами. Опасными для национальной безопасности Израиля представлялись публикации аргентинца на тему взрывов в еврейских организациях в Буэнос-Айресе в 1992 и 1994 годах. Сересоле считал, что они были

организованы теми «фундаменталистскими» силами в самом Израиле, которые выступали против «Мирного плана» Ицхака Рабина. Именно фундаменталисты, по версии Сересоле, расправились в конечном счёте и с Рабином.

«В день моего задержания, — вспоминал Норберто Сересоле, — я допрашивался в течение двенадцати часов самим Вейсселем. По этой причине я имею вполне ясное представление о подоплёке этого антивенесуэльского скандала, поскольку — в глубине его — было стремление втянуть Уго Чавеса в некую несуществующую “антисемитскую” кампанию». Изматывающий допрос нужного результата не дал: получить на Чавеса компромат не удалось. Сересоле отказался подписывать какие-либо заявления, направленные против друга, и под аккомпанемент хорошо оркестрованной «одобрительной реакции» прессы был выслан из страны в июне 1995 года. Сразу же после этого скандала в Каракас прибыл министр внутренней безопасности Израиля Авигодор Кахалани, который предложил правительству Кальдеры значительно усилить сотрудничество обеих стран в сфере безопасности, спецслужб, поставок спецтехники.

С тех пор «тьень Сересоле» («антисемита и экстремиста») неизменно появляется, когда идеологически злонамеренные биографы Чавеса анализируют истоки его мировоззрения. Назвав немецких авторов, которых Чавес периодически цитировал до избрания его президентом, — Ницше, Клаузевиц, Карл Хаусхофер и другие, — немецкий журнал «Шпигель» ставил вопрос: «Откуда у молодого южноамериканского офицера возникла эта тяга к германским теориям? Вполне очевидно, что от одного мутного политического автора из Аргентины, который самоназвался “первооткрывателем” Чавеса, а именно: от Сересоле, автора эссе “Каудильо, армия, народ —

постдемократическая модель для Венесуэлы". В этом эссе автор излагает сложные антиимпериалистические теории, которые явно несут в себе фашистские мотивы. Среди примеров, которые приводит Сересоле, упоминается француз Роберт Фориссон (Robert Faurisson), известный отрицатель холокоста».

Во время поездок по Венесуэле судьба занесла Чавеса в городок Карора, в который часто приезжала зеленоглазая блондинка Марисабель Родригес Оропеса для подготовки программ для радио. Она успела побывать замужем, родить сына, развестись. Некоторое время училась в Педагогическом институте города Баркисимето, потом в Маракае занималась на курсах контролёров воздушного трафика. Там же устроилась в «Офицерский клуб» ассистентом в отдел по связям с общественностью. Марисабель с неподдельной эмоциональностью вспоминала об истории знакомства с Чавесом: «Он возвышался на трибуне, осыпаясь градом аплодисментов. Я всегда представляла его обаятельным, симпатичным крепышом: короткая стрижка, упрямые брови, но сейчас он казался более мужественным, чем обычно. Я посадила своего малыша на плечи, чтобы Чавес заметил меня, и, стиснутая толпой, рывками пробивалась к трибуне. В руке я сжимала записку, которую собиралась передать ему: "Команданте, наша родина заслуживает самого лучшего без ограничений. Я с вами всей душой и сердцем. Если я вам потребуюсь для этой борьбы, позвоните мне, пожалуйста"».

Записка к Чавесу не попала, видимо, завалялась в кармане у кого-либо из его помощников. Позже Уго сказал Марисабель, что от того эпизода в Кароре у него сохранились в памяти только её зелёные глаза: «Они промелькнули и исчезли, словно порыв лёгкого ветра».

Если верить близкому окружению Чавеса, своим успехом на митингах он иногда пользовался для

знакомства с понравившимися женщинами. Шеф его охраны Луис Пинеда (После победы Чавеса на выборах Луис Пинеда некоторое время возглавлял службу охраны президента, потом работал в политической полиции DISIP. Порвал с Чавесом из-за несогласия с его «прокоммунистическими тенденциями». Отставной подполковник написал книгу об истории своих отношений с Чавесом под многозначительным названием «Дьявол платит изменой тем, кто служит ему верой и правдой». В 2006 году Пинеда пытался вновь наладить отношения с президентом, но тот не отреагировал на его обращения. См.: *El diablo paga con traicion a quien le sirve con lealtad*. Merida: Ed. Karol, 2003.), ставший потом непримиримым врагом Чавеса, написал, что для этого применялась отлаженная процедура: «Уго показывал мне глазами на понравившуюся женщину, я пробирался к ней и говорил: “Команданте выразил желание с вами познакомиться”. Как правило, отказов не было».

В середине января 1996 года желаемое знакомство Марисабель с Уго состоялось. Чавес приехал в Баркисимето для участия в программе Исраэля Сентено на телеканале «Поющие дети». Именно Сентено представил зеленоглазую блондинку Чавесу. Она протянула ему руку: — Ола, команданте! Я — Марисабель, рада познакомиться! — И поторопилась выдернуть руку, чтобы Уго не почувствовал дрожи её повлажневших от волнения пальцев.

«Он мне понравился, — вспоминала Марисабель. — Я почувствовала, что могу увлечь его. Но Уго был настолько сдержанно галантным, что полной уверенности в успехе у меня не было. Впрочем, теперь он знал о моём существовании и посылал приветы через Милагрос, жену команданте Луиса Рейеса. Только через полгода Уго стал мне звонить, уважительно, со всеми

принятыми церемониями. Темы для начала избирались нейтральные. Например, бейсбол».

Марисабель обожала эту игру, мечтала стать бейсбольным комментатором. Для Чавеса это было весомое очко в пользу собеседницы.

Во время очередного телефонного разговора Марисабель спросила Чавеса, чем он занимается. Уго ответил, что читает книгу «Патриотка и ваша любовница» с интимной перепиской Боливара и Мануэлиты Саэнс. Этого было достаточно, чтобы их дальнейший разговор надолго сосредоточился на теме любовных отношений этих исторических персонажей.

В конце разговора Марисабель сказала: — Итак, мой команданте, патриотка и ваша подруга прощается с вами.

Это была лёгкая, почти незаметная инсинуация, которая не осталась незамеченной Чавесом.

«Мой команданте» сделал, наконец, более откровенный шаг навстречу Марисабель: — Надеюсь, что когда-нибудь я смогу проститься с вами и как патриот, и как ваш любовник...

«Этот человек влюбил меня своей интеллигентностью. Он — стратег любви» — так подытожила Марисабель этот этап развития отношений с Уго.

«Стратегу любви» потребовался год, чтобы платонические отношения с обаятельной и неравнодушной к нему женщиной перешли в иное качество. Чавес снова приехал в Баркисимето 14 января 1997 года. Когда он завершил своё выступление на телеканале, у дверей студии его ожидала Марисабель. Вспоминая о том дне, она была более чем откровенна: «Мы отправились ко мне домой и в ту ночь, в ту ночь... мы стали близки... А потом — жаркое прощание в автомашине, когда я сказала ему: “Теперь да, мой команданте, я — патриотка и ваша любовница”».

Через две недели Чавес вновь был в Баркисимето. Марисабель сопровождала его на телеи радиопрограммы. Их близкие отношения не остались незамеченными. После отъезда Чавеса Марисабель получила извещение правоконсервативной газеты «Импульс» («El Impulso»), в которой она работала ассистентом вице-президента, об увольнении. Её изгоняли из-за Чавеса.

Вскоре произошло знаменательное для молодой пары событие: тест на беременность Марисабель оказался позитивным. Чавес не сомневался: пора узаконить отношения. Марисабель как-то призналась, что научилась обращаться с офицерами во время работы в Военном клубе: «Я поняла, что нельзя ставить перед военным проблему, не имея её предварительного решения. Жизнь бок о бок с Чавесом — это всегда поиск решения».

Уго Чавес решил проблему именно так, как её запланировала Марисабель. Они поженились, и она родила будущему президенту ребёнка — девочку, которая была названа в честь любимой бабушки Уго — Росинес.

В следующие два года Чавес занялся превращением закрытой, полуподпольной группы «MBR-200» в широкое общенациональное движение левоцентристской ориентации. Так появилось «Движение Пятая республика» («MVR»), которое было официально зарегистрировано Чавесом в Национальном избирательном совете 29 апреля 1997 года. Аббревиатура «MVR» включает латинское обозначение цифры «5», и в Венесуэле нет, наверное, человека, который не мог бы расшифровать её.

В качестве кандидата в президенты от «Движения Пятая республика» Уго Чавес зарегистрировался 24 июля 1998 года, в очередную годовщину со дня рождения Симона Боливара. Символическое и

многообещающее совпадение дат! Чавеса сопровождали представители всех организаций, входивших в «Патриотический Полюс» («Патриотический полюс» (Polo Patriotico) — предвыборный союз партий и движений левой и левоцентристской тенденции, созданный для поддержки У. Чавеса перед президентскими выборами 1998 года. В него входили, помимо «MVR», такие партии, как MAS («Движение к социализму»), Коммунистическая, «Patria para Todos» («Отечество для всех»), «Podemos» («Можем».), — MVR, M ASPPTU MEP; PCV и других.

Площадь перед Национальным избирательным советом (CNE) была забита его сторонниками, а те, кто не поместился, заполнили прилегающие улицы. Полиция была вынуждена перекрыть на них движение транспорта. Чавес и Марисабель поднялись на трибуну, возведённую в форме пирамиды майя. Сзади трибуны, словно оберегая кандидата, возвышался на гранитном постаменте огромный бюст Симона Боливара.

Многие сторонники Чавеса пришли в красных беретах. Береты и красные розы стали визуальным образом этого этапного события в жизни Чавеса. Манифестанты восторженно встретили широкий жест кандидата в президенты, который, словно рок-звезда, сорвал с себя красный шёлковый галстук и кинул его в толпу. В считанные мгновения галстук разорвали на сувениры. «Как только Чавес начал свою речь, — отметила в комментарии газета «Универсаль», — наметился точный образ его спектакля: никакой воинственности, наступило время мира и любви! Он повторял эти слова, щедро разукрашивая свою речь библейскими цитатами».

Народ с восторгом слушал речь Чавеса, которая, по наблюдениям журналистов, вызывала у присутствующих неудержимый «взрыв эмоций». Её «отчётливо-библейский контекст» подтверждал, что

Чавес и в самом деле претендует на «мессианскую роль» в судьбе страны. Та же газета «Универсаль» не удержалась от сарказма, подчеркнув, что для нейтрализации «имиджа недостаточной культуры, ассоциируемого с кандидатом», на митинг по случаю регистрации были собраны «интеллектуальные и профессиональные» сторонники Чавеса: университетские преподаватели, журналисты, художники, литераторы и представители артистического мира. Разношёрстность «сил поддержки» побудила газету сделать прогноз о том, что отсутствие «видных фигур из профессионального мира» не лучшим образом скажется на будущей политике кабинета Чавеса: «Соединение военных, леваков и сторонников правого политического курса под водительством Чавеса заставляет многих сомневаться в перспективах такого правительства. Даже некоторые лидеры “MVR” ставят Чавеса в сложное положение, открыто противореча высказываниям самого кандидата».

Далее в газете было прозорливо отмечено: «По мнению тех, кто верит Чавесу, он не делает грубых ошибок в экономических вопросах, благодаря трём встречам с экспертами CEDICE(Центр распространения экономических знаний во имя свободы (Centro de Divulgation del Conocimiento Economico para la Libertad) — гражданская ассоциация, фактически НПО, финансируемая из фондов в США.), гражданской ассоциации, проповедующей постулаты неолиберализма и свободного предпринимательства. Эксперты прбсветили его в этих вопросах. Но есть такие, кто не доверяет трансформации кандидата и изменениям содержания его речей. Они относятся к Чавесу враждебно и видят в нём только умелого актёра, способного подправить и улучшить роль, которая ему отведена, тем более что он имеет навык в этой области

со времён его выступлений в театральной труппе Военной академии. Никто не отрицает успехов и той быстроты, с которой Чавес обучается не только в понимании тех огромных проблем, которые ему придётся решать, если он выиграет, но и в том, в каких зыбких политических песках ему придётся обретаться. Чавес в роли демона или святого превратился в большой вопрос, обращённый в будущее, не только для врагов, но и для союзников. Возможно, поэтому к нему так идеально относится его излюбленная библейская цитата: «Тот, кто имеет глаза, да увидит, тот, кто имеет уши, да услышит»».

Руководителем избирательной команды Чавес назначил Альберто Мюллера Рохаса. В команду вошли: Луис Микелена (координатор), Луис Альфонсо Давила («рупор» «Движения Пятая Республика»), Аристобуло Истурис, Владимир Вильегас, Александер Лусардо, Хуан Баррето (обеспечение связей со СМИ), Марипили Эрнандес, Эктор Медина Рубио и другие. Советником по идеологическим вопросам стал Нуньес Тено-рио, по экономическим и нефтяным проблемам — Иван Пулидо (В назначении Ивана Пулидо был «подтекст», обращённый к венесуэльцам с «нетрадиционной сексуальной ориентацией»: кандидат в президенты не имеет предубеждений в отношении этой категории лиц.). Не все они сохранили верность Чавесу, и об их политической траектории — рядом с Чавесом или против него — будет ещё сказано на страницах этой книги.

Социальной базой «Движения Пятая Республика» стали часть среднего класса и малоимущие слои населения. Благодаря своей высокой работоспособности и организаторским талантам Чавес за короткий срок создал разветвлённую структуру «MVR» с региональными и местными отделениями, широкой сетью низовых ячеек, которые охватывали большую

часть национальной территории. Лидер «MVR» обещал избирателям восстановить «утраченную честь нации», честно использовать естественные ресурсы страны на благо всех венесуэльцев, решительно бороться против разгула преступности. Чавес также объявил о своём намерении бороться за отмену Конституции 1961 года, за создание нового Основного закона, для чего будет созвана Конституционная ассамблея.

О подготовительном этапе своей избирательной кампании Чавес всегда вспоминал с чувством полководца, который в заведомо неблагоприятных обстоятельствах сумел объединить под лозунгом мирной Боливарианской революции сотни тысяч сторонников, составить стратегический план победоносного наступления и потом, вопреки мощному противодействию противника, нанести сокрушительный удар в глубину его оборонительных порядков. Противник действительно выглядел монолитно прочным: в его распоряжении были все рычаги власти: политической, финансовой, информационно-пропагандистской и военно-полицейской. Соперничество между партиями Action Democrática и COPEI было на время приглушено во имя сохранения Четвёртой республики, её конституции и доминирующих позиций традиционных элит.

В венесуэльских избирательных кампаниях деньги всегда играли огромную роль, иначе и быть не могло в богатой нефтедобывающей стране. Подкуп электората осуществлялся и «за наличные» и «натурой», особенно в тех районах, где обитали малоимущие венесуэльцы. Раздавались щедрые пакеты с «продуктовыми наборами», в зоны «ранчос» подвозились на десятках грузовиков и распределялись строительные материалы: кирпичи, цемент, цинковые листы, краска. Организовывались коллективные пиршества с жареной телятиной и неограниченным количеством рома. Чавес

не сомневался, что против него эти проверенные временем методы «привлечения» электората будут задействованы противником в более широкой форме, чем раньше. На вопросы журналистов, каким образом боливарианцы будут противостоять неизбежному коррумпированию избирателей, Чавес убеждённо отвечал: «На нашей стороне правда и моральная стойкость».

Однако его беспокоило, что за два месяца до официального начала избирательной кампании у членов его команды не было постоянной штаб-квартиры. В своих интервью Чавес откровенно говорил о трудностях: «До нынешнего дня у меня нет рабочего офиса, а для поездок по стране я пользуюсь обычными коммерческими рейсами. Ночуем в домах друзей, и очень-очень редко в гостиницах, которые, конечно, ничем не напоминают пятизвёздочные отели “Хилтон” или “Таманако”. Мы едим в придорожных трактирах, а не в роскошных ресторанах. Автомашины берём напрокат. Одну из них, “тойоту”, недавно угнали со стоянки в Центральном университете, и мы сейчас пользуемся развалюхой, которая вызывает жалость у всех, кому приходится садиться в неё».

Да, Чавес эмоционально говорил о том, что привык к трудностям и готов обосноваться в любом «ранчо» в Виста-Алегре или жалкой трущобе в Катии, а на встречи с избирателями добираться на автобусах или отживших свой век автомашинах. Но это были просто слова. Было очевидно, что для организации эффективной кампании требовались хороший командный пункт, надёжные средства связи, автопарк, печатно-издательская база, охрана, наконец. Через контакты в DISIP было получено оружие и финансирование для пятёрки телохранителей, которых подобрал сам Чавес. Руководить ими он поручил Луису Пинеде, с которым вместе учился в Военной академии.

Очень непросто на начальном этапе кампании решались финансовые дела. Сбор денежных средств Чавес поручил Луису Микелене, обладавшему богатым опытом предпринимательской деятельности. Больше всего Чавес опасался попыток враждебной стороны скомпрометировать его с помощью вливания «наркоденок» в его избирательный фонд. Примеров вовлечения наркоструктур в избирательные процессы в Латинской Америке было много, в соседней Колумбии это стало обычной практикой. Для его, Чавеса, врагов подобный вариант «подковёрной борьбы» выглядел весьма привлекательным. Подсунуть через подставных лиц грязные деньги, «обнаружить» их в самый подходящий момент, организовать шумиху: «Наркотрафик делает ставку на Чавеса!» Поэтому приходилось каждый день напоминать: «Если вам предлагают что-то вызывающее подозрения, приходите и расскажите мне об этом. Если вы согласитесь на какие-то сомнительные предложения, вам придётся самим отвечать за всё. В этом мы будем соблюдать строжайший централизм. Я никому не делегирую полномочий в отношении оценки и проверки источника поступления средств, потому что это очень зыбкий, очень опасный вопрос».

Чавес рассказал в интервью Агустину Бланко Муньосу о подозрительных попытках иностранных филантропов «подключиться» к его кампании: «Совсем недавно мне поступило одно такое предложение. Слушай, Чавес, тебе направят частный самолет (непонятно какой, непонятно откуда) некоего персонажа Х., который живёт за границей. Вы должны встретиться на каком-то карибском острове и поговорить обо всём». Конечно, предложение было отвергнуто. Что касалось сбора денег на избирательную кампанию, то с каждым днём их поступало всё больше, однако на крупные траты средств не хватало, хотя бы на проведение

собственного общенационального опроса для определения рейтинга кандидатов в президенты. «В кассе» Микелены не набралось необходимых для этого 10 миллионов боливаров! Приходилось пользоваться опросами, которые проводили ведущие газеты, хотя доверять им было нельзя. СМИ Венесуэлы в большинстве своём выступали против «подполковника Чавеса».

Для пополнения избирательного фонда команда Чавеса тоже прибегала к проверенным способам: проводила лотереи, обращалась за материальной поддержкой к сторонникам, организовывала специальные обеды и ужины с целью сбора пожертвований. Для Чавеса показателем его высокой популярности в народе стала предвыборная поездка в Португесу, один из самых бедных штатов страны. Во время выступления в Гуанаре Чавес представил горожанам, собравшимся на площади, своих спутников, среди них Микелену — как «ответственного за финансы». После встречи с избирателями Чавес ушёл беседовать с журналистами, а Микелену обступили местные жители, жертвуя деньги на кампанию. За полчаса дон Луис собрал 100 тысяч боливаров, которые еле уместились в объёмном пластиковом мешке. Банкноты были по 10-20 боливаров, редко когда встречались бумажки в 50 или 100 боливаров. Эти измятые, истёртые банкноты, оторванные от скудных семейных бюджетов, стали для Чавеса символом искренней народной поддержки: «Мы никогда не будем иметь на кампанию столько денег, как наши противники, но каждый наш боливар равноценен ста боливарам, которые есть у них».

Вдохновляя своих соратников, Чавес часто повторял: «У нас есть определённое преимущество перед другими кандидатами, потому что мы уже обладаем хорошей исходной позицией. Трудно

предположить, что где-то в Венесуэле не знают, кто такой Уго Чавес, и хотя бы раз не видели в газетах его лица. Я посещаю индейские селения, и индейцы меня узнают. Есть другие кандидаты, которые примелькались в Каракасе, но когда они приезжают в Санта-Елену-де-Уайрен, в Эль-Кобре или Парагуайпоа, местные жители равнодушно смотрят на них. Они полные незнакомцы! Им ещё придётся потратиться на телевизионную рекламу, плакаты, листовки и платные публикации, чтобы заявить о себе. Вот в чём состоит наше финансовое превосходство, у нас уже есть вложенный в кампанию капитал, значительная часть нашего пути уже пройдена!» Усилиями Микелены в Лас-Мерседес, престижном районе Каракаса, появилась штаб-квартира Чавеса. Свой дом предоставил Недо Паниц, известный архитектор, который считал, что из всех политиков только Чавес способен покончить с коррупцией в Венесуэле. Друзья Микелены, предприниматели, дали напрокат автомашины, которые к завершению кампании накрутили на своих счётчиках десятки тысяч километров. Чтобы добраться до отдалённых регионов страны, Чавес пользовался самолётом бизнесмена Тобиаса Карреры и вертолётom Генри Ойоса, другого бизнесмена. Вертолёт был советского производства, порядком потрудился на своём веку, но безотказно, в любую погоду вращал свои лопасти. Чавес дал ему имя «Avispon Verde», по названию приключенческого телесериала, в котором герои борются против злодеев и преступников.

Чтобы «финансовое превосходство» команды Чавеса стало всё-таки реальным, Микелена в условиях строжайшей конспирации провёл встречи с представителями Banco Bilbao Viscaya Argentaria (BBVA) и Grupo Santander из Испании, а также Corp Group из Чили. Банкиры были заинтересованы в администрировании пенсионных фондов, которые

планировалось создать в Венесуэле в соответствии с новым законом о социальной безопасности. Поэтому Микелене и Тобиасу Каррере не стоило особых трудов договориться с ними о «финансовой поддержке» кампании Чавеса.

Известный испанский судья Балтасар Гарсон позднее предпринял попытку проверить законность операций указанных выше банков и выяснил, в частности, что BBVA перевёл на счета «финансистов Чавеса» в офшорной зоне Кюрасао полтора миллиона долларов. Но добиться большего Гарсону не удалось. Чавес не имел отношения к этим операциям. Он с самого начала отвергал возможность получения финансирования избирательной кампании из иностранных источников, не раз предупреждал об этом Микелену. В те дни «главный финансовый организатор» кампании беззастенчиво использовал имя Чавеса для собственного обогащения. Он получал немалые суммы от других банков и переводил их на свои счета и счета близких родственников. Разумеется, компрометирующая денежная тема позднее выплыла на свет и была использована в чёрной пропаганде: распространялся тезис о некоем пакте Чавес — Микелена. Дескать, их позднейшая «ссора и развод» были организованы для прикрытия совместных «тёмных делишек».

Любопытную оценку этому периоду политической жизни Чавеса дал Норберто Сересоле: «“Движение Пятая Республика” стало результатом наконец-то принятого Чавесом решения участвовать в избирательном процессе. При приближении развязки выборов 6 декабря 1998 года у Чавеса обозначилась смена тональности выступлений, поведения и выбора друзей и помощников. Исходная радикальность начала трансформироваться в “политический реализм”. Переход от одной позиции к другой был вызван

неизбежной логикой политики власти. Она была, есть и будет обязательным условием допуска к правлению путём “демократического консенсуса” независимо от времени, долготы и широты... Уго Чавес никогда бы не смог представить себя в качестве кандидата на выборы и тем более выиграть их, если бы до этого не было неких предварительных договорённостей как в международном, так и национальном плане. Договорённости означают компромисс. Уго Чавес стал президентом Венесуэлы путём компромисса. В реальных терминах другой альтернативой была его физическая ликвидация».

Сересоле даже не намекнул, кто способствовал этому «компромиссу», хотя он хорошо знал этого человека. Решающую роль в налаживании «прагматичных контактов» с олигархией сыграл Луис Микелена. Из тогдашнего окружения Чавеса только он обладал необходимыми связями и возможностями, но руководствовался не столько интересами Чавеса, сколько собственными. После десятилетий жизни на политической обочине Микелена очень хотел получить доступ к реальной власти. Поэтому он всячески успокаивал представителей элиты. Чавеса можно будет обуздать. Не надо обращать внимания на его радикальные высказывания. Если он решится на обещанные «коренные преобразования», то будет делать это под его, Микелены, контролем. Он не допустит сползания страны на перманентные внутренние конфликты и тем более копирования «кубинской модели социализма». Чавес настолько переменчив, многолик, многословен, что преждевременно строить какие-либо прогнозы на основе его нынешних высказываний и заявлений.

Полной уверенности в том, что Чавес станет «управляемым» президентом, у Микелены не было. Незадолго до выборов он говорил на эту тему с Недо

Паницем, которого одолевали такие же сомнения. «Боюсь, что мы создали Франкенштейна», — сказал Паниц. Микелена развёл руками: «Я думаю то же самое, но в нашем распоряжении не было никого другого».

Несмотря на тактическое перемирие с венесуэльской элитой, достигнутое с помощью Микелены, Уго Чавес вёл свою первую избирательную кампанию с «популистских», как принято сейчас говорить, позиций, цитируя Боливара и Библию, акцентируя свою готовность стать спасителем Венесуэлы, гарантом её национальной независимости перед лицом многочисленных угроз. Политологи тщательно анализировали его речи и приходили к выводу, что «доктрина» Чавеса состояла из националистских, революционных и популистских фрагментов, почерпнутых из наследия панамца Омара Торрихоса, боливийца Хуана Хосе Торреса, перуанца Хуана Веласко Альварадо, аргентинца Хуана Перона. Обращали внимание на то, что Чавес избегал упоминаний о президенте Сальвадоре Альенде. Он словно давал понять, что чилийский социалистический опыт не соответствует венесуэльской традиции.

Выборы в Национальный конгресс 8 ноября 1998 года подтвердили, что отказ Чавеса от «силового варианта» прихода к власти был правильным. Несмотря на нехватку опытных функционеров и недостаточную отлаженность аппарата, «Движение Пятая Республика» — «MVR» — завоевало 49 из 189 голосов в парламенте, пропустив на первое место с небольшим отрывом партию Action Democratica. «Чириперо» («Тараканник»), политическая коалиция действующего президента Кальдеры, получила только три депутатских места. Успех «MVR» потряс основы политической системы Венесуэлы, показав, что Чавес неудержим и что его успех на предстоящих президентских выборах 6 декабря практически предрешён. «Чириперо» стала

рассыпаться, подтверждая традицию венесуэльской политики — ориентироваться на победителя.

В лагере противника Чавеса на президентских выборах — Саласа Рёмера — царили панические настроения. Там уже не сомневались, что «этот выскочка Чавес, грубый демагог, вояка с авторитарными задатками и путчистским прошлым», станет президентом.

Конечно, Чавеса двигала к победе мощная поддержка широкого общенационального «Патриотического полюса», который сложился вокруг «Движения Пятая Республика». Чавес не прибегал к многочисленным уловкам традиционных избирательных кампаний, не раздавал невыполнимых обещаний, чтобы понравиться электорату. Он подавал себя таким, каким являлся на самом деле: человеком из народа, хлебнувшим и голода и нужды и потому знающим, что именно надо сделать, чтобы венесуэльцы могли получить «свою справедливую долю счастья». Колоритный язык, экспрессивная лексика, временами сознательно простонародная, доверительная тональность и прямота, а когда речь шла о сопернике — язвительная острота, — всё это покоряло избирателей. В Чавесе они видели своё отражение.

Одно его появление вызывало у людей взрыв эмоций и пароксизм восторга. Слезы радости на лицах, стремление прикоснуться к кумиру, пожать его руку, обнять — это было похоже на массовый экстаз, который немногочисленные охранники Чавеса сдерживали с большим трудом. Чавеса любили и обожествляли и потому пытались одарить, материализировать подарками своё поклонение. Дарили от всего сердца: яркие фольклорные маски «танцующего дьявола Яре», шляпы льянеро, чётки, крестики, католические медали, бутылки с агуардъенте и ромом, всевозможные местные угощения. Еду и напитки принимали охранники, но

никогда не передавали эти «потенциально опасные» подношения Чавесу. Как вспоминал Луис Пинеда, часто среди подарков были мужские духи «Hugo Boss». Подобная «креативность» вначале смешила Чавеса, а потом стала раздражать. Он пользовался другими духами. Эти флаконы брал себе Пинеда. В своих воспоминаниях он признался, что запасов «Hugo Boss» ему хватит надолго.

С самых первых встреч с избирателями Чавеса и его охранников заваливали письмами, обращениями, записками с различными просьбами. Люди были уверены, что Уго победит, и заранее просили помочь в приобретении дома, получении работы или денежных субсидий. Часто писали женщины: «Чавес, я хочу от тебя ребёнка!» Записок было столько, что охранники обзавелись специальными жилетами с большими карманами. Указание Чавеса было категоричным: сохранять все обращения! Мы победим и обязательно поможем этим людям!(В президентском дворце Мирафлорес отвели специальное хранилище для сотен тысяч посланий с обращениями к Чавесу об оказании помощи.) Когда Чавес стал президентом, количество записок ещё более увеличилось. Всеобщая привычка к патерналистской роли государства заставляет венесуэльцев проявлять к президенту завышенные требования откровенно потребительского характера. Чаще обращаются простые люди: мол, Чавес всемогущ, ему ничего не стоит поделиться с просителем деньгами, купить ему рыбацкую лодку с мотором, трактор или грузовик. Но прошения, при удачном стечении обстоятельств, вручают не только бедняки, но и представители других социальных слоёв. Это в национальном характере — венесуэлец не стесняется просить, а Чавес считался человеком широких жестов, щедрость его не вызывала сомнения. Всем было известно, что он отказался от президентской зарплаты,

превратив её в несколько студенческих стипендий. Чавес передавал миллионные суммы крестьянам на развитие их хозяйств, а рабочим — на восстановление заброшенных хозяевами заводов и фабрик. Есть в списке благодетельствованных просителей и «национально мыслящие» предприниматели.

Один мой венесуэльский знакомый жаловался на «неблагодарность» Чавеса: «Когда он после амнистии в 1994 году вышел из тюрьмы, я на несколько дней предоставил ему квартиру для житья и как убежище от возможных покушений. Потом помогал ему в избирательной кампании 1998 года. Никогда не думал, что, став президентом, он забудет обо мне и моей помощи».

Мой знакомый проявил настойчивость, пробился к Чавесу, напомнил ему о своих «заслугах перед отечеством» и добилсятаки желаемого: получил назначение на высокую дипломатическую должность. Впрочем, неблагодарным (без кавычек!) оказался он сам. В дни апрельского переворота 2002 года он поторопился перескочить в победоносные, как тогда казалось, ряды заговорщиков, выступив с резкой критикой «беспощадного диктатора», портрет которого публично разорвал в клочья. Можно только посочувствовать моему знакомому, который после этих событий был отвергнут и чавистами, и оппозицией.

Тот эмоциональный подъём, с которым Чавес вёл избирательную кампанию, омрачали ссоры жены с его детьми от Нанси. Уго надеялся, что Марисабель сумеет найти с ними общий язык. Квартира в Альто-Прадо была просторной, ничем не напоминала те жалкие домишки в Сабанете и Баринасе, в которых прошло его детство. В этой квартире всем хватало места, даже двум служанкам Марисабель.

Однажды Чавес вернулся из очередной избирательной поездки и увидел сына, который был

весь в слезах: «Она выгнала меня из дома!» Телохранитель Лагонель подтвердил, что Марисабель вначале избавилась от Росы Вирхинии и Марии Габриэлы, отправив их в Баринас, а потом запретила служанкам готовить еду и стирать одежду для Угито. Той ночью в Майкетии охранники впервые увидели своего шефа плачущим.

Проблему решил Пинеда. В Сан-Бернардино, тихом районе Каракаса, он арендовал квартиру для мальчика и дочек Чавеса. Там они жили до мая 1999 года. Этот случай стал первой серьёзной трещиной в отношениях Чавеса с женой. Он с трудом сдержался, не стал выяснять отношений. Марисабель вспыльчива, её реакцию предсказать трудно. Семейный скандал в самый разгар избирательной кампании! Можно представить, как это использует его противник Рёмер: «Чавес не способен ужиться даже с женой, что тогда ожидает Венесуэлу!» Да, подходящее время выбрала Марисабель для своей выходки. Точно рассчитала...

Глава 13

ИЗБИРАТЕЛЬНЫЕ УРНЫ ВМЕСТО ВИНТОВОК

В начале 1998 года Госдепартамент объявил о том, что Чавесу отказано в визе для посещения Соединённых Штатов. Причина была сформулирована следующим образом: «Чавес нарушил демократические традиции венесуэльских военных тем, что организовал мятеж в 1992 году». Накануне выборов Каракас посетила госсекретарь США Мадлен Олбрайт. На пресс-конференции она подтвердила, что кандидат от «Движения Пятая Республика» визу в США не получит. Это был предельно прозрачный намёк на «неугодность» Чавеса. Вашингтон делал ставку на своего фаворита Энрике Саласа Рёмера. Но он проиграл, получив только 39,9 процента голосов, Чавес его намного опередил — 56,2 процента — это было более чем убедительно! Перед вступлением в президентскую должность Чавес совершил турне по Европе. В маршрут были включены Испания, Франция, Германия, Италия. Главной целью этой поездки было «умиротворение» иностранных нефтяных компаний, которые действовали в Венесуэле: «Не будет никаких национализаций, не планируется и курса на приватизацию в государственном нефтедобывающем секторе. Задача состоит в том, чтобы стабилизировать экономику».

Несмотря на все успокаивающие заявления, реформа главной нефтяной компании PDVSA была важным программным пунктом избирательной кампании Чавеса: ключевая отрасль страны должна приносить значительно больше доходов в государственную казну, должна избавиться от пут

«интернационализации» — якобы взаимовыгодного сотрудничества с иностранными компаниями. Логотип PDVSA — это стилизованный индейский петроглиф, изображающий солнце — неисчерпаемый источник энергии и жизни (Этот петроглиф находится на Камне Гуаратаро, который был обнаружен археологами в районе города Кайкара-де-Ориноко.). Однако «солнце PDVSA» на излёте XX столетия почти закатилось, обрекая страну на хаос, нестабильность и имперский произвол. Во время поездки по странам Европы Чавес предупредил все заинтересованные стороны, что проведёт ревизию контрактов, заключённых PDVSA в последние годы: в какой мере они отвечают интересам страны; можно ли их усовершенствовать; есть ли возможность увеличить валютные поступления от продажи нефти? По этой же причине Чавес решил активизировать отношения с ОПЕК, воспользовавшись тем, что наступила очередь Венесуэлы председательствовать в организации.

В Западном полушарии Чавес запланировал посетить Канаду, Кубу, США и Доминиканскую Республику. В Вашингтоне была намечена встреча с Биллом Клинтоном: «запрет» на въезд Чавеса в Соединённые Штаты был снят. Как говорится, победителей не судят! Ещё во время пребывания венесуэльца в Европе ему позвонили из Госдепартамента: не может ли он перенести дату визита в Гавану? По разным соображениям было бы лучше вначале побывать в США, а потом уже отправляться на Кубу. Прозвучала даже угроза аннулировать встречу с Клинтоном. Никаких корректировок в план поездки Чавес не внёс. Вначале была Канада, потом Куба и США. Клинтон не отменил встречу, но решил провести её в неформальной обстановке. Никакого протокольного салона, никаких фотографов, никаких журналистов. Сам Клинтон

пришёл на встречу одетым подчёркнуто просто: джинсы, клетчатая рубашка, кроссовки. Улыбка, рукопожатие, 15 минут вполне лояльной, без каких-либо взаимных претензий, беседы. Позднее Чавес советовал Дж. Бушу-младшему брать пример с Клинтона, который, несмотря на недовольство, вызванное неуступчивостью венесуэльского политика, нашёл время для личной встречи и обмена мнениями.

Накануне президентских выборов в Венесуэле неожиданно появился аргентинский друг Чавеса Норберто Сересоле. В воздухе уже пахло победой Чавеса, и Сересоле приехал с далекоидущими планами. Во-первых, он лелеял надежду получить официальное признание в качестве главного теоретика режима. Воплотить теорию в практику (Венесуэла для этого самая подходящая площадка) — о таком шансе он мечтал всю жизнь. Во-вторых, он надеялся убедить Чавеса в необходимости создания Службы стратегической разведки. Новую внешнюю политику надо строить с полноценным знанием обстановки в мире, скрытых механизмов принятия решений центрами власти. Сересоле рассчитывал, что Чавес поставит его во главе разведки.

Громко заявить о себе как теоретике можно было изданием программной книги «Каудильо, армия, народ» небывалым для Венесуэлы тиражом в 100 тысяч экземпляров. В январе 1999 года Сересоле завершил редактирование книги, а в середине февраля — после инаугурации Чавеса — книга была пущена в продажу и сразу стала бестселлером. И с первого же дня родила массу вопросов. Неужели это и есть «доктрина Чавеса» — абсолютная концентрация власти в одних руках для ускорения реформ в стране? И как понимать термин «постдемократия»? Фактический отказ от демократии? Закручивание гаек? Не слишком ли всё это отдаёт Пиночетом? У самого Чавеса изначально были

определённые сомнения по содержанию доктрины, и он (без ведома Сересоле) обратился к близким ему политикам и интеллектуалам с просьбой «интерпретировать» содержание книги под углом венесуэльских реалий. Микелена и Давила сочли труд Сересоле своевременным: некоторые его элементы можно взять за основу, в том числе при подготовке проекта новой конституции. Для наведения порядка в Венесуэле без временной милитаризации государственного аппарата не обойтись. Хосе Висенте Ранхель категорически выступил против книги. Он публично заявил, что «гнусный и мерзкий» Сересоле играет на руку оппозиции, которая и без того обвиняет Чавеса в диктаторских замашках.

Ситуация осложнилась ещё больше, когда в газете «Насьональ» (28 февраля 1999 года) появилось интервью с Сересоле под названием «Я придумал Уго Чавеса и затем нашёл его на улице». Ничего подобного Сересоле не произносил и тем более сам никогда не называл себя «первооткрывателем Чавеса». Аргентинец был, естественно, возмущён подобной ложью и так объяснил инцидент: «Конечно, я никогда не говорил такой глупости. Просто журналисты, реализуя право на свободу печати, подправили “немножко” суть моих подлинных заявлений. Я сказал в интервью, что моя книга — это квинтэссенция интеллектуальной работы, которая была проделана за 35 лет. Я разрабатывал политическую модель, основанную на союзе между армией и народом, а не “создавал” модель личности, которая представляет мою теорию в Венесуэле. Маленькое различие, направленное на то, чтобы сфабриковать бездну недоверия к “высокомерному и агрессивному аргентинцу-неонацисту”».

Луис Микелена, получивший пост министра внутренних дел, уговорил Сересоле не подавать на журналистов в суд и уехать из страны без скандала,

поскольку его пребывание в Венесуэле «используется оппозицией для компрометации президента». Микелена вручил Сересоле 10 тысяч долларов в качестве возмещения «за доставленные неудобства». Под охраной агентов DISIP 5 марта 1999 года Сересоле проводили в аэропорт Майкетю. В беседе с журналистами Сересоле сказал, что вынужден покинуть Венесуэлу из-за угроз местных сионистов убить его.

Луис Пинеда, который в то время работал директором расследований в DISIP, изложил иную версию. К нему несколько раз обращались видные представители еврейской общины, сигнализируя о той опасности, которую представляет Сересоле, «нацист современной формации». По их мнению, близость аргентинца к Чавесу компрометировала Венесуэлу, венесуэльцев и самого Чавеса. Пинеда сообщил об этом Урданете, директору DISIP, и тот принял решение о депортации Сересоле. Он был посажен на самолёт до Сан-Антонио-де-Тачира, откуда на такси перевезён в Колумбию.

Чавес отверг как несостоятельные утверждения массмедиа о том, что аргентинец был его ближайшим советником. По словам Пинеды, Чавес ни разу не пригласил Сересоле в свою резиденцию. С аргентинцем «по принципиальным вопросам» говорил Хосе Висенте Ранхель.

До последнего дня своей жизни Сересоле следил за развитием Боливарианской революции, её успехами и провалами и периодически утверждал, что Чавес руководствуется его «доктриной».

Инаугурация Чавеса прошла 2 февраля 1999 года. На неё прибыли многие латиноамериканские президенты. Для Чавеса самым желанным гостем был, конечно, Фидель Кастро, который назвал победу молодого венесуэльского друга «триумфом для всей Латинской Америки». Нестандартность своих подходов

к отлаженным ритуалам и церемониям Четвёртой республики Чавес подчеркнул тем, что пригласил на инаугурацию «сильного человека» 1950-х годов — престарелого экспрезидента Маркоса Переса Хименеса, находившегося в изгнании в Испании. Некогда грозный диктатор поблагодарил Чавеса, но приехать отказался. Враги Чавеса поторопились распусть слух: «Вот что нас ожидает в недалёком будущем — пришествие второго Переса Хименеса».

Сдающий полномочия президент Рафаэль Кальдера, горбящийся, с дрожащими руками, «геронтократическое» воплощение Четвёртой республики, передал Уго Чавесу атрибуты власти. Чавес дал клятву над роскошным томом Конституции 1961 года, назвав её «умирающей». Это было единственное слово, которое Чавес включил «от себя» в традиционный текст клятвы. Демонстративный жест президента подтвердил: страну ожидают глубокие перемены. В инаугурационной речи он обрушился на пороки Четвёртой республики, которая погрузила страну в деградацию и перманентный кризис, и в самых высоких словах отозвался о героической попытке офицеров-патриотов спасти Венесуэлу 4 февраля 1992 года от губельного курса прежней власти.

Памятный для Чавеса день был запечатлён в сотнях километрах кинолент, видеозаписей и бессчётном количестве фотокадров. Ударный сюжет инаугурации — торжественный проезд Чавеса с женой на тёмном лимузине через многотысячную толпу. Президентская пара словно воскресила кинохронику 1940—1950-х годов: на нём — президентская лента и регалии, рядом — сияющая от счастья Марисабель. У многих тогда возникла ассоциация с аргентинским президентом Хуаном Пероном и его женой Эвитой.

Уго Чавес начал свою деятельность в обстановке эйфории, огромных надежд, стремления различных

слоёв населения поддержать реформистский курс правительства. Пожалуй, только олигархические семьи, традиционные политические партии и СМИ с недоверием оценивали первые шаги «подполковника» на президентском посту.

Буржуазная пресса, не без умысла, вела бесконечные дискуссии: сможет ли Чавес — военная косточка — искоренить пороки Четвёртой республики? Их накопилось слишком много: коррупция, разгул преступности, нищета и голод в бедняцких посёлках, кризис здравоохранения, nepотизм. А решение жилищной проблемы? Позором нефтяной страны стали ранчос, облепившие горные склоны столицы. Обладает ли президент необходимыми знаниями и подготовкой? К примеру, в области экономики? Он выдвинул разрекламированный военно-гражданский план «Реконструкции отечества». Но откуда возьмёт деньги для его осуществления? В казне их нет. Как ни упираться, придётся идти на поклон к Международному валютному фонду.

Венесуэла превратилась в огромный дискуссионный клуб. Одни говорили, что приход Чавеса к власти — «это лучшее, что произошло в стране за последние годы», другие — «это самое плохое, что могло случиться». Чтобы отстаивать намеченный политический курс, Чавес старался чаще выступать по радио и на телевидении, словно предвыборная кампания всё ещё продолжалась. Острейшая борьба за демонтаж структур Четвёртой республики была ещё в самом начале. Реальная власть в стране — финансовая, экономическая, информационная и во многом политическая — находилась в руках противников.

Вхождение Чавеса в обязанности президента шло трудно. Проблемы начались с формирования кабинета, которое сопровождалось подспудной борьбой различных партий и организаций, оказывавших ему

поддержку в избирательной кампании. Как вспоминал Чавес, почти два месяца он безвылазно провёл в президентской резиденции «Да Виньета». Соратники настаивали на «достойной» компенсации своего вклада в победу в «лучших традициях» Четвёртой республики. Друзья Микелены — предприниматель Мануэль Кихада и отставной полковник Луис Альфонсо Давила стали закулисными «представителями» интересов торговой буржуазии и агроиндустриального сектора. Лоббирование этих интересов в той или иной форме поощряло коррупцию. Свои жирные куски потребовали другие представители венесуэльского капитала. Поначалу они всячески мешали политическому взлёту Чавеса, но, когда его победа стала предсказуемой, изменили тактику. Чавес вспоминал: «Один из самых явных представителей тех венесуэльских кругов, той олигархии и того старого режима даже написал в одной газете, что поскольку они не могут справиться с этой “тварью” — тварью был я, — значит, “тварь” надо укротить. И тогда они действительно взяли “тварь” в кольцо».

Тонкий аналитик, Норберто Сересоле писал в январе — феврале 1999 года: «Чавизм сегодня стремится разделиться на сторонников “стабильности”, которые хотят усилить “умеренные” (неолиберальные) тенденции последнего времени, и “радикалов”, которые пытаются восстановить исходные элементы военного движения. Так что — пока — в рамках внутренней венесуэльской политики не планируются поиски альтернативы Чавесу. Группы самых ортодоксальных чавистов предпринимают шаги для концентрации власти, чтобы стать опорой для Чавеса и помочь ему — не в такой далёкой перспективе — отказаться от компромисса с прежней элитой, на который ему пришлось пойти. Крайним пределом этой политики, естественно, является гражданская война. Другой

сектор (в рамках чавизма) с удовлетворением воспримет курс на продолжение прежней политики (Четвёртой республики). Обе фракции — всё ещё — окончательно не сформировались в смысле, что обе ищут законности под прикрытием “харизматического зонтика”. Одни — для сохранения прежнего режима, другие — чтобы не допустить этого. И все ищут поддержки лидера. Продолжатели прошлого намерены превратить Чавеса в нового актёра старой пьесы».

Стремительный взлёт Чавеса стал лейтмотивом дискуссий «чавесологов». Они выдвигали самые разные версии, пытаясь объяснить его карьеру. Иногда звучала и такая: Чавес следовал советам некоего персонажа, оставшегося в тени, который раньше всех понял, насколько мощный потенциал лидера-мессии заложен в нём. Не стал ли президент Венесуэлы «проектом» этого человека, имя которого Чавес до сих пор держит в секрете? Эта версия перекликалась с настойчивыми намёками венесуэльской прессы на связь Чавеса с масонами.

Общеизвестно, что Чавес досконально изучал биографию Симона Боливара и мимо него не прошёл тот факт, что будущий Либертадор-Освободитель в 1803 году в испанском городе Кадисе был принят в масонскую ложу «Лаутаро». Через неё прошли другие южноамериканские лидеры-освободители: аргентинец Хосе де Сан-Мартин и чилиец Бернардо О’Хиггинс. Культовое отношение к Боливару, определённая самоидентификация Чавеса с ним не могли не пробудить в нём интереса к масонам, желание войти в их ряды, тем более что для современных «братьев-строителей» Либертадор остаётся абсолютным воплощением масонских идеалов (В июле 1849 года венесуэльскими масонами в знак уважения к Либертадору была создана в Каракасе ложа № 118 «Звезда Боливара», существующая до сих пор.).

Чавеса привлекал позитивный ореол масонства, восходящий к Отцу отечества Симону Боливару. Много созвучного своим убеждениям он находил в их разъяснениях: «В Великой ложе мы являемся свободными мыслителями, каждый член её может придерживаться идеологии, которую считает подходящей для себя. Но внутри масонства мы отстраняем и партийность, и религию. Мы своего рода “гражданское сообщество” философского и прогрессивного направления, которое стремится к процветанию общества и страны».

В окружении Чавеса были масоны, в том числе из военных. Бывший алькальд Либертадора, самого заселённого и демократического района Каракаса, Фредди Берналь, ранее служивший в Национальной гвардии, а ныне радикальный чавист, не скрывал своего масонства. Но, без сомнения, самой известной масонской фигурой, оказавшей влияние на мировоззрение Чавеса, был «Мастер» Луис Бельтран Прието Фигероа, которого часто называли «Учителем Учителей».

Адвокат, просветитель, поэт, философ, социолог, публицист, писатель, выдающийся политический руководитель, экс-кандидат в президенты на выборах 1968 года, Луис Прието Фигероа приобрёл уважение общества благодаря своей честности и позитивной жизненной позиции. Как оратор был полемичен, беспощаден, с огромным чувством юмора. Ему приписывают авторство издевательских политических шуток. Как мыслитель он был безоговорочно революционен. Будучи одним из основателей партии Action Democratica, он решительно порвал с ней в 1960-е годы, обвинив её в предательстве социал-демократических идей, в капитуляции перед капитализмом. Только в социализме Прието Фигероа видел единственную возможность решения

экономических и социальных проблем общества. Прието Фигероа стал масоном в 1930 году, когда в латиноамериканском масонстве формировалось мощное противостояние диктаторским режимам континента. В ложе «Бог и Отечество» он получил градус «Мастера».

Здесь мы вступаем в «сумеречную зону» предполагаемой связи Чавеса с Прието Фигероа на основе масонской доктрины. На излёте жизни «Учитель Учителей» (он умер 14 апреля 1993 года) мог заинтересоваться Чавесом. Боливарианские убеждения, внутреннее бунтарство, категорическое отрицание «практики» Четвёртой республики, духовность Чавеса и его неутомимые, часто мучительные интеллектуальные поиски — лучшего ученика трудно найти. Был очевиден «пробивной потенциал» Чавеса, его решимость положить конец социально-экономической деградации страны, её сползанию в кризис, из которого не будет возврата. Сам Фигероа не имел шансов стать «преобразователем» Венесуэлы, потому что правящая элита Четвёртой республики до середины 1980-х годов обладала возможностями для манёвра, нейтрализации социального недовольства, в том числе путём подкупа и разовых подачек обитателям маргинальных районов. Есть мнение, что Фигероа «не позволили» стать президентом из-за его «мулатства», и это тоже объединяло его с Чавесом, оппозиционное противостояние которому, по мнению ряда обозревателей, также имело расистские корни.

Масонская подоплёка отношений Чавеса и Фигероа пока что является тайной за семью печатями. Вполне вероятно, что Чавес ещё до президентских выборов 1998 года пытался вступить в одну из лож Каракаса.

Осведомлённая журналистка Иса Доблес уверяла, что такая попытка имела место: «Только масоны хлопнули дверью перед носом этого человека. Насколько известно, эта ложа, во всех отношениях

серьёзная и престижная, получила обращение Чавеса о вступлении. Я представляю, что из-за его уверенности в том, что он является живым воплощением Боливара, вступление в масоны стало для него наваждением. Членство в этой ложе, известной строгостью требований и их исполнения, означало бы полное признание действий Чавеса. Итак, перед голосованием все братья, входившие в руководство ложи, получили, как полагается, по два шара — белый и чёрный. Если будет брошен хотя бы один чёрный шар, во вступлении будет отказано. Четверо из тех, кто голосовал, бросили чёрные шары».

Руководство Великой ложи Венесуэлы опровергло эти домыслы: Чавес не пытался стать масоном, а потому никаких чёрных шаров не было. Иного ответа от Великой ложи не ожидалось: информация о причастности к масонской деятельности или даже о попытках вступления по уставу организации не может быть раскрыта, тем более без разрешения масона или аспиранта в масоны.

Говоря о критериях подбора министров для будущего правительства, Чавес всегда подчёркивал, что будет править страной с «командой лучших»: настоящих патриотов, профессионально подготовленных, безупречных с точки зрения неподкупности, морали и этики. На пресс-конференции после выборов Чавес огласил имена тех, кто был назначен на ключевые посты в правительстве.

Министром внутренних дел и юстиции (фактически премьер-министром) стал, как ожидалось, Луис Микелена. Чавес щедро отблагодарил своего политического «ментора» за помощь и поддержку в трудные годы борьбы за власть. Несмотря на возраст, Микелена обладал крепким здоровьем и, как полагал Чавес, вполне мог выдержать нагрузки, которые его ожидали на столь ответственном посту. А сделать

предстояло многое: «Он должен дать отпор тяжелейшей проблеме преступности, от которой страдает народ, возглавить процессы перемен в спецслужбах, которые, без всякого сомнения, пронизаны мафиозными группировками». Микелена обещал взяться за дело засучив рукава. Он сам возмущался тем, что в полицейских органах царит анархия и что, помимо тайной полиции DISIP и PTJ, в каждом штате и муниципалитете действуют бесконтрольно для центральной власти «местные полиции». Новый министр заявил, что намерен создать единую Национальную полицию, которая «покончит со всей этой анархией и произволом».

В Мирафлоресе сразу отметили, что Микелена ревниво относится к тем, кто оспаривал у него право «эксклюзивного доступа» к президенту. Среди них был, несомненно, Рауль Бадуэль, назначенный Чавесом личным секретарём. «Восточные манеры» Бадуэля раздражали Микелену: «Никогда не поймёшь, что у него на уме, что скрывается за двусмысленными улыбками и китайскими изречениями». Однако подкопов под Бадуэля он не вёл, помня о его давней дружбе с Чавесом. Впрочем, страдания Микелены вскоре прекратились: соперник покинул Мирафлорес «по собственному желанию», поскольку стала вакантной должность командира 42-й бригады парашютистов в Маракае. Возглавить бригаду было заветной мечтой Бадуэля. Чавес подписал приказ о назначении, считая, что самым боеспособным подразделением в армии должен командовать преданный ему человек. Бадуэль покинул пост личного секретаря президента с облегчением, хотя старался не показывать этого. Он был привычен к максимальным нагрузкам, но Чавес работал 24 часа в сутки! Соответствовать его требованиям было крайне тяжело.

Министром обороны Чавес назначил генерала Рауля Саласара Родригеса (Рауль Саласар Родригес (р. 1950) был порученцем в Casa Militar (1980-1981), начальником службы адъютантов при Главном командовании армии (1991-1993), командиром Третьей пехотной дивизии (1994-1995).), бывшего начальника Объединённого командования национальных вооружённых сил. В порядке «региональной очерёдности» как представитель Венесуэлы Саласар возглавлял Межамериканскую хунту обороны в Вашингтоне. Он имел тесные связи с Пентагоном, был в тамошних кругах на хорошем счету, «конструктивно решая вопросы двусторонних военных отношений». Чавес проникся доверием к Саласару после его своевременной информации о том, что в Каракасе зреет заговор по срыву инаугурации. Оказалось, что один из бывших армейских начальников обратился с таким предложением к уходящему президенту Кальдере: «У нас всё готово, требуется только ваше согласие». Разумеется, Кальдера, уставший от жизни вообще и неистребимого венесуэльского прожектёрства в частности, отправил его восвояси.

Предложение стать министром Саласар воспринял с нескрываемым удовлетворением. В Вашингтоне его назначение также было встречено с одобрением. Чавес должен был бы насторожиться: почему так? Ведь многие его решения того периода критиковались американцами. Видимо, под прессингом неотложных дел «начинающему» президенту было не до тщательного анализа нюансов политики США. Истинное своё лицо Саласар показал в дни апрельского переворота 2002 года.

Выдвижение на пост министра иностранных дел Хосе Висенте Ранхеля оппозиция встретила в штыки. Для неё Ранхель был неисправимым «леваком», его близость к Чавесу могла предвещать только одно:

нейтрализацию представителей правого крыла в кабинете. Нужно заметить, что Ранхель вначале отказался от должности: «Я журналист и не хочу уходить из этой профессии». Однако Чавес через Анну Авалос, жену Ранхеля, и Микелену, его старого друга, добился своего.

Новый министр, как и Микелена, был «возрастным», но его энергетике и способности к политическому выживанию завидовали многие. До «эпохи Чавеса» он пять сроков подряд избирался депутатом в парламент, где возглавлял комиссию по внутренним делам. Ранхель в разное время трижды выдвигался левыми партиями {MAS, PCV и другими) кандидатом в президенты. Будучи адвокатом, боролся за соблюдение прав человека в стране, разоблачал внесудебные расправы, а в качестве журналиста всегда выступал с позиций социальной справедливости. Это не нравилось правящей элите. В отместку о Ранхеле распространялись всякие компрометирующие слухи, в том числе о «подковёрных» финансовых операциях с помощью «друзей-банкиров», о дружбе с олигархами и даже о давних связях с КГБ.

В министерство энергетики и горнодобывающей промышленности пришёл Али Родригес Араке (Али Родригес Араке (р. 1937) в 1960—1970-х годах принимал участие в партизанском движении в Венесуэле. Окончил Центральный университет Венесуэлы, по профессии экономист-нефтяник.). Это был, несомненно, «левый кадр», который в кругах правых считался более опасным, чем Ранхель. Достаточно сказать, что Али Родригес — один из бывших партизанских командиров (псевдоним «Команданте Фаусто»), являлся близким помощником Дугласа Браво. В разное время был членом Партии Венесуэльской революции (PRV), «Causa R», «PPT» («Отечество для всех»). Родригес принимал участие в подготовке выступления военных во главе с Чавесом 4 февраля 1992 года и в дальнейшем

поддерживал его политический курс. Родригес принципиально отвергал идею приватизации нефтяной промышленности, чем снискал себе ненависть венесуэльской олигархии.

Журналист Альфредо Пенья (Альфредо Пенья (р. 1944) перед министерским назначением работал комментатором и редактором в журналах правоконсервативной тенденции «Semana» и «Resumen», а также в газете «El Nacional». Один из организаторов переворота 2002 года.) возглавил министерство секретариата президента (то есть президентский аппарат). Это была важнейшая позиция в правительстве: такой «доступ к телу» президента из министров имел только Микелена. Как журналист Пенья специализировался на разоблачительной проблематике. Сенсационные выступления по проблеме коррупции в Четвёртой республике создали ему имя. В молодые годы был членом компартии, редактировал её орган — газету «Трибуна популар», но потом, разочаровавшись в коммунистической идеологии, «остепенился». Мнения о перспективе Пеньи в правительстве были противоречивыми. «Он сумеет быть полезным и станет правой рукой Чавеса», — оптимистично говорили одни. «Чавес скоро разочаруется в этом профессиональном мастере клеветы», — предвещали другие.

Огромность задач, которые поставил перед собой Чавес, его натура трудоголика, работающего часто в штурмовом порядке, нередкая противоречивость поручений (простительная для новичка-президента) — всё это Пенья переваривал с трудом. Несколько раз он срывался, вступал в полемику с Чавесом и с облегчением покинул президентский дворец, когда возник подходящий предлог: подготовка проекта новой конституции. В 2000 году Альфредо Пенья был избран столичным алькальдом.

Разработку экономической программы правительства ещё до президентских выборов Чавес поручил Хорхе Джордани (Хорхе Джордани — инженер-электрик по профессии, эксперт в области планирования. Учился в Италии и Англии.), который был его частым гостем в тюрьме. Джордани возглавил министерство координирования и планирования (Cordiplan). По мнению сторонников Чавеса, это был удачный выбор. Перед Джордани стояла сложная задача: с ограниченными финансовыми средствами в казне и низкими доходами от продажи нефти стабилизировать экономику, сломать «рентистскую» традицию государства, предотвратить угрозу платёжного дефицита, уменьшить инфляцию, рефинансировать внешний долг и т. д. Чавесу и его экономической команде предстояла капитальная починка (или полная замена) разболтанного до критического предела финансово-экономического «движка» страны, за что несли ответственность прежние «механики» — Кампинс, Лусинчи, Перес и Кальдера. Но этот очевидный вопрос — кто виноват? — недруги Чавеса оставляли за скобками. Зато множились насмешливые комментарии по поводу «экономических талантов» Чавеса и Джордани.

Компромиссный «квотный» характер носило назначение на пост министра труда и семьи Леопольдо Пучи (Леопольдо Пучи был студенческим активистом, кандидатскую степень по проблеме «Социология организаций» получил во Франции.), генерального секретаря MAS. За Чавеса проголосовало около полумиллиона сторонников этой партии.

Министром инфраструктуры стал бывший военный летчик Луис Рейес Рейес, участник событий 4 февраля 1992 года, один из активных организаторов «Движения Пятая Республика». Чавес представил его журналистам

как «человека с огромным управленческим потенциалом, честного и испытанного патриота».

Из правительства Кальдеры Чавес «позаимствовал» только Марицу Исагирре (Марица Исагирре ранее представляла Венесуэлу во Всемирном банке и Международном валютном фонде, входила в правительственную делегацию, на которую было возложено ведение переговоров по «пересмотру» внешнего венесуэльского долга.). Она с июля 1998 года возглавляла министерство финансов, представляла Венесуэлу в Межамериканском банке развития. С Чавесом Исагирре проработала только пять месяцев и стала первым «правительственным дезертиром». Причина отставки: несогласие со стратегией государственных расходов, его «излишнего» крена в социальную сферу, что никак не совпадало с неолиберальными убеждениями Исагирре.

За годы нахождения у власти Чавес произвёл сотни министерских назначений и перестановок. Самым нестабильным было его первое правительство. Многие министры без долгих колебаний переметнулись в лагерь оппозиции. В стане яростных оппонентов Чавеса, помимо упомянутых выше Исагирре и Микелены, оказались Альфредо Пенья, Леопольдо Пучи, Игнасио Аркайя, заменивший Микелену на посту министра внутренних дел, генерал Франсиско Усон, возглавлявший министерство финансов.

Чтобы стать министром, Усон демонстрировал свою «боливарианскую принципиальность» и «нетерпимость» к коррупционерам Четвёртой республики. Чавес был уверен, что именно такой человек должен контролировать национальные финансы. Ещё накануне апрельского переворота 2002 года Усон истово клялся Чавесу в верности. Но в первый же день переметнулся к путчистам, сбросив маску «лояльности». Это он предложил заговорщикам «показательно» судить

президента. Дескать, популярность Чавеса рухнет как замок из песка, если его унижить и заставить дрожать за свою жизнь. Когда стало ясно, что президент вот-вот вернётся, Усон поторопился во дворец, чтобы снова прикинуться «своим». Сотрудники охраны с презрением вытолкали из дворца ловкача в генеральских погонах.

В критические моменты своего «первого правительства» Чавес искал совета и поддержку у старшего брата Адана. Уго поручал ему всё, что не решался доверить другим. С братом можно было делиться сомнениями и переживаниями, спрашивать и получать честные, а не конъюнктурные ответы.

Можно сказать, что из-за родства с президентом Адан был «обречён» на выполнение самых сложных и ответственных политических поручений. Не на все предложения брата он давал «автоматическое» согласие. Так, он отверг попытку Уго выдвинуть его кандидатом на пост губернатора штата Мерида в 2000 году («Меня там знают, но я не уверен в победе»). Не дал согласия Адан и на своё назначение главным координатором боливарианских кружков. Их идеологическая разномастность, анархичность и нередкий экстремизм требовали человека с иным характером.

Однако за титаническую, почти неподъёмную, работу по реформированию «Движения Пятая Республика», превращению его во влиятельную, идеологически мотивированную партию Адан взялся с охотой. Он был хорошо знаком с трудами Ленина о партийном строительстве и понимал, что нельзя отдавать в чужие руки стратегически важную задачу по созданию организованной и дисциплинированной политической силы. В будущем эта партия должна стать для боливарианцев важнейшим инструментом удержания и укрепления власти. Адан начал работу с позиций «политического директора» в «MVR» и

занимался ею практически без перерывов семь лет, увенчав её конкретным результатом — созданием Единой социалистической партии Венесуэлы (PSUV).

Самым трудным периодом в совместной работе братьев по консолидации «боливарианского проекта» были 1999–2002 годы. В правительстве, вооружённых силах, государственном аппарате, в экономике и финансах — везде были элементы «пятой колонны», которые идентифицировали себя с Четвёртой республикой и были враждебны всему, что символизировал Чавес. Ему предстояла сложная и долгая борьба, исход которой был непредсказуем. Всё приходилось начинать с нуля.

Развитие событий подсказывало: надо больше опираться на народ. В борьбе за власть — это решающий фактор. Попытки заинтересовать реформами привилегированные сословия — в их же интересах, чтобы предупредить кровавый революционный взрыв, — не встречали отклика и понимания. Их интересовало другое: охота за назначениями, выгодные контракты, коррупционные комбинации. Чавес стал «уходить в популизм», шаг за шагом перевоплощаясь в лидера возмущённых социальным неравенством народных масс.

В числе первых «нестандартных» шагов Чавеса на президентском посту было направление «письма солидарности» Ильичу Рамиресу Санчесу (Ильич Рамирес Санчес (р. 1949) был связан с палестинскими экстремистскими организациями. В 1970 году бросил учёбу в Университете им. П. Лумумбы в Москве и направился в Бейрут, чтобы установить контакты с палестинцами. Среди прочих преступлений обвинялся в убийстве двух полицейских и их агента в Париже в 1975 году. Долгое время скрывался, но в 1994 году был схвачен в Судане агентами французской разведки и переправлен во Францию. В 1997 году осуждён на

пожизненное заключение. Два его брата — Владимир и Ленин — создали в Венесуэле Комитет по репатриации Ильича.), всемирно известному под псевдонимом «Карлос», а ещё больше — по остросюжетному фильму «Шакал», для которого венесуэлец послужил прообразом, но в весьма искажённой и примитивной форме. В фильме Ильич показан безжалостным аморальным террористом, для которого насилие — высшая цель жизни. Сам Ильич считал себя продолжателем дела своего отца, профессионального революционера, преподавшего сыну первые уроки конспирации. В открытом письме «Мой отец» по поводу его смерти в возрасте 90 лет Ильич так вспоминал о нём: «Да, он имел необычайные способности для организации военных заговоров. Он обучил меня правилам конспирации и помогал в практической деятельности подполья советами, как вести себя под неусыпным наблюдением разведывательных служб, как использовать их собственных агентов, особенно женщин, как не стать жертвой их цепкого прощупывания. Коммунист *sui generis*, мой отец с убеждением говорил, что без помощи военных Коммунистическая партия Венесуэлы никогда не сможет довести дело до революции. Только офицеры-патриоты “типа Насера” смогут взять власть, чтобы совершить революцию. История подтвердила, что он был прав».

Для Чавеса адресат его послания был прежде всего соотечественником. Антигуманные условия содержания «Карлоса», получившего пожизненный срок, осуждались венесуэльским президентом. Чавес обратил внимание на «Карлоса» ещё в период своей предвыборной кампании, когда в венесуэльских газетах было опубликовано письмо Ильича со словами поддержки «маргинальному кандидату».

«Письмо солидарности» Чавеса сопровождалось конкретными действиями. По его распоряжению начали предприниматься меры по репатриации Ильича Рамиреса Санчеса на родину для отбывания заключения в венесуэльской тюрьме. Французы игнорировали эти попытки. В 2009 году в Венесуэле был арестован Фредерик Лорен Буке, кадровый сотрудник разведки Франции, засланный с группой поддержки для организации покушения на Чавеса. На явочной квартире француза были найдены неопровержимые улики — оружие, взрывчатка, аппаратура для слежки. Следствие показало, что операция проводилась под контролем Центрального разведывательного управления США. В декабре 2012 года венесуэльская сторона передала Буке французским властям, рассчитывая на ответный шаг, но его так и не последовало.

В те же первые месяцы президентства «чавесологи» обратили внимание на то, что Чавес при каждом удобном случае цитировал, наряду с Боливаром и Библией, Лукаса Эстрелью, мало кому известного молодого аргентинского писателя, живущего в Чили. Он был автором книги, вернее книжечки, «Оракул воителя», стилизованной под труды буддистских мудрецов. По мнению почитателей Эстрельи, его труд давал ответы на все экзистенциальные вопросы. Фанатики книги изобрели «мистическую» процедуру её применения: нумеровали 36 фасолинок по числу глав в книге, ссыпали их в мешочек или просто в карман и потом, когда возникали жизненные затруднения, наугад извлекали одну из них. Цифра на фасолинке соответствовала номеру главы, в которой надлежало искать ответ. Эту книжечку Чавесу подарила Марисабель, чтобы он мог бороться со стрессами повседневной президентской жизни.

Благодаря Чавесу «Оракул воителя» стал бестселлером не только в Венесуэле, но даже в Европе

и США. Лукас Эстрелья превратился в модного гуру-эзотерика, которому в Латинской Америке завидовали многие писатели: написал одну книжонку, а читают её повсюду.

Впрочем, с определённого момента Чавес перестал публично цитировать «Оракула». «Чавесологи» распространили слух, что причина этого — принадлежность Эстрельи к «сексуальному меньшинству» (выдумка завистников). Нет, охлаждение Чавеса к «Оракулу» было вызвано всё более напряжёнными отношениями с Марисабель. Она доставляла много хлопот: по пустякам ссорилась с телохранителями, злоупотребляла представительскими средствами «первой дамы», поддавалась влиянию «светского бомонда». «Оракул воителя» напоминал Чавесу об этих проблемах, о Марисабель и потому был отправлен на дальнюю книжную полку.

Глава 14

ДРУГ ФИДЕЛЬ, ОЛИГАРХ СИСНЕРОС И ПЯТАЯ КОЛОННА

Среди обитателей фешенебельных кварталов венесуэльских городов эйфории в связи с победой Чавеса конечно же не было. В новом президенте ощущались угроза, скрытый классовый вызов, сильнейший заряд социального недовольства. Впрочем, во «вступительной» президентской речи Чавес подал примирительные сигналы для имущих слоёв населения. Он сказал, что будет уважать результаты приватизации в стране и сложившиеся устои свободного рынка. Это породило много надежд в лагере богачей — «ricachones»: «Этот тип в Мирафлоресе не столь плох, как нам казалось, он и в самом деле может стать в будущем общенациональным лидером».

Поэтому, отвечая на вопрос, сколь долго будет длиться «очарование» Чавесом, социологи и психологи не спешили с окончательными выводами. Один из «чавесологов» прямо сказал: «Ты можешь быть самым большим популистом в мире, но если общество стабилизируется, эффективно действуют программы социального обеспечения, улучшаются показатели качества жизни и уважаются права гражданина, власть будет прочной. В противном случае сила падения такого популиста станет прямо пропорциональной его популярности».

Чавес не раз вспоминал, как олигархические круги на первых порах президентства пытались им манипулировать: «На следующий день после нашей победы меня пригласили на телеканал, хозяевами которого являются представители этой затхлой и очень

могущественной олигархии. Помню, как мне было стыдно и неудобно за них за все эти дифирамбы и превозношения в мой адрес. После этого были обеды, хорошее вино и рождественские тосты, и я терпеливо выносил всё это. До тех пор, пока однажды вечером, в конце декабря 1998 года, ко мне не подошёл один человек, представитель этих кругов, и сказал: “Ну хорошо, президент, мы собрались для того, чтобы вам помочь, вот списочек с именами наших кандидатов в министры”. Я читаю список и вижу: на первом месте там министр финансов, министр внешней торговли, потом пониже другие: президент промышленного — государственного — банка, президент “CONATEL”(CONATEL-Comision Nacional de Telecomunicaciones (Национальный совет по телекоммуникациям).), органа, ведающего телеканалами и радиостанциями. Я, естественно, положил эту бумажку в карман и не назначил никого из тех, кого они предложили, никого!» Более того, наглость олигархов разъярила президента. Ему, Уго Чавесу, занявшему высший государственный пост после упорной борьбы, пытаются диктовать состав кабинета, а следовательно, и политический курс! Ведь многие лица из предложенного «списочка» были скомпрометированы связями с теми, кто десятилетиями «рулил» Четвёртой республикой. Нет, никаких закулисных сделок и никаких «квот»! Впоследствии Чавес самокритично признавал, что олигархам тогда всё-таки удалось обмануть его, «заморочить голову», продвинув в правительство кое-кого из своих людей: «У меня действительно не было большого опыта, я — солдат и потому мало кого знал из этих политических кругов».

Вскоре после избрания Чавес вместе с Марисабель побывал в гостях у «главного олигарха Венесуэлы» Сиснероса, в его летней резиденции «Ла Романа» в

Доминиканской Республике. Миллионер очаровал их простотой общения, анекдотическими случаями из своей жизни с участием знаменитостей — политиков, писателей, певцов и артисток. Сиснерос не говорил о делах, ничего не просил для себя. Он сделал щедрые подарки Марисабель, верно определив её уязвимое место. Нетрудно было догадаться, что Сиснерос рассчитывал на её поддержку в решении «кадровых вопросов».

В самом деле, попытки Марисабель «помочь» Сиснеросу не заставили себя ждать: она по-женски безошибочно выбирала минуту для таких кадровых «ходатайств», выдвигая весомые обоснования: имярек тебе лично предан и профессионально выделяется на общем фоне. Что ещё требуется? Марисабель проявляла настойчивость. Настолько, что со временем у Чавеса зародились сомнения: не является ли вообще вся эта история с появлением Марисабель в его жизни тонко рассчитанным ходом венесуэльских олигархов? Подозрения Чавеса о наличии «пятой колонны» олигархии в правительстве подтвердились после того, как его попытались использовать в коррупционных комбинациях. Однажды к Чавесу обратился министр, который был включён в правительство по рекомендации «некоторых экономических групп». «Итак, явился тот министр со своими друзьями, — вспоминал Чавес, — и сказал мне, что у его друзей имеются перспективные дела на острове Маргарита. Какие-то важные для страны инвестиции, которые могут создать рабочие места и привлечь другие инвестиции. Им нужно было, чтобы мы дали займы несколько миллиардов боливаров, причём под очень низкие проценты. Я им сказал: нет, государственные деньги предназначены не для капиталистов, обращайтесь в частные банки. Деньги из государственных банков (которые, помимо всего, были очень ослаблены и разъедены коррупцией)

будут направлены прежде всего на нужды бедняков и средних слоёв».

Провал первой попытки не обескуражил олигархов. Были предприняты новые хитроумные «подходы», чтобы, используя точное определение президента, «укротить» его. Матёрые ловкачи, развившие коррупционные таланты в годы Четвёртой республики, при каждом удобном случае подсовывали Чавесу хорошо «сформулированные» бумаги с предложением сделок. Они надеялись сыграть на привычной для политических иерархов Венесуэлы струнке — алчности: «Когда они поняли, что простой солдат, каковым я на самом деле являюсь, взял на себя пожизненные обязательства перед народом, тогда они стали говорить: “Смерть Чавесу!” Этап заговоров начался, когда они увидели свой просчёт».

Говоря о «некоторых экономических группах», Чавес имел в виду прежде всего Густаво Сиснероса, действовавшего «тихой сапой» через близких к президенту лиц, в том числе Луиса Микелену. Первое время Сиснерос воздерживался от просьб и заявок, зато в изобилии раздавал комплименты и похвалы «стремительно взошедшей политической звезде», устраивал званые обеды и чествования и одновременно — прощупывал, зондировал, искал уязвимые места. На чём может дать слабину «этот выскочка»? На что он падок? Чавес побывал на приёме, организованном в роскошной, напоминающей дворец эмира вилле Сиснероса в Кантри-Клубе, эксклюзивном районе Каракаса. Об одном из таких приёмов вспоминал политолог Виктор Очоа: «Эт о правда, что Сиснерос всячески пытался проникнуть в правительство, манипулировать им, но не смог. Я отлично помню, как в дни визита президента Китайской Народной Республїки Цзян Цзэмина он пригласил в Венесуэлу Хулио Иглесиаса. Когда в тот вечер Чавес, китайский премьер

и Иглесиас начали петь трио, Сиснерос всячески пытался устроить так, чтобы появиться вместе с ними на фото».

Сиснерос со всеми своими богатствами, подконтрольной прессой, связями в США на самом высоком уровне переоценил своё могущество. Ему не удалось превратить «подполковника» в ещё одну послушную марионетку. После отказа Чавеса идти на компромисс Сиснерос ступил на тропу методичной войны на истощение, подстёгивая и финансируя подготовку заговора против Чавеса. Центральное разведывательное управление США получило в его лице надёжного союзника.

Внешнеполитический курс Чавес с самого первого дня начал прокладывать самостоятельно, без традиционной в Венесуэле оглядки на США. Прежде всего, он решительно пошёл на сближение с Кубой. На Фиделя можно было положиться во всём. Венесуэлец стал регулярно навещать Гавану, вёл с Кастро многочасовые беседы. Враги заявляли, что Чавес «находится под полным влиянием кубинского диктатора», «очарован им», вместе с ним «готовит заговоры против США», «получает конкретные инструкции».

Но «очарование» это было обоюдным. Журналист Игнасио Рамоне спросил однажды Фиделя: «Вы сказали, что чувствуете громадное восхищение Уго Чавесом» — и тот эмоционально подтвердил, что так оно и есть, и назвал Чавеса благородным и исключительно талантливым сыном Венесуэлы, который справедливо гордится своим скромным происхождением — индейскими и негритянскими корнями. Фидель заметил, что всегда с огромным интересом обменивается с Чавесом мнениями и слушает его выступления. Подтверждением этого служит сама книга-интервью Рамоне «Сто часов с Фиделем»(Cien horas con Fidel.

Conversaciones con Ignacio Ramonet. La Habana. Tegsega edicion, 2006.). Достаточно перелистать её, чтобы убедиться: Кастро постоянно ссылается на беседы с Чавесом, аргументируя свои мнения и оценки.

26 октября 2000 года Фидель Кастро прибыл с официальным визитом в Венесуэлу. В оппозиционной прессе тут же появился комментарий: кубинский лидер «приехал соблазнять Чавеса прелестями социалистической модели развития». В очередной раз Фиделю пришлось убеждать, что таких целей он не ставит: «Чавес не является ни коммунистом, ни социалистом, ни марксистом. Это революционер, как Боливар, Марти, Вашингтон и Миранда. Он не является марксистским революционером, я ни разу не слышал от него о том, что он хочет построить в Венесуэле социализм. Чавес — пассионарный человек, как и я. Он всегда настроен на борьбу, на преодоление, он не способен на капитуляцию, и он не кровожаден, не склонен к репрессиям, это человек огромного благородства».

Были подписаны соглашения о сотрудничестве в энергетике, здравоохранении, образовании. Кубинцы согласились помочь в восстановлении сахарных заводов в Венесуэле. Кастро и Чавес подчёркивали: соглашения носят взаимовыгодный характер и направлены на укрепление единства латиноамериканских и карибских стран. Чавес воспользовался случаем, чтобы сообщить о проекте создания энергетического объединения стран региона — Petroamerca. «Мы будем не дарить нефть Кубе, а продавать по международным ценам. Не надо впадать в примитивизм холодной войны, оценивая результаты визита Кастро, — заявил МИД Венесуэлы. — Не стоит возводить железный занавес вокруг острова, сейчас наступило время диалога, расширения контактов, в Европейском союзе все страны

поддерживают дипломатические и торговые отношения с Кубой».

Чавес и Кастро подвергли критике процессы глобализации по-американски и доктрину неолиберализма, которая самым разрушительным образом сказалась на экономике латиноамериканских стран.

Во время визита Кастро были приняты повышенные меры безопасности, поскольку в Венесуэле нашли себе второй дом более двадцати тысяч кубинцев, бежавших с острова после победы революции. В их среде действовали экстремистские группы, использовавшие террор против кубинских учреждений и представителей Кубы. Именно в Венесуэле в 1976 году была задумана, а потом осуществлена на Барбадосе диверсия на самолёте кубинской авиакомпании. Бомба взорвалась над морем, погибли все пассажиры и члены экипажа.

Кастро дал Чавесу советы по технике «президентской безопасности»: никогда не сообщать заранее о своих маршрутах, не рисковать понапрасну, участвуя в митингах и манифестациях без надлежащей охраны, тщательно проверять лояльность телохранителей. «Будь настороже, — предупредил Фидель, — против тебя “гусанос” готовят серьёзную акцию». После этого разговора было подписано ещё одно соглашение — секретное: о подготовке на Кубе сотрудников службы охраны из числа надёжных венесуэльских военных.

С ноября 2000 года Венесуэла стала основным поставщиком нефти на остров (Соглашение о сотрудничестве между Венесуэлой и Кубой было подписано У. Чавесом и Ф. Кастро 30 октября 2000 года. В развитие этого соглашения 22 ноября того же года был заключён контракт о поставках на остров углеводородов в размере 53 тысяч баррелей ежедневно сроком на пять лет. Условия контракта были

равноценны тем, которые Венесуэла подписала со странами Центральной Америки и Карибского бассейна. Поставки на Кубу начались в декабре 2000 года и осуществлялись в нормальном режиме до 11 апреля 2002 года — дня антиправительственного переворота в Венесуэле.). Фидель Кастро знал, как трудно принимались в PDVSA решения такого рода. Куба испытывала немалые трудности в обеспечении своей экономики энергоресурсами. Блокада, установленная Соединёнными Штатами, была безжалостной, Россия, наследница СССР, утратила интерес к бывшему стратегическому союзнику в Западном полушарии. Её руководство почти уверилось в том, что «режим Кастро» обречён. Чавес видел свой революционный долг в помощи Кубе. Однажды, когда об этом зашла речь, Фидель сказал Чавесу: «Я знаю, что у тебя сейчас много трудностей. Мы можем подождать с нефтью, у нас хватит запаса прочности».

Западной пропагандой распространялся тезис о том, что Фидель «использует» Чавеса, добиваясь от него спасительных для островной экономики нефтепоставок. При этом договорный объём поставок в 53 тысячи баррелей в день враждебной пропагандой «завышался» до 80, 90, а то и 100 с лишним тысяч баррелей. Постоянно эксплуатировался тезис о том, что кубинцы «перепродают» излишки нефти для получения твёрдой валюты. Оппозиция направила главному прокурору запрос по поводу неправомочных действий Чавеса, наносящих ущерб национальному достоянию, и вообще «незаконности» Интегрального соглашения о сотрудничестве с Кубой, заключённого 30 октября 2000 года.

Отношение США к энергетическому сотрудничеству Венесуэлы с Кубой было резко враждебным: Каракас субсидирует диктаторский режим Кастро! Чавес не обращал внимания на эти выпады. Более того, он

предпринял грандиозное турне по странам, входящим в ОПЕК. В руководящих кругах США поднялась буря негодования, когда Чавес нанёс визит в Багдад. Это был первый визит иностранного президента в Ирак после войны 1991 года. Мировые СМИ облетела «картинка»: Чавес рядом с Саддамом Хусейном, лично управляющим «мерседесом».

Визит Чавеса в Иран носил демонстративно дружеский характер. Иранцы были тронуты словами солидарности, которые прозвучали в речах Чавеса, искренней готовностью развивать связи. В Тегеране был возведён монумент Симону Боливару, в его честь назвали одну из столичных магистралей — улица Либертадора (Освободителя). «Сумасшедший венесуэлец решил подразнить Вашингтон и обязательно поплатится за это» — такими были отклики искушённых политиков и журналистов, хорошо знающих, что Империя умеет наказывать за непослушание. Так, как случилось, например, с панамским президентом Мануэлем Норьегой...

Со времён диктатора Хуана Гомеса американские компании безраздельно хозяйничали на нефтяных месторождениях Венесуэлы. Диктатор не слишком хорошо понимал, каким богатством наделила природа его огромную «асьенду», и по дешёвке продал «экскременты дьявола» (так называли нефть индейцы) предприимчивым янки. На протяжении XX века Вашингтон считал «чёрное золото» этой южноамериканской страны своим стратегическим резервом. Никакие серьёзные конкуренты не допускались.

В годы Второй мировой войны значительная часть боевой техники американцев заправлялась венесуэльским бензином и керосином. Появление нацистских субмарин в территориальных водах Венесуэлы и острова Кюрасао, где действует крупный

нефтеперегонный завод, послужило предлогом для укрепления системы военных баз в Карибском бассейне и на восточном побережье Южной Америки. Охотой за нацистскими шпионами и саботажниками занимались ФБР, получившее соответствующие полномочия от президента Рузвельта, и военная разведка США. Американские агенты не обнаружили в Венесуэле диверсантов Гитлера, но зато получили беспрепятственный доступ во все нефтеносные регионы страны. Какие могут быть секреты между союзниками! После войны американские разведчики без работы не остались. Они начали бороться с «советской угрозой»! Из Каракаса в Вашингтон пошли тревожные депеши: венесуэльские коммунисты, которых подстрекает Москва, готовят диверсии на нефтяных предприятиях! В самый разгар этой кампании, в августе 1946 года, советский посол Фома Требин совершил поездку в Сулию, главный нефтяной штат Венесуэлы. Было много протокольных мероприятий, встреч с журналистами, торжественных обедов и ужинов. В честь гостя губернатор штата Фелипе Эрнандес организовал приём в салоне «Яхт-клуба». Венесуэлец произнёс речь, в которой с восхищением отозвался о решающей роли СССР в минувшей войне, его достижениях в мирном строительстве, признанном авторитете генералиссимуса Сталина.

Можно с уверенностью сказать, что в этой поездке комплексы североамериканских компаний «Креоле» и «Мене Гранде» советские дипломаты видели только мельком и издали. Они даже не подозревали о масштабах шпионско-нефтяной паранойи американцев. Отчёты агентов ФБР были использованы отделом по нефтяным делам Госдепартамента США в подготовке секретного циркуляра, в котором поездку Требина связали с подготовкой диверсионных акций по дезорганизации системы нефтепоставок в США.

Для подтверждения этого тезиса американские агенты (с 1947 года — ЦРУ) охотно использовали любые слухи и выдумки. Самую настоящую панику вызвали в Вашингтоне «сведения», полученные от одного из информаторов. Он сообщил, что после завершения работы Межамериканской конференции в Боготе «по указанию» из Москвы будет совершён ряд диверсий на нефтяных объектах страны, и предложил провести операцию по проникновению в посольство СССР с целью похищения мифического «сверхсекретного плана развёртывания советского саботажа в Венесуэле». По словам информатора, ситуация стала критической, поскольку в подвалах «красной миссии» хранятся ящики с оружием и взрывчаткой, которые вот-вот будут переданы диверсантам.

В 1952 году резидентура ЦРУ добилась разрыва дипломатических отношений Венесуэлы с Советским Союзом через своего агента. Агент — шеф тайной полиции Педро Эстрада — был награждён американским орденом. В Вашингтоне вздохнули с облегчением: матёрые советские диверсанты и саботажники убрались из страны, наша венесуэльская нефть в безопасности! Новые проблемы возникли в 1970-х годах, когда Венесуэла решила национализировать углеводороды. Вот когда пришлось по-настоящему напрячься сотрудникам ЦРУ, чтобы не допустить реформистских «перегибов» и снижения динамики энергопоставок в США. В государственной нефтяной компании Венесуэлы (PDVSA) активно обновлялась агентура ЦРУ, её заслуги щедро поощрялись.

В 1983 году разразился скандал: в Каракасе арестовали четверых ответственных сотрудников PDVSA, ещё шестеро успели сбежать в Соединённые Штаты. Эта «шпионская группа», как их окрестила пресса, имела доступ к секретной информации, которую

продавала «на сторону». Следственные органы Венесуэлы установили, что руководители группы имели контакты с посольством США. Но эти факты замяли. Объяснялось это тем, что в феврале 1984 года приступил к исполнению президентских обязанностей Хайме Лусинчи, который не хотел конфликтовать с американцами. Следствие ограничили строгими рамками: участники «группы» всего лишь мошенники, которые использовали служебное положение для обогащения, нет никаких оснований для их обвинения в передаче национальных нефтяных секретов «иностранцам».

Неолиберальные веяния 1980-х годов захватили и Венесуэлу. В руководящих политических верхах и среди «меритократов» PDVSA стали готовиться к приватизации компании. Делали это постепенно, поэтапно, приучая венесуэльцев к «назревшей необходимости» передать нефтяную отрасль в частные руки. «Агенты влияния» США своими публикациями, дискуссиями и «круглыми столами» формировали у венесуэльцев искажённое представление о PDVSA: мол, госкомпания нерентабельна и становится обузой для государства.

В 1996 году для модернизации информационно-технического обслуживания PDVSA «меритократы» привлекли североамериканскую корпорацию SAIC (Science Applications International Corporation), которой открыли доступ ко всей конфиденциальной информации компании. Через спутниковую связь американские эксперты беспрепятственно получали сведения о готовящихся сделках, текущих доходах, ценовой политике, имеющихся резервах и т. п. Венесуэльский публицист Хосе Сант Рос, автор книги «ЦРУ в Венесуэле» (2004), назвал некоторых администраторов SAIC: бывшие министры обороны США Уильям Перри и Мелвин Лэйрд, эксдиректора ЦРУ Джон

Дейч и Роберт Гейтс, генерал Яспер Уэлч (бывший координатор Национального совета безопасности), адмирал Рэй Инман, бывший директор Национального агентства безопасности. Эту специфическую компанию «технократов плаща и кинжала» трудно заподозрить в симпатиях к боливарианскому правительству. Но отказаться от «контракта» с SAIC стало возможно только после провалившейся забастовки «меритократов» на рубеже 2002–2003 годов, когда новое руководство компании выявило на нефтяных предприятиях PDVSA факты саботажа с помощью электронных сигналов, отданных через спутниковую связь с территории США.

Конечно, после всех усилий Империи по установлению безраздельного контроля над венесуэльской нефтью энергетическая политика, проводимая Чавесом, не устраивала администрацию Белого дома. Посол Джон Майсто направлял в Госдепартамент телеграммы «успокаивающего» содержания, основываясь на «сигналах», поступавших из ближайшего окружения Чавеса. Лейтмотив этих депеш был такой: «Новоизбранный президент не может обойтись без традиционной для венесуэльских политиков демагогической риторики. Серьёзных проблем для интересов национальной безопасности США Чавес не представляет. Бесперебойные поставки нефти гарантированы».

Убеждённость Майсто в том, что президент Венесуэлы находится под плотным контролем и ему «не дадут» совершить ошибочные шаги, подкреплялась тем, что на некоторых ключевых постах в его правительстве находились лица, не разделяющие антиамериканскую позицию.

Да и сам Чавес о характере отношений Венесуэлы с Соединёнными Штатами в 1999–2000 годах отзывался положительно: «С Биллом Клинтоном я поддерживал,

скажем так, нормальные связи, от президента к президенту, от правительства к правительству. Не было никаких трений в течение двух лет... Трижды мы вели беседы о нефти, наркотрафике, проблеме колумбийских партизан, о свободе слова и почти всегда приходили к какому-либо согласию»(Из интервью Радио Перу. Лима, 19 июля 2005 года.). И ещё: «Я всегда ставлю в пример президента Клинтона. Спорные проблемы с Клинтонем? Они у нас возникали, но никогда не было ни малейшей агрессии: ни с американской, ни с нашей стороны»(Из телепрограммы У. Чавеса «Алло, президент!» от 4 сентября 2005 года.).

Приход к власти в США администрации Дж. Буша-младшего, связанного с ультраправыми политическими силами, привёл к резкому ухудшению двусторонних отношений, постоянным «накатам» Вашингтона на Каракас. Стычки происходили по многим проблемным темам. В отсутствие договорённостей американцы обвиняли Чавеса(Отказ У. Чавеса в предоставлении американским ВВС права на осуществление контроля воздушного пространства над территорией Венесуэлы (под предлогом борьбы с наркотрафиком) стал для Вашингтона ещё одним доказательством его «враждебного отношения» к развитию двусторонних отношений.). Раздражение команды Буша определялось, в частности, тем, что прежде Венесуэла никогда не проявляла «строптивости», всегда была в «передовой группе» поддержки американских инициатив на континенте и в других регионах мира.

«Ястребы» в администрации Буша, преисполненные азартного стремления к установлению нового мирового порядка «однополюсного типа», рассматривали операцию по ликвидации «авторитарного режима» в Венесуэле как, в принципе, не слишком сложную. Проведение её было бы с лихвой вознаграждено установлением полного контроля над венесуэльской

нефтью. Первые шаги к этому уже были сделаны раньше: курс на «интернационализацию» нефтяного комплекса Венесуэлы проводился при активной поддержке «меритократов» PDVSA. Отстранение Чавеса от власти было необходимым условием для завершения нефтяной комбинации по модели «было ваше, стало наше».

Подготовка к свержению Чавеса началась без проволок. «Зелёный свет» был дан для проведения широкого комплекса мер по дестабилизации, среди которых ведущее место занимала компрометация президента Венесуэлы. Надо ли говорить, что подобный опыт у соответствующих ведомств США был изобильным: Фидель Кастро, Саддам Хусейн, Мануэль Норьега, Ким Ир Сен, Слободан Милошевич, Владимир Путин — список «сатанизированных» лиц можно продолжать и продолжать.

Чавес был удобной целью с точки зрения американских «спецов», поскольку «по внешнему типу» напоминал военных диктаторов недалёкого прошлого Латинской Америки.

Глава 15

НОВАЯ КОНСТИТУЦИЯ И ТРАГИЧЕСКИЙ ДЕКАБРЬ 1999 ГОДА

С первых дней правления Чавес начал осуществлять левоцентристскую программу построения общества социальной справедливости, искоренения нищеты (в то время за порогом бедности жило 87 процентов населения), безработицы и сопутствующих им социальных пороков.

Воздерживаясь от резкой критики базисных устоев капитализма, Чавес тем не менее призывал покончить с доминировавшей в Венесуэле неолиберальной моделью развития. Выход из экономических и социальных трудностей он видел в оптимальном использовании богатейших природных ресурсов страны, подъёме пришедшего в упадок сельского хозяйства, диверсификации промышленности, отказе от «нефтеэкспортной» модели экономики. В этом процессе, считал президент, государство должно играть активную направляющую роль.

Для осуществления этой программы и модернизации государственной системы новая конституция была жизненно необходима. Первый год президентства Чавеса был посвящён выработке и принятию нового Основного закона.

Днём рождения Пятой республики стало 15 декабря 1999 года. Страна получила новое название — Боливарианская Республика Венесуэла. Оппозиционные аналитики раскритиковали новую конституцию. По их мнению, она имела «чрезмерно этатистский характер».

В числе недостатков конституции упоминались также её политизированность и декларативность.

Новый Основной закон во многом соответствовал заявленным Чавесом реформистским задачам. Он придавал значительно больше динамики взаимоотношениям законодательной и исполнительной власти. Двухпалатный парламент был реорганизован в однопалатную Национальную ассамблею, появились разделы о референдумах, о создании двух новых ветвей власти — моральной и электоральной. Президентский срок был увеличен до шести лет с возможностью переизбрания, а президент получил право на назначение своего «вице».

Впервые за последние десятилетия военнослужащие получили доступ к избирательным урнам. Конституция расширила диапазон участия военных в политике и, следовательно, стала инструментом укрепления доверия между гражданским сообществом и армией. Индейцы получили все права как полноценные граждане. В совокупности всё это выводило Боливарианскую конституцию 1999 года на передовые рубежи не только в Латинской Америке, но и во всём мире.

Оппозиция долгое время «не любила» эту конституцию, считала её сделанной «под Чавеса». Только его попытка модифицировать Основной закон под задачи построения «Социализма XXI века» побудила античавистов сплочёнными рядами выступить на её защиту.

Декабрь 1999 года... Годовщина победы на президентских выборах и принятие новой конституции были омрачены страшной природной трагедией, на которой потом долго спекулировали недобросовестные оппозиционеры.

Несчастье обрушилось на штат Варгас. Он протянулся по горным склонам вдоль побережья

Карибского моря. Столицей штата является портовый город Ла-Гуайра. За ним расположились курортные городки — Макуто, Найгуата и другие, в которых можно было комфортно и недорого отдохнуть. Там же находились частные яхт-клубы и роскошные отели. На протяжении десятилетий в выходные и праздничные дни эта зона была излюбленным местом отдыха столичных жителей. Когда нет большого трафика, от Каракаса до берега моря можно добраться за 25–30 минут.

Трагедия разыгралась 16 декабря 1999 года. Поначалу безобидный дождь перешёл в затяжной ливень, который сутки поливал склоны прибрежного хребта и вызвал сели, каменные обвалы, обрушения катастрофических масштабов. Мелкие горные речушки превратились в бурные грязевые потоки, легко швыряющие огромные валуны. Они сметали со склонов бедняцкие ранчо, обрушивались на курортные города и посёлки. На их месте образовалось обезлюженное пространство: руины домов, вздыбленный асфальт, горы камней. Без преувеличения можно сказать, что вся береговая инфраструктура перестала существовать.

Когда в Мирафлорес поступили первые сведения о трагедии, счёт погибших уже шёл на сотни. Как часто бывает в подобных случаях, в зоне бедствия началось мародёрство. Для оказания помощи пострадавшим, эвакуации людей и наведения порядка Чавес направил в Варгас воинские подразделения, а также полицию и сотрудников DISIP. На Хесуса Урданету, начальника DISIP, Чавес особенно полагался. Он человек жёсткий, ответственный, способный сохранять самообладание в самых неблагоприятных обстоятельствах. Президент доверял ему как себе: Урданета стоял у истоков боливарианского движения, давал клятву под Саманом Гюэре, последним сложил оружие 4 февраля. Хесус не подведёт.

Его первые телефонные отчёты о положении в Варгасе обнадёживали: да, тяжело, много жертв, разрушения огромны, стихия по-прежнему бушует, жители в панике, криминальные элементы бесчинствуют, но мы берём ситуацию под контроль. Как позже выяснилось, Урданета сильно преувеличивал успехи в наведении порядка. Не исключено, что он стал жертвой дезинформации: его подчинённые были «унаследованы» от Четвёртой республики и полностью доверять им не следовало.

Так или иначе, но это промедление в наведении порядка позволило оппозиции обвинять Чавеса в «пренебрежении» трагедией Варгаса: «Праздновал годовщину прихода к власти и бросил народ в беде!» События декабря поставили точку на дружбе Чавеса и Урданеты. Каплей, переполнившей чашу терпения президента, стал инцидент с докладом о «поведении» агентов DISIP в драматические дни 15–20 декабря, когда в преступных действиях были уличены сотрудники спецслужбы. Урданета должен был подготовить подробный отчёт об этом, но под любыми предлогами оттягивал неприятную обязанность, чтобы оградить кадры от уголовного преследования.

Но были и другие основания для разрыва отношений. Коррупция в DISIP к этому времени достигла апогея. С проведением чистки тайной полиции, на чём настаивал Чавес, Урданета не торопился. Более того, он ориентировал её работу на «освещение» деятельности в первую очередь «левых марксистов-экстремистов». Шеф DISIP всегда относился к ним враждебно и оспаривал позицию президента, который, наоборот, считал своими естественными союзниками партии и организации «левее центра», а врагами тех, кто находился «правее центра».

Урданета знал, что идея подготовки доклада о действиях спецслужб в Варгасе исходит от министра

иностранных дел Х. В. Ранхеля («за рубежом раскрывают кампанию по дискредитации правительства из-за событий в этом штате»). В резкой, на грани вызова, форме Урданета задал Чавесу вопрос о том, какие меры были приняты по недавнему докладу DISIP о «коррупционных действиях» министров Ранхеля и Микелены. Фактически это был шантаж. Чавес всегда остро реагировал на любые формы давления. Рассказывали, что он встал из-за стола, подошёл к Урданете, положил руку ему на плечо и сказал: «Брат Хесус, я не думаю, что мы достигнем согласия таким путём».

В тот же день Урданета был смещён, а на его место назначен капитан Элизер Отайса, не раз доказывавший личную преданность Чавесу. Распоряжение президента по расследованию действий DISIP в штате Варгас Отайса был готов выполнить любой ценой, хотя понимал, что его ожидали большие трудности из-за корпоративной солидарности агентов, использования ими оперативных псевдонимов, неприятия многими из них «симпатий к марксизму» на самых верхах правительства. Отайса привлёк к расследованию военную контрразведку (DIM), что, конечно, было воспринято «дисиповцами» как предательский акт со стороны нового начальника.

Честь правительства в Варгасе спасла 42-я бригада Рауля Бадуэля. Ему потребовались сутки, чтобы стабилизировать обстановку в зоне бедствия, пресечь вакханалию грабежей и насилия. Его парашютисты оказывали помощь людям, потерявшим жильё. Тысячи человек были размещены в полевых палатках, получили питание, питьевую воду. Правда, оппозиция и тут нашла, в чём упрекнуть правительство и Бадуэля. Высказывались претензии по поводу «превышения власти» и «нарушения прав человека». Чавес

проигнорировал обвинения. Выглядеть «слабым президентом» он не хотел.

Авторитет Бадуэля в глазах Чавеса вырос: вот на кого можно положиться в экстремальных случаях. Росту популярности командира 42-й бригады способствовали телевизионные репортажи. Трогательные сцены: Бадуэль обнимает спасённого старика, протягивает мальчишке булку хлеба, посещает санитарную палатку с пострадавшими людьми — всё как полагается, армия помогает народу.

Соединённые Штаты предложили свою помощь в ликвидации последствий катастрофы в Варгасе: перебросить инженерные части с необходимой техникой для расчистки завалов. Чавес выразил благодарность, но отказался принять их: справимся своими силами. Вместе с тем он разрешил приезд в зону бедствия кубинским медикам. Не менее 230 специалистов вели работу по оказанию первой помощи раненым, предупреждению эпидемических заболеваний.

В соответствии с новым Основным законом нужно было заново избрать президента и парламент. В стране стартовала избирательная кампания. Чавес верил в свою победу, рассчитывал на завоевание большинства мест в парламенте. Теперь всё должно было пойти по-другому. Он не допустит в правительство саботажников и скрытых предателей, расставит на ключевые посты в госаппарате преданных ему людей.

В начале февраля 2000 года сторонники Чавеса отпраздновали восьмую годовщину февральского восстания. Президент заявил: «Наши жертвы не были напрасными». Другой точки зрения придерживались некоторые из его недавних соратников. В день 4 февраля в городе Коро (штат Фалькон) было организовано «альтернативное» празднование, в котором приняли участие Хесус Урданета, не

примирившийся с тем, что Чавес росчерком пера отправил его в «политическое небытие», полковник Джоэль Акоста Чиринос, один из основателей «Движения Пятая Республика», а также Франсиско Ариас, губернатор штата Сулия. Прибрежный город Коро был выбран для политического «демарша» не напрасно: в его окрестностях в XIX и XX веках не раз начинались различные освободительные «экспедиции».

Главная претензия к Чавесу экс-соратников, командиров 4 февраля 1992 года, состояла в том, что он «позволил» гражданским политикам «узурпировать» революцию, организованную ими, военными. Урданета вновь набросился с критикой на ближайших помощников президента — Хосе Висенте Ранхеля и Луиса Микелену.

Ответ Чавеса был политически взвешенным. Он выразил сожаление по поводу действий прежних соратников, поблагодарил их за вклад в победу Боливарианской революции и с высоты её новых задач разъяснил друзьям-диссидентам очевидное: время изолированных конспиративных групп миновало, боливарианское правительство неустанно трудится в интересах всех венесуэльцев.

Раскол в стане боливарианцев породил слухи о возможности военного переворота. Но они раздувались искусственно. Главным сюжетом политических баталий в феврале — мае 2000 года были выборы в соответствии с новой Боливарианской конституцией. Венесуэльцы должны были избрать президента, 165 депутатов Национальной ассамблеи, губернаторов 23 штатов и несколько десятков алькальдов — городских руководителей.

В борьбе за пост президента главным конкурентом Уго Чавеса стал Франсиско Ариас. Он был популярен в Сулии, своём родном штате, но в других регионах страны обладал меньшим уровнем поддержки.

Компенсировать отставание в президентской гонке Ариас пытался с помощью «личностных» выпадов в адрес соперника. Самыми обидными были намёки на «тревожное психическое здоровье» Чавеса, его «чудовищный эгоцентризм», «явную неспособность» управлять страной.

Публичная реакция Чавеса на подобные выпады была острой и безапелляционной. Но «за кулисами» он старался не рвать окончательно с теми, кто стоял у истоков боливарианского процесса, его собственной революционной биографии. Чавес выдерживал паузу, чтобы негативные эмоции притихли, и находил подходящий повод для зондирующего (примирительного) звонка. Так было со многими, так было и с Ариасом. Какой бы остроты ни достигала их полемика, они иногда встречались и, «не поступаясь принципами», обсуждали текущие политические процессы. Ариас дважды побеждал на выборах губернатора штата Сулия (в 1995 и 1998 годах). Потом пошли поражения. После нескольких лет политических провалов Ариас решил вернуться в команду Чавеса. Вначале он был назначен послом в ООН, затем получил пост заместителя министра иностранных дел по странам Латинской Америки и Карибского бассейна.

В рядах «Движения Пятая Республика» завязалась нешуточная борьба за выдвижение кандидатами на должности губернаторов и алькальдов. Луис Микелена пытался добиться сбалансированного соотношения между «гражданскими» и «военными» кандидатами. Обиженных претендентов было много, и они начали атаку на Микелену, обвиняя его в различных грехах — от коррупции до nepотизма. Чавес поддержал Микелену, объявив его «незаменимым членом правительства».

Проведение всеобщих выборов планировалось на 28 мая 2000 года. Однако Чавес настоял, чтобы их

перенесли на 30 июля. Основанием для этого стала плохая подготовленность избирателей к голосованию электронными карточками по новой системе (Избирательный процесс проводился с использованием электронного оборудования, которое было закуплено Венесуэлой у испанской фирмы «Индра».).

На выборах Чавес одержал бесспорную, ошеломившую оппозицию, победу, получив 59 процентов голосов. За Ариаса проголосовало 38 процентов венесуэльцев, пришедших к урнам. Чависты добились победы в парламенте — 93 места из 165. Более половины губернаторских постов были завоёваны сторонниками Чавеса. Алькальдом Каракаса тоже стал чавист. За ходом голосования следили 250 иностранных наблюдателей. Большинство из них — от Организации американских государств (ОАГ) и Центра Картера. Серьёзных сбоев и нарушений наблюдатели не выявили, выборы были признаны состоявшимися.

Разумеется, перспектива шестилетнего правления Чавеса, которому оппозиция уже навесила ярлык «сумасшедшего», была встречена венесуэльской олигархией враждебно. Ничего хорошего от него теперь не ждали: он всё чаще «предостерегал» бизнесменов, призывал их «делиться» доходами с народом, грозил землевладельцам высокими налогами, а в перспективе — изъятием пустующих земель. А его заявления о продолжении в стране «мирной революции» и обещание вечной дружбы с Кастро? Или указ об увеличении минимальной зарплаты в стране на целых 20 процентов? Популизма всё больше, порядка всё меньше! Надо спасать капиталы и спасать Венесуэлу! (По неофициальным данным, за первые два года президентства У. Чавеса богатые венесуэльцы перевели за границу более восьми миллиардов долларов.) В те апофеозные для Чавеса дни мультимиллионер Сиснерос

покаялся сделать всё, что в его силах, чтобы максимально «урезать» президентский срок неподкупного «подполковника». Сиснерос стал главным (закулисным) лидером оппозиции. Чавес довольно быстро разобрался в том, кто именно стоит за поэтапной дестабилизацией в стране, но объявил об этом во всеуслышание только в дни «нефтяной забастовки» конца 2002-го — начала 2003 года, назвав Сиснероса «фашистом», «путчистом», «главным ответственным за то, что происходит в Венесуэле»: «Господин Густаво Сиснерос заявлял там, на кое-каких собраниях, в других частях света, что он не успокоится, пока Уго Чавес не уйдёт с поста или не умрёт. Но господин Сиснерос ошибается, могут пройти тысячи лет, он может выбросить все свои деньги, может привлечь все свои связи в мире, но здесь речь идёт не об Уго Чавесе, здесь речь идёт о народе и о стране, которая зовётся Венесуэла! Так что мы, боливарианцы, мы, революционеры, не боимся угроз никакого олигарха, сколько бы денег у него ни было и какой бы властью он, по его мнению, ни обладал».

В то время Чавеса больше всего беспокоило положение дел в нефтяной отрасли. Государственная компания PDVSA за годы Четвёртой республики приобрела такую степень «самостоятельности» и «независимости» от правительства, что получить достоверную информацию о положении дел в ней было невозможно. Компанию узурпировало её руководство, причём создавалось впечатление, что оно больше ориентировалось на интересы Соединённых Штатов, чем Венесуэлы.

«Это самое настоящее государство в государстве, — мрачно констатировал Чавес, обсуждая ситуацию с министром энергетики Али Родригесом. — Меня не посвящают в дела PDVSA под самыми смешными предложениями. Я не могу связаться с управляющими

компания, они постоянно отсутствуют. На мои запросы они сообщают заведомо искажённую информацию, указывают на нерентабельность отрасли, отсутствие инвестиций, необходимость дальнейшей интернационализации. Так называемая “интернационализация” — всего лишь хитрый приём для вручения PDVSA иностранным компаниям. “Меритократы” создают для этого необходимые условия. Поступления в госказну от продажи нефти за последние годы постоянно сокращаются. Среди государственных компаний в Латинской Америке мы стоим на последнем месте по рентабельности. Поставки нефти в США сопровождаются неоправданными льготами и попутно — лазейками для махинаций. Если будем медлить, страна останется без главного источника существования. Необходимо положить этому конец».

Али Родригес был согласен с президентом по всем пунктам претензий к PDVSA. Его собственные отношения с руководством компании были ничем не лучше. «Олигархическая нефтекратия» держала министра энергетики на скудном информационном пайке, сама решала, что ему можно знать, а что нет. Попытки министерства провести ревизию в компании наткнулись на глухое сопротивление. «Нефтекраты» провоцировали недовольство рабочих и служащих, что привело к первой крупной забастовке в этой стратегически важной отрасли в период президентства Чавеса.

Чтобы нормализовать обстановку в PDVSA, Чавес отправил в отставку её президента Эктора Сиавальдини и в октябре 2000 года назначил президентом компании генерала Гуайкай-пуро Ламеду, прежде не имевшего отношения к нефтяной отрасли. Ламеда был выпускником Военной академии (1974), проходил стажировку в Тихоокеанском университете (США,

Калифорния), где получил диплом инженера. Позднее были курсы при Генеральном штабе и Высшей школе командного состава ВС США, работа в министерстве обороны Венесуэлы и руководство правительственным бюджетным управлением. Назначение на пост президента PDVSA Ламеда описал так: «Однажды Чавес позвонил мне в управление и сказал: “Нам надо переговорить. Немедленно приезжай ко мне в ‘Касону’ ” — и бросил трубку. Я тут же отправился в резиденцию президента. Каково было моё удивление, когда Чавес сказал мне буквально следующее: “Я нуждаюсь в твоей помощи. Для меня ты — лучший кандидат на пост главы PDVSA”. Конечно, я не стал его спрашивать, почему он выбрал именно меня».

Вспоминая о Чавесе тех лет, Ламеда старался быть объективным: «Я с уважением относился к нему как к человеку, способному сочувствовать и сопереживать. Он искренне стремился к тому, чтобы помочь беднякам выбраться из ситуации нищеты и отверженности. Им был разработан план действий, который казался мне полезным и удачно составленным. Я поддержал его. Стратегия была направлена на то, чтобы восстановить (справедливые) цены на нефть и сохранять их на достаточно высоком уровне в течение, по меньшей мере, трёх лет. За этот период мы могли бы инвестировать нефтяные сверхдоходы в различные сферы экономики. Второй задачей была модернизация государства: управленческий аппарат нужно было сократить, повысить его эффективность, покончить с коррупцией. Третьим элементом плана было привлечение вооружённых сил сроком на год для решения назревших социальных проблем. Вовлечение армии позволило бы показать, что правительство озабочено даже самыми малыми народными требованиями и проблемами. Эта идея принадлежала

Чавесу, который присвоил ей название “План Боливар 2000”».

Как показали дальнейшие события, Ламеда сохранял лояльность президенту только до определённого момента. Он не разделял боливарианской программы Чавеса. С первых же дней в PDVSA Ламеда стал ориентироваться на сотрудников с правоконсервативными взглядами, которые не скрывали своей оппозиционности. Участились встречи Ламеды с «критически настроенными» генералами из высшего армейского командования — Эфраином Васкесом, Мануэлем Росендо и другими. Новый президент PDVSA не одобрял «прокубинских тенденций» Чавеса, хотя на первых порах воздерживался от полемики с ним по этому вопросу. Дружба с кубинцами, был уверен Ламеда, рано или поздно приведёт к конфликту с Соединёнными Штатами, главным потребителем венесуэльских энергоресурсов.

Под различными «служебными» предложениями контакт с Ламедой поддерживали представители посольства США. Они поощряли и по возможности «корректировали» его работу в PDVSA. Американцы не скрывали, что они заинтересованы в скорейшем разрыве энергетических соглашений с Кубой, выходе Венесуэлы из ОПЕК, отказе от принятия нового закона по нефти и газу.

В апреле 2001 года Чавес вновь проявил свой бойцовский характер на международной арене. Выступая на Третьем саммите стран Западного полушария в Квебеке (по настоянию США Куба не была допущена), Чавес пошёл «вразрез» со сценарием, который был подготовлен Вашингтоном для «единодушного» одобрения латиноамериканскими и карибскими президентами сроков и параметров создания Межамериканской зоны свободной торговли

(ALCA)(ALCA — Brea de Libre Comercio de las Americas.). Чавес призвал пересмотреть заявленные в итоговом документе цели: «гигантская асимметрия в уровне социально-экономического развития стран региона» — есть и будет главным препятствием для успеха такой интеграции.

В гордом одиночестве Чавес пошёл на диссонирующий поступок: итоговый документ саммита он единственный подписал с оговорками, выразив несогласие с намеченной в нём хронограммой создания ALCA. Заявленный на саммите 2005 год выглядел нереальным сроком, а спешка Вашингтона в реализации проекта казалась Чавесу подозрительной. Создавалось впечатление, что американцы изо всех сил стремятся загнать страны Латинской Америки в проект, где доминирующая роль будет принадлежать Соединённым Штатам. Цель, как всегда, вдохновляющая и альтруистичная: достижение в Западном полушарии всеобщего процветания и благоденствия. На самом деле ALCA, по мнению не только Чавеса, но и других латиноамериканцев, была неокOLONиальной ловушкой! Чавес вспоминал, что «за кулисами» форума многие делегаты поздравили его с мужественным поступком, отказом «плыть по течению»: «В то время я практически в одиночку сопротивлялся диктату США в Западном полушарии, никто из моих коллег не хотел ссориться с американцами».

О неокOLONиальном подтексте интеграции по «проекту США» предупреждал латиноамериканцев Фидель Кастро. Тенденция неприятия ALCA постепенно вызревала в Бразилии, где считали проект миной замедленного действия под интеграционные процессы в Южной Америке. Инициатива Чавеса была очень кстати: особое мнение Венесуэлы стимулировало новые дискуссии и дебаты вокруг злободневной проблемы.

Глава 16

ПЕРВЫЙ ВИЗИТ В МОСКВУ

В начальный период своего президентства Чавес воздерживался от радикальных заявлений на международные темы, приглядывался, изучал обстановку в мире. Только в 2000 году, после второй избирательной кампании, внешняя политика Чавеса обрела конкретные очертания. В «Плане экономического и социального развития на 2001–2007 годы» подчёркивалось, что Венесуэла намерена бороться за построение многополярного мира и создание взаимовыгодных альянсов с такими странами, как Китай, Россия, Индия, Франция, за укрепление отношений с нефтедобывающими государствами Азии и Африки. Особо выделялось развитие союзнических отношений с Кубой, вопреки попыткам Вашингтона помешать этому. Помощь Кубы могла стать решающей для выживания Боливарианской революции.

Планом предусматривалось, что связи с Соединёнными Штатами будут ориентированы на торгово-экономическую сферу, с акцентом на энергетику. В число важных направлений во внешней политике были включены соседи Венесуэлы — Колумбия, Бразилия, страны Карибского бассейна.

Для себя Чавес неизменно выделял развитие отношений Венесуэлы с Россией. В беседах со своими министрами иностранных дел (они менялись часто) он всегда подчёркивал, что для России восстановление статуса мировой державы — вопрос времени. Венесуэла должна последовательно налаживать многовекторные связи с этой далёкой евразийской страной, без которой

невозможно построение сбалансированной международной системы.

Послом в Россию Чавес назначил Франсиско Мьереса. Министр иностранных дел Луис Альфонсо Давила считал, что на этом посту интересам Венесуэлы более соответствовал бы «карьерный дипломат с опытом работы в западных странах». Давила мотивировал свою позицию тем, что Россия стала капиталистической страной и что даже Куба полностью изменила свою политику на российском направлении. Переубедить президента не удалось.

Мьерес вручил верительные грамоты Владимиру Путину 9 ноября 2000 года. Президент России заявил, что удовлетворён динамикой политического диалога между Москвой и Каракасом, взаимодействием в экономической сфере, особенно по нефтяной и энергетической проблематике. Личное знакомство Уго Чавеса и Владимира Путина состоялось в сентябре 2000 года в Нью-Йорке, в дни работы «Саммита тысячелетия». Путин «интуитивно вычислил родственную душу», — метко заметил кто-то из политологов. Тогда-то и была затронута тема придания двусторонним межгосударственным отношениям нового импульса. Через некоторое время в Каракас пришло приглашение российского руководства посетить Москву с официальным визитом. В беседе с Мьересом В. Путин сказал, что помнит о тёплой и сердечной беседе с Уго Чавесом в Нью-Йорке: «Мы ждём его визита в Россию».

Для Давилы Мьерес был «слишком левым и радикальным». Взаимное недоброжелательство стало проявляться с первых дней работы посла в Москве. Давила не доверял его информации, считал её «идеологизированной», «слишком антиамериканской». При каждом удобном случае министр выражал сомнение в объективности посла: «Он слишком долго жил и работал в России!» Мьерес не скрывал своей

любви к «стране дипломатического пребывания», подчёркивал, что верит в её будущее, и в своих депешах убеждал МИД Венесуэлы, что развитие взаимовыгодных отношений с Россией, несмотря на её временные трудности, геостратегически неизбежно. «Россия — это реальный “полюс силы”, она должна стать для Венесуэлы опорной страной, чтобы успешно противостоять империалистическим планам, — доказывал Мьерес. — Россия обладает внушительным военным потенциалом, который позволяет ей на равных говорить с Соединёнными Штатами. Москва борется за многополярный мир, сотрудничает с Китаем и другими странами для достижения этой цели. Эффективность защиты суверенитета и независимости Венесуэлы — в реализации широкой программы сотрудничества с Россией».

Для Мьереса было очевидным, что в сфере защиты своих энергетических интересов Венесуэле выгодно иметь Россию союзником, а не конкурентом. Россия тоже ищет союзников, надо как можно скорее протянуть друг другу руки. Западные страны и транснациональные компании делают всё для того, чтобы подчинить Россию, завладеть её ресурсами. Мьерес сообщал в Каракас, что главные нефтяные баталии на постсоветском пространстве развертываются на Кавказе и в бассейне Каспийского моря. Борьба идёт за установление контроля над углеводородами России, Азербайджана, Казахстана, Туркменистана и Узбекистана. Если это Западу удастся, он создаст сильнейшую конкуренцию странам ОПЕК, повлияет на снижение нефтяных цен. По этой причине в регион зачастили американцы — Клинтон, Олбрайт, военные чины, руководители ЦРУ и ФБР. Соединённые Штаты намерены создать свою зону исключительного влияния, используя все доступные средства воздействия. «Трубы» должны проходить где угодно, но

не через территорию России, Ирана и Ирака, причём две последние страны представляют миру как опасных «изгоев», чтобы внести раскол между членами ОПЕК. По мнению Мьереса, это во многом удаётся, в том числе из-за трусливой позиции Саудовской Аравии и Арабских Эмиратов.

Мьерес призывал тщательно изучать проблемы этих регионов, от которых, по его словам, «рано или поздно будет самым решающим образом зависеть судьба Венесуэлы». «Существует вакуум знания протекающих там процессов, — подчёркивал Мьерес, — и виноваты в этом среди прочих — PDVSA и наш неповоротливый МИД».

Из-за «саботажа» Давилы до Чавеса доходили далеко не все телеграммы Мьереса. По этой причине посол нередко прибегал к печатным органам Венесуэлы, чтобы напомнить о себе, высказаться по злободневным вопросам двусторонних отношений. О глубине аналитических докладов Мьереса в Каракас можно судить по циклу статей, опубликованных им в еженедельнике «Расон». Вот одна из них под названием «Русские сложности» (12 ноября 2000 года): 190 «Если и есть место, откуда можно уловить невообразимые сложности, происходящие из-за противостояния двух господствующих тенденций в современном мире (одна — финансовая и коммуникационная глобализация, другая — увеличение числа национальных государств, что можно назвать балканизацией), то это как раз Россия. Она находится в самом центре региона, который в наибольшей степени затронут обеими противостоящими тенденциями.

Поэтому здесь обстоятельства не столь простые. Например, стоит обратить внимание на то, что последнее решение ОПЕК увеличить объём производства в ноябре, четвёртое увеличение за 2000 год, здесь прошло как бы незамеченным. Информации

об ОПЕК в СМИ появляется мало, причём во враждебной и искажённой интерпретации. Также не слишком благоприятны версии и суждения о Венесуэле и Чавесе. В еженедельнике “Итоги”, ассоциированном с журналом “Ньюсуик”, преобладает западное видение (проблем). Я направил им письмо, в котором расставил некоторые точки над “и”, которые до сегодняшнего дня не принимались во внимание.

Участие русского министра энергетики Александра Гаврина в саммите ОПЕК подавалось как малозначащий шаг; подвижки в сторону возможной интеграции в ОПЕК — это, мол, типичный демагогический финт. Наоборот, все усилия Европейского союза направлены сейчас на втягивание России в “Европейскую энергетическую хартию” в качестве важного поставщика энергии, прежде всего газа, в Европу. Но, внимание! — дешёвого газа, в условиях “свободной конкуренции”, стимулируя увеличение числа предприятий-поставщиков. Такой была центральная тема последней встречи Путина с Европейским союзом в Париже. К этому добавляется первостепенная роль России в снабжении газом стран-соседей из Центральной Европы и СНГ (Украина, Белоруссия). В итоге речь идёт о выделении России роли, альтернативной ОПЕК, по поставкам газа на их собственный рынок, но по самым низким тарифам, чтобы притормаживать цены на нефть. Этот крупномасштабный манёвр ЕС может поначалу показаться очень привлекательным для России, хотя бы потому, что снижает значение “Каспийской схемы”. Кроме того, он мог бы “обеспечить” широкий спрос на главный ресурс России. Однако в случае принятия западных условий может быть развязана конкуренция цен на газ и нефть, которая в результате нанесёт ущерб странам — членам ОПЕК, России и даже правительствам каспийского бассейна. Пользу из этого

извлекут Запад и его крупные транснациональные компании.

Поэтому надо иметь рациональное объяснение тем преимуществам, которые получит Россия от сотрудничества с ОПЕК, учитывая опасения, которые у неё возникают из-за необходимости расширения производства углеводородов и с контролем ОПЕК над объёмами производства нефти. На деле для России увеличение её добычи является восстановлением уровня, который имелся раньше. Но существует также вопрос о газе, который жизненно важен для России. Перед лицом европейских искушений, которые могут привести к удешевлению цен на газ, должно оставаться предельно ясным, что достаточно высокая стоимость нефти, такая как сейчас, может гарантировать рентабельность газа. Если же на рынок будут выброшены огромные объёмы очень дешёвого газа, конечный результат будет негативным для производителей и того и другого».

В близком окружении Чавеса не все поддержали его намерение наладить многовекторные отношения с Россией. Один из аргументов противников подобного курса: правительство ещё не окрепло, слишком много задач на внутреннем фронте. Министр обороны Рауль Саласар считал нецелесообразным развивать с Россией военно-техническое сотрудничество: США обязательно выразят недовольство «недружественной политикой» Венесуэлы. Стоит ли дразнить их «красной тряпкой» военного сближения с Москвой? У гринго есть мощные рычаги давления: в частности, откажут в поставках запасных частей для самолётов F-16 и другой военной техники, изготовленной в США. Чавес возразил министру, напомнив ему, что речь идёт о стратегических интересах Венесуэлы, а не «предполагаемых эмоциях Пентагона».

Впоследствии причины такой позиции Саласара станут Чавесу понятны. От одной «дружественной страны» поступили данные, что Саласар сотрудничал с военной разведкой США как в бытность министром обороны, так и в должности посла Венесуэлы в Испании. В распоряжение DISIP поступила ведомость о регулярных денежных выплатах американской военной разведки своему высокопоставленному агенту, а также другие компрометирующие материалы (См. публикацию в еженедельнике «Расон» (Каракас, 30 марта 2008 года). Разумеется, Саласар отвергал обвинения Чавеса. По его словам, президент таким образом «отомстил» ему за разоблачения «тайных связей» Чавеса с руководством FARC. Хосе Сант Рос, автор исследования «ЦРУ в Венесуэле», также приводит факты тайного сотрудничества Саласара с военным атташатам США. Сант Рос, в частности, сообщил, что 4 февраля 1992 года на церемонии, которая прошла в посольстве США, генерал был награждён орденом за большой вклад в налаживание двустороннего «военного сотрудничества». См.: Jose Sant Roz, La CIA en Venezuela. Venezuela: Merida, 2004.).

В более мягкой форме эту позицию — «не дразнить американцев» — отстаивал на совещаниях с Чавесом министр иностранных дел Давила: «Вопрос о закупках нового оружия и военной техники для нас не актуален. Было бы грубой ошибкой тратить средства на закупки вооружений, не решив массу социальных проблем. Венесуэле целесообразно сокращать расходы на оборонные нужды, уделять повышенное внимание обслуживанию и модернизации уже имеющихся в её распоряжении вооружений и военной техники. Нельзя забывать и о нашей инициативе на “Саммите Америк” в Квебеке: договориться всем странам Западного полушария о сокращении трат на оборону на 20

процентов и направлении этих средств на решение социальных проблем региона».

Чавес понимал, что его министры были сторонниками сохранения и укрепления военного сотрудничества с Соединёнными Штатами. Мыслят по старинке. Не хотят «дразнить» американцев, не понимая, что это в корне ошибочная позиция. Достаточно вспомнить, как США подвели Аргентину во время Мальвинского кризиса, без колебаний встав на сторону англичан. У него, Чавеса, нет сомнений: военная ориентация на Вашингтон угрожает национальной безопасности Венесуэлы. Как бы его ни убеждали, какие бы аргументы ни использовали, он не будет слепо следовать прежнему курсу на «привилегированное» военно-техническое сотрудничество с Соединёнными Штатами.

На вооружении венесуэльской армии почти полвека находились винтовки FAL бельгийского производства. Несчастных случаев из-за них среди военнослужащих было всё больше, в том числе с фатальным исходом. Сильно устарел вертолётный парк, аппараты «Белл» различных модификаций разбивались без видимых причин, с неизбежными человеческими жертвами. Не лучшим образом обстояли дела в авиации и на флоте. Вопрос о модернизации вооружений давно назрел. Но Госдепартамент и Пентагон реагировали на обращения Венесуэлы по этому поводу с подчёркнутым равнодушием. Давали понять, что недовольны политикой Чавеса, его наметившимся сближением со странами «оси зла», ориентацией на Кубу.

Необходимо было найти надёжных поставщиков современного автоматического стрелкового оружия. Пришла пора обновлять вертолётный парк, как бы тяжело это ни было для страны в финансовом отношении. Кто-то недавно рассказывал, что в Колумбии авиатехника из России хорошо

зарекомендовала себя, особенно вертолёты Ми различных моделей и модификаций, которые можно использовать как в военных, так и в гражданских целях. Надо навести справки, так ли это, и последовать опыту колумбийцев...

В России и Венесуэле начали готовиться к визиту Чавеса в Москву. Симптоматично, что одновременно в средствах массовой информации Венесуэлы и соседних с ней стран, как по заказу, началась кампания по компрометации российского оружия. Организаторы её договорились до того, что Чавес якобы уже направил в Москву секретную миссию, главной задачей которой было «договориться» о строительстве в Венесуэле русской ракетной базы. «Новость» обсуждали на всех уровнях. Бригадный генерал Висконти Осорио, возглавлявший тогда Управление по вооружениям (DARFA), учреждение, определяющее стратегию закупок оружия, заявил, что российский военный материал «отстал» от современных требований на 25–30 лет и является, по сути, «железной рухлядью». Такие же слова использовал бывший министр иностранных дел Венесуэлы Симон Консалви, который был в 2001–2002 годах консультантом посольства США в Каракасе: «Россия — отсталая страна, что она может нам дать? Железную рухлядь? Единственное, чем располагает Россия, — это железная рухлядь».

Накануне поездки Чавеса в Россию министерство обороны возглавил Хосе Висенте Ранхель. Это он отправился, отнюдь не секретно, в Москву для выяснения российских возможностей по поставкам современных вооружений в Венесуэлу (Визит Х. В. Ранхеля проходил с 18 по 21 апреля 2001 года.). Ранхель встретился со своим коллегой Сергеем Ивановым, посетил несколько «номерных» предприятий и военных полигонов, на которых ему продемонстрировали огневую мощь и технологическую

продвинутость «железной рухляди». Ранхель весьма похвально отозвался о российских образцах вооружений. Были подписаны соглашения, ориентирующие на динамичное развитие отношений в сфере военно-технических связей.

Однако внутренние конфликты в Венесуэле, которые исподтишка раздувались Соединёнными Штатами, затянули реализацию соглашений почти на два года. Надо ли говорить, что попытки Вашингтона как можно быстрее «свалить» Чавеса были вызваны ещё и тем, что он намеревался открыть двери страны для российского оружия. Такие варианты стратегической концепцией США не предусматривались: в Латинской Америке унификация вооружений, военной формы, уставов, подготовки — всё должно осуществляться по стандартам Пентагона.

Поэтому уничижительные выпады СМИ в адрес российских вооружений не прекращались и после заявлений Ранхеля. «Подсказывались» предпочтительные для Венесуэлы партнёры: США и Израиль, на худой конец Франция, Германия и Испания. В отношении закупок стрелкового оружия была запущена такая версия-рекомендация: «Итак, решено, Венесуэла не купит автомат АК-47, русский вариант американской винтовки FAL. Министерство обороны склоняется вести переговоры по приобретению этого типа оружия с изготовителями в Сингапуре или Израиле. Оценка вариантов была проведена широкая, первое место заняла немецкая винтовка НК, но проблема с ней состоит в том, что немцы не гарантируют передачи технологии. Отсюда нынешнее стремление вести переговоры с Сингапуром и Израилем. Техническая экспертиза поставила русскую винтовку на шестую позицию по всем показателям».

Венесуэльские генералы, мнение которых Чавес не мог игнорировать при решении вопроса о приобретении

вооружений, усиленно обрабатывались представителями военного атташата США. Они имели свои помещения в штабе вооружённых сил в Форте Тьюна, ежедневно и беспрепятственно общались с венесуэльскими офицерами. Об этих сеансах «воздействия» стало известно Чавесу. Он возмутился, дал указание Хосе Висенте Ранхелю «покончить с этим безобразием».

Ранхель пригласил Донну Хринак, посла США, и поставил перед ней вопрос ребром: место военного атташата в посольстве, а не в Форте Тьюна. Пора возвращаться под посольскую крышу. Через несколько дней Хринак и шеф военной миссии США нанесли Ранхелю ещё один визит. Они были настроены решительно: — Никакого переезда быть не может. Это мешает работе атташата.

— Распоряжение дано президентом. Американские военные должны покинуть Форт Тьюна.

— Этого не может быть! — возмутилась Хринак.

— Именно так оно и есть. Я говорю серьёзно, очень серьёзно.

— Это решение вызовет негативные последствия.

— Любые, какие вы хотите, любые, — спокойно ответил Ранхель. Потом, сделав паузу, добавил: — Мы можем сохранить ваш офис только на основе взаимности, то есть в ответ на открытие военной миссии Венесуэлы в Пентагоне. В таком случае не будет никакой проблемы с сохранением вашего представительства здесь, в Форте Тьюна.

— Нами такое не практикуется.

— Как раз этого мы и добиваемся. Это новая концепция, которая используется вооружёнными силами Венесуэлы. У нас здесь (в Форте Тьюна. — К. С.) не допускаются ни кубинские, ни французские, ни итальянские, ни североамериканские миссии.

События 2001-2002 годов не позволили Чавесу решить вопрос с американским военным «офисом» в Форте Тьюна. К нему вернулись после попытки переворота. Урок был усвоен: нельзя допускать заклятых врагов в самый центр управления вооружёнными силами Боливарианской республики.

Подготовка первого — и потому принципиально важного! — визита Чавеса потребовала от российского МИДа и посольства России в Каракасе значительных усилий. Согласования различных аспектов визита, особенно его программной части, текстов соглашений, которые планировались к подписанию, не всегда шли легко, особенно в министерстве иностранных дел Венесуэлы, которое сохраняло инерционность и консерватизм внешней политики, проводившейся Четвёртой республикой. Россия воспринималась в МИДе как некая ухудшенная копия Советского Союза, отношение к которому традиционно выстраивалось через призму подходов Соединённых Штатов.

Преодолеть старые штампы пришлось послу России в Венесуэле Алексею Ермакову. Именно при Ермакове был создан резерв прочности в российско-венесуэльских отношениях, и позднее Чавес не без сожаления воспринял известие о возвращении дипломата на родину. Чавес видел в нём искреннего сторонника сближения двух государств и установления союзнических отношений между ними. Высшая награда Венесуэлы — орден Либертадора первого класса — стала признанием заслуг посла России (Церемония награждения прошла 10 ноября 2004 года в «Жёлтом доме», старом здании МИДа Венесуэлы. Награда была вручена А. Ермакову министром Хесусом Пересом.).

Чавес прибыл в Москву 14 мая 2001 года. Те, кто присутствовал на церемонии в Кремле, единодушно свидетельствуют: встреча отличалась повышенной эмоциональностью. После крепкого рукопожатия

венесуэлец сказал, что очень взволнован и рад новой возможности личного общения с президентом России. Тут же последовал характерный для Чавеса переход на неформальную тему: — Как ваше дзюдо? Сам я увлекаюсь бейсболом.

Путин отреагировал моментально: — Бейсбол — игра, производная от русской лапты.

Это был удачный ответ: надо же, венесуэльский президент многие годы играет в бейсбол, не подозревая, что игра эта — практически русская.

Столь непринуждённый обмен репликами определил дружественный и конструктивный ход переговоров. Чавеса очень тронуло, что Путин преподнёс ему изданный на русском языке дневник предтечи независимости Венесуэлы Франсиско де Миранды (Франсиско де Миранду можно считать символической фигурой российско-венесуэльских отношений. Он побывал в России в 1786–1787 годах, был тепло принят при дворе Екатерины II.)...

Чавес был доволен результатом доверительной беседы тет-а-тет: президент России оставил «за скобками» факты возрастающей внутривнутриполитической нестабильности в Венесуэле (это, мол, преходяще), подчеркнул стремление к «развитию взаимодействия по всем направлениям». На совместной пресс-конференции Путин, в частности, сказал: «Мы рассматриваем Венесуэлу как влиятельное и авторитетное государство в Латинской Америке, серьёзного участника клуба нефтяных держав. Мы рассматриваем наше сотрудничество как важнейший элемент взаимодействия с Латинской Америкой в целом. Господин Чавес относится к новому поколению латиноамериканских политиков, политиков, которые точно, ясно и очень конкретно понимают и последовательно отстаивают национальные интересы своих государств. Нас объединяет общее стремление к

тому, чтобы современный мир на пороге нового тысячелетия был более демократичным, более безопасным. Предметные прагматические вопросы были в центре нашего сегодняшнего обсуждения. Мы имеем значительный интерес и к интеграционным процессам на латиноамериканском континенте. Мы с президентом обсуждали вопросы участия нашей страны в этих процессах с учётом того, что в них Венесуэла является в значительной степени лидером»(Из текста выступления президента В. Путина на совместной пресс-конференции по итогам переговоров с президентом Венесуэлы У. Чавесом. Москва, 14 мая 2001 года.).

На вопрос журналиста — готовы ли обе страны к согласованию своей энергетической политики на международной арене — Путин ответил: «Это приоритетная сфера взаимодействия для нас. И она очень конкретна. Такое взаимодействие не только возможно, но оно для нас необходимо, потому что сегодня Венесуэла является председателем в ОПЕК, а Россия является одним из крупнейших производителей нефти в мире. И в силу того, что и Венесуэла, и Россия являются странами, в объёме экономики которых этот сектор определяющий, направление сотрудничества следующее. Во-первых, согласование нашей политики в сфере ценообразования. Второе — инвестиционная деятельность. И в-третьих — широкий информационный обмен в вышеуказанной сфере. Можно сказать, что у нас по одному из принципиальных вопросов — проблеме ценообразования — единые подходы с господином Президентом. Мы исходим из того, что для потребителей нефтепродуктов цены должны быть приемлемыми и они должны иметь возможность прогнозировать события в этой сфере и прогнозировать развитие своих собственных экономик с одной стороны, а с другой, для самих производителей нефти цены, конечно, должны быть справедливыми. Мы сегодня

согласились с предложением господина Президента, с которым он выступил в ходе переговоров, и внесли дополнения в текст нашего совместного Заявления: договорились создать рабочую комиссию высокого уровня, которая будет обсуждать эту (энергетическую), а также другие проблемы двустороннего сотрудничества. Это очень важная инициатива, и я хочу поблагодарить за это господина Президента»(См.: Материалы пресс-конференции В. Путина и У. Чавеса по итогам официального визита венесуэльского президента в Москву (14 мая 2001 года).).

Прощаясь, Чавес назвал Путина братом и заверил его: «Мы пойдём вместе и навсегда»...

По мнению Чавеса, которое он высказал на заключительной пресс-конференции, его визит в Москву положил начало «стратегическому союзу, который, несомненно, окажет влияние на геополитику»(В октябре этого же года была проведена еще одна встреча президентов. Чавес сделал в Москве остановку после визита в Тегеран.).

Ужин, который прошёл в посольстве России 19 июля 2001 года, долго обсуждался в дипломатических кругах. О посещении президентом Чавесом российской миссии стало известно в тот же день. Она расположена на живописной улочке Лас-Ломас-де-Лас-Мерседес, круто уходящей в гору. На каменной ограде неподалёку от въездных ворот сияет медная табличка с надписью «Quinta Soyuz», сохранившаяся ещё со времён Советского Союза. По улочке постоянно снуют автомашины с дипломатическими номерами: выше, в горах, находится десятка два посольств, в том числе Соединённых Штатов, персонал которого насчитывает более двухсот человек. Так что «зафиксировать» продолжительность этого визита проблемы не представило. Но вопросы оставались. О чём так долго говорили президент Чавес и посол Ермаков? Какие

новые международные комбинации плетёт Чавес? Каких ещё сюрпризов надо от него ожидать? Не полагаясь на МИД, президент Венесуэлы решил лично обсудить с российским представителем конкретные пути дальнейшего сближения двух стран, налаживания эффективного сотрудничества, создания климата взаимного доверия. Чавес дал понять, что внутренние проблемы в Венесуэле преодолимы и не будут препятствовать реализации договорённостей, которые были достигнуты с президентом В. Путиным в Москве. Главные направления внешней политики Чавеса останутся неизменными: курс на формирование многополярного, более сбалансированного и демократического миропорядка; отход от односторонней ориентации на США, сближение с Россией, Китаем, Индией, а также с арабскими странами, развитыми государствами в целом; противостояние «особому вниманию» администрации Буша, которую не устраивает позиция Венесуэлы в укреплении регионального единства в Латинской Америке, а также стремление ограничить роль США в регионе.

В те дни Чавес ещё не знал, что в Испании (как раз в дни его визита в Москву) «по линии НАТО» были проведены совместные штабные учения, получившие кодовое название «План Бальбоа». Главными разработчиками плана были не испанцы, а стратеги из Соединённых Штатов. В полном объёме «План Бальбоа» попал «по дружественным каналам» в руки Чавеса в 2005 году, дав ему ключ к разгадке многих кризисных событий в Венесуэле. Ознакомившись с содержанием документа, Чавес окончательно убедился, что с администрацией Соединённых Штатов невозможно вести межгосударственные дела на основе доверия, взаимопонимания и равенства. Да, он был стопроцентно прав, когда заявлял о том, что североамериканская

Империя, этот вооружённый до зубов монстр, проводит враждебную Венесуэле политику и создаёт предпосылки для нанесения решающего и безжалостного удара.

В «Плане Бальбоа» Венесуэла проходила под условным обозначением «Коричневая», а её нефтяной штат Сулия — «Чёрная». Гипотетическим предлогом для проведения превентивной операции (фактически — вторжения) против «Коричневой» была её внутренняя нестабильность и её «связи с партизанскими группировками антизападной ориентации», которые установили контроль над нефтяными месторождениями «Чёрной». Они превратились в смертельную угрозу для граждан «Синей» (США) на территории «Коричневой». Союзные вооружённые силы, которым предстояло нейтрализовать враждебный союз «Коричневой» с партизанами, возглавлялись «Синей» с привлечением некоторых союзников по НАТО.

«План Бальбоа» охватывал обширную зону вокруг «Коричневой», включая Карибский бассейн, Центральную и Южную Америку. Особо была выделена союзная страна, условно обозначенная как «Белая», то есть Колумбия. К плану был приложен обширный справочный материал, в том числе кадры космической фотосъёмки, которые не оставляли сомнений в том, что «Коричневая» — это Венесуэла, а «Синяя» — это Соединённые Штаты, несущие «историческую ответственность за безопасность и оборону Западного полушария».

Анализируя «План Бальбоа», Эва Голинджер, политолог из США, отметила: «С момента создания “Плана Бальбоа” в 2001 году некоторые из акций и мероприятий, предусмотренных им, были осуществлены против страны-“цели” — Венесуэлы, — хотя не всегда в точности так, как предусмотрено проектом. Всего лишь через одиннадцать месяцев после учений был

осуществлён государственный переворот против венесуэльского правительства, поддержанный, в значительной мере, Соединёнными Штатами, которые в качестве “Синей” стороны осуществляли по плану роль ключевого агрессора. До переворота, в его ходе и после него в апреле 2002 года в южноамериканской стране было зафиксировано присутствие вооружённых сил, разведывательного персонала и оборудования Соединённых Штатов. Была запущена международная кампания, ориентированная на пропагандистскую “увязку” боливарианского правительства с терроризмом, чтобы таким образом ещё больше оправдать интервенцию»(Eva Golinger. Bush vs. Chavez. La guerra de Washington contra Venezuela. La Habana: Editorial Jose Marti, 2006. P. 84.).

Важнейшим результатом визита Чавеса в Россию стало подписание соглашения о военном сотрудничестве. Громкое информационное «эхо» вызвала перспектива приобретения Венесуэлой самолётов МИГ-29. Чавес доказал, что он способен на самостоятельные решения в столь деликатных вопросах, как приобретение современных вооружений.

Проработку сделки стороны вели до конца 2004 года. Венесуэльские специалисты тщательно изучали технико-тактические и боевые качества самолёта в России. Западные СМИ распространяли противоречивые слухи о переговорах, часто для того, чтобы побудить венесуэльцев выступать с разъяснениями. Иногда американцы подключали к «активному зондажу» колумбийских союзников. Так, в июле 2003 года с сенсационным заявлением выступил член правительства Колумбии Хуан Мануэль Сантос: Венесуэла планирует купить 50 модернизированных самолётов МИГ-29, ракеты земля — воздух, радары и партию авиабомб весом по четыре тонны каждая! Эти сведения достоверны, потому что он, Сантос, «был

ознакомлен» с документом, в котором Венесуэла официально определяла объёмы и параметры закупок вооружений в России. Интересно, для каких целей запасают четырёхтонные бомбы венесуэльские соседи? Кампания по компрометации боевой и эксплуатационной эффективности самолётов МИГ началась в Венесуэле в 2001 году и с разной степенью интенсивности длилась до конца 2004 года. «Купить эскадрилью МИГ-29, — писал один из наёмных «экспертов», — конечно, вполне возможно, но это будет аналогично покупке партии подержанных автомашин “Лада” с сертификатом о скрытых дефектах. Но если речь идёт о желании заключить хорошую сделку со щедрыми комиссионными, то тогда для этого нет ничего лучше, чем русская мафия эпохи Путина»(См.: Ibsen Martinez. Todo sobre MIG-29 // El Nacional. 8.12.2001.). Этот же эксперт привёл множество «конкретных» примеров, демонстрирующих «низкую эффективность» самолёта. Читая их, можно было подумать, что советские конструкторы создавали МИГ-29 только для того, чтобы он стал лёгкой добычей для асов всего мира. Подборка оказалась настолько подробной и статистически детализированной, что автор статьи во избежание подозрений в том, что «материалы» были получены из цэрэушных источников, подчеркнул, что всю фактуру для публикации он извлёк из «The Encyclopaedia of Russian Aircraft 1875-1995» Билла Ганстона и Интернета.

«Мы сбивали МИГи», — заявил анонимный представитель администрации Буша, давая понять, что российские самолёты не сыграют решающей роли в повышении обороноспособности Венесуэлы. В увязке с этим заявлением шли сотни публикаций в подконтрольных СМИ о том, что покупка МИГов будет иметь политическую интерпретацию, поскольку эти самолёты являются символом военного противостояния

между США и «коммунистическим миром» (Корея, Вьетнам и т. д.). Этого же эффекта «символического противоборства с Империей» добивается Чавес, хотя покупка МИГов будет ошибкой — «не зря их называют летающими гробами», — аварийность этих самолётов является «рекордной», «они технологически устарели, их движки обладают малым ресурсом и ненадёжны».

На пике истеричной кампании в СМИ министр обороны генерал Хорхе Гарсия Карнейро объявил, что Венесуэла не планирует «приобретение самолётов МИГ-29». Нет, не критические залпы в адрес МИГов побудили венесуэльцев отказаться от сделки. Эксперты рекомендовали Чавесу обратить внимание на другой российский самолёт — Су-30. Он ознакомился со справочной документацией, посмотрел CD с динамичной презентацией боевых и технических возможностей самолёта и воскликнул: «Вот что нам нужно! Су-30 — уникальный самолёт, он достойно заменит устаревшие F-16 и “Миражи”!..» Первая встреча президентов в Москве породила множество комментариев, в которых аналитики делали акцент на схожести Чавеса и Путина. Кто-то даже назвал их «близнецами-братьями». Оба — родом из скромных по происхождению и достатку семей, что во многом предопределило их выбор карьеры. Оба стали военными. Чавес дослужился до подполковника-десантника, Путин — до звания полковника внешней разведки; оба увлекаются спортом. Отмечалась их склонность к эпатажным поступкам и крутым выражениям «настоящих мачо». И тот и другой хорошо держат удар, не «дают слабины» перед тяжестью проблем и неожиданных политических катаклизмов. Чем больше сложностей, тем увереннее они себя чувствуют. Оба проявляют принципиальность в деле защиты государственных интересов и укрепления национальной безопасности. Отсюда — тенденция по

привлечению военных в управленческий аппарат. Лояльность, надёжность и личная преданность — необходимые качества при подборе сотрудников в президентские структуры. Впрочем, Чавес осуществлял перестановки и рокировки в правительстве и своём окружении чаще, чем Путин. Причины понятны. Органы государственной безопасности Венесуэлы всё ещё находились в процессе формирования. Они были засорены агентурой американских спецслужб, МОССАДа, колумбийской разведки {DAS). Чем больше кадровых перемен, тем сложнее провести «прицельную операцию», в том числе физической ликвидации. Для Чавеса эта тема была крайне болезненна.

Во время этого визита венесуэльского лидера в Москву была сделана фотография, часто воспроизводимая мировыми СМИ: Чавес склонил свою голову к плечу Путина, словно стараясь найти в нём опору перед лицом угроз, которые ожидают его на смертельно опасном пути руководителя богатейшей нефтяной страны. Впрочем, возможно, что такая интерпретация фотографии слишком драматизирована.

Оппоненты Чавеса отнесли его вояж в Москву к разряду проходных: «Русские не привезут сюда ни одного доллара. Это они ожидают, что мы, венесуэльцы, будем сами инвестировать в России, что мы купим их оружие, единственное, что они могут нам продать. Что же касается технологического обмена в области нефтяной промышленности, то они гораздо более отсталые в этой сфере, чем мы. Их нефтяной комплекс устарел и неэффективен. Из-за технологического отставания им даже пришлось в определённый момент снизить объёмы добычи».

Одним из негативных результатов визита Чавеса в Москву стала отставка посла Мьереса. Он многое делал для развития двусторонних отношений, направлял в Каракас меморандумы, рекомендации, предложения, но

всё без видимого успеха. Министр Давила игнорировал инициативы посла. И вот: Чавес в Москве, визит его носит стратегический характер, а он, Мьерес, оказывается как бы ни при чём! К тому же Давила «списал» на Мьереса многие протокольные нестыковки, проблемы с обеспечением членов делегации транспортом, номерами в гостиницах, даже отсутствие нужного количества переводчиков. Через некоторое время Мьерес был отозван из Москвы под предлогом «недостаточного знания дипломатической работы».

Закреплять московские договорённости Путин поручил премьер-министру Михаилу Касьянову. Тот прилетел в Каракас в сложное для Чавеса время (до попытки контрреволюционного переворота оставалось четыре месяца). Тем не менее конкретные результаты были достигнуты: стороны подписали документ о создании межправительственной комиссии «высокого уровня» (Венесуэла стала пятой страной, с которой Россия заключила подобное соглашение. Такие же договорённости действовали на то время с Китаем, Бразилией, Украиной и Францией.), три соглашения о сотрудничестве, в принципе договорились о продаже Венесуэле российских вертолётов. В ходе визита обсуждались вопросы установления «справедливого ценового коридора на нефть».

Представление о характере освещения этого визита российскими СМИ даёт сообщение ТВ-6: «Премьер Михаил Касьянов завершил пятидневную поездку по странам Северной и Южной Америки. Последняя остановка была в Венесуэле, где президент Уго Чавес напомнил Касьянову о войне с фашистами. Чавес высказал мнение, что за высокие цены на нефть придётся сражаться так же, как за Сталинград. По сообщениям журналистов, Чавес говорил и о давних связях с Россией: как венесуэльцы в XVIII веке после встречи с Екатериной Второй сразу придумали себе

флаг: жёлтый — как волосы Екатерины, голубой — в честь её глаз и красный — как её губы. После этого Президент Чавес сравнил Владимира Путина с Екатериной, а Михаила Касьянова с князем Потёмкиным. Сам Касьянов предпочёл более современные темы: развитие экономического сотрудничества. Эту тему он заявил ещё в начале визита словами о том, что нынешняя ситуация оставляет желать лучшего»(Программа «Сейчас», 15 декабря 2001 года.).

Комментарий откровенно апологетический для Касьянова и не слишком доброжелательный для Чавеса. Какой всё-таки ретроград этот венесуэлец, весь погружён в прошлое, апеллирует к тому, что не представляет никакого практического интереса...

Глава 17

«ВЕНЕСУЭЛОЙ ПРАВИТ СУМАСШЕДШИЙ...»

Российские СМИ не были оригинальны, «описывая» Чавеса как не слишком адекватного политика. Создание атмосферы недоверия и недоброжелательности к президенту Венесуэлы велось многослойно, по разным направлениям.

В Венесуэле для изучения особенностей характера и поведения президента «заинтересованные лица» из оппозиции задействовали ведущих психологов и психиатров страны. В чём секрет успеха Чавеса у народных масс? Сколь долго будет длиться магия его воздействия на толпу? Какие стороны личности Чавеса — возможные скрытые пороки, слабости, комплексы — могут быть использованы против него самого? Здесь «пригодились» те бывшие соратники Чавеса, которые клялись ему в верности, но из-за опасения оказаться вместе с ним в тонущей лодке «Боливарианской революции» переметнулись на сторону оппозиции. Микелена с мстительным удовольствием делился с журналистами своими «соображениями» о вменяемости президента, его личных и деловых качествах.

Чавес сместил Микелену с поста министра внутренних дел 27 января 2002 года. «Ментор» сам просил об отставке. Он возражал против ускорения социальных реформ в стране, принятия сорока девяти чрезвычайных законов (в том числе о земельной реформе и углеводородах). У Микелены были острые разногласия с Чавесом по поводу жёсткого курса в отношении оппозиции. «Конфронтационные» решения президента ставили Микелену под удар, поскольку он

«гарантировал» олигархическим кругам страны, что сумеет «обуздать» Чавеса. После оппозиционной манифестации 23 января и протестных выступлений меритократов PDVSA Микелена больше не мог оставаться в правительстве. К тому же Чавес на сотысячном митинге своих сторонников объявил день 4 февраля «национальным праздником». Это вызвало протесты лидеров оппозиции: в демократической стране не должны отмечаться события, связанные с вооружёнными попытками захвата власти! В условиях стремительно нараставшего кризиса в стране стали распространяться «психологические портреты» Чавеса, изготовленные в лабораториях информационной войны США. В них утверждалось, что президент болен и не способен исполнять свои обязанности.

Вот текст одного из «портретов», поданный для убедительности максимально «научно»: «Специалисты, “анализировавшие” Чавеса, сошлись в одном: он умеет пробуждать в слушателях, независимо от уровня их образованности и подготовленности, неконтролируемые перепады эмоций. Воздействие его речевой и гестуальной энергетике на толпу столь велико, что она на некоторое время отключается от реалий места и времени, эмоционально подчиняясь оратору, который вызывает у слушателей широкую гамму чувств: радость, экзальтацию, восторженность, беспокойность, страх и даже ужас. Но пределы магического воздействия Чавеса определить трудно, только время покажет, насколько прочен его дар, порождающий эмоциональные перепады, близкие к религиозному, а отчасти эротическому, экстазу. Специалисты до сих пор не смогли ответить на вопрос, каким образом возникла у Чавеса эта способность “манипулировать массовым сознанием”.

Мы провели психологическую оценку персонажа, которого знаем только косвенно, через средства

массовой информации, через его труды, речи, частые комментарии, устные высказывания в воскресной программе “Алло, президент!”.

Органическое повреждение головного мозга... Органическое повреждение головного мозга выявляется через типичные клинические данные этого расстройства, к примеру то, что он (Чавес) является левшой. А также через другие особенности: импульсивное поведение, отсутствие 205 контроля над своими эмоциями, и по этой причине, без какого-либо самоограничения, оскорбительные выпады в адрес оппонентов. При этом не принимаются во внимание конкретные обстоятельства и не просчитываются последствия, что ставит под угрозу не только его собственную жизнь, но и судьбу всей страны или континента, поскольку он тяготеет к конфликтным персонажам и правительствам, осуждённым международными организациями (колумбийская герилья, иранское руководство и т. п.).

Агрессивная и необузданная натура Он не обладает воображением, часто повторяется в своих речах, не варьирует их содержание и используемую лексику (“террористы”, “империалисты” и т. д.). Его агрессивная и буйная натура начала проявляться с самого детства. В качестве символа беспощадной конфронтации он использует такой жест, как удар кулаком по открытой ладони. Демонстрируя свою боевитость, он безоглядно разряжается в эмоциональных выпадах и не стесняется проявления своей неспособности сдерживать подобные импульсы. То есть он не контролирует свои мысли, стремится извергнуть то, что чувствует. Психиатрически это означает получение стимула извне и реагирование на него без какого-либо предварительного процесса обдумывания. Его идеи — это копии того, что присуще другим персонажам, к примеру Фиделю Кастро, Симону Боливару, Иисусу

Христу. Его речи носят затяжной характер из-за его неспособности ограничить рамками не только эмоции, но и реальное время, а его ссылки всегда одни и те же, например Роса Инес, Майсанта, антиимпериалисты. Всё это заставляет нас предположить, что его аналитические способности нарушены, что и объясняет его неспособность ограничить свои выступления. Поэтому они столь громоздки и надоедливы.

Нарциссизм Всё сказанное выше связано с диагнозом органического нарушения умственной деятельности, что приобретает ещё большее значение, когда мы обратим внимание на другие патологические стороны его личности, в частности, на ярко выраженные аспекты нарциссизма. Это проявляется через его поведение, в котором потребность в уважении, восхвалении, идеализации осуществляется через самоидентификацию с такими персонажами, как Симон Боливар и Иисус Христос, что отдаляет его от реальности и временами побуждает к психотическим утверждениям типа: "Единственный лидер, который может руководить страной, это я". Эти черты личности не позволяют ему терпимо относиться к малейшему проявлению критики или диссидентства. И если кто-то выражает какое-либо несогласие с его мнением, он подвергается дисквалификации и исключению, как это произошло с некоторыми товарищами по партии.

Всемогущество В то же время, как мы могли видеть на встречах с журналистами, наш персонаж не способен выслушивать других и не даёт слова тем, кто задаёт неподобающие, с его точки зрения, вопросы. Он использует грубые выражения, применяет эсхатологический язык, нарушая не только правовые нормы, введённые им самим, но также и элементарные правила сосуществования, что приводит к тому, что его оппоненты и присутствующие вовлекаются в процесс деперсонификации. Другими словами, он парализует

своих слушателей, которые воздерживаются от выражения противоречащих ему точек зрения, запуганные тем, чему были свидетелями.

Психопат, неразумный, манипулятор Другая важная черта его личности — это психопатия. Под ней подразумевается неспособность к чувству вины, проектированию её на других. Например: “Я не мятежник и заявляю, что другие — мятежники”. Другая характеристика таких личностей — это их неспособность сохранять чёткую мысль, подменяя её “acting out”: они не думают, они действуют. Это видно по его выступлениям, когда он говорит: “Мне только что пришла в голову идея”, и эта идея незамедлительно превращается в закон, без обдумывания последствий. Другой аспект — это манипуляция или управление объектами, скажем, в плане использования массмедиа, которые он контролирует, для искажения информации, для своей личной пользы. С другой стороны, обман и ложь применяются в качестве инструмента для манипуляции населением, как это было в деле Монтесиноса (Владимир Монтесинос — перуанский политик, советник президента А. Фухимори по вопросам безопасности в 1990–2000 годах. В 2000 году был обвинён в коррупции и связи с наркокартелями, после чего бежал из страны. В 2001 году арестован на территории Венесуэлы и передан властям Перу.), о котором говорилось, что он мёртв, хотя это было ложью и он об этом знал.

Не имеет ни стабильных связей, ни подлинных привязанностей Всё сказанное выше является не чем иным, как его оборонительной реакцией, используемой для защиты регрессивной основы психотического характера, сикотические (sicoticos) аспекты которой в результате побуждают его сохранять псевдостабильные отношения. Он фактически не имеет спутницы жизни, так как его связи ограничены по

времени, а своих друзей он держит рядом, пока они полезны. Он умело использует межличностные контакты и в это вкладывает весь свой интеллектуальный потенциал, трансформируясь в привлекательную личность. Он умеет произвести впечатление на определённые группы людей, но только на дистанции, потому что, когда оказывается в непосредственной близости, он быстро выдыхается».

Этот документ построен на «базовой разработке» психологического портрета Чавеса, автор которого — экс-сотрудник ЦРУ с двадцатилетним стажем доктор Д. Пост, специалист по политической психологии в Университете Джорджа Вашингтона (В марте 2006 года Пост приезжал в Россию и охотно раздавал интервью по поводу «ущербной психики» Слободана Милошевича, сербского политика, к которому, по его мнению, российская общественность относилась с незаслуженной симпатией.). Он провёл эту работу по заказу вооружённых сил США. Основной вывод Поста таков: популярность Уго Чавеса среди граждан Венесуэлы держится на образе сильного лидера, который не боится своих врагов, какими бы могущественными они ни были. Отсюда, дескать, его «оскорбительные и провокационные выходки», постоянный курс на конфронтацию с Соединёнными Штатами.

«Базовая разработка» Поста была высоко оценена не только военными, но и пропагандистскими службами США, его «разоблачительные» пассажи использовались в информационной войне, всемирно распространялись «подопечными СМИ», передавались в «неправительственные организации», вручались для цитирования наёмным перьям «античавистского сопротивления».

Упрощение личности президента Чавеса до заурядного казарменного примитивизма было

излюбленным занятием его врагов с «высоким интеллектуальным коэффициентом», университетским образованием, инстинктивно-классовым тяготением к «западничеству».

Их доминирующий тезис: своими нынешними проблемами венесуэльцы «обязаны» только Чавесу, потому что он не обладает необходимыми способностями для исполнения президентских обязанностей. Профессиональный военный Чавес явно занялся не своим делом! Как бы «леваки» ни превозносили эрудицию Чавеса, его не назовёшь интеллектуалом. Свою «кондицию» военного ему переступить было не суждено. Он мыслил как военный, он видел жизнь через военные уставы, он готовился к войне и именно так воспринимал политику: через прицел танковой пушки!

В подтверждение анализировали, не удерживаясь от преувеличений и передержек, политический язык Чавеса, который «пропитан военной лексикой». Если он говорил о сопротивлении трудностям, то неизменно использовал формулу «зароемся в окопы»; постановку новых задач для правительства он обязательно завершал призывом «в атаку!». Правительственные программы или проекты подавались Чавесом как «миссии» или «оперативные задачи». Политические структуры, обслуживающие «режим», при Чавесе имели подчёркнуто военную структуризацию: «патрули», «взводы», «отряды», «батальоны». В обращении к себе подчинённых Чавес предпочитал формулу «мой главнокомандующий», а не «сеньор президент». Руководство осуществлял по строгой вертикали сверху вниз: никаких излишних обсуждений, критических замечаний и тем более диссидентства. Приказы не обсуждаются. Дисциплина есть дисциплина. Принцип единоначалия — священен! Оппозиционный «чавесолог» Тарре Брисеньо делал такой вывод из

«военной специфики» Чавеса: «Его видение политики и истории милитаризовано: речь идёт о построениях однолинейных и упрощённых. Есть только один национальный интерес — его собственный. Есть “хорошие и плохие”, “друзья и враги”, “патриоты и недруги отечества”. Оппонент — это “враг”, и потому — цель, подлежащая уничтожению. Чавес не понимает сложности устройства общества, не схватывает необходимости диалога как существенного условия политики. Для него диалог равнозначен полному подчинению. Так же и история служит не для понимания реальности, а для восхваления определённых ценностей, внушения мистических целей, для извлечения из неё примеров самоотверженности и жертвенности. Военное образование ведёт не к знанию, а к убеждениям. Сомнения полностью отбрасываются»(Gustavo Tarre Briceno. El 4F. El espejo roto. Ed. Libros marcados, 2007. P. 224.).

При каждой возможности своими «наблюдениями» о Чавесе делился Луис Микелена. В интервью Андресу Оппенгеймеру, журналисту из Майами, специалисту по Латинской Америке, дон Луис постарался наговорить как можно больше: Оппенгеймера печатают в консервативной прессе Соединённых Штатов, и всё, что он, Микелена, скажет о Чавесе, станет своего рода индульгенцией, доказательством решительного разрыва с этим «сумасшедшим». Для дон Луиса Чавес — это «интеллектуально ограниченный человек, импульсивный, темпераментный, окружённый льстецами. Он невероятно беспорядочен во всех аспектах своей жизни, не пунктуален, полностью неспособен к ведению финансов, любит роскошь и, помимо всего, не умеет сконцентрироваться (erratico). У него нет твёрдого рабочего расписания, он не руководит работой правительства и приходит в свой

кабинет в Мирафлоресе, когда захочет. Он окружён ординарцами и не терпит, чтобы кто-то из его команды ему возражал. С подчинёнными он обращается как деспот, унижает их. Одному губернатору в нашем (членов правительства) присутствии он крикнул однажды: “Ты подлец! Немедленно убирайся отсюда!”»(См.: Asi son las cosas / / El Universal. 20.10.2006.).

Интервью подобного рода Микелена давал неоднократно, с каждым разом обрушивая на Чавеса всё более враждебные характеристики и оценки. Радикалы из оппозиции могли подписаться под каждым словом Микелены. Чтобы уравновесить откровенно предвзятые формулировки дона Луиса о президенте, есть смысл привести «портретный эскиз» самого Микелены в исполнении боливарианского публициста Хосе Сант Роса. Это поможет реально оценить аналитические изыскания дона Луиса на тему Чавеса.

«Микелена всю свою жизнь был вульгарным проходимцем, — пишет Сант Рос. — По несчастью, он играл важную роль в правительстве Чавеса. Он заключил много сделок, прикрываясь именем революции и свободы, и в итоге предал Чавеса. Он самым бесстыдным образом воспользовался его доверием, инфицировал судебную власть своими бандитами, был опорой той социальной нестабильности, которую переживала Венесуэла в последние восемнадцать месяцев. Микелена поддерживал поделщиков, которые позорили правительство. Они знали, что “правосудие” будет на их стороне, и благодарили Микелену и Пенью за создание этого зловещего инструмента. Они им воспользовались и дали зелёный свет заговору и перевороту. Микелена в тысячу раз хуже, чем Иуда. Я думаю, что Хуан Фернандес, Карлос Фернандес, Карлос Ортега и Кармона в сравнении с Микеленой являются грудными

младенцами. Всё это нанесло большой ущерб “Движению Пятая республика”, потому что его создавал Микелена. Оно не обновлялось и до сих пор заражено “адеками”»(См.: Miquelena es el macabro instrumento del golpismo, La Razon. 18.05.2003. Хуан Фернандес, Карлос Фернандес, Карлос Ортега и Кармона — руководители ДКЦ, главные заговорщики.).

«Античавизм» стал коммерческим предприятием для многих ловкачей, стремящихся заработать на ненависти оппозиционных радикалов и фанатиков к президенту. По мнению публициста Эрла Эрреры, они во многом опирались на опыт холодной войны, когда деятельность на почве антикоммунизма позволяла безбедно существовать и регулярно получать международные премии за борьбу с тоталитарными режимами(См.: Earle Herrera. Antichavismo coto negocio // El Mundo. 20.06.2005.). Падение Берлинской стены привело к временному кризису в рядах этих профессиональных критиканов, но с появлением Чавеса они воспрянули духом. На разжигании к нему ненависти, в первую очередь среди своих же, «близких по духу», можно было «наварить» неплохие деньги, главный источник поступления которых оставался прежним — Соединённые Штаты. На эти «капиталовложения», по оценкам Эрреры, возникли десятки неправительственных организаций, в которых иногда состояло всего по одному члену. Впрочем, по рентабельности эти НПО ни в чём не уступают персональной нефтяной скважине. «Античавистский бизнес, — подчеркнул Эррера, — организовывало международное лобби, которое имело свой номенклатурный список писак. Оно устраивало встречи с активистами НПО в Белом доме, добивалось премий в Испании, раздувало слухи, распространяло сплетни в международных организациях, использовало в своих

целях политические трупы. Всё это для того, чтобы породить страх и подпитывать ненависть».

Достаточно пробежаться по интернет-версиям правоконсервативных газет Латинской Америки, чтобы очертить круг лиц, входящих в интернациональную пропагандистскую «бригаду», которой было поручено «разоблачать и клеймить» президента Чавеса.

Самые официозные фигуры этого «агитпропа» — экс-президент Мексики Висенте Фокс и бывший премьер-министр Испании Хосе Мария Аснар, а самые именитые — писатели Марио Варгас Льюса (Перу) и умерший в мае 2012 года Карлос Фуэнтес (Мексика). К ним позднее присоединился экс-президент Перу Алехандро Толедо. Список можно продолжить менее значимыми фигурами бывших президентов, лидеров «неправительственных организаций» и, конечно, журналистов. Эта пропагандистская «бригада» регулярно выражала «беспокойство» по поводу положения в Венесуэле и «диктаторских замашек» её президента.

Создавалось впечатление, что эти агитаторы разъезжают по миру, участвуют в симпозиумах, конференциях, форумах и семинарах только для того, чтобы призвать «мировую общественность» и международные организации положить конец «коммунистическим экспериментам» Чавеса, который «шагал не в ногу» с добропорядочными демократиями типа чилийской, колумбийской и им подобных. Иногда в речах и статьях членов этой бригады, больше похожих на заклинания, прорывалось такое отчаяние за судьбу «несчастливого венесуэльского народа», что за ним легко прочитывался призыв к Соединённым Штатам вмешаться и навести порядок! Перуанец Марио Варгас Льюса давно стал фактором политической жизни Венесуэлы. Президент Чавес едва приступил к исполнению своих обязанностей, как

предостерегающий голос Льюиса обвинил его в демагогии, диктаторских замашках и претензиях на мессианство. Льюис высказывался по каждому проблемному поводу, всегда на стороне оппозиции. Иногда Льюиса был не столь категоричен и использовал термин «полудиктатура», а Чавеса называл «подмастерьем диктатора», подразумевая под мастером Фиделя Кастро. Писатель не раз предсказывал скорое свержение венесуэльского лидера и, как видим, ошибался. Ошибки в прогнозах не обескураживали Льюиса. Обращаясь к венесуэльцам, он назидательно констатировал: «Теперь вы видите, какую совершили ошибку, возводя Чавеса на трон, ведь избавиться от тоталитарного режима будет очень сложно». С этими тривиальными сентенциями Льюис выступает как председатель Международного фонда за свободу (со штаб-квартирой в Мадриде), но его писательская слава придаёт им особый пропагандистский резонанс.

Льюиса когда-то сам пытался завоевать президентское кресло Республики Перу, но на выборах проиграл и так огорчился, что отказался от перуанского гражданства и стал испанцем. Некоторые считают, что его постоянные атаки на Чавеса были вызваны скрытой ревностью: этот «заурядный подполковник» не раз прошёл через испытание общенациональными выборами и уверенно выиграл их, а он, всемирно известный писатель, «перуанец № 1» современности, остался ни с чем в стране, которую прославил своим пером. Активно создавая себе «имидж» борца за свободу и демократию в Латинской Америке, предостерегая народы континента от «экспансии Боливарианской революции с помощью нефтедолларов Чавеса», Льюиса преследовал ещё одну цель, личную. Он давно претендовал на Нобелевскую премию по литературе и в свои 70 с лишним лет жаждал получить

её как достойное завершение литературной карьеры. Консервативность Нобелевского комитета известна, отсюда и «вираж вправо» писателя, который некогда считался «левым симпатизёром». В 2010 году Варгас Льюса получил долгожданную Нобелевскую премию по литературе.

Нет смысла анализировать качество литературной продукции Льюсы последних лет, хотя стоит напомнить, что он был 212 обвинён в плагиате. В его романе «Нечестивец, или Праздник Козла», о диктаторе Доминиканской Республики Трухильо, были обнаружены присвоенные фрагменты из чужих произведений. Адвокаты помогли Льюсе «отмазаться» от обвинений.

Соперником Льюсы на пути к Нобелевке был другой писатель — мексиканец Карлос Фуэнтес. Он тоже регулярно критиковал Чавеса, вначале просто «во имя защиты демократических идеалов», а потом и для того, чтобы чаще фигурировать в международной прессе. Причина всё та же: активная демонстрация консервативности, осуждение популизма, кастризма и коммунизма стратегически необходимы для борьбы за премию. Предусмотрительный Фуэнтес успел набрать дополнительные очки также на том, что написал восторженное предисловие к книге П. Бачелета «Густаво Сиснерос, глобальный предприниматель». Воспевание олигархов, героев неолиберального супербизнеса, — это поступок с большой буквы. Латинской Америке неолиберальная политика принесла такую деградацию, от которой континент ещё не скоро оправится.

Возмущённые поклонники творчества Фуэнтеса засыпали его письмами: как вы могли пойти на это? Один из них, отнюдь не чавист, написал: «Господин Карлос Фуэнтес, Вам бы лучше заняться своей любимой Мексикой, которая, к несчастью, находится слишком близко к Соединённым Штатам. Их правительство

обрекло Ваш народ на нищету и страдания и, как следствие, на невежество, утрату исторической памяти и покорность. Конечно, Вы живёте очень хорошо. Вы не обязаны следовать христианскому завету: любить своего ближнего (венесуэльский или мексиканский народ), как себя самого. Завтра Вам захочется убедить нас в том, что Буш или Блэр заслуживают Нобелевскую премию мира, сеньор Густаво Сиснерос — премию в области экономики, а Вы, не спору, в сфере литературы. Но не забывайте, что среди других лауреатов премии идут Ваши предшественники Жоржи Амаду, Сесар Вальехо, Хулио Кортасар и все умершие, которые не продали, не заложили свою честь и своё искусство, чтобы стать эпигонами бизнесменов».

В античавистской «бригаде» выделялся ветеран пропагандистских операций ЦРУ журналист Карлос Альберто Монтанер, родом из Гаваны. Его отец процветал во времена диктатора Батисты, был причастен к преступлениям его режима. Но наступили другие времена, и Карлосу Монтанеру пришлось выдавать себя за либерала, сторонника мирного перехода Кубы к «подлинной демократии». По данным кубинских источников, Монтанер начал сотрудничать с ЦРУ в годы учёбы в университете, а профессиональную ориентацию получил на 213 курсах пропагандистов в Форт-Беннинге (штат Джорджия). Проблем с трудоустройством Монтанер никогда не испытывал: невидимая поддержка «всемогущей конторы» облегчала его журналистскую карьеру, обеспечивала гласные и негласные гонорары, публикации книг, разоблачающих «кровавый режим» Ф. Кастро.

В пропагандистских статьях Монтанер, как и другие собраты-термиты, использовал (искусно интерпретируя) тезисы, подготовленные в лабораториях информационной войны США против президентов-популистов — венесуэльца Чавеса,

болливийца Эво Моралеса, эквадорца Рафаэля Корреа, супружеской пары Киршнеров из Аргентины. В аналитических документах официальных учреждений США постоянно подчёркивалось, что без Чавеса «популистские процессы» на континенте «заглохнут сами по себе», прекратится поток венесуэльских нефтедолларов на поддержку дружественных Чавесу режимов и они капитулируют, падут под натиском «цветных революций». Поэтому Монтанер и компания с лёгкостью необыкновенной навешивали и навешивают на прогрессивных политиков новой волны ярлык «неофашистов».

Сильные выражения в жанре «чёрной пропаганды» — излюбленный приём американских специалистов по ведению информационных войн. В отношении Чавеса Монтанер не стеснялся в стандартных эпитетах: «сумасшедший», «нарциссист», «обезьяна с острова Борнео», «каудильо», «агрессивный психопат» и т. д. Вот цитата из статьи Монтанера «Антропология Чавеса», растиражированной венесуэльской прессой: «Это очень агрессивное существо, которое запугивает своих и чужих и берёт верх с помощью завываний, битья в грудь и постоянной демонстрации клыков». (И кто-то ещё говорит, что в Венесуэле при Чавесе «зажимали свободу слова»!) За три месяца до апрельского заговора 2002 года в оппозиционной прессе появились публикации с «подсказкой» Чавесу о наилучшем варианте выхода из сложившейся кризисной ситуации. Одну из них под заголовком «В отличие от Гитлера Чавес не является самоубийцей» (Статья была опубликована в газете «Насьональ» (Каракас, 6 января 2002 года).) есть смысл привести целиком: «Эдмундо Чиринос, психиатр Уго Чавеса, уверен, что если революционный проект потерпит крах, то президенту останется только один выход: умереть за “боливарианскую идею”. Чиринос подчеркнул:

— Никакой венесуэльский президент не был так завязан на свой политический проект, как Чавес. Он занят им не для того, чтобы делать деньги или извлекать личную выгоду. Это лидер, полностью идентифицируемый с проектом, который он возглавляет. По этой причине не могу представить его в изгнании или сидящим в тюрьме. Если революция не устоит, то я вижу Чавеса готовым стать жертвой гражданской войны.

— Существует ли возможность его самоубийства, как это было с Гитлером после падения нацизма? — Нет. Чавеса в отличие от Гитлера нельзя отнести к депрессивным личностям. У него бывают периоды грусти, но для него несвойственно раздвоение сознания. У него есть проблемы в другой сфере, семейные. Но у Чавеса нет склонности к самоубийству. Он не покончит с собой.

Об угрозе покушений на него, о которой постоянно говорил Чавес, Чиринос выразился так: — Это не паранойя. Его подозрения имеют основания и не являются выдумками в целях саморекламы. Это реальные угрозы, которые существуют с того самого момента, когда его проект стал осуществляться. Угрозы не превратили его в трусливого человека. Он продолжает появляться публично, подвергая себя опасности, потому что для него характерно именно так отвечать на вызовы. Вместо того чтобы вызвать страх, угрозы, кажется, только укрепляют его, подстёгивают его мужество.

— То, что он живёт в стрессе, это верно, — подтвердил Чиринос, — но не потому, что кто-то может послать в него пулю, а из-за того, что он взвалил на свои плечи огромную ответственность. Этот сеньор не взял ни одного дня для отдыха за последние четыре года.

По мнению психиатра, то, что Чавес постоянно упоминает о своей готовности к самопожертвованию, показывает, насколько притягательна для него эта идея: — Он относится к тем личностям, которые хотят оставить свой след в истории как павшие в борьбе. Такие люди не идут на капитуляцию».

Чиринос не поддался соблазну поиграть на «психиатрическом поле», как это не раз делали его коллеги, чтобы унижить и оболгать президента. Но «подсказка» психиатра: «Как должен поступить революционный лидер в безвыходной ситуации?» — «Пасть в борьбе!» — вполне устроила враждебный лагерь.

Чавеса при жизни досконально «анализировали» со всех сторон, и предпочитали это делать люди, которые, по разным причинам — политико-идеологическим, расистским, карьерным и даже личным — ненавидели его. Но были и другие аналитические оценки, камня на камне не оставлявшие от разнузданных «психологических портретов» по заказу спецслужб.

Знаменитое выступление Чавеса в ООН, в котором он уподобил дьяволу Дж. Буша, так поразило американского писателя, поэта и астролога Фрэнсиса Дональда Грэйбоу, что он не пожалел времени, чтобы подготовить астрологический «Гороскоп Уго Чавеса». Подводя итог своим звёздным изысканиям, Грэйбоу не мог скрыть восхищения: «Его гороскоп в порядке... Он — порыв свежего воздуха, тёплый бриз сердечной энергии, честный человек. И он знает, что он — человек, а не какой-нибудь герой Наполеон, — просто обыкновенный человек с ошибками и недостатками, как все мы. Стоит любить этого парня!» Грэйбоу посетовал, что не располагает всеми данными для расчётов: «Ещё ни один из сетевых астрологов не назвал определённо час и минуту его рождения, но мы точно знаем день, год (28 июля 1954 года) и место (Сабанета, Венесуэла),

так что нам следует отталкиваться от Рождения Общественного Человека (Зенит)». Но и без этого Грэйбоу выяснил, что Чавес представляет «полный редкой энергии архетип “Отца-Воспитателя”, “Хорошей Отцовской фигуры”» с неповторимой харизмой. Грэйбоу попытался расшифровать харизму Чавеса: «Это неосязаемое, но реальное “что-то”, покоряющее сердце, поскольку оно делит всё, присущее добрым чувствам, с другими — причём делит поровну... Подобное деление облагораживает его, заставляет чувствовать, что он любим и приятен».

Для Грэйбоу президент Венесуэлы совмещает ипостаси Лидера, Исполнителя и Актёра. Он — «искренний, прирождённый оптимист», «настоящий, неподдельный человек», «человек чувства, масс и народа». У него есть «помпезная склонность к театру, но он — искренен и честно пользуется ею, стремится лить свою энергию любви на Публику — Массы». Его автохтонное генеалогическое древо идёт от народа-первоисточника, индейцев, крестьян, людей Земли. Чавес — это «человек, сеющий зёрна богатого и обильного урожая из прошлого в настоящее».

Астролог не сомневается в том, что Чавес имеет «прямой канал связи с Божественной силой и с Духами Предков»: «Он — Ходок между мирами Духа и Материи...» Идеологическая сторона деятельности Чавеса Грэйбоу не интересует. Он игнорирует тематику «Социализма XXI века». На звёздных скрижалях отражены только суть человека, его судьба и предназначение. Идеология — дело преходящее.

Грэйбоу идёт до конца в своих выводах: Чавес «родился с Марсом в Стрельце, значит, он родился с волей Духа Правдоискателя и способностью бороться за Правду. Это не какая-то абстрактная правда, не религиозная догма и не исключительная националистическая философия, а Правда Природы... У

нас есть масса “типов”, желающих бороться за то и за это и за другую философско-религиозную Догму, но так редко встретишь человека, способного бороться за Воспитание. За саму Жизнь. Смотри, как он “боролся”, обеспечивая помощь народу из Луизианы и т. д., после (урагана) Катрины, как он борется, обеспечивая дешёвую (если ему не позволено поставлять её совершенно бесплатно) нефть беднякам Америки, особенно своим Коренным Американским братьям-индейцам! Мировые лидеры смотрят на него и думают: “Этот парень слишком хорош, чтобы быть правдой!” Некоторые отдельно взятые граждане тоже так думают... Они опасаются, что он что-нибудь “выкинет”, что-нибудь нехорошее!..

Он построил государственные клиники и усиленно заботится о медицинском обслуживании народа. В отличие от многих “Президентов” и “Премьеров” Чавес не испытывает дискомфорта среди бедных, как Франциск Ассизский не чувствовал неловкости среди нас. Он исполнен простоты и чисто здравого смысла... Будем надеяться, Уго сможет вновь ввести “в моду” среди мировых лидеров свою чистую любовь к бедняку»...

Интересно, что Грэйбоу добавил к гороскопу своего рода визуальную зарисовку Чавеса: «Я видел его сейчас по телевизору в нескольких “серьёзных” местах типа ООН, и он всякий раз кажется стеснённым чем-то вроде “костюма и галстука”... Его тело явно отвергает их, раскрывает, насколько же это действительно неуклюже-нескладные костюмы. Уродливые, нефункциональные виды родовой униформы, лишённые даже малейшего проблеска творческой способности»...

Этот пассаж Грэйбоу завершил призывом к власти имущим: «Эй, вы, так называемые “Мировые Лидеры”! Облачитесь во что-нибудь полезное и снизойдите до реальной, находящейся под рукой, работы. Парни, мы

не платим вам за простаивание с видом примадонн на подиуме. Повсюду на земном шаре есть срочные дела, нуждающиеся в вашем участии. Бедность, голод, болезни, загрязнение среды, эксплуатация, разрушение окружающей естественной среды. Жизнь — не бесконечная серия фотосессий»(Грэйбоу Ф. Д. Беглый взгляд на гороскоп Уго Чавеса / Пер. О. Равченко. Цит. по: AURORA BOREALIS. Минск, 2008.).

Глава 18

ДНИ АПРЕЛЬСКОГО ПУТЧА: НА ВОЛОСОК ОТ СМЕРТИ

В конце 2001 года к Чавесу стали всё чаще поступать сигналы о том, что оппозиция готовит заговор. Президент считал, что у него есть запас времени, чтобы во всеоружии встретить попытку врагов лишить его законной власти. В истории Венесуэлы политически «роковым» месяцем считается октябрь, и Чавес полагал, что радикальная оппозиция наметила решительный штурм как раз на октябрь.

Чтобы укрепить вертикаль власти, президент стал постепенно избавляться от «назначенцев» Микелены, которые прочно засели в государственных структурах. В качестве своего кадрового резерва Чавес использовал друзей по Военной академии, а также тех бывших кадет, которых с отеческой суровостью муштровал в 1980-е годы. Многие из них в младших офицерских чинах прошли проверку огнём в событиях 4 февраля и 27 ноября 1992 года и никогда не подвергали сомнению авторитет Чавеса как лидера.

Очередное такое назначение было проведено президентом в начале января 2002 года в ходе программы «Алло, президент!», которая велась из Токуйо, штат Лара. В программе участвовал Дьосдадо Кабельо, один из тех выпускников академии, которые связали свою судьбу с революционным процессом. Время от времени Чавес обменивался с ним записками. В одной из них Дьосдадо совершенно неожиданно для себя прочёл: «Готовься, я объявлю о твоём назначении вице-президентом».

В рядах радикальной оппозиции сигнал был понят однозначно: Чавес начал подготовку к контрнаступлению! Кабельо — сторонник жёсткой линии, выполнит любой приказ президента.

Попытки Чавеса укрепить государственный аппарат военными кадрами не были поначалу успешными. В массмедиа такие назначения критиковались как «милитаризация власти», подготовка её к «ползучему военному перевороту». Малейшие неудачи новых управленцев высмеивались, их решения саботировались. Заговорщики в вооружённых силах раскачивали ситуацию изнутри: «Чавес кубанизирует страну, раздаёт оружие сторонникам из левых партий, создаёт “Боливарианские кружки”, имитируя тем самым кубинские Комитеты по защите революции. Чавес нарушает процедуру выдвижения офицеров на командные посты, оказывая предпочтение тем, кто разделяет его боливарианскую идеологию».

По телевидению 7 февраля выступил полковник ВВС Педро Луис Сото, который «от имени 70 процентов военнослужащих» потребовал смещения Чавеса и замены его на «гражданского президента», поскольку стране не нужна «чуждая идеология, показавшая свою несостоятельность в других странах». Высшее командование квалифицировало поступок Сото как призыв к мятежу. Сото был уволен. Однако ящик Пандоры был открыт. О поддержке пилота заявили капитан Национальной гвардии Педро Хосе Флорес, контр-адмирал Карлос Молина Тамайо и другие. «За диссидентство и несогласие с реформами» Чавес уволил генералов Альберто Поджиоли и Гуайкайпуро Ламеду. Эти имена потом всплывут в связи с апрельским заговором, а позже — с операциями спецслужб против боливарианского правительства.

Между тем экономический кризис в стране обострялся. Центральный банк, несмотря на все усилия,

не смог удержать курс боливара в отношении к доллару. За сутки покупательная способность боливара упала на 32 процента. Для оппозиции это стало сигналом к решительным действиям: 5 марта Торгово-промышленная палата, Конфедерация трудящихся Венесуэлы, Епископальная конференция, ректорат Католического университета подписали Демократический пакт против Чавеса.

В хитросплетениях сценария, который был как по нотам разыгран 11 апреля 2002 года радикальной оппозицией и «кукловодами» из посольства США, ещё долго придётся разбираться историкам, политологам и конспирологам. Очевидно, что в деятельности набравшего реальную силу и влияние Чавеса Вашингтону не нравилось всё! Сближение с Кубой, соглашения по военно-техническому сотрудничеству с Россией, усилия по южноамериканской интеграции, созданию региональной системы безопасности (без США), самостоятельная нефтяная политика, которая привела к укреплению ОПЕК и росту цен на нефть, и это после прогнозов «экспертов», что 10 долларов за баррель — «красная цена» на много лет вперёд! Чавес считал, что «нефтяной» аспект был главным: «Апрельский переворот был нефтяным переворотом. Апрельский переворот был переворотом против ОПЕК. Апрельский переворот имел также целью попытку захвата венесуэльской нефти, чтобы подчинить её интересам империалистических транснациональных компаний, потому что с 1995 года осуществлялся ползучий план приватизации PDVSA. Они успели приватизировать часть PDVSA, в особенности мозг индустрии, всю её информационную систему, которая манипулировалась транснациональными картелями через спутник».

Вместе с военными заговорщиками и директором PDVSA апрельский переворот готовили руководство

партий Action Democratica и COPEI, иерархи епископата католической церкви, члены торгово-промышленной палаты (FEDECAMARAS)(FEDECAMARAS — Federation de Camaras y Asociaciones de Comercio y Production de Venezuela.), коррумпированные «лидеры» рабочего профсоюза CTV(CTV-La Confederation de Trabajadores de Venezuela.).

Видимым организатором массовых антиправительственных акций стал Демократический координационный центр (ДКЦ). Более сорока оппозиционных организаций и групп (в том числе «неправительственных»), входивших в ДКЦ, были объединены ненавистью к Чавесу. Это была единственная программная установка, примитивность которой подкреплялась круглосуточной обработкой массового сознания античавистскими массмедиа.

На законный вопрос, а что будет потом, если ДКЦ удастся отстранить Чавеса от власти, лидеры центра уклончиво отвечали: апофеоз демократии, соблюдения прав человека, равенства и братства. Или как выразился один из них: «Надо прежде перейти мостик по имени Чавес». Ничего конкретного, никакой внятной программы.

Рядом с правыми в ДКЦ «кучковались» партии «левее Центра», включая MAS, и даже ультралевые, самой знаковой из которых была ожившая партия «Bandera Roja», ещё в 1992 году показавшая свою провокаторскую сущность. К 2002 году её лидер Габриэль Пуэрта завершил цикл своей политической трансформации «слева — направо» и под предлогом мести Чавесу «за игнорирование его революционных заслуг» превратил свою организацию в «боевой отряд» оппозиции. Охрана мероприятий ДКЦ, провокации, внесение конфликтов и раздора в те жилые районы, где преобладали симпатии к Чавесу и его мирной революции, — всё это стало повседневной практикой и

источником финансирования партии «Bandera Roja». От лидера этой «краснознамённой партии» уже давно не слышно критических слов в адрес ЦРУ и империализма США. Они перестали быть врагами.

Поводом для очередного витка конфронтации стало снятие с должности президента PDVSA генерала Гуайкайпуру Ламеды и отправке на пенсию группы руководителей — ветеранов компании. Уходя, они пригрозили, что отомстят Чавесу. По венесуэльской традиции всё началось со слухов. Персонал компании стали бомбардировать выдумками о том, что правительство намерено всем резко сократить зарплату, что готовится проверка кадров PDVSA на «политическую благонадёжность», что не прошедшие её будут выброшены на улицу, а на замену придут боливарианские экстремисты. Слухи помогли сплотить значительную часть персонала компании вокруг меритократов-заговорщиков и вывести нефтяников на забастовку. Для большего общественного резонанса была прекращена подача сырья на один из нефтеперерабатывающих заводов и некоторые нефтеналивные терминалы. В поддержку нефтяников выступили все те организации, политические группировки и «силы сопротивления», которые ставили своей целью смещение Чавеса. По приблизительным подсчётам, на улицы вышло до полумиллиона человек.

В день переворота многотысячная манифестация сторонников оппозиции стараниями кучки заговорщиков была «отклонена» от первоначального маршрута и направлена к президентскому дворцу. Там, на подходах к Мирафлоресу, прозвучали выстрелы и пролилась кровь...

Как и почему стала возможной эта масштабная провокация? После победы Чавеса на президентских выборах 1998 года манифестации в столице проходили в мирной обстановке. Случалось, что оппозиционные и

проправительственные демонстранты «соприкасались» по недосмотру организаторов в каких-то точках маршрутов, но и в этих случаях не возникало стычек или столкновений, чреватых гибелью людей.

Полицейские репрессии в духе Четвёртой республики стали возобновляться после того, как главным алькальдом столичного округа стал Альфредо Пенья, победивший на выборах 2000 года благодаря поддержке Чавеса. Вскоре Пенья открыто переметнулся в лагерь оппозиции и стал одной из ведущих фигур заговора. Он конфликтовал с президентом по всем пунктам правительственной программы. Но хуже всего было то, что он превратил столичную полицию в силовую поддержку оппозиции. Через начальника личной охраны комиссара Ивана Симоновиса Пенья поддерживал связи с американским посольством, и часть руководящих кадров полиции заблаговременно прошла специальную подготовку в США. На них возлагалась задача провоцировать кровавые инциденты, вину за которые можно было бы взвалить на Чавеса и его окружение.

Венесуэльские массмедиа усиленно обрабатывали общественное мнение. Выступления оппозиции подавались ими как проявление «стихийного и массового недовольства народа кастрокоммунистической политикой Чавеса». Сторонников президента клеймили «примитивными дикарями», «преступниками», «люмпенами», «отбросами». Позитивную социальную программу Чавеса СМИ извратили настолько, что создавалось впечатление: в Венесуэле возобновилась холодная война. В ход были пущены все известные «страшилки»: «режим будет отбирать детей у родителей для воспитания их в коммунистическом духе»; у «землевладельцев конфискуют землю и отдадут крестьянам»; «армию пополнят экстремистами из

боливарианских кружков и преступниками, выпущенными из тюрем». В СМИ назывались имена тех, кто будет проводить эту политику Чавеса. Как следствие, сразу же участились случаи физических нападений на чавистов в общественных местах, ресторанах, публичных церемониях, даже на свадьбах. В практику вошли «касероласо» — групповое битье по кастрюлям и сковородкам у домов, в которых жили «симпатизанты» Чавеса. Больше всего доставалось тем «симпатизантам», которые, на свою беду, жили в восточных районах.

Не Чавес, а враждебные ему СМИ радикализировали общество, раздували классовую вражду! Президент не имел возможности достойно ответить на льющийся поток обвинений. Средства массовой информации принадлежали олигархической оппозиции. Две ведущие национальные газеты «Насьональ» и «Универсаль» были рупором оппозиционного лагеря. Некогда «розовая» «Насьональ», основанная писателем и публицистом Мигелем Отеро Сильвой, который был близок к венесуэльским коммунистам, заметно поправела усилиями его сына. Консервативная прежде газета «Универсаль» стала органом крайне реакционных, профашистских сил. Явную подстрекательскую роль сыграли четыре крупных телеканала (Ведущие частные телеканалы RCTV, Venevision, Televen и Globovisiort.), которые с лёгкой руки Чавеса в народе прозвали «Четыре всадника Апокалипсиса»...

Государственный Восьмой телеканал саботировался изнутри, журналисты, лояльно относящиеся к революции, третировались, к тому же у канала была чрезвычайно запущенная техническая база, он не покрывал всей территории страны. Чтобы обеспечить своё присутствие в информационном поле, Чавес начал прибегать к cadenas, своего рода информационным

«цепочкам», когда все телеканалы были обязаны в унисон транслировать его выступления по важным для страны и народа вопросам. Многие венесуэльцы, в том числе в боливарианских рядах, считали, что президент злоупотребляет использованием cadenas. Особенно возмущались любительницы сериалов: как смеет Чавес покушаться на священное право без посторонних помех насладиться очередной серией?

Главной закулисной фигурой заговора был мультимиллионер Густаво Сиснерос. Не случайно, что приём в честь нового посла США Чарльза Шапиро (Чарльз Шапиро прибыл в Венесуэлу за 20 дней до событий 11-13 апреля 2002 года, сменив в качестве посла Донну Х. Хринок. В Вашингтоне Шапиро считали опытным специалистом по переворотам. Он находился в Чили в качестве военного атташе в период подготовки свержения С. Альенде. Шапиро также был на дипломатической работе в Сальвадоре и Никарагуа в 1980-е годы, период «грязной войны» с партизанскими движениями.) он организовал как раз 11 апреля на своей вилле в кантри-клубе. В числе приглашённых были алькальд столицы Альфредо Пенья, главный католический епископ Бальтасар Поррас, «перебежчик» Луис Микелена, руководители религиозных общин, директора ведущих оппозиционных телеканалов и газет.

Шапиро прибыл в сопровождении двух сотрудников посольства, один из которых был резидентом ЦРУ. Церемония началась в 11 часов. Сиснерос выступил с небольшим приветствием, предоставил слово приглашённым, которые произносили короткие и очень похожие по содержанию речи: «Добро пожаловать, господин посол. Мы рады, что вы здесь. К сожалению, в стране сложилась напряжённая ситуация. Но мы знаем, что в вашем лице демократические силы в Венесуэле будут иметь надёжного друга. Во имя свободы и

благополучия венесуэльцев мы сделаем всё, что в наших силах, чтобы восстановить в стране порядок и социальный мир».

Потом перешли к столу, но спокойного обеда не получилось: гости Сиснероса отвлекались на телевизионный экран, на котором шла прямая трансляция марша оппозиции, и присутствующие знали, что миром он не закончится. Предчувствие того, что для Чавеса наступает «момент истины», приятно будоражило всех нервы. Однако когда по телевизору сообщили, что правительство вводит в действие чрезвычайный «План Авила» по борьбе с беспорядками, гости начали разъезжаться. По «Плану Авила» армия и полиция брали под контроль все транспортные магистрали, въезды и выезды из Каракаса.

Об этом приёме в Кантри Клубе Чавес узнал только после апрельских событий. Он ни минуты не сомневался, что Сиснерос собрал у себя гостей не столько из-за американского посла, сколько для того, чтобы публично насладиться своим триумфом. Чавес помнил, как во время их встреч Сиснерос многозначительно намекал, что всегда добивается того, чего хочет, — в отношениях с женщинами, в бизнесе, в политике...

Дворец Мирафлорес превратился для Чавеса и его сторонников в ловушку. Утром 11 апреля, предвидя обострение ситуации, президент отдал приказ укрепить оборону дворца, перебросив к нему танковое подразделение. Танки в случае необходимости можно было использовать для перебазирования в город Маракай, где находились преданные ему командиры. Но заговорщики перехватили бронетехнику и направили её в Форт Тьюна, где устроили свой штаб. Чавес обсудил создавшуюся ситуацию с министрами. Мнения высказывались противоречивые: надо ждать дальнейшего развития событий, срочно налаживать

«новый» диалог с оппозицией, оказать вооружённое сопротивление, используя до подхода надёжных частей дворцовую охрану.

В это время многотысячный человеческий поток в белых одеждах «миролюбия» уже двигался к центру города, к президентскому дворцу. Демонстранты были разогреты призывами СМИ «сопротивляться режиму», использовать «реальную возможность» сбросить Чавеса. Клич председателя Венесуэльской конфедерации труда Карлоса Ортеги: «Вперёд, на Мирафлорес! Долой Чавеса!» — упал на подготовленную почву. К тому же заговорщики пустили слух, что президент уже покинул дворец и бежал за границу.

Примерно в 15 часов демонстранты стали выходить на дальние подступы к дворцу Мирафлорес. Именно в это время манифестацию незаметно покинули ведущие члены ДКЦ. Они, конечно, знали, какие события должны были произойти дальше. Знали, что на крышах высотных зданий и на балконах затаились снайперы, которые уже выбирали «подходящие цели», особенно среди журналистов, которых можно было определить по телекамерам и фотоаппаратам. Первым от прицельного выстрела рухнул на землю фоторепортёр Хорхе Тортоса. Несколько человек бросились к нему на помощь. Они стали следующими жертвами.

В тот день сторонники Чавеса из политического «Блока перемен» (Bloque del Cambio) проводили свою манифестацию неподалёку от дворца Мирафлорес и концентрировались на авениде Урданета. Пока снайперы расстреливали «белых» манифестантов и случайных прохожих, на авениду Баральт, туда, где должны были бы пересечься демонстрации оппозиции и чавистов, столичная полиция подогнала несколько бронетранспортёров. В этом месте авенида Урданета эстакадным мостом Льягуно пересекает авениду

Баральт. Когда чависты появились на мосту, полицейские с бронетранспортёров открыли по ним огонь. Демонстранты в красных рубашках залегли, кто-то из них имел оружие — пистолеты и револьверы. Они открыли ответную стрельбу в сторону бронетранспортёров, которые медленно продвигались по практически пустынной в этом месте авениде Баральт в сторону моста Льягуно. Чависты отстреливались, чтобы дать возможность людям уйти с моста и выбраться из зоны обстрела.

По телеканалам пошли «репортажи с места событий». Кавычки поставлены не случайно. В телеэфир была запущена фальшивка, которая получила широкую известность как «События у моста Льягуно». Телевизионные провокаторы объединили два несвязанных друг с другом события в одно: обороняющихся чавистов на мосту (только трое-четверо из них имели оружие) и расстрелянных снайперами в других местах журналистов, манифестантов и прохожих. Ни в одном из репортажей не были показаны бронетранспортёры и группы полицейского сопровождения, которые вели интенсивный огонь по людям на мосту Льягуно. Нужный эффект телевизионным провокаторам получить удалось: «чависты расстреливают мирных оппозиционных демонстрантов на авениде Баральт». Кадры стреляющих чавистов повторялись раз за разом, перемежаясь с трагическими сценами лежащих в лужах крови людей.

Не было недостатка в гневных комментариях. Главным виновником кровавой бойни телеканалы называли Чавеса. Это же утверждали алькальд Пенья и бывший министр внутренних дел Микелена. Потом на телеэкранах появилась группа военных, возглавляемая контр-адмиралом Эктором Рамиресом Пересом. От имени вооружённых сил он заявил, что президент несёт

прямую ответственность за гибель неповинных людей, и призвал к всеобщему восстанию. Это была ещё одна фальшивка. Тогда мало кто знал, что заявление военных было снято корреспондентом Си-эн-эн за несколько часов до начала событий! «Расстрелянных мирных демонстрантов» ещё не было, но о жертвах уже говорилось. Так был создан и распространён по мировой телесети сфальсифицированный репортаж о расстрелянной по приказу Чавеса манифестации (Впоследствии эти события в такой же фальсифицированной форме послужили основой для документального фильма, который получил главную Королевскую премию в Испании. Другой документальный фильм, «Мост Льягуно», создали честные венесуэльские тележурналисты, которые проследили по минутам развитие событий 11 апреля и тем самым опровергли фальшивку. Этот фильм был отмечен премией на 2-м Международном фестивале документального кино и прав человека в Сарагосе (Испания)).

Президент Чавес пытался разъяснить народу создавшуюся ситуацию, обозначить свою позицию, но безуспешно: владельцы ведущих телеканалов саботировали его выступление. Чавес говорил страстно, искренне, но был похож на мима: ему отрубили звук. Телеканалы вновь и вновь повторяли «эпизод» у моста Льягуно. Попытки ввести в действие «План Авила», чтобы сохранить управляемость страной и защитить государственные учреждения, не удалось. Верные Чавесу части столичного гарнизона были заблаговременно нейтрализованы, дороги заблокированы грузовиками и автобусами. Полиция по приказу алькальда Пеньи захватила государственный телевизионный канал, и он прекратил вещание.

В Маракае уже 10 апреля было ясно: страна на пороге государственного переворота. К месту

расположения 42-й бригады стали собираться резервисты, рабочие и студенты, по собственной инициативе решившие защищать Боливарианскую республику и её президента. Все знали, что командир бригады Рауль Бадуэль — друг Чавеса, он не оставит его в беде. На рассвете 11 апреля добровольцы стали требовать оружие.

Попытки Бадуэля дозвониться до Чавеса были напрасными. Изменники в окружении президента плотно контролировали телефонный коммутатор Мирафлореса и отсекали всех «нежелательных». Только 11 апреля в полдень Бадуэль смог связаться с Чавесом. Тот сказал: — Спасибо, брат, за твою поддержку и, соответственно, твоей бригады, потому что это стало сдерживающим фактором. В противном случае атака на дворец была бы неминуема.

— Никто никогда не скажет, что я, Бадуэль, предал тебя. Мы черпаем силу и стойкость в наших принципах. В этом заключается смысл нашей жизни.

Президент завершил краткий разговор такими словами: — Всё, о чём я тебя больше прошу, чем приказываю, брат, чтобы ты и твоя бригада не стали причиной гибели невинных.

Чавес не просил о помощи, лишь добавил, что ему, возможно, придётся отправиться в Форт Тьюна, чтобы вступить в переговоры с генералами для обсуждения «возникших проблем».

В Форте Тьюна в это время уже решали судьбу Чавеса. Одни военные выступали за немедленную отставку президента и его высылку из страны. Другие не соглашались, настаивали на «показательном суде»: «Чавеса нельзя отпускать, тем более на Кубу. Он никогда не признает поражения и постарается взять реванш, даже если ему придётся начать партизанскую войну. Желающих присоединиться к нему будет много, в том числе в армии. Для страны это станет

катастрофой». Особенный радикализм проявил генерал Нестор Гонсалес Гонсалес. Звание генерала он получил в срок, в соответствии с выслугой лет, хотя Чавес был в курсе его «фрондёрских» выступлений.

Было решено отправить к Чавесу делегацию. В Мирафлорес из Форта Тьюна прибыли генералы Бустильо, Камачо и другие. Они заявили Чавесу: — Вы — президент республики, мы хотим сохранить уважение к вашему статусу и разрядить возникшую ситуацию.

Генералы предложили Чавесу отправиться на вертолёт в аэропорт Майкетия, чтобы он смог вылететь по своему желанию в любую страну. Чавес ответил: — Нет, так не пойдёт. Давайте договариваться. Я не могу покинуть страну, словно ничего не произошло.

Из штаба заговорщиков Чавесу по телефону сказали, что не принимают никаких его условий. Потом последовал ультиматум: если через десять минут он не выедет в Форт Тьюна, президентский дворец подвергнется ракетному обстрелу с самолётов, а танковая колонна завершит атаку.

В этот критический момент до Чавеса дозвонился Кастро. «Не знаю, как он сумел сделать это, — вспоминал Чавес, — он прорвал коммуникационную блокаду, хотя почти все телефонные линии дворца были отключены. Но Фидель, старый партизан, сумел связаться со мной, и мы смогли поговорить до моего выезда в Форт Тьюна и пленения. Я помню слова Фиделя. Он не упомянул Альенде, но я знал, что он имел в виду его, потому что Фидель пережил драму Чили и военного переворота в этой стране и боль известий о гибели Альенде, о преследованиях и насилии над чилийским народом, чилийской революцией. И тогда он мне сказал: “Чавес, не жертвуй собой”. Очень ясно помню, что было им сказано: “И последнее, Чавес, потому что времени на беседу почти нет. Не приноси

себя в жертву, потому что всё это сегодняшним днём не закончится”».

По мнению Фиделя, у Чавеса было три варианта действий: укрепиться в Мирафлоресе и обороняться там насмерть; призвать народ к вооружённому восстанию и тем самым дать сигнал к развязыванию гражданской войны; просто «сдаться» заговорщикам, не слагая президентских полномочий. Фидель посоветовал выбрать третий вариант: — История учит, что народ всегда требует вернуть народного лидера, свергнутого при подобных обстоятельствах, и, если его не убивают, он рано или поздно возвращается к власти.

Анализируя ситуацию, Чавес пришёл к выводу, что заговорщики намерены действовать по «чилийской модели». В результате тех далёких сентябрьских событий 1973 года погиб президент Сальвадор Альенде, многие его сторонники были убиты, а власть в стране — на долгие годы — узурпировала фашистская хунта Пиночета.

Мятежники не блефуют, они обязательно прибегнут к силе. Надо было решать: подчиниться или оказать сопротивление без какой-либо надежды на успех. Вспомнились слова Фиделя: «Не приноси себя в жертву, потому что всё это сегодняшним днём не закончится»... Чавес обнялся по очереди с министрами Джордани и Наварро, произнёс вымученную и необязательную фразу: — Тактическое окно для нормализации обстановки так и не стало возможным. — И пошёл к выходу, прощаясь со всеми, кого встречал по пути.

«Я думал, что ухожу умирать, — признавался впоследствии Чавес. — В моём сознании каждую минуту, каждое мгновение вспыхивала эта зловещая мысль».

Самый последний сюжет с президентом телевизионные каналы подали в прощально-символическом ключе — расплывчатый бесплотный

силуэт Чавеса возник в эфире на несколько секунд и растворился, словно мираж в пустыне. Затем было зачитано сообщение: президент отрёкся от должности. По телеэкранам прокатилась волна торжествующих откликов-выступлений оппозиционных деятелей: «Тиран пал, мы наконец вернулись к демократии!» Ирония этого исторического момента заключалась в том, что действия самозваного хозяина президентского дворца Педро Кармоны Эстанги носили откровенно антидемократический, диктаторский характер. Он прибыл во дворец Мирафлорес в плотном кольце телохранителей. К созданию новой службы охраны приложил руку адмирал Молина Тамайо(У. Чавес доверял адмиралу Молине Тамайо до самого последнего момента, сохраняя на посту секретаря Совета по безопасности и обороне и в качестве участника Президентской комиссии по пересмотру Закона о Национальном военно-морском флоте и Закона по безопасности и обороне.). Телохранители Кармоны были вооружены штурмовыми винтовками, которые адмирал извлёк из тайников, заранее подготовленных сотрудниками военной разведки США, работавшими «под крышей» посольства. Окружённый ликующими сторонниками, Кармона произнёс слова президентской клятвы по конституции 1961 года и сам надел на себя президентскую ленту. После этой церемонии назначенный Кармоной генеральный прокурор зачитал первый декрет президента, по которому было ликвидировано название страны «Боливарианская республика Венесуэла», распущены Национальная ассамблея, Верховный суд, Генеральная прокуратура, Национальный избирательный совет, Служба защиты народа.

Это был звёздный час заговорщиков. Годовой представительский провиант виски и чёрной икры из подвалов президентского дворца был истреблён в

мгновение ока: очень хотелось утолить жажду по утраченным привилегиям. Вскоре лидеры оппозиции и военные приступили к консультациям по составу переходного правительства. Страсти по этому поводу разыгрались нешуточные. Претендентов было много, и потому процедура подбора «компромиссных фигур» затянулась до утра. Кармона собирался объявить состав кабинета в полдень 13 апреля.

Надо отметить, что каждая из групп заговорщиков готовила своих «выдвиженцев» на президентский пост. Возглавить временное гражданско-военное правительство рассчитывал генерал Ламеда, изгнанный Чавесом из PDVSA, у него были договорённости с некоторыми генералами-заговорщиками. Но их мнение не возобладало.

Казалось, больше всего шансов имел Энрике Техера Парис, 83-летний политической ветеран, у которого было влиятельное «лобби» в Демократическом координационном центре, главным образом среди членов партий Action Democratica и COPEI. Техера обладал безупречной биографией и всеми необходимыми качествами, чтобы возглавить временное правительство (Энрике Техера Парис (р. 1919) во время учёбы в Центральном университете Венесуэлы руководил Федерацией студентов. Специалист по конституционному праву. Член партии Action Democratica. Занимал различные государственные должности. На дипломатической работе был министром иностранных дел, послом в Испании и Соединённых Штатах, в ОАГ и ООН. На всех этих постах проводил последовательную антикубинскую политику.). Но напрасно он сидел несколько часов в автомашине у президентского дворца, дожидаясь, когда его «позовут на президента». Ситуация была настолько комичной, что Техера Парис

позже категорически отрицал этот факт, приписывая его недобросовестным выдумкам чавистов.

Педро Кармона Эстанга, возглавлявший палату предпринимателей, оказался более разворотливым, даже президентскую ленту припас. В этом ему помог посол Венесуэлы в Испании Саласар. Ленту изготовили за рекордно короткий срок в мадридском ателье, в котором обшивали высшее военное командование Испании. Кандидатура Кармоны более всего удовлетворяла «кураторов» заговора из США, Испании и Израиля: гибкий политик, «без националистических комплексов», Кармона был готов на демонтаж всего, что «натворил» Чавес, особенно в нефтяных делах. Неприятие Кармоной «режима Кастро» на Кубе было гарантией того, что и на международной арене он будет проводить курс, диктуемый «кураторами».

Чтобы не омрачать триумфа заговорщиков, генерал Ламеда, отлично понимавший, откуда ветер дует, согласился принять пост президента PDVSA. При этом Ламеда произнёс историческую фразу: «В Венесуэле лучше иметь ежемесячно зарплату в 16 миллионов боливаров, чем миллион проблем вместе с президентскими полномочиями».

Известие о свержении Чавеса послужило сигналом для репрессий против «пособников боливарианского режима». Полицейские агенты без судебных ордеров и соблюдения юридических процедур врывались в жилища чавистов, выволакивали их в наручниках на улицу, вели через улюлюкающую, ненавидящую, распускающую руки и стремящуюся к самосуду толпу, к зарешеченным «воронкам». Министры, депутаты, губернаторы, десятки других деятелей боливарианского правительства подверглись физическим и психологическим издевательствам, которые сторонники Чавеса с полным основанием позже назвали «звериным оскалом фашизма».

Многим боливарианским деятелям пришлось скрываться. Ситуация казалась хаотичной и угрожающей. Они были в растерянности. Чавес вручил себя в руки заговорщиков, решил не оказывать сопротивления. Что делать? Дьосдадо Кабельо из радиосводки DISIP узнал, что на авениде Урданета был тяжело ранен в голову его телохранитель. Он стал жертвой снайперов. Вице-президент не сомневался, что засада готовилась на него. Он был вторым по значению руководителем в боливарианской иерархии и в случае отстранения от власти Чавеса в соответствии с конституцией должен был стать его преемником. Это никак не входило в планы заговорщиков. Кабельо надо было ликвидировать! Утром 12 апреля по радио передали, что — «по неподтверждённым данным» — были убиты радикальные деятели «р-р-режима» Дьосдадо Кабельо и Фредди Берналь.

Заговорщики начали готовить общественное мнение к тому, что, по их замыслам, должно было неизбежно свершиться. В это время Дьосдадо скрывался в штате Варгас. Вначале нашёл пристанище в доме у друзей, затем перебрался в заброшенную хижину на склоне горы Авила. Чтобы пресечь всякие спекуляции о своей смерти, Кабельо позвонил корреспонденту Си-эн-эн Отто Неустаду и в прямом эфире заявил о том, что на данный момент он является конституционным президентом Венесуэлы, поскольку Чавес «похищен», и что зачинщики государственного переворота находятся вне закона.

В столице в возбуждённой толпе сторонников оппозиции распространился слух о том, что многие видные чависты, 230 включая Дьосдадо Кабельо, укрылись в посольстве Кубы. Тут же сотни активистов «антикастристских» групп, беспрепятственно действовавших в Венесуэле, ринулись туда. Они потребовали пропустить их на территорию миссии,

чтобы обыскать её и арестовать «преступников». Кубинский посол Санчес Отеро отверг это ультимативное требование. И тогда началась фактическая осада. Возглавил её молодой алькальд муниципалитета Барута, на территории которого находится посольство, Энрике Радонски. По его указанию был отключён водопровод, отрезано электричество, блокированы входы, разгромлены автомашины с дипломатическими номерами. Столичная и муниципальная полиция не противодействовала актам вандализма, а телевидение подробно показывало, как прилично одетые «белые люди» прыгают на крышах автомашин, бьют стёкла и пытаются перелезть через стену на территорию дипломатического представительства. Послу Санчесу Отеро пришлось предупредить экстремистов, что кубинский персонал будет защищать посольство любой ценой.

Из Мирафлореса Чавес и делегация от заговорщиков выехали на нескольких автомашинах рано утром 12 апреля. Среди сопровождающих были генералы Росендо и Уртадо. Вскоре они приехали в Форт Тьюна. Теперь Чавес оказался в полной власти заговорщиков. В здании Главного командования армии Чавес к своему глубокому удивлению услышал, как по телевизору сообщают Венесуэле и всему миру, что он полчаса назад «ушёл в отставку»! Президент был потрясён этой ложью. Он понял: «Сейчас меня должны убить. Единственный способ, чтобы я не смог сказать, что не подавал в отставку, это превратить меня в труп».

Трудно сказать, как разворачивались бы события дальше, если бы сочувствующий Чавесу офицер не вручил ему свой мобильный телефон. Первый отчаянный звонок был сделан на номер жены Марисабель: «Слушай, бей тревогу, потому что меня собираются убить!» Второй звонок — дочерям. Ответила

Мария Габриэла. Призыв тот же самый: «Делай всё возможное, говори с кем можешь — меня готовятся убить!» Он не ошибался. Самоназначенный президент Кармона хорошо понимал, что главной угрозой для него и его «переходного правительства» был Чавес. Живой Чавес — это почти неизбежное поражение заговора, и потому с ним надо покончить любой ценой.

Мария Габриэла позвонила в Гавану, Фиделю. Связаться с ним удалось на удивление быстро, и девушка сказала всё, о чём просил отец: в отставку он не подавал, от президентских полномочий не отказывался, сейчас находится в руках военных. Кастро не раздумывал ни минуты: 231 «Мы решили выступить в защиту венесуэльской демократии, потому что уже знали, что такие страны, как Соединённые Штаты и Испания в лице правительства Хосе Марии Аснара, которые с такой охотой говорят о демократии и так критикуют Кубу, поддерживают этот государственный переворот. Мы попросили Марию Габриэлу повторить всё, что она сказала, и записали её беседу с Рэнди Алонсо, который ведёт на кубинском телевидении программу “Круглый стол”, имеющую большой международный резонанс. Кроме того, мы собрали всех иностранных журналистов, аккредитованных на Кубе, — это было около четырёх часов утра! — сообщили им о событиях в Венесуэле и дали прослушать свидетельство дочери Чавеса».

Известие о том, что венесуэльский президент не отрёкся от власти, передали ведущие информационные агентства, в том числе Си-эн-эн на испанском языке. Военные, сохранявшие верность Чавесу, воспряли духом. После серии неудачных попыток кубинские телефонисты связали Фиделя с одним из венесуэльских генералов, которому можно было полностью доверять. Кастро подтвердил в разговоре с ним, что Чавес по-прежнему является президентом, и задал несколько

конкретных вопросов, чтобы лучше оценить обстановку в Венесуэле.

Из всего сказанного Фидель понял, что далеко не всё потеряно: лучшие части армии, наиболее боеспособные и подготовленные, были на стороне Чавеса. Но ситуация могла измениться в любой момент, и Кастро сказал своему собеседнику: «Самое неотложное сейчас — выяснить, где находится под арестом Чавес, и направить туда верных ему военных, чтобы спасти его».

Позже, когда эта драматическая страница жизни была перевёрнута, Чавес признался одной из дочерей, что в те трудные часы он повторял строки из наивного, но внушающего надежду «Оракула воителя»: «Прыгай в бездну, рискни всем и прыгай. Хотя тебе кажется, что всё вокруг предвещает твою смерть, сделай попытку. Рука Всевышнего подхватит тебя в последнее мгновение. Но не поддавайся сомнениям. Если поддашься, ты умрёшь. Верь в то, что ничего с тобой не случится. И тогда мягкая посадка тебе обеспечена».

Заговорщики планировали убийство тех военных, которые были бескомпромиссными сторонниками Чавеса и считались препятствием для успешного осуществления переворота. Среди них первой потенциальной жертвой был генерал Рауль Бадуэль, которого, однако, так и не удалось выманить в Каракас 232 из Маракая. Он сразу понял, что ничего хорошего в Форте Тьюна его не ожидает.

Серьёзная угроза нависла над генералом Луисом Гарсией Карнейро, другом Чавеса. В полдень 11 апреля к сержанту Сантьяго Николасу из охраны командующего армией Эфраина Васкеса Веласко обратился генерал Нестор Гонсалес. В присутствии контр-адмирала Карреры между ними произошёл такой разговор: Гонсалес. Мы сейчас поедem за генералом Гарсией Карнейро.

Николас. Отлично, мой генерал.

Гонсалес. Пистолет при тебе? Николас. Да, он при мне, мой генерал.

Гонсалес. Готов для стрельбы? Николас. Всегда готов в соответствии со служебным регламентом.

Гонсалес. У тебя не дрогнет рука? Николас. Никак нет, мой генерал, у телохранителя никогда не дрожат руки.

Гонсалес. Отлично, это мне нравится. Мы поедем на задержание генерала Гарсии Карнейро. Когда мы его задержим, я посажу его в автомашину. После этого ты дважды выстрелишь ему в голову.

Николас. Мой генерал, вы уверены в том, что мне говорите? Заметив колебания сержанта, Гонсалес показал ему в сторону Васкеса Веласко, который говорил по телефону, но подал разрешающий знак рукой, словно подтверждая, что приказ генерала надо выполнить.

В автомашине адмирала Карреры сержант сел рядом с водителем, адмирал — на заднее сиденье. Генерал Гонсалес поехал в другой автомашине. Вскоре они прибыли на плац пехотного батальона «Симон Боливар», где Гарсия Карнейро совещался с офицерами Третьей дивизии. Адмирал Каррера вышел из машины, направился к Гарсии Карнейро, перебрался с ним несколькими словами и потом подвёл к своей автомашине. Караван отправился в обратный путь. В это время сержант почувствовал толчок в спинку сиденья. Это Каррера подавал сигнал: пора стрелять! Николас сделал вид, что не заметил сигнала. Для себя он решил, что не будет выполнять преступного приказа, не станет убийцей.

Только после третьего удара в спинку сиденья он повернулся назад и взглядом дал понять адмиралу, что стрелять не будет. Краем глаза сержант увидел, что

генерал Карнейро, оценив ситуацию, положил правую руку на расстёгнутую кобуру.

После этого Николас уже не оборачивался. Карнейро живым и здоровым (Позднее заговорщики не раз пытались убить генерала Луиса Гарсию Карнейро. Одна из попыток была предпринята во время посещения им могилы матери. Он делал это каждый год в день её рождения. Террористы заложили близ надгробия взрывное устройство, которое обнаружила личная охрана генерала.) был доставлен в Форт Тьюна.

Сержант Николас понимал, что его отказ выполнить задание убить генерала Карнейро не останется без последствий. Они не заставили себя ждать. Начались телефонные звонки с угрозами. Но этим дело не кончилось. Чтобы «наказать» его, неизвестные пытались похитить его жену. Только вмешательство соседей, имевших оружие, уберегло её от вероятной гибели. В ходе следствия жена Николаса опознала по фотографии одного из похитителей: это был охранник (Тело этого охранника, изрешеченное пулями, было найдено на окраине Каракаса через три дня после процедуры опознания.) генерала Гонсалеса.

Когда после апрельских событий Генеральная прокуратура проводила следствие по факту незаконного отстранения президента от власти, Уго Чавесу тоже пришлось дать свидетельские показания. Вот фрагменты из материалов дела: «На вопрос: вам сообщили имена тех, кто потребовал вашей отставки? — Чавес ответил: “Это было трудно сделать. Знаете почему? Потому что, как мне говорил генерал Лукас Ринкон, там, в Форте Тьюна, был самый настоящий базар, и никто из них не мог прийти к согласию. Более того, среди них даже возник конфликт, и было трудно выяснить, кто именно потребовал отставки. Мы пришли к мнению, что это всё-таки был Васкес Веласко, командующий армией, один из тех, кто

возглавлял переворот. Он был старшим начальником по выслуге лет, но против правительства выступали все...” На вопрос: называл ли Лукас Ринкон конкретных лиц, настаивавших на отставке, — Чавес ответил: “Нет, но я думаю, что на этом настаивала вся эта группа, которая находилась в Форте Тьюна, то есть около сорока генералов и адмиралов”...» В Форте Тьюна, помимо военных, тогда находились епископы Бальтасар Поррас и Асуахе, что подтвердило подозрения Чавеса: католическая верхушка тоже участвует в заговоре. Генерал Фуэнмайор Леон обратился к Чавесу без каких-либо преамбул: — Итак, президент, мы пригласили вас для того, чтобы вы подписали здесь документ о своей отставке.

На стол перед Чавесом положили листок, который он уже мельком видел. На этот раз он даже не заглянул в него. Фуэнмайор с вежливой настойчивостью стал убеждать:

— Вы должны понимать, что ваш уход в отставку — это благородный добровольный жест в высших интересах страны.

Далее последовали аргументы такого же рода. Чавес ответил ему, обращаясь фактически ко всем присутствующим:

— Послушай, Фуэнмайор, в таких обстоятельствах я не собираюсь отказываться от президентского поста. Поэтому даже не пытайтесь совать мне этот листок. Если хотите выслушать меня, я ещё раз повторю мои условия.

Чавес перечислил их: первое, второе, третье, четвёртое, и — попутно — привёл другие соображения:

— Будьте весьма осторожны с тем, что может произойти: есть народ, есть конституция, есть верные мне офицеры, поэтому не надо терять осторожность, мы должны наилучшим образом разрешить эту ситуацию.

Чавеса прервали только раз. Генерал Гонсалес сказал с недобрым вызовом: — Мы собрались здесь не для того, чтобы что-то обсуждать с тобой...

Генералы и адмиралы ушли совещаться. С Чавесом остались епископы Поррас и Асуахе и генерал Виетри. Католические иерархи вкрадчиво внушали, что самое лучшее для Чавеса — смирить гордыню и сложить президентские полномочия. Снова появились генералы и адмиралы и снова попытались нажать на неуступчивого президента: — Вот документ об отставке, вы должны подписать его.

Взял слово Карлос Альфонсо Мартинес, генеральный инспектор Национальной гвардии: — Мы не можем согласиться с тем, чтобы он так, беспрепятственно, покинул страну. Как мы потом объясним народу причины, по которым позволили уехать убийце, тому, кто виновен во всех этих смертях? Это был прозрачный намёк: если не подпишешь отречения от власти, потеряешь возможность спокойно уехать из страны, и тогда придётся расплачиваться по всей строгости закона, который не будет снисходительным в отношении тирана и убийцы.

Снова последовал перерыв «на совещание», а затем новая попытка давления. Карлос Альфонсо Мартинес продолжал настаивать: — Чавеса нужно арестовать за совершённый геноцид, за всю пролитую кровь.

На это Чавес не возражал: — Если вы хотите этого, я готов. Я буду президентом-пленником. И не забывайте: отставку я не подпишу...

Кто-то отшвырнул листок в сторону и раздражённо выкрикнул: — Ладно, это не имеет значения, не подписывай ничего! Поздним вечером 12 апреля Чавеса перевезли в казарму батальона «Каракас», который дислоцировался рядом с министерством обороны. Армейские капитаны Отто Гебауэр, Блондель Тинео и Саласар Бооркес не спускали с президента глаз. Это

были его тюремщики. По их отрывистым репликам и скользящим взглядам можно было понять, что они настроены крайне враждебно.

Чавес убеждён: в тот день 12 апреля заговорщики намеревались расправиться с ним. Кармона уже дал распоряжение. Но была ли это его инициатива, человека осторожного, предусмотрительного? Все эти дни рядом с заговорщиками на пятом этаже здания командования находились представители военного атташата США полковник Рональд Мак-Каммон и подполковник Джеймс Роджерс. Они поддерживали постоянную связь с Пентагоном, держа его в курсе событий в режиме реального времени.

О планах убийства президента случайно узнал официант во дворце, подслушав слова «президента де-факто», обращённые к военным, среди которых был контр-адмирал Карлос Молина Тамайо: — Чавеса надо убить, мы не можем ни держать его в заключении, ни позволить, чтобы он покинул страну.

Официант проходил прежде военную службу в Мирафлоресе, хорошо знал «кто есть кто» в военной иерархии, кто перебежал к Кармоне, кто сохранил верность законно избранному президенту. Он, встревоженный тем, что услышал, начал звонить военным, лояльным Чавесу: — Надо срочно что-то предпринять, они собираются убить президента.

Тревога была поднята вовремя. Удалось связаться с экипажем вертолёта, на котором планировалось перебросить Чавеса на остров Орчила. Пилоты обещали изменить маршрут полёта и доставить президента в Маракай, к генералу Бадуэлю. Но заговорщики узнали об этом плане, и экипаж вертолёта был заменён.

Из Каракаса Чавеса переправили на территорию морской базы Туриамо в штате Арагуа. Капитаны Отто Гебауэр и Саласар Бооркес ни на шаг не отходили от

пленника. Они дожидались благоприятного момента, чтобы расправиться с ним.

В кромешной темноте южной ночи единственное, что мог видеть Чавес, — силуэт горы на тёмно-синем небесном фоне, и слышать — где-то внизу, за спиной, шум морских волн. Он был уверен, что смерть его близка: «Они простили меня десять лет назад, во второй раз они этого не допустят». Чавес прикоснулся к нагрудному кресту с Христом Спасителем и сказал себе: «Ладно, если мне суждено сегодня умереть, я готов к этому». Он вспоминал позднее: «Я был готов умереть стоя, с честью. Я говорил себе: “Твой час настал, ты отдашь жизнь за верность своему народу”».

В тот драматический момент Чавес вспомнил о человеке, которому пришлось принять смерть в условиях неволи: «Я вспомнил о Че. Эрнесто Гевара, раненный в ноги, сидел на полу, страдая от ран, и тут кто-то вошёл, чтобы его убить. Когда Че увидел, что его собираются убить, он сказал: “Подождите ещё минутку, не стреляйте”. Он с трудом поднялся на ноги, встал у стены и сказал: “Теперь можете стрелять и вы увидите, как умирает мужчина”»...

Когда рядом с капитаном Гебауэром появилась группа вооружённых людей, сомнений у Чавеса не осталось: это расстрельная команда. Неожиданно среди пришедших начались какие-то споры, перепалка на высоких тонах. Чавес вспоминал: «К счастью, в группе военных возникли разногласия: одни были готовы выполнить приказ, другие возражали. Я слушал все эти споры на расстоянии, слушал в темноте, пока кто-то из них не предупредил: “Если моего командующего убьют, в живых здесь не останется никого”. Так что мы были на волоске от смерти, буквально на волоске».

Остров Орчила стал для Чавеса следующим этапом «маршрута в неизвестность». Его доставили туда вертолётом 13 апреля. Поместили в одну из комнат

президентского дома, расположенного рядом с военной базой. Чистый песок, аквамариново-голубые волны напомнили ему о тех счастливых часах, которые он, сбежав от многочисленных дел, провёл на острове с Марисабель, дочерьми и сыном. Сейчас совершенно иная ситуация. Угроза смерти не миновала, хотя еле заметные признаки «потепления» уже ощущались.

Странной инородной птицей среди тропического пейзажа был самолёт с опознавательными знаками США, стоявший неподалёку от взлётно-посадочной полосы. Как он оказался тут, зачем? Потом, уже во время следствия по перевороту, выяснится, что по-настоящему никто так и не проверил этот самолёт. Хотя бы то, кто дал разрешение на его приземление на венесуэльском военном аэродроме. Ограничились поверхностной беседой с его пилотами. Они сообщили, что работают на крупного финансиста Виктора Джиля Рамиреса (Имя Виктора Джиля фигурирует также в материалах следствия по нашумевшему убийству 14 ноября 2004 года прокурора Данило Андерсона. В его автомашину было подложено взрывное устройство. Прокурор вёл расследование в отношении лиц, готовивших переворот 11-13 апреля 2002 года. В числе подозреваемых были несколько венесуэльских банкиров, включая Джиля.), владельца «Тотал Банка». После передышки на острове возьмут курс на ПуэртоРико. Только потом следствие установит, что именно на этом самолёте предполагалось вывезти Чавеса в США. Похожая схема была использована для «изъятия» неугодного США президента Гаити Жана Бертрана Аристида в феврале 2004 года. Его захватили американские командос и вывезли на военном самолёте за пределы страны... В Венесуэле такой вариант не прошёл, вероятно, потому, что большинство в армии было на стороне Чавеса. Расправа с ним могла привести к непредсказуемым последствиям.

Чтобы размяться, Чавес совершил пробежку по берегу в компании сержантов из местной охраны. Он бежал по кромке воды и песка, босой, но в спортивной рубашке, которую ему подарил кто-то из охранников.

На Орчиле конвоиры Чавеса снова попытались добиться от него письменного отречения от власти, но получили твёрдый отказ.

Главным организатором сопротивления заговорщикам и вызволения Чавеса с острова Орчила считается Рауль Бадуэль. У него были свои счёты с путчистами. В преддверии апрельских событий они провели «операцию отвлечения», с помощью которой пытались бросить тень на Бадуэля и его парашютистов. Командующего 42-й бригадой хотели представить Чавесу «главным конспиратором» против боливарианского правительства.

Сделать это было несложно: военной контрразведкой руководил активный участник заговора. Он направлял президенту агентурные сводки о «растущих подозрениях в отношении нелояльности Бадуэля и его окружения». Дело дошло до того, что сотрудники DIM взяли у всех подчинённых генерала отпечатки пальцев. Проводились допросы, в ходе которых контрразведчики пытались получить доказательства конспиративной деятельности Бадуэля.

Когда оппозиционные телеканалы объявили об отставке президента, Бадуэль, намереваясь перепроверить сообщение, вновь звонил Чавесу, но безрезультатно. Мобильный телефон президента был отключён. Зато всё чаще в кабинете Бадуэля раздавались звонки генералов и адмиралов, участвовавших в заговоре. Они пытались перетянуть его на свою сторону, опасаясь стремительного броска 42-й бригады на Каракас.

В штаб Бадуэля приехал Микелена, чтобы «уговорить» генерала поддержать переворот. Как

вспоминал Бадуэль, он ответил резко и бескомпромиссно: — Слушай, Луис, все вы — безответственные люди. Ты и твои помощники, стоящие за всем этим, будете нести ответственность, если что-то случится с президентом. Это станет фактором, который развяжет всеобщее насилие, и тогда в Венесуэле не хватит электрических столбов, на которых всех вас повесят.

В кризисные дни Бадуэль сделал несколько публичных заявлений, в которых осуждал действия заговорщиков, подрывающих конституционный порядок. Его слова разнеслись по всей стране. В полдень 13 апреля, это была суббота, ему позвонил из штаба Генерального командования армии знакомый офицер, спросил: — Мой генерал, вы планируете двинуться на Каракас? Бадуэль ответил: — Я этого не исключаю.

К тому времени в Маракае находились командиры двадцати батальонов, общая численность которых достигала двадцати тысяч человек, а на вооружении были танки и артиллерия. Совокупная ударная мощь этих подразделений значительно превышала боевой потенциал заговорщиков.

— Я говорю вам от имени почти всех офицеров, работающих в штабе, — пояснил Бадуэлю звонивший офицер. — Здесь прошёл слух, что вы уже идёте на Каракас. Стыдно смотреть, как, узнав об этом, генералы-заговорщики разбегаются во все стороны. Если вы намерены взять под свой контроль штаб армии, известите нас, мы готовы перейти под ваше начало.

Перебрасывать части из Маракая не потребовалось, потому что из Каракаса поступали новости о том, что армия и народ вот-вот захватят дворец Мирафлорес. Но со спасением Чавеса надо было спешить. Под руководством Бадуэля началась операция «Восстановление национальной чести».

С базы Туриамо кто-то из военнослужащих доставил в Маракай собственноручную записку Чавеса, в которой он писал, что от поста президента не отказывался. Вскоре Бадуэлю удалось установить, что Чавеса уже перевезли на остров Орчила...

Поздно ночью с 13 на 14 апреля по государственному каналу выступил генерал Арриета Вирла. Он объявил, что верные президенту Чавесу войска под командованием генерала Гарсии Карнейро восстановили контроль над Фортом Тьюна. Это означало, что заговорщики потерпели поражение.

Кармона не успел огласить состав «переходного кабинета». Со всех сторон в Мирафлорес поступали сообщения о нарастании народного протеста, угрожающей концентрации «агрессивно настроенных» чавистов, прежде всего жителей бедняцких районов, вокруг президентского дворца. «Верните нашего президента!» — разгневанно кричала толпа в красных «чавистских» беретах. Немногие радиостанции, поддерживающие Чавеса, сообщили радостную новость: «Эфемерный президент путчистов “Эль Бреве” (“Краткосрочный”) в панике бежал через заднюю дверь Мирафлореса — напрямик в навозную яму истории».

Часть сообщников Кармоны была арестована и изолирована в подвальных помещениях дворца. Члены правительства, которые скрывались у родственников и друзей, стали возвращаться на свои рабочие места. Дьосдадо Кабельо покинул убежище на склонах Авилы. Шоссейная дорога между столицей и побережьем во многих местах была перекрыта народными баррикадами. Время от времени слышались звуки выстрелов: заговорщики неохотно покидали свои позиции. Адъютант Чавеса майор Чоурио направил за Кабельо санитарную машину, чтобы вывезти его из опасной зоны и доставить в Мирафлорес.

Президент Национальной ассамблеи Вильям Лара привёл Кабелью к присяге в качестве «исполняющего обязанности» руководителя страны до возвращения Чавеса с Орчилы. В почётном качестве «местоблюстителя» Кабелью пробыл 5 часов 15 минут. За это время он подписал два документа. Один — об «исполнении обязанностей», другой — о «сдаче временных полномочий». Второй документ — на рассвете 14 апреля, когда Чавес триумфально, на борту вертолёта, — вернулся в президентский дворец.

Народ покончил с путчем за 72 часа. Заговорщики просчитались.

Все ждали от Чавеса жёстких мер: разгона оппозиционных «штабов», ареста активных заговорщиков, показательных судов, закрытия тех СМИ, которые использовались путчистами для разжигания экстремизма и манипуляции толпой. Ничего этого не произошло. Президент продемонстрировал всей стране свой крестик с всепрощающим Христом и сказал, что произошедшее — трагический результат сложных процессов, проблем и противоречий, отсутствия доверия и диалога и, возможно, каких-то его собственных ошибок. Никакой мести, все политические и общественные силы Венесуэлы должны покончить с ненавистью и бесплодной враждой и приступить к работе на благо народа и страны. Дьосдадо Кабелью в одном из интервью признался: «Откровенно говоря, я не ожидал этого крестика, я был уверен, что на заговорщиков обрушатся жестокие репрессии. Хосе Висенте Ранхель, увидев удивление на моём лице, сказал: “Президент избрал наилучший вариант действий”».

Радикальные боливарианцы в окружении Чавеса были разочарованы: президент упустил возможность раз и навсегда расправиться с противником, компромисс с которым был опасен. Радикальная

оппозиция вздохнула с облегчением: репрессий не ожидается, Чавес публично дал слово, он «сковал» себя обязательствами. Примиренческие жесты Чавеса были расценены оппозицией как проявление слабости. «В его рядах нет единства, — сделали вывод вчерашние заговорщики, — следовательно, можно продолжить курс на конфронтацию». И поставили своей целью довести до максимума внутренний кризис в «чавизме». Президент лишится последней поддержки, и тогда его можно будет брать голыми руками.

Путчисты практически без паузы продолжили подрывную работу, ориентируясь на декабрь как месяц повторного выступления. Они выдвинули лозунг: «Рождество 2002 года без Чавеса!» Первое время Педро Кармона находился под домашним арестом. В ходе расследования, проведённого комиссией Национальной ассамблеи, он отказался признать себя виновным, заявив, что проявил «патриотизм и согласился временно занять президентское кресло в условиях вакуума власти». На этом он стоял твёрдо: «Восстания или государственного переворота не было, был вакуум власти. Я выступал как оппонент и никогда как заговорщик. Сформировать временное правительство я согласился по просьбе военных. Иностранные правительства к отстранению Чавеса от власти отношения не имели».

После того как суд выдал постановление о переводе Кармоны в тюрьму, он поспешил укрыться в резиденции посла Колумбии. Политическое убежище было предоставлено Кармоне в тот же самый день, когда президентом Колумбии был избран правоконсервативный политик Альваро Урибе.

Мировое сообщество не торопилось с осуждением заговорщиков. В совместном заявлении США и Испания выразили «интерес и озабоченность» по поводу событий в Венесуэле и, хотя открыто не высказали

немедленного намерения признать «временное правительство» Кармоны, объявили о своём стремлении к тому, чтобы «чрезвычайная ситуация» в этой стране была преодолена в кратчайшие сроки и привела к «полной демократической нормализации». Ни одного критического слова по адресу заговорщиков. В Мирафлорес Кармоне звонил президент Колумбии Андрес Пастрана, срок нахождения которого у власти подходил к концу. Он хотел «из первых рук» выяснить обстановку в стране. Этот звонок был истолкован заговорщиками как демонстрация поддержки. Президент Сальвадора Франсиско Флорес по неофициальным каналам уведомил «временное правительство», что готов признать его, но только после того, как это сделают Соединённые Штаты.

Двойственную позицию заняло правительство Чили, которое в заявлении от 12 апреля высказалось за «нормализацию демократической институциональное™» и «принятие необходимых мер по проведению свободных выборов в ближайшее время». В заявлении не было и намёка на осуждение переворота в Венесуэле, хотя Республика Чили сама прошла через подобные события, завершившиеся кровавой диктатурой Пиночета. По версии МИДа Чили, события, приведшие к нарушению «демократического порядка» и жертвам, были вызваны политикой самого «венесуэльского правительства». Подход Чили к перевороту в Венесуэле во многом определялся «демохристианской составляющей» в правительстве Рикардо Лагоса. Демохристианская организация Америки принимала самое непосредственное участие в подготовке переворота, используя для этого связи с COPEL. Особо надо сказать о роли Вашингтона. Заместитель госсекретаря по странам Латинской Америки Отто Рейч пытался представить позицию США в апрельские дни как взвешенную, соответствующую международным

нормам: «События 11 апреля создали вакуум власти. Уго Чавес снял с себя президентские полномочия, когда вооружённые силы отказались выполнять его незаконный приказ о расправе с народом. Чавес позвонил послу одной европейской страны, с которым был в дружеских отношениях, и просил его позаботиться о своей семье, объяснив это тем, что подаёт в отставку. Об этом нам сообщило правительство этой страны. О событиях мы узнавали из телерепортажей. После полуночи с 11 на 12 апреля генерал Лукас Ринкон объявил, что от президента потребовали отставки и он согласился. Много было сказано о том, что именно я держал в руках все нити переворота. Если бы это соответствовало истине, всё завершилось бы по-другому. Дело в том, что мы не имели к этому отношения. Мы дали указание Шапиро не выпускать сотрудников за пределы посольства, а сами (в Госдепартаменте) создали комитет по отслеживанию чрезвычайной ситуации в Венесуэле».

Позже Рейч неизменно отстаивал версию о непричастности Госдепартамента (и своей лично) к перевороту. Кривить душой ему не приходилось, ведь он не имел формального отношения к деятельности ЦРУ и военной разведки США: «Мы, в Вашингтоне, заранее, ещё до попытки переворота — а слухи о нём циркулировали активно, — изучали порядок передачи полномочий в Венесуэле, если президент уходит в отставку. По действующей конституции выходило, что они возлагаются на вице-президента. На наши вопросы, какими правилами в данном случае руководствовался Кармона, посол Шапиро ответил, что не знает. Я даже представить себе не мог, что Кармона мог провозгласить самого себя верховной властью без каких-либо конституционных оснований, как это сделал Наполеон. Тогда я поручил послу разыскать Кармону и от имени правительства США выяснить все

обстоятельства. Если процедура была осуществлена с нарушением конституционной преемственности, Шапиро должен был сказать Кармоне, что тот не может рассчитывать на нашу поддержку... Посол позвонил мне в Вашингтон в 14.00 и сообщил, что поручение выполнил. Кармона сказал ему дословно следующее: «Большое спасибо за совет, господин посол, но мы знаем, что делаем». Вот когда я подумал, что всё происходящее в Венесуэле приведёт к катастрофе».

Тогдашний советник президента США по национальной безопасности Кондолиза Райс заявила, что «Чавес должен задуматься, почему люди восстали против его политического курса». Она посоветовала венесуэльскому лидеру искать пути примирения со своими противниками, а не начинать «охоту на ведьм», поскольку это стало бы нарушением действующей венесуэльской конституции». Заявление Райс было верхом цинизма. Мало того что она публично отрицала какое-либо содействие США подготовке заговора и их одобрительную реакцию на провозглашение Кармоны президентом, но ещё и «присвоила» мирную позицию Чавеса по отношению к заговорщикам.

Через несколько дней после апрельских событий посол США Чарлз Шапиро запросил Чавеса о встрече. Президент принял его в Мирафлоресе. Было заметно, что посол без особого желания выполняет поручение Госдепартамента: довести до сведения Чавеса информацию о том, что на него готовится покушение. Президент не сдержался, сказал с иронией: «Значит, вы раскрыли научную формулу тёплой воды и того, что луна появляется в небе ночью. Это замечательно! Разве не вы, Соединённые Штаты, покушаетесь на мою жизнь?» Потом спросил: «Что конкретно известно об этом? Кто именно планирует убийство? Каковы имена террористов?» Шапиро покачал головой: «Нет, нет!

Инструкции, полученные мной, этих данных не содержат».

Только через три года Чавес рассказал журналистам об этой беседе с Шапиро, назвав его «самым настоящим клоуном, а не послом»(Об этом разговоре с Ч. Шапиро Чавес рассказал журналистам на пресс-конференции в Доме «Радио Франции» в Париже 10 марта 2005 года.). «Просто замечательно! Напросился ко мне только для того, чтобы сказать, что меня хотят убить. И больше ничего! При наличии ЦРУ, ФБР и других разведывательных органов не иметь никакой другой информации? Мы знаем, и это известно не только нам, что в Майами есть полигон для подготовки венесуэльских террористов. Правительство Соединённых Штатов знает, кто они такие, но ничего не сделало для их ареста. Более того, оно поощряет этих людей». По мнению Чавеса, этот «предупредительный визит» Шапиро был задуман в Вашингтоне для того, чтобы прикрыть сам факт причастности США к апрельским событиям: «Этот клоун-посол запросил у меня аудиенцию сразу же после того, как аплодировал тирании Кармоны!»(Американский посол в Венесуэле У. Браунфильд подтвердил (7 марта 2005 года), что такая беседа имела место. Действующий в США закон «обязывает сообщать партнёрам обо всех фактах подготовки террористических актов против президентов и правительств, а также планах осуществления переворотов». Сведения о других возможных покушениях на Чавеса Шапиро передал вице-президенту Венесуэлы Х. В. Ранхелю в сентябре и октябре 2002 года.) Чавесу потребовалось время, чтобы разобраться в скрытых переплетениях провалившегося заговора. Прежде всего ему пришлось убедиться в том, что в той или иной степени его дезинформировали DISIP, военная контрразведка, даже сотрудники Службы президентской охраны (Casa Militar), обязанные

сохранять верность президенту в самых крайних обстоятельствах. Постепенно, без резких телодвижений, Чавес начал наводить порядок в службах, без которых было невозможно иметь реальное представление о действиях враждебных сил внутри и за пределами страны.

Получил он доказательства и того, что с заговорщиками работали резидентура ЦРУ и — ещё активнее — военная разведка Соединённых Штатов. Ещё со времён Второй мировой войны в число приоритетных задач американских вооружённых сил в регионе входила «защита» энергетических месторождений Венесуэлы от посягательств враждебных государств. Первоначально таким врагом был Третий рейх, затем — Советский Союз. После распада СССР наибольшую опасность, с точки зрения Пентагона, стали представлять международные террористы — арабские и ультралевые. Вот такая трогательная забота о защите нефтяных ресурсов Венесуэлы, хотя боливарианское правительство никогда не просило Вашингтон об этом.

По мере расследования всплывали всё новые подробности причастности США к подготовке заговора. Иногда не только серьёзные, но и курьёзные. Так, на одном из дипломатических приёмов в Каракасе накануне 11 апреля к генералу Гонсалесу подошёл военный атташе США и стал упрекать его в том, что никто из венесуэльских заговорщиков не вышел на контакт с людьми, которые дожидались связи на борту американской подводной лодки. Установить контакт было бы несложно, поскольку лодка находилась на траверзе порта Ла-Гуайра, в нескольких километрах от венесуэльского побережья. Генерал Гонсалес постарался ничем не выдать своего изумления и после приёма доложил о странной «выволочке», полученной от гринго, своему начальству. Оказалось, американец,

прочитав фамилию на его мундире, ошибся, приняв его за другого Гонсалеса.

Присутствие подводной лодки США не было одиночным фактом. Накануне апрельских событий американцы заметно активизировались в бассейне Карибского моря. Были подтянуты корабли с морскими пехотинцами, укреплены дополнительными эскадрильями авиационные группы в Колумбии и на острове Кюрасао. В столичном аэропорту Майкетия приземлилось несколько якобы «транзитных» самолётов ВВС США. То же самое было отмечено в аэропорту города Барселона, в 300 километрах от Каракаса.

Как уже говорилось, на острове Орчила 12 апреля совершил «промежуточную» посадку американский транспортный самолёт. Его экипаж назвал в качестве конечной цели полёта аэропорт «Сан-Хуан» в Пуэрто-Рико. Это произошло за несколько часов до того, как на остров был доставлен арестованный Чавес. В штабе 42-й бригады в Маракае возникли серьёзные сомнения по поводу предназначения этого самолёта. Были высказаны предположения, что на его борту находятся командос, которые должны захватить и вывезти Чавеса за пределы Венесуэлы.

Как вспоминал генерал Гарсия Монтойя (лояльный Чавесу), он позвонил из Маракая в посольство США, пригласил к телефону посла Шапиро и попросил разъяснений по поводу самолёта на Орчиле. Посол явно растерялся, минуту молчал, не находя подходящего ответа, и потом, несмотря на хорошее знание испанского языка, пробормотал несколько раз: «Гт sorry. I'm sorry» и бросил трубку. Вскоре этот самолёт спешно покинул остров...

Глава 19

СХВАТКА С НЕФТЯНЫМИ ЗАГОВОРЩИКАМИ

Апрельский путч подтвердил наихудшие предположения Чавеса: закончился лимит времени, который выделила администрация Дж. Буша на его пребывание в Мирафлоресе. Белый дом принял решение убрать его любой ценой. В апреле сценарий не был доведён до конца. Сторонников Чавеса в армии оказалось значительно больше, чем заговорщиков. Чавес понимал, что Империя не успокоится, не смирится с провалом. Организаторы заговора найдут новых исполнителей, устранят ошибки в планировании, составят альтернативные сценарии покушений. Атак надо ждать со всех сторон, в любой день, в любую минуту.

Действительно, члены Демократического координационного центра (ДКЦ) уже приступили к подготовке последнего, решающего удара по боливарианскому режиму. Нанести его надо было до конца года. Для масс выбросили лозунг: «Рождество без Чавеса!» Оппозиция торопилась, потому что в начале 2003 года вступали в силу важные законы, и прежде всего о нефти и газе, которые, по замыслу Чавеса, положили бы конец ползучей контрреволюции в PDVSA и поставили «меритократов» под контроль.

Чавес видел, как очередной кризис приближается гигантскими шагами. Агрессивные марши оппозиции, «кастрюльный» грохот у домов членов боливарианского правительства, призывы к военному мятежу, в том числе через СМИ: «Армии надо вмешаться и навести

порядок» — всё это уже было накануне апрельских событий. Тем не менее декабрьский вариант «последнего и решительного боя» оппозиции с Чавесом был более опасным: на кон был поставлен «нефтяной фактор».

Внутренняя ситуация в PDVSA стремительно ухудшалась. Античавистские силы доминировали. Те, кто выражал симпатии боливарианскому процессу, подвергались нападкам, получали свою порцию «кастрильных протестов»: это могло быть у дверей кабинета, на служебной автостоянке и в кафе «Plaza Aegea», расположенном в здании PDVSA в Ла-Кампинье. Президент компании Али Родригес Араке едва ли не каждый день докладывал Чавесу о контрреволюционных выходках, но советовал воздерживаться от превентивных мер: «Подготовка забастовки идёт полным ходом. Нарыв болезненный, но ему надо дозреть. Тогда нам будет проще принимать нужные решения».

Для демонстрации силы «нефтяная оппозиция» регулярно создавала кризисные ситуации, организуя, к примеру, нехватку бензина то в одном, то в другом штате. Особо опасной Родригес считал оппозиционную группу «Люди нефти» (Gente de Petroleo), якобы выступавшую на защиту «профессиональных интересов» сотрудников компании. Её лидер Хуан Фернандес провозгласил главной задачей группы «борьбу с политизацией PDVSA», хотя именно политизацией «Люди нефти» и занимались, проводя митинги и размещая в Интернете и СМИ Венесуэлы призывы к проведению референдума о пребывании Чавеса на президентском посту. Даже неискушённые в проблемах PDVSA люди понимали: компания переживает серьёзный внутренний кризис и раскол носит прежде всего политический характер.

Чтобы снять напряжение, Али Родригес делал успокаивающие заявления о планах PDVSA по увеличению добычи нефти в 2003 году. Послание «между строк» адресовалось также Вашингтону: венесуэльская нефть будет беспрепятственно в возрастающем объёме направляться в США. В июле Родригес обещал поставлять нефть по 20 долларов за баррель до конца 2002 года. Впрочем, Чавес в своих выступлениях прогнозировал, что в мире грядут новые — более справедливые! — цены на чёрное золото: 25–32 доллара за баррель, и Венесуэла на ближайшем заседании ОПЕК будет отстаивать именно эту позицию! Все усилия Чавеса восстановить поставки нефти на Кубу наталкивались на упорное противодействие «меритократов» в PDVSA. Они искали предлог, чтобы вообще аннулировать нефтяной контракт с Cupet (Cubapetroleo). Прибегали к различным уловкам, обвиняли Гавану в неуплате денег за поставленную нефть. Чавес почти ежедневно совещался с президентом PDVSA Али Родригесом и министром энергетики Рафаэлем Рамиресом: «Отсутствие поставок — это подтверждение того, что линия Вашингтона на экономическое удушение Кубы берёт верх. Мы демонстрируем слабость, хотя не должны этого допускать».

С большим трудом Родригес преодолевал внутренний саботаж в PDVSA. Он всё же добился заключения соглашения с кубинцами о рефинансировании долга в 142 миллиона долларов. В середине сентября 2002 года в телепрограмме «Алло, президент!» Чавес не без торжества сообщил, что танкеры с нефтью вновь пошли на Кубу.

В ежедневных сводках DISIP и военной контрразведки, которые докладывались президенту, регулярно появлялось имя Энрике Техеры. Престарелый деятель партии Action Democratica не примирился со

своим провалом в апреле, когда «этот выскочка» Кармона узурпировал президентское кресло. Особняк Техеры в Орипото, пригороде столицы, стал местом тайных сборищ заговорщиков. Техера считал, что есть все условия для того, чтобы он мог успешно повторить попытку. Соппротивление режиму нарастает. Заявлениям Чавеса о готовности к диалогу и компромиссам верить нельзя. Он всего лишь пытается выиграть время, консолидировать власть, чтобы подготовить контрнаступление и разгромить своих врагов. Он — военный и мыслит только в таких категориях.

В совещаниях в резиденции Техеры участвовал агент военной контрразведки Z. Его доклады были, по мнению Чавеса, более чем убедительны: Техера готовит «второе издание» путча. Если действия его конспиративной группы и всеобщая забастовка, планируемая ДКЦ, совпадут по времени — беды не миновать. Поэтому без упреждающих действий не обойтись.

Ранним утром 5 октября сотрудники военной контрразведки и DISIP окружили особняк Техеры, проникли внутрь и приступили к обыску. Он длился четыре часа. Изъятый инкриминирующий материал был обильным. В тот же день, вечером, Чавес, выступая перед руководителями и активистами «Движения Пятая республика» в Муниципальном театре, сообщил им о хитросплетениях сорванного заговора. Техера резервировал для себя пост президента Верховного правительственного совета, в который должны были войти военные и гражданские лица (в основном члены Action Democratica и COPEI). Под их контролем планировалось создание Федерального совета. Об этом должны были заявить военные, сделав упор на том, что Конституция 1961 года сохраняет силу, хотя «нельзя игнорировать, что существует другой конституционный

текст, принятый на референдуме 1999 года». Военные оправдают своё участие в заговоре намерением пресечь попытки «режима» установить в Венесуэле диктатуру, а также тем, что «вполне вероятно сползание страны к анархии» из-за всеобщей забастовки и акций гражданского неповиновения.

На подробной карте Каракаса, обнаруженной в резиденции Техеры, были отмечены узловые пункты города, где намечалось блокировать движение транспорта «с помощью радикальных средств». За каждый «боевой участок» отвечали конкретные исполнители — офицеры или комиссары столичной полиции. О методах, к которым намеревался прибегнуть Верховный правительственный совет, свидетельствует проект «Декрета № 2». Один из его первых пунктов провозглашал отмену конституционных гарантий. Далее следовали такие предписания: «Первые 24 часа (после захвата власти заговорщиками) запрещается какое-либо передвижение по всей стране: все остаются по своему месту жительства. После этого вводится чрезвычайное положение с 6 часов вечера до 6 часов утра в течение недели. В последующий период чрезвычайное положение будет соблюдаться с 10 вечера до 5 утра. В ночное время передвижение осуществляется только со специальными пропусками, которые будут выдаваться военными властями. Право на собственность будет ограничено: на неделю закроют все нотариальные конторы; временно прекратится передача имущества из одних рук в другие; назначается прокурор для осуществления имущественного контроля, когда имеются основания считать, что имущество нажито в результате нанесения ущерба государству. В течение 15 дней запрещаются любые мероприятия в общественных местах; право на манифестации, какими бы ни были мотивы их проведения, аннулируется на 30 дней».

Ключевая проблема, которую предстояло решить «новой власти», в бумагах Техеры формулировалась так: «Что делать с президентом Чавесом? Изгнание за границу — физическая ликвидация — тюрьма».

Техера привлёк опытных адвокатов, чтобы поставить под сомнение и подлинность документов («мне их подсунули»), и законность процедуры обыска («не было соответствующего ордера»). Судейские проволочки позволили ему остаться на свободе, а в марте 2003 года все обвинения в конспиративной деятельности были с него сняты: в судебных структурах Венесуэлы доминировали сторонники Четвёртой республики, то есть — оппозиция. Чавес не стал оспаривать этого решения, полагая, что публичного разоблачения заговорщицкой деятельности Техеры вполне достаточно. Престарелый политик сделал правильные выводы: стал уделять больше внимания внукам и второму тому своих мемуаров.

С приближением Рождества 2002 года посольство США в Каракасе заметно оживило свою работу, что заставило Чавеса пристальнее присмотреться к послу Чарльзу Шапиро (В биографической справке Госдепартамента, куда Шапиро поступил на работу в 1977 году, сообщалось, что он учился в Пенсильванском университете, защитил кандидатскую диссертацию в университете города Джорджия (Алабама). Обладает большим опытом работы в Латинской Америке, является экспертом по кубинским вопросам. Шапиро курировал андские страны, работал советником в посольстве США в Сальвадоре (1985–1988) в период гражданской войны в этой стране. Некоторое время Шапиро возглавлял Латиноамериканское бюро по борьбе с наркотиками.). Американец вручил верительные грамоты Чавесу незадолго до апрельских событий. Тогда, во время аудиенции, Шапиро был красноречив и эмоционален, уверял, что будет твёрдо следовать инструкциям

президента Буша на поддержание демократии и законно избранной власти в Венесуэле. Наглая, бесстыдная ложь! Когда Кармона украсил себя президентской лентой, Шапиро поспешил в Мирафлорес, чтобы первым поздравить узурпатора. Американский посол уверяет, что вынужденно пошёл на этот шаг, поскольку, мол, в стране «был нарушен конституционный порядок» и требовалось как можно скорее «разобраться в ситуации». Ещё одна ложь! Шапиро заранее знал о действиях заговорщиков и, пожимая руку Кармоне, демонстрировал, что Вашингтон поддерживает его.

Позднее Шапиро делал вид, что «стоит над схваткой», претендовал на роль посредника между правительством и оппозицией, призывал к поиску диалога и одновременно — помогал укреплению авторитета оппозиции на международной арене. Намёки Шапиро на то, что обстановка в стране ещё больше ухудшится, если к его «рекомендациям» не прислушаются, звучали как угроза. Его высказывание «меня шокирует участие военных в политике» Чавес принял на свой счёт, тем более что Шапиро пояснил: «В Венесуэле это происходит с 1992 года».

Фрагмент из интервью Шапиро оппозиционной газете «Насьональ»: «Вопрос. Какую оценку вы можете дать наличию демократических качеств у президента Чавеса? Ответ. Это весьма сложный вопрос. Но мы выступаем в пользу демократии, и наша роль в Латинской Америке и в отношениях, которые мы поддерживаем со странами во всём мире, основаны на поддержке и укреплении демократии, её институтов.

Вопрос. Что вы можете сказать по поводу разоблачений министра иностранных дел Венесуэлы Чадертонна в отношении дестабилизирующей и заговорщицкой деятельности, которую осуществляют венесуэльцы, находящиеся в Соединённых Штатах?

Ответ. В США, так же как и в Венесуэле, существует свобода слова и, соответственно, любой человек, американец или иностранец, имеет полную возможность высказывать своё мнение, если для этого нет правовых препятствий».

Расшифровать ответы Шапиро просто: какие-либо демократические качества обнаружить у Чавеса сложно; венесуэльцы в США, выступая против боливарианского правительства и организовав заговоры, реализуют своё право на свободу слова и преступниками не являются.

Тревожные дни декабря 2002-го — января 2003 года Венесуэла никогда не забудет. Демократический координационный центр 2 декабря объявил о начале всеобщей забастовки. «Меритократы» PDVSA поддержали её. Почти все нефтеперерабатывающие комплексы прекратили свою работу. Производство нефти в декабре упало. Замерли нефтяные качалки, опустели нефтепроводы. Терминалы перестали принимать иностранные суда. Венесуэльский танкерный флот был поставлен на якорь. В течение нескольких недель Венесуэла не продала за рубеж ни одного барреля нефти. В стране простаивали бензовозы, оскудели заправки и перед ними начали выстраиваться многокилометровые очереди автомашин. Резко ухудшилась работа общественного транспорта. Отсутствие бензина в стране, где культ автомашины — неотъемлемая часть национального самосознания, вызывало тревогу.

Одновременно возникли перебои с подвозом продуктов первой необходимости. Закрылись магазины (если кто из их хозяев медлил, их заставляли), и не важно, что запасы продуктовых товаров обрекались на заведомую порчу. Некоторые предприниматели-монополисты в молочной промышленности закрыли свои фабрики. Перестали функционировать комбинаты,

перерабатывающие кукурузу на муку. Прекратили работу бойни. Развязать голод — в этом заключался план заговорщиков. Остановили работу предприятия и стройки частного сектора.

Замерла деятельность учреждений культуры: никаких тебе кинофильмов, выставок, спектаклей или концертов! Зарубежным исполнителям было рекомендовано объезжать Венесуэлу стороной — в ней опасно! Венесуэла была блокирована: не входило и не выходило ни одного судна — ни с бензином, ни с продуктами питания, ни с чем. Венесуэльцы должны были почувствовать себя мировыми изгоями.

Невольно возникали ассоциации с тем, что происходило в Чили накануне военного путча в сентябре 1973 года.

Совсем не преувеличением будет сказать, что все протестные выступления в Каракасе «шли с востока», где, как уже говорилось, преобладает зажиточная часть среднего класса, который стал главным носителем недовольства «р-р-режимом», противником любых политических экспериментов, отдающих «кастрокоммунизмом». О специфике среднего класса Венесуэлы уже говорилось выше. Здесь же хотелось бы процитировать видного латиноамериканиста, ныне покойного К. Л. Майданника: «Пока цены на нефть стояли относительно высоко, поддерживалось, расширялось, дико росло паразитическое потребление среднего класса Венесуэлы. Образовался большой (20–25 %), страшно потребительский, с одной стороны, и очень сильный профессионально, с другой стороны, класс, что в условиях крайней слабости венесуэльской буржуазии и аристократии фактически делало его главным имущим классом страны».

Добровольно от привилегий не отказываются. Противники Чавеса на «востоке» едва ли не ежедневно выходили на марши, которые проводились под лозунгом

отставки президента. Роль «коллективного лидера» декабрьских протестов фактически взяла на себя нефтяная элита — «меритократы» PDVSA. (В дни апрельских событий они в общем-то держались в тени, хотя видеохроника зафиксировала бывшего президента компании Гуайкайпуру Ламеду среди тех подстрекателей Координационного центра, которые «перенацеливали» манифестацию на Мирафлорес.) Лидеры оппозиции предсказывали неизбежное падение Чавеса на Рождество 2002 года. Всеобщая уверенность *escualidos* в том, что боливарианское правительство вот-вот рухнет, заметно изменила характер маршей и манифестаций. Они приобрели карнавальную праздничность и декоративность. Бейсбольные кепи, яркие спортивные костюмы, специальные пояса с «обязательным набором демонстранта» — термосом, фонариком, складным зонтиком, сухим пайком — всё это можно было в изобилии увидеть на акциях протеста. Непременным атрибутом таких маршей были национальные флаги. Излюбленный момент оппозиционных телерепортажей — колышущееся море жёлто-сине-красных флагов. После таких манифестаций деятели ДКЦ уверенно заявляли: «Улица — наша, нас — большинство!» Но это было не совсем точно. Большинство — да, но только на «востоке» Каракаса.

Подогреваемые телевидением, которое в дни забастовки отменило все фильмы и развлекательные передачи, отдав всё телевизионное время античавистской пропаганде, забастовщики не гнушались «целевого преследования» деятелей чавистского руководства и их родственников по месту жительства и в общественных местах. В ход шли словесные оскорбления, «касероласо», плевки и рукоприкладство. Левый депутат Ирис Варела подверглась агрессии на борту самолёта, министра информации Нору Урибе из парикмахерской спасал

отряд вооружённой полиции, генералу Акосте Карлесу из-за «касероласо», организованного активистами ДКЦ у его дома, пришлось устроить семейный праздник с музыкой и танцами, чтобы успокоить своих маленьких детей. Даже кладбищенский траур не стал препятствием для группы escualidos, которые, забыв о своём покойнике, набросились с оскорблениями на министра иностранных дел Роя Чадертон, пришедшего поддержать друга, хоронившего мать.

«Нам противостоят фашисты, — убеждённо говорили сторонники Чавеса. — Они пытаются скрывать свой звериный оскал, но, если дорвутся до власти, здесь будет страшнее, чем в Чили во времена Пиночета».

Не случайно тема гражданской войны часто всплывала в те дни в выступлениях политиков, журналистов, высказываниях рядовых граждан. Иногда применялся термин «колумбизация внутреннего конфликта». Венесуэльцы хорошо знают, что происходит в соседней Колумбии, где вот уже пол века продолжается вооружённая конфронтация, выхода из которой не видно.

Во дворце Мирафлорес создали «командный пункт борьбы за нефть», который возглавил Чавес. Президент был собран и решителен, не проявлял ни малейшего признака уныния или растерянности. Чавес снова подтвердил, что в «ситуации конфронтации» он не теряется, а — напротив — более собран и принимает чёткие и смелые решения. Оппозиция в слепой ненависти к нему и Боливарианской революции сделала иррационально-ошибочный шаг — тем хуже для оппозиции: «Думаю, что нам был нужен такой конфликт, чтобы навести порядок в PDVSA, чтобы, как говорит народ на улицах и чего просит народ на улицах, вычистить PDVSA. Всеми своё время, как говорится в Библии, а Библия — слово Божие: “Всеми, что должно произойти под солнцем, имеется своё время”».

У нефтяных «меритократов» были веские причины для борьбы с Чавесом до «победного конца». Президент выражал недовольство низкой рентабельностью PDVSA, продвигал в компанию своих сторонников, стремился «захватить» её изнутри, отстранив тех, кто привык считать её своей вотчиной. Приход чавистов в PDVSA грозил серьёзными проблемами: Чавес получит правдивые данные об эффективности компании, выплывет наружу факт присвоения «меритократами» значительной части доходов компании. Пока что заправилам в PDVSA удавалось отбиваться от требования Чавеса провести генеральную ревизию, но бесконечно это продолжаться не могло. Правда была в том, что PDVSA отчисляла в казну всего лишь 20 процентов своих доходов! Было бы достаточно сравнить эту цифру с показателем мексиканской государственной компании PEMEX — 60 процентов отчислений, чтобы забить тревогу на всю страну. Понятно, что скажет Чавес народу: я хочу направить нефтяные доходы на ваши социальные нужды, но зажившие «меритократы» сопротивляются, потому что привыкли всё тратить на себя! Именно для прикрытия корыстных интересов «нефтяная элита» прибегла к политическому словоблудию, чтобы вывести на протестные марши и побудить к саботажу всех сотрудников компании — «людей нефти» — и сочувствующих им. Иного выхода «меритократы» не имели. Чавес понимал это и делал всё для того, чтобы разоблачить «бесстрашных борцов за свободу и демократию»: «Нефтяная отрасль — это как сердце и кровеносные сосуды нашего государства. Нанести удар в самое сердце нашей экономики — равносильно предательству, более того, государственной измене».

Чавес распорядился взять под охрану вооружённых сил все предприятия PDVSA на территории страны. По инициативе Рафаэля Рамиреса, одобренной

президентом, было приостановлено сотрудничество с североамериканской компанией SAIC, которая осуществляла электронное информационнотехническое обслуживание PDVSA. Это соглашение было заключено в 1996 году, в смутные времена правления престарелого Кальдеры. Внедрение SAIC в PDVSA рассматривалось в США как важный шаг к подготовке приватизации венесуэльской компании в интересах американского капитала. Чавес назвал соглашение о сотрудничестве с SAIC предательским.

Посол США Шапиро срочно запросил встречу с вице-президентом Хосе Висенте Ранхелем: «Вашингтон обеспокоен ростом напряжённости в Венесуэле, столкновениями между сторонниками Чавеса и оппозиции, угрозой полной остановки добычи нефти и её поставок в США». Шапиро подчеркнул: «Крайне необходимо найти компромиссное решение, демократическое, с использованием избирательной процедуры». Рекомендации посла откровенно подыгрывали оппозиции, её неизменному лозунгу «Чавес — убирайся!». До очередных президентских выборов оставалось четыре года, до предусмотренного конституцией «отзывного референдума» — более полутора лет, но американский дипломат настаивал на скорейшем «компромиссном решении» в проигрышной для Чавеса ситуации.

В эти сложные декабрьские дни Чавес обратился ко всем, кто мог помочь. И такую поддержку он получил. Одна из компаний Индии прислала в Венесуэлу экипаж, чтобы сдвинуть с места танкер с нефтью. «Я позвонил Фернандо Энрике Кардосо и Луле, — вспоминал Чавес, — потому что Лула тогда ещё не вступил в должность президента, и сказал им: “Если у вас есть бензин, прошу вас, пришлите нам немного бензина, особенно для того, чтобы в первую очередь обеспечить транспорт, развозящий продукты питания”. В Каракас

всё поставляется извне, из сельской местности или из портов. Если не будет бензина, то миллионы людей в столице и пригородах начнут голодать; нет бензина для машин “скорой помощи”, нет газойля для теплоэлектростанций, вырабатывающих электроэнергию для городов, которым грозит опасность полностью остаться без света». Президент Кардосо распорядился, чтобы танкер компании «Petrobras» доставил в Венесуэлу бензин, которого в стране практически не оставалось: у заправок без движения долгими часами стояли десятки тысяч автомашин.

Чавес принял в Мирафлоресе посла России Алексея Ермакова вместе с группой предпринимателей из Москвы. Просьбу посла о встрече Чавес воспринял как знак поддержки. «Россия была одной из первых стран, сделавших шаг навстречу, — вспоминал впоследствии Чавес, — за что мы будем всегда благодарны нашему другу и брату президенту Путину и нашим российским друзьям, друзьям Венесуэлы, не только российскому правительству, но и российскому народу». Вскоре после этой встречи российский танкер «Маршал Чуйков» с грузом венесуэльской нефти (300 тысяч баррелей) направился в США. Для скептиков этот факт стал доказательством того, что Венесуэла даже в сложнейшей ситуации выполняет обязательства по экспорту углеводородов.

Ещё одной победой правительства Чавеса стало восстановление контроля над танкером «Пилин Леон». Его груз бензина помог разрядить обстановку на автозаправках. Стоит сказать, что транспортные потребности PDVSA обслуживали четыре танкера, названные именами победительниц конкурсов красоты — «Пилин Леон», «Сусанна Джим», «Маритца Сайалеро» и «Барбара Паласиос». В дни забастовки эти корабли стали символом «сопротивления», а все бывшие «мисс красоты» заявили о своей солидарности с

забастовщиками. Чавес негодовал! По его распоряжению танкеры переименовали, и через год нефть PDVSA уже перевозили «Негра Матеа» (нянька маленького Симона Боливара), «Луиса Касерес де Арисменди» (героиня борьбы против испанской короны), «Негра Иполита» (кормилица Симона), «Мануэла Саэнс» (боевая подруга Боливара). Имена были выбраны самим Чавесом.

Чтобы обострить обстановку, оппозиция вывела на сцену (в буквальном смысле) военных. Надо было показать, что в армии сохраняется недовольство. Действительно, недовольные в вооружённых силах были — прежде всего те, кто участвовал в апрельском перевороте. Ведущееся судебное расследование побудило их к новому открытому выступлению против «режима». Шоу с участием «военных диссидентов», бросивших вызов президенту, происходило на площади Альтамира в восточной части города, которую «диссиденты в форме» называли «первой освобождённой территорией Венесуэлы». На самом деле, площадь была чем-то вроде круглосуточного Гайд-парка с чёткой античавистской ориентацией ораторов. Другие сюда просто не допускались. У обелиска, вонзающегося белым мраморным «штыком» в небо, соорудили трибуну, установили телекамеры, радиоаппаратуру и огромное часовое табло. Для большего пиар-эффекта рядом с трибуной поставили гипсовую скульптуру Божьей Матери.

Вот на эту сцену торжественно взошли несколько генералов, три-четыре десятка полковников, майоров и капитанов под одобрительные аплодисменты собравшейся толпы. Они демонстрировали решимость стоять до конца в этом «ненасильственном» — в духе Ганди — вызове «режиму». Электронные часы на табло начали обратный отсчёт времени — сколько осталось властвовать «ненавистному тирану»? «Военные

диссиденты», как и другие забастовщики, считали, что не дольше двух недель.

Из различных источников в Мирафлоресе стало известно, что выступление «военных диссидентов» было организовано военной разведкой США. Генерал Энрике Медина, бывший военный атташе Венесуэлы в Вашингтоне, поддерживал постоянный контакт с американскими разведчиками. Общее руководство на «освобождённой территории» осуществлял генерал Нестор Гонсалес. «Я честный офицер, меня не подкупишь званиями и наградами, — повторял он в многочисленных интервью. — Когда Чавес уйдёт, я не стану претендовать на высокие посты, отойду от дел и займусь домашними делами».

Своими выступлениями Гонсалес хотел побудить офицерский корпус к выступлению против Чавеса и его «коммунистического проекта». Изо дня в день генерал повторял: «Надо освободить страну от злобного диктатора с повадками Макиавелли, разжигающего вражду между различными социальными слоями, ненавидящего венесуэльцев и обожающего кубинцев и Фиделя Кастро». Гонсалес обвинял Чавеса в том, что он «покровительствует колумбийским партизанам», якобы позволяя им создавать на территории Венесуэлы базы, тренировочные лагеря и складировать вооружение (Генерал Гонсалес, выступая с этим обвинением, ссылаясь на свой опыт командира бригады егерей, которая действовала в пограничных с Колумбией штатах Сулия и Тачира. Гонсалес утверждал, что «политика благопритствования» и сотрудничества с партизанами проводилась через сотрудников тайной полиции DISIP.). Этот тезис постоянно эксплуатировала пропаганда США, и Гонсалес хорошо знал, что именно надо сказать о Чавесе, чтобы потрафить Пентагону. Другое заявление генерала, о том, что ради сохранения власти Чавес готов «убить два миллиона венесуэльцев»,

широкого распространения не получило. Гонсалес перегнул палку даже с позиций «чёрной пропаганды».

Генерал играл с огнём. За клевету в адрес президента придётся отвечать. В целях «самозащиты» на «освобождённой территории» была организована «служба безопасности». Первой под подозрение попала группа сержантов и солдат, присоединившаяся к «диссидентам» в последний момент. По приказу Гонсалеса их «изъяли» с площади, вывезли в горы и подвергли пыткам. Тела этих военнослужащих позже были обнаружены. Началось официальное расследование. Всё указывало на то, что они были убиты членами «службы безопасности» с площади Альтамира.

По рекомендации посольства США генералы Медина и Гонсалес подготовили «открытое письмо» Конгрессу США, в котором дали обязательство использовать только «демократические способы» прихода к власти, несмотря на репрессии «диктатора Чавеса», который «намерен превратить Венесуэлу во вторую Кубу». В письме подчёркивалось, что «военные диссиденты» не являются мятежниками и конспираторами. Авторы послания гарантировали правительству США стабильные отношения в энергетической сфере: «Кто бы ни являлся (в Венесуэле) действующим президентом, он не может и не сможет по собственному решению прекратить поставки нефти своему самому надёжному и традиционному партнёру».

Чавес понимал, что сам факт появления «протестующих» офицеров в парадной форме со всеми знаками отличия воспринимается в стране и за рубежом как свидетельство раскола в вооружённых силах Венесуэлы. Однако был уверен, что после апрельского переворота военные сделали нужные выводы.

Но выводы сделали и враги Чавеса. Сразу после провала апрельской авантюры американцы занялись

реорганизацией агентурных позиций среди венесуэльских военных. Они взялись за сторонников Чавеса. Прежде всего продолжили «обработку» генерала Бадуэля, командовавшего Четвёртой дивизией: с одной стороны, не упускали возможности скомпрометировать его в глазах президента, с другой — просто подкупить, перетянуть на свою сторону. По оценкам резидентуры США, Бадуэль, человек с тщательно запрятанными амбициями, «устал» от долгих лет нахождения в тени Чавеса и «созрел» для активной разработки.

Однажды Бадуэля посетил некий посредник, венесуэлец, который «от имени» американцев предложил генералу несколько миллионов долларов, недвижимость во Франции или в другом месте «по выбору» с одним условием: помочь избавиться от Чавеса. В конце апреля того же 2002 года другой венесуэльский посредник сообщил Бадуэлю, что с ним хотят встретиться на «неофициальной основе» два высокопоставленных чиновника Госдепартамента Томас А. Шеннон и Филипп Чикола. Встречу предложили провести конспиративно в Колумбии. На эти предложения сверхосторожный Бадуэль ответил отказом и доложил о них Чавесу, не исключая, что сам президент проверяет таким изощрённым способом его лояльность. С некоторыми другими военными вербовочная работа американцев, как показали декабрьские события, была более успешной.

Для президента в те дни главной задачей было решение нефтяной проблемы: как можно скорее восстановить нормальное функционирование отрасли. Поэтому предложение силой разогнать «военных диссидентов президент отверг как “чреватое осложнениями”». По его мнению, в сложившихся условиях самым лучшим выходом было никого не трогать. Надо проявить выдержку, дождаться момента,

когда «диссиденты» и те, кто их поддерживает, выдохнутся, будут искать выход из сложившейся ситуации, чтобы не стать всеобщим посмешищем. Признаки недовольства ими у руководителей ДКЦ уже появились: «диссиденты» путаются под ногами, отвлекают внимание общественности от хода нефтяной забастовки, на их содержание уходят значительные средства из «фондов поддержки».

DISIP и военная контрразведка (DIM) создали под разными прикрытиями наблюдательные пункты по периметру Альтамиры. Военная контрразведка направила во вражеский стан своих агентов. В Мирафлорес ежедневно поступала информация о ситуации в лагере «военных диссидентов». Их затянувшееся «протестное стояние» становилось всё более комичным. Организаторам «шоу» срочно требовалось подстегнуть интерес «мировой общественности» к площади Альтамира. И вот — неизвестный открыл на площади беспорядочную стрельбу из пистолета. Агентство Рейтер немедленно распространило сообщение об этом, интерпретировав происшествие как целенаправленный «расстрел военных диссидентов». Впрочем, на трибуне в момент стрельбы не было никого из старших офицеров, за полчаса до происшедшего они удалились, как по команде, «совещаться», а погибли случайные люди, пришедшие послушать ораторов и приобрести «оппозиционные сувениры».

Террориста схватили на месте преступления. Им оказался некий Жоао де Говейя, португалец, недавно въехавший в Венесуэлу. Допросы его результатов не дали. Это был психически нездоровый человек, с явными признаками раздвоения сознания. Чего он хотел добиться беспорядочной стрельбой? Откуда прибыл? Кто его финансировал? Кто снабдил оружием? Сплошные загадки. По мнению органов правопорядка,

Говейя — провокатор, использованный радикальной оппозицией для компрометации правительства. По заявлениям ДКЦ — это фанатик, близкий к экстремистам из «боливарианских кружков». Со времени тех выстрелов на площади Альтамира прошло несколько лет, но в деле террориста Жоао де Говейя до сих пор нет никакой ясности, хотя он был осуждён и отбывает свой срок в тюрьме...

Шло время, трибуна на площади Альтамира постепенно пустела. Ожидаемой солидарности в вооружённых силах «протестантам» добиться не удалось, среди «гражданской» оппозиции некоторые восприняли сепаратную вылазку военных как неоправданную претензию на лидерство в «движении сопротивления», а СМИ утратили интерес к «диссидентам в погонах» из-за отсутствия событийности. После выстрелов провокатора Говейи решение военных «стоять до конца» окончательно выдохлось. Гипсовая статуя Девы Марии, возвышавшаяся рядом с трибуной для духовной поддержки оппозиционеров, в тоскливом одиночестве взирала на рабочих, которые неторопливо демонтировали «часы протеста».

В числе первых дезертировали с площади генералы Медина и Гонсалес, знавшие о том, что сотрудники DISIP и DIM расследуют их связи с американской разведкой. Медина перебрался в США, только там он мог себя чувствовать в безопасности. Генерал Гонсалес заявил, что будет продолжать борьбу за свободу и демократию «из подполья». Действительно, прокламации, подписанные им, время от времени забрасывались в казармы и рассылались по почте активистами «сопротивления». Всякий раз в этих листовках многозначительно обозначалось: «написано в подполье». Позже станет известно, что «подполье» Гонсалеса находилось в безопасной Коста-Рике, стране,

ставшей одним из центров подрывной активности против Венесуэлы. После неоднократных протестов венесуэльского посла в Сан-Хосе генералу пришлось покинуть Коста-Рику.

Вооружённые силы Венесуэлы сохранили верность Боливарианской республике и президенту. Более того, помощь военных в восстановлении государственного контроля над нефтяной отраслью, нормализации поставок бензина и газа, продовольствия, борьбе с саботажем оказалась во многом решающей для нанесения поражения радикалам из оппозиции.

В пролетарских районах венесуэльской столицы, как и других городов страны, забастовка «нефтяников», поддержанная частным сектором, не имела почти никакого отклика, разве что филиалы «фастфуда», типа «Макдоналдс» и «Вендис», наглухо задраили свои металлические шторы.

Чтобы показать контрреволюции, кто реальный хозяин в стране, сторонники Чавеса собирали собственные марши. Для этих людей, в общем-то, было куда сложнее, чем «escualidos», прийти или приехать на манифестацию, оставить место работы или покинуть без присмотра дом. Наверное, поэтому массовые акции сторонников Чавеса почти всегда проходили в воскресные дни. И, конечно же, после их проведения чависты уверенно заявляли: «Улица принадлежит нам, нас — большинство!» Отличительным признаком демонстрантов-чавистов были красно-оранжевые береты и рубашки, символизирующие приверженность идеалам Боливарианской революции. В прошлом эти люди, зарабатывающие на жизнь физическим трудом, в большинстве своём были исключены из общественно-политической жизни, а при Чавесе у них появился шанс заявить о своих правах и быть услышанными.

Рождество 2002 года стремительно приближалось. Ежедневные заявления Демократического

координационного центра об успехах «всеобщей забастовки» сохраняли победную тональность, лозунг «Рождество без Чавеса!» не отменялся, но Чавес никаких признаков слабости не проявлял. Напротив, накануне Рождества он призвал всех венесуэльцев мирно, в лучших национальных традициях отметить праздник, а по интернет-адресам была разслана поздравительная открытка с Чавесом в наряде Санта-Клауса и подписью «Feliz Chavidad!».

Чависты вовремя отпраздновали и Рождество, и Новый год. А «непримиримая» оппозиция отвергла призыв и объявила о «переносе» Рождества на январь или даже февраль, чтобы отпраздновать его в тот день, когда «тиран падёт». В фешенебельных районах до середины февраля 2003 года сверкали огнями праздничные ёлки, но хороводов вокруг них не водили. «Тиран» устоял.

В дни фактически навязанной координационным центром забастовки туго пришлось тем, кто на востоке столицы, в зоне «escualidos», зарабатывает на жизнь своим трудом. Если большие торговые центры типа «Самбиль», «Эксито», «Таманако», а также крупные предприятия имели финансовый запас прочности, то торговцы и предприниматели средней руки, несмотря на античавистские настроения, бастовали недолго. Чтобы не разориться, те, кто похрабрее, стали работать «нелегально», за полузакрытыми дверями и воротами, торговать и оказывать услуги как бы из-под полы, боясь, что их застукают на этой «непозволительной слабости» активисты ДКЦ. В автомастерские заезжали автомашины, нуждавшиеся в ремонте, не прекращали работы парикмахерские, а в булочных не переставали печь хлеб. Но были и по-настоящему пострадавшие, чьи мастерские и магазинчики больше не открылись: разорились за время забастовки.

В феврале 2003 года обстановка в стране стала постепенно и неуклонно меняться в пользу Чавеса. Телевизионным «Всадникам Апокалипсиса» пришлось снизить децибелы антиправительственной пропаганды и возобновить показ телесериалов. Пришлось начать с нуля, ведь за недели маршей и контрмаршей зрители подзабыли сюжетные интриги. Отпраздновали февральский карнавал, но из-за финансовых проблем скромнее, чем в прежние годы, особенно в «оппозиционных муниципалитетах», опрометчиво угрохавших все средства на протестные мероприятия. Заработали бензозаправки, и многие «каракеньос» вновь по выходным устремились на побережье. Нескончаемые автомобильные караваны тянулись до пляжей Макуто, Чорони, Чичиревиче, Игероте, Рио-Чико, Пуэрто-ЈТаКрус и дальше — в сторону Куманы. К венесуэльцам вернулось забытое ощущение комфорта и умиротворённости.

Чавес так характеризовал декабрьско-январские события: «Путчисты на этот раз сделали ставку на парализацию экономического сердца страны. Атака на PDVSA была жесточайшей. Управляющие-путчисты, члены неприкосновенной “меритократии”, получающие астрономическое жалованье (По данным газеты «Ultimas Noticias» (3 мая 2009 года), президент PDVSA Луис Джюсти получал зарплату 32 миллиона боливаров, в конце года — ещё семь-девять месячных зарплат в качестве бонуса.) и пользующиеся неслыханными привилегиями, подбили рабочих присоединиться к “прекращению работы”. Они саботировали управление нефтеперерабатывающими заводами и системой распределения топлива, повредили жизненно важное промышленное оборудование (По оценкам, забастовка «меритократов» PDVSA нанесла стране ущерб в 10 миллиардов долларов.). Офицеры торгового флота под давлением путчистов поставили на якорь танкеры,

чтобы не допустить транспортировки нефти за границу и её переброски по сети внутреннего распределения. Цель заключалась в том, чтобы свести к нулю венесуэльское нефтяное производство, составляющее почти три миллиона баррелей в день, парализовать все нефтеперерабатывающие заводы, удушить правительство экономически».

Организаторы «нефтяной забастовки» должны были бы ответить перед судом за свои антигосударственные действия, приведшие к миллиардным потерям для национальной экономики. Они сами это хорошо понимали и потому после её провала предпочли покинуть страну. В рядах оппозиции начался долгий процесс пересмотра лидерства, стратегии и тактики, предпочтительных методов борьбы. Каждая из сорока организаций и групп тянула одеяло на себя. В оппозиционном проекте для Венесуэлы только один пункт не вызывал сомнений — долой Чавеса! Всё остальное приводило к ожесточённой внутренней полемике.

Радикальные противники «режима» продолжили курс на «острые акции» и по-прежнему терроризировали деятелей боливарианского правительства и членов их семей. Чтобы обеспечить хотя бы минимум безопасности, многим из них в 2003–2004 годах пришлось временно переехать в хорошо охраняемые гостиничные помещения «Военного клуба». Там поселились, например, Адан Чавес, Дьосдадо Кабельо, президенты Высшего трибунала юстиции, Национальной ассамблеи, Национального избирательного совета, министры (среди них мининдел Рой Чадертон), генералы-боливарианцы, некоторые депутаты.

В Соединённых Штатах шёл процесс осмысления событий в Венесуэле. Чавес проявил поразительную

стойкость и живучесть, доказал, что обладает народной поддержкой, достаточной для удержания власти.

Суть «скорректированной» позиции Вашингтона по отношению к Чавесу обобщил Эверетт Бауман, экс-издатель англоязычной газеты «The Daily Journal» в Каракасе (См.: Washington desilusionado con Chavez // El Universal. 9.02.2003.): «В первые месяцы президентства Чавеса в американском истеблишменте существовали иллюзии в отношении лидера Боливарианской революции. Даже в Госдепартаменте были люди, симпатизировавшие ему, не говоря о левом крыле Демократической партии США. Да, все знали, что он популист, но смирялись с этим, ведь он обещал улучшить жизнь своего народа.

Венесуэльский президент разочаровал тех, кто ему верил в Соединённых Штатах. Теперь в американском истеблишменте его воспринимают как врага: Чавес всех обманывал. Он является типичным каудильо, который жаждет неограниченной власти и пытается оживить обветшалые теории марксизма и фашизма. Чавес мечтает возглавить борьбу стран-изгоев против США. Он разделяет уверенность Саддама Хусейна и Фиделя Кастро в том, что Соединённые Штаты будут разгромлены в ходе войны на Ближнем Востоке. Но время покажет, кто является лучшим игроком, Чавес или Буш. Американский президент настроен решительно и готов покончить с «осью зла» — Ираном, Северной Кореей и Ираком, обладающим оружием массового уничтожения. Победа в Ираке, как полагают в Пентагоне, обеспечит поставки нефти из региона, и тогда потребность в венесуэльских энергоресурсах сойдёт почти к нулю. Это будет подходящий момент для того, чтобы Вашингтон смог посчитаться с Чавесом.

Причины найдутся. В руководящих кругах США уверены, что Чавес помогает колумбийским партизанам. Поэтому администрация Буша будет оказывать всё

большую помощь Колумбии поставками оружия, подготовкой её вооружённых сил к борьбе против партизан и наркотрафика, разведывательной информацией. Доверие демократических левых сил к Чавесу упало до низшей отметки, поскольку претенциозный и опасный каудильо пытается возродить идею мировой революции, чтобы разрушить демократический и либеральный миропорядок. Чавес только изображает из себя конституционалиста, на самом деле он военный автократ, хитрый и предельно опасный, антитезис всему, что является прогрессом, демократией и подлинным реформированием. Чем больше узнаёшь Чавеса и его сумасбродные идеи, тем больше понимаешь, что это сумасшедший, который, к несчастью, сумел установить контроль над своей страной».

В статье Баумана, опубликованной в 2003 году, содержатся ключевые тезисы, которые с тех пор появились в сотнях и тысячах публикаций, посвящённых Чавесу. Они использовались в разных вариациях, с разными дополнениями. Их объединяли голословность, бездоказательность и ненависть к человеку, который почти в одиночку бросил вызов всемогущей Империи.

Провал «нефтяной забастовки» не означал немедленного восстановления эффективной деятельности PDVSA. Саботаж на нефтяных предприятиях и объектах инфраструктуры достиг таких масштабов, что требовалось время для выявления всех технологических и электронных ловушек, устроенных «меритократами». Они надеялись, что новый персонал PDVSA, не обладая достаточной, с их точки зрения, квалификацией («Они не отличают нефтяную вышку от кактуса», — написала одна из газет), своими же руками нажмёт на спусковой крючок хаоса и разрушения. Начнутся аварии, будут дезорганизованы

производственные циклы, нарушится функционирование трубопроводов и терминалов.

В одном из выступлений по «горячим следам» событий Чавес рассказал о выявленной среди десятков других попытке диверсии: «Представьте себе, что этот зал — большая установка на нефтеперерабатывающем заводе и что компьютерная система контролирует температуру и не даёт ей подниматься выше 600 градусов Цельсия, потому что если она превысит 600 градусов, это будет угроза безопасности всего завода. Представьте себе, что сделали эти люди: перед тем как уйти, они сменили параметры контроля и довели температурный предел до 1000 градусов с явным намерением вызвать взрыв. Нам пришлось двигаться шаг за шагом, миллиметр за миллиметром, проверяя все системы, потому что нам оставили минное поле на заводах, в трубах, на нефтяных скважинах. Они саботировали дистанционное управление, выведя из строя, например, электрические системы, которые обслуживали нефтяные участки. Ущерб был нанесён не только Венесуэле, но и, частично, Соединённым Штатам — стране, куда мы в течение многих лет отправляем ежедневно больше полумиллиона баррелей сырой нефти. Был нанесён ущерб таким братским карибским и центральноамериканским странам, не имеющим ни капли нефти, как Гаити, Ямайка, Куба, Доминиканская Республика, Пуэрто-Рико, Гайана. Они удовлетворяют часть своих энергетических потребностей благодаря той нефти, которую продаёт им Венесуэла. Венесуэльским путчистам нет до этого дела, их ничуть не беспокоит жизнь других».

Ещё один эпизод вандализма со стороны «меритократов» раскрыли на полуострове Парагуана, где находится самый крупный в мире нефтеперерабатывающий завод. Он был выведен из строя варварским способом: перед забастовкой его

системы не были очищены от остатков нефти, химических смесей и разогретого битума. В итоге трубы были забиты окаменевшей массой, и, чтобы избавиться от неё, потребовалось более месяца работы.

Каждый день венесуэльцы узнавали о новых фактах разрушительной деятельности «меритократов». Особенно впечатляли факты использования для саботажа компьютерной технологии с помощью сообщников в Соединённых Штатах. «Это была самая настоящая электронная война!» — воскликнул Чавес на пресс-конференции в Порто-Аллегре (Бразилия, январь 2003 года). Он привёл подробности: «Я находился с министром энергетики в одном из офисов и стал свидетелем самой настоящей электронной бомбардировки компьютеров. Всё делалось с помощью дистанционного управления, система просто сходила с ума. Я, изучавший столько лет военную тактику, даже представить себе не мог, что дело дойдёт до такой электронной войны. Как, например, устроили выброс нефти в озеро Маракайбо? Клапаны открылись сами по себе. Рабочие закрыли клапаны, и вдруг среди ночи они открылись сами с помощью дистанционного управления. Саботаж вёлся даже через спутники! Мы должны были заблокировать все системы и работать вручную, как тридцать лет назад, пока не сменили схемы и пароли доступа в компьютерные сети. С помощью компьютеров “меритократы” фальсифицировали счета, платёжные ведомости, чтобы те, кто работал, не бастовал, не могли получать зарплату, а получали те, кто участвовал в саботаже. Вот с чем нам пришлось столкнуться». Подлинной национализацией назвал Чавес процесс восстановления государственного контроля над нефтяной отраслью.

Оглядываясь в начале 2003 года на год минувший, Чавес не без гордости сказал: «В предельно трудном 2002 году мы вели большие сражения и одержали

большие победы. В апреле мы подавили такой путч, какого не смог подавить на протяжении пятисотлетней истории Латинской Америки ни один народ...

Клеймом позора навечно будет отмечена венесуэльская олигархия — грабительская, антинациональная, приватизирующая и неолиберальная, фашистская и путчистская, та, которая намеревалась захватить власть путём нефтяного саботажа, создания хаоса в экономике и обществе».

После забастовки практически все «меритократы», а с ними тысячи служащих из управленческих структур PDVSA, входившие в организацию «Люди нефти», были уволены за преступное оставление работы (За саботаж и вредительство из PDVSA было уволено, по некоторым данным, около 18 тысяч руководителей старшего и среднего звена, то есть 45 процентов штатного расписания компании. Производственная деятельность компании была полностью восстановлена в марте 2003 года, когда добыча нефти достигла показателя 3,1 миллиона баррелей в день.). Компания была очищена от «пятой колонны», которая готовила почву для приватизации нефтяной отрасли по сценарию нефтяных компаний США. Когда началось судебное расследование деятельности «меритократов» и их пособников, многие из них предпочли уехать за границу, обосноваться в США, Канаде, Саудовской Аравии, Эмиратах. Лучшее всего устроились «меритократы» первого ряда: они стали ведущими консультантами американских компаний США. «Меритократ» номер один Луис Джюсти был пригрит в «Шелл» и по совместительству стал ключевым нефтяным советником в Центре стратегических и международных исследований. Всякий раз, когда ЦРУ запускало в оборот «активку» по мнимым «провалам» PDVSA, на сцену выпускали Луиса Джюсти и других «меритократов». Надо же им было чем-то зарабатывать на жизнь.

Постепенно на роль «главного нефтяного менеджера» Венесуэлы Чавес стал выдвигать Рафаэля Рамиреса, убеждённого боливарианца, с которым поддерживал дружеские отношения со второй половины 1990-х годов. Их познакомил Адан. Он учился вместе с Рамиресом в Андском университете и был уверен в прочности его левых убеждений и надёжности. Отец Рамиреса, Рафаэль Дарио, в 1960-е годы был связан с партизанами — являлся связником Али Родригеса. Так что политическое прошлое семьи Рамиресов не вызывало никаких сомнений.

Рафаэль Рамирес в феврале 2002 года стал директором заграничных предприятий компании. Вместе с Али Родригесом он сражался с «меритократами» за контроль над PDVSA. В самый разгар забастовки в PDVSA, в декабре 2002 года, Чавес принял у него присягу в качестве министра энергетики и горной промышленности (После реформирования министерства — министр энергетики и нефти. В ноябре 2004 года президент назначил Рамиреса директором PDVSA «по совместительству». Такого в истории национальной энергетики ещё не было: столько власти в руках одного человека!). Министр Рамирес в «бессонном режиме» исполнял поручения Чавеса: требовал, настаивал, убеждал, вносил смятение и дезорганизацию в лагерь противника через свои связи в рядах «Людей нефти».

В те дни произошло несколько словесных стычек между Рамиресом и командующим армией Бадуэлем. Причина разногласий была существенной: Рамирес решал некоторые задачи противодействия саботажникам через военных, минуя Бадуэля, которому не слишком доверял. Бадуэль возмутился, стал мешать министру. Тот, зная о дружбе президента и командующего армией, всё-таки высказал Чавесу свои претензии. Президент тут же позвонил Бадуэлю: «Не

мешай работать Рамиресу!» Отношения между Рамиресом и Бадуэлем после этого звонка лучше не стали.

В сентябре 2003 года Рамирес опубликовал брошюру под нетривиальным названием «Гуманократическая чайка». Это был концептуальный аналитический документ о боливарианском процессе, дальнейших путях революции, создании руководящей партии, проблемах нефтяной отрасли и её реформирования. В брошюре, написанной на высоком теоретическом уровне, высказывались рекомендации, направленные на консолидацию боливарианского режима, отстаивался тезис о необходимости укрепления роли Лидера. «Гуманократическая чайка» не воспринималась как произведение откровенно апологетическое, хотя лейтмотив не вызывал сомнений: без Чавеса революции не устоять.

Некоторые комментаторы усмотрели скрытую перекличку между «Манифестом коммунистической партии» с его «призраком, бродящим по Европе» и брошюрой Рамиреса. Она начинается такими словами: «Однажды на наши берега прилетела удивительная чайка. Её поведение не было привычным для наших берегов и потому вызывало восхищение. И кого, к примеру, не будет удивлять, что есть кто-то, кто не спит ночами, чтобы разрешить проблемы своего соседа. Мы давно отвыкли от подобных поступков по эту сторону океана. Однако ещё более впечатляющими были истории, которые чайка рассказывала своим друзьям, таким же морским птицам, которые собирались вместе. Она вдохновенно излагала невероятные истории о птицах, которые были способны пожертвовать своей жизнью, чтобы защитить тот мир, который они построили.

О птицах, которые верили в то, что честная идея, прозвучавшая из укрытия в пещере, может нанести

поражение целой армии»... Конечно, никто не сомневался, что чайка — это Чавес.

В «Гуманократической чайке» было обозначено направление, по которому Чавес и его боливарианские технократы собирались реформировать нефтяную отрасль Венесуэлы: полный государственный контроль над нефтегазовыми ресурсами, опора на PDVSA в их эксплуатации, привлечение иностранных компаний по приемлемым для них правилам, но всегда с позиций национального прагматизма. Вся дальнейшая деятельность Рамиреса на посту энергетического «сверхминистра» была подчинена осуществлению этих планов.

В 2004 году Чавес стал уделять гораздо больше внимания геополитическому использованию энергетического потенциала Венесуэлы, чем раньше. Главным инструментом должна была стать PDVSA. Он никогда не сомневался, что именно нефть является его главным козырем в борьбе за выживание — и революции, и его собственное. Прежние нефтяные доходы не позволяли масштабных международных проектов. Бюджет на 2004 год планировался из расчёта цен по 20 долларов за баррель. Однако цена превысила 30 долларов, а прогнозы — даже очень осторожные — предвещали ещё больший ценовой рост. Международный валютный фонд и североамериканские аналитики стали дружно предостерегать Венесуэлу: рост цен может носить конъюнктурный характер, деньги надо откладывать на «чёрный день», на выплату внешней задолженности и на тот неизбежный период, когда стоимость нефти снова рухнет.

С такими прогнозами Чавес был не согласен. Всё будет как раз наоборот! Оккупация Ирака американцами не обещает падения нефтяных цен. Буш-младший не добьётся победы, война там только начинается, партизанская, асимметричная, без правил и

морали. Планы Вашингтона увеличить добычу иракской нефти до пяти миллионов баррелей в день и сбить мировую цену до 15 долларов за баррель не сбудутся. К тому же Китай поглощает всё больше добываемых в мире углеводородов, страны Европы создают дополнительные энергетические резервы — так что 40 долларов за баррель будет справедливой ценой!

По поведению эмиссаров «Chevron-Техасо», зачистивших в Венесуэлу, было видно, что они пришли к такому же выводу и стараются подстраховаться. Ирак далеко, минная война на трубопроводах там не стихает, а венесуэльские месторождения близко, всего пять дней хода для танкера. Кто-то из этих эмиссаров даже сказал, что если бы он имел право голоса на «отзывном референдуме», то высказался бы за сохранение его, Чавеса, на посту президента. Что-то похожее «шепнули доверительно» журналистам представители другой американской компании. После этого появились слухи, что нефтяные магнаты США, конкурируя друг с другом, лоббируют интересы Венесуэлы в Конгрессе, Белом доме, Пентагоне, а может быть, и в ЦРУ. Что ж, по мнению Чавеса, такая конкуренция только на пользу революции.

Заметно поредели в массмедиа прогнозы о неминуемом (сколько их было!) падении Чавеса. Теперь СМИ констатировали обратное. Повышение цен на нефть, приток сотен миллионов долларов в государственную казну, использование их на социальные программы, продолжающийся процесс деморализации оппозиции — всё работало на Чавеса. В Национальной ассамблее и судебных органахросло число его сторонников. Армия была очищена от потенциальных заговорщиков, все командные посты занимали или сторонники Чавеса, или «институционалисты» — военные, сохраняющие

приверженность действующей конституции, то есть боливарианской власти.

Надежды Чавеса на разрядку отношений с Соединёнными Штатами в этих изменившихся условиях не сбылись. В одном из интервью он обвинил Буша-младшего в том, что он с самого начала своего президентства проводил враждебную политику в отношении Венесуэлы и её руководства. Чавес не скрывал, что надеялся на иное: Буш был родом из семьи, которая традиционно занималась нефтяным бизнесом. В нефтяных делах многое решается переговорами, компромиссами, приемлемыми уступками. Ничего этого не случилось. Империя решила построить свой «диалог» на угрозах. Что ж, тем хуже для Империи.

Чавес предупредил: если его попытаются лишить власти силой, он повысит цену на нефть, продаваемую в США, до 50 долларов. Если и это не поможет, то Буш должен иметь в виду, что продолжение такой политики вообще поставит под угрозу нефтепоставки. «С этим правительством (Буша) говорить невозможно, — сказал Чавес. — Они нас не уважают. Мне надоело следовать совету Христа и подставлять другую щёку. Меня столько раз били по щекам, что они стали лиловыми». Угроза прекращения поставок нефти звучала всякий раз, когда Пентагон начинал играть мускулами вдоль границ Венесуэлы, направлял к её берегам авианосцы, проводил массированные учения, открывал военные базы в соседних странах. «В случае агрессии вы не получите ни капли нашей нефти, — заявлял Чавес. — Если потребуются, я отдам приказ взорвать нефтяные заводы и трубопроводы».

Совещания, которые проводил Чавес со своим «энергетическим кабинетом», затягивались до поздней ночи. Обсуждались задачи перехода к активной нефтяной стратегии. Нефть — главный мобилизующий

фактор латиноамериканской интеграции! Нефти в стране много. По подсчётам экспертов, её хватит при разумных темпах добычи почти на 300 лет. Нефть гарантирует долгие безбедные годы существования Венесуэлы. Продажные правительства Четвёртой республики ориентировались на Соединённые Штаты, почти не уделяя внимания странам Центральной и Южной Америки, Карибского бассейна. Настала пора диверсифицировать энергетическую политику Венесуэлы, сломать зависимость от Империи как главного потребителя, привыкшего диктовать условия, цены, объёмы нефтяных поставок.

Результатом этих ночных бдений и бесчисленных чашек кофе стало создание в начале июля 2004 года стратегического альянса «Petrosur» с Аргентиной. Своим примером этот энергетический союз должен был ускорить процессы интеграции на континенте, показать всем скептикам, что заявленный Чавесом «поворот в южном направлении» — не спекулятивный ход, а долгосрочная программа действий, в том числе солидарного характера. Аргентина никак не могла избавиться от последствий неолиберального десятилетия, когда государственные предприятия были приватизированы и новые хозяева занялись деланием денег любой ценой. Миллиарды уходили за рубеж на счета «транснациональных собственников», а в казне Аргентины не хватало средств на элементарное содержание государственного аппарата и армии, на развитие экономики и социальные программы.

Без всякого сомнения, взаимная симпатия Чавеса и президента Аргентины Нестора Киршнера (Нестор Карлос Киршнер Остоич (1950-2010) — из семьи эмигрантов: отец — швейцарских корней, мать — хорватка. Университетское образование получил в городе Ла-Плата. Занимался адвокатской практикой в Рио-Гальегосе. Член хустисиалистской партии.

Избирался губернатором провинции Санта-Крус, которая стала его стартовой площадкой в борьбе за пост президента. Президент Аргентины в 2003–2007 годах.), схожие подходы к задачам модернизации Латинской Америки в условиях навязываемой США глобализации «по-имперски» ускорили сближение обоих государств. Было принято решение об открытии в Буэнос-Айресе представительства PDVSA, налаживании поставок в Аргентину различных видов нефтепродуктов в обмен на агроиндустриальную продукцию и аргентинскую помощь в возрождении сельского хозяйства Венесуэлы. Обсуждалась возможность строительства на верфях Аргентины современных танкеров для PDVSA. Чтобы облегчить драматическое финансовое положение братской страны, Чавес дал указание о приобретении государственных облигаций Аргентины на один миллиард долларов. Это вызвало беспрецедентный шквал критики со стороны либеральных экспертов: «Чавес принял ошибочное решение, аргентинские бумаги — макулатура, истраченные деньги пропадут».

В период своего президентства Нестор Киршнер был в числе надёжных союзников Чавеса в Латинской Америке. Вашингтон не раз пытался «убедить» аргентинца в том, что Чавес — «неподходящая» компания для него. В Буэнос-Айресе побывали с визитами все «ястребы» из команды Буша. Они обещали золотые горы за пересмотр отношений Аргентины с Венесуэлой, дистанцирование Киршнера от венесуэльского «автократа». Беспокойство Вашингтона было понятным: если «ось» Каракас — Буэнос-Айрес укрепится, экспансия Боливарианской революции на континенте может стать неудержимой.

На Четвёртом всеамериканском саммите (4–5 ноября 2005 года) в аргентинском городе Мар-дель-Плата стало очевидно, что «ось» существует. Киршнер и Чавес

единодушно выступили с критикой создания «всеамериканской зоны свободной торговли» от Канады до Чили — ALCA. США очень хотели распространить на всё Западное полушарие модель NAFTA — «зоны свободной торговли» между США, Канадой и Мексикой. Ещё в самом начале своего президентства Чавес с осторожностью отнёсся к идее ALCA. С годами он всё больше убеждался в своей правоте. В Киршнере он нашёл союзника в этом вопросе.

Открывая саммит, Нестор Киршнер подверг критике саму идею «свободной торговли». Создание «свободного рынка», сказал он, не может быть единственным путём на дороге, ведущей к процветанию и благополучию народов: «Такого рода соглашение должно в первую очередь отвечать национальным интересам, а также компенсировать потери развивающимся странам. Интеграция может стать реальностью только в том случае, когда будут приняты меры по ликвидации диспропорций в нашем развитии». Иначе, по мнению аргентинского президента, «свободный рынок» приведёт к ещё большему обнищанию стран и росту их внешней задолженности.

Киршнер призвал участников саммита заняться поиском иной стратегии развития региона, той, которая реально могла бы обеспечить всех достойной работой и тем самым покончить с безработицей и нищетой. Обращаясь к президенту Бушу, Киршнер подчеркнул, что политика, которую США навязывают континенту, «не только провоцирует нищету и бедность, но и ведёт к нестабильности и падению демократически избранных правительств».

Параллельно встрече глав государств Западного полушария в Мар-дель-Плата проходила 3-я Встреча народов Америки, на которой представители демократических организаций выражали своё

отношение к процессам, происходящим на континенте. В грандиозных маршах участвовало не менее трёхсот тысяч человек. В заключительном митинге на городском стадионе звучали лозунги «Буш, вон отсюда!», «Долой империализм!», «Мы за другую глобализацию!», «Нет милитаризации Латинской Америки!». Кульминацией народного форума стало выступление Уго Чавеса: «Только сообща мы можем побороть империализм и дать нашим народам лучшую жизнь. Здесь мы похороним ALCA!» Президент Венесуэлы предложил провести по всем странам референдум: хотят ли народы Латинской Америки «зону свободной торговли» по чертежам США. На митинге была принята декларация, которая осудила интеграционную модель made in USA, изначально ставящую слабые латиноамериканские страны в неравное положение с Империей.

Президент Буш прибыл в Мар-дель-Плата с двухтысячной охраной, опасаясь атак арабских террористов. Разведывательные сводки предупреждали: не исключены атаки смертников. Буш считал, что спецслужбы перестраховывались, докладывая перед каждым визитом о смертниках. Его больше беспокоило то, что саммит не даст нужного результата. Впрочем, некоторые надежды на компромисс, позволяющий продолжить подготовку ALCA, у Буша оставались. Президент Мексики Висенте Фокс обещал полную поддержку, как и Урибе из Колумбии, Сака из Сальвадора.

Однако Киршнер и Чавес, которых поддержали президенты, представляющие страны МЕРКОСУР, камня на камне не оставили от предложений США. Буш, не дожидаясь завершения саммита, покинул Аргентину. Вашингтон потерпел поражение: подготовленный им финальный документ саммита так и не был принят. Чавес был прав, когда, подводя итоги «сражения в Мар-

дель-Плата», заявил, что «пятёрка мушкетёров победила», «выиграла нокаутом»: «план Вашингтона по созданию ALCA умер».

Саммит не обошёлся без конфликтных ситуаций, вызванных, в частности, попыткой президента Мексики Фокса «подыграть» Бушу. «ALCA будет создана с участием или без участия МЕРКОСУР», — заявил Фокс. Позже, беседуя с журналистами, он допустил бестактные высказывания в адрес Киршнера и Чавеса. По мнению мексиканца, Киршнер пытался «произвести впечатление» на общественное мнение в Аргентине и потому не был заинтересован в успехе саммита. Киршнер в ответ рекомендовал Фоксу заниматься мексиканскими проблемами, «которых хватает», потому что аргентинскими как президент занимается он сам.

Чавес тоже не оставил без внимания нападки Фокса. «Вызывает жалость, что такой героический народ, как мексиканцы, — сказал Чавес, — имеют президента, который опустился на колени перед Империей и затем обрушился с нападками на нас, защитников чести наших народов. Это печально, что мексиканский президент согласился стать щенком Империи, когда его страна столько лет терпит насилие со стороны североамериканского империализма. То, что называется сейчас Техасом, мы знаем, принадлежало Мексике, но они (США. — К. С.) отрезали половину её территории. Бедная Мексика! Так далеко от Бога и так близко к Соединённым Штатам!» Интересно отметить, что МИД Мексики сразу же поспешил «нормализовать» отношения с Аргентиной: да, на саммите случился небольшой инцидент, но разве цивилизованные государства не умеют решать такие незначительные проблемы? В отношении Венесуэлы мексиканская дипломатия предпочла конфронтационный сценарий. В МИД был вызван венесуэльский посол Владимир Вильегас, от которого потребовали не только

объяснений по поводу «высказываний Чавеса», но и извинений. Вильегас упаковал чемоданы и уехал в Каракас. Чавес извиняться не собирался.

Сразу после провального для США саммита в лабораториях информационной войны закипела работа. Обо всём не скажешь, но вот, для примера, статья Карлоса Монтанера, привилегированного «публициста» ЦРУ. Он очень постарался, чтобы в очередной раз представить венесуэльского президента исчадием ада: «Чавес научился у Кастро языку пивнушек. Поэтому никому не хочется связываться с косноязычным типом, который нарывается на драчку, обзывая Джорджа Буша “придурком”, а Висенте Фокса “щенком Империи”. Этот “крутой парень” с улицы, с лёгкостью выпаливающий примитивные мысли, способен изуродовать лицо своей жены (уже бывшей) и показывать неприличные жесты с трибуны. При встрече на конференциях с типами подобного сорта лучше всего отойти в сторону, а то, глядишь, и финку вытащит».

Далее Монтанер выложил целую кучу свежее испечённых «античавистских тезисов». Оказывается, у Фокса есть весомые основания для того, чтобы «испытывать отвращение» к Чавесу. Секретные службы Мексики выяснили, что из Венесуэлы поступают деньги на избирательную кампанию оппозиционера Лопеса Обрадора, оружие для мексиканских партизан Народной революционной армии (EPR), а также тонны героина для наркокартелей. Не менее пугающим фактором является то, что посольство Венесуэлы в Мехико щедро финансирует «боливарианские кружки» в университетах, которые занимаются тем, что раздувают культ личности Чавеса и способствуют поддержанию «коллективистского тона» в среде мексиканских «леваков эпохи палеолита».

По мнению Монтанера, в Мар-дель-Плата президент Венесуэлы обрушился на Фокса из-за «провала своей

нефтяной дипломатии»: «В течение нескольких лет Уго Чавес старался соблазнить страны Карибского бассейна и Центральной Америки, предоставляя им некоторые льготы при продаже нефти. Целью этой, опутанной условиями солидарности было вовлечение бедных народов в его неопопулистский крестовый поход против янки. Но планы Чавеса на этом недавнем аргентинском форуме рассыпались. Когда он попытался раздавить ALCA и идеалы свободной торговли, Фокс решительно выступил против»...

Говоря о «провале нефтяной дипломатии» Чавеса, Монтанер выдавал желаемое за действительное. Ещё одним результатом ночных совещаний в Мирафлоресе по вопросу активной нефтяной политики стало создание «Petrocaribe». В Каракасе прошла встреча министров энергетики островных государств Карибского бассейна, по итогам которой было подписано коммюнике об одобрении инициативы по созданию регионального энергетического объединения. Деятельность «Petrocaribe» решили начать с возведения в странах-участницах нефтеи бензохранилищ, чтобы не зависеть от централизованных поставок в случае возникновения каких-либо чрезвычайных ситуаций. В этом решении был важный подтекст: уменьшение энергетической зависимости карибских стран от США.

Потом в «ускоренном темпе» были организованы встречи в верхах с участием четырнадцати стран Карибского бассейна. На Втором саммите (6 сентября 2005 года) конкретизировали политику противодействия «спекулянтам», которые десятилетиями контролировали торговлю углеводородами в регионе, диктуя свои цены и грабительские условия поставок. В список карибских «спекулянтов» попали компании «ExxonMobil», «Royal Dutch Shell», «Chevron», которые поставляли нефтепродукты по запределным для островитян

тарифам. Главным условием успешного развёртывания деятельности «Petrocaribe», по категоричному мнению Чавеса, было создание государственных нефтяных компаний, чтобы льготными условиями поставок углеводородов не смогли воспользоваться транснациональные «спекулянты».

PDVSA гарантировала энергетическое обеспечение карибских партнёров на привлекательных условиях: с различными льготами, отсрочками, возможностью оплачивать углеводороды «натурой» — сахаром, рисом, другой сельскохозяйственной продукцией. По соглашению, нефть поставлялась танкерами PDVSA, что позволяло избежать транспортных накладок, к которым прибегали «спекулянты».

Нужно отметить, что все саммиты «Petrocaribe» сопровождалась в латиноамериканских СМИ пропагандистскими кампаниями против Чавеса: он, дескать, использует «нефтяную дипломатию», чтобы укрепить влияние в Карибском регионе и иметь поддержку союзников в своих частых столкновениях с Соединёнными Штатами. Сам Чавес объяснял свою нефтяную политику куда более весомыми причинами. На Втором саммите «Petrocaribe» он сказал: «Я думаю, что сегодня все мы, живущие в Латинской Америке и в карибских странах, должны действовать, предвосхищая час развала североамериканской Империи, что неизбежно отразится на нас. Мы должны не только думать об этом, но и готовиться к этому событию. Вести работу в определённом историческом и стратегическом направлении».

Приоритетной задачей Чавес считал развитие энергетических отношений с гигантом Южной Америки — Бразилией. До Чавеса Венесуэла, несмотря на общую границу с Бразилией, проявляла мало интереса к отношениям с соседом. Соединённые Штаты внушали венесуэльским военным, что Бразилия — главный

региональный враг. Соответственным образом строилась и оборонительная доктрина.

Застарелые предубеждения были сломаны Чавесом. Нет вечных доктрин. Враги находятся совсем в другом месте. Бразилия может и должна стать региональным союзником Венесуэлы. В 2002–2003 годах были сделаны первые шаги в этом направлении: подписано соглашение о совместной эксплуатации нефти и газа, строительстве на территории Бразилии нефтеперерабатывающего завода. Когда в Бразилии к власти пришёл Инасио Лула да Силва, он с первых дней своего правления поддержал инициативу Чавеса по использованию энергетического фактора для ускорения интеграционных процессов на континенте. Сближение стран пошло ускоренными темпами.

«Ястребы» США хорошо знают, каковы энергетические реалии сегодня и какими они будут завтра. Поэтому, придерживаясь публично агрессивной риторики в отношении Чавеса, они весьма прагматично действовали через своего главного теневого дипломата в Западном полушарии — компанию «Шеврон-Тексако». Надо думать о будущем. Трудно предсказать, дадут ли желаемый результат нефтяные войны в Ираке, Афганистане и Иране. Всегда необходим запасной вариант. Поэтому Венесуэла ни в коем случае не должна быть потеряна как поставщик энергоресурсов...

«Наш социалистический проект должен иметь основой нефтяную составляющую, — заявил Чавес в штате Ансоатеги 1 мая 2007 года на торжественной церемонии, посвящённой ренационализации нефти. — Мы начинаем развивать проект нефтяного социализма, Социализма XXI века».

За несколько часов до этого мероприятия были взяты под контроль армейских подразделений восемь месторождений «Пояса Ориноко», которые прежде эксплуатировались иностранными компаниями. С 1 мая,

после вступления в силу декрета о национализации, они становились смешанными предприятиями с доминирующей ролью PDVSA. Операцией, которая транслировалась по телевидению, руководил Рафаэль Рамирес. «Президент приказал нам установить полный контроль над месторождениями, — сказал Рамирес. — Именно здесь начинаются подлинная национализация, подлинный нефтяной суверенитет».

В митинге принимали участие около сорока тысяч рабочих и служащих, которые символически — все разом — сменили прежние защитные каски синего цвета на красные, боливарианские. Над митингующими пронеслись два самолёта Су, словно напоминая, что нефть Венесуэлы находится под надёжной охраной.

Как и следовало ожидать, по «главному нефтянику» Рамиресу открыли огонь из всех видов «информационно-пропагандистского оружия». Пик этой клеветнической кампании пришёлся на середину 2007 года, после того как Рамирес, облачённый в алую боливарианскую рубашку, заявил на собрании руководителей PDVSA, что компания «есть и всегда будет красной», и призвал присутствующих безоговорочно встать на сторону революции. Оппозиционные СМИ обрушили на Рамиреса обвинения в коррумпированности, профессиональной несостоятельности, nepотизме. «Рамирес руководствуется политическими лозунгами, определяя стратегию компании. Отсюда её низкая рентабельность. Все заработанные деньги уходят на социальные программы, в развитие производства практически ничего не вкладывается, всё это чревато техногенными катастрофами, непоправимым экономическим и экологическим ущербом для страны», — вещали оппозиционные оракулы и наёмные «эксперты по энергетическим проблемам».

Некоторые критики «нефтяного социализма» использовали тезис о «нефтяном проклятии». Если страна обладает месторождениями «экскрементов дьявола», то это идёт ей не на пользу, а почти всегда в ущерб. Страны, богатые нефтью, легко коррумпируются и нередко порождают диктаторов, страдают от социальных конфликтов и гражданских войн. Неограниченный приток нефтедолларов стимулирует государственное расточительство, разбухание бюрократического аппарата, нездоровую тягу к реализации «монументальных проектов» и затратных международных мероприятий, без которых, в принципе, можно вполне обойтись.

Чавес, словно стараясь доказать, что нефть — это не проклятие, а благо, не жалел нефтяных доходов на развитие промышленности и дорожно-транспортной инфраструктуры, на многочисленные социальные программы-«миссии». В передаче «Алло, президент!» он постоянно информировал венесуэльцев о том, что уже сделано, что делается и что запланировано сделать. В одной из передач 2004 года он упрекнул своих помощников за то, что они повесили карту слишком малого масштаба, потому что на ней было невозможно подробно изобразить всё «громадьё» намеченных на ближайшие годы строек и проектов.

Толстым фломастером он творил на карте будущее Венесуэлы: намечал строительные площадки для нефтеперерабатывающих заводов, металлургических комбинатов, агроиндустриальных комплексов, прокладывал шоссейные и железные дороги, обозначал будущие мосты, аэродромы, морские и речные порты, нефтегазопроводы, акведуки, ставил значки над городами, в которых следует построить метро. Это были не произвольные намётки или импровизация мечтателя, который хотел поразить воображение последователей и врагов. Чавес излагал тщательно продуманный план

комплексного развития страны, налаживания производственных отношений между теми регионами, которые были традиционно отчуждены от густонаселённого центра страны: Зона Льянос, Дельта Амакуро, Правобережье Ориноко, штаты Боливар и Амасонас.

О необходимости ускоренного освоения штатов Боливар и Амасонас — венесуэльской Сибири — много говорилось и делалось в годы Четвёртой республики. К несомненным достижениям прежних правительств можно отнести возведение на правом берегу Ориноко на месте небольших посёлков нового промышленного центра Сьюдад-Гуайана, введение в строй комбинатов по выплавке алюминия и стали, строительство крупнейшей в своё время ГЭС Гури, первого моста через Ориноко, прокладку многополосного шоссе, ведущего от моста к новому городу. Почти все эти достижения относятся к периоду первой национализации нефтяной отрасли. Тогда же начали прокладывать асфальтированное шоссе до города Санта-Елена-де-Уайрен, то есть к границе с Бразилией. Но в регионе остались и сохраняются до сих пор огромные неосвоенные территории, на которых хозяйничают контрабандисты, самодельные старатели, наркотрафиканты, колумбийские парамилитарес и партизаны. Всё это не могло не беспокоить боливарианское правительство.

В ноябре 2006 года, почти через 40 лет после возведения первого моста «Ангостура», Уго Чавес и президент Лула да Силва открыли для движения через Ориноко суперсовременный мост «Оринокия», построенный с участием бразильской компании. Этот мост стал символом венесуэльско-бразильской интеграции, стратегического «разворота» Венесуэлы в южном направлении, воплощением программного

лозунга боливарианского революционного процесса: «Nuestro Norte es el Sur».

В тот же самый день, когда по мосту «Оринокия» празднично проехали в автомашине Чавес и Лула, в другом месте, на расстоянии в сотни километров, по соседству с городком Кайкара-де-Ориноко заложили первый камень ещё одного моста. Чавес дал ему символическое название — «МЕРКОСУР» (Строительство моста «МЕРКОСУР» длиной в 10 километров также ведётся с участием бразильской компании Odebrecht. Ориентировочная дата его ввода в эксплуатацию — 2015 год.). Он объявил, что на берегах Ориноко, которые свяжет этот мост, будет возведён новый город — Санта-Крус-дель-Сур, современный, экологически чистый, ориентированный на интеграцию региона с южноамериканским континентом. На высоком холме намечено воздвигнуть огромный крест с символическими руками, распахнутыми в сторону Юга.

Даже простое перечисление некоторых из общенациональных социальных программ — «миссий», на которые щедро расходовались нефтяные сверхдоходы, — даёт представление об их масштабах и всеохватности. Благодаря «Mision Robinson» было покончено с неграмотностью. В рамках «Mision Ribas» были построены сотни образовательных центров, в которых взрослые могли завершить школьное образование. «Mision Barrio Adentro» обеспечила бесплатную медицинскую помощь жителям бедняцких районов. «Mision Vuelvan Caras» помогает всем желающим повышать квалификацию или приобрести новую профессию. «Mision Guaicaipuro» осуществляет работу среди индейских народов. «Mision Mercal» выразилась в создании сети магазинов, торгующих продовольственными товарами первой необходимости по доступным ценам. «Mision Vivienda» дала толчок массовому возведению народного жилья.

Нет такого города в стране, на окраинах которого не появились бы новые кварталы из аккуратных домиков, построенных на месте прежних безобразных «ранчос» и «бидонвилей» из жести и фанеры. По норме, установленной боливарианским правительством, общая площадь «народной квартиры» должна быть не меньше 70–75 квадратных метров. По программе «дом за ранчо» обитатель развалюхи в качестве символического обмена получает новое жильё без какой-либо дополнительной платы. Эта программа ориентирована на самых обездоленных венесуэльцев, возвращает их к достойной жизни: керамические, а не земляные полы, водопровод, газовая плита, туалетная комната, душевая — всё это положено по государственным нормам. Жильё сдаётся «под ключ», поэтому доводить его до нужных кондиций новосёлам не приходится.

К реализации жилищной программы подключена PDVSA. На её заводах было начато строительство так называемых «нефтедомов» (petrocasa) из поливинилхлорида. Конечно, дома из пластика вызывали некоторую настороженность, но экспертиза, проведённая в Германии, показала, что этот материал соответствует всем жилищным нормам, не представляет угрозы для здоровья и обладает многими преимуществами, в том числе стойкостью перед погодными неурядицами, столь частыми в тропических условиях.

Для семей, имеющих какие-то доходы, стабильную зарплату, строятся дома «улучшенной планировки», большего метража, в двух уровнях и т. д. Привилегиями пользуются многодетные семьи. Кредиты на жильё выдаются на 30 лет, процентная ставка — 4,5.

Хотелось бы отметить, что большинство соглашений, которые заключает боливарианское правительство с иностранными партнёрами,

сопровождается приложениями, обговаривающими их вклад в жилищное строительство в Венесуэле.

Из других приоритетных расходов можно назвать ежегодное повышение на 25–30 процентов минимальной заработной платы, высокие поощрительные выплаты молодым семьям и одиноким женщинам за родившегося ребёнка. Получают существенные денежные пособия венесуэльские матери (независимо от возраста) и достойные пенсии — женщины-домохозяйки. Вообще Чавес делал многое для облегчения участи женщин-тружениц. Это была своеобразная дань памяти любимой бабушки — Мамы Росы Инес.

Глава 20

ИМПЕРИЯ — ГЛАВНЫЙ ВРАГ

Чавес публично и неоднократно предупреждал посла США Чарлза Шапиро о недопустимости ведения «подрывной антиправительственной работы». Два-три раза пригрозил, что объявит его персоной non grata. Президент знал о закулисных манёврах посла: досье DISIP на него пополнялось новыми томами. Были записаны пространные беседы Шапиро с лидерами оппозиции и античавистских СМИ, в которых он давал рекомендации, обсуждал размеры финансовой поддержки так называемым «неправительственным организациям» (НПО), договаривался о взаимодействии с ними по разоблачению «преступлений режима» и его «связей» с международным терроризмом, наркокартелями, колумбийскими партизанами, государствами «оси зла».

Госдепартамент ответно заявлял о поддержке Шапиро: «Мы довольны результатами его работы». Тем не менее послу пришлось сократить контакты до минимума. Его попытка легализовать в стране «Представительство по обеспечению перехода к демократии» вызвала раздражённую критику Чавеса, который усмотрел в этом «лицемерный манёвр» Вашингтона в пользу оппозиции. Шапиро поспешил дать разъяснения: «Нас неправильно поняли. Это будет один из отделов Международного агентства Соединённых Штатов по развитию (USAID), который станет оказывать консультативную помощь в деле налаживания диалога и укрепления демократии».

Чавес ему не поверил, к этому времени он не верил ничему, что исходило от североамериканцев: «Они

пытаются создать условия для вмешательства в наши внутренние дела».

В середине мая 2003 года на территории посольства США в Каракасе была проведена конференция в рамках празднования Всемирного дня свободы прессы. С докладами выступили (среди прочих) президент Блока прессы Венесуэлы Давид Натера Фебрес и председатель Национальной коллегии журналистов Леви Беншимоль. Главным оратором был посол Чарлз Шапиро. Отбросив в сторону дипломатические церемонии и иносказания, посол подверг «нелицеприятной» критике состояние дел в области свободы прессы в Венесуэле. Проводя явную параллель между Кастро и Чавесом, Шапиро подчеркнул, что для авторитарных режимов «независимые журналисты, которые расследуют, пишут и сообщают, являются серьёзной опасностью. Свободная пресса — это большой враг диктаторов»(См.: Todos los dictadores le temen a la prensa // El Nuevo Pais. 15.05.2003.).

В завершение конференции перед слушателями выступил юморист-чревоуещатель Хильберто Гонсалес с кукольным шоу «Марта Коломина и Чавес». Коломина в то время вела ежедневную радиопрограмму, в которой подвергала язвительной критике всё, что связано с Чавесом, его внутренней и внешней политикой. Не надо особой фантазии, чтобы представить, в каком неприглядном ракурсе был показан в шоу «типесо Chavez». Присутствующие, в том числе посол, покатывались со смеху: кукольная Коломина учила кукольного Чавеса хорошим манерам и политкорректности. После завершения представления Шапиро поблагодарил юмориста за доставленное удовольствие.

О специфике развлечений в посольстве США Чавес узнал на следующий день и истолковал произошедшее как выражение бессилия американского дипломата,

подрывная миссия которого в Венесуэле потерпела крах. Новость о том, что в американском посольстве «коллективно» издевались над Чавесом, мгновенно распространилась по стране. Возмущение сторонников президента было единодушным. Раздавались призывы незамедлительно выслать Шапиро. Чавес не поддался на эмоции.

Правительство воспользовалось ситуацией, чтобы представить Шапиро с самой невыгодной стороны. Вице-президент Ранхель выступил на пресс-конференции и сообщил, что руководство республики пытается понять, что побудило американского посла на действия, не совместимые с Венской конвенцией о дипломатических отношениях. Он предложил две версии. Первая: Шапиро — безответственный дипломат, не подумавший о возможных последствиях столь вызывающей демонстрации. Вторая: Шапиро сознательно пошёл на провокацию, тщательно рассчитанную, всесторонне продуманную, прикрытую «целлофаном» развлекательного шоу. Ранхель заметил, что этот поступок прямо противоречит тому, о чём говорил представитель Госдепартамента Струбле, недавно посетивший Каракас. Струбле позитивно отзывался о сотрудничестве обеих стран в борьбе с терроризмом и наркотрафиком, говорил, что США уверены в надёжности Венесуэлы как поставщика углеводородов. И вот — шокирующий инцидент! Послу США пришлось принести публичные извинения боливарианскому правительству: никакого умысла не было. Виноват артист, не предупредивший о содержании своего шоу, а посольство не проводит предварительной цензуры в подобных случаях (Посол Шапиро знал о содержании выступления Хильберто Гонсалеса, поскольку видел его шоу в одном из столичных кабаре за несколько дней до показа в

посольстве США (см. статью Х. Олаварри «Shit happens» // El Universal. 20.05.2003.).

В 2004 году на прощальный приём Шапиро в посольство не пришёл ни один представитель боливарианской власти, были только оппозиционеры.

Новый крестовый поход против Чавеса начал Отто Рейч, тогдашний заместитель госсекретаря по вопросам Западного полушария. Используя трибуну Госдепартамента, он требовал от Чавеса «уважения» к оппозиции, отказа от «преследования» оппозиционных СМИ, разоружения «боливарианских кружков». Не нравились Рейчу и «друзья» Чавеса: «Конечно, он имеет право сам выбирать себе друзей. Но существует поговорка: “Скажи мне, кто твой друг, и я скажу тебе, кто ты”. Конечно же мы обеспокоены тем, что Чавес выбирает в друзья таких диктаторов, как Фидель Кастро, Саддам Хусейн и Муамар Каддафи, которые не уважают прав человека и развалили экономику своих стран. И мы доводим это до сведения Чавеса».

Гитлер был тем историческим персонажем, с которым Рейч часто сравнивал Чавеса. Иногда упоминался Муссолини. Чавес никогда не давал повода для того, чтобы заподозрить его в симпатиях к нацистам или фашистам. Ни в одном из выступлений Чавеса или в воспоминаниях тех соратников, объективности которых можно доверять, нет даже намёка на его «пронацистские отклонения», попытки использовать (даже косвенно) в боливарианско-социалистическом проекте тоталитарную идеологию вождей Третьего рейха и Италии.

Чавес с возмущением вспоминал о том, как в 1990-х годах он был приглашён к одному из политиков Четвёртой республики и увидел в его доме что-то вроде алтаря, посвящённого Гитлеру и Третьему рейху. Другой неприятный инцидент произошёл в дни президентской кампании 1998 года, когда до Чавеса дошли разговоры

о том, что Луис Альфонсо Давила рекомендовал некоторым членам «Движения Пятая республика» «внимательно ознакомиться» с книгой Гитлера «Майн кампф». Соратники призвали Чавеса «дать этому факту политическую оценку». Разумеется, Давила объяснил всё желанием «просветить» некоторых своих друзей в отношении «преступного режима Гитлера, его расистских теорий». Но Чавес высказал Давиле «политическую оценку» в жёсткой форме: по недомыслию он мог поставить под удар всю предвыборную кампанию (См.: Domingo Alberto Rangel. Alzado contra todo. Valencia: Ed. Vadell Hermanos, 2003. P. 260.).

Из окружения Чавеса только Сересоле подозревался в связях с неонацистами. Его высылка из Венесуэлы стала для Чавеса нелёгким решением: Сересоле был другом в сложный период жизни, интересным собеседником, обладавшим обширными знаниями в вопросах современной политики, особенно её «конспирологических» сторон. Однако никаких точек соприкосновения с Сересоле в условиях, когда Чавес стал воплощением власти — «лидером», — допускать было нельзя. Аргентинец написал немало полемичных книг и брошюр. При известной гибкости критериев из них можно было надёргать достаточно цитат, чтобы представить его как апологета тоталитаризма и неофашизма.

Для Чавеса теория и практика «нацифашизма» и «неофашизма» подлежали безусловному осуждению. Если он в пылу полемики обвинял кого-то в нацизме, то это свидетельствовало о крайней степени его негодования. В мае 2008 года канцлер Германии Ангела Меркель заявила о том, что «правительство Чавеса не говорит от имени всей Латинской Америки: каждое правительство обладает своим собственным голосом, преследует свои собственные интересы. Это доказали и

сами венесуэльцы, которые определили свою позицию на референдуме в декабре (2007 года. — К. С.)». Меркель также подчеркнула, что сомневается в социально-экономической эффективности «левого популизма». Это было сказано накануне визита Меркель в Латинскую Америку.

Ответ из Каракаса последовал незамедлительно. Чавес напомнил, что партия Меркель (Союз христианских демократов), представляющая консервативные круги населения Германии, является «партией правых, тех самых, которые поддержали Гитлера, фашизм»...

С середины 2003 года античавистская пропаганда стала активнее использовать тезис о «кубанизации» Венесуэлы. Прибытие в страну тысяч кубинских учителей — для борьбы с неграмотностью и врачей — для налаживания медицинской помощи в бедняцких районах подавалось как «массовая засылка в страну кубинских шпионов». Телевидение бомбардировало обывателей сюжетами о подозрительных ночных авиарейсах из Гаваны, о милитаризированных учебных центрах в «закрытых районах», о появлении в военных гарнизонах кубинских советников и разведчиков, которые «проверяют» венесуэльских военнослужащих на предмет идеологической преданности «режиму». Чавес опровергал эти выдумки, объяснял, что обращение за помощью к Кубе — вынужденная мера, поскольку в стране нет достаточного количества врачей, готовых работать в таких неблагоприятных условиях, а также учителей, владеющих современной методикой обучения неграмотных.

Провал заговоров в апреле и декабре 2002 года вызвал у главного олигарха Венесуэлы Густаво Сиснероса упаднические настроения. Он понял, что в ближайшие годы справиться с Чавесом с помощью заговора по «чилийской модели» будет невозможно.

Крайне опасным казался ему вариант физической ликвидации президента, который предлагали оппозиционные радикалы и горячие головы из эмигрантов. Если Чавес будет убит, это приведёт к затяжной дестабилизации Венесуэлы, нанесёт серьёзный удар по его финансово-экономическим интересам в стране.

Более заманчивой выглядела для Сиснероса возможность личного участия в президентских выборах. Все козыри в руках: телевидение, неограниченные финансовые средства, поддержка оппозиции. Надо только собрать её в один кулак, да ещё увлечь тех, кто относит себя к «ни-ни» — нейтральным. Огромный плюс — содействие Соединённых Штатов: президент Буш обещал всестороннюю поддержку. Ему, Сиснеросу, тоже есть, что пообещать венесуэльцам (на обещания скупиться не надо!): процветание, справедливое распределение нефтяных доходов, упор на социальный аспект будущего правления, сохранение всего позитивного, что начала Боливарианская революция. Главный лозунг: «Венесуэла для венесуэльцев», страна вполне обойдётся без «боливарианского интернационала». Вот, в общих чертах, программа, которая поможет победить Чавеса, не сумевшего за пять лет правления наладить экономику страны. Массмедиа сделают так, что никто не вспомнит о том, как оппозиция и заговорщики мешали Чавесу, создавая в стране перманентный кризис.

По инициативе самого Сиснероса была подготовлена и издана книга «Глобальный предприниматель». Её автор из агентства Рейтер, эксперт по латиноамериканской экономике, в восторженных выражениях описывал достоинства Сиснероса — успешного технократа-миллиардера, с либеральными взглядами, любящего Венесуэлу, готового на жертвы ради её прогресса и благополучия.

Венесуэльцы уловили «подоплёку» выхода биографии Густаво Сиснероса и предложили дать ей другое название — «Глобальный президент». Возникли очевидные параллели: Сильвио Берлускони в Италии добился высшего государственного поста, используя те же козыри, которые есть у Сиснероса. Реакция страны на «заявку» Сиснероса была противоречивой. Преобладало мнение о том, что ему не стоит претендовать на президентское кресло. Даже в стане оппозиции были шокированы непомерностью appetitов Сиснероса. Больше всех возмущался директор канала RCTV Марсель Гранье, чьи президентские амбиции восходили ещё к началу 1980-х годов. Неужели Сиснеросу нечем заняться? Он — хозяин и совладелец десятков телеканалов в США и Латинской Америке, контролирует обширную сеть торговых центров, владеет пивными заводами, обладает правом голоса в компании «Кока-Кола», является влиятельной фигурой в «Бильдербергском клубе», в Совете по международным связям в США; он — свой человек в клане Бушей, дружит с Джимми Картером; он купил для повышения рейтинга популярности ведущую бейсбольную команду Венесуэлы «Лос Леонес». Ему мало всего этого? Поэтому вполне справедливы подозрения: не нужен ли Сиснеросу президентский пост для того, чтобы приватизировать PDVSA, подгрести под себя всю нефть Венесуэлы? К радости оппонентов Сиснероса на уличных лотках вновь появилась брошюра «Наркотрафик С. А.», в которой рассказывалось о кокаиновых истоках финансового процветания Сиснероса. В своё время первые тиражи брошюры были изъяты из продажи с помощью влиятельных друзей олигарха в полиции и DISIPK (Lyondon H. Narcotrafico S. A. // LaRouche. Ed. Doper Inc., 1985.).

В январе 2004 года Чавес назначил министром обороны генерала Хорхе Луиса Гарсию Карнейро.

Говоря о нём, президент был краток: «Хорхе Луис — это солдат-труженик, который не хвалится своими заслугами и к тому же неплохо танцует сальсу. Честно заработаны его генеральские звёзды, которые были получены после самых жарких и славных битв в защиту народа, в пользу мира, жизни». О сальсе президент упомянул не ради шутки. Сальса — это народный танец, и потому Карнейро — народный генерал по всем статьям. Карнейро не поддавался шантажу заговорщиков в апреле 2002 года, много сделал для нейтрализации «нефтяной забастовки» «меритократов», навёл относительный порядок в армейских рядах. Он санкционировал служебные расследования в отношении офицеров — несколько сотен человек! — подозреваемых в связях с заговорщиками. Они были выведены «за штат» и ожидали своей очереди, чтобы предстать перед дисциплинарной комиссией.

«Военные диссиденты», для которых площадь Альтамира осталась горьким воспоминанием, оказались в изоляции. Самые радикальные из них поспешили покинуть Венесуэлу, другие для решения своих проблем пытались использовать влиятельные связи традиционными «договорно-обходными путями». Но ничего у них не получалось: барьеры были расставлены прочные. Тогда «военные диссиденты» прибегли к испытанному средству: в СМИ началась кампания по дискредитации Карнейро. Его выдвижение на высокий пост подавалось как демонстрация того «презрения», которое накопилось у Чавеса к вооружённым силам и генералитету, «военной меритократии». Новый министр обороны не обладает никакими достоинствами кроме «личной преданности диктатору». Учёба в Военной академии давалась ему с трудом. Его послужной список не блещет достижениями, есть много куда более достойных генералов. Карнейро делал не военную, а политическую карьеру: выступал на митингах, брался

с латиноамериканскими «леваками» и коммунистами, поддерживал и организовывал социальные миссии, включая торговлю дешёвыми продуктами питания («Mision Mercal»). Даже внешне Карнейро не «смотрится» на посту министра, нет в нём, по мнению оппозиционных критиков, должной стати и величественности (majestad). Вооружённые силы Венесуэлы должен возглавлять достойный лидер, а не лакей Чавеса! Таков был лейтмотив информационно-пропагандистских атак на министра обороны. Карнейро, казалось, полностью игнорировал льющиеся на него нападки и оскорбления. Работа по нейтрализации и вытеснению «диссидентов» из вооружённых сил продолжилась. Их обязали сдать личное оружие, которое пожизненно вручается каждому офицеру, военные билеты, униформу, а генералов — полагающиеся им по статусу автомашины. «Диссиденты» растолковали эти меры как «зашифрованное послание» Чавеса всем военным оппозиционерам: «Не думайте, что вы легко отделаетесь после всего, что произошло».

Действия Карнейро по очистке военных рядов от заговорщиков получили новый импульс после ареста в мае 2004 года в окрестностях Каракаса отряда колумбийских парамилитарес численностью 100 человек. Он базировался в имении «Дактари», которое принадлежало Роберту Алонсо, активному участнику событий апреля и декабря 2002 года. После провалившегося переворота Алонсо обосновался в Майами. ЦРУ использовало его для финансирования и передачи инструкций вооружённым «ячейкам сопротивления» в Венесуэле.

Подготовка и переброска такого большого отряда — сложная, многоэтапная операция. Она не могла пройти незамеченной для DAS — Административного управления безопасности Колумбии, которое по своим

тайным каналам контролировало и направляло карательные рейды парамилитарес против партизан. Венесуэльские заговорщики беспрепятственно вели вербовку на территории Колумбии. О масштабах операции говорил тот факт, что отряд колумбийцев под видом сельскохозяйственных сезонных рабочих свободно проследовал от границы к месту базирования. На маршруте было десятка полтора военно-полицейских КПП, но никто не забил тревогу. Кто-то умело прикрывал продвижение парамилитарес.

Расследование показало, что венесуэльские офицеры-заговорщики провели инструктаж наёмников. По плану отряд должен был внезапно атаковать дворец Мирафлорес, президентскую резиденцию, Ла-Карлоту — аэропорт в центре города. Задача — физическая ликвидация Чавеса. Колумбийцев переодели в венесуэльскую военную форму, оружие из армейских арсеналов должно было поступить со дня на день. Предполагалось, что боевики из радикальной оппозиции поддержат эту акцию, а враждебные правительству СМИ создадут необходимый информационно-пропагандистский фон. По замыслу заговорщиков, эта провокация должна была продемонстрировать стране «недовольство» венесуэльских военных боливарианским «режимом» и в обстановке возникшего хаоса и всеобщей дезорганизации облегчить захват власти.

На финальной стадии этой многоходовой операции случился роковой «прокол». Были задержаны офицеры-заговорщики, которые обеспечивали боевиков всем необходимым для жизни на нелегальном положении. По официальной версии, только «бдительность» местных жителей позволила своевременно выявить и задержать парамилитарес. Они были арестованы во время посадки на автобусы, которые должны были перевезти их на запасную базу. Однако информация о наёмниках легла

на стол Чавеса много раньше. Президент знал, что за спиной колумбийцев из DAS стояли североамериканцы: разрабатывали и координировали операцию американские военные разведчики. Было известно, что резидентуры РУМО (РУМО — Разведывательное управление министерства обороны, было создано в 1961 году для обеспечения разведывательной информацией Департамента обороны США и координации деятельности разведывательных служб родов войск.) в Колумбии и Венесуэле поддерживали тесную связь и совместно создавали в приграничных венесуэльских штатах опорные пункты для оседания парамилитарес.

Чтобы спутать планы заговорщиков, Чавес отдал распоряжение о закрытии в министерстве обороны в Форте Тьюна американской военной миссии. Ей было предписано эвакуировать персонал и оборудование до 30 мая 2004 года. Мотивировка была простой: помещения нужны «для социальных миссий», патронируемых армией Венесуэлы. Вынужденный переезд из Форта Тьюна в посольство привёл к серьёзным сбоям в координации действий американских военных разведчиков и заговорщиков. Изгнание миссии из Форта Тьюна могло также означать, что властям стало известно о предстоящей операции. В РУМО возникли опасения, что среди «туземных контактов» есть «кроты», которые могут поставить под угрозу весь комплекс боевых мероприятий в Каракасе, включая передачу парамилитарес вооружений из заранее подготовленных тайников.

Отсутствие чёткой связи с резидентурой РУМО, паникёрские настроения среди офицеров-заговорщиков, недовольство самих парамилитарес, которых держали взаперти и на скудном пайке, — всё это не предвещало благополучного исхода операции. Кто-то из парамилитарес попытался бежать. В назидание другим дезертиры были расстреляны

колумбийскими главарями и захоронены там же, на территории имения «Дактари». В этой безвыходной ситуации никто из отряда не оказал сопротивления при аресте.

Министр обороны Карнейро вздохнул с облегчением, когда начальник военной контрразведки вручил ему на утреннем докладе список офицеров, причастных к делу колумбийских парамилитарес. Из документа следовало, что организационной работой в Колумбии руководил участник апрельских событий «беглый» генерал Фелипе Родригес. На разных этапах операции по переброске и подготовке боевиков были задействованы полковник Национальной гвардии Орландо Кастро, капитан Дуглас Перес (В его доме в Каракасе в ходе обыска обнаружили стрелковое оружие, а также 600 бронежилетов.), полковник Хесус Фариа, капитан Хавьер Кинтеро Гонсалес и др. С их арестом активность заговорщиков в вооружённых силах пошла на убыль...

Чтобы убедиться в том, что наёмники действительно представляли опасность, Чавес посетил тюрьму и побеседовал с некоторыми из них. Всё было правдой. Особенно поразил президента жест одного из парней, хладнокровно показавшего ребром ладони, как «надо» полоснуть ножом, чтобы с первого раза перерезать горло. Чавес назвал парамилитарес существами с вытравленной душой, зловещими зомби, машинами, запрограммированными на убийство. Многие из них имели воинские удостоверения, другие — карточки резервистов.

Оппозиция и подконтрольные ей СМИ всячески оспаривали достоверность официальной информации о парамилитарес. Некоторые журналисты договорились до того, что назвали арест колумбийцев ловкой мистификацией «чекистов» Чавеса. Её организовали якобы для того, чтобы создать президенту имидж возможной жертвы, за которой по заданию ЦРУ

охотятся профессиональные колумбийские убийцы. Чавес нуждается в дополнительных процентах к рейтингу популярности. Ловкач! Манипулятор! Политический Копперфильд! Отвлекающей шумихой, путём умолчания и подтасовки фактов наёмников пытались представить безобидными, едва ли не карнавальными ряжеными. Всё делалось для того, чтобы затушевать главное: с территории Колумбии в Каракас было направлено полноценное воинское подразделение (с опытом ведения войны в сложных условиях!) с целью физической ликвидации президента Венесуэлы. При всей ненависти колумбийской олигархии к Чавесу, вряд ли она стала бы обременять себя столь компрометирующей и опасной задачей. Голову Чавеса хотели заполучить «ястребы» в администрации Буша. Если и были у Чавеса какие-то сомнения на этот счёт, то после захвата наёмников они полностью развеялись. Империя предприняла прямую атаку на него, законно избранного президента! Во многих выступлениях той поры Чавес цитировал строки из своего стихотворения: «Ты не трогай меня — не накличешь беду, чужестранка заморского берега, я — колючее дерево в красном цвету», — словно предупреждая, что сумеет дать отпор любой агрессии. Отвечать на угрозы поэтическими строками — это мог придумать только Чавес с его уверенностью в своём моральном и нравственном превосходстве над врагами. С этим стихотворением под названием «Колючее дерево» Чавес часто обращался к своим ненавистникам, включая Кондолизу Райс:

Ты не трогай меня — не накличешь беду,
Чужестранка заморского берега,
Я — колючее дерево в красном цвету,
На ветру ароматное дерево!
Злая прихоть — меня обрывать на букет...
Уколоть — не скрываю намерений...

Ты не ветер — с ветвей моих стряхивать цвет,
Я — равнины колючее дерево...

Про цветущие ветки в росе и меду —
Разнесли, растрезвонили, вызнали...

Свежим веяньем мой притягателен дух,
Алой зорькой заметное издали...

Не пытайся трясти, на шипы не лютуй:
Оглянись — зарумянилась прерия...

Я — колючее дерево в полном цвету,
На равнине багряное дерево!..

(Перевод Эммы Прибыльской (AURORA BOREALIS.
Минск, 2008).)

Глава 21

ДРУЗЬЯ И ВРАГИ. «ОТЗЫВНОЙ» РЕФЕРЕНДУМ

В ходе расследования возникли подозрения, что Густаво Сиснерос имеет отношение к появлению в окрестностях Каракаса отряда наёмников. Обширные владения олигарха находились по соседству с «Дактари». В подвалах административного здания принадлежащего ему телеканала «Веневисьон» был обнаружен склад современного стрелкового оружия и боеприпасов. Не является ли он частью того арсенала, который должны были передать парамилитарес? Чавес опасался, что другие доказательства «преступных замыслов» олигарха могут быть уничтожены, и распорядился провести обыск в его владениях.

Эти действия силовых структур вызвали шумиху в СМИ и протесты адвокатов (ещё бы, такой произвол по отношению к самому богатому человеку Южной Америки!). Все ожидали от Сиснероса возмущённых заявлений, но он предпочёл действовать в жанре «тихой дипломатии»: через старого друга Джимми Картера, экс-президента США, попросил Чавеса о встрече. Президент ответил отказом. Но настойчивость олигарха была вознаграждена. Встреча «тройки» прошла 18 июня 2004 года в Форте Тьюна.

Круг вопросов для беседы заранее не обсуждался, хотя Сиснероса больше всего беспокоило получение гарантий его бизнесу и собственности в Венесуэле, а Чавеса — причастность миллиардера к процессам дестабилизации в стране. Встреча длилась четыре часа. Сохранить её в тайне, как первоначально планировали участники, не удалось. Версии о «секретном сговоре»

стали распространяться самые невероятные, и потому все участники встречи были вынуждены выступить с заявлениями. Картер объявил о своём стремлении помочь укреплению демократии и налаживанию диалога в Венесуэле, Сиснерос — о полезном обмене мнениями по поводу поддержания «адекватного» конституционного климата накануне «отзывного референдума», Чавес — о том, что он «во имя высших интересов страны не откажется спуститься даже в пятый круг ада, чтобы поговорить с Дьяволом».

Оппозиция не поверила никому. Заявление Сиснероса вызвало больше всего сомнений: «Он заключил тайный пакт с Чавесом и фактически предал нас». Радикальных боливарианцев слова президента о дьяволе и отсутствии каких-либо пактов, «подписанных под столом», тоже не удовлетворили. Чавесу пришлось объясняться вновь: «Никаких пактов чести не было. Я ни с кем не веду и не буду вести переговоров, которые могут негативно затронуть судьбу Боливарианской революции и интересы народа. Если мне придётся выбирать между сдачей позиций и смертью, я предпочту последнее».

После «тройственной» встречи Сиснерос смягчил своё отношение к «режиму», под разными предлогами убрал из штата «Веневисьон» одиозных обозревателей, которые, по мнению Чавеса, вели подрывную работу против его правительства. Демонстрируя непричастность к апрельскому перевороту, Сиснерос «с пониманием» воспринял вызов к прокурору Данило Андерсону и ответил (8 октября 2004 года) на его вопросы. Законопослушное поведение олигарха в принципе повлияло на снижение градуса напряжённости в стране, но ненадолго. Прокурор Андерсон погиб 17 ноября 2004 года. В его автомашину была подложена бомба. Расследование этого террористического акта продолжается до сих пор.

В мае 2004 года по приглашению «Банка Банеско» в Каракас прибыл Михаил Горбачёв. Визит был приурочен к открытию нового здания банка. Горбачёв и экс-президент КостаРики Оскар Ариас, оба лауреаты Нобелевской премии мира, должны были, по замыслу организаторов, оказавшись в эпицентре венесуэльских неурядиц, стать своего рода интеллектуальными катализаторами диалога, терпимости и общенационального примирения в стране.

Если обобщить всё сказанное Горбачёвым в Каракасе, то главные его советы Чавесу заключались в следующем: «держаться, несмотря на все возникающие проблемы», «организовать общенациональный диалог для поиска консенсуса», «прислушаться к тому, что говорит оппозиция, потому что она тоже желает добра стране». Горбачёв старался показать, что он объективен, и рекомендовал оппозиции действовать в рамках законности, не апеллируя к «третьей силе». Все внутренние проблемы должны решаться самими венесуэльцами. Он дал понять, что под «третьей силой» подразумевает Вашингтон. «Вполне очевидно, что Чавес стал на пути влиятельной силы, — подчеркнул Горбачёв, — и эта сила привыкла командовать и делать в Венесуэле всё, что ей заблагорассудится. Не надо смотреть свысока на народы Латинской Америки и считать, что они являются частью её заднего двора». Такое вмешательство, по словам Горбачёва, недопустимо, потому что в Венесуэле проводятся выборы, есть президент и парламент, который адекватно отражает соотношение политических и социальных сил. «Надо иметь в виду, — заметил Горбачёв, — что в стране столько накопившихся проблем, что избавиться от них за два-три года невозможно».

Экс-президент Советского Союза не сказал ничего такого, что могло бы вызвать негативную реакцию

Чавеса. Но никаких сигналов с его стороны с предложением встретиться к Горбачёву так и не поступило. Президент Венесуэлы не захотел выслушивать советы человека, который являлся символом (и, во многом, причиной) самой крупной геополитической катастрофы XX столетия, а также предательства, предательства партии, которая возвела его на вершину власти в СССР. Чавес, который постоянно расширял круг своего общения и «коллекционировал» знаменитостей, включить Горбачёва в свою «коллекцию» не захотел. Для Чавеса последний президент СССР был олицетворением того, что латиноамериканцы обозначают словом «равосо», то есть «приносящий несчастье».

Реакция венесуэльцев на приезд Горбачёва была далека от «консенсуса», к которому он призывал. Точку зрения «левых» выразил председатель компартии Херонимо Каррера: «Я чувствую жалость к этому человеку, превратившемуся в марионетку тех сил, с которыми он поклялся бороться на прежнем этапе своей жизни. Это апостасия (Апостасия — термин, используемый для обозначения религиозного, а иногда политического отступничества.) — худшее из всех предательств, идеологическое. Чтобы лучше понять поступок Горбачёва, представьте себе, что президент Соединённых Штатов с вечера на утро станет коммунистом, а папа римский в Ватикане перейдёт в исламизм или буддизм, отвергнув христианство. Именно это произошло в Советском Союзе, когда 24 августа 1991 года тогдашний генеральный секретарь ЦК КПСС подал в отставку и одновременно предложил Центральному комитету принять трудное, но “честное” решение о роспуске партии».

В правых кругах Венесуэлы «примирительная проповедь» Горбачёва была воспринята с раздражением: его пригласили банкиры, щедро

оплатили выступление, но не услышали от него ни одного критического слова в адрес Чавеса. Горбачёв спас свою страну от коммунизма, но в отношении Чавеса заявил, что его трогать не надо. Не для того ли, чтобы он мог завершить свою перестройку «наоборот»? Как тут не засомневаться по поводу объективности бывшего советского лидера. Нужно было пригласить писателя Марио Варгаса Льосу или Леха Валенсу: они знают, что от них требуется.

Боливарианской Конституцией 1999 года предусмотрено проведение референдума об «отзыве полномочий» президента после того, как он пробудет на посту половину установленного Основным законом шестилетнего срока. «Отзывной референдум», проведённый 15 августа 2004 года, стал уникальным явлением в истории не только Венесуэлы, но и всей Латинской Америки. Ни в какой другой конституции не было статей подобного рода.

В телепрограмме «Алло, президент!» Чавес, приступив к подготовке референдума, объявил о начале «кампании СантаИнес», которая была нацелена на победу. Объясняя свою стратегию, Чавес был по-военному лаконичен: «На первом этапе — организованность, организованность и ещё больше организованности! Единство, единство и ещё больше единства! Сознательность, сознательность и ещё больше сознательности!» Второй этап Чавес охарактеризовал как «продвижение к месту сражения, подготовка к наступлению, концентрация сил». Третий этап заключался в «максимальной мобилизации», и четвертый — в завершающих, хорошо скоординированных действиях, «подобных успешной атаке лёгкой кавалерии». Если всё сделать по плану, «президентский мандат будет подтверждён, и вместе с ним — продолжение мирной и демократической Боливарианской революции». Чавес призвал своих

сторонников принять участие в переписи избирателей, очищении электоральных списков от «мёртвых душ», которых уже на первом этапе проверки было выявлено не менее пятидесяти тысяч.

Разоблачая оппозицию, у которой клевета и ложь стали настолько обычной практикой, что даже сбор подписей в поддержку референдума они превратили в сплошное мошенничество, Чавес не сдержался и был предельно груб: «Все они так заляпаны г... Нет, не могу использовать этого слова в открытом эфире... Они с ног до головы провалились в экскременты и вот в этой позиции включили вентилятор клеветы, чтобы их собственное “добро” полетело в нашу сторону»...

В ночь перед референдумом Чавес бодрствовал и был в хорошем настроении. Ещё бы, опросы общественного мнения предвещали победу. Президент провёл совещания с ближайшими сотрудниками-министрами: планирования — Хорхе Джордани, информации — Джесси Чаконом, образования — Аристобуло Истурисом. Затем Чавес дал интервью телеканалам Аль-Джазира (Катар), Дойче Велле (Германия), Си-эн-эн (Соединённые Штаты). Он старался быть сдержанным, когда речь зашла об администрации Буша, но журналисты запомнили его слова: «На этом референдуме я так ударю бейсбольной битой, что мой мяч залетит в сад Белого дома». Позже Чавес присутствовал на неформальном обеде с экс-президентами из Аргентины Эдуардо Дуалде и Раулем Альфонсином, Белисарио Бетанкуром из Колумбии и Родриго Карасо из Коста-Рики. Они приехали на референдум в качестве наблюдателей.

«Кампания Санта-Инес» стала победной. В поддержку Чавеса проголосовало 59,1 процента электората. Международные наблюдатели, среди них ОАГ и Центр Картера, подтвердили честность проведения референдума и достоверность

окончательного результата. Радикальная оппозиция попыталась оспорить поражение. Её лидер Энрике Мендоса запустил в оборот тезис о «подтасовках», якобы имевших место. Обещания представить доказательства никогда не были выполнены. Их просто не было. Результаты референдума негативно сказались на мобилизационных возможностях оппозиции. Пошли на убыль античавистские манифестации, заглохли «кастрюльные бунты». Развалился Демократический координационный центр. Среди руководящих оппозиционеров начались конфликты, посыпались взаимные обвинения в допущенных стратегических и тактических ошибках, разгорелась борьба за новое лидерство.

Аналитики пытались разобраться: что же всё-таки произошло, почему Чавес снова победил? Ответ был найден в собственных признаниях президента, который, выступая перед соратниками, сказал: «В середине 2003 года по рекомендации одного друга в Венесуэлу прибыла группа сотрудников международной фирмы по анализу общественного мнения. Они работали в стране два месяца, а потом пришли ко мне в Мирафлорес с известием, которое прозвучало как взрыв бомбы: “Президент, если референдум будет проходить прямо сейчас, вы его проиграете. И с этого самого момента мы начали готовить социальные миссии. Когда была задумана первая («Barrio Adentro», медицинская помощь в бедняцких районах. — К. С.), я попросил поддержки у Фиделя. Так, постепенно, мы начали расти в показателях рейтинга. А если бы мы не провели кампанию по вручению [беспаспортным] венесуэльцам удостоверений личности, то, бог мой! — я думаю, мы проиграли бы референдум».

Программы социальной помощи, обещание поддержки государством всех «униженных и оскорблённых», включение в списки избирателей сотен

тысяч потенциальных сторонников — вот как была заложена основа для победы. Враждебная Чавесу пропаганда не нашла ничего лучшего, как взять на вооружение признание Чавеса и отныне трактовать его социальные программы не его убеждениями, а стремлением подкупить беднейшие слои электората во имя политического выживания и сохранения власти.

Из баталий за победу на референдуме Чавес вышел политически окрепшим. Он сделал должные выводы из критических для правительства событий 2002-2003 годов. Сыграло свою роль и стремление администрации Буша к созданию внутреннего и внешнего фронтов давления. Постоянные «напоминания» Вашингтона о том, что он, Чавес, не имеет поддержки внутри страны, а на международной арене находится в изоляции, побудили его к решительным действиям по укреплению позиций боливарианской власти в беднейших слоях населения и малообеспеченных кругах среднего класса. Утверждения Вашингтона о том, что Чавес своим «радикализмом» способствует росту изоляции страны на международной арене, всегда были надуманными. Реформаторские усилия боливарианского лидера с живым интересом воспринимались в мире, потому что он предлагал альтернативу неолиберальной модели, которая скомпрометировала себя неэффективностью и неокOLONиальной подоплёкой.

Как ни пытались помешать внутренние и внешние саботажники боливарианским реформам, они набирали силу, вовлекали в производственно-экономическую жизнь тех венесуэльцев, которые раньше не имели доступа к кредитам, к льготному приобретению оборудования для небольших предприятий (в том числе кооперативных). К негодование латифундистов, невозделанные земли конфисковывались и передавались крестьянам. Правительство поощряло создание кооперативов, субсидировало закупки

сельскохозяйственной техники. Одновременно в провинции начали восстанавливать старые и возводить новые перерабатывающие комплексы, модернизировать автои железные дороги, строить новые посёлки, больницы, школы.

Победный опыт отзывного референдума, по мнению Чавеса, необходимо было использовать на следующих президентских выборах. Он поставил перед боливарианцами задачу добиться на них максимально убедительного результата: «Если мы в 2006 году выиграем с преимуществом в 500 тысяч голосов, правительство будет восприниматься как слабое. Никто из нас не должен думать, что мы неуязвимы, мы весьма уязвимы. Враги не дремлют».

Оппозиционный публицист, забывая с инфантильной лёгкостью о том, кто именно затеял перманентную войну с боливарианским правительством, осуждающе резюмировал: «В своей тотальной, конфликтивной и никоим образом не плюралистической концепции исполнения властных полномочий Чавес нуждается в убедительной победе на выборах. Организованная оппозиция, составляющая не менее сорока процентов избирателей, представляется Чавесу ужасной проблемой для управления государством, поскольку он не готов к сосуществованию с оппонентами. И тем более он не воспринимает её как организованного противника, альтернативную возможность власти. Постоянное стремление к ликвидации оппозиции является политикой правительства и государства: абсолютное отрицание ценностей и этики демократии. Подлинный демократ никогда не будет ощущать, что его правительство “шатается” только потому, что победа на выборах достигнута минимальным преимуществом голосов».

На место «засветившегося» связями с заговорщиками посла Шапиро был назначен Уильям

Браунфильд. До прибытия в Каракас он представлял США в Чили, где приобрёл репутацию «эксцентричного дипломата с самоуверенными техасскими манерами». В профессиональном активе Браунфильда были участие в подготовке «Плана Колумбия», «кураторство» андского, карибского и кубинского направлений в Госдепартаменте, доработка соглашения о свободной торговле между США и Чили. Когда Браунфильд только начинал карьеру в Госдепартаменте, его направили вице-консулом в нефтяную столицу Венесуэлы Маракайбо (в 1979 году). Традиционно должности в этом консульстве занимали сотрудники ЦРУ и военной разведки. Стратегически важная точка! Поэтому были все основания сомневаться в дипломатической «чистоте» посла.

В напутственно-прощальных статьях чилийская пресса писала, что американцу удалось много добиться в Сантьяго-Чили, установить полезные связи с предпринимателями, политиками, деятелями профсоюзов и владельцами СМИ, которые помогли Соединённым Штатам упрочить позиции в Чили, наладить доверительный диалог с президентом Рикардо Лагосом и «без скандалов» решать возникавшие проблемы. Чилийские журналисты отмечали умение Браунфильда оставаться в тени, если того требовали обстоятельства. Журналисты были единодушны в том, что послу «это качество особенно пригодится при ведении дел с правительством Чавеса».

Во время слушаний в сенате Браунфильд разъяснил свою точку зрения на венесуэльские проблемы, сделав акцент на необходимости «большого международного участия в разрешении политического кризиса в Венесуэле». Ключевым аспектом слушаний в сенате была нефтяная проблематика: что собирается делать Браунфильд в этой стратегически важной области? Он ответил уверенно: «Усилить роль Венесуэлы как

традиционного источника поступления энергоресурсов для американского рынка, добиваясь того, чтобы поставки были надёжными и своевременными». — «Но как быть с венесуэльскими угрозами прервать нефтепоставки в Соединённые Штаты?» — прозвучал вопрос. Браунфильд ответил без колебаний: «Нефтяные отношения между обеими странами очень важны, но нефть — это сырьевой ресурс, который США могут приобрести в другом месте. А Венесуэла может переработать свою нефть только в Соединённых Штатах, одной из немногих стран, которые обладают подобной технологией. Прекращение поставок привело бы обе страны к проблемам и, возможно, не отвечает их интересам. Я бы полагал такое решение чрезвычайной мерой для обеих сторон».

Браунфильду пришлось три месяца дожидаться агремана. Отношения боливарианского правительства с оппозицией оставались конфликтными, и Чавес считал «тактически полезным» поддержать нового американского представителя за пределами Венесуэлы. Он был уверен, что дестабилизационная политика Буша не претерпит существенных изменений после прибытия нового посла, об организаторских способностях которого и его умении «отстаивать американские интересы» президент был информирован. На все попытки посольства США в Каракасе «ускорить» получение агремана в МИДе отвечали: «У нас внутреннее реформирование — надо подождать» или «Ваше представление передано президенту».

В мае 2004 года посольство США наконец получило извещение о готовности Венесуэлы принять Браунфильда. В начале октября он вручил тогдашнему министру иностранных дел Хесусу Арнальдо Пересу копии верительных грамот, оптимистично заявив: «Мы готовы, расположены и преисполнены энтузиазма, чтобы решать задачи по улучшению двусторонних

отношений между нашими странами и сотрудничеству в региональных вопросах». Опытный посол постарался произвести самое лучшее впечатление на Переса: «Я буду делать всё возможное в интересах обеих стран для достижения процветания, безопасности и демократии, с учётом плодотворной 190-летней истории дипломатических отношений Соединённых Штатов и Венесуэлы».

Президент Чавес принял верительные грамоты Браунфильда во дворце Мирафлорес 15 октября. В отчёте самой тиражной газеты «Ультимас нотисиас» (16 октября 2004 года) речь посла была изложена почти полностью: «Он выразил желание добиваться улучшения отношений между своей страной и Венесуэлой и подчеркнул, что такие связи должны основываться на взаимном уважении и поддержании общих ценностей, разделяемых демократическими нациями Западного полушария. Он упомянул о схожести проблем, которые стоят перед обеими странами, противодействующими вызовам со стороны терроризма и организованной преступности. Он сказал о своём стремлении работать вместе с Венесуэлой для укрепления торговых связей с целью улучшения экономических возможностей и снижения уровня бедности, а также укрепления демократических институтов в полушарии». Фактически Браунфильд повторил всё то, что было сказано десять дней назад госсекретарём Пауэллом: победа Чавеса на «отзывном» референдуме в августе открыла благоприятную перспективу для поиска взаимопонимания и сотрудничества.

Личный фотограф президента сделал несколько снимков церемонии вручения верительных грамот, запечатлев для истории откровенно скептическую полуулыбку Чавеса, внимательно рассматривающего невысокого Браунфильда. Недоверие к американцу и

всему, что он только что сказал, легко прочитывалось на лице президента.

Вряд ли американский посол произвёл впечатление на Чавеса. Узкие настороженные глаза, тонкие губы, тесно прижатые к голове уши — чем-то он напоминал встревоженную игуану. Впервые это слово в привязке к Браунфильду произнёс кто-то из адъютантов Чавеса, и оно быстро прижилось. У венесуэльцев вообще есть склонность к использованию лю в дружеском общении кличек вместо имён. Такова национальная традиция. Придумываются клички не для того, чтобы обидеть.

Стоит напомнить, что у Буша-младшего и его ближайшего окружения придумывание прозвищ для партнёров (оппонентов) на международной арене было своего рода хобби. Известно, что президент Путин «проходил» в неформальных беседах в Белом доме как «Пути-Пути», мексиканец Висенте Фокс как «Дон Текила», а колумбиец Альваро Урибе как «Понюшка» (кокаина, надо полагать). В Овальном кабинете наверняка изобрели и неблагозвучную кличку для Чавеса. Он доставил столько неприятных моментов Бушу и его ястребиной команде, что, без всякого сомнения, это прозвище будет долго оставаться «top secret».

Как бы там ни было, но в боливарианских кругах за Браунфильдом закрепилось прозвище Игуана.

На первых порах американский посол старался произвести «хорошее впечатление», говорил о желательности улучшения отношений хотя бы на некоторых направлениях, чтобы создать «позитивную основу» для дальнейшего сотрудничества. Только по одному вопросу Браунфильд высказался категорично: США не причастны к апрельскому перевороту 2002 года: «Мы уже указывали, что для нас эти события перевёрнутая страница, и такой ответ мы будем давать миллион раз, если потребуется».

Посол пояснил, что «некоторые службы» Соединённых Штатов тщательно анализировали ситуацию, которая в то время складывалась в Венесуэле. Аналитики предсказали большую вероятность «определённых событий» в апреле 2002 года. Они не ошиблись. Но, по словам Браунфильда, «есть различие между аналитическими оценками и сбором информации и аналитическими оценками и прямым участием в событиях». Браунфильд настаивал: спецслужбы США предвидели события, но никакого отношения к ним не имели.

Главная задача, которую поставил перед Браунфильдом президент Буш, была связана с обеспечением надёжного долгосрочного доступа к венесуэльским углеводородам. Любой ценой добиться выгодных контрактов для нефтяных компаний США на эксплуатацию месторождений «Пояса Ориноко» и «Дельты Амакуро»! Журналист Рафаэль Полео, матёрый «внештатник» ЦРУ в Венесуэле, открывающий ногой любую дверь в посольстве США, был единственным, кто прямо написал об этом (См.: Rafael Poleo. El insomnio del Embajador// El Nuevo Pais. 10.12.2004.). Браунфильд должен «уломать» Чавеса. Если получится, то венесуэльский президент «получит американское благословение на управление Венесуэлой на такой долгий срок, насколько захочет. У него потребуют только одного: гарантировать энергетические поставки на десятилетия». Прогноз Полео не был утешительным: миссия Браунфильда в Каракасе обречена на провал.

В 2004–2005 годах Чавес прочно закрепился среди ведущих латиноамериканских политиков, мнения, высказывания и действия которых не могли игнорироваться средствами массовой информации. Всё чаще Чавес доминировал в новостных сводках из Латинской Америки.

Западные массмедиа оказались в затруднении. Как интерпретировать его высказывания, призывы и критические выпады, которых становилось всё больше: в адрес капиталистической системы, Соединённых Штатов, войн в Ираке и Афганистане, по поводу провалов неолиберальной модели, «борьбы с терроризмом» ещё большим террором, практикуемым США? Как относиться к его усилиям по созданию боливарианской альтернативы для Латинской Америки» (ЛьВА), задуманной в качестве противовеса ALCA — североамериканского проекта «свободного рынка» для стран Западного полушария? Что это за эпатажная идея по формированию Южноамериканского оборонительного пакта? Или эмиссии единой южноамериканской валюты? Неужели он сам придумывает эти идеи и проекты, не соответствующие ни духу времени, ни процессам глобализации, ни геостратегическим планам Соединённых Штатов? А может, всё дело в том, что за спиной Чавеса стоит многоопытный Фидель Кастро и ловко манипулирует им? Венесуэльский президент относится к нему с почти религиозным благоговением, внимает каждому его слову, как истине в последней инстанции. И вот кубинский тиран остаётся в тени, а Чавес позирует на международной арене и озвучивает «шпаргалки из Гаваны». Причём делает это так ловко, что мало у кого возникают сомнения в его политической «самостоятельности» (См.: Hector Perez Marciano. De coto Fidel maneja a Chavez // Zeta. 16.11.2007.).

Машина «чёрной пропаганды» работала на полную мощность. Тем не менее правда о Чавесе преодолевала все нагромождения лжи, фальсификаций, подтасовок.

Авторитетный колумбийский журнал «Semana» назвал Чавеса «Человеком года». Мотивировка была такая: «Он смог сделать в 2005 году то, что всегда хотел, смешал привычный порядок вещей на

политической карте континента». Консервативная газета Эквадора «El Comercio» особо выделила то, что Чавес в 2005 году окончательно «консолидировался» как региональный лидер. Подобные оценки появлялись не только в СМИ Латинской Америки. Были вынуждены признать «протагонизм» Чавеса такие влиятельные органы США, как журнал «Time» и газета «Los Angeles Times».

В Англии росту популярности Чавеса способствовал мэр Лондона лейборист Кен Ливингстон, который назвал венесуэльца «светочем демократии в мире», напомнив о его беспрецедентной серии побед на выборах. Во время визита Чавеса в Лондон в сентябре 2006 года «красный Кен» сказал на приёме в его честь: «Для нас вы уже долгие годы являетесь наилучшей новостью из Латинской Америки». Чавес не остался в долгу и подписал с Ливингстоном соглашение о поставках по сниженной цене дизельного топлива для столичных автобусных компаний. Благодаря этому соглашению лондонцы с низкими доходами получили льготные проездные билеты. Зато на автобусах появилась реклама туристических достопримечательностей Венесуэлы. Один из биографов Чавеса отметил, что вся английская пресса откликнулась на этот визит, «фиксируя, как сейсмограф, теллурические вибрации» Чавеса.

Где по-настоящему Чавес чувствовал себя среди друзей, так это на Кубе. Любители статистики, наверное, путаются, подсчитывая, сколько раз прилетал Чавес на остров с официальными, неофициальными и рабочими визитами. Возвращаясь из своих «многоходовых» турне по миру, президент Венесуэлы взял за правило делать остановки на Кубе, чтобы дружески пообщаться с Фиделем, обсудить увиденное и услышанное во время визитов.

В октябре 2004 года Кастро, спускаясь со сцены, упал, сломал ногу и руку. Первым после операции, которая длилась три часа, до него дозвонился Чавес. Фидель был бодр и даже шутил: «Я думаю, что мог бы стать хорошим парашютистом. Падая, я развернулся боком, вытянул вперёд руку и приземлился как парашютист». Чавес навестил Фиделя и после беседы с ним рассказал журналистам о хорошем самочувствии кубинского руководителя и его работоспособности даже в гипсе. «Пренса Латина» опубликовала фотоснимки встречи, чтобы пресечь слухи о том, что Гавана «скрывает» факт смерти Кастро. С тех пор так и повелось: всякий раз, когда появлялись фальшивки о «критическом состоянии здоровья Фиделя», Чавес опровергал их.

Уверенность в том, что крах социализма на Кубе близок, побудила президента Буша и его команду ястребов «окончательно решить проблему кубинской диктатуры». В Вашингтоне объявили о начале переходного периода на острове. В мае 2004 года в США опубликовали соответствующий план, который предусматривал построение на Кубе «многопартийной демократии и рыночной экономики». В плане имелись секретные положения о методах достижения этой цели. Фактически это была заявка Империи на прямое участие в трансформации политического строя Кубы. В ход был пущен весь арсенал тайных операций, средств и методов информационно-пропагандистской войны, know how «цветных революций». Диссидентские группы на Кубе, вдохновлённые долларовыми поощрениями, выступили с широковещательными программами «демократизации» политической системы, демонтажу «кастрокоммунизма».

Один из диссидентов — Эктор Паласиос — в начале 2008 года так оценил ситуацию в стране: «Фидель Кастро и революция умирают, изменения в образе

мысли кубинцев происходят всё быстрее. Оппозиция готова к тому моменту, когда Кастро исчезнет. Мы должны возглавить процесс перехода к демократии. Мы ориентированы на это и способны управлять островом, чтобы избавить его от нищеты, на которую обрекли Кубу бесконечные годы диктатуры». В этом заявлении что ни слово — то ложь.

Да, Фидель сложил с себя полномочия по управлению государством, вооружёнными силами и компартией, но его политический и жизненный опыт полноценно используется соратниками, которые ставят перед собой новые цели и задачи, соответствующие непростым вызовам времени. Об этом со всей определённой заявил Рауль Кастро (Рауль Модесто Кастро Рус (р. 1931) — четвёртый из семи детей и младший из трёх братьев (на пять лет моложе Фиделя). Окончил иезуитский колледж, поступил в Гаванский университет, где изучал дисциплины по проблемам государственного управления. Был членом Союза социалистической молодёжи, и его левые взгляды сформировались значительно раньше, чем у Фиделя, который объявил о приверженности социализму лишь в 1961 году. В июле 1953 года Рауль вместе с группой молодых революционеров во главе с Фиделем штурмовал казармы Монкада в городе Сантьяго-де-Куба, чтобы своим самопожертвованием дать сигнал для всеобщего народного восстания против диктатуры Фульхенсио Батисты. Попытка провалилась, и братья Кастро были арестованы. В 1955 году после амнистии они эмигрировали в Мексику. Там Фидель возглавил «Движение 26 июля», названное в память об атаке на казармы Монкада. Был Рауль и в числе тех революционеров, которые в декабре 1956 года отправились на Кубу на яхте «Granma»). Подавляющее большинство кубинцев отвергают контрреволюционную «подоплёку» диссидентов. Выводы о том, что оппозиция

готова управлять островом, не имеют почвы, поскольку её разрозненные ячейки конфликтуют друг с другом и не способны к организаторской работе. Многие «диссидентские лидеры», как недавно выяснилось, долгие годы действовали по заданию кубинской контрразведки. В книге «Диссиденты», которая была опубликована в Гаване, они рассказали о контактах с сотрудниками ЦРУ, работающими под крышей «Представительства интересов США» в Гаване, о денежных выплатах на подрывные мероприятия, об инструкциях по созданию протестного движения.

Кубинскую революцию можно отнести к числу уникальных явлений. Она вызрела и была осуществлена на собственной национальной и социальной почве, чем и объясняется её прочность. Угроза военной агрессии спланивала кубинцев, укрепляла чувство национального достоинства, решимость бороться за свободу и независимость, несмотря на лишения и материальные ограничения, вызванные экономической блокадой. Высшее партийно-государственное руководство страны переносило тяготы повседневной жизни наравне со всеми, и это было важным консолидирующим фактором. Попытки чиновников — на любой иерархической ступени — устроить себе персональный райский уголок под сенью революции наказывались и «посадками», и конфискацией неправомерно нажитого имущества.

На пятом съезде КПК (октябрь 1997 года) Фидель назвал брата своим преемником: «В лице Рауля мы имеем человека, способного заменить любого из нас, и особенно меня». По словам Фиделя, именно «Рауль лучше всех подготовлен и обладает наибольшим опытом» управления страной.

Один из самых важных визитов Чавеса в Гавану пришёлся на 14 декабря 2004 года, когда он и Фидель подписали совместную декларацию по созданию

«Боливарианской альтернативы для Латинской Америки» (ЛьВА). Они предложили путь региональной интеграции, основанный на «сотрудничестве и солидарности», государственном участии в координации и регулировании экономической деятельности, учёте различий в уровне развития стран и размеров их экономик. Тогда никто и предположить не мог, что через несколько лет ALBA станет реальностью. В ALBA войдут Боливия, Никарагуа, Эквадор, Гондурас, Доминика, Антигуа и Барбуда и другие страны.

День 14 декабря был отмечен также тем, что во время торжественной церемонии Фидель без посторонней помощи встал с инвалидной коляски и в течение десяти минут, стоя, слушал исполнение гимнов Венесуэлы и Кубы. Это был достойный ответ стервятникам в человеческом облике, поспешившим «отпраздновать» его смерть.

Другой памятный для Чавеса визит на остров пришёлся на 3 февраля 2006 года, когда Фидель вручил ему Международную премию Хосе Марти, патронируемую ЮНЕСКО. За награждение Чавеса высказались латиноамериканские страны, которые признали выдающимся его вклад в региональную интеграцию и борьбу за сохранение культурных традиций (Во время этого визита Ф. Кастро и У. Чавес открыли XV Международную книжную ярмарку в Гаване, почётным гостем которой была Венесуэла. На ярмарке президенты подписали соглашения о создании Культурного фонда ALBA, Издательства ALBA и Компании звукозаписи ALBA, которая будет заниматься сохранением и распространением музыкального наследия народов Латинской Америки. Эти инициативы направлены «на создание альтернативы гегемонии Империи в сфере искусства, литературы и индустрии развлечений, разрушительной для культурного

разнообразия в сегодняшнем мире»). Денежную часть премии Чавес пожертвовал Боливии на кампанию по борьбе с неграмотностью.

Летом 2006 года в западных СМИ вновь появились сведения о «смертельной болезни» Фиделя. Антикастристы в Майами оживились: может быть, на этот раз подтвердится? Фиделю действительно была сделана сложнейшая операция на кишечнике. Чавес вновь взял на себя роль пресс-секретаря Кастро. Конечно, с согласия кубинского руководства. 11 июля он выступил с заявлением: «Империализм не отдыхает. Они огласили план переходного периода для Кубы, потому что верят в скорую смерть Фиделя. Совсем недавно я был на Кубе и говорил с Фиделем несколько часов. Никогда я не видел его в наилучшем здравии. Ясный, оживлённый, в отличном настроении, работающий, как юноша. Не удивляйтесь, если он преодолеет отметку в 100 лет и более».

Оптимистический прогноз Чавеса вызвал раздражённую реакцию администрации США: вновь посыпались угрозы «разобраться» с ним, если он будет и дальше оказывать поддержку Кубе. В Вашингтоне понимали, что «фактор Чавеса» сильно усложнит задачу по доведению Кубы до экономического коллапса после «ухода» Фиделя. Чавес не откажется от курса на стратегическое сотрудничество с Кубой, сохранение значительных объёмов энергопоставок и финансовой помощи (Размеры ежегодной финансовой помощи Венесуэлы Кубе оцениваются экспертами в весьма широком диапазоне от одного до двух миллиардов долларов (помимо энергопоставок). Аналитик Института САТО Ян Васкес считает, что эта помощь не превышает одного миллиарда.).

На уже привычный шантаж «ястребов» Чавес ответил в вызывающей форме, иного варианта не было: «Угрозы Империи, похабной и аморальной, агрессивной

и бандитской, практикующей геноцид и пренебрегающей правами человека, не заставят нас отказаться от стратегического союза с Кубой. Это североамериканская Империя должна умерить свой пыл и подготовить переходный план для себя, потому что в этом столетии она рухнет». Чавес дал совет Соединённым Штатам «начать стратегическое отступление, чтобы сохранить свою политическую систему в пределах собственной страны». «Этот совет дают специалисты, это очень хорошая рекомендация!» — воскликнул он.

Чтобы навредить Чавесу, западные пропагандистские центры запустили тезис о том, что венесуэлец намерен «оттеснить» Фиделя и «присвоить» его роль антиимпериалистического лидера на континенте. Была развязана шумная кампания, в ходе которой «выясняли», обладает ли Чавес необходимыми политическими и организационными качествами для этого. После дискуссий и «круглых столов» ангажированные аналитики пришли к мнению, что у венесуэльского президента нет шансов превратиться в беспокоящий «камешек в башмаке Вашингтона», каким на протяжении многих лет был Фидель Кастро. Чавес — всего лишь «самый крикливый паладин антиамериканизма». В новых исторических условиях, оказывается, требуются лидеры иного плана, способные вести диалог с Соединёнными Штатами от имени Латинской Америки, такие как Лула да Силва или Алан Гарсия. Они хотя и «левоцентристы», но не позволяют себе «популистских эксцессов».

Фиделю исполнилось 80 лет, и, конечно, Чавес не мог пропустить этой даты: 14 августа он навестил его в клинике. Отчёт об их трёхчасовой встрече появился в «Гранме» под названием «Незабываемый вечер двух братьев». Рядом с Чавесом пациент забыл о своих проблемах: весёлые истории, анекдоты, воспоминания,

в перерыве — скромная диетическая еда. Чавес подарил Кастро кинжал, который когда-то принадлежал Симону Боливару. Венесуэлец признался, что пытался нарисовать портрет юбиляра, чтобы сделать ему сюрприз, но потом отказался от этого замысла: «Никак не удавалось точно передать линию носа». Встретившись с журналистами, Чавес поделился впечатлениями о «больном»: «Я восхищён способностью команданте к возрождению. Что за человечище! Из какого материала он сделан?! Из кагуайрана (Caгуайран (исп.) — дерево с очень твёрдой древесиной, растущее на востоке Кубы.), как говорят кубинцы!»

Весомым событием в отношениях Венесуэлы и Кубы стал запуск первой очереди нефтеперерабатывающего комплекса в городе Сьенфуэгос. Когда-то это была ударная стройка Советского Союза на острове, но в 1995 году, в самый разгар демократических преобразований в России, она была заброшена. После заключения соглашений между Cupet и PDVSA в 2005 году задача возрождения комплекса стала центральной в двусторонней программе энергетического сотрудничества. Открытие комплекса приурочили к Четвёртому саммиту Petrocaribe, проведённому в Сьенфуэгосе 20-21 декабря 2007 года с целью «выработки региональной стратегии энергетической безопасности».

После форума Уго Чавес и Рауль Кастро отправились в город Сантьяго-де-Куба, расположенный к юго-востоку от Гаваны. Чавес давно мечтал посетить могилу Хосе Марти и казарму Монкада, которую в 1953 году штурмовали Фидель и его товарищи. Агентство Франс Пресс назвало «апофеозной» встречу Чавеса в Сантьяго. На открытом военном джипе рядом с Раулем он проехал по главной улице города. Тысячи людей приветствовали их: восторженные крики, улыбки, бесконечные реки флажков, искренняя атмосфера народной любви. Один

из плакатов вызвал особенно сильные эмоции у венесуэльского президента: «Уго Чавес — сын Фиделя!» Сколько раз он сам говорил на митингах и манифестациях: «Для меня Фидель — как отец!» Поездка Чавеса в Сантьяго вместе с Раулем имела важный подтекст: доказать, что в отношениях между ними нет напряжённости и скрытых конфликтов. Фальшивки об этом распространялись активно. «Чавес не сумел установить с Раулем такие же тёплые отношения, как с Фиделем» — эта стандартная фраза кочевала из одной «аналитической» статьи в другую. Рауль более практичный, можно сказать приземлённый, политик по сравнению с Фиделем, и по этой причине его отношения с Чавесом внешне не отличались повышенной эмоциональностью. Но разве можно было делать на этом основании далеко идущие выводы о «принципиальных расхождениях» и «непреодолимых конфликтах»? 24 февраля 2008 года парламент Кубы избрал Рауля Кастро главой государства — председателем Государственного совета. Выступая перед депутатами, Рауль сказал: «Я принимаю на себя всю возложенную вами ответственность. Однако я убеждён, что главнокомандующим кубинской революцией есть и будет только один человек. Фидель — это Фидель. Все мы прекрасно знаем, что Фиделя нам не сможет заменить никто. Я прошу у Национальной ассамблеи права советоваться в вопросах обороны, международной политики и экономики с лидером нашей революции». Просьба Рауля была встречена овацией.

В мировых массмедиа приход Рауля к власти вызвал противоречивые комментарии. С одной стороны, его называли более радикальным и жёстким политиком, чем Фидель, верным приверженцем коммунистических идеалов. С другой — от нового председателя Госсовета ждали чего-то вроде «перестройки по-кубински»,

ускоренного перехода к рыночно ориентированной модели социализма. Ведь сам Рауль не раз признавал, что экономические реформы давно назрели, что в стране существует много нерешённых проблем. Он объявил об административной реформе и кадровых сокращениях в государственных структурах для «обеспечения их более эффективной деятельности».

Были предприняты шаги, которые интерпретировались политологами как курс на либерализацию страны. «У нас слишком много ограничений и правовых запретов, — сказал Рауль, — они приносят больше вреда, чем пользы». Упомянул он и о темпах предстоящих перемен: «Все мы хотели бы двигаться быстрее, но не всегда это возможно». По его инициативе было дано «добро» на продажу и использование мобильных телефонов. Были «распахнуты» двери в Интернет. Крестьянам дали право самостоятельно решать, какие культуры сажать, как распоряжаться урожаем и деньгами от его реализации. Была разрешена приватизация (без права на перепродажу) государственного жилья.

Завоевания революции дороги кубинцам. Бесплатное медицинское обслуживание, качественное образование — от школьного до университетского, забота государства о строительстве жилья для граждан, развитая система социального обеспечения — всё это будет сохранено в процессе модернизации кубинской социалистической модели. Не надо считать, что кубинцы ничего не знают о «внешнем мире» и потому, идеализируя его, стремятся покинуть остров. Десятки тысяч граждан Кубы — врачи, учителя, военные, специалисты различного рода — работали в капиталистических странах и хорошо понимают, каковы преимущества и недостатки социалистического строя. Доминирующее мнение кубинцев таково: преимуществ больше, а недостатки можно исправить. Драматический

опыт крушения социализма в СССР и странах Восточной Европы кубинским руководством тщательно изучался, и соответствующие заключения были сделаны. Главный вывод: отказ от социалистической модели станет для страны катастрофой.

Но трудностей у Кубы ещё много. «Каждая из актуальных проблем кубинского общества требует столько вариантов решения, сколько нет и на шахматной доске», — сказал однажды Рауль Кастро. Чтобы просчитать все шаги, требуется время. Реформы осуществляются планомерно и поэтапно, с учётом китайского и вьетнамского опыта. Правительство не собирается идти на эксперименты, которые приведут к неконтролируемому имущественному расслоению общества. Уже сейчас роскошная жизнь отдельных представителей «чёрного рынка», спекулянтов и фигурантов стихийного сектора сексуслуг вызывает определённое напряжение в обществе.

Ответный визит в Венесуэлу президент Рауль Кастро нанёс в декабре 2008 года. Это был его первый зарубежный визит в качестве руководителя страны. Ещё до официальных переговоров в Мирафлоресе сюрпризом, не предусмотренным программой визита, стало награждение гостя орденом Либертадора и вручение ему копии сабли Боливара. Конечно, кубинский руководитель был тронут. Он вспомнил, как вместе с Фиделем приехал в Каракас после свержения диктатора Переса Хименеса, чтобы наладить отношения с президентом Ромуло Бетанкуром, человеком, которого они считали революционером, но ошиблись. Тысячу раз прав был Фидель, когда предсказал, что рано или поздно Куба и Венесуэла станут союзниками, братскими государствами. Его предвидение сбылось...

И ещё один штрих к вопросу о тональности личных отношений Чавеса и Рауля Кастро. Выступая в бразильском городе Сальвадор-де-Баия на церемонии

открытия бюста Симону Боливару(В этом городе проходил Первый саммит стран Латинской Америки и Карибского бассейна, посвящённый вопросам интеграции и развития.), Рауль поведал в присутствии венесуэльца, что поначалу всякий раз, когда Чавес, обращаясь к Фиделю, говорил «отец», а Раулю — «дядя», они оба испытывали некоторое замешательство, потому что «мы — скромные люди», хотя к этому примешивалось, конечно, и чувство гордости. Однажды двенадцатилетняя внучка Рауля Моника сделала такое заключение: «Если Фидель является папой Чавеса, а дедушка Рауль — дядей, то мне Чавес приходится кузеном». — «Моника сделала правильный вывод: получается, что все мы — одна семья»...

Глава 22

РУССКОЕ ОРУЖИЕ ДЛЯ ВЕНЕСУЭЛЫ

Эпизоды перманентного кризиса отношений между Соединёнными Штатами и Венесуэлой охотно освещаются российскими СМИ. Конфликты вызываются разными причинами — геополитическими, энергетическими, идеологическими и другими. До недавнего времени они «визуально» воплощались знаковыми деятелями эпохи — Бушем-младшим и Уго Чавесом.

Этих двух людей разделяла непреодолимая пропасть во всём: жизненном опыте, подходах к глобальному переустройству, взглядах на будущее капитализма и социализма. Даже отношение к Христу у них, верующих людей, было диаметрально противоположным. Чавес считал его первым социалистом, Буш — символом защиты ценностей западного мира. В России с неослабевающим вниманием (и на высоком уровне, и на народном) следили за напряжёнными — всегда на грани кризиса — отношениями Чавеса и Буша, сочувственно понимая, что в современном варианте противостояния «Давид — Голиаф» подавляющее преимущество на стороне последнего.

У венесуэльского «Давида» не было никаких возможностей защититься, его вооружённые силы почти утратили боеспособность. Массмедиа Венесуэлы обвиняли в этом Чавеса. Дескать, боролся с военными заговорщиками, избавился от «диссидентов в погонах» и тем самым нанёс непоправимый ущерб обороноспособности страны. Самые лучшие генералы

бежали за границу или сидели под домашним арестом. Журналисты, не жалея красок, расписывали плачевное состояние военной техники. Танки французского производства AMX-30 постоянно «модернизировались», но годились только для парадов. Из двадцати четырёх самолётов F-16, которые были приобретены в США в начале 1980-х годов, взлететь могли пятьшесть, не больше. Истребители-бомбардировщики «Мираж» (поступили в ВВС Венесуэлы в конце 1970-х годов) исчерпали свой ресурс. Только два транспортных самолёта «Геркулес С-130» из семи летали, но это всегда было связано с риском. Главная ударная сила ВМФ — шесть ракетных фрегатов — требовала значительного ремонта. Две единственные подлодки «Sabalo S-31» и «Caribe S-32» в 1990-е годы находились на капремонте и срочно нуждались в новом. Плачевно обстояли дела с ПВО: израильская система LAR и шведская Roland — не функционировали. Если что и действовало из военной техники, так это лёгкие танки Национальной гвардии, которые можно было бы использовать для разгона митингов оппозиции.

Пропагандистская кампания по поводу «небоееспособное — ти» вооружённых сил разом прекратилась, когда Чавес стал налаживать связи с производителями современного оружия в России. Тезисы сменились на прямо противоположные: у Венесуэлы есть всё необходимое для обороны, деньги можно истратить на более полезные цели, не надо развёртывать гонку вооружений! В сентябре 2004 года Путин прислал в российское посольство в Каракасе для вручения Чавесу подарок «с намёком» — автомат Калашникова в специальном исполнении, в футляре, обитом кожей. На прикладе АК-103 поблёскивала металлическая табличка с дарственной надписью на испанском языке. С этим автоматом за день до вручения его Чавесу сфотографировались «на память» многие

дипломаты посольства: всем хотелось увековечиться с «калашом» Команданте Чавеса.

Визит Чавеса в Москву в ноябре 2004 года был ознаменован прорывом во многих сферах двусторонних отношений. Совпадение взглядов на международную обстановку было практически полным: главное — курс на многополярный мир и укрепление Организации Объединённых Наций. Президенты Путин и Чавес объявили, что их страны станут посредниками между ОПЕК, независимыми производителями и странами-потребителями нефти в вопросе нормализации мировых цен на неё, не позволяя снижаться цене за один баррель ниже 30 долларов. Прежний тарифный пояс, который был установлен ОПЕК (22–28 долларов), не соответствует сложившимся реалиям. Пора восстановить порядок на нестабильном энергетическом рынке! Это в интересах всех сторон! В соглашение о военно-техническом сотрудничестве к уже имеющемуся договору о поставках в Венесуэлу российских вертолётов добавилось ещё одно: в страну будет поставлено 100 тысяч автоматов Калашникова.

Путин поздравил Чавеса с победой на «отзывном» референдуме, подчеркнув, что она была «убедительной» и потому «поможет смягчить внутреннюю напряжённость» в Венесуэле. Пожелание Путина добиться скорейшей «внутренней нормализации» было истолковано Чавесом как намёк на то, что российская сторона считает это необходимым условием для успешной реализации соглашений, особенно по ВТС. Возможно, по этой причине в «подвешенном состоянии» остался запрос Чавеса на приобретение портативных средств борьбы с авиацией и танками. Нестабильность в стране могла привести к «расползанию» этих «деликатных» вооружений, попаданию их в руки террористов, в том числе на

колумбийской территории. Вот из-за чего волнуются американцы. И русские ещё больше.

Чавес возложил венок к Могиле Неизвестного Солдата у Кремлёвской стены, стойко выдержав напор ледяного ветра и удары снежных зарядов в лицо.

Восторженная встреча ожидала Чавеса 25 ноября в Институте философии РАН, где венесуэлец произвёл сильное впечатление на всех, кто там находился, — от гардеробщиц до маститых российских учёных. Чавес легко установил контакт с аудиторией: его понимали, его взгляды разделяли, ему аплодировали. Президент высказывал идеи, которые в России уже подавали как архаичные, деструктивные, «несовместимые» с доминирующими веяниями времени и в силу этого — «недостойными» для их защиты на общественных форумах. Конечно, венесуэльский гость знал об этом, как и о том, что в академическом зале было много тех, кто симпатизировал Боливарианской революции. Президент рассказал о причинах её возникновения, движении «MBR-200», планах своего правительства. Больше всего внимания он уделил критике неолиберальной модели, воздерживаясь, конечно, от каких-либо ассоциаций с российскими реалиями: «Мы не подчиняем государство рынку, а преобразуем его в новое, социальное, правовое и справедливое, которое должно направлять борьбу народа, руководить развитием нации. В экономической сфере речь идёт о том, чтобы избрать путь, который выведет за пределы капиталистической модели. Мы считаем, что в рамках капиталистической неолиберальной модели нет решения сложных проблем мира. В социальном плане — создать общество равных людей, вопреки обществу, разделённому на элиту, живущую очень богато, и большинство, живущее в бедности и крайней бедности.

Мы должны оставить неолиберальную модель позади как тёмную страницу истории. И сейчас мы

переживаем начало новой, лучшей эры. Например, в Латинской Америке всего два года назад мы были почти одиноки в этой битве, я имею в виду — на уровне правительств, руководителей. Сегодня — нет. В течение всего двух лет пришёл Лула в Бразилии, пришёл Нестор Киршнер в Аргентине, теперь пришёл Табаре Васкес в Уругвае. Складывается новая геополитическая карта Латинской Америки. Появились широчайшие индейские движения, которые, хотя ещё не сформировали правительства, могут сделать это в ближайшем будущем.

Неолиберализм обещает экономическое развитие и макроэкономическое равновесие, однако его применение гораздо сильнее расстраивает макроэкономику и сталкивает народы в ещё более глубокую слаборазвитость и зависимость. Неолиберализм обещает экономику с человеческим лицом и социальные реформы от случая к случаю, однако бедность продолжает прирастать миллионами во всех частях света, особенно там, где в точности применяются неолиберальные формулы. Неолиберализм обещает углубить демократию, но вызывает, наоборот, дестабилизацию демократии...

Мы в Венесуэле начали осуществлять иной сценарий. Это мы могли сделать только посредством революции, которая только начинается и которая, среди прочего, позволила нам взять под контроль нашу нефтяную индустрию. Раньше её контролировал Вашингтон... Неолибералы и правительства, сдающиеся империализму, не делают инвестиций в государственные предприятия, чтобы довести их до банкротства, а потом почти даром отдают их частному сектору. Мы остановили эти планы, и сегодня, спустя четыре года, все основные государственные предприятия дают прибыль. Мы побили рекорд производства железа, стали, глинозёма, алюминия — с

теми же трудящимися, но при эффективном государственном управлении...

Некоторые говорят, что я безумец, ведь ни в одной экономической теории обо всём этом не сказано. Я же говорю, что безумцы те, кто следует неолиберализму. Ведь некоторые даже не отдадут себе отчёта в том, что подрывают жизнь на планете ради того, чтобы эксплуатировать её богатства. На Марсе найдены следы водяного пара. Не так уж странно предположить, что когда-то на Марсе была и цивилизация, ведь эта планета очень похожа на Землю. Я недавно рассматривал в лупу одну фотографию и, кажется, рассмотрел на скалах три буквы — МВФ. Похоже, на Марсе был свой Международный валютный фонд.

Карл Маркс сказал: “Пролетарии всех стран, соединяйтесь!” Сегодня мы ехали сюда с нашим послом, и там, вдали, среди снега, я увидел статую и спросил у него: “Кто это?” — и он мне ответил: “Карл Маркс”. Идеи и философия, которые никогда не рухнут. Я думаю, что хвалёный мировой порядок неолиберального капитализма рухнет. Братья! Давайте подтолкнём его!» В целом Чавес был доволен результатами поездки. В отношениях с русскими не надо ускорять события. У них свой ритм жизни: это северный народ, серьёзный, неторопливый. Надо быть последовательным, настойчивым, и успех придёт. Поэтому Чавес с обезоруживающей улыбкой в очередной раз за последние три года пригласил Путина посетить Каракас с официальным визитом.

Венесуэльская пресса с привычной враждебностью освещала пребывание Чавеса в России. Но зловредных выдумок на этот раз было больше, чем обычно. Особенно постарался журналист Нельсон Бокаранда, тот самый, которого регулярно «подпитывал свежими новостями» пресс-атташе из американского посольства: «Русское правительство направило формальную ноту

протеста правительству Чавеса по поводу вторжения в воздушное пространство России двух самолётов, которые сопровождали “Аэробус” президента. Как только это произошло, ПВО России запросила у начальства санкцию на то, чтобы сбить нарушителей. Пять русских истребителей были готовы к взлёту, чтобы выполнить приказ. В течение нескольких минут напряжение достигло предела. Но вскоре разъярённый высокопоставленный чин в Министерстве обороны России дал отбой тревоге. Указанная дипломатическая нота вызвала панику в министерстве иностранных дел Венесуэлы, потому что продемонстрировала всю степень раздражения правительства Путина.

Визит Чавеса в Москву рассматривается там как самый хаотичный в современной истории страны, где протокол соблюдается чётко и до последней буквы. Часть вины была возложена на венесуэльского посла Карлоса Мендосу Потелья, другая — на посла Ермакова, последовательного чависта, который до последнего времени представлял Россию в Каракасе. Его отъезд планировался уже давно из-за недовольства российского МИДа результатами его работы в Венесуэле. Его заменит нынешний посол в Кито Михаил Орловец. В докладе МИДа Венесуэлы Чавесу отмечено: “Многие из договорных документов не были подписаны, потому что не были одобрены русской стороной. С некоторыми из них русские не были даже ознакомлены... Задержка с актом возложения венка к Могиле Неизвестного Солдата была вызвана тем, что венесуэльское посольство забыло его заказать. Потребовалось почти полтора часа, чтобы найти подходящий венок. У солдат из караула шла носом кровь из-за мороза, когда к Могиле прибыл венесуэльский лидер. Многих членов венесуэльской делегации, особенно из свиты министра обороны, едва не изгнали из отеля из-за задержки с оплатой за

номера. Венесуэлец Ростислав Орловский, предприятие которого лидирует в ресторанном бизнесе в России, спас положение, организовав питание и предоставив транспорт военным. Стало также известно, что у представителей правительственного органа информации украли командировочные евро, когда они развлекались в одном из московских борделей”...

Очевидно, что Путин и его союзники-предприниматели намерены воспользоваться Венесуэлой. Газпром, ЛУКОЙЛ, «Русский алюминий», а также некоторые оружейные фабрики хотят получить добро Чавеса на сделки, пока он уверен в том, что Путин его союзник. Правда состоит в том, что русский президент пытается удовлетворить интересы своих “новоиспечённых олигархов”. Ясно также, что в повестке Путина на 2005 год Венесуэла не предусмотрена. Тема официального визита Путина всегда была ведущей в переговорах. Чавес трижды посетил Москву, так и не получив ответного визита от Путина, который, однако, недавно побывал в Чили и Бразилии, не спланировав хотя бы технической посадки в Майкетии. В будущем году Путин собирается побывать в регионе, но посетит другие страны»(См.: E Universal. 23.12.2004.).

В начале декабря 2004 года министр обороны генерал Карнейро объявил, что Венесуэла закупит у России вертолёты Ми-17, Ми-26 и Ми-35, а также автоматы Калашникова модификаций АК-103 и АК-104, которые станут основным стрелковым оружием венесуэльской армии. «Новые автоматы не раз демонстрировали свои возможности в боевых условиях, — подчеркнул Карнейро. — Они обладают идеальными характеристиками, стоимость их для нас также вполне подходящая. Мы уверены, что автоматы обеспечат безопасность тем военнослужащим, которые дислоцированы в районе границы, там, где имели место

неприятные инциденты, сопровождавшиеся гибелью наших солдат».

Под «неприятными инцидентами» Карнейро подразумевал частые стычки венесуэльских патрулей с вооружёнными отрядами из Колумбии, проникавшими на территорию штатов Сулия, Тачира и Апуре (Нападение отряда колумбийских «паракос» на венесуэльский патруль в зоне Матас-де-Канья (штат Апуре) 17 сентября 2004 года ускорило ход переговоров Венесуэлы с Россией по приобретению вертолётов и автоматов Калашникова. Чавес посетил приграничную зону для встречи с военнослужащими, на которой объявил о решении «обновить вооружение армии, чтобы усилить защищённость границы»). Не всегда можно было определить «принадлежность» этих группировок, но среди них преобладали «парамилитарес» («паракос») — так называемые полувоенные отряды «самозащиты» (AUC), тесно связанные с колумбийской армией. «Паракос» использовались для спецопераций в антипартизанской борьбе и «прославились» кровавыми расправами с мирным населением. Не раз проникали на приграничную территорию Венесуэлы с целью переформирования партизаны из левомарксистских группировок FARC (Вооружённые революционные силы Колумбии) и ELN (Армия национального освобождения). Много беспокойства венесуэльцам доставляли преступные международные организации, прежде всего те, которые «специализировались» на переброске наркотиков и похищении людей с целью получения выкупа. Точная классификация нарушителей границы часто затруднялась тем, что для финансирования своей деятельности и «паракос», и партизаны прибегали к наркотрафику и похищениям. Нередко случалось, что «паракос» маскировались под партизан, а партизаны — под «паракос».

Решение Чавеса о закупках российской военной техники для модернизации вооружённых сил Венесуэлы администрация Дж. Буша встретила с демонстративной враждебностью. Венесуэльский «диктатор» вновь предпочёл конфронтационный вариант решения очередной проблемы в двусторонних отношениях, протянув руку с кошельком, набитым нефтедолларами, в сторону России. Русские, конечно, воспользовались выгодной ситуацией, цепко ухватившись за кошелёк. Как быстро они усвоили главный девиз свободного мира: «Деньги не пахнут!» Ещё в бытность Советского Союза представители его ВПК настойчиво проталкивали своё оружие в регион — вначале на Кубу, затем в Перу, когда там заправлял генерал-националист Васко Альварадо. Россия продолжила негативную, с точки зрения США, традицию, бросив вызов их интересам в Западном полушарии. Если допустить реализацию договорённостей Москвы и Каракаса о поставках оружия, престижу Соединённых Штатов в Латинской Америке будет нанесён чувствительный удар: они не смогли воспрепятствовать Чавесу! Это явный признак того, что их влияние в регионе пошло на спад! Венесуэльский лидер знал, что Вашингтон предпринял меры по срыву военно-технических соглашений Венесуэлы с Россией, но был настроен решительно: любой ценой надо довести дело до конца, самое главное, чтобы не проявили слабости в Москве. Давление гринго на российское руководство усиливалось с каждым днём. За 1990-е годы в Вашингтоне привыкли к уступчивости Кремля. Президент Буш и его ястребиная команда считали, что и на этот раз русские отработают назад, если надавить посильнее, а для вящего эффекта стукнуть кулаком по столу.

Из венесуэльского посольства в Москве в Каракас поступали тревожные сообщения о том, что в

российских верхах нет единой точки зрения на перспективность «вооруженческой темы» в отношении с Венесуэлой. Позиция МИДа России была противоречивой: судя по всему, в самых высоких сферах страны шла напряжённая борьба между «за» и «против». Трудно было прогнозировать, какая именно линия возьмёт верх. Дипломаты традиционно не хотели брать на себя ответственность, предпочитая дожидаться мнения Кремля. Министерство обороны России и ВПК стояли на своём: соглашения с Венесуэлой необходимо выполнить любой ценой! Вопрос заключался в том, смогут ли они противостоять тем силам в России, которые лоббируют интересы США. Чавес не сомневался в наличии таких сил, подчёркивая красным маркером строки об американских «агентах влияния» в сообщениях своего посла из Москвы.

Венесуэльская оппозиция между тем продолжала критиковать Чавеса за покупку оружия в России: «Эксперты ставят под сомнение, что русские вертолёты, самые тяжеловесные и шумные в мире, будут удобны для выполнения многоцелевых задач в сложных тропических условиях. Достаточно напомнить, что, пользуясь прежними летательными аппаратами, венесуэльские ВВС потеряли их в катастрофах больше, чем военная авиация США в двух войнах в Персидском заливе и Афганистане. Из ныне существующего венесуэльского авиапарка только треть находится в работоспособном состоянии»(См.: Orlando Ochoa Teran. Los flancos debiles de la defensa nacional // El Universal. 10.10. 2004.). Подтекст пассажа такой: если венесуэльские пилоты «гробили» привычную и удобную западную технику, то российскую ожидает куда более драматичная судьба. В другой публикации указывалось, что проблем с русскими вертолётами будет много из-за нехватки запчастей, из-за дороговизны техобслуживания, а также усиления «кубинского

присутствия», поскольку точный перевод технической документации смогут сделать только они.

Для создания новых «пропагандистских стереотипов» проамериканские СМИ в Венесуэле попытались внушить венесуэльцам, что общественное мнение в самой России выступает против продажи оружия боливарианскому «режиму». Для «сбора информации» в Москву из Каракаса в пожарном порядке были командированы авторитетные тележурналисты и «золотые перья» информационной войны против Чавеса. Вот типичный репортаж из России: «Прибытие в Венесуэлу партии автоматов Калашникова стало событием и для Москвы. Я смотрела телевизор в московском отеле и, хотя не понимаю русского языка, уловила угрожающие импульсы, которые исходили от президента Чавеса, облачённого в военную униформу. Он выступал перед строем солдат, целясь из винтовки прямо в телекамеру. На следующий день мой гид-переводчик с неодобрением высказался о том, что президент Путин расходует средства, полученные от торговли нефтью, на развитие военной промышленности. Гид считал, что предпочтительнее вкладывать деньги в науку, технологию и космические программы. Один русский журналист убеждал меня, что Венесуэла даже через четыре года вряд ли получит то количество самолётов Су-30, о которых с такой уверенностью объявил три недели назад Чавес. Во-первых, корпорация «Иркут», продающая их, имеет договорённости о поставке всей своей продукции — 30 самолётов в год — Индии, Малайзии и Алжиру. Поэтому у Венесуэлы нет никакой возможности получить свою квоту к названному сроку. Во-вторых, корпорация «Иркут» не является государственным предприятием, ею владеют частные промышленники; они очень хотят выйти на международный рынок гражданской авиации, который находится под сильнейшим прессингом

санкций, объявленных Вашингтоном. Так что мы можем стать свидетелями повторения эпизода с покупкой Венесуэлой испанских и бразильских самолётов, которую сорвали американцы. Недовольство русского общества гонкой вооружений можно ощутить даже на улице. Обычные граждане, включая молодёжь, выступают против продажи автоматов АК-47 не только Венесуэле, но и арабским странам, находящимся в состоянии войны. Они осуждают излишне приятельские отношения с такими старыми клиентами Советов, как Иран и Ливия, и считают, что в русской политической жизни доминирует цинизм. Такого персонажа, как Чавес, они считают не коммунистом, а популистом с задатками диктатора, что может стать угрозой для человечества. Ненависть к оружию отражается даже в сувенирах. Повсюду продаются майки с изображением автомата Калашникова и подписью: «Громадные достижения: тур кровопролития — Афганистан, Вьетнам, Ангола, Лаос, Никарагуа, Сальвадор, Ливан, сектор Газа, Карабах, Югославия и так далее»...»(См.: E! Universal. 28.06.2006. Автор статьи Марианелья Саласар специализировалась на «разоблачении» усилий Чавеса по трансформации ВС Венесуэлы в «революционную армию».)

Журналистка, не знающая русского языка, приписала «русскому обществу» своё критическое отношение к российско-венесуэльским соглашениям по продаже оружия. Главный сюжет подготовленного ею репортажа очевиден: венесуэльская оппозиция, протестующая против «гонки вооружений» Чавеса, имеет много союзников в самой России.

Тему закупок российского оружия настойчиво поднимал посол США Браунфильд, выражая озабоченность от имени всей Латинской Америки: «Эти действия вызывают реакцию соседей Венесуэлы, которые начинают сомневаться в её намерениях и,

конечно, беспокоятся. И мы не хотим развязывания гонки вооружений по типу “эффекта домино”. Нужна полная прозрачность. Надо ещё до реализации сделки объявить о ней, разъяснить, какие образцы вооружений будут приобретены, для каких целей, где они будут размещены. Таким образом, соседи Венесуэлы будут иметь необходимую информацию, чтобы принять свои решения. Вот, к примеру, гипотетическая возможность покупки Венесуэлой подводных лодок. Лучше всего было бы обойтись без слухов, потому что пресса говорит о них, а правительство отрицает. Затем пресса настаивает на этой теме, и правительство Чавеса отвечает, что “сделка возможна”. Несколькими днями позже правительство уже намекает на то, что “вполне вероятно покупка трёх подлодок”».

Обеспокоенность Браунфильда была понятной. Несмотря на предпринимаемые усилия, посольству США в Каракасе не удавалось получить полную информацию об объёмах и типах вооружений, которые Венесуэла намеревалась приобрести у России. Посол «с недоумением» комментировал ту настойчивость, с которой Каракас пополняет свои военные арсеналы, поскольку «Соединённые Штаты никогда не нападали и не собираются нападать на Венесуэлу». И тут же не без иронии упомянул, что в «асимметричных» вооружённых силах Венесуэлы имеется два с половиной миллиона резервистов, а это «намного превосходит численность армии США».

Замгоссекретаря США по странам Латинской Америки Роджер Норьега призвал венесуэльцев «решить», хотят ли они иметь оружие, которое президент Уго Чавес намерен купить у России. Он также обращался к соседям Венесуэлы «высказать своё мнение» по этому поводу, «получить возможность совместно с Венесуэлой обсудить суть её намерений, чтобы в регионе не началась гонка вооружений».

Серия выступлений высокопоставленных должностных лиц США по поводу «непрозрачности» приобретения Чавесом оружия в России не вызвала солидарной реакции «соседей Венесуэлы». Спокойно отнеслись к этому ближайшие соседи — Бразилия и центральноамериканские и островные карибские государства. Не стала поддакивать американцам Колумбия, которая, ведя давнюю внутреннюю войну, успешно модернизировала — с помощью США! — свои вооружённые силы, преимущество которых в оснащении и боеспособности всё больше беспокоило боливарианское правительство. Попытка Боготы вслед за США выразить «озабоченность гонкой вооружений, развязанной Венесуэлой» могла привести к выяснению реального соотношения сил, которое по всем параметрам было не в пользу венесуэльских ВС. В конце концов, именно Колумбия первой начала закупать российское оружие и технику. Не менее двадцати вертолётов Ми-17 использовались для борьбы с партизанскими группировками, а в армейских частях были популярны пулемёты и другое стрелковое оружие из России.

Всего с 2005 по 2013 год, начав фактически с нулевой отметки, Венесуэла приобрела у России вооружений и военной техники на 10-11 миллиардов долларов. О достигнутом уровне сотрудничества можно судить по тому, что в 2013 году Рособоронэкспорт передал Венесуэле (по контракту 2009 года) два дивизиона зенитного ракетного комплекса «С-300ВМ», способного поражать воздушные цели на расстоянии до 200 километров. Получив этот комплекс, Венесуэла в определённой степени обезопасила себя от внешней агрессии с применением стратегической авиации, баллистических и крылатых ракет. В эшелонированной системе противовоздушной обороны Венесуэлы используются также российские зенитные комплексы

«Бук-2М», «Печора-2М», береговые ракетные комплексы «Бал-Э», зенитные артиллерийские установки ЗУ-23. Кроме того, на вооружении венесуэльской армии появились реактивные системы залпового огня «Смерч», системы «Град», танки Т-72Б1В, самоходные гаубицы «Мста-С», переносные комплексы «Игла-С» и т. д. Боливарианские ВВС обновили свой авиапарк: из России были поставлены 24 самолёта Су-30МК2 и более 50 вертолётов различных модификаций: Ми-17В-5, Ми-35М, Ми-26Т. В городе Маракай завершается строительство завода по лицензионному производству автоматов Калашникова АК-103, а также патронного завода.

Примеру России по развитию военно-технического сотрудничества с Венесуэлой последовала Беларусь. В первую очередь обсуждались условия поставок белорусских автоматизированных систем управления войсками ПВО и ВВС, средств радиолокации и радиоэлектронной борьбы. Чавеса всегда беспокоила уязвимость карибского побережья Венесуэлы из-за нарушений границы боевыми самолётами США, базирующимися на Кюрасао, Арубе и других островах. Договорённости с Беларусью были достигнуты без каких-либо осложнений. В декабре 2007 года в Каракасе в ходе визита Александра Лукашенко было подписано соглашение о создании на основе белорусской know how единой системы ПВО и национальной системы радиоэлектронной борьбы. Общие положения соглашения обнародовал в сентябре 2009 года Чавес, особо отметив его оборонительный характер: «Мы должны защитить стратегические объекты, например ГЭС “Гури”, нефтепромыслы, нефтеперерабатывающие заводы, промышленные комплексы, военные объекты и командные пункты, крупные города, такие как Каракас, чтобы чувствовать себя в большей безопасности».

Глава 23

ЧАВЕС ПРОТИВ «ДЬЯВОЛА БУША»

Выступление Уго Чавеса на 61-й Генеральной Ассамблее ООН в сентябре 2006 года наделало много шума. Высокая трибуна ООН в Нью-Йорке давно не была свидетелем такого вызывающего поступка. Президент Венесуэлы помахал перед собой рукой, словно отгоняя что-то зловещее и зловонное, и сказал: «Вчера здесь стоял дьявол, на этом самом месте. Эта трибуна, за которой я нахожусь, до сих пор пахнет серой! Вчера с этой трибуны господин президент Соединённых Штатов, которого я называю “дьяволом”, говорил так, словно он является хозяином мира. Психиатр был бы очень кстати, чтобы проанализировать вчерашнюю речь президента Соединённых Штатов. В качестве глашатая империализма он прибыл сюда, чтобы дать свои советы, как попытаться сохранить современную схему доминирования, эксплуатации и ограбления народов мира. Для фильма Альфреда Хичкока она была бы подходящей. Я даже предложил бы название: “Рецепт дьявола”»(Здесь и далее фрагменты из речи У. Чавеса на 61-й Генеральной Ассамблее ООН в Нью-Йорке 20 сентября 2006 года.)...

По просторному амфитеатру прокатилась волна смеха. Чавес не обманул ожиданий: начал своё выступление с выпадов в адрес президента самой могущественной державы. Многие делегаты Генассамблеи имели свои невысказанные, наглухо запрятанные претензии к Бушу-младшему: публично с ним лучше не связываться! И вот — всё накипевшее, нелицеприятное и неопровержимое прорвалось! С

решительностью фанатика, смертника или мессии президент Венесуэлы говорил за всех тех, кто молчал.

Далеко за пределами здания ООН Джордж Буш, предупреждённый секретарём — «выступает Чавес!» — отвлёкся от текущих дел и развернулся к телеэкрану, с напряжённым вниманием всматриваясь в лицо венесуэльца, этого провокатора, который продолжает безнаказанно мутить воду в Западном полушарии...

«Речь президента — мирового тирана — преисполнена цинизма, преисполнена лицемерия, — продолжал Чавес, — это имперское лицемерие, попытка всё поставить под контроль. Они хотят навязать нам демократическую модель в таком виде, в каком её представляют: фальшивую демократию элит. И кроме того, весьма оригинальную демократическую модель: внедрённую бомбами, с помощью бомбардировок, под угрозой интервенций и артиллерийских обстрелов! Вот такая демократия!.. Президент Соединённых Штатов в этом самом зале сказал вчера следующее: “В какую бы сторону вы ни глянули, вы слышите экстремистов, которые утверждают, что можно избавиться от нищеты и восстановить свою честь путём насилия, террора и самопожертвования”. Куда бы он (Буш) ни посмотрел, он всюду видит экстремистов! Я уверен в том, что он смотрит на тебя, брат, с этим цветом кожи и верит, что ты — экстремист. С этим же самым, моим цветом кожи. Эво Моралес, который прибыл вчера, достойный президент Боливии, — тоже экстремист. Империалисты видят экстремистов повсюду. Нет, дело не в том, что мы экстремисты. То, что происходит, — это пробуждение мира, везде поднимаются народы. Мне кажется, господин диктатор-империалист, что вы будете жить остаток своих дней с кошмаром, потому что, куда ни бросишь взгляд, будем возникать мы, те, кто поднялся против североамериканского империализма, те,

которые выступают за полную свободу во всём мире, за равенство народов, за уважение суверенитета наций»...

Слова Чавеса вызвали всемирный резонанс. Наконец-то нашёлся смельчак, который решился сказать правду об американском президенте и его агрессивной имперской политике! Каждый старался дать свой ответ на вопросы: почему Чавес пошёл на столь самоубийственный поступок? Наболело? Жажда саморекламы? Потребность в эффектной выходке перед очередными президентскими выборами в Венесуэле, чтобы подстегнуть рейтинг? Просто желание сокрушительно ответить на бесчисленные выпады в свой адрес со стороны самого Буша и высших чинов его администрации? Ведь они по любому поводу клеймили Чавеса как «тирана», «диктатора», «самого опасного врага Соединённых Штатов». Вот и нарвались на беспощадный встречный удар.

Американский поэт Френсис Грэйбоу так интерпретировал выступление венесуэльского президента: «Уго, стоящий перед лидерами Организации Объединённых Наций откровенно честным и совершенно не собирающимся оправдываться простачком, заявил, что чувствует запах серы, ассоциирующийся с нашим Дьяволом-Бушем, стоявшим за день до того на том же самом месте, где стоит Уго... Он учуял Бестию. Затем он сказал об этом, и миллионы нас на всей планете (но особенно мы, американские гринго) почувствовали Огромное Облегчение... Уф! Наконец-то кто-то озвучил наши чувства!»(Грэйбоу Д. Ф. Беглый взгляд на гороскоп Уго Чавеса / Пер. О. Равченко //AURORA BOREALIS. Минск, 2008. С. 52.) Грэйбоу попал в точку. Чавес стал как бы «ретранслятором» чувств и настроений тех миллионов людей, которые не имели возможности публично осудить то высокомерие силы, ту безответственность, беспардонность, лживость и наглость, которые ежедневно демонстрировал хозяин

Белого дома, зловещий «крестоносец Нового порядка» и его привилегированного «золотого миллиарда».

Готовясь к этому выступлению, Чавес прочитал книгу американского политолога Ноама Чомского «Гегемония или выживание, империалистическая стратегия Соединённых Штатов». Чавес показал её с трибуны ООН. По мнению президента Венесуэлы, это «отличная работа, помогающая понять то, что произошло в мире в XX веке и что происходит сегодня, распознать те огромные угрозы, которые нависли над нашей планетой, и те гегемонические претензии североамериканского империализма, которые подвергают риску само существование человеческого рода».

Чавес рекомендовал прочесть эту книгу в первую очередь самим американцам, потому что дамоклов меч навис прежде всего над гражданами США (Совет Чавеса был услышан в США. Книга вновь вернулась на лидирующие позиции в статистике продаж. Пришлось в срочном порядке печатать дополнительные тиражи. В августе 2009 года Ноам Чомский приехал в Венесуэлу и был принят Чавесом в президентском дворце. «Говорить о мире и критиковать тех, кто против, это легко, — сказал американский публицист. — Гораздо труднее создавать новый мир, отличающийся от нынешнего». По мнению Чомского, Чавес относится к созидателям нового мира.). «Дьявол», президент Буш, оставляющий за собой ядовитый запах серы, обосновался в их собственном доме. Его утверждения о стремлении к миру фальшивы и лицемерны. Буш стремится навязать «свою модель эксплуатации и грабежа, своей гегемонии с помощью войны». Чавес не сдерживал эмоций: «Он хочет мира, но что происходит в Ираке? Что произошло в Ливане и Палестине? И что произошло за сто лет в Латинской Америке и в мире, а сейчас эти угрозы Венесуэле, Ирану? Обращаясь к народу Ливана, он

(Буш. — К. С.) сказал: “Многие из вас видели, как ваши жилища и селения попали под перекрёстный огонь”. Что за цинизм! Какой потенциал наглости, чтобы так беззастенчиво лгать перед лицом всего мира! Бомбы в Бейруте, направленные на цели с предельной точностью, это — перекрёстный огонь? Империалистический огонь! Фашистский огонь! Убийственный огонь! Самый настоящий геноцид Империи и Израиля против невинного народа Палестины и народа Ливана. Это и есть правда... Короче говоря, президент Соединённых Штатов решил обратиться к народам... Обратиться к народу Афганистана, народу Ливана, народу Ирана... К месту спросить, — я обращаюсь к этим народам, — что могут сказать сами эти народы в ответ на слова президента Соединённых Штатов? Если бы эти народы могли говорить, что бы они сказали? Я обобщу их слова, потому что знаком с душой этих народов, народов юга. Эти народы, которые подверглись издевательствам, скажут: Империя янки go home! Этот крик прорвётся повсюду, если бы народы мира смогли в один голос обратиться к Соединённым Штатам».

Это мужественное выступление Чавеса вошло в анналы генассамблей ООН. Для многих людей в мире оно стало своего рода эпитафией для зловещей «эры Буша».

Венесуэльский лидер не ограничился трибуной ООН. Он посетил Университет Купер Унион на Манхэттене и баптистскую церковь Маунт Оливет в Гарлеме. Приехал Чавес не с пустыми руками. Он объявил о расширении венесуэльской благотворительной программы по поставкам дешёвого топлива для обогрева бедняцких жилищ в восемнадцати штатах США. В 2005–2006 годах получателями такой помощи стали 180 тысяч семей. В следующем «отопительном сезоне» поддержку

получили уже 460 тысяч семей в Бронксе и Гарлеме, а также пять тысяч семей в индейских общинах.

На встречах с американцами Чавес снова говорил о Буше: «Это алкоголик, больной, закомплексованный человек, который ходит, подражая Джону Уэйну». Обращаясь к публике, в которой преобладали афроамериканцы и выходцы из Латинской Америки, Чавес сказал: «Соединённые Штаты должны избрать президента, с которым можно работать и вести переговоры, а не этого типа, который не имеет ни малейшего представления о том, что такое политика. Он попал в Белый дом только потому, что является папенькиным сыночком». Окружающие радостно замахали венесуэльскими флажками, словно подтверждая, что они думают о Буше то же самое. Согласно кивал головой президент межплеменного совета на Аляске Ян Эрлич, одобряюще улыбался киноактёр Дэни Гловер, дружно хлопали в ладоши активисты негритянских организаций Гарлема.

Венесуэльский президент советовал своим слушателям внимательнее читать книгу Чомского «Гегемония или выживание»: «Говорить с американцами о внутренней политике их страны нелегко, но вы должны пробудиться. Сражайтесь внутри общества. Вы должны победить Бестию изнутри и изменить страну на благо человечества».

Ньюйоркцы с любопытством взирали на руководителя южноамериканского государства, который говорил с ними о социальной справедливости, спасении планеты и человечества, о братстве народов. Невероятным казалось, что иностранный гость может искренне беспокоиться об афроамериканцах и индейцах США. В левых кругах США выступление Чавеса в ООН и его встречи с простыми американцами получили поддержку: он помогает проснуться тем, кто до последнего времени не видел угрозы, которую

представляет для человечества североамериканский империализм. Диктат потребительства в США достиг критического уровня. Американцу практически невозможно выбраться из рутины работы и «шопинга». Эва Голинджер, венесуэльско-американская журналистка, политолог, сторонница Боливарианской революции, написала: «Те, кто вслушивался в слова президента Чавеса и действительно услышал его, впервые за долгое время спокойно вздохнули. Проявление солидарности, любви и человечности распахнуло сердца многих, ведь в стране (Соединённых Штатах) прикоснуться или обнять неизвестного является оскорблением, нарушением личного пространства. Многие не понимают, как Венесуэла может предлагать газ и мазут для отопления по солидарной цене (40-45 процентов скидки) и ничего не просить взамен. И это потому, что североамериканский капитализм лишён чувства солидарности, в нём нет гуманности и безоговорочной любви к ближнему»(См.: Eva Golinger. Chavez en Nueva York. // La Hojilla Impresa. Caracas. Septiembre de 2006.).

Голинджер, как и многие другие обозреватели, считала, что уличные встречи и беседы Чавеса с ньюйоркцами имели большое значение для нейтрализации насаждаемых СМИ негативных пропагандистских стереотипов о личности венесуэльского президента — «гориллы, пытающейся разрушить Соединённые Штаты». Впрочем, журналистка пожалела, что Чавес не получил полезных рекомендаций от своих советников перед визитами в Университет Купер Унион и церковь Маунт Оливет. Например, выступая в университете, Чавес назвал достойными подражания таких американцев, как Авраам Линкольн и Марк Твен, хотя, по мнению Голинджер, важнее было бы вспомнить о Сьюзан Б. Энтони. Она была активисткой движения за женские

права и социальную справедливость и часто выступала в этом университете. Благодаря Энтони женщины Соединённых Штатов завоевали право участвовать в выборах.

В Белом доме забили тревогу: «Чавес хочет разрушить нашу страну и наш образ жизни. Чавес проталкивает что-то вроде “расизма наизнанку”, настаивая на расширении прав индейцев и вообще “цветных народов” и предоставлении им доступа к власти». «Чавес не имеет права приезжать в США для того, чтобы говорить плохо о Буше», — заявляли конгрессмены от Республиканской и Демократической партий, являя этим редкое единодушие мнений. Печатная пресса вторила телеканалам Си-эн-эн и FOX, клеймя Чавеса «опасным типом», «сумасшедшим», «врагом» Соединённых Штатов.

На «провокационную выходку» Чавеса американские власти ответили быстро. Они отыгрались на министре иностранных дел Николасе Мадуро. Он был задержан в аэропорту Д. Ф. Кеннеди в Нью-Йорке под предлогом «наличия в его экипаже подозрительных предметов», а также по подозрению в «террористической деятельности» (Акция аналогичного характера была предпринята спецслужбами США в отношении генерального консула Венесуэлы в Чикаго Мартина Санчеса в нью-йоркском аэропорту Ла-Гуардия.). У министра изъяли паспорт и авиабилет. Применив грубую физическую силу, полицейские хотели надеть на Мадуро наручники, а потом затолкали его в «отстойник» — тесное помещение, напоминающее тюремную камеру. Выручать министра в аэропорт приехали посол Венесуэлы в ООН Франсиско Ариас и венесуэльский посол в США Бернардо Альварес. Вскоре Мадуро был освобождён.

Чавес осудил незаконные действия администрации Буша, опроверг выдумки о «террористическом

прошлом» Мадуро, который не принимал никакого участия в событиях 4 февраля 1992 года, в чём его обвинили американцы. «Агрессия против нашего министра, — сказал Чавес, — это новая провокация Мистера Дьявола». Представительство Венесуэлы в ООН заявило официальный протест. Были привлечены видные адвокаты для выяснения всех обстоятельств и подготовки судебного процесса. Мадуро, вернувшись в Каракас, призвал всех членов ООН предпринять шаги к переносу штаб-квартиры организации, поскольку Соединённые Штаты «не уважают человеческую жизнь и международное право».

Глава 24

ПРЕЗИДЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ 2006 ГОДА

С того времени, как в декабре 1998 года Чавес впервые одержал победу на выборах, в Венесуэле прошло несколько избирательных кампаний и референдумов, на которых Чавес неизменно брал верх.

Противники начали понимать, что при такой позитивной настроенности электората силовые варианты свержения Чавеса не пройдут. Поэтому даже самые убеждённые враги президента перестали потрясать кулаками. Венесуэльское общество устало от конфронтации. Среднему классу надоели провоцирующие заклинания и обещания оппозиционных лидеров «вот-вот свалить» Чавеса. Чависты, удовлетворённые торжеством своего правого дела, спешили воспользоваться плодами победы. В воскресные дни и в праздничные даты исход горожан к побережью вновь приобрёл эпический характер, причём расслабляющая «пляжная платформа» объединяла и чавистов, и их оппонентов.

В рядах противников Боливарианской революции началась перегруппировка сил. «Непримиримые» прежде лидеры, кажется, вняли сетованиям Чавеса на то, что в Венесуэле нет «нормальной оппозиции, с которой можно было бы иметь дело». На весьма показательных президентских выборах 2006 года на первый план выдвинулись новые имена и партии.

Специально под губернатора нефтяного штата Сулия Мануэля Росалеса (Мануэль Антонио Росалес Герреро (р. 1952) — вся его жизнь связана со штатом Сулия, где он начал политическую карьеру в рядах

партии Accion Democratica. Дважды избирался мэром города Маракайбо, два срока подряд был губернатором штата Сулия (2000–2008). Поддержал апрельский переворот 2002 года, назвав это позднее своей серьёзной ошибкой. В 2006 году стал единственным кандидатом от оппозиции на президентских выборах, но проиграл Чавесу. В 2009 году из-за угрозы ареста по обвинению в коррупции покинул Венесуэлу и получил политическое убежище в Перу.), претендовавшего на лидерство в национальном масштабе, была создана партия Un Nuevo Tiempo («Новое время»). В столице набирала вес партия Primern Justicia («Справедливость прежде всего»), в которой заправляли венесуэльские политики «новой волны» во главе с Хулио Борхесом. На слуху у всех были имена Леопольдо Лопеса и Энрике Каприлеса, тогдашних алькальдов Чакао и Баругы, богатых районов Каракаса. С новыми лидерами были вынуждены сотрудничать могущественные некогда партии Четвёртой республики — COPEI и Action Democratica, — не обладавшие реальными возможностями возвращения к власти. Тогда же во весь голос заявили о себе студенческие лидеры из частных университетов, в которых античавистские настроения всегда доминировали. Парадоксальным выглядело то, что Центральный университет, который считался в годы Четвёртой республики рассадником революционных идей и дал «путёвку в жизнь» плеяде левомарксистских деятелей и партизанских «команданте» в 60—70-х годах прошлого столетия, стал очагом «сопротивления» боливарианскому процессу.

В той избирательной кампании Мануэль Росалес так и не сумел преодолеть в себе провинциального политика. Недоверчивый взгляд, внутренняя напряжённость, неулыбчивость — полная противоположность раскованности Чавеса. Отсутствие харизмы и упорные слухи о связях Росалеса с

мафиозными структурами штата и Колумбии стали серьёзным препятствием для того, чтобы он получил общенациональное признание. Не помогла ему и поддержка Соединённых Штатов. Чавес не считал Росалеса равноценным конкурентом, издевательски окрестив его «философом из Сулии», намекая на эмоциональную зажатость и меланхоличность кандидата от оппозиции, на его скудные ораторские данные и ограниченный интеллектуальный багаж. «Мы ведём избирательную кампанию не против Росалеса, а против Империи, её гегемонии, — разъяснял Чавес во время своих поездок по стране. — Мы противостоям дьяволу, и мы разгромим его, в декабре мы отправим самую мощную Империю на планете в нокаут».

Таким же слабым соперником оказался Хулио Борхес, крупноголовый, бровастый, с хорошо поставленной речью и интеллигентными манерами. Оппозиция надеялась, что он сможет консолидировать протестную «античавистскую» энергию населения, в особенности её пассивного сегмента, так называемого «*ni-ni*». Борхес очень старался зацепиться в сознании электората, демонстрировал свою демократичность, широту политических взглядов, терпимость к боливарианским оппонентам. «Если я добьюсь победы, — заверял он, — то не стану отказываться от социальных миссий, которые действуют в стране. Самые эффективные и полезные из них будут сохранены и усовершенствованы».

Борхес даже решился углубиться в прежде недоступные зоны «абсолютного чавизма» — в столичные окраины Катия, Петаре и другие. Это были рекламные вылазки с предварительным завозом туда своих активистов и охраны. На фоне бедняцких «ранчос» снимались пропагандистские сюжеты. Оппозиционный кандидат пожимал руки беднякам, обнимал пролетариев, целовал в щёчку старушек(Здесь

Борхес также явно соревновался с Чавесом. Но огромные фотоплакаты, на которых Чавес обнимал старушек, не воспринимались как пропаганда. Президент был искренен, поскольку делал многое для того, чтобы им жилось легче. Достаточно вспомнить ежемесячные государственные выплаты всем женщинам-матерям Венесуэлы. «Народные» поцелуи Борхеса и других претендентов на пост президента выглядели как постановочные. Боливарианские СМИ использовали «компрометирующий» момент с оппозиционным кандидатом Мануэлем Росалесом, который после одного подобного поцелуя «на публику» поспешил достать платок. Вывод «чавистских» СМИ был однозначным: «Смотрите, Росалес брезгует вами!»). Но безрезультатно. Специалисты по избирательным кампаниям сделали вывод: электорат равнодушен к этому кандидату, во всех социальных слоях Борхес воспринимается как представитель «небольшой элитарной партии». Не было доверия к его обещаниям решить проблему безработицы и покончить с преступностью. Попытка подняться на один уровень с Чавесом и представить себя в более выгодном свете — «я, Борхес, — настоящий патриот, националист, защитник народных интересов» — не принесла результата.

Внутренняя оппозиция, как и прежде, получала поддержку извне. В первой половине 2006 года, чтобы надавить на Чавеса, администрация Буша провела репетицию «Плана Бальбоа». Масштабные военные учения (с привлечением региональных «партнёров») у границ Венесуэлы означали, что Соединённые Штаты не только отрабатывают элементы вторжения на её территорию, но и демонстрируют мускулы на фоне пропагандистской шумихи по поводу «неоправданно больших» закупок российских вооружений.

В Карибском море, в непосредственной близости от берегов Венесуэлы, прошли учения «Partnership of the Americas». К ним США привлекли такие крупные корабли, как USS «Monterrey», USS «Underwood» с ракетным вооружением и восьмьюстами морскими пехотинцами, а также авианосец USS «George Washington», на борту которого было около восьмидесяти боевых самолётов и не менее шести тысяч морских пехотинцев. Эта грозная флотилия целый месяц маневрировала «в учебных целях» в Карибском море, имитируя боевое развёртывание для блокады венесуэльского побережья. Посол Браунфильд провёл два дня на борту авианосца «George Washington», словно подтверждая, что у Соединённых Штатов есть более мощные аргументы, чем призывы и уговоры.

Аналогичные предупредительные «сигналы» подавались другими морскими манёврами — Joint Caribbean Lion, New Horizons, Tradewinds. В них была задействована передовая военная техника и тысячи морских пехотинцев.

В те дни Чавес принял решение об усилении оборонительного потенциала ВМФ Венесуэлы. Приобретение современных подводных лодок стало приоритетом по модернизации флота. Только Россия могла помочь в этом...

На рубеже 2005–2006 годов Браунфильд совершил несколько поездок по Венесуэле, мотивируя их благотворительной деятельностью. Он вручал компьютерное оборудование школам, бейсбольное снаряжение — юным спортсменам, финансовую помощь — детским фондам. Попутно встречался с оппозиционными деятелями, что, конечно, не нравилось Чавесу. Чашу терпения переполнили провокационные заявления Браунфильда о «Республике Сулия» во время его пребывания в городе Маракайбо (Браунфильд

встретился в штате Сулия с членами сепаратистской группировки Rumbo Propio («Собственный курс»), с которыми обсуждал вопросы активизации её деятельности.), а также попытки наладить «двусторонние торговые отношения» между Сулией и Соединёнными Штатами. Все последующие поездки Браунфильда по крупным городам Венесуэлы стали сопровождаться «стихийными протестами» боливарианских активистов: автомашину посла забрасывали тухлыми яйцами, гнилыми овощами и фруктами.

В столице штата Гуарико выступление Браунфильда перед местными предпринимателями и деятелями оппозиции было сорвано. Активисты в красных рубашках окружили здание Итальянского клуба, где намечалась встреча, и закидали его градом камней. Были разбиты все стёкла, сильно пострадала мебель. Несмотря на возбуждённую толпу, Браунфильд пытался провести намеченное мероприятие, но был вынужден отказаться от этого намерения. Под усиленной охраной Национальной гвардии его переправили в соседний штат Арагуа.

Через две недели Браунфильд решил подарить бейсбольное снаряжение спортивному центру, который находится на западе Каракаса, где сильны позиции сторонников Чавеса. Вновь не обошлось без инцидента. Байкеры забросали лимузин посла яйцами и помидорами. Пресс-секретарь Госдепартамента заявил, что нападение на посла было «санкционировано» местными властями. Замгоссекретаря по политическим вопросам Николас Бернс пригласил к себе посла Венесуэлы Бернардо Альвареса и предупредил его, что «если произойдёт ещё один подобный инцидент, то последуют суровые дипломатические меры».

Альварес, однако, прокомментировал ситуацию иначе. «Посол не понимает, каковы политические

реалии в стране. Ведёт себя как вольный бродяга, не соблюдая правил, или же специально провоцирует негативную реакцию людей», — заявил Альварес, имея в виду антиамериканские настроения, существующие в Венесуэле. Его поддержал вице-президент Хосе Висенте Ранхель: «Браунфильд гуляет по Венесуэле, словно это его родной Техас. Это сознательная провокация: господин посол подставляет свою ногу для того, чтобы на неё наступили. Он напрашивается на атаку со стороны какого-нибудь фанатика или специально подосланного провокатора. Будет брошен камень, попадёт в лицо, и телеканал “Глобовисьон” окажется на месте, чтобы снять картинку с “окровавленным послом”».

Но Браунфильд приехал в Венесуэлу не для того, чтобы отсиживаться в посольстве. Его публичные заявления сыпались одно за другим и тиражировались оппозиционными СМИ. Посол давал советы, каким образом следует проводить национализацию телефонной компании CANTV, чтобы не обидеть её владельцев из США, как вести коммерческие дела с американскими нефтяными компаниями. Постоянно напоминал о необходимости нового соглашения о борьбе с наркотрафиком, умалчивая о том, что сотрудничество в этой области использовалось DEA во враждебных для Венесуэлы целях. Посол давал рекомендации, как строить отношения с Ираном и другими странами «оси зла», намекая на то, что Венесуэла добывает урановую руду (для мифической атомной бомбы Ирана?).

Эти выступления Браунфильда Чавес, вполне резонно, воспринимал как вмешательство во внутренние и внешние дела страны и в очередной раз напомнил Браунфильду на недопустимость таких действий: «Господин посол, если вы и далее будете вмешиваться в дела Венесуэлы, придётся объявить вас

персоной *non grata*. Уезжайте и вмешивайтесь в дела своей страны!» Браунфильд ответил, что он озабочен только вопросами улучшения двусторонних отношений с Венесуэлой, но признался, что его чемоданы всегда готовы для быстрого отъезда. Госдепартамент поспешил прийти на помощь послу: «Мы думаем, что Браунфильд отлично справляется со своей работой. Оценки, высказанные президентом Чавесом, обычно используются тогда, когда правительство пытается отвлечь своё собственное население или международную общественность от имеющихся у него проблем».

На президентских выборах 3 декабря 2006 года Чавес победил с большим отрывом от соперника, набрав 63 процента голосов. Несмотря на призывы непримиримой оппозиции не признавать результата, Росалесу пришлось согласиться с поражением. На пресс-конференции в Зале Айякучо Чавес, подводя итоги предвыборной кампании, поднял тему поступательного развития революции, построения нового социализма. Он подверг критике постулат Карла Маркса о том, что на диктатуру капитализма надо отвечать диктатурой пролетариата: «Мы не хотим никакой диктатуры, ни элиты, ни пролетариата. Мы хотим больше демократии, и это было доказано на минувших выборах». Чавес отверг предположение, что следует каким-то догмам в построении новой социально-политической и экономической модели общества. Он предложил открыть дискуссию по этому вопросу и высказал мнение, что для верного решения надо исходить из базовых характеристик венесуэльцев. Это индоамериканцы, и потому надо использовать схемы самоорганизации индейских общин. Это христиане, что означает отстаивание идеалов равенства и солидарности. Это потомки Симона Боливара, Симона Родригеса и Эсекиэля Саморы,

которые стоят у истоков «социалистической морали» по-венесуэльски.

Президент сообщил, что дал указание своей избирательной команде (Comando Miranda) не терять активности, сохранять прочную связь с батальонами, взводами и отделениями агитаторов, потому что все они будут привлечены к формированию объединённой левой партии. Чавес сообщил также, что решил создать президентскую комиссию, которая изучит вопрос о назревшей реформе Конституции 1999 года. Сама подготовка проекта реформ будет осуществляться Национальной ассамблеей.

После победы Чавеса на президентских выборах 2006 года Соединённые Штаты, сделав хорошую мину при плохой игре, «продемонстрировали добрую волю, готовность к диалогу». Инициативу проявил Госдепартамент. Сначала Томас Шеннон, заместитель госсекретаря США по странам Латинской Америки, заявил, что Чавес победил с явным преимуществом и что эта победа «имеет позитивное значение для Венесуэлы и региона». А потом посол США в Венесуэле Браунфильд попросил встречи с высшим руководством страны. 14 декабря министр иностранных дел Венесуэлы Николас Мадуро принял его.

Во время беседы Мадуро заявил, что плодотворный диалог возможен при условии «прекращения политической войны против Венесуэлы и её лидера, прекращения всех действий со стороны Вашингтона, которые могут привести к гибели венесуэльской демократии». Особый упор Мадуро сделал на необходимости экстрадиции из Майами в Венесуэлу лиц, обвиняющихся в терроризме. Речь шла о двух бывших офицерах Венесуэлы, принимавших участие в подготовке взрывов в посольствах Колумбии и Испании в феврале 2003 года, о лицах, подозреваемых в убийстве прокурора Данило Андерсона, а также о Луисе

Посаде Каррилесе, террористе, который организовал взрыв кубинского самолёта и позднее сбежал из венесуэльской тюрьмы. «Выдачу террористов мы истолкуем как проявление доброй воли, — подчеркнул министр. — Это будет способствовать развитию диалога».

Стороны договорились об очередной встрече через месяц. Но она не состоялась. Не прошло и нескольких дней после встречи с Мадуро, как Браунфильд, выступая по телевидению, возобновил нападки на Венесуэлу и её правительство. В этот раз он заявил, что Венесуэла не предпринимает необходимых усилий для борьбы с наркотрафиком, отвергая сотрудничество с Соединёнными Штатами. По мнению посла, территория Венесуэлы стала удобной площадкой для переброски сотен тонн кокаина в США и другие страны.

Реакция Венесуэлы была быстрой и предсказуемой. Вначале выступил министр внутренних дел Джесси Чакон. Он опроверг цифры, которые привёл посол, и подчеркнул, что после завершения срока действия соглашения с DEA в 2005 году спецслужбы Венесуэлы заметно улучшили показатели по перехвату наркогрузов. Они выросли на 70 процентов по сравнению с тем периодом, когда в Венесуэле действовали американские агенты по наркотикам.

На следующий день Браунфильд дал интервью газете «Насьональ», в котором повторил обвинения в «пассивном отношении» Венесуэлы к наркотрафику. На этой стадии «микрофонной дипломатии» в полемику вмешался Чавес. Он назвал заявления посла «абсолютной ложью» и посоветовал ему «взять свои слова обратно, если США и вправду хотят нормализации отношений». «Прекращение сотрудничества с DEA, — подчеркнул Чавес, — вдвое повысило эффективность полицейских служб в изъятии наркотиков. К тому же DEA занималась в стране политической разведкой,

шантажировала сотрудников полиции и военных, готовила почву для дестабилизации страны».

По мнению Чавеса, Томас Шеннон и Браунфильд разыграли сценку с хорошим и плохим полицейскими, причём американский посол взял на себя роль «плохого».

Миссия Браунфильда в Венесуэле завершилась в середине 2007 года. Перед отъездом в интервью телеканалу «Глобовисьон» посол не удержался от саркастических замечаний: «Меня обвиняли в подготовке убийства президента, в покушениях, переворотах, падении добычи нефти, в гибели прокурора, в забастовке на транспорте, в тайных встречах с парамилитарес на горе Авила, в сепаратизме в штате Сулия, в инфляции, в президентском гриппе, в голоде на планете из-за использования этанола, в психологической войне. К счастью, ни одно из этих обвинений не имеет оснований. Моё правительство стремится к прагматическому сотрудничеству. У нас нет времени для осуществления такого количества заговоров. Мы хотим решать проблемы, а не заниматься конспиративной деятельностью».

В интервью Браунфильд пожелал успеха преемнику — Патрику Дадди, «человеку суперспособному, интеллигентному, хорошо знающему Латинскую Америку, который, может быть, сумеет найти ту волшебную формулу (для налаживания отношений с Венесуэлой. — К. С.), которую не нашёл я». Браунфильд отметил, что на латиноамериканском континенте во многих странах недавно прошли выборы, и с большинством из этих стран США поддерживают дружественные связи, независимо от их идеологии. «Речь идёт не о том, правые или левые там правительства, — сказал посол, — а о том, что они придерживаются прагматичной позиции и заинтересованы в решении проблем. Социалистические

правительства Чили и Бразилии не во всём соглашаются с нами, но у нас отличные отношения, потому что мы ведём серьёзный диалог».

Завершая интервью, Браунфильд подчеркнул, что политика Вашингтона в обозримой перспективе не изменится: «США и Венесуэла по-разному видят будущее Латинской Америки. У нас разные модели, у нас разные позиции по фундаментальным вопросам: признания рынка как главного механизма в экономике, положения о свободе торговли, свободе слова, печати, религии, протеста, организации государства.

Это принципиальные отличия между нашими системами. Смена посла или администрации в Вашингтоне не приведёт к существенным коррективам этих различий».

Празднование Дня независимости США в начале июля 2007 года было прощальным мероприятием Браунфильда в Каракасе. Посол «креативно» отнёсся к этому событию. Он вышел к гостям в красной боливарианской рубашке со словами: «Uh! Ah! Brounfield si se va!» («Браунфильд уходит»). Посол спародировал лозунг боливарианских манифестаций: «Uh! Ah! Chavez no se va!» («Чавес не уйдёт!»).

На этот приём в американском посольстве пришли «знаковые фигуры» оппозиции, а также дипломаты Канады, Израиля, Колумбии и т. д. Официальные боливарианские круги проигнорировали факт отъезда Браунфильда. Уже было известно место его следующей миссии — Богота. Ничего хорошего это не предвещало. Браунфильд остаётся врагом Боливарианской революции и с территории Колумбии будет без помех продолжать свою подрывную деятельность.

Хосе Висенте Ранхель так подытожил миссию Браунфильда в Венесуэле: «Он уезжает в ореоле поражений. Он не смог осуществить планы Вашингтона по усилению оппозиции и ослаблению Чавеса. За время

пребывания Браунфильда в Каракасе положение Чавеса стало более прочным, его поддерживают 73 процента венесуэльцев, в то время как оппозиция оказалась в безвоздушном пространстве. Браунфильд превратился в заурядного аморального провокатора. Отчаявшись, он решил прибегнуть к самому грязному способу — стал подстрекать к сепаратизму в штате Сулия. Никто в прошлом не осмеливался на такое. Единственным успехом Браунфильда была раздача долларов бешеным и оголодавшим марионеткам из оппозиции».

Глава 25

ПРЕЗИДЕНТЫ-«ПОПУЛИСТЫ» — НОВЫЕ СОЮЗНИКИ

Победу Уго Чавеса на президентских выборах 1998 года часто называют началом «левого поворота» Латинской Америки. Следом за ним, в начале 2000-х годов, появилась целая плеяда президентов, которых в той или иной степени можно отнести к левому лагерю. В Аргентине президентом стал Нестор Киршнер, при котором политика правительства развернулась лицом к нуждам социальных «низов». Его курс продолжила Кристина Фернандес де Киршнер. В Бразилии два срока успешно управлял страной лидер Рабочей партии Луис Инасио Лула да Силва, на смену которому пришла его соратница Дилма Руссефф. В Боливии президентом впервые был избран индеец Эво Моралес, профсоюзный лидер. Уругвай также сделал выбор в пользу выдвиженцев Широкого левого фронта — сначала Табаре Васкеса, потом — бывшего партизана Хосе Мухики. После шестнадцатилетнего перерыва президентом Никарагуа вновь стал лидер сандинистов Даниэль Ортега. В Эквадоре к власти пришёл политик левой ориентации Рафаэль Корреа. То же — в Сальвадоре, где в марте 2009 года президентом был избран кандидат от Фронта национального освобождения имени Фарабундо Марти Маурисио Фунес. В Перу со второй попытки президентский пост занял Ольянта Умала, которого считают левым националистом.

Была близка к повороту влево и Мексика. Но кандидат-левоцентрист Лопес Обрадор дважды проиграл выборы, хотя процент голосов за него был

беспрецедентно высок. В Мексике считают, что поражение Обрадора было результатом фальсификаций. В Чили два срока подряд правили президенты-социалисты — Рикардо Лагос и Мишель Бачелет и, судя по всему, после четырёхлетнего перерыва Бачелет вернётся в Ла Монеда. Были прорывы влево в Парагвае и Гондурасе, но «непослушные США» президенты Фернандо Луго и Мануэль Селайя в результате государственных переворотов досрочно лишились своих постов.

Так что перемены, которые относят к «левому повороту», охватывают всё больше стран. Латинская Америка первой попала под вал неолиберализма, стала его испытательным полигоном. Спустя три десятилетия она же первенствует в отрицании рыночного фундаментализма, меняет направление развития. Огромный социальный долг, образовавшийся перед собственным населением, и отсутствие у государств эффективных рычагов и резервов (а подчас и политической воли) для изменения ситуации создали предпосылки для резкого поворота в настроениях избирателей, отказа в доверии ставленникам неолиберализма. Такова объективная почва выхода на авансцену альтернативных движений и лидеров.

В списке новых лидеров самым необычным, конечно, является Эво Моралес, первый индейский президент в стране, население которой на 75 процентов состоит из коренных народов кечуа и аймара. Заголовки статей о нём не отличались политкорректностью: «Эво из Боливии: лидер наркобаронов», «Визит кокаинового царя» и так далее. Англоязычные информационные агентства, как правило, негативно отнеслись к боливийскому президенту и к его «индейско-марксистскому Социализму XXI века», якобы списанному под копирку у Чавеса.

Появление на политической арене Эво Моралеса — такое же знаковое событие первых лет третьего тысячелетия, как и победа в США «афроамериканца» Барака Обамы. Пока что можно только гадать, чем в конечном счёте обернётся для США введение Обамы во власть, однако для Боливии реализация политических амбиций Эво Моралеса стала спасительным, стабилизирующим фактором. Кипящая многовековой ненавистью к «конкистадорам» индейская глубинка с надеждой поддержала своего кандидата в президенты. Он стал символом возрождения страны, которая разваливалась на глазах из-за продажности традиционной элиты, антинациональной приватизации, хозяйничанья иностранных компаний в экономике и удушающего, поистине жандармского контроля со стороны США над всеми сторонами жизни в Боливии.

Первая символическая церемония введения во власть Эво Моралеса была проведена по инкскому ритуалу на древних ступенях археологического комплекса Тиванаку. Событие стало эпохальным: в стране почти пять столетий не было правителя с индейской кровью. Вторая церемония — с вручением президентской ленты и жезла — проходила в стенах парламента. Эво не смог сдержать слёз радости, и вместе с ним — миллионы людей с индейской кровью от Огненной Земли до резерваций в США и Канаде. Уго Чавес стал главным союзником Моралеса. Поднимая индейскую тему, венесуэльский президент не раз подчёркивал, что победа Моралеса знаменует для Боливии и индейских народов Южной Америки воплощение надежды на возрождение: «Эво — прямой потомок Тупак Амару. Победа Эво стала победой Тупак Амару».

Легендарный индейский вождь долгие столетия был символом сопротивления коренных народов иноземным завоевателям. Он был схвачен испанцами и казнён в

городе Куско в 1572 году. Обращаясь к тысячам рыдающих подданных, окружавших эшафот, Тупак Амару призвал их к молчанию и сказал: «Мать-земля, Пачамама, будь свидетельницей того, как враги проливают мою кровь!» Он верил в отмщение, возрождение народа, восстановление независимого индейского государства. Правда, затянулось оно на многие столетия.

После того как Боливией завладели «белые пришельцы», дискриминация коренного населения стала одной из причин экономической отсталости и политической нестабильности и, как следствие, — уязвимости страны, масштабных территориальных потерь, утраты выхода к морю. Все последние столетия индейские народы жили как бы сами по себе, вне времени и пространства, не ассоциируя своё бытие с цивилизацией «завоевателей».

Эво Моралес родился в 1959 году в забытом Богом селении аймара Исальяви, расположенном в 150 километрах от горняцкого города Оруро. Семья жила, даже по индейским меркам, в необычайной бедности, в голоде и лишениях. Эво вспоминал, как однажды в детстве они отправились с отцом в Оруро. Несколько дней шли пешком вдоль дороги, на транспорт денег не было. И вот — мимо промчался сияющий лаком и никелем туристический автобус, из которого вылетели на обочину оранжевые шкурки апельсина. Они так заманчиво пахли, что Эво подобрал их и съел: «Они показались мне очень вкусными».

Организаторские способности Моралеса впервые проявились, когда он собрал приятелей в поселковую футбольную команду, которая прославилась бойцовским характером в самых проигрышных ситуациях. Футболу Моралес обязан своим общественным продвижением: политическую деятельность он начал в спортивном профсоюзе. После

службы в армии Эво занялся тем, чем занимались все окрестные крестьяне, — выращиванием коки. Листья этого кустарника несколько тысяч лет верой и правдой служат андским индейцам для подкрепления сил в условиях высокогорья (три-четыре тысячи метров над уровнем моря). Кока — важный элемент андской цивилизации, сохраняющий своё значение и в наш XXI век. Мешки с листьями коки — обычное дело на любом рынке Боливии. Криминализация «священного листа» началась с того момента, когда учёные научились извлекать из него хлоргидрат кокаина (в 1860 году) — один из самых известных наркотиков.

Западная пресса всячески сатанизирует крестьян, выращивающих коку (кокалерос), представляет их как пособников наркокартелей. Под предлогом борьбы с наркотрафиком продолжается наступление на права коренных народов Анд. Защищать права индейцев в Боливии было опасно и для жизни, и для возможной политической карьеры. Но Моралеса это не пугало. В 1988 году он возглавил профсоюз производителей коки. Не раз был на волоске от смерти, но выстоял.

Росло признание соплеменников. Два срока (1997–2005) Моралес был депутатом Национального конгресса, возглавлял партию «Движение к социализму». Он был одним из лидеров так называемой «Войны за воду». В 2000 году в Кочабамбе прокатились народные протесты против передачи водоснабжения города в частную собственность (компании из США).

Вскоре против приватизации водоснабжения (французским консорциумом) восстали обитатели Эль-Альто. Возвращение воды народу было первым революционным завоеванием. По мнению Моралеса и его соплеменников, доступ к питьевой воде — неотъемлемое право каждого человека, как право на воздух и землю. Они, как и все натуральные ресурсы, не должны подлежать приватизации! Так в Боливии

началась борьба с неолиберальными реформами, с приватизацией общенародной собственности в интересах частных — как правило, иностранных — монополий, с распродажей за бесценок углеводородов. Партия «Движение к социализму», индейские организации левого толка стали той силой, которая свергла неолибералов.

В декабре 2005 года Эво Моралес был избран президентом страны, а в 2009-м переизбран в соответствии с новой конституцией. Стратегической целью Моралеса и его соратников стало построение социализма с «индейским лицом»: достижение классового и расового равноправия, справедливая политика распределения государственных доходов, бесплатное образование всех уровней для всех без исключения, достойное пенсионное обеспечение. Новая конституция, которую иногда называют «чрезмерно индейской», призвана обеспечивать законность и последовательность структурных реформ. Важный аспект изменений в жизни боливийского общества — уравнивание в правах западной и индейской культур, «деколонизация», включающая изучение индейских языков, истории коренных народов, андской космогонии. По новой конституции был узаконен давно существующий индейский семицветный «в кубиках» флаг *wiphala*. Сейчас на административных зданиях индейский флаг равноправно развевается рядом с официальным — красно-жёлто-зелёным флагом Боливии.

Прежняя правящая элита Боливии не могла оправиться от шока, вызванного победами Моралеса на выборах 2005 и 2009 годов. Подконтрольные ей СМИ писали и пишут, что боливийский народ «ошибся», избрав Эво президентом. Он, мол, не обладает нужной подготовкой, плохо продумывает решения и, вообще, проводит «не тот» политический курс! Повод

придаться к президенту ищут во всём. Постоянным нападкам оппозиции подвергается его политика в области энергетики. Национализация нефтегазовых месторождений, установление государственного контроля над добычей, переработкой и коммерциализацией нефти и газа — всё это было осуществлено Моралесом в кратчайшие сроки. Оппоненты Эво Моралеса предсказывали: страну накажут, лишат инвестиций, грядёт экономическая катастрофа! Но результат был совершенно иной: впервые бюджет страны стал бездефицитным. Надо ли напоминать, что до Моралеса Боливия была «страной-побирушкой»: зависела от иностранных кредитов, подачек, субсидий, фондов содействия и тому подобной «филантропии».

Национализация железных дорог, находившихся в собственности американских и чилийских компаний, — ещё один решительный шаг Эво к нормализации экономической жизни в стране: «Когда в 1996 году началась приватизация государственной железнодорожной компании Enfe, нас заверяли в том, что уже в ближайшее время улучшится качество обслуживания пассажиров, будет обновлён подвижной состав. И где всё это? Ни одно из обещаний не выполнено, приватизация только ухудшила ситуацию в этой отрасли».

В отношениях с Вашингтоном Моралес долгое время придерживался позиции «худой мир лучше доброй ссоры». Для американцев это было признаком «слабости» боливийского президента, и они без особых оглядок на «хозяев дома», в прежних традициях безнаказанности вели подрывную работу в стране, финансируя радикальную оппозицию и сепаратистов. Работа ЦРУ и военной разведки США приобрела такой размах, что стало очевидным: готовится масштабная операция по свержению правительства.

Об угрозе покушения на него сам президент в своих выступлениях напоминал постоянно. Фактором, сдерживающим агрессивные намерения оппозиции, вдохновляемой из посольства США, являются «отряды самообороны», созданные индейскими общинами и известные под названием «ponchos rojos» — «красные пончо». Это — своего рода «запасной полк» индейского президента. Предполагают, что численность «ponchos rojos» достигает ста тысяч человек. Внутренним и внешним заговорщикам, сепаратистам в Санта-Круссе и других департаментах трудно игнорировать такую «армию». Вожди «пончос рохос» — люди зрелые, мудрые. Их авторитет в подчинённых им общинах неоспорим. У них есть оружие — старые чешские и немецкие винтовки эпохи боливийско-парагвайской войны 1930-х годов в Чако. Оружие десятилетиями хранилось в тайниках и вот — пригодилось! «Пончос рохос» помогли в своё время свергнуть проамериканского ставленника президента Санчеса де Лосаду и сейчас бдительно стоят на страже интересов «товарища Эво». Моралес заявил однажды, что «пончос рохос» в трудную минуту помогут сохранить единство страны. Это возмутило «автономистов» и некоторых военных: разве можно наделять незаконные индейские отряды полномочиями регулярной армии? Моралесу пришлось издать указ о разоружении «пончос рохос» и обмене винтовок на продовольствие. Но желающих «обменяться» не нашлось. В этом «запасной индейский полк» «товарищу Эво» не подчинился: «Если нагрянут трудные времена, он вновь убедится, что мы ему пригодимся».

Враги у Моралеса серьёзные, действуют методично и настойчиво, иногда напрямую, иногда исподтишка. Информационная война, организуемая «компетентными ведомствами» США, ведётся повседневно и наступательно, причём с такой интенсивностью, что

порой создаётся впечатление, что официальные лица Боливии только тем и занимаются, что «оправдываются». Но как не реагировать на клеветнические кампании? Эво Моралесу пришлось опровергать «сообщения» о том, что венесуэльцы создают военные базы в Боливии и приступили к передаче части автоматов Калашникова, приобретённых в России, боливийским вооружённым силам. Была запущена фальшивка о том, что партия Моралеса «Движение к социализму» поддерживает связи с баскскими сепаратистами ЭТА и с колумбийскими партизанами. Особенно часто поднимается тема тайного финансирования «революционных проектов» Моралеса. Если им верить, он получает финансовую «подкормку» из Венесуэлы, Ливии, Ирана и других стран, «тяготеющих к оси зла».

С политической деятельностью Эво неразрывно связана тема коки. Западный мир, граждане которого являются самыми зависимыми и платёжеспособными потребителями наркотиков, безуспешно борется с опасным для судеб цивилизации разрушительным пороком — наркоманией. В этих обстоятельствах ответ на вопрос — кто виноват в экспансии традиционных наркотиков? — звучит, как правило, стереотипно: виноваты крестьяне. Это они выращивают исходное сырьё, не понимая всей серьёзности и остроты наркопроблемы. Международная комиссия по контролю над наркотиками при ООН рекомендовала правительствам Перу и Боливии «принять меры по пресечению укоренившейся в этих странах практики пожеванию листьев коки», поскольку эта привычка может негативно повлиять на здоровье людей. Фактически международная комиссия запретила индейцам Анд жевать листья коки! Нет сомнения, что к выработке рекомендаций приложили руку лоббисты из Вашингтона. Американцы крайне недовольны излишней

«самостоятельностью» боливийцев в определении ключевых направлений борьбы с наркобизнесом, их недостаточным «рвением» в сокращении посадок кустарника коки и тем, что во главу угла всей политики в данной сфере ставится ведение конструктивного диалога с «кокалерос» (а не силовые методы). Для правительства Эво Моралеса крестьяне, выращивающие коку, — невольные жертвы наркобизнеса. Поэтому главный упор делается на выявление наркодельцов, нарколабораторий, каналов переброски наркотиков и т. д.

В андских странах, прежде всего в Перу и Боливии, доклад комиссии ООН оценили как необъективный, с «сильнейшим креном в сторону колониализма, как покушающийся на базовые принципы бытия коренных народов Южной Америки и ведущий к уничтожению значительной части индейского культурного наследия». Эво Моралес направил соответствующее письмо Генеральному секретарю ООН. В марте 2009 года Моралес во главе делегации «кокалерос» прилетел в Вену на заседание комиссии ООН и, выступая с докладом, демонстративно пожевал лист коки. «Это не кокаин, это лекарство для народа. Недопустимо, чтобы лист коки был в списке запрещённых препаратов. В своём естественном виде он не вредит здоровью человека», — заявил Моралес и призвал к пересмотру международного законодательства, предусматривающего наказание за выращивание коки. Боливия добилась того, что комиссия ООН согласилась с её точкой зрения и в январе 2013 года после международных консультаций сняла с жителей Боливии запрет жевать листья коки (правда, только на 25 лет).

Нужно отметить, что сейчас в Боливии, как и в соседних с ней странах, проводится большая работа по бытовому и продовольственному использованию коки. Карамель, витаминизированная добавка в муку,

тонизирующий чай, зубная паста — всё это варианты применения листьев коки. А жевать их в андских странах будут и впредь, несмотря на все «рекомендации», «дружеские советы» и зуботычины от различных международных комиссий. Традиции есть традиции.

Американский посол Филипп Голдберг не раз получал предупреждения боливийского правительства о недопустимости враждебных действий. Когда терпение Моралеса иссякло, был объявлен персоной non grata и сам Голдберг, а потом, поочерёдно, выдворены из страны самые активные сотрудники ЦРУ и ДЕА. Были предприняты шаги против некоторых боливийцев — установленных агентов американских спецслужб. Президент Моралес, уверенный в том, что полиция и армия «кишат агентами ЦРУ», взял под личный контроль силовые структуры. Были отправлены в отставку полицейские чины и военные, «засветившиеся» тесными связями с американцами. Прекращена практика отправки военнослужащих на подготовку в «Школу Америк» (В настоящее время «Школа Америк» находится в Форт-Беннинг, штат Джорджия (США).), как и вся программа военного сотрудничества с Соединёнными Штатами. 1 мая 2013 года Эво Моралес объявил о прекращении деятельности в Боливии Агентства по международному развитию (USAID). Эта мера была вызвана тем, что работающие в Боливии американцы вмешивались в работу крестьянских профсоюзов и других социальных организаций, настраивая их против правительства.

Не последовал Моралес «рекомендациям» Вашингтона «не дружить» с Каракасом и Гаваной. На церемонии, посвящённой успешному завершению кампании по борьбе с неграмотностью в департаменте Оруро, в которой принимали участие венесуэльские и кубинские добровольцы, Моралес чётко обозначил своё

отношение к Фиделю Кастро и Уго Чавесу: «Эти президенты, эти команданте, и в самом деле являются командующими освободительными силами всей Америки и, мы надеемся, — всего мира».

Противники новой власти пытаются скомпрометировать то позитивное, что предпринимает в стране президент-индеец. Однако трёхцветная лента на груди Эво подтверждает: коренные народы не стёрты со страниц истории, они вернулись, и вернулись с самыми серьёзными намерениями.

Своеобразным итогом работы подлинно национального правительства Боливии стал «Манифест Острова Солнца», с которым Эво Моралес выступил в конце 2012 года. Исходя из опыта своей страны, Моралес сформулировал основные принципы построения нового общества (См.: Боливия предлагает стратегию освобождения от неолиберализма, или Манифест Острова Солнца, <http://tiwv.com/leer.phtml?id=5140>).

По словам хорошо знающих его людей, Эво Моралес никогда не сдаёт своих принципиальных позиций и равнодушен к благам обеспеченной жизни, то есть к великому горю своих врагов — «непроницаем для коррупции».

На своём высоком посту Моралес работает на износ, очень мобилен и всегда находится в центре событий, «на виду», чем очень напоминает Уго Чавеса. В пять утра Моралес уже на ногах. В шесть — проводит ежедневные заседания Совета министров. Телохранители президента не выдерживают интенсивного графика его работы, увольняются после нескольких месяцев службы. Моралес не отказался от своих «допрезидентских» привычек: по-прежнему предпочитает простую народную еду, не изменил своему стилю в одежде — свитерам и курткам. Правда,

сейчас они элегантнее, чем во времена его профсоюзной и партийной деятельности.

При всей загруженности делами Эво находит время в выходные дни выйти на футбольное поле! Неисправимый популист! Трудно представить, чтобы президенты — предшественники Моралеса — Гонсало де Лосада, Карлос Меса и другие — до седьмого пота гоняли мяч в каком-либо дружеском турнире. Вот это их и раздражает. Эво играет с энтузиазмом, не жалея ни себя, ни соперников. Во время одного из матчей президенту сломали нос. Последующую операцию недобросовестные журналисты подали «пластикой в стиле Майкла Джексона» — якобы Моралес «подправил свой чересчур индейский нос».

Колоритная фигура первого президента-индейца — заманчивый объект для всех пишущих о Латинской Америке. Поэтому многие позавидовали известной мексиканской писательнице Елене Понятовской, которую журналистские дороги свели с бывшей подругой Эво Моралеса. Она-то и приоткрыла завесу таинственности над личной жизнью Эво.

Невысокая и худенькая Мария Луиса Ресендис Уртадо — президент Союза индейских и крестьянских женщин штата Керетаро в Мексике. Эво и Мария познакомились в 1991 году в Гватемале, куда приехали на Международный конгресс, посвящённый пятисотлетию индейского сопротивления.

Симпатичный индеец из Боливии рассказывал на форуме о проблемах крестьян-кокалерос, о том, что кока для боливийцев — то же, что маис для мексиканцев, и что злое ЦРУ хочет уничтожить плантации этой традиционной для аймара и кечуа культуры.

Когда форум завершился, Эво и Мария, прощаясь, обменялись адресами. Так началась многолетняя переписка. Эво становился всё более заметным

индейским активистом, его приглашали во многие страны, и он отовсюду писал Марии. А она с того памятного 1991 года стала носить в сумке его фотографию. В 1993 году Эво прилетел в Мексику. Они встретились и были в те дни, как вспоминает Мария, невероятно счастливы.

Эво не раз звал Марию в Боливию, но она не решалась покинуть родину. Их переписка, разговоры по телефону продолжались до самого избрания Эво Моралеса президентом страны. Потом всё кончилось. Ни писем, ни звонков.

Они так и не обзавелись семьями (В последнее время Эво Моралес часто выезжает на международные форумы с дочерью Эвой Лис (р. 1994). Её мать — Франсиска Альварадо, журналистка. Моралес признал своё отцовство только в 2002 году после судебного разбирательства.). Накануне его избрания президентом поговаривали, что Моралес скоро женится, однако сам он отшутился: «Моя любовь — Боливия!» Полной противоположностью «необразованному индейцу» Моралесу можно считать президента Эквадора Рафаэля Корреа — экономиста-профессионала международного класса.

Эквадору долгое время не везло на правителей. Специфической особенностью политической жизни страны была президентская чехарда. Даже по латиноамериканским понятиям шесть эпизодов такого рода за период с 1997 по 2006 год — явный перебор. С инаугурацией каждого из президентов у эквадорцев пробуждалась надежда на лучшее будущее, реформирование страны на основах социальной справедливости и реальной демократии. Однако иллюзии быстро проходили. Эксцентричный Абдала Букарам был отстранён «за умственную неспособность к управлению». Хамиль Мауад, старавшийся не перечить Вашингтону, не оправдал народных чаяний и

был свергнут при необычайно активном участии индейских организаций. Власть оказалась в руках «бананового короля» Альваро Нобоа, самого богатого человека в стране, который обещал эквадорцам золотые горы, но защищал интересы ТНК и свои собственные.

Когда подполковник Лусио Гутьеррес победил на выборах 2002 года, протестный электорат переживал эйфорию: в Эквадоре появился свой Чавес! Вот кто вытащит страну из перманентного кризиса, наметит чёткую программу действий, призовет олигархов к порядку! Оказалось, что Гутьеррес был всего лишь имитатором образа «решительного борца» за социальные права народа. Вашингтон рекомендовал ему держаться подальше от венесуэльского «тирана», и покладистый президент так и не решился на визит в Венесуэлу, зато зачастил в Вашингтон. Он слепо следовал рекомендациям МВФ, считая, что с его помощью сумеет стабилизировать национальную экономику. Но инфляция в стране стремительно росла, коррупционеры разворовывали государственную казну, а обещанная национализация нефти так и осталась предвыборной наживкой для электората. Попытки Гутьерреса править «железной рукой» привели к массовым народным протестам, уличным столкновениям и жертвам. Конгресс отстранил его от власти.

В отличие от Гутьерреса почти неизвестный на международной политической арене Рафаэль Корреа перед выборами съездил в Венесуэлу, встретился с Чавесом и в ноябре 2006 года одержал победу на президентских выборах как кандидат левых сил и прогрессивных индейских организаций. После того как он посетил Каракас, столицу Боливарианской революции, и пожал руку «популисту» Чавесу проамериканская пропаганда стала подавать его как

«элемент» дестабилизации и «гарантированного» углубления социально-классовых конфликтов в Эквадоре. Однако сближение с Чавесом только способствовало росту популярности Корреа. Эквадорцы поверили, что этот молодой политик способен покончить с двадцатилетним засильем хищнического капитализма и неолиберальными экспериментами под лозунгом «рынок решит все проблемы».

Рафаэль Корреа родился 6 апреля 1963 года в городе Гуаякиле. Его детские годы были омрачены семейной драмой, которую оппозиция пыталась использовать для компрометации нового лидера. Отец Рафаэля провёз в США наркотики, был арестован и попал в тюрьму. В семье скрывали правду от мальчика, говорили, что отец работает в далёкой Америке. Матери пришлось одной содержать семью. Она готовила обеды, которые Рафаэль после школьных уроков разносил клиентам, служащим небольших фирм. «У меня было суровое детство, — не раз говорил Корреа, отбиваясь от обвинений по поводу «связей его семьи с наркотрафиком». — Какова моя вина в том, что совершил отец, когда мне было пять лет? Он умер тринадцать лет назад, и я не берусь судить его. Отец был жертвой системы, отчаявшимся безработным, как и многие другие».

У президента Эквадора хорошее образование: он окончил Католический университет в своём родном городе, потом учился на «казенные стипендии» в университетах Бельгии (В Бельгии в 1990 году Корреа познакомился со своей женой Анной Мальхербе, бельгийкой; в настоящее время она преподаёт в одной из школ Кито; по семейной договорённости роль первой леди не исполняет; в семье трое детей: София, Анна Доминик и Рафаэль Мигель.) и США, специализируясь на финансово-экономических проблемах. В университете Иллинойса Корреа в 2001 году защитил докторскую

диссертацию. Его незаурядные способности были замечены, и в апреле 2005 года ему предложили пост министра экономики и финансов в правительстве Эквадора. Однако отсутствие «политкорректности» в высказываниях Корреа (в частности, критика в адрес МВФ и Всемирного банка) стало причиной конфликта с президентом Паласио и последующего ухода с должности. Харизматичность, молодой задор, энергичная, понятная народу речь Корреа в одночасье превратили его в популярного политика. Корреа называет себя католиком-гуманистом, борцом за социальную справедливость и всестороннее развитие страны. При случае он напоминает, что не является марксистом, хотя к марксистской доктрине относится с уважением.

В Эквадоре, как и в других андских странах, значительную часть населения составляют коренные народы — не менее 40 процентов. Накануне официального вступления на пост президента индейские общины объявили Рафаэля Корреа главой эквадорцев на своей традиционной церемонии, которая прошла в провинции Котопакси, неподалёку от городка Сумбауа. Это место было выбрано не случайно. Ещё студентом Рафаэль провёл там год добровольцем, обучая индейцев математике и грамоте. Он и сам учился у индейцев, овладел языком кечуа. Значение этой церемонии посвящения в вожди невозможно переоценить. Впервые за всю новейшую историю Эквадора представители индейских общин участвовали в инаугурации. На церемонии присутствовали президенты Боливии Эво Моралес и Венесуэлы — Уго Чавес. Жрецы провели с Корреа обряд очищения и вручили ему жезл и пончо как символы власти. В своём выступлении Корреа заявил, что «неолиберальная ночь заканчивается и в Латинской Америке начинается

новый день более справедливых, суверенных и достойных государств».

Принятие новой конституции на общенациональном референдуме стало для Эквадора эпохальным событием. Президенту Корреа, выступившему с этой инициативой, пришлось преодолеть упорное сопротивление олигархических кругов, обслуживающей их традиционной политической элиты и военно-полицейских структур, денационализация и продажность которых достигла критического уровня. Эквадорский лидер последователен в реализации проекта по строительству «Социализма XXI века», но без какого-либо подражательства и копирования боливарианского опыта реформ в Венесуэле.

По примеру Венесуэлы и Боливии Корреа начал с наведения порядка в энергетике, добился получения справедливых доходов от нефтедобычи, пересмотрел контракты с иностранными компаниями и восстановил членство в ОПЕК. Мужественным шагом президента стало его решение отказаться от выплаты внешнего долга. Под его руководством специалисты смогли доказать несправедливость и незаконность всех «долговых обязательств».

Соединённые Штаты не раз давали понять, что считают «неприемлемой» ориентацию Корреа на «радикальный популизм по модели Чавеса». Крайне болезненно воспринял Пентагон решение эквадорца закрыть в 2009 году базу ВВС США в Манте. «Скорее мне отрежут руку, чем я подпишу документ о продлении контракта на аренду», — заявил Корреа. Сейчас на территории Эквадора американских военных баз нет. Президент Эквадора без колебаний высылал из страны сотрудников ЦРУ и ДЕА, уличённых в подрывной деятельности.

В сентябре 2010 года при содействии спецслужб США была предпринята попытка осуществить

государственный переворот и убить президента. Почти девять часов его немногочисленная охрана отбивала атаки заговорщиков. Частные телеканалы вели прямые репортажи с места события, предвосхищая неизбежность трагической развязки. Армейские подразделения вмешиваться в эти события не спешили. «Нам требовалось время для адекватной оценки ситуации», — объясняли позднее генералы. На самом деле те из них, которые участвовали в заговоре, выжидали, надеясь, что вся «грязная работа» будет сделана полицией. Только после этих событий Корреа по-настоящему обратил внимание на угрожающее проникновение Пентагона и спецслужб США во внутренние дела страны. Президент решил сломать эту традицию. В частности, было покончено с направлением офицерского состава на обучение в «Школу Америк». Предпочтение стало отдаваться учебным заведениям в дружеских странах, включая Венесуэлу, Кубу и Бразилию. По указанию Корреа были налажены связи с альтернативными поставщиками вооружений, в том числе из России и Китая.

Публикация материалов WikiLeaks привела к новому обострению отношений. Посол США Хизер Ходжес в переписке с Вашингтоном отзывалась о Корреа как «эмоционально незрелом и морально нестойком» человеке. Она обвиняла президента в том, что он выдвигает на руководящие посты коррумпированных чиновников и сотрудников полиции якобы для того, «чтобы ими было легче манипулировать». Для Корреа такие характеристики были оскорбительными. В апреле 2011 года Ходжес пригласили в министерство иностранных дел, и она «не смогла дать удовлетворительных объяснений по поводу содержания телеграммы». В итоге ей было рекомендовано «как можно скорее покинуть территорию Эквадора».

Новый посол США Адам Намм прибыл в Кито в мае 2012 года. Он попытался успокоить Корреа и его сторонников миролюбивыми заявлениями: «Мы заинтересованы в свободном демократическом развитии Эквадора, для чего будем сотрудничать с политическими партиями и гражданским обществом», «ЦРУ не ведёт подрывной работы в вашей стране, USAID занимается только своей прямой деятельностью и никакой другой». Однако на деле Рафаэля Корреа по-прежнему относят в США к «недружественным политикам». Кто угодно, но только не он на посту президента! Чтобы укрепить оппозицию, предвыборное «финансирование» из американских «неправительственных» фондов получали практически все конкуренты Корреа.

В феврале 2013 года Рафаэль Корреа в третий раз стал президентом, набрав 57 процентов голосов. Выступая перед журналистами, эквадорец заявил, что посвящает победу «команданте Уго Чавесу, великому лидеру Латинской Америки, который изменил Венесуэлу».

В одном ряду с Уго Чавесом, Эво Моралесом и Рафаэлем Корреа стоит имя президента Аргентины Кристины Фернандес де Киршнер. После Эвы Перон это самая яркая женская фигура на аргентинской политической сцене.

Кристина, как её называют на родине, однажды сказала: «Если я и идентифицирую себя с Эвой, то с той, которая стоит у микрофона, подняв сжатый кулак». Эвита была идиолом, надеждой, опорой и глашатаем всех униженных и оскорблённых в Аргентине в середине 1940-х — начале 1950-х годов. Она их называла *mis descamisados* — «мои безрубашечники» и делала всё возможное, чтобы социальная справедливость стала для них не абстрактным понятием, а реальностью. По словам Фернандес, Эвита

всегда была близка ей именно этим: «Если есть необходимость проводить параллели, то хотелось бы, чтобы нас сравнивали как политиков, борющихся за социальные права простых людей».

Кристина появилась на свет в местечке Рингелет (в окрестностях города Ла-Плата) 19 февраля 1953 года. Её отец, Эдуардо Фернандес, из испанских эмигрантов, работал водителем городских автобусов. Он разочаровался в семейной жизни и сбежал в неизвестном направлении, когда Кристи не было и десяти лет. Мать её, Офелия Эстер Вильхельм, немка по происхождению, поощряла в дочери самостоятельность, независимость, умение добиваться поставленной цели, несмотря на житейские, финансовые и прочие проблемы.

Приобщение к политике началось на юридическом факультете университета Ла-Платы. В первый студенческий год Кристина стала членом «Фронта объединений имени Евы Перон», который позднее трансформировался в организацию «Перонистская университетская молодёжь». Это был легальный филиал нелегальной группировки городских партизан «монтонерос».

В 1975 году Кристина вышла замуж за Нестора Киршнера. Репрессии военной диктатуры (1976–1983), исчезновения и убийства многих друзей заставили молодую семью Киршнер перебраться на родину Нестора — в провинцию Санта-Крус в далёкой Патагонии. Они занялись адвокатской практикой, связанной с торговлей недвижимостью. Работали не покладая рук, дела шли успешно, материальное благополучие семьи улучшалось. Появились дети: сын Максимо и позднее — дочь Флоренсия.

После краха военной диктатуры Киршнеры вновь занялись активной политикой. Нестор был избран сначала мэром Рио-Гальегоса, столицы Санта-Круса, а

потом губернатором провинции. Кристина возглавляла его избирательные команды, набиралась политического опыта, училась разоблачать и предотвращать чёрные «пиар-операции» соперников. В мае 2003 года Нестор Киршнер занял высший государственный пост.

Кристина, безусловно, сыграла важную роль в карьере мужа. Но у неё были свои амбиции. Она выстраивала собственную политическую карьеру: первая ступенька — член Законодательного собрания в провинции Санта-Крус, затем — депутат и сенатор Национального конгресса Аргентины. Порой по популярности она затмевала Нестора. В декабре 2007 года Кристина Фернандес получила из рук мужа символы власти — президентский жезл и бело-голубую нагрудную ленту.

Доктрина «хустисиализма» предполагает построение справедливого общества «третьего пути» — между капитализмом и социализмом. По традиции «хустисиалисты» стараются делать акцент на социальных проектах. Кристина обозначила содержание своей социально-экономической программы как продолжение «хустисиалистского» курса правительства Нестора Киршнера. Иначе и быть не могло. За четыре года правления он сумел вдохнуть в народ оптимизм, нейтрализовать последствия кризиса, в который ввергли страну экономические эксперименты, проводившиеся неолиберальными правительствами в 1980—1990-е годы. Аргентинцы до сих пор с ужасом вспоминают тот период безудержного разграбления государственного сектора национальной экономики. Приватизаторы давали щедрые обещания, гарантировали эффективный рынок и небывалое процветание. Всё оказалось обманом: в традиционно благополучной Аргентине, снабжающей мясом и пшеницей полмира, дети начали умирать от голода. Безработица, дороговизна, отсутствие крыши над

головой, циничное высокомерие власти — всё это привело к небывалому росту социальной напряжённости.

Нестор Киршнер круто изменил экономический курс страны. ВВП пошёл в рост, заметно снизилось число безработных, были повышены минимальная заработная плата, пенсии и социальные пособия. Поэтому когда Кристина и её «Фронт за победу», объединяющий перонистов, радикалов и бывших социалистов, начали предвыборную кампанию, их поддержали в первую очередь бедняки, жизнь которых за время президентства Нестора Киршнера начала улучшаться.

Кристина продолжила процесс деприватизации, начатый Нестором Киршнером. Под контроль государства стали возвращаться стратегически важные предприятия. Так, был аннулирован контракт со смешанной европейской компанией, которая в 1993 году приватизировала «Агуас Архентинас» («Воды Аргентины»). Иностранцы провели «оптимизацию» компании, результатом которой стали резко возросшие тарифы на воду и сокращение рабочих мест — более половины служащих были выброшены на улицу. При Кристине водоснабжение и питьевая вода перестали быть частной собственностью. Государство вернуло себе компанию «Аргентинские Аэролинии». Она была приватизирована с множеством коррупционных нарушений испанской компанией «Марсанс». Погоня за прибылью, избавление от «лишнего персонала», безудержная эксплуатация тех, кто остался в штате, доведение аэропарка до критического состояния — вот и вся «модернизация», которую осуществили испанские хозяева. Под контроль государства вернулся завод, строящий военные самолёты, который был приватизирован американской компанией «Локхид Мартин». Парламент почти единодушно одобрил национализацию частных пенсионных фондов. Эти

фонды, созданные по чилийской модели, показали свою неэффективность и уязвимость для коррупционных махинаций.

В обществе проводимую национализацию встретили в целом позитивно. Самый восторженный отклик аргентинцев получило объявление о «деприватизации» трансляции футбольных матчей. Право показа в Аргентине футбольных матчей приватизировал медиахолдинг «Группа Кларин». В течение почти двадцати лет большинство матчей транслировалось только по коммерческим кабельным каналам, а за наиболее интересные игры со зрителями взималась дополнительная плата. После «национализации футбольных трансляций» аргентинцы смотрят матчи бесплатно на государственном телевидении, а доходы от рекламы, показываемой в это время, идут на развитие спорта.

Быстрому восстановлению экономики Аргентины из «неолиберальных руин» способствовал курс на активизацию всесторонних отношений с Венесуэлой, начатый Нестором Киршнером и продолженный Кристиной. Она всегда выступала в защиту стратегического альянса с Венесуэлой: «В энергетическом снабжении Латинской Америке не обойтись без Боливии и Венесуэлы. Латинская Америка нуждается в Чавесе точно так же, как Европа — в Путине. До Чавеса все венесуэльские энергоресурсы на грабительских условиях направлялись в США».

Вашингтон пытался вбить клинья раздора между Каракасом и Буэнос-Айресом. И Нестор, и Кристина щедро осыпались «звездно-полосатыми» комплиментами как «демократы без страха и упрёка», и всякий раз после этого следовал риторический вопрос: что общего может быть у них с Чавесом, этим популистом и потенциальным диктатором? Но как не вспомнить, что в сложнейший для экономики Аргентины

момент на помощь пришла именно Венесуэла. Многомиллионная финансовая поддержка, масштабные закупки сельскохозяйственной продукции, поставки энергоресурсов по льготным тарифам, распределение венесуэльских государственных заказов на аргентинских предприятиях, в том числе на строительство танкеров (один из них получит имя «Ева Перон»), — всё это только часть интенсивного торгово-экономического сотрудничества. Оппозиция в обеих странах подвергала его безапелляционной критике. В Венесуэле преобладал тезис: «Пропадут наши денежки!» В Аргентине враги сближения нажимали на то, что «хитроумный Чавес пытается навязать стране популистский режим».

У Киршнеров есть влиятельные противники в силовых структурах. Нестор аннулировал законы об амнистии, принятые при президенте Карлосе Менеме в отношении преступлений военной диктатуры 1976–1983 годов. В Аргентине в те годы погибло около тридцати тысяч человек. При Киршнерах из архивов извлекли сотни дел, начались судебные процессы по делам военнослужащих, которые совершили преступления. Конечно, это только усилило недовольство оппозиции.

Серьёзным дестабилизирующим фактором был конфликт правительства с производителями аграрной продукции. Западные СМИ подавали его как «недовольство фермеров» или даже просто «крестьян» политикой правительства. На самом деле мировой рост цен на зерновые привёл к тому, что аргентинские землевладельцы стали продавать за рубеж ббльшую часть урожая сои, пшеницы и кукурузы. Автоматически выросла стоимость продуктов питания внутри Аргентины. Чтобы остановить рост цен, правительство через повышение экспортных пошлин хотело заставить сельхозпроизводителей оставлять больше продукции для внутреннего рынка. Сельскохозяйственные

«бароны» пошли на ответные действия. Тон задавали четыре крупнейших агрокомплекса, в директивных органах которых преобладали представители ультраправых сил Аргентины, включая бывших военных. Именно эти «крестьяне» перекрывали автомагистрали, выливали на дороги молоко, перестали поставлять сельхозпродукты в городские магазины, что привело к их дефициту и удорожанию. Это был откровенный шантаж.

Кристина Фернандес не скрывала своего возмущения и назвала протесты «клоунадой». Тем не менее некоторые слои городского населения, в особенности «средний класс», присоединились к протестам. Они, стуча кастрюлями, устроили на улицах городов, в том числе столицы, марши поддержки. «Единственное препятствие на пути к экономическому процветанию и счастью народа — это правительство Фернандес» — такое заявление звучало на митингах оппозиции.

Сторонники Кристины тоже проводили многолюдные манифестации в поддержку своего лидера. На одном из митингов она выступила с балкона президентского дворца, с которого Ева Перон не раз обращалась к «безрубашечникам». Возможно, это была одна из лучших речей Фернандес за всю её политическую карьеру. Она говорила так, словно от этого выступления зависела судьба Аргентины. Решение о повышении таможенных пошлин, объясняла она, принималось «для того, чтобы все аргентинцы смогли жить намного лучше», чтобы «доходы распределялись справедливо», что в действиях правительства «не было намерения навредить кому-либо». Она призвала оппонентов расчистить дороги и дать возможность аргентинцам жить и работать нормально. «Нам необходимо научиться разрешать наши разногласия демократическим путём», — взывала

она. «Средний класс из-за своих предрассудков часто кончает тем, что действует против своих же интересов. Интересы среднего класса такие же, что у всех тружеников, нужно учиться видеть дальше того, что нам показывают по телевидению».

После того как сенат не поддержал правительство и проголосовал против повышения налогов, Кристина Фернандес отменила постановление, положив, таким образом, конец затяжному конфликту. Но от своих долгосрочных планов она не отказалась и продолжала утверждать, что «пережитки» неолиберализма наносят колоссальный вред политике и экономике.

Политическое противостояние в Аргентине нарастает с каждым днём. Всё громче залпы информационной войны. Возможно, некоторым утешением для Кристины послужит тот факт, что Ева Перон тоже была объектом такой войны. В конце 1940-х годов, когда Соединённые Штаты делали всё, чтобы свергнуть тогдашнего «популиста» — президента Хуана Перона, американская пропаганда распространила фальшивку о том, что Ева Перон была агентом Абвера. Для подкрепления версии резидентура ЦРУ в Монтевидео издала книгу с «подлинными документами» германской разведки о шпионской деятельности Евы Перон.

И вот через полвека предпринята попытка компрометации другой неудобной Вашингтону фигуры. На этот раз «главным доказательством» стал чемоданчик почти с миллионом долларов, которые были якобы направлены Чавесом на финансирование избирательной кампании Кристины. Владелец чемодана — «доверенное лицо Чавеса», некий Антонини Вильсон, — был задержан в аэропорту Буэнос-Айреса. Вильсона быстро отпустили, но доллары изъяли для выяснения всех обстоятельств их ввоза. Буквально на следующий день Вильсон оказался в Соединённых

Штатах, куда вылетел не по венесуэльскому, а по американскому «запасному паспорту». С этого и начался в Майами громкий процесс по «золоту Чавеса и Фернандес». Кристина назвала эту кампанию «Операцией мусор», разработанной «на мусорных свалках международной политики».

«Левый поворот» Латинской Америки, как уже отмечалось, стал ответом на катастрофические последствия неолиберальных реформ.

И здесь есть смысл привести точку зрения философа и социолога А. Тарасова: «“Левый поворот” — термин поверхностный, ничего не объясняющий... Между тем признанные вожди этого “левого поворота” сами таким термином не пользуются. Более того, они (в частности, президент Венесуэлы Уго Чавес, президент Боливии Эво Моралес, президент Никарагуа Даниель Ортега) честно и постоянно называют вещи своими именами: говорят о континентальной революции. Идея континентальной революции для Латинской Америки не нова. Это идея Симона Боливар и Хосе Марти. Уже они понимали, что по-настоящему успешная революция в Латинской Америке может быть только континентальной — и Боливар неявно (в форме опасений), а Хосе Марти совершенно открыто связывали это с существованием мощного и хищного северного соседа — США. А в 1960-е с концепцией такой революции прямо выступил Эрнесто Че Гевара... Как бы то ни было, сегодня в Латинской Америке стал обретать черты реальности план Че Гевары — план континентальной антивашингтонской революции. Правда, революции пока в основном мирной... Конечно, это не совсем то, о чём мечтал Че Гевара. Но это — совсем не то, о чём мечтали в Вашингтоне... Такого мощного левого антиамериканского блока в Латинской Америке не было никогда»(Тарасов Л. Не «левый поворот», а континентальная революция. «Русский журнал» //

<http://www.russ.ru/pole/Ne-levvi-povorot-a-kontinental-nava-revoluciva> (Александр Тарасов — социолог, директор Центра новой социологии и изучения практической политики «Феникс».)).

Глава 26

ЧАВЕС И РОССИЯ

Санкции, объявленные Вашингтоном в отношении «Рособоронэкспорта» и российской компании «Сухой», у Чавеса не вызвали беспокойства. Обсуждая этот шаг Соединённых Штатов с министром обороны, президент убеждённо сказал, что русские далеко не те, какими были десять лет назад: предостерегающие окрики из Вашингтона на них уже не действуют. Санкции мотивировались военно-техническим сотрудничеством России с Ираном и были введены на основании внутреннего американского закона, запрещающего отношения подобного рода с этой страной. В Министерстве обороны России объяснили со знанием дела, что Иран тут ни при чём: санкции вызваны солидными контрактами «Рособоронэкспорта» на поставки оружия Венесуэле и «недобросовестной конкуренцией со стороны США на рынке вооружений».

Визит президента Венесуэлы в Россию 28 июня 2007 года начался с культурной программы. В Москве, в Библиотеке иностранной литературы, Чавес открыл Латиноамериканский культурный центр имени Симона Боливара. По мнению журналистов из левых изданий, «Иностранка», «цитадель прозападных настроений», была избрана для встречи Чавеса с общественностью специально. Как пишет один из этих авторов, библиотека «отнюдь не является оплотом прогрессивной мысли», вокруг неё «кучкуются самые махровые прозападные антироссийские личности и общественные организации. Замысел явно был в том, чтобы “упаковать” революционный порыв Чавеса в Москве в душную, пропитанную антироссийским

нафталином обстановку учреждения», которое специализируется «на борьбе с идеалами социализма XXI века, одним из лидеров которого как раз является Чавес»(1См.: Тетёкин В. Неудержимый // Советская Россия. 2007. 30 июня. Журналист оказался прав: со временем Латиноамериканский центр был вынужден «переехать» в Большой Каретный переулок в посольство Венесуэлы.).

Во время одного из предыдущих визитов Чавес выступил в Институте философии РАН, где его принимали очень тепло, как соратника, единомышленника, подлинного революционера. На этот раз «принимающая сторона» не хотела подобных манифестаций.

Главным официальным лицом на церемонии был мэр столицы Юрий Лужков. В соответствии со схемой «рассадки» слева от президента оказался Михаил Швыдкой, руководитель Федерального агентства по культуре и кинематографии. Было заметно, что Чавес успел получить от своего посла характеристики на участников церемонии и поэтому предпочёл общаться с «русским патриотом» Лужковым. Со Швыдким президент обменялся скупыми протокольными словами, точно зная, что он — ультралиберал.

Но там, где появляется Чавес, спокойные академические речи невозможны. Пример подал сам Юрий Лужков. В своём выступлении он с истинно латиноамериканским темпераментом критиковал глобалистскую концепцию Вашингтона: «Не может быть однополярного мира, который навязывает нам одна страна, которая хочет подчинить себе весь мир, навязывает голливудскую культуру — эта культура не всегда отражает глубинные потребности человечества».

В ответном слове Чавес говорил о славной истории России, её, несомненно, великом будущем. В своей

эмоциональной речи он сказал тёплые слова о героическом и трудолюбивом русском народе. Венесуэльский президент продолжил тему, начатую Ю. Лужковым, — о многополярном мире, о необходимости противодействия Империи, о блестящих перспективах, которые объединяют Россию и Венесуэлу на путях к возрождению. Он поблагодарил Россию, которая, не оглядываясь на США, помогает его стране оставаться независимой, и рассказал, почему Венесуэла была вынуждена обратиться к Москве, после того как некоторые страны под давлением США отказались помогать Венесуэле модернизировать армию.

Чавес показал, что он изучал историю российских народных революций, призвал по-новому перечитать труды Ленина и не спешить с отказом от его наследия. Он коснулся темы развала Советского Союза, подчеркнув, что с сожалением относится к трагическому финалу его существования. «Но не исчезли Россия и народы, которые её составляют, — сказал президент. — Сегодня они живы, как никогда. Сегодня Россия возрождается. Россия снова воспрянула как центр силы». Чавес сказал, что на встречу в библиотеку пришли венесуэльские военные пилоты: «США запретили поставку в Венесуэлу самолётов, построенных по их технологиям, но уже через четыре месяца над Каракасом летали российские СУ. Американцы не хотят сильной России. Поэтому они намерены разместить системы ПРО рядом с вашими границами. Мы хотим продолжить сотрудничество с Россией, и именно поэтому я приехал сюда опять. Давайте спасём мир и спасём человечество!» Острых выпадов в адрес США Чавес не делал, понимая, что не должен создавать трудностей Путину перед его визитом в США. Но и совсем отказаться от критики он не мог: «Мы собрались здесь, чтобы поговорить о свободе, настоящей свободе, а не свободе суперменов,

не о той свободе, о которой говорит североамериканский империализм, угрожая народам планеты, вторгаясь в другие страны, разрушая города, уничтожая культурные ценности с тысячелетней историей. Или мы победим американский империализм, или он нас. Так когда-то сказала Роза Люксембург. И я хочу ещё раз повторить эти важные слова. Мы боремся за многополярный мир и справедливость. Если американская Империя захочет напасть на Венесуэлу, пусть она знает: мы готовы умереть, защищая суверенитет нашей страны. Мы все умрём ради независимости Венесуэлы!» Несмотря на специфический характер слушателей — преобладали официальные лица, дипломаты, западные журналисты и чиновники «среднего звена», — Чавес сумел расшевелить аудиторию. Его речь неоднократно прерывалась аплодисментами.

Встреча Путина и Чавеса проходила в Ново-Огарёве. На переговорах были затронуты ключевые темы сотрудничества: энергетика (цены на нефть и газ, участие России в нефтегазовых проектах на территории Венесуэлы), взаимные инвестиции, а также поставки российских вооружений оборонительного характера. Чавес поддержал позицию России в отношении планов США по развертыванию ПРО в Чехии и Польше. По оценкам западной прессы, встреча не отличалась «особой теплотой», но желаемое было выдано за действительное: беседа была тёплой, откровенной и дружественной. Журналисты отметили, что в зал переговоров Путин и Чавес вошли вместе. Обычно президент России встречает гостей уже в зале.

В заключение Владимир Путин пригласил Уго Чавеса поужинать вместе. Такие предложения президент России делает в исключительных случаях — гостям, которых ценит и к которым относится с доверием.

Да, публичности было меньше, чем обычно. Создавалось впечатление, что российская сторона старалась придать этой встрече более сдержанный характер. Путин готовился к визиту в Соединённые Штаты и, судя по всему, не хотел, чтобы традиционные выпады гостя в адрес Буша, «нашего американского партнёра», прозвучали с российской территории.

На бизнес-форуме в Торгово-промышленной палате России Чавес подробно рассказал об особенностях развития венесуэльской нефтедобычи и промышленности и о перспективах совместного сотрудничества. Там же, знакомясь с Евгением Примаковым, Чавес сказал, что много слышал о нём и всегда его имя ассоциировалось с такими понятиями, как Достоинство и Честь.

По-своему знаковой была встреча венесуэльского лидера с депутатами Госдумы. Она прошла в небольшом Гербовом зале, в котором все 450 парламентариев поместиться не могли. Было принято решение делегировать по несколько депутатов от каждой фракции. По неофициальным сведениям, руководство Думы предпочло такой вариант приёма венесуэльского президента, дабы не раздражать американцев. Западная печать, в том числе «The Washington Post», одобрила снижение статуса встречи. Би-би-си отметила, что «предоставлять большую трибуну в Думе накануне визита Путина в США было бы не очень кстати».

Мало кто из российских журналистов сумел попасть на встречу, но на Венесуэлу она транслировалась полностью. Общение с депутатами продолжалось два часа. Чавес выступал довольно сдержанно. Он оживился только после того, как депутаты аплодисментами поддержали его утверждение об исторической значимости идей социализма. Он рассказал об

особенностях социалистического строительства в Венесуэле, о своих беседах с Фиделем Кастро.

Потом Чавес ответил на вопросы депутатов. Г. Зюганов спрашивал о создании единой социалистической партии. С. Бабурин — о том, как готовится Боливарианская революция защищать себя. Отвечая на вопрос К. Затулина, какой позиции придерживается Венесуэла в вопросах возможного отделения Косова, Чавес ответил, что расчленение стран — это империалистические попытки их ослабить. Он подчеркнул, что США финансируют сепаратистские движения, особенно на нефтеносных территориях — в Венесуэле и Боливии, например.

Следующие встречи прошли в Ростове-на-Дону, где вместе с Владимиром Путиным Чавес присутствовал на скачках на приз Президента. Позже Чавес рассказал, что Путин дал ему русских денег, чтобы сделать ставки, но, увы, Чавес поставил не на тех лошадей и проиграл. Путин, кстати, тоже. В Ростове-на-Дону в неформальной обстановке Чавес познакомился с руководителями ряда стран СНГ.

Важной частью визита в Ростов-на-Дону стало посещение завода, на котором изготавливали заказанные Венесуэлой вертолёты. Чавес встретился с венесуэльскими пилотами, проходящими шестимесячную подготовку в учебном центре. Президент был доволен тем, что услышал от них: российские аппараты надёжны, просты в управлении, идеальны для эксплуатации в разнообразных климатических и географических условиях Венесуэлы. Самый крупный в мире вертолёт Ми-26 будет очень полезен при выполнении социальных миссий.

Издавательская тональность некоторых российских СМИ в отношении иностранных политиков, борющихся за права «униженных и оскорблённых», за иной, более справедливый мир, приобретала особую остроту, когда

речь заходила о Чавесе. Неолиберальная пресса России обычно использует западные кальки в подаче событий в Венесуэле и оценки её лидеров. «Образ» венесуэльского президента подавался, если можно так сказать, в жанре «элитарного превосходства». Изобилие уничижительных эпитетов в массмедиа сказывалось порой на объективности российских политологов, занимающихся Латинской Америкой. Один из них так однажды отозвался о венесуэльском президенте: «Сам Чавес — выходец из бедноты, из провинции. Он плохо читает и говорит по-испански, у Чавеса плохие манеры, он изъясняется как крестьянин». Здесь верно только то, что Чавес выходец из бедноты, из провинции. Всё остальное — выдумки тех, кто создавал образ корявого, грубого мужика, неведомо как и зачем затесавшегося в «большую политику».

На фоне новой генерации деятелей в России, не имеющей, как правило, прочной мировоззренческой консистенции, выстраданных идеалов и объединяющей оптимистической программы для народа, Чавес действительно смотрится как странный «реликт» эпохи социально-классовых схваток, «десантированный» в наш XXI век из прошлого столетия, а то и века XIX. В нём апологетов Нового порядка раздражало всё. Но особенно — внутренняя независимость, мощный потенциал лидера «от Бога», его вера в социалистическое будущее человечества и, без преувеличения, атмосфера «победоносности», «мессианства», которая окружала этого человека.

Надо отметить, что российские дипломаты и разведчики, работавшие в Венесуэле, объективно оценивали личность Чавеса, игнорируя стереотипы, навязываемые Западом. В чём, по правде сказать, не всегда находили ответное понимание в Москве. Особенно это было заметно в критическом 2002 году, когда западная пресса устами виднейших

обозревателей предвещала скорое падение Чавеса, а из нашего посольства в Каракасе таких категорично пессимистических выводов не поступало.

Венесуэла, ориентируемая Чавесом на построение «Социализма XXI века», не выглядит стопроцентно подходящим партнёром для России, в муках рождающей «Капитализм XXI века». Поэтому, считают политологи, несмотря на заявляемую Россией прагматичность внешней политики, углубление «союзнических отношений» между Венесуэлой и Россией имеет свои пределы. С точки зрения правящей элиты России, у Чавеса было слишком много импровизаций, слишком много отжившей идеологии, слишком много лозунгов! Мы через всё это давно переступили, к прошлому возврата нет.

Подтверждением такой точки зрения может служить наблюдение комментатора оппозиционной газеты «Универсаль», сделанное во время встречи на высоком уровне в Каракасе в ноябре 2005 года: «Это произошло в Мирафлоресе в день подписания соглашения с Россией в присутствии вице-преьера Российской Федерации Александра Жукова (который произнёс 813 слов) и Уго Чавеса (который произнёс 3903 слова, в соответствии со своим ежедневным рационом). Многосторонний поиск обозначений для определения идеологии нашего автократа может считаться завершённым после анализа его выступления. Наш президент и революционер с задворков планеты является в глубине своего политического сознания большевиком, ностальгирующим по ленинизму и сталинизму. Он оценивает коммунистическую революцию как универсальную модель прогресса и считает себя призванным судьбой принять в Латинской Америке вахту героев Одессы и Сталинграда. Его “Социализм XXI века” может стать неким “хорошим”

отражением Советов, одобренным христианством и геваризмом.

Члены русской делегации не знали, как реагировать на прочувствованные слова уважения “ко всему хорошему, что сделал для мира Советский Союз одним фактом своего существования”, “к тем моторам, которые заработали в отечестве Советов в 1917 году” и к “огромному вкладу русской революции в развитие мира”. Чавес дважды выразил своё сожаление по поводу драматического завершения “советского социалистического опыта”. Напомнив, что “только революции, а не эволюционные процессы создают качественные скачки в развитии общества”, он сообщил русским, что, приехав в Каракас, они “попали в эпицентр урагана”, что “однажды всё это взорвётся”: “Сегодня Сталинградом идей является Латинская Америка, которая станет тем, чем Россия стать не смогла”. Для того чтобы у его слушателей не оставалось сомнений в том, кто нынче является ведущим лидером советской революции в латиноамериканском варианте, наш президент пропел финальные строки “delirio del Chimborazo” о “равновесии Вселенной”. Оно улучшится, если до максимума укрепить отношения между Москвой и Каракасом»(Цит. по: Antonio Pasquali. El discuso chavista: una autodefinition // El Universal. 15.01.2006.).

Автор комментария был прав в том, что члены российской делегации попали в двусмысленную ситуацию. Чавес произнёс панегирик их родине, но хвалил-то он Советский Союз, прежний советский строй, его неуспешную, но, в принципе, героическую попытку революционного прорыва в будущее. Сожаление венесуэльского президента по поводу катастрофы было искренним, и одновременно проскальзывало глубоко запрятанное желание проверить реакцию русских гостей. Каким будет их отклик? Отзовутся ли они на его

пассионарность? Почувствуют ли его искренность? Нет, вряд ли он смог рассмотреть что-то солидарное в почти непроницаемых лицах членов русской делегации, таивших глубоко запрятанное недоумение и замешательство.

Глава 27

ЗАПАДНЫЙ «НАКАТ»: «ВО ВСЕМ ВИНОВАТ ЧАВЕС!»

Масштабы пропагандистской войны Запада против Чавеса потрясли. Для компрометации венесуэльского лидера были задействованы все средства и методы, и это выдаёт степень озлобления и ненависти империалистов к этому человеку. Цель операций — компрометация его внутри страны и на международной арене. Если переиначить «крылатое выражение» первого президента России, то можно смело уверять, что, с точки зрения властителей Запада, «во всём виноват Чавес»! Как считают политологи из левого лагеря, попытки «сатанизировать» Чавеса во всемирном масштабе имели определённую конечную цель: повторить шаг за шагом успешную операцию по «нейтрализации» президента Панамы Мануэля Норьеги. Он, обвинённый во всех возможных грехах — от наркотрафика до нарушения прав человека, — под молчаливое согласие «мировой общественности» был вывезен в США для проведения над ним «показательного» суда, чтобы преподать урок тем политическим лидерам, особенно в Латинской Америке, которые осмеливаются бросить вызов Империи.

В июне 2008 года сильный пожар охватил одну из крупнейших американских киностудий «Universal Studios». По сообщениям пожарных служб Лос-Анджелеса, общая площадь пожара составила 160 гектаров. Как сообщали мировые СМИ, помимо всего прочего, огонь уничтожил коллекцию из сорока — пятидесяти тысяч видеозаписей. В Интернете тут же появилась любопытная интерпретация события. Мол, из

«достоверных источников» стало известно, что за пожар на киностудии ответственен «режим» президента Венесуэлы Уго Чавеса, потому что среди сгоревших видеозаписей были те, что свидетельствовали о «связях» Чавеса с колумбийскими партизанами. К этим плёнкам «имел отношение» известный кинорежиссёр Оливер Стоун, не скрывающий своих симпатий к Кубе и Венесуэле. Он специально прилетал в Венесуэлу, чтобы участвовать в освобождении пленников FARC. Тогда он и снял на плёнку «несколько встреч» Чавеса с партизанами. «Источники» утверждали, что кубинская разведка G-2, помогающая Венесуэле в её борьбе с империализмом, «направила своих людей» в Лос-Анджелес, и они устроили пожар для того, чтобы уничтожить видеодоказательства.

Во всё это можно было бы легко поверить, если бы автор «интерпретации» не обозначил ее рубрикой «юмор». Ведь в чём только не обвиняли Чавеса мировые СМИ! В те же дни онлайн-издание испанской газеты «El País» вышло с фотографией Чавеса, относящейся одновременно к двум заметкам. Одна — о том, что к Чавесу в Испании относятся хуже, чем к Бушу (что совсем неудивительно при той враждебной пропаганде, которую ведёт правая пресса этой страны). Вторая — о грядущем голоде в связи с мировым продовольственным кризисом. Заметка дана с крупным заголовком: «Из-за высоких цен на нефть обеднеют миллионы». Поскольку Чавеса «El País» всё время подаёт как «диктатора, в руках которого сосредоточена большая часть мировых нефтяных запасов», у читателей однозначно должна возникнуть ассоциация: это из-за Чавеса дорожают продукты, из-за него надвигается голод! Только самые наивные могут поверить в случайность такого монтажа фотографии и текста.

В августе 2008 года ведущие газеты Венесуэлы опубликовали сообщение, что из магазинов сети «Меркаль» в штате Баринас на свалку было отправлено 60 тонн куриного мяса, импортированного из Бразилии. Информационные стрелы были выпущены: по народным магазинам, которые «безграмотны в маркетинге», по дружественной Бразилии, которая «невесть что поставляет», и прежде всего по губернатору штата, который «позволяет такое безобразие». Губернатором был отец Чавеса. Проведённое в срочном порядке парламентское расследование показало, что верным в сообщении было только то, что мясо поступило из Бразилии. Портиться оно начало в холодильниках базы транснациональной сети магазинов «Макро». Вместо того чтобы поторопиться распродать мясо по сниженным ценам, когда случился сбой в работе холодильников, владелец сети предпочёл выбросить его.

Серию публикаций в венесуэльской прессе о глубокой «суеверности» Чавеса можно со всем основанием отнести ещё к одной операции на безграничных просторах информационной войны. Классическое тщательно оформленное «активное мероприятие»! Общий пафос такой: Чавес — провинциал, воспитывался не слишком грамотной бабушкой и, конечно, с детства впитал некоторые «народные представления» о существовании мира злых духов. Этими утверждениями противники Чавеса хотели доказать, что он не столь эмоционально прочен и уверен в себе, как это внешне кажется, а на самом деле, это — уязвимый, неуверенный человек, который в политике «для надёжности» ориентируется на провалившиеся «социалистические системы» и, по слабости характера, тяготеет к мистическим формам потусторонней поддержки. Дескать, поэтому специально им рекрутированы индейские шаманы,

служители культа Марии Лионсы, кубинские и гаитянские жрецы культа вуду. Они обеспечивают президенту защиту от «чёрных сил зла».

Подтверждением «суеверности» Чавеса, по мнению оппозиции, стала его реакция на странные атаки «недружественных сил с того света», о которых он рассказал в 2003 году в одном из выпусков «Алло, президент!». «Меня хотели заколдовать! — воскликнул он. — Заколдовать с помощью культа вуду! Вокруг ограды дворца Мирафлорес обнаружили трупы странных животных. Я видел одного из них. Какое-то непонятное существо с выпученными сатанинскими глазами и торчащими клыками! Я сказал ребятам из охраны, чтобы они убрали их подальше. На другом углу ограды были найдены такие же животные, сложенные в форме креста, с какими-то бумагами и камнями внутри. Заговорщики стали использовать даже колдунов! В каком же отчаянии они находятся, если решили направить против меня колдунов. И это не выдумки!» Этот рассказ Чавеса вызвал волну комментариев, откликов и «психиатрических заключений» со стороны оппозиции. (Ещё одно подтверждение, что оппозиционеры дотошно смотрели и слушали передачу «ненавистного им» Чавеса!) Журналист Оскар Янес, который всегда охотно сотрудничал с теми, кто больше платил, радостно развил тему: заключение Ассоциации психиатров Венесуэлы об «умственных отклонениях» президента соответствует истине. Разве не закрывался Чавес на долгие часы в своей тюремной камере в Яре для «странных медитаций», после которых говорил, что делает это для установления связи с «запредельными силами». Врач-психиатр Луис Хосе Ускатеги охотно подключился к кампании: «Психологическая конфигурация Чавеса — адекватна множественному расщеплению личности (*personalidad multiple*). Он ищет ирреальные интерпретации для ситуаций вполне

реальных. Он находится в сложной ситуации и пытается дать эзотерические определения сьоей реальности, пытаясь уменьшить напряжение реальной жизни».

Одна из центральных фигур «агентуры влияния» ЦРУ в Венесуэле Леопольдо Кастильо(Л. Кастильо в годы повстанческих движений в Центральной Америке был послом Венесуэлы в Сальвадоре, где установил тесные «рабочие отношения» с ЦРУ, активно содействуя вовлечению своей страны в операции США против партизан. Накануне прихода Чавеса к власти весь дипломатический архив, отражавший сомнительный характер деятельности Кастильо в Сальвадоре и Центральной Америке, был «изъят» из МИДа Венесуэлы не без содействия его друзей из ЦРУ. Сторонники Чавеса, говоря о Кастильо, часто используют кличку «Matacuras», то есть «Убийца священников». Есть свидетельства его причастности к ликвидации священнослужителей, участвовавших в гуманитарных акциях в Сальвадоре.), который вёл «антипрезидентскую» программу «Алло, гражданин!» на телеканале «Глобовисьон», подвёл итог всем этим экскурсам: «Это не шутка. Для Чавеса это нечто серьёзное. Он — существо теллурическое и воинственное {mercurial), и верит в легенды венесуэльской провинции, во все эти привидения. Эти вещи являются составной частью его характера. Он набит амулетами, и они оказывают на его сознание большое влияние. В своих речах он всегда говорит о сатанизированных персонажах и устанавливает контрастные различия между злом и добром. Я думаю, что его кто-то убедил, что против него ведётся колдовская работа». С точки зрения Кастильо, Чавес, заявляя «об атаке в стиле вуду», иронизирует и подсмеивается над этим, но там, внутри, его сердце сжимается, потому что он верит в это».

Была и другая интерпретация «реакции»: «Я так силен, что меня не свалит и колдовство»(Цит. по: Oscar Medina. Miraflores, ataque vudu // El Universal. 23.02.2003.). Если же говорить объективно, то Чавес был суеверен не более, чем любой человек.

Формирование ложного «имиджа» Чавеса велось настолько масштабно, что даже лояльные журналисты и публицисты оказывались втянутыми в сомнительные акции. Осенью 2009 года Майкл Мур, известный американский кинодокументалист, в телевизионной программе «Jimmy Kimmel Live», которая по своему жанру «обшучивает» видных политиков, весьма двусмысленно рассказал о своей встрече с Чавесом на кинофестивале в Венеции.

Венесуэльский президент приехал туда на премьеру документального фильма Оливера Стоуна «К югу от границы», посвящённого Боливарианской революции и левому повороту Латинской Америки. Восторг, с каким был встречен Чавес на кинофестивале в Венеции, был ярким свидетельством его всемирной популярности. Однако Мур об этом умолчал. В облегчённо-юмористическом ключе он поведал, что поселился в том же отеле, где остановился Чавес. Поздно ночью, услышав громкую музыку и подозрительный шум над своим номером, Мур отправился проверить, в чём дело. К своему удивлению, он обнаружил там венесуэльского президента. Чавес, конечно, узнал Мура, пригласил его к себе, откупорил бутылку с текилой, потом другую и, между делом, обратился к нему с просьбой помочь с подготовкой выступления на Генеральной Ассамблее ООН. Мур согласился, а попутно посоветовал венесуэльцу извиниться перед Бушем за то, что назвал его «дьяволом», и положительно отзываться об Обаме, мол, вновь избранный президент — это «надежда человечества». По словам Мура, Чавес использовал его наброски в своём выступлении в ООН. Такой чепухи Мур

наговорил ещё немало под одобрительный смех интервьюера. В «доказательство» были показаны фотографии, на которых, между прочим, президент и Мура спокойно беседуют, сидя в креслах. Никакой гулянки, никакой текилы.

Сотрудники из пресс-группы Чавеса дали политическую оценку инциденту: встреча состоялась по просьбе американского кинодокументалиста, но потом он струсил, испугался, что трёхчасовая беседа с Чавесом может скомпрометировать его, и потому решил обыграть её в комическом ключе. Он совершил подлость по отношению к президенту, который восхищался его творчеством и обещал организовать в Венесуэле общенациональную премьеру его последнего фильма «Капитализм: история любви».

С такими же обличениями Мура выступила журналистка Эва Голинджер, признанный эксперт по вопросам информационно-пропагандистских войн. В интервью Мура она усмотрела не безобидный розыгрыш, а ещё одну целевую акцию по созданию искажённого образа венесуэльского президента.

О тёплом приёме, оказанном Чавесу в Венеции, узнали в Кремле. Встретившись с Чавесом в своей резиденции, Путин сказал гостю: «Оказывается, ты не только государственный деятель, но и кинозвезда»...

Глава 28

ЧАВЕС — «ВОЖДЬ КОРРУПЦИОНЕРОВ»?

Старшее поколение руководителей венесуэльской оппозиции во времена Четвёртой республики имело хорошо оплачиваемые должности с привилегиями и неограниченными возможностями для повышения собственного «уровня жизни». Буржуазная элита была хорошо осведомлена о тех возможностях, которые предоставляет пребывание «во власти», на любом уровне, с любыми полномочиями. И зависть её к чавистам, которые «командовали» страной, не имела границ. Поэтому она внимательно отслеживала «рост благосостояния» влиятельных боливарианцев.

Оппозиционные политологи считают, что «коррупционное загнивание» боливарианского режима началось после победы в нефтяной забастовке и восстановления государственного контроля над PDVSA. В самый ожесточённый период противостояния с саботажниками правительству Чавеса помогли дальновидные «дружественные» предприниматели. Так, один из них, Вильмер Руперти, арендовал российские танкеры и использовал их для подвоза бензина в Венесуэлу. Конечно, когда обстановка нормализовалась, Чавес не забыл об этой поддержке и наградил Руперти орденом «Звезда Карабобо», который вручается только военным за особые заслуги. За короткое время Руперти превратился в одного из самых богатых людей страны, поскольку был на виду, когда заключались контракты с PDVSA на перевозку углеводородов в страны Южной Америки и Карибского бассейна. Его компании «Suramericana de Transportes de

Petroleo» и «Global Ship Management» процветали, получая государственные субсидии: только на постройку восьми новых танкеров было выделено 500 миллионов долларов. Нувориш Руперти всячески демонстрировал свою успешность: собственный телеканал, роскошные особняки, авиапарк, бронированные автомашины, телохранители, «выписанные» из Южной Кореи.

Негативный резонанс в стране и в президентском дворце вызвала история с приобретением Руперти на аукционе в Нью-Йорке за полтора миллиона долларов двух дуэльных пистолетов, декорированных золотом. Пистолеты когда-то принадлежали Симону Боливару. Миллионер обещал подарить их венесуэльскому государству, но слова не сдержал: «Лучше будет, если я оставлю их в наследство детям».

Таких «руперти» в Венесуэле появилось немало. Их называют boliburgesia («болибуржуа») — боливарианская буржуазия. Поведение нуворишей в красных рубашках ни в чём не соответствует провозглашённым Чавесом идеалам умеренного потребления, христианской морали, солидарного отношения к бедным людям. Его призыв жить по заветам Христа не был услышан. «Болибуржуа» живут напоказ, на широкую ногу, с безоглядной расточительностью. Нефтедолларов много, и они, в стране с прочными коррупционными традициями, легко достаются виртуозам мошеннических комбинаций: через родственные связи, наработанные схемы «ты мне — я тебе», хитроумные импортно-экспортные и валютные операции.

Есть «болибуржуа» меньшего калибра, но и они шокируют демонстрацией богатства на фоне лозунгов, призывающих к строительству «Социализма XXI века». Среди ближайших соратников Чавеса нет обладателей «хаммеров», земельных угодий, фешенебельных вилл,

владений на Карибских островах или в Майами. Но искушения в духе american way of life порой подтачивают убеждения, казалось бы, наиболее стойких боливарианцев. Луис Фелипе Акоста Карлес (Луис Фелипе Акоста Карлес — брат погибшего во время «Каракасо» Фелипе Антонио Акосты Карлеса.), один из тех, кто стоял у истоков движения «МБР-200», заявил по телевидению, что «революционеры имеют полное право на покупку “хаммеров”». Эти слова были воспроизведены всеми оппозиционными СМИ. Вот она, номенклатура Чавеса: никакой идеологии, на уме одно потребительство! Но хуже было другое. Будучи губернатором штата Карабобо, Акоста сблизился с местными олигархическими кругами, закрывал глаза на их незаконный игровой бизнес и связи с наркодельцами. «Плохим и грустным примером» назвал Чавес траекторию морально-этического падения Акосты. До судебного преследования дело не дошло, но губернатора исключили из PSUV и обвинили в предательстве революции. В 2008 году Акоста решил вновь выставить себя в качестве «независимого» кандидата на пост губернатора, но проиграл, набрав незначительное количество голосов.

Политологами из лагеря оппозиции особо выделяется категория «военных болибуржуа», которые, дескать, являлись «подлинной опорой» Чавеса. Почти все они были выходцами из бедных слоёв населения и поступили в военные училища из прагматических соображений: полное государственное обеспечение, реальная карьерная перспектива. В годы правления Чавеса многие из них стали полковниками и генералами. Они содействовали укреплению «режима», направлялись на самые ответственные участки борьбы с оппозицией и были щедро вознаграждены: «болибуржуа» из военных получили «рентабельные» должности в бюрократическом аппарате, обзавелись

процветающими предприятиями и большими асьендами.

Если верить СМИ, то «болибуржуа» постепенно захватывают всё большее жизненное пространство: покупают особняки (кинты) в привилегированных районах — зонах традиционного обитания элиты, отдают детей в лучшие частные школы, учатся играть в гольф, поправляют здоровье в суперсовременных дорогих клиниках, отдыхают на мировых курортах.

Впрочем, чтобы не сгущать краски, скажу, что среди моих знакомых функционеров-чавистов многие, несмотря на высокие посты, сохранили прежний, весьма скромный образ жизни...

Феномен «болибуржуа», то есть перспектива быстрого обогащения, соблазняет не только нестойких боливарианцев, но и многих «испытанных борцов» с «диктатурой Чавеса». В государственном аппарате Пятой республики продолжают служить функционеры, которые ещё во времена Четвёртой республики поднаторели в коррупционных схемах и не намерены отказываться от возможностей, которые открыла перед ними революция. Есть и хороший идейный предлог: наносить ущерб «режиму» любыми возможными способами! «Взаимопроникновение» старой и новой элит приобретает необратимый характер. Сейчас никого не удивляют свадьбы, которые объединяют семьи из политически и социально непримиримых лагерей. Знаковое событие: министр информации Андрес Исарра, сын главного идеолога Боливарианской революции, женился на журналистке Исабель Гонсалес (Мать Исабель, Мици Каприлес, известна в Венесуэле как непримиримый противник Чавеса и боливарианского «режима». Её муж Антонио Ледесма, нынешний мэр Каракаса, один из лидеров радикальной оппозиции, не раз заявлявший, что для «устранения» Чавеса пригодны любые способы.), которая на

телеканале «Глобовисьон» была ведущей одной из самых враждебных Чавесу политических программ.

Любят «чавесологи» порассуждать о том, что президент «сознательно» создавал в стране «обстановку массовой коррупции». Отсутствие налаженной отчётности за правильным расходом государственных денег — стимулирующий фактор для злоупотреблений в любой стране. Оппоненты Чавеса полагают, что негативный пример этого демонстрировал он сам. «Чавес является государственным служащим, — отметил один из них, — поэтому бюджетные ассигнования, который принимает для него Национальная ассамблея, должны быть оправданны. Никакие траты по статьям, произведённые функционером, не могут быть увеличены без убедительной аргументации. Главная контрольная служба в каждом таком случае должна просить объяснений. Никакая демократия не выдержит тех трат, которые делает президент. Разбрасывание средств направо и налево, характерное для высшего функционера, каковым является Чавес, привело к тому, что большинство других государственных чинов не отчитывается должным образом в расходах. Контрольная служба не осуществляет ни предварительной, ни последующей инспекции исполнения бюджетов»(См.: Giuliana Chiapparre. El ejemplo es de despilfarro // El Universal. 25.06.2006.).

Из-за отсутствия компромата на Чавеса недоброжелатели ищут коррупционеров среди его родственников.

Как тут не вспомнить об афере, связанной со строительством комплекса по переработке сахарного тростника в штате Баринас, губернатором которого тогда был отец президента — Уго де лос Рейес Чавес. Уго-младший обещал, что возведение комплекса станет

весомым доказательством дееспособности и эффективности его правительства.

Были выделены миллионные средства, приглашены кубинские специалисты, назначен руководитель стройки — из венесуэльских военных специалистов. Через год выяснилось, что дело так и не сдвинулось с мёртвой точки, если не считать площадки, кое-как расчищенной под строительство. Огромные денежные средства словно ушли в песок. Расследование показало, что их энергичное освоение осуществлялось «строителями» без какого-либо государственного контроля и использовалось для удовлетворения «личных нужд» — приобретения «хаммеров», квартир в столице, семейного отдыха в Майами, на Кюрасао и в Доминиканской Республике. Только кубинцы остались в стороне. Они «сигнализировали» по этому поводу неоднократно, но к ним никто не прислушался.

Скандал навредил репутации президента. Не проконтролировал, полностью доверился отцу и его секретарю — брату Архенису. Чавес заявил по этому поводу жёстко: «Я не буду вмешиваться в это дело. Пусть соответствующие инстанции проверяют всё, что хотят». И дал совет родственникам: «Не рассчитывайте на меня. Защищайтесь сами...» После разоблачений, связанных со строительством сахарного завода, все родственники президента, близкие и дальние, находятся под постоянным «обстрелом» прессы. Так, одно время настойчиво писали о том, что семейство Чавесов якобы скупает через посредников самые плодородные земли в штате Баринас. С такими обвинениями выступил в Национальной ассамблее депутат Вильмер Асуахе и передал в Контрольную комиссию собранные им доказательства. По утверждению депутата, посредниками и фиктивными владельцами выступали лица, которые, так или иначе, были связаны с «семьёй»: Нестор Исарра, скромный

смотритель родовой финки «Ја Чавера», экономка Вильма Май Гомес, человек «на подхвате» — Хуан Карлос Ласаро Товар. Были и другие обвинения: нецелевое использование финансовых средств, выделяемых штату, подписание контрактов на строительные работы без предварительных торгов и т. д. и т. п. В обвинениях было много натяжек, неточностей и искажений, но в таких делах главное было привлечь внимание, затеять шумиху, бросить тень (См. примеры таких публикаций: AN investigara denuncias contra hermanos del presidente Chavez // El Universal. 26.03.2008; Los chavifundos // Zeta. 28.03.2008; Barinas en el debate / / El Universal. 30.03.2008; Los Chavez se afincan // TalCual. 9.04.2008.).

Депутат Асуахе затеял «антикоррупционную кампанию» против «семьи» для того, чтобы создать себе ореол бескорыстного радетеля за правду и потом на выборах побороться за пост губернатора штата Баринас. В парламенте провели расследование в отношении гипотетической коррупционности «семьи» и заодно проверили самого Асуахе, который, как выяснилось, «жил не по средствам, явно роскошествовал, и, будучи членом PSUV, компрометировал своим поведением революционную партию».

«Сенсационные» публикации о «стремительном росте благосостояния клана Чавесов» появлялись перед каждой избирательной кампанией. Публиковались фоторепортажи о «роскошных особняках» членов семьи. Одноэтажные, реже — двухэтажные, скромные постройки, ничем не выделяющиеся из тысяч других, никакого намёка на роскошь и претенциозное расточительство. По российским меркам эти «особняки» ничем не превосходят стандартные дома в «непривилегированных» дачных посёлках. Сам Чавес пользовался официальными резиденциями. О

собственном «домике» он только мечтал. В «допрезидентском» прошлом у Чавеса никогда не было своей недвижимости. Он почти всегда жил в съёмных квартирах или в качестве гостя у друзей и политических соратников.

Постоянные атаки СМИ на членов его семьи беспокоили президента. Было время, когда его родители охотно встречались с журналистами, давали откровенные интервью, считая, что тем самым помогают сыну в опровержении недобросовестных выдумок (о его якобы тяжёлом детстве, неуживчивом характере, ранней склонности к экстремизму и т. п.). В итоге доверчивость старших Чавесов в общении с представителями либеральной прессы использовалась в ущерб президенту и им самим. Снисходительно-насмешливые, а нередко издевательские публикации преобладали.

Пожалуй, больше всего доставалось Елене Фриас де Чавес. Обычная «запевка» была такая: когда-то она была скромной, трудолюбивой женщиной, которая заботилась только об одном: вывести в люди всех своих сыновей. Методы воспитания были жёсткими, и даже повзрослевших сыновей донья Елена не выпускала из-под контроля. Якобы один из конфликтов с Уго привёл к тому, что мать и сын не разговаривали друг с другом два года. Но когда Уго Чавес стал президентом, донья Елена поднялась по социальной лестнице, стала культивировать себя: модные прически, пластические операции, дорогие бутики и ювелирные магазины, — в общем, повела себя как дама из высшего света, даже болонку завела.

О главе рода Чавесов — Уго-старшем — либеральная пресса писала со снисходительной интонацией. Он стар и немощен, за его здоровьем днём и ночью следят врачи, в том числе кубинские. После сердечного

приступа он практически отошёл от дел, передоверив губернаторские обязанности сыну Архенису.

Региональные выборы 2008 года очень остро поставили вопрос о том, какие политические силы будут контролировать штат, который называют «колыбелью Боливарианской революции». Усилия оппозиции по компрометации Архениса достигли цели: опросы общественного мнения показали, что он не наберёт необходимых для победы голосов. Президент предложил баллотироваться на пост губернатора старшему брату Адану: другого варианта не было. Адан успешно провёл избирательную кампанию и победил.

Глава 29

ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ ЧАВЕСА

Роскошествовал ли сам Чавес, возглавляя нефтяную страну, доходы которой от торговли «чёрным золотом» достигли максимальных показателей за всю её историю? «Быть богатым стыдно», — не раз заявлял Чавес и в подкрепление этих слов цитировал Библию: «Богатый скорее пройдёт через игольное ушко, чем попадёт в рай». Своих сторонников он призывал «поделиться добром (с нуждающимся) и таким образом доказать подлинность своих социалистических убеждений». При этом он подчёркивал, что не просит, как Христос, отдать всё богатство, а только то, что является лишним.

«Я хочу положить этому начало, дать пример, — сказал Чавес на встрече с активистами PSUV. — У меня нет богатств, но есть один банковский счёт с премией, которую мне дали в Ливии, кажется, 250 тысяч долларов (Премия «За вклад в защиту прав человека» была вручена У. Чавесу (24 ноября 2004 года) в ходе его официального визита в Ливию президентом М. Каддафи.). Я передам часть этих денег на международное мероприятие, которое организуют интеллектуалы. Не так давно ответственный за этот форум мне сказал: у вас есть эти средства, они нам нужны. Да, эти деньги у меня есть, я в них не нуждаюсь, и их я вручу. Теперь посмотрим, кто будет следующим».

Чавес призвал соратников «не быть эгоистами», продемонстрировать подлинную революционность и приверженность социалистической морали. Не знаю, появились ли последователи у президента, но своё

обещание он выполнил, деньги на форум вручил до копеечки. В личных финансовых делах Чавес предельно щепетилен. Впрочем, щедрость президента воспринималась в оппозиционных кругах критически: он живёт на всём готовом, его государственное обеспечение растёт каждый год, делать широкие филантропические жесты ему ничего не стоит. Карлос Беррисбейтия, один из бывших депутатов (движение Proyecto Venezuela), который откровенно ностальгирует по парламентским привилегиям, вёл тщательный подсчёт расходов Чавеса, периодически драматично сообщая в средства массовой информации: «Он тратит на себя всё больше!» Беррисбейтия брал на карандаш все траты президента и его команды. Траты были санкционированы парламентом и ничем не отличались от расходов президентов других стран на содержание официальных резиденций, зарубежные поездки, обеспечение «свиты», службы безопасности. Все «высшие лица» располагают представительскими суммами, размер которых часто зависит от государственных традиций и положения страны в мировой табели о рангах. Но в своих комментариях экс-депутат был всегда безжалостен: в то время, когда президент призывает венесуэльцев к скромности, экономии и жертвенности, сам он достойного примера в этом не подаёт (См.: Giuliana Chiapparre. El ejemplo es de despilfarro // El Universal. 25.06.2006.).

Если бы Чавес прислушивался к выпадам подобного рода и старался удовлетворить своих критиков, то ему пришлось бы одеваться в «ширпотребовские костюмы», летать на саммиты и международные конференции чартерными авиарейсами, а на работу в президентский дворец ездить из резиденции Ла Карлота на велосипеде и, конечно, без охраны, ведь телохранители — накладная для госбюджета вещь! Чавес, вполне справедливо, игнорировал подобную критику.

Создавалось впечатление, что он с удовольствием пользуется президентскими привилегиями, полностью «вошёл в роль» и не озабочивается скрупулёзными подсчётами дозволенных бюджетом трат.

Собирая «досье на Чавеса», отыскал ли я хотя бы один факт, который говорит о «коррупционности» Чавеса? Нет, не отыскал. Ну а использование служебного положения в личных целях? Неужели и тут к Чавесу не придерёшься? С большой натяжкой можно «вменить в вину» Чавесу только книжный фанатизм.

Во время визита в Испанию в 2009 году Чавес отложил на некоторое время официальную повестку и отправился в большой книжный магазин на Гран-Виа в Мадриде. Много лет назад он побывал в нём и купил несколько дешёвых брошюр. Чавесу запомнилось печатное изобилие на полках и витринах «Casa de libro», а ещё те давние переживания, что он не может позволить себе большего: просто не было денег. И вот он снова переступил порог «Casa de libro»! Чавес «застрял» в магазине на полтора часа. Телохранителям пришлось попотеть, чтобы президент смог спокойно покопаться в книгах. Полиция едва сдерживала толпу на улице: одни кричали «Чавес — диктатор!», другие — «Вива Чавес!». Когда президент вышел, собравшиеся увидели, что его окружают охранники с тяжёлыми мешками в руках. Чавес рискнул своей безопасностью, дал дополнительную работу охранникам, только чтобы застаться книжными новинками. Одну из них президент, как ценный трофей, показал всем — «Погребённый капитализм», автор — Висенте Верду.

Вся жизнь Чавеса-президента была отдана политике. «У меня нет личной жизни, она мне не принадлежит, поэтому я не могу разделить её с кем-то, на моём горизонте нет перспективы новой женитьбы», — говорил он. Иногда объяснял своё нежелание заводить семью угрозой покушений. Да и не

каждой женщине был бы под силу напряжённый ритм его жизни, который не выдерживали самые преданные его сотрудники. Некоторые непонятные для экспертов отставки лиц из его окружения объяснялись перегрузками: если вовремя не взять передышку, можно было и в самом деле сгореть на работе.

Чавес много рассказывал о себе, словно старался доказать, что ему нечего скрывать, что он открыт для народа. Наверное, поэтому в одной из передач «Алло, президент!» он организовал для телезрителей что-то вроде экскурсии по своему рабочему кабинету, показывая и рассказывая обо всём, что попадало в объектив телекамеры. Нельзя было не обратить внимания на красные розы, украшавшие небольшой католический алтарь. Помимо фотографий детей, цветы — ещё один лирический нюанс в подчёркнуто спартанской обстановке кабинета.

Свободное время «образовывалось» у него за счёт бессонных ночей. Их он отдавал чтению, изучению английского языка, иногда просмотру видеокассет с документальными и художественными фильмами. Ему нравились ленты с Клинтом Иствудом, «грязным Гарри», наводящим железной рукой порядок в преступных кварталах. Чавеса потряс фильм «Гладиатор» с Расселом Кроу: «Я смотрел его три раза!» (Из интервью корреспонденту АП Яну Джеймсу. См.: *Ultimas Noticias*.

15.06.2007.) Разумеется, президент оказывал предпочтение национальному кино. Фильм о жизни Миранды, предтечи освобождения страны от испанского колониального гнёта, Чавес тоже смотрел несколько раз. Понравилась президенту и кинолента «Каракасо», посвящённая народным протестам 1989 года. Снял её Роман Чальбо, видный кино и телережиссёр, считающий появление боливарианского режима закономерной стадией развития страны. Но таких патриотических лент в Венесуэле снимается пока

немного, хотя по инициативе Чавеса за рекордно короткий срок в нескольких километрах от Каракаса была создана «Кинодеревня» {Villa del Cine), главное предназначение которой — снимать отечественные ленты и бороться с засильем Голливуда на экранах страны.

Невероятно, но факт: Чавес посвятил однажды несколько часов просмотру телесериала, хотя всегда критиковал «мыльные оперы» за бездуховность, пустоту, разжигание потребительских инстинктов. Телероман «Среди соседей», рассказывающий о жизни нескольких типичных венесуэльских семей (бедных и богатых) на фоне драматических событий первых лет «эпохи Чавеса», он не мог не посмотреть. Снял сериал тот же самый Чальбо.

В последние годы Чавес старался чаще бывать со своими детьми. При вечной нехватке времени для этого использовались дальние зарубежные визиты. Общение с детьми во время перелётов через Тихий океан или Атлантику давало Чавесу ощущение «семейного очага», снимало стрессы, отвлекало от постоянно возникающих проблем, конфликтов и критических ситуаций в стране и за её пределами.

Первые три года президентства Чавес использовал для полётов Боинг-737, которому он из-за его старости, изношенности и жёстких кресел дал имя «Camastron», что можно перевести как «лежак, топчан». После нескольких аварийных ситуаций Чавес решил приобрести новый самолёт, остановив выбор на Airbus 319-Corporate Jetliner. Контракт на постройку самолёта был заключён в сентябре 2000 года, поступил он в распоряжение Чавеса в первой половине 2002 года. Оппозиция воспользовалась этим для развёртывания шумной кампании по разоблачению «расточительности» президента. Газеты не жалели красок, расписывая роскошную экипировку самолёта, «характерную для

сверхбогачей, считающих себя хозяевами мира»: «Личный салон президента с поскрипывающими кожей креслами, спальня с водяной кроватью, туалет с биде, джакузи; затем сектор для совещаний и зона для свиты, оборудованная по нормам, предъявляемым к бизнесклассу. Airbus снабжён новейшей аппаратурой связи, навигации и защиты, похожими на те, которыми обеспечен самолёт Air Force One, на котором летает президент США». Подписи под фотографиями: «Самолёт с удобствами 5-звёздочного отеля!»; «В оборудовании туалетов использовано золотое покрытие!»; «Наши госпитали не имеют даже медицинских пластырей, но в самолёте президента есть всё на случай любого ЧП!»(См.: «2001». 20.11.2003. В статье «La revolución sigue viajando en VIP» особо подчёркнуто, что первоначальная стоимость самолёта была зафиксирована в 35 миллионов долларов, но за «конечный продукт» национальной казне пришлось выложить 80 миллионов долларов.) Выдумки о «небывалой роскоши» президентского самолёта, «подтверждённые» невесть откуда взятыми фотографиями, были опровергнуты через два года. В декабре 2004-го корреспондентка дружественной правительству газеты была включена в пресс-группу на время зарубежной поездки президента. Она не поленилась перепроверить то, что писалось о президентском самолёте, досконально разобраться, где правда, а где ложь(См.: Lolimar Soares. 18 horas a bordo del Avion Presidencial 11 Panorama. 02.01.2005.). В первую очередь журналистка подчеркнула: «В самолёте нет ни джакузи, ни водяной кровати, ни золочёных кранов. Самая большая роскошь — это душ размером 1x1 метр, который закрывается дверцей из пластика, умывальник, зеркало, ватерклозет, типовой для самолёта этого класса. Всё оформлено под полированное дерево. На умывальнике слева — зубная щётка президента и тубик

с пастой в стеклянном стакане. Там же паста для бритья “Gillette”».

Внутренняя жизнь на борту самолёта была спартанской: никаких излишеств с едой и тем более возлияний (спиртные напитки при перелёте не подавались ни разу!). Еду приносили на пластиковых подносах. Никакого фарфора с «вензелями» президента! Развлечения обычные для коммерческих авиарейсов: кино (несколько раз показали китайские боевики) и эстрадная музыка (Рики Мартин, Алекс Убаго, группы «Ухо Ван Гога» и «Тамбор Урбано»).

В этом турне «из домашних» рядом с Чавесом были его дочь Роса Вирхиния и внук Мануэль, которым президент ежедневно мог уделить максимум 30–40 минут. В свиту входили министры, в том числе иностранных дел Али Родригес, президент PDVSA Рафаэль Рамирес, несколько военных, включая командующего ВВС генерала Роджера Кордеро. Занимались своим делом члены президентской пресс-группы, лечили простудные заболевания пассажиров три кубинских врача, отдыхали сотрудники службы охраны.

Чавес спал по три-четыре часа, посвящая остальное время рабочим совещаниям под портретом Симона Боливара и изучению документов, подготовленных к визиту. С особым вниманием Чавес отнёсся к последнему, «китайскому этапу» турне, который из-за внутривластных проблем откладывал несколько раз. Надо ли говорить, что после восьми подписанных соглашений с правительством Ху Цзиньтао, которыми завершалось зарубежное турне, все почувствовали облегчение.

Когда президентский самолёт вернулся домой и приземлился в столичном аэропорту Майкетия, из его багажного отсека выгрузили только чемоданы с личными вещами. Корреспондентка подчеркнула: «Не

было ни бамбуковой мебели, ни декоративных фарфоровых пагод, ни китайских ваз». Это ключевая фраза репортажа. Она напомнила об официальных визитах в Китай времён Четвёртой республики, когда подписывались соглашения «декоративного типа», а самолёт плотно загружался мебелью, фарфоровыми вазами и всем другим для украшения вилл и резиденций высших чиновников.

Почти через год после попытки апрельского переворота Чавес выдал замуж вторую дочь — Росу Вирхинию. Её избранником был «боливарианский» предприниматель Педро Мануэль Прието, племянник Хосе Луиса Прието, бывшего одно время министром обороны. Брачную гражданскую церемонию провели 14 марта 2003 года в резиденции Ла Касона, церковную — в молельне дворца Мирафлорес. Приглашены на это событие были родственники и близкие друзья, около двухсот человек. Журналистов и телевидение не пригласили.

«Социальные хроникёры», которых Чавес принципиально игнорировал, сбивались с ног, чтобы как можно больше разведать о событии, но без особого успеха, если не считать просочившейся информации о том, что медовый месяц молодые проведут на Кубе. Впрочем, небольшую сенсацию журналисты получили: впервые во дворце Мирафлорес появилась Нанси Кольменарес, мать Росы Вирхинии. «Свадьба была слишком интимной» — такой вывод об этом событии сделали «социальные хроникёры» (См. некоторые публикации об этой свадьбе: «Boda revolucionaria en Miraflores» (El Universal. 9.03.2003); «Se caso La Negrita» (La Razon. 16.03.2003); «La boda fue demasiado intima» (El Nuevo Pais. 17.03.2003).).

Возможно, это семейное событие явилось своего рода «посланием» противникам режима: как бы вы ни старались, как бы вы ни злобствовали и ни мешали, вы

обречены на бесконечную череду поражений, а у нас, у Чавесов, всё идёт своим чередом. Смуглянка Роса Вирхиния, «Негрита», всегда занимала особое место в отцовском сердце Чавеса, и он признавал это не раз. В 1997 году, когда Чавес вёл комментаторскую колонку в еженедельнике «Расон», он публиковал в ней письма, которые посылала ему Роса Вирхиния в тюрьму Яре.

Однако брачные узы Росы Вирхинии и Педро Мануэля оказались непрочными. Прошло два года, и они расстались, что огорчило Чавеса. По личному опыту он хорошо знал, что такое семейная неприкаянность и неустроенность. Впрочем, вскоре у Росы Вирхинии появился novio (жених) — известный тележурналист-боливарианец, профессор, специалист по международным вопросам Хорхе Арреаса.

Внешне Арреасу, типичного успешного представителя среднего класса, можно скорее отнести к оппозиционерам, borregos escualidos, чем к боливарианцам. Он находится в родстве (двоюродные братья) с непримиримым врагом Чавеса — Альберто Федерико Равеллем, директором телеканала «Глобовисьон». Арреасу легко принять за европейца из средиземноморской страны: он светлокож, хорошо сложен, волосы его коротко, по-военному, подстрижены, хотя в вооружённых силах Хорхе никогда не служил. В рядах оппозиции его воспринимают как «социального перебежчика», нередко, не без иронии, относят к bolivarianos cool, «крутым боливарианцам». Таких «перебежчиков», поддерживающих Чавеса, в Венесуэле всё больше и, разумеется, пропагандистский эффект от noviazgo Росы Вирхинии и Хорхе в пользу «режима» был бы огромен, но боливарианские СМИ из-за уважения к личной жизни Чавеса и членов его семьи эту тему никогда не поднимали.

Назначение Арреасы на пост президента Фонда Аяякучо, занимающегося распределением

государственных стипендий для учёбы в Венесуэле и за рубежом, оппозиция приняла без обычных выпадов в адрес Чавеса, хотя напрашивалось заклеить это «непотизмом». Квалификация Арреасы, его соответствие этой должности не вызывали сомнений, как и его порядочность, объективность, щепетильность. В 2006 году Фонд распределил 15 тысяч стипендий, в 2007-м — почти 30 тысяч. В отличие от практики Четвёртой республики процесс назначения стипендий производится гласно, на основании конкурса, с соблюдением принципа социальной справедливости (даже индейцы не были забыты!). Арреаса изменил девиз Фонда, теперь он звучал так: «Формируем кадры для социализма».

В интервью, которые Арреасе часто приходится давать, не делая различия между «своими», боливарианскими СМИ, и оппозиционными, он только на один вопрос отвечает с предельной сдержанностью — на вопрос об отношениях с президентом: «Я близок к его семье, я жених одной из его дочерей, но не имею личных дружеских отношений с ним. Я его вижу, уважаю и искренне люблю» (В мае 2007 года Хорхе Арреаса и Роса Вирхиния заключили официальный брак и уже подарили Чавесу двух внуков. В 2011 году Хорхе Арреаса был назначен министром науки и технологии.).

Чавес старался следить за своим здоровьем, по военной привычке регулярно проходил медицинские обследования. По свидетельству его бывшего телохранителя Луиса Пинеды, президент был подвержен простудным заболеваниям, временами страдал от камней в почках и гастрита. Эмоциональные перегрузки, а их у Чавеса хватало, он снимал, когда это возможно, продолжительным сном, чтением, поездками в периферийные районы страны. В крайне редких случаях он пользовался белоголубыми пилюлями антидепрессанта — прозака.

Рекомендациями врачей Чавес не пренебрегал, хотя одну из них, звучавшую постоянно — сбросить лишний вес! — выполнял с трудом. Кулинарные вкусы Чавеса были просты. Он предпочитал традиционную народную еду, отвергая поджаренные тосты из «ватного» хлеба и завтраки «по-американски». Для него лучшей и здоровой едой были арепы из маисовой муки с привычной начинкой (белым сыром, чичарроном, колбасками чорисо или мортаделой) и крепкий венесуэльский кофе («лучший в мире!» — всегда утверждал Чавес).

Ещё в 1986 году Чавесу сделали операцию на глазах: удаляли катаракты. С тех пор очки всегда при нём, хотя публично он старался показываться в них как можно реже.

Периодические боли в позвоночнике были результатом неудачного приземления на парашюте в годы военной службы. Профилактическое лечение (с 2002 года) помогало забыть о перенесённой травме, но рецидивы случались. Именно с этим «чавесологи» связывали неожиданные перепады в настроении Чавеса: если он раздражителен, публично устраивает «выволочки» нерадивым министрам и в более жёсткой, чем обычно, форме угрожает врагам Боливарианской революции в стране и за её пределами, — это означает, что изматывающие боли вернулись.

Возможно, старые травмы, затушевав картину, не позволили вовремя распознать подкравшуюся страшную болезнь...

Имена врачей президента были засекречены по соображениям безопасности, но об одном из них венесуэльские СМИ писали много. Виртуоз лечения иглоукалыванием Луис Франсиско Чанг Ченг пользовал Чавеса ещё до его президентства. Познакомились они через общего друга в 1991 году на «китайской территории» — в непритязательном ресторанчике с

китайской едой. С 1999 года Чанг Ченг регулярно посещал Чавеса в президентском дворце, чтобы проводить «успокаивающие» сеансы иглоукалывания. Гонораров с президента он принципиально не брал: «Он мой друг, мне стыдно брать с него деньги». Чанг Ченг фанатично был предан президенту, разделял его политические взгляды, а на стены клиники среди фотографий членов своей семьи поместил несколько его портретов. Чавес брал китайского друга с собой, когда в октябре 2000 года совершил официальный визит в КНР. Чанг Ченг выразил своё понимание личности Чавеса в таких словах: «У президента — китайское терпение. Он очень хороший, очень скромный человек. Если президент начинает сердиться, то это потому, что ему больно за то, что происходит в Венесуэле. Сегодня его ненавидят, но завтра им будут восхищаться»(Laura WefferCifuentes. El chaman presidencial // TalCual. 24.05.2001.).

Недругами Чавеса его привязанность к китайцу интерпретировалась как «своеобразный порок», «тяга к погружению в гипнотическое состояние» после процедуры иглоукалывания, чтобы, хотя бы на время, «освободиться от своего эго и жажды неограниченной власти». Президент, по словам враждебных «чавесологов», «не только полностью вручал китайцу своё тело, но и душу, совершая с его помощью запредельные астральные полёты, в том числе к тем, кто давно покинул землю» (намёк на «перевоплощения» Чавеса в Боливара).

Китайца называли «самым доверенным человеком» Чавеса, который «командует в президентском дворце, назначает и снимает людей по своему усмотрению, вызывая зависть у приближённых к Чавесу лиц». Выброс этих измышлений о враче с китайскими корнями, который родился в Венесуэле и является венесуэльским гражданином, зарабатывает на жизнь акупунктурой и

ни на что более не претендует, в иных обстоятельствах вызвал бы только смех. Но в условиях нынешней Венесуэлы это было ещё одним — из тысяч и тысяч других — подтверждением иррациональной ненависти, которая переполняла оппозицию.

Глава 30

«ЕСЛИ СО МНОЙ ЧТО-ТО СЛУЧИТСЯ...»

Ещё до начала президентской избирательной кампании 1998 года Чавес утверждал, что на него развёрнута охота. Первое заявление такого рода он сделал в апреле: «Существует план моего убийства. Угрозы я получаю давно, но в последнее время они заметно усилились. Можно легко понять, откуда они исходят. Они озвучиваются теми, у кого вызывает отчаяние моё “Движение” и моя кандидатура, кто называет меня Гитлером, Кастро и Муссолини»(См. сводку выявленных покушений на Чавеса за период с 1998 по 2003 год в публикации «25 atentados en su contra ha denunciado Chavez en 5 anos» (Abril. 24.09.2003)).

В середине августа 1998 года поступила тревожная информация: «Семеро наёмников, фактически группа командос, состоящая из венесуэльцев и граждан других стран, скрытно сопровождают поездки Чавеса, изучают уязвимые стороны обеспечения его охраны. Они выясняют, использует ли он бронезилет, в каких обстоятельствах общается с избирателями напрямую, в каких отелях и домах останавливается. Эти сведения необходимы для подготовки операции по его ликвидации». Тогда же было объявлено о «выявлении» на крыше здания авиакомпании KLM в Чакао снайпера, который готовился к убийству Чавеса во время предвыборного марша.

Победа Чавеса на президентских выборах в декабре 1998 года только подхлестнула врагов. В июле 1999 года в Сьюдад-Гуайана (штат Боливар), во время

поездки Чавеса по стране, агентами DIS IP был задержан подозрительный человек с винтовкой с оптическим прицелом и патронами 22-го калибра. В ноябре того же года с предупреждением об угрозе покушения на венесуэльского лидера выступил Фидель Кастро. В интервью для венесуэльских журналистов он сказал, что, по его данным, в «ближайшее время на Чавеса будет совершено покушение группой из четырёх террористов, которые получили деньги на эти цели от члена Кубинско-американского национального фонда в Майами». В конце 1999 года, обращаясь к колумбийскому правительству, Чавес заявил, что в Венесуэле был схвачен дезертир АУС, который во время допросов подтвердил, что план с использованием четвёрки колумбийских террористов против него, президента, находится в стадии активной подготовки.

В феврале 2000 года был арестован капитан Национальной гвардии Гарсия Моралес. Он признался, что, будучи членом «Патриотической хунты Венесуэлы», намеревался совершить террористический акт против президента, но отказался от этого, чтобы «не создавать революции символической жертвы». В мае того же года на Чавеса планировалось покушение во время его пребывания в Санта-Марте (Колумбия). В июне в Венесуэле было объявлено о раскрытии группы, в которую входили военные и гражданские лица. Они намеревались «ликвидировать» президента во время парада, посвящённого годовщине битвы Карабобо. В июле Фидель Кастро вновь предостерёг своего молодого коллегу: «В Венесуэле готовится покушение, среди его организаторов Луис Джюсти (экс-президент PDVSA)».

В январе 2001 года Чавес предупредил некоторые дипломатические представительства, аккредитованные в стране, что «конспирации, которые готовятся за рубежом, в том числе для моей физической ликвидации,

весьма опасны для всего мира, не только для Венесуэлы». В июне стало известно о планах террористов поместить взрывное устройство вблизи правительственной взлётно-посадочной полосы в аэропорту Майкетия. Там должен был приземлиться после зарубежного турне самолёт Чавеса.

В конце 2001 года из Доминиканской Республики сообщили, что заговорщики намеревались воспользоваться визитом венесуэльского президента в эту страну для организации убийства. Среди «идейных вдохновителей» акции назывались экс-президент Карлос Андрес Перес («Ликвидировать Чавеса любой ценой!» — это был идефикс террористов, нашедших пристанище в Соединённых Штатах, Коста-Рике, Доминиканской Республике, Колумбии и ряде других стран. Престарелый экс-президент Перес, считавший Чавеса личным врагом, признался (25 июля 2004 года): «Я делаю всё для того, чтобы убрать его. Только насилие поможет нам добиться этого. Чавес должен умереть как собака»), Педро Кармона Эстанга, Алехандро Пенья Эсклуса (один из платных пропагандистов правого толка), а также неназванный член Конгресса США. Имя сбежавшего президента Переса в разведывательных сводках появлялось постоянно. В его доме в Санто-Доминго разрабатывались варианты покушений, в том числе с привлечением колумбийских парамилитарес. В сентябре 2003 года Чавес выступил с протестом по этому поводу, но правительство Иполито Мехиаса заявило, что «проведённая проверка» показала, что обвинения безосновательны. В ответ Каракас прекратил льготные поставки нефти по договору Сан-Хосе: «Мы не позволим, чтобы эти льготы трансформировались в финансирование терроризма в Венесуэле». Перес был вынужден покинуть Доминиканскую Республику и перебраться в НьюЙорк.

В 2003–2004 годах усилия террористов, «заряженных» на ликвидацию Чавеса, были не менее интенсивными. Достаточно упомянуть об обнаружении гранатомета в окрестностях президентской взлётно-посадочной полосы (покушение было приурочено к возвращению Чавеса из европейского турне), об активности террористических групп в Доминиканской Республике, о попытках двух «киллеров» уничтожить президента во время военного парада на авениде Лос-Просерес в Каракасе.

Самым нашумевшим делом была уже упоминавшаяся переброска в начале мая 2004 года сотни колумбийских парамилитарес на венесуэльскую территорию. Арестованный командир боевиков, колумбиец Хосе Эрнесто Айла, признал, что главной целью его миссии являлось убийство Чавеса. Именно тогда Чавес сделал окончательный вывод: за спиной террористов и заговорщиков из оппозиции стоят спецслужбы США.

Начиная с 2005 года Чавес в публичных заявлениях не раз говорил: «Если со мной что-то случится, знайте, убийцей будет Джордж Буш». В том году пастор Пэт Робертсон в своём телевизионном шоу «The 70 °Club» потребовал от правительства США «уничтожить» Чавеса во что бы то ни стало. В администрации Буша открестились от слов пастора: он — частное лицо, а частные лица всегда говорят что хотят. Между тем это «частное лицо» — бывший кандидат в президенты страны, глава Христианской коалиции, которая оказала весомую поддержку Джорджу Бушу в обеих его предвыборных кампаниях.

Чавес этот свехоткровенный призыв расценил как «замысел правящей элиты США» нанести смертельный удар по Боливарианской революции путём убийства её лидера.

Ещё один нашумевший случай подобного рода: телевизионное интервью радикального оппозиционера, известного в прошлом венесуэльского актёра Орландо Урданеты, который заявил, что «проблема Чавеса решается просто — винтовкой с оптическим прицелом». Это интервью (25 ноября 2004 года) он дал телеканалу в Майами. В этом городе бесконтрольно действуют праворадикальные группировки, в которые входят эмигранты Кубы, ярые враги режима Кастро. Из Майами не раз плелись заговоры по убийству Фиделя. Потом у экстремистски настроенных организаций «гусанос» и примкнувших к ним венесуэльских «ультра» в качестве главной цели стал фигурировать Чавес.

Этот же канал показал (14 марта 2005 года) интервью с Феликсом Родригесом, бывшим агентом ЦРУ, которого представили как одного из участников расправы с Че Геварой в Боливии. Родригес предложил в качестве наиболее эффективного средства для «решения проблемы Чавеса» «атаку с воздуха», как это случилось в Ливии (в 2003 году дворец Каддафи был атакован ракетами с самолёта; ливийский президент не пострадал, но погиб один из его сыновей): «Операция дала результат, Каддафи нас больше не беспокоил».

Проправительственная газета «ВЕА», издающаяся в Каракасе, в статье «Треугольник смерти» (7 июня 2005 года) писала: «В Майами сложился зловещий альянс между ЦРУ и кубинско-североамериканскими организациями. Без включения Майами в преступный план (по убийству Чавеса) не обойтись. В первую очередь там имеется террористическая технология. Самые изощрённые достижения для проведения ликвидаций. Продвинутая аппаратура, приводимая в действие с помощью пультов дистанционного управления, новейшие образцы взрывчатых веществ, оружия, прошедшего испытания в лабораторных и в боевых условиях. ЦРУ имеет всё. Не только взрывчатку

и современные типы вооружений. Имеет огромные финансовые средства. Чтобы коррумпировать, покупать совесть и информацию, проникать, разлагать, соблазнять, шантажировать».

Чавес не преувеличивал, когда утверждал, что специальные службы США перешли к практической стадии подготовки террористических актов против него. Опровержения Вашингтона, по мнению президента, были примитивной ложью, чтобы усыпить бдительность. Косвенным доказательством враждебного замысла Империи был отказ Соединённых Штатов выдать венесуэльскому правосудию Луиса Посаду Каррилеса. Двойная мораль администрации Буша в отношении терроризма — лейтмотив многих критических выпадов Чавеса в адрес Соединённых Штатов. В Венесуэле обратили внимание на публикацию видного колумбийского публициста Антонио Кабальеро на эту тему: «Около 25 лет назад по итогам расследования, проведённого самим американским сенатом, тогдашний президент Джимми Картер был вынужден официально запретить убийства руководителей иностранных государств. Но вскоре президент Рональд Рейган восстановил практику таких убийств, правда, сверхсекретным циркуляром. Позднее указом президента Джорджа Буша (отца) было снова подтверждено разрешение секретным службам (ЦРУ, ДЕА, ФБР) убивать или похищать за рубежом. Хотя их представители утверждают, что это подозрение смехотворно, вполне очевидно, что правительство США убивает и похищает за пределами страны. И более того: считает, что вправе делать это. Посему не удивительно, что они хотят убить Чавеса»(Цит. по: Marciano. Piedra de Tranca // УЕА. 4.03.2005.).

На одной из пресс-конференций вице-президент Ранхель показал фотографии, сделанные в местечке Хоумстед (штат Флорида), где на секретном полигоне

тренируются парамилитарес, которых готовят к действиям на территории Венесуэлы. Американские власти знали об этом, но каких-либо мер против них не предпринимали.

В оппозиционных кругах и проамериканских СМИ заявления Чавеса в унисон опровергались: дескать, у венесуэльского президента «мания подозрительности», «параноидальный страх смерти», «надуманные страшилки для поддержания рейтинга популярности». «Это беспочвенные утверждения, — заявляли официальные лица американской администрации. — Если у венесуэльского правительства есть соответствующая конкретная информация, обращайтесь к нам. Будет сделано всё необходимое, чтобы не допустить враждебных акций подобного рода».

В программе «Алло, президент!» Чавес заявил, что все вашингтонские «опровержения» являются отговорками: «Попытки убить меня остаются в повестке дня, хотя некоторые считают, что это выдумки. Моя ликвидация является приоритетом для местной олигархии и Империи, потому что им свойственно иррациональное поведение. В эти месяцы опасность со стороны Империи даже более высока, потому что господинчик Буш знает, что ему придётся уйти через заднюю дверь истории и очень скоро превратиться в космическую пыль. И потому это увеличивает опасность с их стороны: им известно, что они потерпели поражение, и они готовы пойти на любую авантюру».

Периодически Чавесу приходилось отменять свои поездки в другие страны. Как правило, это было вызвано полученными от друзей сведениями о готовящихся покушениях. Он не поехал на инаугурацию Альваро Колома в Гватемалу, Маурисо Фунеса в Сальвадор, на некоторые саммиты в Латинской Америке и т. д.

Создание надёжной системы личной охраны для Чавеса действительно было вопросом жизни и смерти. Президентской безопасностью в Венесуэле традиционно занимается Служба президентской охраны (Casa militar). Во время публичных мероприятий, например, формируется три кольца защиты. В первом кольце, то есть в непосредственной близости от президента, находится пять-шесть телохранителей, во втором — на отдалении 10-15 метров, — 10-15, в третьем кольце может быть сосредоточено от сорока до восьмидесяти сотрудников Casa militar. Они контролируют близлежащие здания и все возможные точки, которые могут быть использованы снайперами и террористами, вооружёнными портативными ракетами, гранатометами и т. д.

В апреле 2002 года после попытки отстранения Чавеса от власти и его возвращения в Мирафлорес возникла «альтернативная» служба охраны — GRAT (Grupo de Reaccion y Apoyo Tactico)(Сами члены GRAT предпочитали расшифровывать это название так: Grupo Revolucionario de Apoyo Tactico.), в которую вошли те военные телохранители Чавеса, которые с первых минут переворота стали готовить его освобождение и арест членов «временного правительства» Кармоны. Возглавлял эту группу из сорока военнослужащих низших чинов морской лейтенант Кристиан Медина, «фанатик революции», который до переворота был личным помощником Чавеса.

Доверие президента поначалу было столь велико, что сотрудники GRAT стали использоваться в первом, самом ответственном кольце обеспечения безопасности Чавеса. Два с половиной года они выполняли свою задачу. Но со временем, пользуясь прямым доступом к президенту и репутацией неприкасаемых, «гратовцы» начали допускать случаи неповиновения руководству Casa militar, конфликтовать с ним, нарушать воинскую

дисциплину. Серьёзные служебные проблемы возникли, когда «гратовцы» попытались поставить под сомнение надёжность начальства Casa militar и выступили по телевидению с обращением к Чавесу по поводу коррупционеров, «которые используют своё привилегированное положение в Мирафлоресе для тёмных махинаций». Наличие конфликта между Casa militar и GRAT стало предметом обсуждений в СМИ: «В преторианской гвардии президента возникли неразрешимые конфликты». Всё это, разумеется, бросило тень на Чавеса.

Несмотря на симпатии президента к охранникам из GRAT, сомнений у него не было: его парни переступили грань дозволенного. Конфликты в службе безопасности недопустимы: то, что случилось, подсказывает врагам, что она проницаема, ненадёжна, не столь монолитна, как кажется. Там, где возникают конфликты, непременно есть обиженные люди. Они опасны, потому что хотят поквитаться с обидчиками.

Однако отстранить сотрудников GRAT от работы оказалось не так-то просто. Охранники требовали встречи с президентом, чтобы «рассказать всю правду о коррупционерах и предателях в его окружении». Отказ Чавеса вести какие-либо переговоры из-за «ультимативного характера» требований заставили Медину и его подчинённых, в конце концов, капитулировать. Они были разоружены и под охраной отправлены в военную прокуратуру (Это произошло 25 августа 2004 года.).

В ходе служебного расследования всплыли многие случаи неповиновения «гратовцев», нарушения ими субординации, сбора компрометирующих сведений на начальство: «Они действовали, как закрытая ложа, не допускающая никакого контроля». Возникло подозрение, что в GRAT проникли «враждебные элементы», которые сознательно вели дело к развалу

Службы охраны. Впрочем, конфликт, по настоянию Чавеса, был разрешён миром: «гратовцы» ушли в отставку, и многие из них получили хорошо оплачиваемые должности в государственных учреждениях. Был заменён начальник Casa militar. Служба охраны стала без «конкурентов» выполнять свои функции по обеспечению безопасности президента и членов его семьи. Однако увольнение большой группы телохранителей вызвало много проблем для Casa militar. нельзя было исключать утечки конфиденциальной информации о системе охраны президента, его маршрутах, планируемых поездках, адресах секретных резиденций и т. д.

Разведчики США вели сбор подобных сведений в рамках особой долгосрочной операции. Венесуэльским спецслужбам было известно, что американцы проявляют постоянный интерес к специфике обеспечения охраны Чавеса. Телохранители президента стажировались на Кубе, изучали know how американских операций по устранению неудобных Вашингтону глав государств. Благодаря помощи кубинцев спецслужбы Венесуэлы много сделали «для затруднения» потенциальных террористических выходов на Чавеса. Стали засекречивать имена его близких сотрудников, сообщать «приблизительные» данные о поездках президента по стране и за рубеж, усилили разведывательную работу по центрам радикальной эмиграции, значительно увеличили секретные фонды по выплате вознаграждения за предоставление полезной информации в рамках обеспечения государственной безопасности.

Как следствие, в СМИ стали чаще появляться публикации, ставящие под сомнение необходимость увеличения расходов на Службу охраны. Критиковались даже те элементарные меры защиты, без которых сейчас не обходится ни один президент в мире. С

осуждением говорили оппоненты Чавеса о «дороговизне» его одежды из защитной ткани арамидного волокна «тварон»: «Бронированные красные рубашки Чавеса стоят стране 3500 долларов каждая! Он подаёт негативный пример другим высокопоставленным боливарианцам: все они обзавелись бронежилетами из высокопрочных волокон».

В мае 2008 года в «Официальной газете» венесуэльского правительства был опубликован текст закона о создании «Национальной системы разведки и контрразведки». Любые реформаторские шаги «режима» автоматически вызывали ожесточенную критику оппозиции внутри страны и недругов за рубежом. Вот и этот закон был встречен с хорошо отрепетированным негодованием и скоординированными акциями протеста. В концентрированном виде претензии к нему содержались в статье Педро Бетанкура «Национальность: венесуэлец; профессия: стукач» (См.: *Diario de America*. 3.06.2008.). По мнению автора, «тоталитарный» закон направлен исключительно на подавление демократических свобод в стране, преследование инакомыслящих, разжигание атмосферы страха и подозрительности, поощрение доносительства.

Бетанкур ни одной строкой не затронул реальных причин появления этого документа, ограничиваясь эмоциональными выпадами. Вывод автора таков: «Или мы не допустим вступления в силу этого закона, или уже завтра утром узнаем о том, что ваш сосед был арестован, потому что его сын настучал руководству коммунального совета о том, что он критически высказывался о режиме во время воскресного семейного обеда. Выдумки? Преувеличение? Спросите тех, кто жил и страдал за трагически известным “железным занавесом”».

Каковы причины, побудившие президента Чавеса заняться реформой венесуэльских спецслужб? В ноябре 2006 года по указанию Дж. Буша в ЦРУ было создано подразделение для координации разведывательно-подрывной работы против Венесуэлы и Кубы. Перед новой структурой были поставлены конкретные задачи по «ускорению процесса демократизации» на острове, а также нейтрализации президента Венесуэлы Уго Чавеса, который «растранил тысячи миллионов долларов в целях поддержки своих экстремистских идей в различных частях света».

Создание «целевого подразделения ЦРУ» не осталось незамеченным в Каракасе. Чавес упомянул об этом в своей еженедельной программе «Алло, президент!» и заявил, что Венесуэла сумеет ответить на очередной вызов Империи, её заговоры против революции.

Венесуэльский лидер ранее не раз обращал внимание на недостаточную эффективность национальных спецслужб, необходимость их модернизации, кадровое обновление, расширение масштабов оперативной работы, особенно по тем центрам за рубежом, в которых планировались и готовились подрывные операции против боливарианского правительства.

Прежде всего, Чавес имел в виду центры на территории Соединённых Штатов и Колумбии, которую «тихие американцы» использовали в качестве основного плацдарма для осуществления, деликатно выражаясь, «разведывательно-аналитической деятельности». Не надо быть специалистом по «тайным операциям», чтобы прийти к заключению о том, что «объект Венесуэла» подвергался исключительному по размаху и интенсивности разведывательному проникновению. Разоблачение в 2008 году группы офицеров ВМФ Венесуэлы, которые снабжали

конфиденциальной информацией сотрудника военного атташата США, — только эпизод грандиозного противоборства, в котором все преимущества находятся на стороне американцев. Технология тотального шпионажа и информационной войны используется ими по максимуму.

Во всех странах Западного полушария (кроме Кубы, конечно) резидентуры американских спецслужб занимаются «освещением» венесуэльского «контингента», используя для этого агентуру в полицейских и других органах. Все мало-мальски «перспективные» почтовые, телефонные и интернет-контакты венесуэльцев с гражданами США взяты под контроль. Тщательно изучается законность финансовых операций руководящих чавистов, ведь коррупционеры — заманчивая категория лиц для вербовочных комбинаций. «Пятая колонна» в Венесуэле регулярно получает многомиллионные средства из специальных фондов в США и крепит свои ряды, рассчитывая на реванш. Расплодившиеся «неправительственные организации» тоже не обижены денежными «переводами», а их члены старательно изучают опыт «оранжевых» и прочих революций на Старом континенте.

Чавес не оставил без внимания критику Закона о разведке и контрразведке и распорядился приостановить его действия. Он, в частности, обещал изменить 16-ю и 20-ю статьи, которые более всего подверглись осуждению со стороны оппозиции, не без основания посчитавшей, что эти статьи не признают презумпцию невиновности и обязывают жителей страны шпионить друг за другом. «Никто не вправе заставлять кого-то быть информатором, — сказал президент. — Человеку свойственно ошибаться. Мы сделали ошибку, и мы должны её исправить».

Впрочем, и без реформы спецслужб Чавесу было известно немало о кознях Империи. Достаточно упомянуть об информации, поступавшей от дружественной кубинской разведки. Министр информации и связи Андрес Исарра, говоря об американских планах ликвидации Чавеса, предупредил: «Нами принимаются превентивные меры. Даже внутри разведывательных служб Соединённых Штатов у нас есть люди, которые нас предупреждают и уведомляют. У нас больше друзей по всему миру, чем кому-то кажется».

Сам Чавес не раз утверждал, что хорошо осведомлён о деятельности американских агентов в Венесуэле, вплоть до того, что знает о происходящем за стенами посольства США в Каракасе. Заявление Чавеса вызвало ответную реплику тогдашнего американского посла Браунфильда: «Если это так, то налицо — нарушение Венской конвенции. Чавес сам признался в этом». В устах представителя Соединённых Штатов, нарушающих во имя интересов национальной безопасности Венскую и все другие конвенции и соглашения, этот критический выпад прозвучал по меньшей мере цинично.

С годами Чавес стал заметно осторожнее. Ещё несколько лет назад в ходе избирательных кампаний он смело погружался в человеческую толпу на открытом грузовике, переоборудованном в трибуну. Президент любил выступать, имея слушателей в непосредственной близости от себя, чтобы видеть их реакцию, слышать голоса, задать кому-то вопрос или обменяться с кем-то репликами. Эти счастливые дни остались в прошлом.

Строгий регламент «защиты подопечного» был распространён Службой охраны на все публичные мероприятия, в которых участвовал Чавес. Стала обычным делом «зона безопасности» в 20–30 метров на митингах, съездах и форумах. Даже телепередача

«Алло, президент!» начала проводиться по этим правилам. Приглашённых на неё гостей размещали на заметном отдалении от ведущего программы Чавеса. Доступ на импровизированную телевизионную площадку стал возможен только через «рамку» металлоконтроля. Эти меры вызывали насмешки политических оппонентов президента: он не доверяет самым близким соратникам! Иногда Чавес бунтовал против диктата охраны. Однажды он вдруг остановил свой кортеж на площади О'Лири рядом с уличным кафе и пригласил охранников выпить по чашечке espresso bien cargado (Espresso bien cargado (исп.) — чёрный, крепко заваренный кофе.). Начальник службы безопасности напрягся, посмотрел по сторонам, оценил обстановку, но возражать не стал. Этот район считался чавистским, неожиданности вряд ли были возможны.

Чавес как-то рассказал в передаче «Алло, президент!», что он иногда гримируется, чтобы не быть узнаваемым, и отправляется бродить по городу, чтобы посмотреть, как живёт простой народ. Вполне возможно, что это на самом деле было так. Но возможно и нет. Чавесу почему-то захотелось поведать о себе в духе восточных сказок. Не такие ли истории о справедливых и любящих народ правителях когда-то рассказывала маленькому Уго бабушка Роса Инес?

Глава 31

ЖЁНЫ И ЖЕНЩИНЫ ЧАВЕСА

Нанси Кольменарес — первая жена Чавеса — была домоседкой и упорно избегала журналистов до и после развода. Никаких интервью! Никаких расспросов о Чавесе и их прежней семейной жизни! Охранники Нанси пресекали все попытки людей «со стороны» сблизиться с нею. Её отношения с Уго не прерывались никогда: их прочно связывали дети, вопросы материальной поддержки и обеспечения безопасности семьи. Некоторое время Нанси работала на незаметной административной должности в муниципалитете Баринаса, не претендуя на что-то большее. Когда её стали преследовать разного рода просители и ходатаи, она оставила работу. О втором замужестве Нанси известно очень мало. По неподтверждённым сведениям, её нынешний муж — один из её бывших охранников.

Конечно, Нанси было трудно соперничать с тайной возлюбленной Уго — Эрмой Марксман, женщиной с университетским образованием, интеллектуалкой, которая помогала Уго в разработке боливарианской идеологии и конспиративных делах. Она вошла в историю движения «МВР-200» как «Команданте Педро». После разрыва отношений в 1994 году, причиной которого стала, несомненно, ревность Эрмы к экзальтированным посетительницам национального героя в тюрьме Яре, Уго не предпринимал шагов к примирению. Начинался новый этап его политической жизни, и всё остальное отступило на второй план.

Чавес не предполагал, что журналист и писатель Агустин Бланко Муньос, вкрадчивый тип, претендующий на роль летописца современности,

сумеет преодолеть сдержанность Эрмы и подвигнет её на большое интервью. Бланко знал, как это сделать. Показал ей свою книгу «Говорит команданте» — толстенный том с записями разговоров с Чавесом, сделанными ещё до избрания его президентом. «Здесь нет ни одного слова о вашей роли, Эрма, — сказал журналист. — Надо восстановить историческую правду, и это зависит только от вас». Эрма лишена амбициозности. Но слово «правда» её задело. В пространных воспоминаниях Уго не было даже намёка на её существование, на её вклад в общее дело. Ей не нужны почести и признание. Но восстановление правды — необходимость. Чавес не должен присваивать себе все заслуги. Бланко добился своего и в июле 2004 года, как раз к «отзывному референдуму», успел выпустить книгу с откровениями Эрмы под названием «Чавес меня использовал». А. Бланко, принадлежащий к радикальной оппозиции, питал надежду, что его труд окажет влияние на исход референдума, настолько противоречивым, непоследовательным и внутренне хаотичным человеком был показан Чавес стараниями брошенной женщины и самого автора. Даже название книги порождало негативное отношение к президенту.

Вторая жена Чавеса — Марисабель Родригес — до встречи с ним успела побывать замужем, родить сына и развестись. В истории её появления в жизни многообещающего политика Чавеса, уверенно шедшего к вершинам власти, пока ещё много неясного. Впрочем, некоторые сторонники Чавеса считают, что блондинку из города Баркисимето («провинциалку, похожую на куклу Барби») ему «подставили» хитроумные «операторы» венесуэльской олигархии. Испытанные мастера манипуляций и многоходовых комбинаций хотели тотально контролировать малоискушённого в политике подполковника, в том числе его семейную жизнь (Уго Чавес и Марисабель Родригес заключили

гражданский брак в 1997 году. Их дочь Росинес родилась в том же году. Супружеские отношения были разорваны de facto в начале 2002 года. Официально развод был оформлен в январе 2004 года, причина — «несовпадение характеров».).

Марисабель участвовала в предвыборной кампании мужа, записала несколько роликов для телевидения с призывами голосовать за него. Она с трудом терпела бесконечные переезды, толчею и пассионарные речи своего мужа, которые вызывали не менее пассионарную реакцию избирателей, и облегчённо вздохнула, когда всё это завершилось. В Мирафлоресе началась собственная политическая карьера Марисабель: она была избрана в Конституционную ассамблею, принимала участие в выработке Боливарианского Основного закона. Марисабель возглавила Фонд ребёнка, была звездой бесчисленных протокольных и благотворительных мероприятий и, по её словам, пыталась стать образцовой первой леди, воплощая образ женщины-товарища (*imagen de la mujer socia*).

Позднее она, кокетничая, утверждала, что президентский дворец Мирафлорес её тяготил: «Он не был моим излюбленным местом. Там преобладает чуждая, странная энергетика, атмосфера кажется натужной и неискренней. Это среда обитания всех президентов, власть — опошляет».

Но власть даёт и многие привилегии, и бывшая провинциалка охотно ими пользовалась, выезжая, к примеру, с подругами в Майами или Нью-Йорк — за покупками или на престижные светские мероприятия, что, разумеется, не нравилось мужу, призывавшему к соблюдению революционной этики и личной скромности. Для тех, кто обитал в ранчо, буржуазное поведение Марисабель было шокирующе недопустимым. Президент часто повторяет: «Стыдно

быть богатым». Почему его жена не следует этому совету? В начале 2002 года, когда стало ясно, что оппозиция взяла курс на переворот, Марисабель решила вернуться в Баркисимето, мотивируя это «тревогой за детей»: «Их травмируют беспорядки на улицах!» Фактически это был первый шаг Марисабель к расторжению брака.

Именно в этот период родились слухи о том, что причина «разъезда» — мачизм Чавеса, его «солдафонская несдержанность» в отношениях с женой, которой он якобы не раз «давал трёпку за непослушание» и политическое «диссидентство». Слухи обрастали дополнительными подробностями. Оказывается, после того как Чавес «выгнал» Марисабель из резиденции, Густаво Сиснерос «подарил» ей виллу в окрестностях Баркисимето, иначе она осталась бы без крыши над головой.

Возникновению сплетен о «мачизме» содействовала сама первая леди. Так, однажды шеф телохранителей Пинеда заметил на шее Марисабель подозрительное расплывчатое полукольцо, напоминавшее синяк. Пинеда спросил у неё: в чём дело, откуда такая странная отметина? Марисабель задала встречный двусмысленный вопрос: «Разве ты, Луис, не знаешь Чавеса?» На что она намекала? Неужели президент так рассердился, что в порыве ярости схватил её за горло и стал душить? Пинеда провёл опрос охранников и выяснил, что Марисабель не заметила бельевую верёвку, когда прогуливалась в вечерний час по внутреннему двору, и наткнулась на неё. При чём здесь Чавес? В венесуэльском «избранном обществе», склонном к изобретению и распусканию слухов, такую пикантную тему, как супружеские отношения президентской четы, невозможно было игнорировать. Схема напрашивалась сама собой: «этот боливарианский деспот» Чавес срываает зло за свои

политические неудачи на жене, которая сохраняет верность «демократическим идеалам». Марисабель не спешила опровергать слухи о том, что Чавес применяет к ней «физические меры воздействия». Луис Пинеда спросил однажды президента в минуту откровенности: «И как тебя, брат, угораздило жениться на Марисабель?» Чавес не раздумывая ответил: «У каждого бывают в жизни ошибки».

Луис Пинеда утверждал, что «ошибку» с Марисабель Чавес компенсировал связями на стороне. Бывший шеф охраны писал, что был свидетелем и «оперативным» прикрытием многих походов Чавеса. В его воспоминаниях с живописными подробностями описываются свидания «подопечного» во время избирательных кампаний: в гостиницах, мотелях, столичной штаб-квартире и других эксклюзивных местах.

Как глава правительственного Фонда ребёнка, Марисабель ещё несколько лет пользовалась многими привилегиями. Но когда «пользователем» привилегий стал её новый муж — партнёр по теннису в Баркисимето, — Чавес распорядился не только сместить свою «экс» с должности руководителя Фонда, но и вообще ликвидировал его. Вот тогда и совершился окончательный переход Марисабель на сторону оппозиции. Лучшего способа отомстить она не нашла. Особую активность Марисабель проявила накануне референдума в декабре 2007 года по внесению «социалистических» поправок в Конституцию: «Не верьте Чавесу, он пытается узурпировать власть, стать диктатором, чтобы единовластно распоряжаться нашими судьбами» — таким был лейтмотив её телевизионных призывов.

Марисабель не нравится, когда её называют «бывшей женой президента». Она хотела бы вернуться в политику и рассчитывает на поддержку избирателей

из среднего класса, особенно женщин, которые шлют ей письма солидарности и поддержки. На политической сцене Марисабель снова возникла в дни болезни Чавеса. В газетах расписывалось её моление по иудейскому обряду за здоровье президента. Посещение ею Мавзолея с его саркофагом также попало на телеэкраны: располневшая простоватая женщина, ничего от прежней ослепительной первой леди.

Мать Чавеса, донья Елена, всегда считала, что её второму сыну «не повезло» с женщинами, с которыми он пытался связать свою жизнь. По её мнению, ни одна из них «не заслуживала» его. Нанси Кольменарес, Эрма Марксман, Марисабель Родригес — «ни одна из них не была идеальным выбором».

Вопрос о семейной жизни Чавеса в конфликтующей Венесуэле неизбежно приобретал политическую окраску. «Мои враги ищут любой предлог, чтобы атаковать меня, — заявил он во время кампании в поддержку референдума по корректировке Конституции. — Даже в личном плане. Мол, у меня нет “полноценной семьи”. Но у меня есть семья — моя! Моя! И как я её люблю! Моих родителей, моих детей я боготворю больше, чем тысячу моих жизней. У меня есть внуки, и я их обожаю. Но обстоятельства сложились так, что у меня нет дома, где я мог бы жить вместе с женой. И я говорю моим детям: не обращайтесь внимания на отравленные стрелы, которые направляют в мой адрес, чтобы запутать людей».

В некоторые публичные «моменты истины» Чавес признавался, что не был удачлив в выборе спутниц жизни. Он не винил их ни в чём, признавая, что ошибался в первую очередь сам. «Наверное, я никогда больше не женюсь, — сказал он однажды. — У меня на это просто нет времени. Мой дом, моя семья — это Венесуэла».

В окружении Чавеса всегда было много красивых женщин: в пресс-службе, адъютантской группе, службе охраны. Может быть, для того, чтобы отразить «отравленные стрелы» врагов, доказать, что президент — отнюдь не анахорет и женоненавистник. Марисабель ревновала Уго ко всем женщинам, к которым он проявлял повышенное внимание. Хорошеньких соратниц мужа по революционному процессу Марисабель просто не выносила. Известно, что она особо невзлюбила обаятельную и вдобавок талантливую журналистку Марию дель Пилар Эрнандес (Марипили) (Мария дель Пилар (Марипили) Эрнандес (р. 1966) училась на факультете журналистики в Католическом университете, политическую деятельность начала в рядах партии «Causa R». После раскола в 1997 году перешла в партию «Patria para todos», которая поддерживала Чавеса.). У Марипили был хороший голос, она играла на гитаре, и её исполнение песен Сильвио Родригеса, которого очень любил Чавес, всегда настраивало его на лирический лад.

Марипили вошла в команду Чавеса в 1998 году как советник по вопросам СМИ и пропаганды. После победы на выборах была вознаграждена: президент назначил её директором Восьмого государственного канала. Чавес часто брал её в свои международные поездки, приглашал в Мирафлорес на вне очередные совещания. Шеф охраны Пинеда утверждал, что Марисабель устроила однажды скандал по этому поводу. Она неожиданно приехала к мужу и наткнулась на журналистку: дело дошло до рукопашной! Марипили называли (и называют) одним из самых прекрасных лиц Боливарианской революции. Высшая точка в её карьере — пост заместителя министра иностранных дел по Северной Америке. Она курировала дипломатические отношения с Соединёнными Штатами в тот период, когда Чавес пытался наладить конструктивный диалог с

администрацией Буша. Но даже Марипили, самое «прекрасное лицо революции», не сумела этого сделать.

Как тут не вспомнить нашумевшие визиты в Венесуэлу «супермодели» Наоми Кэмпбелл. Первый раз она приехала в Каракас «по линии» Фонда Манделы, чтобы ознакомиться с развитием социальных программ боливарианского правительства. Наоми показали новые районы с «народными» домами, медицинскими комплексами и кооперативными предприятиями. Чтобы она могла ощутить масштаб перемен, ей продемонстрировали скопления «ранчос», в которых ещё обитают тысячи людей. После этого Чавес принял Наоми в президентском дворце, долго беседовал с нею и очаровал её и как галантный рыцарь, и как своеобразная, сильная личность, воплощение самой революции. Вполне возможно, что именно в то первое свидание у Наоми родилось образное сравнение: «Чавес — это мятежный ангел».

Второй раз Наоми приехала в Каракас как корреспондент английского журнала «GQ» для подготовки интервью с Чавесом. Он показал ей свою богатую библиотеку, студию, в которой писал картины, ответил на все её вопросы: о перспективах отношений с Соединёнными Штатами, о «неадекватности» Дж. Буша, о приближающемся нефтяном кризисе и даже о самом элегантном политике (для Чавеса это Фидель Кастро). Не обошлось и без пикантных моментов в ходе интервью. Наоми спросила, согласился бы Чавес сфотографироваться, как Владимир Путин, с обнажённым торсом. «Почему бы и нет?» — ответил Чавес и предложил собеседнице проверить крепость его бицепсов. Если судить по опубликованному Наоми тексту интервью, она не нашла у Чавеса недостатков. По её мнению, венесуэльский лидер «говорит то, что думает», это человек, «не имеющий страха, в нём нет

ничего ужасного или иррационального»(См. газету «2001». Каракас. 7.01.2008.).

Жёлтая пресса долго раскручивала сюжет о love affair Чавеса с актрисой Руди Родригес, которая исполняла главные роли во многих популярных телесериалах. Черноокая красавица посещала дворец Мирафлорес по различным благотворительным делам, обсуждала социальные проекты, связанные с детьми и инвалидами. Визиты эти были официальными, не через заднюю дверь, но сенсационные вымыслы возникли, распространились с молниеносной скоростью и долго пережёвывались альковными «экспертами». Чавес посетовал на недобросовестные выдумки журналистов в одном из выпусков «Алло, президент!». Руди тоже поторопилась опровергнуть сенсацию, заметив при этом, что встречи с президентом были сугубо деловыми, слухи родились на пустом месте и что вдобавок ко всему Чавес — мужчина «не в её вкусе». Тем не менее чависты заволновались. Известный венесуэльский шпиолог тут же напомнил, что артистка — член партии сайентологов и что её появление рядом с Чавесом — это «повторение варианта с Марисабель».

Много было написано о «подозрительно частых встречах» Чавеса с Пьедад Кордобой, колумбийским сенатором. Она вела кампанию за освобождение заложников, находившихся в партизанских лагерях FARC. По просьбе президента Колумбии к этой благородной миссии со всем жаром души и сердца подключился Чавес, который всегда ратовал за разрешение внутреннего вооружённого конфликта в соседней стране мирными средствами. Освобождение заложников способствовало бы налаживанию диалога, включению партизан, сложивших оружие, в нормальную политическую жизнь. Сюжеты о встречах Чавеса с Пьедад Кордобой стали обычными для массмедиа и не могли не вызвать в изощёренных умах представителей

жёлтой прессы инсинуаций на тему «интимного романа между президентом и сенатором», привлекательной женщиной с тёплым взглядом, пышной фигурой и характерным ярким тюрбаном на голове.

Позже Чавесу приписывали даму, губернатора одной из бразильских провинций. Бдительным папарацци показались «слишком нежными» взгляды, которыми обменивались Чавес и эта дама. Ещё одним «любовным увлечением» Чавеса, по версии жёлтой прессы, стала Кортни Лав, вдова Курта Кобейна, певца и гитариста легендарной группы «Нирвана». Папарацци сняли президента и вдову в Нью-Йорке на закрытом приёме после премьеры документального фильма Оливера Стоуна «К югу от границы», посвящённого Чавесу.

Фантазийный «донжуанский список» Чавеса постоянно расширялся. В интернет-оборот была запущена «информация» о том, что Чавес особенно равнодушен к журналисткам. Именно по этой причине он якобы предпочитал давать интервью женщинам. Как тут не вспомнить, что ему часто пришлось встречаться с Патрисией Жаниот, зеленоглазой колумбийкой, работавшей на испаноязычном канале Си-эн-эн ведущим репортёром. Рассказывая о встречах с президентом, эта откровенно правая по политическим взглядам журналистка не скрывала своего восхищения: «Чавес обладает своеобразной манерой говорить с людьми, а для журналиста это особенно привлекательно, поскольку он отвечает на любые вопросы и даже больше. Мне в самый разгар интервью он стал говорить “Патти”... И я тоже не сдержалась, поддалась обаянию Чавеса»...

Некоторое время наблюдательные журналисты зачисляли в «любовницы» президента сотрудницу его адъютантской службы Эльзу Гутьеррес Граффе: «Он берёт её в свои заграничные командировки, и это

неспроста». Блондинка в приталенной белой форме с полковничьими погонами и в красном берете выглядела весьма эффектно. Оппозиционная пресса тут же окрестила её «Революционной Барби» (ещё одна Барби в жизни Чавеса!). В ноябре 2011 года Эльза была назначена министром водного и воздушного транспорта, что пресса сразу подала как убедительное доказательство того, что для успешной карьеры при «р-р-режиме» важны не знания и профессионализм, а умение понравиться Лидеру.

Возможно, о самой большой любви в жизни Чавеса венесуэльцам ещё предстоит узнать. Губернатор островного штата Нуэва-Эспарта Карлос Мата Фигероа на траурном митинге жителей острова Маргарита упомянул некую романтическую историю из жизни Чавеса, сказал, что возлюбленная президента — родом с острова и что сейчас на острове живёт их маленькая дочь. Карлос Мата одно время был министром обороны в правительстве Чавеса, поддерживал с ним тесные отношения и потому знал о его секрете. Близкие родственники Чавеса публично никак не отреагировали на это сообщение.

Глава 32

ПОРАЖЕНИЯ И ПОБЕДЫ В ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЕ

Анализируя причины своего 48-часового отстранения от власти в апреле 2002 года, Чавес пришёл к мнению, что подстрекательскую роль в тех драматических событиях сыграли частные телеканалы, которые тогда прозвали «Четырьмя всадниками Апокалипсиса»: «Во имя “свободы слова” хозяева этих телеканалов попирают правду, они возглавили заговор и продолжают его возглавлять, ему ещё не конец... До того как я был взят под стражу, единственный имевшийся у нас государственный телеканал был выведен из строя путчистами, и “Четыре всадника Апокалипсиса” разъехались по всем казармам и местам, где собрались путчисты. Не было ни одного места, где бы не появились их телевизионные камеры. Всё это при поддержке микроволн и спутников, позволяющих выйти в эфир. Они располагали аппаратурой во дворце, когда я ещё был там, но журналистам приказали не показывать по телевидению президента республики!» Массированные информационно-пропагандистские кампании против «режима» для венесуэльцев не проходили бесследно. Жалобы на «невыносимо тяжёлую» жизнь мне приходилось выслушивать даже от людей, которых «по социальным признакам» я без колебаний отнёс бы к сторонникам Чавеса.

Рост критического отношения к революции среди этой категории лиц требует внимательного изучения и анализа. Борьба с бедностью была провозглашена Чавесом главной задачей. Имеются реальные результаты, зафиксированные многими

международными организациями. Социальные миссии, на финансирование которых идёт немалая часть нефтяных доходов, существенно улучшили качество жизни этих слоёв населения. Бесплатное медицинское обслуживание, образование (в том числе высшее), повсеместное строительство «народного жилья», продажа продовольственных товаров без наценок, весомые денежные выплаты по каждому оговорённому рабочими контрактами случаю (а их много) — всё это привычные реалии венесуэльской жизни, которым завидуют во многих латиноамериканских странах.

Но рядовым венесуэльцам с телевизионных экранов, в радиоэфире и со страниц оппозиционной прессы (В Венесуэле, по разным оценкам, под контролем оппозиции находится от 80 до 90 процентов СМИ.) ежедневно внушали, что живётся им плохо, что им «недоплачивают, недодают», что «их обируют, транжиря миллионы на экспорт Боливарианской революции». Кто в этом виноват? Ответ был всегда один и тот же: виноваты деятели «режима»! Все они купаются в роскоши, открывают многомиллионные счета в банках, покупают виллы на Карибских островах. Случаи коррупции в эшелонах власти раздувались, гиперболизировались. В подсознание венесуэльцев настойчиво вбивалось, что Чавес «намеренно» потворствует этому пороку, чтобы тем самым «заручиться лояльностью» коррупционеров.

Ещё интенсивнее эксплуатировалась проблема роста преступности. Главный посыл, используемый оппозицией, такой: Чавесу было выгодно держать население в страхе. Каждый озабочен своей личной безопасностью и потому уделяет меньше внимания экспериментам президента над страной. То есть при наличии политической воли разгул преступности можно было бы пресечь за считанные дни. Для подтверждения «катастрофической ситуации» в этой области

ежедневно сообщалась статистика убийств, слепо доверять которой, однако, не следует. Манипуляций предостаточно. Скажем, к жертвам «уголовного террора» в столице приплюсовывали всех тех, кто потерял жизнь в других городах или попал в автомобильную аварию.

Нагнетание ужаса перед якобы «всесильными уголовниками» — это часть хорошо разработанной операции по созданию дискомфорта в венесуэльском обществе. При этом умалчивалось, что бич преступности — это головная боль для всех правительств Латинской Америки. Хроника убийств в Мексике, Гватемале, Гондурасе, Сальвадоре, Перу и других странах часто более впечатляюща, чем в Венесуэле. По собственному опыту могу сказать, что за шесть последних лет жизни в Каракасе и частых поездок по стране я ни разу не почувствовал какой-либо «угрозы преступных намерений». Даже минимальной угрозы! А вот за период шестилетней командировки в Чили я и члены моей семьи с пугающей частотой попадали в опасные ситуации по вине криминальных элементов.

И всё же нельзя сказать, что в Венесуэле тишь да гладь. Криминальный разгул не только существует, но и, на мой взгляд, сознательно подстёгивается. Но, конечно, не властью. Как можно объяснить регулярные, ничем не мотивированные расстрелы людей из автомашин и мотоциклов без номеров? Чаще всего жертвами избираются молодые люди, причём в районах, где преимущественно обитают сторонники Чавеса. Интересно, что фактов подобной «ликвидации» случайных прохожих или мирно беседующих людей в привилегированных «урбанисасьонес» практически нет. Кому-то нужна «убойная статистика», но не за счёт «своих»? Поэтому я серьёзно отношусь к информации министерства внутренних дел Венесуэлы о том, что в

целях дестабилизации в страну забрасываются мобильные группы «паракос». Они привыкли убивать в Колумбии и готовы это делать за деньги в любом другом месте.

Среди откровенно провокационных убийств последнего времени запомнилось одно, на площади Венесуэла в Каракасе. Был расстрелян известный фоторепортёр. Падая, он успел сделать последний снимок в своей жизни. По нему-то и отыскали мотоцикл, на котором скрылся преступник. Убийцу нашли. Им оказался бывший полицейский, член охраны тогдашнего алькальда Чакао Лопеса (одного из лидеров оппозиции). Никаких личных конфликтов с убитым у преступника не было. Просто нужен был ещё один труп в кровавую статистику...

Проблема информационной безопасности требовала срочного решения. В парламенте рассмотрели и одобрили законопроект «О социальной ответственности радио и телевидения», который оппозиция окрестила «законом-намордником» (Закон был принят Национальной ассамблеей 7 декабря 2004 года.). Проправительственные депутаты торжествовали: три года закон пробивался через процедурные и прочие препятствия, которые выдвигали оппоненты. Депутаты от оппозиции завязали рты чёрными платками и молча встали, как на похоронах. Им было что оплакивать. Закон поставил точку на затяжном периоде информационного беспредела, когда враждебные «режиму» СМИ открыто призывали к силовым действиям, развязывали клеветнические кампании, использовали непроверенную, а то и сфабрикованную информацию, компрометирующую президента и членов его кабинета.

Закон также ограничил ночным временем показ сцен насилия, секса, всего, что негативным образом могло влиять на детскую и юношескую психику. Этот

закон позволяет прекратить деятельность тех электронных и печатных СМИ, которые призывают к войне, подстрекают к общественным беспорядкам и неповиновению властям, наносят ущерб национальной безопасности, в сублимированной форме подталкивают к террористическим акциям.

«Нас принуждают к самоцензуре!» — заявили представители частных телеканалов. Тем не менее враждебная инерция такова, что даже закон «О социальной ответственности» не препятствовал проведению «спецопераций». В мае 2007 года телеканал «Глобовисьон» в очередной раз использовал «манипулятивную технологию» для распространения на зрителей целевой задачи по убийству Чавеса. В ходе беседы ведущего Леопольдо Кастильо с Марселем Гранье, директором телеканала RCTV, который выступал с грубыми нападка на Чавеса, в качестве фона показывали кадры покушения на папу Иоанна Павла II. Специалисты квалифицировали этот монтаж как подстрекательство к убийству венесуэльского лидера...

Неэффективность небольшого количества проправительственных органов информации вынуждала Чавеса брать на себя значительную часть их работы: разъяснять, разоблачать, расставлять нужные политические акценты, просто информировать. Вот в чём первопричина появления программы «Алло, президент!». Без преувеличения можно сказать, что более рейтинговой телевизионной программы в венесуэльском эфире не было и нет. Чавес — великолепный оратор и блестящий полемист, его можно было слушать часами. Именно это вызывало ярость его оппонентов: всего две-три фразы президента — и от очередной клеветнической кампании не остаётся камня на камне. Поэтому оппозиция постоянно обвиняла Чавеса в том, что он расходует государственные

средства «на саморекламу». Уже упоминавшийся экс-депутат Беррисбейтия, финансовый «контролёр» трат Чавеса от оппозиции, в своих отчётах непременно указывал на «непозволительную расточительность» президента.

Телевизионная программа «Алло, президент!», выходявшая в эфир до болезни Чавеса по воскресеньям, по подсчётам Беррисбейтия, обходилась бюджету страны в копейку, даже если она велась из студии, специально оборудованной во дворце Мирафлорес. В венесуэльской провинции, наверное, не осталось таких мест, откуда президент не вёл бы своей программы. Подготовка каждой из них — это многомиллионные расходы, поскольку требовалось перебросить на «площадку» десятка два телевизионных техников, многочисленных гостей и боливарианских активистов (для успеха любой программы всегда требуется дружественная аудитория!). Сюда нужно приплюсовать личных помощников Чавеса (около пятнадцати адъютантов), телохранителей, сотрудников Casa Militar. Для переброски такой массы людей и телеи радиоаппаратуры задействовались президентский самолёт, вертолёты, наземный транспорт. Для гостей, обслуживающего персонала и активистов бронировались отели, им обеспечивалось питание. Оппозиционная бухгалтерия фиксировала все расходы! Для боливарианского правительства главным инструментом информационного и пропагандистского воздействия на граждан страны является государственный Восьмой канал — *Venezolana de Television (VTV-Canal 8)*. Развлекательных программ на нём практически нет, если не считать концертов народной песни и танца. Как говорил Чавес, пропаганда культурных традиций народа — необходимое условие патриотического воспитания венесуэльцев, внедрения постулатов социалистической идеологии,

нейтрализации стереотипов и идеалов «американского образа жизни». Показ телесериала «Среди соседей» стал, безусловно, исключительным событием на этом телеканале (К сожалению, серии телеромана (telenovela «Barrio Adentro») показывали только по субботам, и за недельный перерыв в трансляции зрители утрачивали интерес к сюжету и героям. В современной Венесуэле реальная жизнь интереснее любых телероманов. Поэтому особого успеха первый боливарианский сериал не имел — но не по своей вине! Тех, кто так непрофессионально составил расписание показа, можно без сомнения отнести к саботажникам. Актёры, участвовавшие в сериале, были отлучены от частных телеканалов за сотрудничество с «режимом», то есть фактически остались без работы.).

Даже во время заседаний кабинета министров в Мирафлоресе Чавес ухитрялся следить за содержанием передач «своего» канала. В большинстве своём они состоят из интервью с лояльными ему персонажами политической, социально-экономической, культурной и т. д. жизни, а также критических обзоров того, чем занимаются его противники, особенно оппозиционные массмедиа. В результате постепенного отбора на канале сформировалась безоговорочно преданная Чавесу и революции группа комментаторов и обозревателей, которые разъясняли народу содержание боливарианских реформ, суть «Социализма XXI века», особенности энергетической стратегии правительства, хитросплетения международной политики под углом геостратегических интересов Венесуэлы.

Среди звёзд боливарианского телеэфира — Ванесса Дэвис, которая вскрывает тайные пружины действий оппозиции. Не раз участником её программ с энергичным названием «Контратака» становился сам Чавес. Его звонки по «конкретным поводам» не только добавляли остроты в программу, но и подтверждали

распространённое мнение о том, что у Чавеса в Венесуэле всё находилось под контролем. Надёжность и последовательность Дэвис способствовали её политической карьере. По инициативе президента она была введена в руководство Единой соцпартии.

Такие же звонки, оживляя телеэфир, президент не раз «выдавал» своему зятю Хорхе Арреасе, ведущему аналитической программы «Открытый диалог». В первый день переворота — 11 апреля 2002 года — Хорхе пришёл на Восьмой канал, чтобы поддержать Чавеса и заклеить заговорщиков. Этот мужественный поступок университетского преподавателя не остался незамеченным, и со временем он вошёл в основную обойму телеведущих. Появиться в программе Арреасы многие венесуэльцы считали выражением «политического доверия» и даже «особой близости» к Чавесу. Поэтому у ведущего «Открытого диалога» не было недостатка в интересных собеседниках.

Наиболее проницательные аналитики предполагали, что Чавес «запускал» через Арреасу некоторые спорные идеи, чтобы прозондировать, в какой степени они воспринимались аудиторией, не являлись ли слишком «продвинутыми» для «политического уровня» венесуэльцев. Именно Арреаса в числе первых стал затрагивать тему «корректировки» Конституции 1999 года, чтобы дополнить её положениями, открывающими зелёную дорогу для реформ социалистического характера. Отказ от капитализма, выдвижение на передний план коллективной собственности, социальной справедливости для всех, использование государства для укрепления народовластия. При этом подчёркивалось, что «отжившие схемы» будут отброшены, поиск пойдёт по путям развития социализма с «венесуэльским лицом».

Пропагандистски и интеллектуально насыщенными являются передачи Эрла Эрреры, в «Правдивом киоске» которого анализируются враждебные кампании печатных органов оппозиции. В программе Эрнесто Вильегаса «На полном доверии» затрагиваются в первую очередь проблемы внутренней жизни страны. Но безусловным лидером по рейтингу стала ночная передача Марио Сильвы «Бритва», которую с равным напряжением ожидают боливарианцы и оппозиционеры. Коммунист по убеждениям, пропагандист идейного наследия Че Гевары, Сильва никогда не претендовал на имидж корректного, взвешенного тележурналиста. «Разгребатель грязи — вот моя специализация», — заявлял он. Он разоблачает бюрократов и коррупционеров в боливарианских структурах, членов «пятой колонны», заговорщиков «новой волны». В его программах часто звучат записи телефонных разговоров, поступающие из источников, «заслуживающих полного доверия»: о подготовке актов саботажа и диверсий, покушений на президента и других деятелей революционного процесса. Аналитический дар Марио Сильвы позволяет ему «по косточкам» разбирать подрывные акции оппозиционных телеканалов, называть заказчиков, фальсификаторов правды, разъяснять конечные цели заговорщиков.

Фронт информационной войны простирается далеко за пределы Венесуэлы. В 2009 году эксперты министерства связи и информации Венесуэлы подвергли специальному анализу десятки газет, обладающих определённым весом на международной арене, среди которых: «El País» и «ABC» (Испания), «Clarín» (Аргентина), «El Comercio» (Эквадор), «O'Globo» (Бразилия), «La Jornada» (Мексика), «El Mercurio» (Чили), «La Razon» (Боливия), «New York Times» и «Washington Post» (США). Было установлено, что 90 процентов публикаций, посвящённых Венесуэле, имеют

негативный характер и ориентированы на создание ложных представлений о «популистском режиме», целях Боливарианской революции, характере реформ и особенно — деятельности президента Уго Чавеса. Эта статистика подтверждает неоднократные заявления Чавеса о масштабном использовании против Венесуэлы «медийного терроризма».

Интенсивность подрывных пропагандистских атак на Венесуэлу с использованием телевидения, радио, Интернета, печатной прессы усилилась при президентстве Барака Обамы. Ключевые телеканалы США, привлечённые для распространения дезинформации о «режиме Чавеса», — это Си-эн-эн (на испанском языке) и Fox News. Они позволяют себе очень многое, даже «цензурировать» те выступления президента Обамы, которые могут быть истолкованы в качестве жеста «доброй воли» в отношении «популистских режимов». Сетования Обамы на то, что канал Fox News незаслуженно подвергает критике его деятельность, вызвали сочувственную реплику Чавеса: «Теперь ты понимаешь, Обама, теперь ты на себе начинаешь чувствовать, чем оборачивается стремление к переменам».

Помимо телеканалов десятки частных и правительственных радиостанций, включая «Радио Марти» и «Голос Америки», ведут с территории США передачи на Латинскую Америку — «для ослабления влияния Чавеса». Для информационных атак на Венесуэлу использовались среди прочих такие организации, как «Национальный вклад в поддержку демократии», «Репортёры без границ», «Межамериканское сообщество прессы», «Институт прессы и общества», «Сеть по поддержке справедливости и мира» и многие другие.

Мировые СМИ и всякого рода организации, подключившиеся к информационной войне против

Чавеса, обвиняли его во всех грехах: в поощрении экстремизма и оказании финансово-материальной помощи террористам (к ним относят партизанские группировки в Колумбии); в сотрудничестве с наркокартелями; в разжигании гонки вооружений на континенте; в использовании богатейших нефтяных ресурсов для рекрутирования латиноамериканских государств в «Социализм XXI века».

Неутомимо вбрасывались и вбрасываются десятки других «разоблачительных» тем и «дискуссионных» тезисов. Большая часть этих информационных фальшивок создаётся в специализированных центрах информационно-психологической войны США.

Всё это для того, чтобы поддержать необходимый накал «грязной медийной войны» против Венесуэлы, рассорить её со странами региона, скомпрометировать перед стратегическими союзниками (Куба, Китай, Бразилия, Россия, Иран). Среди резонансных «активок» чёрной пропаганды можно упомянуть «урановый скандал», связанный с якобы имевшим место «тайным допуском Ирана» к разработке месторождений этого минерала в штате Боливар. Всячески раздувается «опасность» поставок Венесуэле российского оружия.

В странах региона распространялась версия о том, что Чавес намерен стать единоличным лидером Латинской Америки. Особо вбивался клин между Чавесом и президентом Бразилии Луисом Инасио да Силва — Лулой. Оба президента — выходцы из народных низов, им легче было понять друг друга, объединиться. Потому в олигархических и милитаристских кругах Бразилии охотно подхватывали и тиражировали в СМИ тему: «Чавесу нельзя доверять, он ведёт двойную игру». Одним из следствий этого стало блокирование сенатом бразильского парламента полноправного членства Венесуэлы в МЕРКОСУР. Луле потребовалось время, чтобы преодолеть сопротивление

сената. А вот ещё один ловкий манёвр: проамериканские СМИ на континенте как по команде взялись за обсуждение планов «неизбежной» агрессии Венесуэлы против соседней Гайаны из-за территориального спора.

Американская журналистка Ева Голинджер исследовала различные аспекты «медийной войны», которую Соединённые Штаты вели против правительства Чавеса как на международной арене, так и в самой Венесуэле. Голинджер убедительно доказала, что к этому были причастны в равной степени спецслужбы США, Госдепартамент, Пентагон, исследовательско-аналитические центры американского военнопромышленного комплекса, институты, разрабатывающие стратегию и тактику «войны четвёртого поколения». Журналистка на конкретных примерах вскрыла механизм ведения такой войны против боливарианского правительства с использованием разветвлённой структуры «неправительственных организаций» (НПО), институтов «гражданского общества», «инициативных групп», «независимых СМИ» и т. д. и т. п. Она назвала десятки имён венесуэльских журналистов, которые прошли соответствующую «шлифовку» в США на средства различных фондов, финансируемых ЦРУ.

Апофеозом работы спецслужб, НПО и «медийных террористов» в странах с «неугодными правительствами» являются «цветные революции», но в Венесуэле хорошо отработанные схемы дестабилизации и захвата власти «по мягкому сценарию» не сработали. Чавес пользовался поддержкой большинства населения. Венесуэльцы за годы его правления реально ощутили, что Боливарианская революция шаг за шагом выполняет свои обещания и, самое главное, справедливо, в интересах всех граждан перераспределяет доходы от нефтяной торговли. В этих

условиях трудно было рассчитывать на успешную реализацию американских межведомственных планов по дестабилизации Венесуэлы и свержению Чавеса. Тем не менее все подрывные «мероприятия», запущенные в президентский период Буша, позже не только поддерживались, но и корректировались администрацией Обамы для придания им большего наступательного характера.

О необходимости пресечения «медийного терроризма» Чавес заявлял не раз. Какие шаги будут эффективными? Как положить конец доминированию в информационном пространстве транснациональных компаний, владеющих десятками телеканалов, радиостанциями, интернет-ресурсами, журнально-газетными картелями? Они используют самые продвинутые технологии ведения информационной войны, сплочённым фронтом защищают устои капитализма и противодействуют альтернативным проектам. Неолиберальная доктрина подаётся ими как высшее достижение общественно-политической эволюции. Все другие варианты организации общества и государства неолибералы отметают как не имеющие права на существование: кто не с нами, тот против нас! Этот тоталитарный подход поощряет неограниченное использование «медийного терроризма». Клевета, искажённая информация, сфабрикованный компромат, манипуляция с визуальным материалом, чтобы представить неугодного политического лидера в карикатурном виде, — всё пускают в ход «медийные террористы».

Парадоксально, но латиноамериканцы узнают о событиях в соседних странах именно так — через посредников с иностранным акцентом. Новости пропускаются через идейно-политическую цензуру телеканалов, отдающих предпочтение тем событиям на континенте, которые носят скандальную или

катастрофическую окраску. Телезрители никогда не располагают достоверной информацией о событиях в Латинской Америке. Нередко панамец не знает, что происходит в соседней Колумбии, колумбиец имеет превратное представление о Венесуэле, а рядовой венесуэлец куда больше осведомлён о Соединённых Штатах, чем о Бразилии или Аргентине.

Необходимость ответных действий на информационном фронте побудила Чавеса взяться за осуществление проекта регионального телевидения, создать международный телеканал TeleSur. Инициатива венесуэльского президента была услышана в Аргентине, Уругвае, Бразилии, Боливии, на Кубе. Двери в TeleSur открыты и для других латиноамериканских государств, заинтересованных в «свободном информационном пространстве», которое не контролируется монополиями радиоэлектронного эфира.

Штаб-квартиру TeleSur решили разместить в Каракасе. Чавес предупредил коллег-президентов, что боливарианская идеология не будет определять темы и проблематику передач телеканала, TeleSur воспринимает все точки зрения, готов к полемике на все темы, предоставит трибуну всем, кто может быть интересен латиноамериканскому зрителю. Была создана сеть корреспондентских пунктов — от Буэнос-Айреса до Нью-Йорка. С предложениями о сотрудничестве в TeleSur потянулись талантливые журналисты, кинодокументалисты, писатели, музыканты.

Об этом событии Чавес мечтал давно, и вот — свершилось! — в 2005 году, в день рождения Либертадора Симона Боливара, в эфире впервые появилась заставка телевизионного канала TeleSur, который, по замыслу венесуэльского лидера, должен был стать информационным стержнем региональной

интеграции, интеграции по-латиноамерикански. В церемонии запуска TeleSur приняли участие министр информации Венесуэлы и президент канала А. Исарра, генеральный директор TeleSur А. Ааронян, никарагуанский поэт Э. Карденаль, историк и журналист из Франции И. Рамоне, американский актер и правозащитник Д. Гловер и многие другие друзья революции из разных стран мира.

В Соединённых Штатах проект «подрывного канала» Чавеса вызвал отторжение уже на этапе подготовки. Палатой представителей Конгресса была принята поправка, разрешающая вести радиои телепередачи на территорию Венесуэлы — в противовес вещанию TeleSur. Один из инициаторов этой поправки прямо заявил, что Соединённые Штаты обязаны «пресечь антиамериканскую риторику». Конфронтационный характер поправки очевиден, поскольку в Венесуэле можно принимать сотни зарубежных телеканалов, причём более половины их — американские, в том числе Си-эн-эн и Fox News.

Мрачные предсказания противников телеканала южноамериканской интеграции не оправдались ни в чём. TeleSur с успехом занял свою нишу в информационном пространстве, отражая, освещая и комментируя события в странах континента с точки зрения самих латиноамериканцев. Канал успешно конкурирует с телемонополиями. Для ретрансляции сигнала TeleSur используется спутник «Симон Боливар», который по заказу Венесуэлы создали и запустили китайские ракетчики. Передачи TeleSur всё чаще берут коммерческие кабельные каналы. Принимать трансляции из Каракаса могут зрители во всех странах Западного полушария, в Европе, на западном побережье Африки. Со временем вещание TeleSur охватит всю планету.

Вслед за TeleSur Чавес предложил создать и RadioSur — мощную радиостанцию, вещающую на все континенты. Радиовещание — самый демократичный источник информации. В каждой латиноамериканской стране ежедневно выходят в эфир несколько сотен частных радиостанций. Они имеют локальный характер, их информационные программы затрагивают преимущественно местные вопросы. Международная проблематика освещается с «чужого голоса», поступающего с Рейтер, Ассошиэйтед Пресс, Франс Пресс и других. Качественная информация кубинского агентства «Пренса Латина», как правило, блокируется.

В Венесуэле Чавес дал «добро» на формирование боливарианской сети, в которую пока вошли 34 радиостанции. Прежде они принадлежали частным лицам, но срок лицензий на них истёк. Теперь радиостанции переданы общественнополитическим, студенческим и индейским организациям. Но этого недостаточно, чтобы нейтрализовать враждебную пропаганду: в Венесуэле действует не менее 250 оппозиционных радиостанций, целеустремлённо и злонамеренно промывающих мозги обывателю.

Перевороты последних лет в Гондурасе и Парагвае показали, что стратегия «медийного терроризма» прошла успешную обкатку. Западные массмедиа представляли свергнутых президентов Мануэля Селайю и Фернандо Луго «изменниками своего класса», «марионетками Чавеса», «авантюристами» и «убийцами». Новые попытки применения «медийно-террористического» опыта не за горами. С точки зрения Вашингтона, в Латинской Америке сейчас явный переизбыток «чрезмерно самостоятельных» лидеров.

Глава 33

ОБВИНЕНИЯ В КУЛЬТЕ ЛИЧНОСТИ

Изображения Чавеса в Венесуэле можно встретить повсюду, в самых неожиданных местах. Даже в глухие уголки Амазонии, в индейские посёлки проникли вездесущие фотоплакаты с его изображением. Чавес для индейцев — это «большой вождь», который с уважением относится к их традициям, не гнушается их едой, всегда выполняет то, что обещал.

Чавесом переполнены сувенирные лавки. Туристы охотно раскупают чашки и наручные часы с его изображением в берете десантника. Популярны скульптурные композиции: Чавес и Симон Боливар, Чавес и Фидель Кастро, Чавес и Джордж Буш. Поражает разнообразие сюжетов на майках: вот Чавес, героически выглядывающий из танкового люка; вот он с факелом в руке в «роли» статуи Свободы; вот его портрет на «законном» месте Б. Франклина на стодолларовой купюре.

К «чавесомании» подключились китайцы: из далёкой страны тысячами поступает в Венесуэлу и на континент говорящая пластиковая кукла «Чавесито» в красной рубашке и берете. В октябре 2007 года печатными и электронными СМИ было распространено сообщение о том, что Уго Чавес записал CD со своими любимыми песнями. Ажиотаж поднялся невероятный: всем хотелось получить этот CD. Потом выяснилось, что некая дама из министерства связи и информации подняла из архива выступления Чавеса по радио и телевидению, выбрала из них «песенные кусочки» и,

переписав их на диск, сделала подарок президенту в единственном экземпляре.

Обвинения в разжигании собственного «культа личности» стали раздаваться в адрес Чавеса с 2000 года, после того как его противники в стране и за её пределами окончательно поняли: президент и в самом деле намерен идти по пути глубоких социально-политических и экономических преобразований, о чём заявлял в предвыборной программе. Нужно было дисквалифицировать Чавеса как лидера, подбросить клинических аргументов в пользу его смещения.

Всё началось с запуска в международные массмедиа тезиса о «психическом нездоровье» Чавеса. Его энергетическая мощь, уникальные ораторские способности и дар импровизации трактовались «специалистами-психиатрами» как «отклонение от нормы» и «шизофреничность». На этой почве возникли другие «концепции», якобы доказывающие «анормальность» Чавеса. К примеру, утверждение о том, что он — «нарциссист». О «психическом нездоровье» боливарианского лидера стали как по команде писать венесуэльские оппозиционные СМИ и американские публицисты, ангажированные на подобных «разоблачениях», — такие как Андрес Оппенгеймер или Карлос Альберто Монтанер.

Для придания научной достоверности тезису о «нарциссизме» Чавеса были привлечены видные психиатры (из рядов оппозиции, конечно), которые выдали «достоверные» медицинские заключения. Всё в классических традициях эпохи холодной войны, но в модернизированном виде, соответствующем требованиям информационных противоборств нашей эпохи. Многие СМИ Венесуэлы воспроизвели опус врачапсихиатра Ф. Дельгадо Сеньора о «нарциссизме» президента. Вот выдержка из него: «Этот персонаж представляется себе чрезвычайно важным, всегда выше

всех прочих. Имеет большую потребность в ощущении признания, восхищения и уважения... и верит, что все обязаны относиться к нему с особым почтением... Он мечтает об успехе, поклонении и неограниченной власти».

Выводы психиатра, естественно, соответствовали поставленной пропагандистской задаче: «С таким изобилием материала, который даёт нам президент, и с таким количеством публичных появлений наблюдение за его поведением позволяет утверждать без какого-либо опасения ошибиться, что он полностью соответствует тем критериям универсальной психиатрии, по которым идентифицируется личность с характеристикой нарциссизма, что является структурной основой для формирования культа личности»(Цит. по: Oscar Medina. La tragedia del narcisismo// El Universal. 2.04.2006).

Полемика о культе личности Чавеса периодически возникала не только среди оппозиции, но и в боливарианских рядах. Не всем нравилось, что Чавес единолично возглавлял процесс революционных преобразований в Венесуэле. Политически грамотные партийцы приводили в пример письмо Ленина о недостатках Сталина и выводом о необходимости перемещения его на менее ответственное место. Намёк был более чем очевиден: не является ли Чавес и в самом деле «помехой» для революционного процесса в Венесуэле? Возникла даже концепция «чавизма без Чавеса», указывающая на целесообразность отстранения его от власти: если промедлить с этим, в боливарианском движении могут расцвести «эксцессы сталинизма».

Наиболее активные проповедники тезиса «чавизм без Чавеса» из левоцентристской партии «Podemos», долгое время входившей в Патриотический альянс, уже перешли в стан оппозиции. Другие, возможно,

дожидались подходящего момента, чтобы выступить с открытым забралом. Не исключено, что это они, подыгрывая оппозиции, исподтишка инициировали дискуссии об угрозе сталинизма и возникновения в Венесуэле культа личности по сталинской модели. Внешних предлогов для этого было достаточно: на официальных учреждениях были вывешены огромные плакаты с изображением президента, боливарианские митинги и манифестации проходили под сенью огромных портретов Чавеса, «дублирующих» пропагандистские клише сталинской эпохи в СССР. Началось увековечивание «памятных мест», связанных с революционной деятельностью Чавеса. Так, Военно-исторический музей в казарме Ја Монтанья был превращён в Музей революции имени 4 февраля (Ещё один пример: в штате Ансоатеги в местечке Сан-Матео стараниями губернатора Таре ка Вильяма Сааба был возведён монумент «Клятва Чавеса», посвящённый первой попытке никому не известного лейтенанта создать (в октябре 1977 года) конспиративную организацию из четырёх подчинённых ему солдат под названием «Боливарианская армия освобождения Венесуэлы». На возведение памятника, разбивку парка, устройство смотровых площадок и т. п. были выделены значительные средства. Монумент стал одним из самых посещаемых туристических объектов в штате.). Без продолжительных оваций не обходилось ни одно мероприятие, в которых участвовал президент, и, нужно сказать, что это были не натужно-организованные, а спонтанные аплодисменты «чавистских масс».

Один из левых политологов написал: «Мы не представляем Уго Чавеса последователем Сталина. Конечно, эксперименты (русский и венесуэльский. — К. С.) весьма отдалены, несхожи в различных аспектах. Но при всех условиях Чавес должен в обязательном

порядке ознакомиться с историческим документом — выступлением Хрущёва на XX съезде КПСС. Тогда он сможет предвидеть, к каким отклонениям приводит культ личности. Он сможет понять, почему та часть его окружения, которая обожествляет его и скрывает от него реалии, состоит не из подлинных союзников. Это его враги. Среди них есть те, которые жаждут стать преемниками, и тогда (после знакомства с докладом) он сумеет правильно определить те непредвиденные обстоятельства, которые могут вывести его из игры»(См.: Henry Crespo F. Culto y personalidad // Las Verdades de Miguel. 25.01.2008.).

Оппозиционной неправительственной организацией «Активные граждане» (Ciudadania Activa) был подготовлен документальный фильм «Это я — единственный! Курсом на тоталитаризм XXI века». Премьера фильма и его обсуждение прошли по сценарию «разоблачения растущего культа президента Чавеса, который подвергает серьёзной угрозе функционирование демократических институтов, препятствует нормальному развитию политической и социальной жизни в Венесуэле». Эпиграфом к фильму была взята цитата из выступления Чавеса: «Я убеждён, что только один человек может управлять страной в переживаемый нами исторический момент, — его зовут Уго Чавес Фриас».

Культ Чавеса естественно возник и существует в той народной среде, которую относят (60–70 процентов населения) к «отверженным», к «униженным и оскорблённым». Жители «ранчос», безземельные крестьяне, городской люмпен, подённые рабочие — почти все они в различной форме получили социальную поддержку от правительства, надежду на дальнейшее улучшение качества жизни. Они верят в то, что «Чавес не обманет». В бедняцких жилищах непременно есть фотографии президента. Лозунг «Вместе с Чавесом

правит народ» беднякам не кажется преувеличением. Уличные художники начали рисовать портреты Чавеса для продажи сразу же после событий 4 февраля 1992 года и подвергались за это преследованиям полиции.

Для простых людей Чавес — культовая фигура. Именно поэтому его изображение поместили в свиту богини Марии Лионсы, «индейской королевы», венесуэльской святой. Культ Лионсы имеет синкретический характер и связан корнями с католической религией, пантеизмом и язычеством. Святилище Марии Лионсы находится на горе Сорте в штате Яракуй. Здесь всегда полно людей, ищущих защиты, помощи. Кто-то жаждет избавиться от «сглаза», кто-то хочет спастись от разорения. Как и полагается, королева имеет свою свиту, причём ключевыми фигурами в ней являются индейский вождь Гуайкайпуру и Негр Фелипе. Есть у королевы и другие авторитетные спутники, например такие персонажи далёкого прошлого и новейшей истории, как Клеопатра, Симон Боливар, Хуан Висенте Гомес, Сталин и Джон Кеннеди. Так что Чавес оказался в весьма представительной компании.

В 1950-е годы в честь народной богини Марии Лионсы по указанию президента-диктатора Переса Хименеса в центре Каракаса воздвигли десятиметровый монумент (скульптор Алехандро Колина). Он существует и сейчас. Силуэт обнажённой женщины, оседлавшей дикого тапира, словно парит над забитой машинами автострадой. Часто рассказывают историю о том, что в 1952 году, когда Перес Хименес совершил военный переворот, он дал обет ежегодно возводить по статуе в честь «королевы». В 1958 году что-то помешало диктатору, он не исполнил зарок и был свергнут.

В июне 2004 года скульптура Марии Лионсы вдруг переломилась в поясе и бетонное тело богини

бессильно повисло на арматуре. Как писали в газетах, глаза её устремились в небо, словно «стараясь отыскать там спасительную поддержку». Приближался день «отзывного референдума», и поклонники культа Лионсы истолковали её «саморазрушение» как высшую степень тревоги перед приближением драматических событий. Богиня «пожертвовала» собой, чтобы «прекратить радикальную вражду венесуэльцев из-за Чавеса». Судя по всему, Мария Лионса была всё-таки на стороне Чавеса. Он победил.

Глава 34

НА ПУТИ К «СОЦИАЛИЗМУ XXI ВЕКА»

Разобраться во всех нюансах «чавизма» как постоянно меняющейся доктрины — сложнейшая задача. На эклектизм идейных установок Чавеса постоянно указывали правые, левые и независимые политологи. Личное бессменное лидерство — первостепенный элемент доктрины. Может быть, поэтому Чавес не любил говорить о том, кто конкретно может стать его достойной заменой, надёжным преемником. В силе оставалась схема «треугольника власти», предложенного Норберто Сересоле: «Лидер — армия — народ».

Претендентов на роль «интерпретаторов чавизма» было достаточно. Среди них — Игнасио Рамоне, главный редактор газеты «Ле Монд Дипломатик», политолог из Чили Марта Харнекер и учёный из Мексики (немецкого происхождения) Хайнц Дитрих. Необходимо отметить, что именно Дитрих претендовал на лавры создателя концепции «Социализма XXI века», заключающейся, по его словам, в том, чтобы «большинство приобрело наибольшую исторически возможную степень влияния на решения в тех экономических, политических, культурных и военных организациях, которые определяют его жизнь» (См. интервью с Х. Дитрихом в газете «El Nuevo País» от 13 января 2007 года.).

Иронические, саркастические и уничижительные выпады со стороны оппонентов в адрес «социализма с венесуэльским лицом» звучали и звучат как в Венесуэле, так и «во всемирном масштабе». «Бесполезные импровизации, тупиковый путь,

напрасная трата ресурсов страны» — этот стереотип оценок находит одобрительный отклик в условиях современного неолиберального мира. Но дело как раз в том, что Чавес никогда не считал себя истиной в последней инстанции по проблематике «Социализма XXI века». Он постоянно цитировал ответ Фиделя Кастро на вопрос о том, какая самая большая ошибка была им допущена за время пребывания на посту руководителя Кубы. Фидель сказал честно: «Я верил, что кому-то доподлинно известно, как именно надо строить социализм». Поэтому и своим сторонникам Чавес говорил: «У меня нет готового проекта социализма, я обращаюсь к вам: стройте социализм, стройте его снизу, по вашим представлениям».

По признанию Чавеса, ему не слишком нравился термин «чавизм», используемый для обозначения его вклада в обновление социалистической идеологии, борьбу за построение «Социализма XXI века». Неизбежность прихода социализма и его спасительная роль для будущего человечества для Чавеса аксиома. Поэтому он досконально знакомился с трудами классиков марксизма-ленинизма, уделяя особое внимание опыту формирования «партии авангарда». О своих поисках, размышлениях и выводах Чавес говорил публично, обращаясь не только к своим сторонникам, но ко всем венесуэльцам, словно подчёркивая: я ничего не скрываю от народа. Помимо классиков, он часто цитировал Плеханова, Грамши, а в последнее время — Троцкого, революционная несгибаемость и непримиримость которого к империализму импонировали ему.

Создание Единой социалистической партии Венесуэлы (PSUV) потребовало от Чавеса немалых усилий. Традиционные союзники (Patria Para Todos, Podemos, Компартия), на которых опирался Чавес в рамках «Патриотического полюса» и «Движений Пятая

республика», явно не стремились к тому, чтобы раствориться в организации, программа, устав и структура которой требовали «обкатки» и проверки на конкретных делах, а кадры — идеологической шлифовки.

Вопрос слабой политической подготовленности среднего руководящего звена PSUV беспокоил Чавеса. Президент рассчитывал на помощь Компартии, но ошибся. «Мы будем помогать процессу во всём, — заявили коммунисты, — но как самостоятельная политическая сила, исторически ориентирующаяся на пролетариат». Эмоциональный Чавес обиды не сдержал и, как всегда в подобных случаях, высказался наотмашь: «Ну и шут с вами! Какая тут помощь! Обойдусь! Весь состав этих партий поместится в “фольксваген”, в котором я ездил, будучи лейтенантом!» Задачу подготовки политически грамотных кадров для PSUV Чавес возложил на Вильяма Исарру, который также бил тревогу по этому поводу. Раньше президент использовал Исарру на различных «прорывных» участках, даже в МИДе, где он одно время был заместителем министра по странам Азии и Океании, хотя занимался в основном кадровой чисткой МИДа от «ненадёжных элементов Четвёртой республики». Чавес одобрил проект Исарры по созданию центров идеологической подготовки партийцев, территориально охватывающих всю страну.

Исарра с энтузиазмом взялся за дело. Вскоре центры заработали повсюду. Местные власти выделяли для них помещения в административных учреждениях и учебных заведениях. Экономия средств, никакого расточительства! Была подготовлена программа подготовки партийных кадров, в которой учитывалась рекомендация Чавеса: изучать теорию «Трёх корней» как основу идеологии «Социализма XXI века». Исарра добавил в учебную программу темы по своему выбору.

По его мнению, нельзя было игнорировать классиков марксизма-ленинизма, Троцкого и Фиделя Кастро.

Исарра выдвинул такие требования к «образцовому» слушателю Центра подготовки: «Он должен быть прирождённым мыслителем. Интеллектуально активным. Знатоком тех проблем, которыми ему предстоит заниматься. Он не может быть пассивным, не умеющим противоречить человеком, проявляющим робость в изложении своих взглядов. Он не может быть покорным исполнителем, который автоматически делает всё, что ему приказывают. Он должен опираться на свои способности, чтобы анализировать имеющиеся факты и реалии, и на этой основе строить свою собственную политическую модель. Уметь переходить от абстрактного к конкретному, проверяемому практикой».

Руководитель центров подготовки отвергал традиционное понятие партии, поскольку организации подобного типа, по его мнению, являются механизмами, «обслуживающими политическую клиентуру». «Надо прощаться с привычными шаблонами, — настаивал Исарра, — и, опираясь на новую политическую культуру, создать на ближайшие сто лет такую народную структуру, которая будет радикально противоположна тому, что сейчас нам известно под именем политической партии».

По замыслу Исарры, выпускники центров подготовки будут формировать «передовые народные структуры», способные управлять и государством, и революционным процессом. Со временем функции PSUV полностью перейдут к таким «образованиям». В методических лекциях Исарра иллюстрировал концепцию слайдами с выкладками и схемами. Процесс замены правящей партии на «передовую народную структуру» изображался как поэтапная левитация пирамиды, вершина которой — партийное руководство,

а основание — партийная масса. Пирамида, поставленная на вершину, — таков визуальный образ «передовой народной структуры».

По прогнозам Исарры, произойдёт эта трансформация приблизительно к 2020 году, то есть тогда, когда революционное переустройство Венесуэлы по чертежам Чавеса будет в основном завершено. Через центры уже прошли тысячи курсантов. Так что кадровая партийная работа идёт ударными темпами...

Призыв Чавеса формировать партию «снизу вверх», чтобы рядовые партийцы выбирали в руководство наиболее авторитетных, подготовленных и убеждённых товарищей, был услышан далеко не во всех организациях. Активизировались карьеристы, политические «прилипалы», агенты «пятой колонны». Но Чавес руководствовался пословицей «Собаки лают, а караван идёт». В конце марта 2007 года президент принял клятву первой группы активистов PSUV (2400 человек). Выступая на церемонии, Чавес сказал: «Мы должны построить партию, которая порвёт со всеми политическими схемами прошлого. Мы обязаны избавиться от сектантства, личного и внутривнутрипартийного соперничества, чтобы создать социалистическую боливарианскую партию. И речь идёт не о едином мировоззрении (*pensamiento único*), а о единой партии».

Оппозиция не жалела сил для компрометации социалистической идеи. Поэтому в повседневной жизни Венесуэлы то и дело возникали проблемы, которые вызывали законную обеспокоенность граждан. Всемирную огласку получила периодически возникавшая в стране нехватка продовольственных товаров: «Социализм Чавеса привёл к систематическим перебоям в продаже продуктов питания первой необходимости». Сахар, пшеничная и кукурузная мука, молоко, яйца, мясо, рыба — всё это вдруг становилось дефицитом, а СМИ обыгрывали это в привычно

драматическом ключе: «Чавес в своём стремлении к социализму не останавливается ни перед чем, даже морит народ голодом».

Впервые перебои начались, когда производители, поставщики и торговцы начали выражать недовольство жёсткой ценовой политикой правительства, которое пыталось остановить инфляцию. «Мы торгуем себе в убыток», — заявляли владельцы магазинов и припрятывали товар. Тревожные сюжеты непрерывно транслировались по оппозиционным телеканалам, вызывая панику у населения. Венесуэльцы скупали впрок всё, что могли.

«Это классический саботаж, организованный подрывными центрами в Соединённых Штатах, — разъясняли представители правительства. — Наши враги хотят организовать голод в стране, но его не будет. Мы предпринимаем экстренные меры по закупкам продовольствия за рубежом». Под контролем военных в стране была создана сеть народных магазинов «Меркаль», в которых всегда есть в продаже необходимые продукты. Продаются они по льготным ценам, чтобы сбить волну саботажа и спекуляции. В этих магазинах могут отовариваться все, в том числе обитатели привилегированных районов. Коекто этим пользуется, отправляя кухарок на закупки. Не удивительно, что к этим магазинам выстраиваются очереди (Государственная торговля составляет в настоящее время не более 10 процентов продовольственного рынка.).

В 2007 году объединяющим фактором для оппозиции стала борьба против реформирования конституции: Чавес пытается превратить её из боливарианской в социалистическую! Он хочет стать пожизненным президентом! Не допустим! Наиболее активно против реформы выступали студенты. «Детки из богатых семей» — окрестили их боливарианские

СМИ. Это было не совсем верно, поскольку среди манифестантов преобладала молодёжь из среднего класса.

Было бы наивным считать, что лагерь сторонников Чавеса состоит из политически компактной и фанатично настроенной массы последователей. Критические настроения по поводу «волютаристских экспериментов» с Основным законом возникли и среди боливарианцев. Острота и динамизм преобразований в стране, некоторая поспешность в деле создания социалистической индустрии, проведения аграрной реформы (с применением конфискаций «непродуктивных» земель), идеологизация вооружённых сил (с использованием кубинского опыта), а также реформа образования (тоже по кубинскому образцу) — всё это побудило некоторых «реалистично мыслящих» попутчиков Чавеса к переходу в лагерь оппозиции. Так, порвал с чавизмом Исмаэль Гарсия, руководитель партии «Podemos». Решение его было вызвано принципиальными расхождениями во взглядах с Чавесом на пути развития Боливарианской революции. Сегодня Гарсия фигурирует в первых рядах радикальной оппозиции.

Большой политический резонанс вызвал переход в ряды оппозиции генерала Рауля Бадуэля. Его критика Чавеса не отличалась оригинальностью, всё уже было сказано оппозицией: президент добивается полного подчинения ветвей власти, ликвидации демократии и установления диктатуры, чтобы таким образом облегчить себе задачу «введения социализма сверху». Предательство Бадуэля стало для Чавеса тяжёлым ударом: когда-то они вместе под Саманом Гюэре давали клятву бороться за счастливое будущее Венесуэлы. Теперь рядом с ним нет никого из той четвёрки «самых первых». У Бадуэля не было причин для обид: благодаря его, Чавеса, поддержке он успешно продвигался по

служебной лестнице, получал все посты, на которые претендовал. И вот — после стольких испытаний, включая апрель 2002 года, — дезертировал! В июле 2007 года на церемонии передачи поста министра обороны Бадуэль, произнося прощальную речь, несколько туманно и витиевато высказал критические суждения о социализме. Министр фактически подал сигнал о том, что после ухода с военной службы будет придерживаться более консервативной позиции в отношении реформирования страны: в Венесуэле нельзя допускать перегибы в духе «реального социализма в СССР», не менее ошибочен и курс на построение государственного капитализма. Слушая Бадуэля, Чавес даже бровью не повёл и в своём заключительном слове сказал, что речь уходящего министра представляет большой теоретический и практический интерес и будет опубликована отдельной брошюрой массовым тиражом. Постарался не выдать подлинных чувств и сам Бадуэль. Слова Чавеса были восприняты всеми как искренняя похвала, но за ними скрывалось только одно — ирония.

Четыре месяца после ухода в отставку Бадуэль находился в тени, внимательно наблюдая за перипетиями кампании «за» и «против» внесения поправок в конституцию. Он ждал звонка Чавеса. Какой пост предложит ему президент? Он всегда старался устроить близких ему военных на престижные должности в государственном аппарате. Для генерала Гарсии Карнейро, экс-министра обороны, Чавес даже в своё время специально придумал министерство народного участия и социального развития. На что может претендовать он, Бадуэль? Тут сомнений у него не было: после поста президента в Венесуэле самая значимая позиция — руководителя PDVSA и министерства энергетики. Об этом и пойдёт речь. Правда, звонок от Чавеса задерживался, но это

понятно: по опыту работы личным секретарём президента Бадуэль знал: тот всегда «берёт паузу» перед ответственными назначениями. К тому же надо было решать вопрос о перемещении президента PDVSA Рамиреса на новую должность.

«Пауза» Чавеса по непонятным причинам затягивалась. Приближался декабрь, месяц проведения референдума по реформированию конституции, а президент молчал. Знаменитое «восточное» терпение Бадуэля стало постепенно сдавать. Неужели Чавес своим молчанием даёт ему понять, что по каким-то соображениям не хочет прибегать к его услугам? Как долго это продлится? Стоит ли ему, Бадуэлю, вообще ждать? Не пора ли выдвигаться на самостоятельную политическую позицию? Два-три раза Бадуэль высказался в поддержку референдума, словно напоминая о себе Чавесу, а потом, почти без паузы, созвал пресс-конференцию, чтобы призвать венесуэльцев голосовать против внесения поправок в Основной закон. С каждым днём Бадуэль всё больше нервничал. Он узнал, что в министерстве обороны ведётся финансовая ревизия. Копали явно под него. Было ещё несколько выступлений, в которых Бадуэль критиковал «режим», «авторитаризм» Чавеса, его «прокубинский курс», «гонку вооружений» и «Социализм XXI века». «Надо как можно скорее избавиться от этого правительства, — наконец прямо заявил Бадуэль, — наша армия не должна оставаться в стороне».

Эти слова прозвучали как призыв к мятежу. Когда ситуация с Бадуэлем обсуждалась на Восьмом телеканале, в студию позвонил Чавес. Он сказал, что был готов к такому повороту событий, потому что «сердцем чувствовал», что готовится измена: «После всего, что было, — Военной академии, клятвы у старого Самана, участия в “MBR-200”, выступления 4 февраля и

всего другого, включая слёзы Рауля на поле Карабобо, когда он узнал, что назначен министром, — трудно примириться с его поступком. Он совершил предательство, которое можно сравнить с ударом кинжала в спину. Самое большое предательство Бадуэль совершил против себя, потому что убил тот образ революционного генерала, который существовал в народном восприятии...» Чавес надеялся, что, может быть, Бадуэль одумается, бросит изображать из себя мудрого политика и отправится в своё имение, чтобы заняться разведением племенного скота. Ничего этого не случилось, нападки экс-министра на «режим» стали более резкими. Бадуэль передал в типографию рукопись книги «Моё решение — Венесуэла, кризис и спасение» (Baduel R. I. Mi solucion — Venezuela, crisis y salvacion. Caracas: Ed. Libros Marcados, C. A., 2008.), которая носила программный характер. Он явно начал подготовительную работу по созданию собственного движения или партии. И самое главное, стал всё чаще апеллировать к офицерам: «Только от вас зависит будущее страны!» Проведённая в министерстве обороны ревизия показала, что Бадуэль с помощью «лично преданных» подчинённых в финансово-хозяйственных структурах армии «вывел» из её бюджета миллионные суммы, которые истратил на приобретение земель в штатах Гуарико, Тачира и Баринас, дорогостоящей сельскохозяйственной техники и племенного скота. Телевизионные сюжеты с именами-асьендами, пастбищами до горизонта и сотнями голов крупного рогатого скота, принадлежащего Бадуэлю, погасили первоначальный порыв оппозиции поддержать «опального генерала». Ещё один коррупционер из «боливарианской буржуазии»: политической перспективы не имеет...

Чавесу ничего не оставалось, как поставить подпись на представлении военной прокуратуры об аресте.

Арест был произведён агентами DIM при полном свете дня близ торгового центра, где чета Бадуэль обычно запасалась продуктами на неделю. Всё произошло так быстро, что экс-министр не оказал даже символического сопротивления. Его отвезли в военную тюрьму Ramo Verde. В годы Четвёртой республики Бадуэль умело «конспирировался» (то есть отсиживался) и избежал тюрьмы, через которую прошли многие его товарищи из «MBR-200». Так что знакомство с Ramo Verde в какой-то мере восстановило справедливость.

В мае 2010 года генерала Бадуэля за растрату и превышение служебных полномочий приговорили к семи годам и одиннадцати месяцам тюрьмы. По версии следствия, когда он занимал пост министра обороны в 2006 году, из ведомства пропали 18,6 миллиона долларов. Сам осуждённый отрицал свою вину, а свой приговор назвал политически мотивированным. Чавес, комментируя приговор, сказал, что «с началом революционного процесса в стране не стало неприкасаемых».

Тема ускоренного построения основ социализма в стране (Чавес отводил этой стратегической задаче 15–20 лет) весьма болезненна для венесуэльцев. Крах «реального социализма» в Советском Союзе и других социалистических моделях в странах Восточной Европы постоянно использовался оппозицией как аргумент против «прожектёрства» Чавеса. В ещё большей степени неприемлем для венесуэльцев социализм по кубински. Он ассоциируется с всесилием контролирующей роли государства и компартии, материальными лишениями, несвободой и преследованиями инакомыслящих. Такой социализм чреват десятилетиями вражды с Соединёнными Штатами, последствия которой негативно скажутся на уровне жизни венесуэльцев. Как ни пытался президент

убедить народ в том, что намерен строить «социализм с венесуэльским лицом», недоверие у значительной части населения сохранялось. Жизнелюбивые венесуэльцы не воспринимают имеющий явные кубинские корни лозунг — «Родина, социализм или смерть!».

Внесение поправок в Боливарианскую конституцию Чавес начал обдумывать сразу же после победы на президентских выборах 2006 года. Об этих планах он намекнул в своей «речи победителя», не вдаваясь в подробности. Но было понятно: «корректировка» Основного закона нужна для решения задач по строительству «Социализма XXI века». Позднее Чавес признался: он решил воспользоваться своим очередным (бесспорным!) успехом для того, чтобы перенести его «триумфальный импульс» на покорение новой стратегической высоты: законодательного обеспечения «курса на социализм». Обсуждение конкретных аспектов этой проблемы шло в предельно узком кругу испытанных соратников, поэтому каких-либо возражений Чавес не услышал. Было решено начать подготовку общественного мнения к «социалистическому виражу» во внутренней и внешней политике и, соответственно, проведению референдума по принятию поправок к конституции.

Где-то в начале 2007 года Чавес созвал очередную прессконференцию для иностранных журналистов в Зале Айякучо дворца Мирафлорес. После традиционного жребия, проведённого пресс-секретарём президента, мне — в числе пяти других счастливыхчиков — выпала возможность в порядке очередности задать вопрос президенту. В самом деле повезло, ведь только официально аккредитованных иностранных журналистов в Венесуэле более полусотни, представлены все крупные агентства и телеканалы. Чавес был одним из ведущих «нюсмейкеров», производителей новостей в Латинской Америке, и

пробиться к нему было нелегко. Ежемесячно в пресс-секретариат Чавеса со всего мира поступало до двухсот заявок на проведение интервью с ним. Ну а вопрос у меня родился такой: «Все последние месяцы, вы, господин президент, во время выступлений настойчиво возвращаетесь к теме сохранения своей руководящей роли в осуществлении реформ до 2021 года. Судя по всему, именно к этому времени будет “вчера” завершена реализация вашего проекта. Если это так, было бы интересно узнать, каким видится вам будущее Венесуэлы? Какой она станет в намеченные вами сроки? Чем будет выделяться среди других стран на континенте?» Я не сомневался, что на этот вопрос президент ответит с удовольствием. Ведь был же у него какой-то идеальный образ Венесуэлы, её грядущих достижений, процветания и, как он не раз повторял, — источника «максимального счастья» для всего народа...

Реакция Чавеса была иной. По лицу его пробежало облачко если не раздражения, то недовольства. Ему явно не понравилась затронутая тема. Без особых эмоций он сказал, что счастливая жизнь венесуэльцев — его постоянная забота и что все ответы на свои вопросы я могу найти в конституции. Привычным жестом он достал из внутреннего кармана пиджака томик Основного закона и показал его всем присутствующим: «Здесь сказано обо всём, и в первую очередь о том светлом будущем, которое ожидает нашу страну».

И всё! Это был самый короткий ответ Чавеса из тех, которые я когда-либо слышал на его пресс-конференциях! Что-то ему не понравилось в заданном вопросе. Но что? Я пытался разобраться в причинах столь необычной реакции президента. Никакого подтекста, в том числе иронического, вопрос не содержал. Неужели Чавесу показалось, что некий скрытый подвох в нём всё-таки был? Позже я понял,

что, демонстрируя синий томик, Чавес лукавил. В то время его уже занимал проект обновления конституции, её наполнения социалистической «составляющей». Но говорить об этом — без подготовки общественного мнения — было преждевременно.

Это и было, скорее всего, причиной предельной сухости ответа Чавеса. Прошло несколько месяцев после той прессконференции, и в руках президента появился другой томик — проект Социалистической конституции в ярко-красной обложке. О его достоинствах Чавес мог говорить часами, рисуя оптимистично-праздничные картины грядущей Социалистической Республики Венесуэлы.

Кампания за внесение поправок в конституцию велась сторонниками Чавеса в спокойной, уверенной в «правоте дела» тональности. Подтекст был такой: если президент считает, что ему нужен скорректированный вариант Основного закона, он его обязательно получит. Президент никогда не проигрывал! Президент выбрал правильный момент для своей инициативы! И тактически и стратегически он на несколько голов впереди оппозиции! На референдуме простой народ дружно проголосует за «построение социализма с венесуэльским лицом», за то, чтобы окончательно «сбросить оковы капитализма»! Исходные предложения по реформе конституции, которые подготовил сам Чавес, в ходе «общенародной дискуссии» стали постепенно размываться, дополняться, утяжеляться, и те, кто не слишком сильны в схоластике такого рода, запутывались и теряли интерес к проблеме. Марафонские обсуждения многочисленных поправок, которые транслировались проправительственными радиои телестанциями, казались венесуэльцам назойливыми: нет ли в этом какого-либо подвоха? Не кроется ли за этими дискуссиями стремление Чавеса добиться «пожизненного президентства»? Оппозиция

воспользовалась провалами боливарианского агитпропа. Застарелое недоверие среднестатистического венесуэльца к социализму как системе личной несвободы, материальных проблем, обязательного идеологического единomyслия было использовано «на всю катушку», причём нередко применялись самые примитивные аргументы периода холодной войны: будет введена уравниловка, запретят частную собственность, детей начнут отбирать в раннем возрасте, чтобы воспитать их в духе слепой преданности «режиму».

«Командо Самора», организационный центр, созданный по указанию Чавеса для ведения кампании в пользу реформы конституции, не всегда объективно оценивал обстановку на местах. По сведениям «Командо», опросы общественного мнения стабильно предвещали убедительную победу «скорректированного» проекта конституции. Уверенность Чавеса в триумфе проекта была столь велика, что порой создавалось впечатление, что он самоустранился от отличного ведения кампании, передоверив её соратникам: министрам, губернаторам, активистам Соцпартии, студенческим лидерам-боливарианцам.

В день референдума оптимизм Чавеса стал угасать: активность венесуэльцев на участках для голосования не радовала. Кто-то из присутствующих в кабинете президента негромко сказал: «Электорат на пляже». У венесуэльцев поездка в конце недели на пляж — это святое. 30–40 процентов электората Венесуэлы обычно уклоняется от выполнения своего «гражданского долга» и традиционно обозначается как «ни-ни», то есть ни за тех, ни за других. Оппозиционные активисты до последней минуты работы участков для голосования сражались за каждый голос, объезжая свои районы и призывая прийти к урнам, чтобы не допустить никаких

поправок в конституцию. Проправительственные активисты, напротив, были легкомысленно уверены в победе.

Объявление Национальным избирательным советом предварительных итогов референдума ожидали в 8–9 часов вечера. Но час шёл за часом, а сводка не оглашалась. По венесуэльскому закону результаты голосования сообщаются только тогда, когда установлено, что тенденция необратима, что новые поступающие данные не изменят общую картину. Время шло к полуночи, а Избирательный совет по-прежнему хранил молчание. Представители оппозиции стали делать будоражащие заявления: нас хотят обмануть! Только в половине первого ночи Чавес вышел из своего кабинета в Мирафлоресе и направился в зал, где его ждали журналисты. Председатель Избирательного совета Тибисай Лусена уже выступила по телевидению: против проекта реформы проголосовало 50,7 процента избирателей, за него — 49,3 процента. По её словам, не все голоса были подсчитаны, не поступили полностью сведения с отдалённых избирательных участков, но тенденция сохранялась неизменной: чуть больше половины электората высказалось против проекта Чавеса. Победила оппозиция. В обращении к народу Чавес сказал, что референдум прошёл в лучших традициях демократии, на высоком этическом уровне.

Он обратил внимание на большой процент воздержавшихся — 44, что, по его мнению, негативно сказалось на результатах голосования и, соответственно, дальнейшей судьбе проекта. Его придётся отложить, но не отказаться от него совсем. Он поздравил оппонентов и посоветовал с толком распорядиться победой: научиться уважать идеологические различия, искать истину в дебатах, а не на путях насилия, конспирации, подчинения Империи.

Чавес назвал победу оппозиции «малюсенькой» и «пирровой».

Обратившись к соратникам, Чавес сказал: «Мы продолжаем битву за социализм в тех рамках, которые нам позволяет эта (1999 года. — К. С.) конституция. О предложенной реформе можно говорить бесконечно, потому что в ней есть идеи очень отважные, некоторые — беспрецедентные. Я не встречал прецеденты некоторых из этих предложений — экономических, геополитических, социальных. Шестичасовой рабочий день, к примеру, не имеет параллелей в мире. Новая геополитика власти. Новое экономическое видение. Социальная собственность. Коммунальная собственность. Гражданская собственность. Хочу, чтобы вы знали, что ни одной запятой из этого проекта я не вычёркиваю. Предложения венесуэльскому народу остаются в силе, они живы, они не умерли... Мы уже знаем, каким будет будущее... Пока не получилось, но я сохраню этот курс и говорю венесуэльским рабочим, венесуэльским мужчинам и женщинам, даже тем, кто не голосовал за реформу, что социальные предложения, содержащиеся в ней, являются самыми передовыми на этой планете. Мы продолжим работу над ними, сделаем всё возможное, чтобы посоветоваться с вами, чтобы продолжить дебаты по темам и добиться максимального социального включения всех венесуэльцев!» Главной причиной провала референдума по «корректировке» конституции была низкая активность Единой соцпартии. Более трёх миллионов её членов не пришли на участки для голосования! В качестве следующего шага Чавес как лидер партии предложил «Программу 3 R» — Revision, Rectification, Reimpulso (ревизия, исправление, придание нового импульса). Первый чрезвычайный съезд PSUV готовился почти в авральном режиме. Дата его проведения переносилась несколько раз. Чёткой

предварительной информации о намеченной повестке не было, что вызвало критические отклики рядовых партийцев. Неужели сценарий съезда уже написан и рядовым делегатам придётся послушно голосовать за уже принятые «наверху» решения? Тогда чем отличается PSUV от буржуазных партий Четвёртой республики? Эта затянувшаяся неопределённость с проведением чрезвычайного съезда во многом отражала сомнения самого Чавеса. Что делать? Какая партия нужна для ускорения и возглавления революционного процесса? В «полевевших» странах Латинской Америки социализм воспринимается как противовес глобализации, которая безжалостно стирает национальные различия. Чавес, нащупывая пути к «Социализму XXI века», пытался трансформировать венесуэльское общество так, чтобы не нанести смертельных ран жизнедеятельности самой нации. Клеймя прежнюю систему («капитализм — это дерьмо»), он пока что сохранял институт буржуазной демократии, подчиняя его своим реформистско-революционным целям. Как объяснить членам PSUV, что «социалистически ориентированные националисты» творят историю, постепенно ослабляя устои капитализма в стране, осознанно не прибегая к полному революционному слоу нынешнего общественногосударственного устройства? Любой неверный шаг — это дестабилизация, развал экономики, социальный хаос. Такое Венесуэла пережила в дни «Каракасо», когда президент Перес пытался одним махом — «шоковой терапией» — ввести страну в эпоху продвинутого неолиберализма.

Надо отметить, что в Венесуэле даже среди левых не все разделяли взвешенный, учитывающий социально-политические реалии страны подход Чавеса к строительству социалистического общества образца XXI века. Радикалам, конечно же, хотелось бы одним

махом покончить со старым миром, но... В Европе это уже проходили...

К счастью для венесуэльцев, Чавес обладал нечеловеческим терпением, выдержкой. Сколько раз, например, в дни нефтяного саботажа и непрерывных провокаций со стороны оппозиции казалось, что он имеет полное право разогнать всех силой, одним росчерком пера запретить подстрекательские газеты и телеканалы. Но враги не добились этого. В мировых СМИ было много шума по поводу «наступления на свободу прессы в Венесуэле», когда был «закрит» один из оппозиционных телеканалов RCTV. В действительности у него кончилась лицензия на открытое вещание, которая властями не была продлена. Использовать кабельное телевидение владельцам RCTV никто не запрещал, несмотря на многолетнюю антиправительственную деятельность. И так — во всех конфликтных ситуациях. Оппозиция нагнетала страсти, Чавес выдерживал долгую, иногда очень долгую, паузу, и искусственно раздутая причина раздора исчезала сама по себе! Из-за «принципиальных разногласий» разошлись дороги Чавеса и Дугласа Браво, бывшего партизанского команданте. Браво сомневался в искренности революционных устремлений Чавеса, считал, что радикализм его публичных выступлений и реальная политика не стыкуются. По версии Браво, причина была в том, что после прихода Чавеса к власти его военные соратники становились всё более консервативной силой и, чтобы не утратить влияния на них, президенту приходилось маневрировать, идти на скрытые уступки олигархам и транснациональным компаниям, особенно в энергетической сфере.

Браво утверждал, что продолжает теоретическую работу над альтернативным вариантом народовластия. Но вероятнее всего, партизанский вождь решил, что его лимит на революционные авантюры исчерпан, «пора

пожить для себя». В телевизионных интервью Дуглас Браво охотно рассказывал о своём увлечении — выращивании африканских страусов. О доходности своего бизнеса по продаже птичьего мяса он говорил с такой же пылкостью, как 30 лет тому назад — в подполье — о формировании партизанских ячеек и разжигании антиимпериалистической борьбы на континенте.

Впрочем, далеко не все «старрики» из левых отказались от борьбы за создание общества социальной справедливости. До последних дней жизни поддерживал Чавеса Гильермо Гарсия Понсе, участник знаменитого побега из тюрьмы Сан-Карлос, бывший председатель Политического командования Боливарианской революции. Можно также назвать Иеронимо Карреру, председателя Компартии, умершего в апреле 2013 года. Помогал Чавесу словом и делом седоголовый Хосе Висенте Ранхель, он долгое время занимал посты в правительстве, был вице-президентом страны. Этих людей не изменило время, они говорили на привычном языке правды, не прибегая к «неолиберальному эсперанто».

В Венесуэле нередкое дело — переход в лагерь оппозиции, если «режим» отказывается от услуг того или иного видного функционера. Многие ожидали такой реакции от Ранхеля, который, уйдя из правительства, стал обозревателем на телеканале «Веневисьон». В Венесуэле Ранхеля воспринимали порой как голос «здравомыслия» в боливарианских рядах. Ему приписывали намерение возглавить «чавистское правительство без Чавеса». Все помнили о его дружбе с Микеленой. «Теперь, когда руки Хосе Висенте развязаны, — твердили правые аналитики, — он, как дон Луис, скажет всю правду о Чавесе и его режиме». Но, покидая правительство, Ранхель обещал, что будет хранить верность революции, её признанному лидеру.

Не всё нравилось опытному политику в революционном процессе, но он, даже критикуя его отдельные стороны, никогда не скатывался до ультиматумов.

Среди сторонников революционных преобразований в Венесуэле всё чаще появлялись признаки недовольства тем, что они пробуксовывают, носят декларативный характер. Количество тревожных писем, обращений, призывов к Чавесу становилось всё больше, и по содержанию они, как правило, совпадали. Приведу содержание одного такого пространного письма, опубликованного рядовым революционером Рамоном Гарсией на боливарианском портале arogrea.org: «Революция в Венесуэле так по-настоящему и не набрала силы, не возмужала. Возможно, к этому никто и не стремится. Революцию называют “чавистской”. Революция должна быть без персональных эпитетов, так, как это было и есть на Кубе. На острове это просто Революция, и Фидель Кастро всегда говорил “мы, революционеры”, избегая говорить “мы, фиделисты”.

Нет сомнения, что без объединяющей роли Чавеса революционный процесс в Венесуэле превратился бы в вакханалию. По этой причине ему как лидеру надо внимательнее относиться к тому, что и как он говорит о врагах процесса и о его попутчиках. Схожесть критических выпадов, жёсткость и острота выражений не идёт на пользу консолидации политических сил революции в Венесуэле. Чавесу не надо безоговорочно идентифицировать себя с теми “чавистами”, которые выдвигаются кандидатами на выборах. Если бы они были настоящими лидерами, пользовались поддержкой народа, то не хваталась бы за президента как за палочку-выручалочку. Многие из них, победив и вкусив власти, все свои провалы и неудачи будут списывать на президента. Так уже было не раз.

Чавесу не следует “отправлять куда подальше” тех попутчиков, которые отстаивают свои принципиальные

позиции. Стоит ли во имя идеально понимаемого единства разрывать политические связи, если, к примеру, попутчики намерены предложить на выборный пост своего кандидата, а не того, которого выдвинула соцпартия? Не все кандидаты соцпартии выдержат проверку временем, выдвигать только их равносильно самоубийству. Проигрыш на референдуме о поправках к конституции был вызван не тем, что “недоработали и недосмотрели”, а недовольством электората. Многие губернаторы и алькальды, которых когда-то поддержал Чавес, на своих постах работали плохо, откровенно саботировали этот референдум. Они снова включены в списки соцпартии.

Не надо поддаваться эмоциям и использовать крепкие выражения по адресу тех, кто критикует с дружеских позиций. Помните, как участник программы “Алло, президент!” пытался сказать, что вас часто обманывают люди из вашего окружения? Вы разозлились и ответили ему в непозволительной манере, и свидетелем этому была вся страна. Но этот человек только и сделал, что набрался храбрости и сказал вам свою правду.

В Соцпартии есть “лидеры”, которые понятия не имеют о социализме. Они не скованы партийной дисциплиной, лишены морально-этических качеств, были замечены в расточительстве и склонности к разгульной жизни. Какого личного примера можно от них ожидать? Если не призвать их к порядку, не потребовать незамедлительной внутренней чистки в партии, то недовольство народа не заставит себя ждать. Они проносятся мимо нас в роскошных автомашинах, дружат с финансовыми дельцами и спекулянтами, и это очень опасная вещь, потому что ведёт к разочарованию народа. Когда же вам потребуется его вооружённая поддержка, а такой день рано или поздно обязательно настанет, многим будет

трудно решиться на такой шаг, грозящий гибелью. И всё из-за того, что у этих людей будет ощущение моральной безнадёжности нашего дела».

Внутренние конфликты в соцпартии не прекращались, шла борьба группировок, мимикрирующая «пятая колонна» подогревала напряжённость. Все хотели руководить, желающих работать просто «за идею» было очень мало.

На церемонии открытия здания новой «цивилизованной» тюрьмы в Коро (штат Фалькон) Чавес обратил внимание министров, боливарианских руководителей и ответственных чиновников, которые сидели в первых рядах, на деревушку по соседству: «Посмотрите, вон там, неподалёку от нас, находится селение, три-четыре бедняцких дома, подслеповатых, умирающих от жажды. За пять долгих лет строительства тюрьмы никто из вас даже не приблизился к этим домишкам. Десятки, сотни функционеров побывали здесь, даже, возможно, останавливались, чтобы выпить чашечку кофе. И никто из них, из вас, — повторяю: никто! — даже на мгновение не задумался о том, что можно было бы легко, очень легко, чрезвычайно легко провести трубу в это селение. Никому не пришло в голову подарить воду его обитателям. Никому! Только мне, мне одному, и я отдаю себе отчёт в этом!» Мало кто из присутствующих понял, как много боли и одиночества было в этих словах президента. Но это была его судьба, в предвидении которой, много лет назад, в Гватемале, Уго написал: «Жизнь меня вела, одинокого, / с моим крестом / невидимым / и тяжёлым, по моим мечтам»... В этот пышущий зноем день в Коро Чавес вновь с особой силой ощутил огромность возложенной на него пожизненной миссии, которую только он один мог выполнить, которая являлась его «крестом невидимым и тяжёлым».

На горькие слова Чавеса реакции не последовало. Было жарко, приглашённые на церемонию высокопоставленные боливарианцы обмахивались газетами и брошюрами, с нетерпением дожидаясь конца выступления президента. Один из комментаторов левого портала arogea.org написал по этому поводу: «Наша государственная бюрократия остаётся равнодушной и малоподвижной. Больно смотреть на бессилие президента».

Чавес не раз давал понять и союзникам, и оппонентам, что реалистически относится к своему лидерству, своим государственным обязанностям. Роль личности в истории — это вопрос, который он старался осмыслить, изучая, прежде всего, марксистско-ленинское теоретическое наследие. Он был уверен, что необходим революции, реформированию страны в «интересах всех венесуэльцев». Он трезво судил о себе: «Я не причина, а следствие (венесуэльского исторического процесса)». И еще одна фраза, которую он часто повторял: «Я всего лишь соломинка в воздушном потоке, уносимая ураганом».

Глава 35

КНИГА В ПОДАРОК ОБАМЕ, ИЛИ ТУЧИ СГУЩАЮТСЯ

В Соединённых Штатах приближались президентские выборы 2008 года. Содержание телеграмм из посольства Венесуэлы в Вашингтоне не отличалось разнообразием: «В ходе беседы собеседник — X, Y или Z — заявил, что с большой долей уверенности можно прогнозировать поражение кандидата Республиканской партии».

Оглядываясь на историю отношений с Бушем, Чавес мог торжествовать: он выстоял в восьмилетней схватке с «дьяволом, пахнущим серой», преодолел заговоры, покушения, укрепил стратегические связи с Кубой, не проявил слабости в информационной войне с Соединёнными Штатами, приступил к перевооружению армии и ВВС. Попытки Империи изолировать Венесуэлу, сделать её изгоем в Латинской Америке и в мире провалились.

Да, он не добился победы на референдуме по реформе конституции. Но один проигрыш, всего один, ещё не поражение! Сейчас никто не скажет, что венесуэльская нефть принадлежит американцам! Всё по-другому. Иностранные компании играют по венесуэльским правилам. Они помогают Венесуэле добывать нефть и газ и получают справедливую прибыль. США больше не доминируют на поле венесуэльской энергетики. Есть мощные противовесы! Переговоры с Китаем дали долгожданный результат: создаются смешанные предприятия. Китайцы инвестировали только в нефтяной сектор Венесуэлы миллиарды долларов и в рамках долгосрочных

соглашений будут строить предприятия для производства оборудования, железные дороги, посёлки для нефтяников.

Успешно развиваются отношения с Россией. Конечно, пришлось поехать в Москву. Русские — осторожный народ. Но главное — есть результат. Русские партнёры намерены инвестировать в освоение «Пояса Ориноко» 20 миллиардов долларов. Чтобы собрать эти средства, в Национальный нефтяной консорциум (ННК) объединились пять русских компаний — «Газпром», «ЛУКОЙЛ», «НК «Роснефть»», «Сургутнефтегаз» и ТНК-ВР. Их капиталовложения окупятся быстро, ведь участок «Хунин» — один из лучших, способен дать 450 тысяч баррелей нефти в день. В конкурсе на освоение других участков участвовало 30 компаний: американцы, норвежцы, бразильцы, испанцы, итальянцы...

Во дворце Мирафлорес царило приподнятое настроение. Телеканал Си-эн-эн объявил о победе кандидата демократической партии Барака Обамы. Впервые в истории Соединённых Штатов президентом стал представитель её темнокожего населения. Буш и его «ястребы» бесславно уходили со сцены, и, без всякого сомнения, Чавес испытывал чувство глубокого удовлетворения: теперь «Мистер Дьявол» отправился туда, где ему полагается быть: на свалку истории. А он, Чавес, по-прежнему остаётся у руля государства, прокладывает курс в «Социализм XXI века».

Вывод Обамы на политическую арену — неожиданный ход американского истеблишмента. Неужели они в такой панике из-за кризиса, провалов во внутренней и внешней политике, что никто не хочет подставляться? Обама — будущая искупительная жертва? Кто-то из окружения Чавеса пошутил: «Они нашли своего популиста». Его тут же поправили: «Популистаимитатора». На всех этапах избирательной

кампании Обама старался не затрагивать проблем Латинской Америки. Или они его не слишком интересовали, или он слабо владел темой.

В конце февраля 2009 года Чавес дважды критически отреагировал на обвинения Госдепартамента о якобы существующих нарушениях прав человека в Венесуэле. Обращаясь к Обаме, Чавес просил его «исправить» эту несправедливую оценку. Но тут же оговорился: «У меня нет больших надежд на это новое правительство Соединённых Штатов. Империя, какая есть, такой и останется».

Примерно за месяц до Пятого саммита Америк (Саммит Америк прошёл 17-19 апреля 2009 года.) по инициативе США в Сантьяго-де-Чили была проведена встреча «лидеров-прогрессистов». На неё пригласили Лулу да Силва, Кристину Фернандес, Мишель Бачелет, Табаре Васкеса. Соединённые Штаты представлял вице-президент Джозеф Байден. Замысел собрания был ясен: заранее провести «демаркационную линию» между «прогрессистами» и теми, кто не может претендовать на это, — прежде всего «популистами» Чавесом, Моралесом и Корреа. В это же время госсекретарь Хиллари Клинтон дала телевизионное интервью, в котором рекомендовала правительству Венесуэлы развивать свободный рынок и отказаться от политики национализации предприятий, которая рано или поздно приводит к их деградации. Госсекретарь сказала несколько слов о венесуэльском лидере: «Вполне очевидно, что мы имеем много проблем с президентом Чавесом и его манерой обращаться со своим народом, со своими соседями. Мы думаем, что его привычное поведение во внутренней и международной политике не отвечает ничьим интересам».

В Венесуэле накануне Пятого саммита Америк собрались руководители стран — членов Боливарианской альтернативы для народов Америки

{ЛЬВА). Они поддержали Чавеса, который заявил, что проект декларации готовящегося Пятого саммита не соответствует духу времени, переменам на континенте: «Уже сейчас я объявляю вето этой декларации».

Пятый саммит проходил в столице Тринидада Порт-оф-Спейне. Там произошло личное знакомство Чавеса с Обамой и стало ожидаемой сенсацией саммита. Инициативу проявил Обама. Он подошёл к Чавесу, и президенты крепко пожали друг другу руки. В ответ на приветствие Обамы Чавес сказал: «Этой самой рукой восемь лет назад я приветствовал Буша. Я хочу быть твоим другом». Смысл высказывания понятен: Буш отверг предложенную дружбу, теперь, когда президентом стал Обама, появился новый шанс, и он, Чавес, не намерен его упускать. Об этом рукопожатии написали все мировые информационные агентства! Привлёк общее внимание ещё один эпизод. В самый разгар саммита, 18 апреля, под изумлёнными взорами присутствующих в зале Чавес подошёл к американскому президенту и подарил ему книгу уругвайского публициста Эдуардо Галеано «Вскрытые вены Латинской Америки» с посвящением: «Обаме — с уважением».

В Соединённых Штатах этот подарок «с подтекстом» вызвал много комментариев. Американцы с прогрессивными убеждениями приветствовали поступок венесуэльца: это жест миролюбия, готовности к диалогу, стремления отказаться от словесной войны эпохи Буша. Но преобладали другие оценки — предвзятые и недоброжелательные: «Книга Галеано — это опасный подарок, который даже может сказаться на безопасности Белого дома».

Отто Рейч заявил, что получение Обамой книги из рук Чавеса было ошибкой, команда президента США допустила просчёт, позволив подобную ситуацию. «Я работал для трёх президентов, — объяснил Рейч, — и не

могу представить, что это могло бы случиться с Рейганом или обоими Бушами. Команде Обамы не нужно было допускать такой постыдной ситуации, в которой он оказался, потому что эта книга крайне антиамериканского, а также антиевропейского содержания. Она была написана 30 лет назад латиноамериканским автором ультралевых убеждений. Он был мало кому известен, но теперь, после эпизода с подарком Обаме, книга стала рекордсменом продаж»(В соответствии с данными Amazon.com, книга Галеано буквально за несколько часов переместилась в рейтинге популярности с 60 280-го места на второе!).

Не одобрил поведения американского президента Андрес Оппенгеймер, обозреватель газеты «Майами геральд»: «Обама принял с улыбкой книгу “Вскрытые вены Латинской Америки”, которую ему преподнёс Чавес. Её автор — уругваец Эдуардо Галеано. В книге осуждается американский империализм, из-за которого латиноамериканцы живут в нищете.

Позднее репортёры спросили президента, как он отнёсся к подарку, и, улыбнувшись, Обама сказал, что “это был красивый жест, я люблю читать”. Это был весьма курьёзный ответ, потому что поступок Чавеса равносителен вручению книги Гитлера “Моя борьба” президенту Израиля».

Чавес с живым интересом знакомился с депешами своего дипломатического представителя в Вашингтоне, сообщавшего о ходе североамериканской дискуссии на тему «рукопожатие и подарок врага».

Нападки правых на Обаму сыпались со всех сторон, и не только из-за «рукопожатия». Особенно выделялся в этом отношении телеканал Fox News, являющийся собственностью магната Руперта Мэрдока. Чернокожий президент не мог не вызывать раздражения его белой и часто нетерпимой к «цветным» аудитории. Чтобы соответствовать зрительским запросам, Fox News

превратил Обаму в мальчика для повседневного битья. По версии Fox News, Обама не годился ни на что. Раньше излюбленной жертвой канала был Чавес, потом чаще доставалось на орехи Обаме.

И вот американский президент не выдержал и выступил с протестом по поводу откровенно предвзятого освещения его деятельности каналом Fox News. «Обама отложил свои дела и вышел на эстраду, — так прокомментировал Чавес в своей программе «Алло, президент!» конфликт между президентом США и Fox News. — Давайте похлопаем Обаме. Теперь ты понимаешь, Обама, теперь ты начинаешь чувствовать на себе последствия своей тяги к переменам».

Момент был удобным, чтобы провести параллель между собой и Обамой. «На Fox News нет свободы слова, — подытожил Чавес. — Обама не говорит о революции, о социализме, он просто хочет перемен. Нет свободы слова и на наших частных каналах. Они говорят о свободе, но она принадлежит только им: свобода клеветы, свобода всего, что им приходит в голову, хотя так жить в обществе нельзя».

Отголоски «эпохи Буша» прозвучали в высказываниях пресс-секретаря Госдепартамента Филипа Кроули по поводу частых международных поездок венесуэльского президента. «Он едет в Тегеран, едет в Москву, хотя было бы лучше оставаться дома и посвятить себя конструктивной работе правительства на благо своего собственного народа» — вот что сказал Кроули. В Мирафлоресе восприняли слова американца как попытку в очередной раз изолировать Венесуэлу. Эту поездку Чавес назвал одной из лучших за 10 лет своего правления: Ливия, Алжир, Сирия, Италия, Иран, Туркменистан, Белоруссия, Россия. Что же так разъярило Госдепартамент? Неужели в Белом доме, где сменился хозяин, по-прежнему считают, что в глобализированном мире есть какие-то

заповедные места, куда лидеру суверенной страны путь заказан? Оценивая первые месяцы президентства Обамы, Чавес проявлял сдержанность. Выводы делать преждевременно, хотя с самого начала было понятно, что Обама находится в плену политики Буша: ведутся войны в Ираке и Афганистане, как и раньше, раздаются угрозы в адрес Ирана.

Государственный переворот, совершённый в июне 2009 года в Гондурасе, стал первой успешной атакой США на «популистские режимы» в Латинской Америке. Президент Мануэль Селайя под дулами винтовок был выслан из страны, власть узурпировала военно-гражданская хунта. «Я не могу нажать кнопку и вернуть Селайю», — сказал Обама, оправдывая нежелание Соединённых Штатов приложить какие-либо усилия по восстановлению демократии в Гондурасе.

Вашингтон, настаивая на том, что «не причастен» к перевороту, на деле давал возможность новой власти укрепить своё положение, не допустить возвращения Селайи, который отныне — персона non grata. Селайе не простили того, что он братался с Уго Чавесом и Даниелем Ортегой, ездил на Кубу, чтобы встретиться с Фиделем, а потом не без гордости демонстрировал журналистам фотографии дружеского рукопожатия. Селайя, не видя других возможностей для развития своей страны, поддержал проект социалистического переустройства на континенте.

У Чавеса не было сомнений: переворотом в Гондурасе запущен комплекс «инновационных» контрмер США против левого поворота Латинской Америки. И он не ошибся. За переворотом в Гондурасе последовал переворот в Парагвае, где от власти был отстранён «народный священник» Фернандо Луго.

Программа действий правоконсервативных сил была озвучена, однако, не в Вашингтоне, а в Панаме — новоизбранным президентом-мультимиллионером

Рикардо Мартинелли. В инаугурационной речи он пообещал сделать всё для того, чтобы «идеологический маятник» в Латинской Америке переместился слева направо и «идеалы свободной экономики восторжествовали».

Обещания Мартинелли показать преимущества неолиберальной модели, побудить всех колеблющихся принять её как единственно возможную, были восприняты как вызов левым правительствам в регионе. Конечно, устами панамца глаголил Вашингтон, который ускоренными темпами формировал на континенте фронт неолиберального противодействия «популистам». Это был тот же курс на изоляцию неугодных правительств, который проводил Джордж Буш, но в более диверсифицированной форме. Чилийская экономическая модель по-прежнему подавалась как образцовая. Но реальные успехи Чили были не столь велики (даже разрекламированная пенсионная система фактически провалилась), и попытки Соединённых Штатов представить Чили как демократического лидера находили всё меньше отклика в Латинской Америке.

Пока в мире обсуждали «левый поворот» Латинской Америки, США последовательно, без громких слов наращивали военное присутствие на континенте, чтобы, если потребуется, силой поддержать «правый поворот». Главной целью его было свержение Чавеса.

Соединённые Штаты окружили Венесуэлу военными базами, которые могут быть использованы против неё на суше, с моря и воздуха. В Сальвадоре действует база США в районе Комалапы, в Коста-Рике — база «Либерия», в Перу — в Икитосе, в Парагвае — база «Марискаль Эстигаррибиа», на Кубе — в Гуантанамо, в Пуэрто-Рико — на острове Вьекес, две базы ВМФ США были спешно созданы на тихоокеанском побережье Панамы. Имеются инженерные войска США в

Доминиканской Республике, эскадрильи ВВС на островах Аруба и Кюрасао. В Суринаме существует американская база для испытания опытных образцов военной техники. Самая мощная система баз развёрнута в Колумбии. Под разными предлогами — борьба с наркотрафиком, космическая связь, оказание медицинской помощи местному населению, развитие транспортной инфраструктуры и т. д. — высаживались на землю карибских и латиноамериканских стран военные США.

Тучи над Венесуэлой всё более сгущались. С каждым днём возрастало число провокаций на венесуэльско-колумбийской границе. Никого уже не удивляли сообщения о жертвах.

После обсуждения с военными различных аспектов противодействия «ползучей агрессии» Чавес распорядился о дополнительной переброске пятнадцати тысяч военнослужащих Национальной боливарианской гвардии на прикрытие границы с Колумбией и Бразилией. Перед ними была поставлена долгосрочная задача по борьбе с парамилитарес, наркотрафиком и незаконным вывозом из страны полезных ископаемых. Сообщалось об успешном развитии трёх спецопераций. Первая из них — под кодовым названием «Сьерра-21» — была направлена на выявление в горном массиве Периха (штат Сулия) плантаций коки и мака и их уничтожение. Операция «Брешь» обеспечивала поиск и ликвидацию нелегальных взлётно-посадочных полос, используемых для переброски наркотиков. Третья операция, «Голубое золото», была развёрнута в штате Боливар, граничащем с Бразилией. Цель её — пресечение нелегальной добычи золота, алмазов и редчайшего минерала колтана, который необходим при изготовлении систем наведения ракет, спутников, мобильных телефонов, различных типов электронных аппаратов.

На пограничных пунктах Венесуэлы ввели круглосуточный досмотр грузов, чтобы пресечь контрабандный провоз продовольственных товаров и бензина в соседние страны. Венесуэльские военные взорвали «пешеходные мосты», возведённые «самостроем» над пограничными речками, таким образом перекрыв пути «наркоманов», занятых доставкой наркотиков в Венесуэлу.

Усиление пограничного контроля вызвало очередной поток обвинений: Венесуэла несёт ответственность за эскалацию напряжённости в регионе.

Выступая на очередном митинге, Чавес напомнил, что ближайшая американская база в Колумбии расположена всего в двадцати минутах лёта от Каракаса: «Не будем терять ни дня для выполнения нашей основной задачи — подготовки к войне. Лучший способ избежать войны — это готовиться к ней». Чавес не упустил возможности напрямую обратиться к президенту США: «Не ошибитесь, господин Обама, и не вздумайте отдать приказ об открытой агрессии против Венесуэлы с территории Колумбии. Мы готовы на всё, и мы никогда не будем колонией ни США, ни кого-либо ещё»...

Глава 36

БОРЬБА С БЕСПОЩАДНОЙ БОЛЕЗНЬЮ

Решение Чавеса о вскрытии саркофага Симона Боливара в Национальном пантеоне оппозиция восприняла в штыки. Это ничем неоправданная профанация! История уже расставила все точки над «і». Звучали и такие предостережения: Чавес должен бояться последствий, мести из мрачных глубин потустороннего мира, той смертельной угрозы, которую называют «проклятием Тутанхамона».

Президент мотивировал необходимость вскрытия саркофага тремя причинами: требуется подтвердить подлинность останков Либертадора, установить реальные причины его смерти, использовать новейшие методы консервации для сохранения того, что сохранилось от Боливара. Эксгумация была проведена 17 июля 2010 года. Государственный телеканал вёл репортаж с «места события».

Чавес эмоционально относился к венесуэльской истории, особенно к героическому периоду борьбы за освобождение страны от ига испанской короны. Не раз приходилось слышать от венесуэльцев: «Наш президент так рассказывает о той эпохе, словно сам жил во времена Миранды и Боливара, все события пропускает через себя, через свои чувства и политические взгляды». Доступные исторические хроники конца XVIII — первых десятилетий XIX века, мемуары, эпистолярное наследие непосредственных участников тех событий Чавес изучил досконально. Во время трансляций «Алло, президент!» он не раз демонстрировал какой-нибудь древний том и, любовно поглаживая его, рассказывал,

как долго пытался отыскать этот раритет, в котором содержатся неизвестные для него сведения о Предтече венесуэльской борьбы за освобождение Франсиско де Миранде или о Либертадоре Симоне Боливаре.

Ощущение сопричастности к судьбам великих предшественников и побудило Чавеса заняться расследованиями — во имя выяснения правды, которая, по его мнению, была искажена буржуазными историками в «классовых интересах». В отношении Миранды ставилась задача возвращения его праха на родину, в мраморную усыпальницу в Национальном пантеоне, которая долгие десятилетия оставалась пустой. Ещё в 2006 году Чавес направил в посольство Венесуэлы в Мадриде указание о принятии мер по поиску и идентификации останков Предтечи. Миранда умер в 1816 году в тюрьме Каррака испанского города Кадис. Тело его было погребено в общей могиле почти 200 лет назад, и потому поставленная задача казалась трудноразрешимой: десятки скелетов перемешались и далеко не все кости сохранились. Возникли проблемы с поиском могил его родителей в Каракасе, захороненных в соборе Сан-Франсиско, что требовалось для получения ДНК. В июле 2010 года Чавес вновь подтвердил: задача возвращения праха Миранды на родину не снимается, несмотря на сложности и «бюрократические трудности» (то есть саботаж испанских властей).

Что касается останков Боливара, то учёные подтвердили их подлинность. Было также установлено, что Боливар умер не от туберкулёза, как традиционно излагалось в его биографиях. Либертадор страдал от хронического заболевания дыхательных путей. Его лечили в соответствии со знаниями того времени. Можно предположить, что болезнь усугубилась от использования общепринятых тогда лекарств, содержавших мышьяк.

Определить, применялись ли критически опасные дозы мышьяка специально, невозможно из-за отсутствия достоверных свидетельств. Однако в некоторых документах той эпохи зафиксировано, что лечащий врач Боливара (с весьма сомнительным образованием) — Алехандро Просперо Реверенд — несколько раз встречался с американцем Макнайтом, военным врачом, и советовался о методах лечения и применении лекарственных средств. Не оказались ли эти встречи фатальными для Боливара? Как бы там ни было, Чавес не изменил своей убеждённости в том, что Боливар, который последние недели жизни провёл в колумбийском селении Санта-Марта, был отравлен врагами.

В день 229-й годовщины со дня рождения Либертадора — 24 июля 2012 года — Чавес показал венесуэльцам и всему миру реконструированный портрет Либертадора. На церемонию пригласили представителей судебной и избирательной власти, министров, журналистов и учёных, которые осуществили реконструкцию. «С сегодняшнего дня, — сказал президент, — твоё настоящее лицо, Боливар, спасённое любящими руками твоих учёных дочерей и сыновей, будет светить гораздо сильнее, потому что мы узнали его во всей достоверности и ощутили во всей бесконечной интенсивности твой полный живого блеска взгляд». Этот портрет Боливара стал обязательным атрибутом официальных учреждений республики, включая рабочий кабинет Чавеса, распространялся в виде плакатов, был воспроизведён на почтовых марках и на сувенирных рубашках.

Оппозиция воспротивилась попыткам заменить «исторически принятый» облик Либертадора на «новодел Боливара, лишённый благородства, подлинности и элегантности портретов его эпохи». В новом изображении, если не считать бакенбард,

сохранилось мало от привычного Боливара: близко сведённые небольшие глаза, густые брови, мясистый нос. «Это проявление неуважения к Либертадору! Чавес хочет перевернуть историю, пересмотреть её и навязать свою. Иногда он хочет быть медиумом, через которого делает заявления Отец нации. Чавес выдумывает фразы Боливара, берёт какойнибудь фрагмент и искажает его и в таком виде применяет против своих противников, лучше сказать: врагов, которые тут же превращаются во врагов Боливара. Чавес стал единственным хозяином Боливара, и настолько дерзким и безответственным, что без стеснения превращает прилагательное “боливарианский” в прилагательное “чавистский”»(См.: El Nacional. 26.07.2012).

Оппозиционная пресса вновь заговорила о «Проклятии Тутанхамона». «Профанация» саркофага Боливара привела к таким же губительным последствиям, с которыми столкнулись искатели сокровищ фараона. Они проникли в усыпальницу Тутанхамона в недрах пирамиды, потревожили его прах и начали умирать один за другим. «Что-то похожее происходит у нас, — комментировали в СМИ и социальных сетях противники Чавеса, — только под другим названием: “Проклятие Симона Боливара”». В течение года после эксгумации ушли из жизни многие видные деятели боливарианского режима, «прямо или косвенно связанные с этим тяжким оскорблением, нанесённым Отцу нации: Вильям Лара, губернатор штата Гуарико; Луис Таскон, депутат Национальной ассамблеи; Альберто Мюллер, генерал в отставке, член руководства Соцпартии; Лина Рон, руководитель партии Народный венесуэльский союз; Клодосбальдо Руссиан, председатель Счётной палаты». В список был включён и Уго Чавес с пометкой — «на очереди из-за раковой болезни»(El Universal. 28.06.2011.)...

Первые признаки нездоровья проявились у Чавеса в начале мая 2011 года. Без видимой причины воспалилось левое колено. В последний раз оно болело лет тридцать назад. Парашютный прыжок в ветреную погоду, неудачное приземление, сильный удар. Но тогда он был моложе: через несколько дней всё зажило, хромота прошла. На этот раз пришлось лечиться более двух недель, соблюдая постельный режим и пользуясь костылями. Рассказывая о своём недомогании в телепередаче «Алло, президент!», Чавес посетовал, что его «стальное здоровье» уже далеко не то: «Никогда прежде я не проводил столько времени в кровати».

Когда здоровье вроде бы пошло на поправку, Чавес отправился в рабочее турне в Бразилию, Эквадор и на Кубу. В Гавану он прибыл 8 июня. Его встречал Фидель, сразу обративший внимание на болезненное состояние гостя, на его неуверенную походку. «Первоначально я собирался показать кубинским врачам мою левую коленку, доставлявшую мне беспокойство. Но не мог избежать орлиного взгляда Фиделя, — вспоминал Чавес. — “Что с тобой происходит? Что за боль?” И он начал меня расспрашивать, как отец сына, как доктор пациента, и тут же позвонил врачам, стал выяснять их мнение, взял ситуацию под контроль. В ту же ночь вся огромная медицинская мощь, которая была создана Кубинской революцией для народа, была предоставлена в наше распоряжение».

Чавеса привезли в тихий столичный район Сибоней, где находится Центр медицинских хирургических исследований (CIMEQ), который курируется министерством внутренних дел. В Центре, оборудованном по последнему слову медицинских технологий, могут лечиться все кубинцы, в первую очередь те, у кого выявлены сложные заболевания. В структуре CIMEQ есть подразделение, которое обслуживает членов кубинского руководства, поэтому в

западных СМИ нередко встречаются упоминания о «номенклатурном госпитале» в Сибоней.

Чавеса разместили в просторной палате на третьем этаже главного корпуса, в закрытой зоне. Тихо работающий кондиционер, телевизор, за широким окном видны пальмы, аккуратные газоны и асфальтированные дорожки для прогулок. Именно в СИМЕQ боролись за жизнь Фиделя летом 2006 года, когда его здоровье катастрофически ухудшилось. Тогда Чавес часто навещал друга и наставника, вдохновлял его, рассказывал о своих международных поездках, советовался. Разве мог Чавес представить тогда, что этот госпиталь прочно войдёт в его жизнь? Теперь роли переменялись. Резиденция Фиделя находилась неподалёку от Центра, и он приходил к венесуэльскому другу ежедневно.

Кубинские хирурги прооперировали Чавеса 10 июня, чтобы удалить внутритазовый абсцесс. В ходе послеоперационной санации, вызвавшей необычайно сильное кровотечение, была выявлена подозрительная опухоль «размером с бейсбольный мяч» (слова Чавеса). Специалисты подтвердили раковый характер опухоли, и 20 июня была проведена вторая операция. В интервью для государственного телеканала (30 июня) Чавес сохранял оптимизм: «Сейчас и всегда мы будем жить и побеждать!» Этот лозунг стал для Чавеса главным. Он повторял его постоянно, при каждой возможности, и прежний призыв — «Родина, социализм или смерть!» практически перестал звучать. Слово «смерть» Чавес инстинктивно отталкивал.

Процесс восстановления продлился более трёх недель. Была отменена поездка на Форум Сан-Пауло. Не состоялась в Каракасе региональная встреча в верхах, на которой планировалось создание Сообщества латиноамериканских и карибских государств (CELAC). За празднованием Дня армии и Битвы при Карабобо

президенту пришлось наблюдать по телевизору. Фидель регулярно навещал Чавеса, приносил журналы и книги (в том числе «Так говорил Заратустра» Фридриха Ницше). Фидель подолгу беседовал с венесуэльцем, вдохновлял перед сеансами химиотерапии, и Чавес шутливо называл его «мой верховный врач». Телефонными звонками в клинику отметились многие латиноамериканские президенты. Из Бразилии звонили Инасио Лула да Силва и Дилма Руссефф, предлагали пройти курс лечения в Сирийско-ливанском госпитале в Сан-Пауло. Чавес отказался, не хотел обижать кубинцев, считая их лучшими специалистами по раковым заболеваниям в регионе. К тому же президента устраивала географическая близость Кубы и Венесуэлы (в случае необходимости можно было быстро вернуться на родину), а также защищённость каналов связи от «вражеской прослушки».

Сообщение о хирургических операциях, которым подвергся Уго Чавес на Кубе, венесуэльцы восприняли по-разному. Его сторонники — с сопереживанием и тревогой, радикальная оппозиция — с нескрываемой радостью. Все заговоры, все покушения на «диктатора» терпели крах, но метастазы рака — эта угроза выглядела «перспективней». Прогрессирующая болезнь станет реваншем оппозиции и в конечном счёте приведёт к падению «режима»! Среди врагов Команданте нашлись и такие, которые не поверили в его болезнь: это, мол, хитроумная пропагандистская комбинация, задуманная братьями Кастро для «поддержания рейтинга» стратегического союзника накануне президентских выборов 2012 года. Сценарий прост: тревожные сводки о состоянии здоровья Чавеса в политически выгодный момент сменяются сообщениями о «чудесном исцелении». Эффект воздействия на электорат будет гарантирован: президент выиграл

очередную схватку, смертельная болезнь отступила, мессианская роль Чавеса в истории Венесуэлы далека от завершения! В первые, самые сложные для Чавеса дни послеоперационного восстановления в Венесуэле сохранялась обстановка стабильности и спокойствия. Однако эта относительно мирная пауза была недолгой. Оппозиция потребовала «немедленного возвращения» Чавеса в Венесуэлу для исполнения президентских обязанностей: «Страна не может долгое время оставаться без руководства!» После прежней многолетней кампании под лозунгом «Чавес, убирайся!» («Chavez fuera!») резкая смена курса расшифровывалась просто: «Если не можешь полноценно исполнять свои конституционные полномочия, уходи в отставку!» Всё активнее распространялись злонамеренные слухи: президенту «осталось жить не более трёх месяцев», он прикован к кровати и пытается «управлять страной с помощью посланий в Twitter». Для оппозиции на этом этапе противоборства с «режимом» не имело значения, кто унаследует власть. Главное — побыстрее избавиться от Чавеса.

В июле Чавес вернулся в Каракас. В аэропорту его встречали вице-президент Элиас Хауа, брат Адан, министры. Президент заявил, что уверен в полном выздоровлении, но предупредил, что не сможет принять участие в мероприятиях по празднованию Двухсотлетия независимости. Лечебный цикл ещё не завершён. Можно представить, каких внутренних переживаний это стоило Чавесу. Праздники он готовил как апофеоз боливарианизма, как демонстрацию исторической близости между борьбой Либертадора Симона Боливара в XIX веке за свободу и независимость Венесуэлы и стран Южной Америки и своей борьбой против империализма США, за укрепление суверенитета страны, интеграцию Латинской Америки и Карибского бассейна.

После возвращения в Каракас Чавес, выступая по телевидению, продемонстрировал полную дееспособность и ясность мысли. «Мне повезло, что во время обострения болезни я находился на Кубе, с помощью лучших кубинских специалистов я сумею побороть недуг», — не уставал повторять он. Бурная деятельность президента подтверждала: он такой же, как прежде. Чавес провёл рабочее заседание кабинета министров, встретился с руководством Единой социалистической партии. Посетил Военную академию, где выступил перед «будущими защитниками социалистических завоеваний». По указанию президента был созван съезд «Боливарианских кружков» для обсуждения программы действий. Среди поставленных задач — защита «Социализма XXI века» и углубление боливарианского процесса; борьба за консолидацию народной власти; выход «Кружков» на международную арену с целью укрепления антиимпериалистической солидарности. Было объявлено о новых военных назначениях. Руководство Службой обеспечения безопасности президента (Casa Militar) Чавес поручил генералу Хосе Аделино Орнелье. Президент лично поблагодарил сотрудников Службы, которых знал всех без исключения по именам, за «верность служебному долгу и самоотверженность».

Национальная ассамблея снова разрешила президенту «временное отсутствие» для продолжения лечения на Кубе. На заседании Совета министров Чавес передал часть своих функций вице-президенту Элиасу Хауа и министру планирования и финансов Хорхе Джордани. На требования оппозиции «полностью сложить президентские полномочия» Чавес ответил так: «В случае снижения моих (физических и умственных) возможностей и неспособности управлять государством, я буду первым, кто заявит о готовности выполнять положения Конституции». По Основному

закону Чавес име; право на использование 180 дней «на личные цели чрезвычайного характера». Столь долгого отсутствия президент не планировал. После завершения курса химиотерапии на КуСе он собирался возобновить работу без каких-либо самоограничений: «Я хочу жить для нашего народа, для моих детей и внуков, жить для самого себя».

Поездки Чавеса в Гавану на химиотерапию оппозиция называла антиконституционными. Постоянно звучали намёки на то, что братья Кастро «пользуются» болезнью президента и влияют на венесуэльскую политику в кубинских интересах. Чавес критику игнорировал. Куба — стратегический союзник. Нападки на Фиделя и Рауля — всего лишь эхо пропагандистских кампаний Империи. Обеспокоенность оппозиции судьбами страны — лицемерие. Отлаженная система управления Венесуэлой действует надёжно. Коллективное боливарианское руководство не подведёт.

12 августа Чавес провёл несколько часов с братьями Кастро. Причина была знаменательной: на следующий день Фиделю исполнялось 85 лет! «Мы отпраздновали эту дату», — написал в Твиттере Чавес. Отпраздновали без шампанского, но с небольшим тортом. В память о юбилее посадили три карибские сосны. Свой подарок Чавес только показал Фиделю, поскольку картину под названием «Казарма Монкада» завершить не успел. Обещал прислать её из Каракаса.

В этот же день Чавес, сопровождаемый дочерью Росинес, вернулся в Венесуэлу, надеясь, что болезнь побеждена окончательно. Чавес мало напоминал себя прежнего: округлившееся лицо, бледная нездоровая кожа, обритая голова под красным беретом. Его встречали Элиас Хауа, Николас Мадуро, министры, военное руководство. «Я очень рад, что снова оказался в привычном кругу, среди своих», — сказал Чавес. Не

обошлось без шуток, юмористического описания лечебных и гигиенических процедур, а также цитирования Фиделя и «Заратустры». Министр по делам молодёжи Марипили Эрнандес пришла с гитарой и исполнила песню «Венесуэла, моя любимая родина».

После возвращения президент стал реже появляться на публике, сократил продолжительность речей, упорядочил рабочие нагрузки: никаких ночных бдений! Было нормализовано питание: рыба, диетические блюда, фрукты и овощи. Если Чавес раньше пил по тридцать-сорок чашек кофе в сутки, то теперь сократил употребление любимого напитка до двух-трёх чашек. Перешёл на травяные чаи. В интервью Восьмому каналу Чавес сказал: «Проблемы со здоровьем — это моя вина, поскольку я взвалил на себя все государственные дела и пытался заниматься всем сразу. И я пришел к мнению, что надо передавать полномочия, чтобы были задействованы возможности разных уровней правительства. Я не могу заниматься всеми делами, надо ставить задачи и контролировать их выполнение. Я не чувствую себя незаменимым. Но здесь развивается (революционный) процесс, и каждый занимает в нём свое место. Я убивал себя сам: ел всё подряд, растолстел до размеров танка, имел при себе три постоянно включённых телефона, что-то смотрел по телевизору и одновременно звонил кому-либо из министров. Люди передавали мне записки с просьбами о помощи. Это был постоянный стресс, который не давал мне возможности вздохнуть, и виноват в этом был я. Сейчас я чувствую себя лучше, чем когда-либо. После удаления опухоли восстановление здоровья шло в оптимальном режиме, я сбросил четырнадцать килограммов веса».

Президент опроверг слухи о том, что раковой болезнью затронуты прямая кишка и желудок: «Моя нынешняя активность должна убедить, что ничего этого

нет. Да, у меня рак, но не такой, как некоторые хотели бы». Однако Чавес предупредил, что ему предстоят процедуры второго этапа лечения с использованием химио и радиотерапии, а возможно, что и третьего, чтобы «надёжно защитить организм от злокачественных клеток, которые угрожают появиться вновь». Чавес особо подчеркнул, что он «находится в процессе возрождения и духовного обновления».

В сентябре слухи об обострении болезни стали распространяться с новой силой. Газета «Нуэво геральд» в Майами (28 сентября 2011 года) опубликовала фальшивку о том, что Чавес был доставлен в Военный госпиталь Каракаса в бессознательном состоянии. Чтобы пресечь очередную волну слухов, президент прервал текущее совещание и, прихватив бейсбольную перчатку, провёл «разминку» на площадке у дворца Мирафлорес, перебрасываясь мячиком с охранниками. Его сопровождали Николас Мадуро, министр иностранных дел, и Андрес Исарра, министр информации, а также журналисты. «Эти слухи, — сказал Чавес в заключение, — часть злонамеренной, грубой и антигуманной кампании. Раковую опухоль размером с этот мяч у меня извлекли на Кубе. Но всё, что сейчас говорят о раке прямой кишки, — это ложь. Уже миновало одиннадцать дней после последнего цикла химиотерапии. И, слава Богу, я нахожусь в процессе восстановления. Все последние анализы дали очень позитивные результаты, даже в отношении холестерина».

Чавес не мог не думать о том, какова реальная первопричина его заболевания. В ряде публичных выступлений он назвал «эпидемию рака» у латиноамериканских президентов странным и настораживающим явлением и обронил фразу об «Империях, которые любыми способами добиваются своих целей». Этот трудноизлечимый недуг был

выявлен не только у него, но и у Фернандо Луго (Парагвай), Дилмы Руссефф и Лулы да Силва (Бразилия), Кристины Фернандес (Аргентина). Все они — политики-левоцентристы, которые борются за укрепление южноамериканской интеграции и избавление от доминирующей роли США в Западном полушарии. Реакция Вашингтона не заставила себя ждать. Представитель Госдепартамента Виктория Нуланд назвала слова Чавеса «ужасными и достойными порицания». Они были интерпретированы администрацией Обамы как обвинение.

Чавес так объяснил свою позицию: «Я никого не обвиняю, а просто пользуюсь правом на свободу мысли перед лицом весьма необычных событий, которые с трудом поддаются объяснению». Обеспокоенность Чавеса можно было понять: почему у него, человека с крепким здоровьем, регулярно занимавшегося на тренажёрах и бегавшего кроссы, возникла злокачественная опухоль? Почему эта беда обрушилась на политиков-«популистов» и не коснулась президентов из «правого лагеря»? «Закрыть» подобного рода подозрения поспешил модный венесуэльский диетолог, частый гость американского посольства в Каракасе, Соломон Якубович. Он «авторитетно» заявил, что в раковых болезнях виноваты сами президенты. Мол, Лула да Силва слишком много курил, Кристина Фернандес злоупотребляла процедурами по омоложению, парагваец Луго грешил многочисленными связями с женщинами, не предохранялся, и его лимфома — обычное дело для таких случаев, хорошо что не СПИД. «А Чавес должен пенять на самого себя, поскольку живёт вне гармонии с биоритмами, работает по ночам и к тому же неправильно питается, о чём свидетельствует его нездоровая полнота». В оппозиционных кругах и в проамериканских СМИ подхватили версию: Чавес и его друзья «популисты»

подвержены стрессам, опасаются за свое будущее и потому страдают манией преследования, видя повсюду «заговоры Империи».

Президент Венесуэлы хорошо представлял, какую ненависть вызывает его независимая политика в Вашингтоне. Он не игнорировал угроз, которые исходили от близкого окружения президентов Буша и Обамы. Знал, каким изощёренным арсеналом для проведения «ликвидаций» располагают западные спецслужбы. В беседах с Фиделем Кастро, на которого ЦРУ и военная разведка США покушались сотни раз, эта тема затрагивалась постоянно. Даже те немногие документы ЦРУ, которые были рассекречены, доказывают, что спецслужбы для выполнения подобных заданий шли на всё — от использования снайперов и применения ядов до организации авиакатастроф. Фидель говорил: «Чавес, будь осторожным! Ты очень беспечен. Появились новые технологии. Надо быть внимательным в отношении еды, того, чем тебя угощают. Или помнить: одна небольшая иголочка, и ты получаешь [смертельную] инъекцию».

Задача «нейтрализации» президента Венесуэлы была поставлена перед разведсообществом США в 2009-м — начале 2010 года. Опросы электората предвещали уверенную победу Чавеса на президентских выборах 2012 года. От использования классических способов (покушения «фанатичных одиночек», крушение президентского вертолёта и т. д.) отказались. Как и от применения ядов. Подобных эпизодов в истории Латинской Америки было слишком много. Смерть Чавеса от пули, в результате падения самолёта или от яда прямо указывала бы на заказчика.

Судя по всему, был одобрен вариант заражения «объекта» неизлечимой болезнью. Возможности для этого имелись. Обозреватель венесуэльской газеты «Ультимас Нотисиас» Диас Ранхель в статье

«Внедрённый рак?» (17 марта 2013 года) сообщил, что эксперименты по искусственному созданию злокачественных клеток велись в США не менее сорока лет. Базовые лаборатории находятся в Форт-Детрике (штат Мэриленд). Там разрабатывалось биологическое оружие, и там до сих пор функционируют научно-исследовательские институты закрытого характера, включая лаборатории Национального института рака. Гватемальский писатель Франсиско Альварадо, который более двадцати лет работал на кубинскую разведку в Соединённых Штатах, опубликовал на портале «Ребельон» статью «Внедрение раковой болезни: оружие ЦРУ?». На конкретных фактах он показал, что на территории США действуют десятки лабораторий биологической (бактериологической) войны. Альварадо тоже отметил, что особенно зловещую известность имеет «департамент вирусологии» в исследовательском комплексе Форт-Детрик.

Одна из лабораторий — Instalaciones Fredrick para la Investigacion del Cancer — курируется Пентагоном и ЦРУ. По данным, имеющимся в Интернете, специальная программа по созданию максимально агрессивного вирусного рака была завершена более десяти лет назад. Попав в человеческий организм, раковое заболевание этого типа преодолевает иммунную систему человека, распространяясь через кровеносные сосуды и лимфу. Получение генетического материала человека, приговорённого к болезни, знание его ДНК-кода облегчают создание более эффективного (персонализированного) варианта вируса. Здесь стоит вспомнить об одной из публикаций WikiLeaks — указании Госдепартамента посольству США в Парагвае о негласном получении ДНК четырёх кандидатов в президенты. Из этой четвёрки только один по-настоящему интересовал Госдеп — Фернандо Луго. Остальные понадобились для «зашифровки»

конкретного объекта будущей операции. Луго считался потенциальным союзником Чавеса по созданию «оси популистских государств» на континенте. Запрос Госдепартамента «аукнул» через два года, когда Луго, уже будучи президентом, заболел лимфомой, относительно лёгкой формой рака. Ему пришлось надолго покинуть страну, лечиться в Бразилии, а Парагваем в это время управлял вице-президент Федерико Франко, фаворит Госдепа и ЦРУ...

Поток обвинений в адрес ЦРУ как организатора смертельной болезни Чавеса заглушил другие версии. Их было немало. Высказывались подозрения в отношении западноевропейских спецслужб, которые в рамках «североатлантического сотрудничества» могли оказать Соединённым Штатам эту «услугу». Но чаще всего говорилось об «израильском следе». После прихода Чавеса к власти Тель-Авив утратил многие привилегии, которые имел в Венесуэле во времена Четвёртой республики. Национализация нефти, усиление государственного контроля над финансово-банковской сферой, возвращение на родину золотого запаса из западных банков, ужесточение борьбы с золотой и алмазной контрабандой, которую прикрывала агентура МОССАДа, — всё это заметно ухудшило венесуэльско-израильские отношения. Сошло на нет военотехническое сотрудничество. Представителям оружейных компаний Израиля пришлось уехать из страны. Была прекращена практика приглашения израильтян на ответственные посты в тайной полиции Венесуэлы. Чавес также принял меры по очищению силовых структур от сотрудников, которые проходили подготовку в Израиле.

В январе 2006 года Центр Симона Визенталя потребовал от Чавеса публичных извинений за якобы сделанные им антисемитские заявления. Основанием для претензий стали слова, произнесённые

президентом в Центре развития человека: «Мир принадлежит всем, однако меньшинства, потомки тех, кто распял Христа, потомки тех, кто изгнал отсюда (из Венесуэлы. — К. С.) Боливара, по-своему распяв его в колумбийском городе Санта-Марта, завладели богатствами мира. Меньшинство завладело золотом планеты, серебром, минералами, водой, плодородными землями, нефтью, сконцентрировав эти богатства в руках немногочисленной группы: десять процентов мирового населения владеет более чем половиной богатств мира». Никаких оснований для обвинения в антисемитизме этот фрагмент не даёт, но тема была подхвачена врагами Боливарианской революции.

Позже Центру Визенталю пришлось признать, что Чавес не обвинял евреев в убийстве Христа и захвате богатств. Под «меньшинствами» он подразумевал правящий класс Венесуэлы, фактически изгнавший Боливара в ссылку в Колумбию, а также нынешнюю глобальную систему, которая обеспечила концентрацию мировых богатств у десяти процентов населения. Тем не менее кампания на тему антисемитизма Чавеса продолжалась, несмотря на отсутствие доказательств. Она усиливалась всякий раз, когда Чавес выступал в поддержку Ливана против Израиля или против атак «возмездия» в секторе Газа. Проявление солидарности президента Венесуэлы с Палестиной и Ливаном неизменно откликалось эхом обвинений в антисемитизме. 15 января 2009 года в знак протеста против проведения очередной военной операции в секторе Газа, когда число жертв превысило тысячу человек, Венесуэла прервала дипломатические отношения с Израилем. Ещё раньше, 6 января, Чавес объявил персоной *non grata* израильского посла Шломо Коэна.

Как раз в этот кризисный период отношений произошла так называемая «профанация» синагоги в

Каракасе. Би-би-си подала инцидент следующим образом: «В столице Венесуэлы группа вооружённых людей осквернила синагогу, призывая к депортации евреев из страны. Около пятнадцати вооружённых мужчин ворвались в храм, размалевали стены антисемитскими и антиизраильскими лозунгами и осквернили Священное Писание. Банда связала охранников и заблокировала синагогу в течение нескольких часов. “Ещё никогда в истории еврейской общины Венесуэлы мы не становились мишенью подобной агрессии, — сказал президент Еврейской ассоциации страны. — Обстановка очень напряжённая”».

Венесуэльские органы начали расследование, а на боливарианское правительство тем временем обрушилась волна протестов. Абрам Леви, директор Конфедерации израильских ассоциаций в Венесуэле, заявил, что нападение на синагогу было вызвано «антиеврейской позицией правительства (Чавеса) в отношении войны Израиля против Палестины». Представители еврейской общины провели манифестацию у представительства ООН в Каракасе под лозунгом «Ненависть порождает ненависть». Дипломаты США, Франции, Канады, Германии, Чехии и Финляндии посетили синагогу, чтобы выразить свою солидарность. В США конгрессмены подготовили и направили в адрес Чавеса послание, в котором осудили атаку на синагогу и потребовали «положить конец запугиванию еврейской общины в Венесуэле». Прозвучало ещё много заявлений по этому поводу с лейтмотивом: «Такое надругательство могло произойти только с согласия высшего руководства страны».

Венесуэльские полицейские выполнили свою работу быстро. Обвинительная шумиха ещё набирала силу, когда министр внутренних дел Тарек Эль Айссами сообщил о результатах расследования. Главварём

нападения на синагогу был полицейский Эдгар Кордеро, до последнего времени — телохранитель раввина Исаака Коэна. В этой аванюре его сопровождали восемь экс-агентов различных органов полиции, два уголовника и охранник синагоги. Кордеро хорошо знал электронную систему охраны здания, поэтому «вторжение» произошло без осложнений. Сигнализация была отключена изнутри охранником, другом Кордеро. Были повреждены некоторые предметы культа, а на стены кое-где нанесены граффити «антиеврейского характера». Всё это для того, чтобы обозначить в качестве виновников вторжения «ультралевые организации» (Colectivo La Piedra, UPV и другие группы), «сотрудничающие с режимом». По версии следствия, реальной целью Кордеро было похищение 200 тысяч боливаров из сейфа синагоги. Бывший телохранитель просил у раввина деньги в долг, но получил отказ и, восприняв это как личное оскорбление, решился на грабёж, замаскировав его под антисемитский налёт.

Ассоциация израильтян в Венесуэле выразила благодарность Чавесу за быстрое расследование. Однако большая часть его обвинителей предпочла отмолчаться.

Особенно резко против Израиля Чавес выступил 2 июня 2010 года, затронув острую для того момента тему — атаку израильского спецназа против «Флотилии свободы», которая пыталась доставить гуманитарную помощь в сектор Газа: «Правительство Обамы осуждает терроризм. Но только если он не совершается ими самими. Самими США или их союзником — Израилем. Нас осуждают, нас, меня, в том, что мы породили терроризм. Тогда как это они сами порождают терроризм. Я пользуюсь случаем, чтобы снова осудить их. Всей душой и всем своим существом. Я проклинаю Израиль. Будь ты проклято, государство Израиль!.. Да

здравствует свободная Палестина! Да здравствует палестинский народ!.. Теперь посмотрите на венесуэльскую оппозицию, которая ничего не сказала против Израиля, нет! Потому что Израиль финансирует венесуэльскую оппозицию! Он финансирует контрреволюцию! Даже есть террористические группы МОССАДа, которые меня обкладывают со всех сторон, чтобы убить... Чтобы попытаться меня убить. Вот что нам угрожает».

Через год после этих слов Чавес объявил о том, что болен раком. На портале MiamiDiario.com (15 апреля 2012 года) и на многих других сайтах в США, Израиле, странах Западной Европы и Латинской Америки появились публикации на тему: «Существует ли связь между раком у Чавеса и проклятием, которое он произнёс против Израиля?» Сам вопрос как бы подсказывал: да, существует. Подтверждением того, что спецслужбы Израиля устраняют неугодных политиков, стала смерть Ясира Арафата. В интервью газете «Нью-Йорк тайме» в январе 2013 года президент Шимон Перес назвал убийство бывшего руководителя Палестинской национальной администрации «ошибкой», поскольку «без него всё было гораздо сложнее». По мнению палестинцев, это заявление Переса спустя пять лет после смерти Арафата стало первым косвенным признанием причастности Израиля к убийству. Возможно, когда-нибудь будет приоткрыта правда и о «болезни» Чавеса.

В октябре 2011 года после завершения сеансов химиотерапии Чавес объявил о победе над болезнью. Однако Сальвадор Наваретте, называвший себя «домашним врачом» семьи Чавес, утверждал, что у президента «выявлена саркома в запущенной форме». По прогнозу врача, шансов на исцеление не было: президенту оставалось не более двух лет жизни. Чавес опроверг слова Наваретте о том, что он лечил членов

его семьи, сказал, что впервые слышит это имя. Чтобы выяснить, откуда появилась версия о саркоме, сотрудники тайной полиции приступили к розыску врача, и тот поспешил покинуть Венесуэлу. Однако утверждения Наваретте вызвали новую полемику. Отрицать факт, что президент борется с тяжёлым заболеванием, было невозможно. Каковы реальные перспективы выздоровления? Не пора ли президенту отойти от дел, назначить преемника и объявить досрочные выборы? Как стыкуются с тяжёлым недугом Чавеса его заявления о намерении участвовать в президентских выборах в октябре 2012 года? Тема нездоровья президента стала доминирующей в венесуэльских СМИ и широко обсуждалась за рубежом.

В поездках по стране Чавес стал чаще посещать церковные богослужения. В октябре 2011 года президент побывал на мессе в церкви Христа Спасителя городка Ла-Грита (штат Тачира). Священник Марио Моронта сказал журналистам: «Мы просили Христа о возвращении президенту здоровья, чтобы он смог продолжать свою работу. Наш храм является пристанищем Христа и предназначен не для жалоб, печалей и слёз, а для поиска милосердия и надежды». В январе 2012 года Чавес приехал на богослужение в другой храм — Богоматери Коромото, покровительницы Венесуэлы, который находится в городе Гуанаре (штат Португеса). Военное оцепление и охрана президента с трудом справлялись с восторженным натиском народа. Время шло к вечеру, но жара не спадала. По явно нездоровому лицу Чавеса, который был облачён в пуленепробиваемую куртку, ручьями тёк пот, десятки просителей пытались прорваться ближе к президенту, протягивая бумажки с просьбами и прошениями. Когда толпа стала напирать со всех сторон, а крики заглушали слова, Чавес отказался от намерения

выступить перед народом и не без усилий протиснулся в храм...

Оппозиционные СМИ обрушили на Чавеса шквал обвинений в лицемерии, напоминая о прежних выпадах в адрес церкви, которую он называл «раковой болезнью» общества (На самом деле Чавес критиковал высшую иерархию католической церкви в Венесуэле за её связи с оппозицией, в том числе радикальной.). Спрашивали о том, как совместить неожиданный всплеск религиозных настроений Чавеса с его декларациями о верности идеалам марксизма-ленинизма.

Обратили внимание и на оптимистичное заявление президента, сделанное в октябре 2011 года, когда он хотел верить, что навсегда избавился от проклятой болезни: «Своим излечением я обязан Хосе Грегорио Эрнандесу». По настоянию матери Уго просил об излечении и у него. Этого «врача бедняков» почитают святым в Венесуэле и многих других странах Латинской Америки. Он жил в конце XIX — начале XX века. Ватикан готовится канонизировать его. По предложению Чавеса день рождения врача — 26 октября — был внесён в список официально празднуемых как «День почитания Хосе Грегорио Эрнандеса».

Слухи о терминальной стадии болезни президента ненадолго ослабили после 13 января 2012 года, когда Чавес выступил в Национальной ассамблее с отчётом о деятельности правительства за 2011 год. Доклад длился девять с половиной часов! Достижения в экономике и финансовой сфере, успехи в социальной политике, усиление борьбы с коррупцией и преступностью, инициативы Венесуэлы по ускорению интеграционных процессов на континенте — Чавес на фактах показывал, что правительство выполняет свою программу построения социализма с «венесуэльским лицом». Социальные миссии в области

здравоохранения, образования, строительства народного жилья, создания новых рабочих мест постепенно меняют облик Венесуэлы. «Социализм, — подчеркнул Чавес, — это единственно возможный путь для развития отечества».

Президент сказал, что 1 мая 2012 года подпишет новый Закон о труде, на что депутаты оппозиции отреагировали неодобрительным шумом, причина которого была понятна: Чавес использует этот закон для укрепления своего влияния на рабочий класс. Во время подготовки закона учитывались предложения, одобренные на собраниях рабочих, съездах общественных организаций, профсоюзов и левых политпартий. По закону рабочая неделя сокращалась с 44 до 40 часов в неделю. Минимальная заработная плата повышалась на треть. Запрещался заёмный труд, с помощью которого работник ставится в бесправные, фактически рабские условия. Законом вводилось единовременное пособие по выходу на пенсию в размере месячной зарплаты, помноженной на стаж работы в годах. Послеродовой отпуск увеличивался с 12 до 25 недель. Родители не могли быть уволены в течение двух лет после рождения ребенка, а их рабочая неделя сокращалась на два часа.

Главным критиком Чавеса от оппозиции выступила Мария Корина Мачадо, та самая, которую в качестве «лидера сопротивления диктатуре Чавеса» принимал в Белом доме Джордж Буш-младший. «Президент, — с вызовом сказала она, — мы слушаем вас восемь часов. Вы говорите о стране, весьма далёкой от той, которая существует. Сейчас настал момент, чтобы ответить вам. Люди хотят, чтобы уважалась собственность, вершилось правосудие, преодолевались сложности, хотя бы с нехваткой молока. Как вы можете говорить об уважении к частной собственности, когда проводились экспроприации? Разве вы не знаете, что это

равносильно грабежу? Ваше время правления закончилось. Страна нуждается в глубоких переменах».

Чавес ответил спокойно: «Вы меня называли перед всей страной грабителем, но я не собираюсь вас обижать. Орёл не охотится на мошек. Я буду находиться там, где нахожусь, и делать то, что должен делать. Ранее, во время приветствия, вы мне сказали, чтобы я готовился к передаче в следующем году президентской ленты женщине. Желаю вам успеха. Если вы победите на выборах, я вручу вам ленту и даже поцелую, если вы позволите. Но вначале вы должны выиграть на своих внутрипартийных выборах. По опросам, вас поддерживает всего один процент, поэтому вы не входите в число тех, с кем я могу дебатировать. Чтобы поднять свой рейтинг, вы назвали меня грабителем. Вам явно не хватает опыта, поэтому я советую заняться изучением политических дисциплин. Было бы хорошо, если бы вы, депутат Мария Корина, сумели выиграть на партийных выборах, тогда — на президентских — я возьму верх с преимуществом восемьдесят на двадцать процентов, не меньше».

Завершая сессию, председатель Ассамблеи Дьосдадо Кабельо сказал: «В 2013 году Чавесу предстоит побывать в этом зале дважды: 10 января, когда после выборов он будет снова приведён к присяге в качестве президента республики, и позже — для отчёта о деятельности правительства в 2012 году». Кабельо сказал это, искренне веря, что Чавес справится с недугом. После рекордного отчётного «марафона» оппозиция не должна питать иллюзий: президент победит на выборах 7 октября и будет выполнять свои обязанности в полном объёме.

В феврале 2012 года врачи провели контрольный анализ и выявили у Чавеса рецидив злокачественного образования в тазовой области. Пришлось возвращаться в Гавану, в хорошо обжитую палату в клинике CIMEQ.

Операция была проведена 28 февраля. Уже 1 марта в своём микроблоге «chavezcandanga» в Твиттере президент передал читателям «боливарианский привет от команды врачей и от себя лично» и оповестил соратников, что процесс выздоровления идёт хорошо, что он передвигается самостоятельно, «почти бегаёт», собирается перекусить «замечательным супом из тыквы-ауйямы» и готов «парить как кондор». Несколькими часами позже по социальным сетям оппозиции была распространена информация об «ошибках» в лечении Чавеса. Сведения якобы предоставил источник, «работающий в интересах Израиля», но с хорошими связями на Кубе. Он утверждал, что русские специалисты, подключённые к лечению Чавеса в феврале, «подвергли критике» качество первой операции. В публикации отмечалось, что русские хирурги дали Чавесу не более года жизни, а кубинские — не более двух.

Чавес вернулся в Венесуэлу 16 марта. Центрами пропагандистской войны была запущена в массмедиа дезинформация о серьёзных спорах «между кубинскими, русскими и китайскими онкологами» по поводу стратегии лечения Чавеса.

Подтекст был очевиден: президенту пора подбирать замену, его эпоха в венесуэльской истории завершается. Снова предлагался «самый лучший выход для Чавеса»: оставить президентский пост и по-настоящему взяться за лечение.

За время болезни Чавеса заметно обострились дела в Единой социалистической партии. Проблема состояла не столько в борьбе амбиций, сколько в конфликтах между партийной бюрократией и молодыми, идеологически боевитыми кадрами. Между тем Энрике Каприлес Радонски, избранный оппозицией единственным кандидатом на будущие президентские выборы, ездил по стране и постепенно (задолго до начала

официальной кампании) набирал очки. Каприлес активно посещал те районы, в которых преобладали сторонники боливарианского процесса. Его встречали хорошо подготовленные и оплаченные массовки. Каприлес заходил в дома бедняков, раздавал подарки и щедрые обещания. Руководство PSUV критиковало демагогические манёвры, но без той энергии и остроты, которыми отличались выступления Чавеса.

На этом фоне оппозиционные политики ужесточили нападки на президента: он не в состоянии скрывать разрушительных последствий рака, не контролирует ситуацию в стране. В лояльной в отношении президента газете «Ультимас Нотисиас», с которой он по утрам начинал просмотр прессы, появилась статья «Чавес: болезнь и политика» (18 марта 2012 года). Подписал её некий экономист Хосе Герра. Стоит воспроизвести статью полностью: «Существует что-то вроде табу в отношении болезни, которой страдает президент республики. День идёт за днём, и все мы превратились во врачей-онкологов, обсуждая тему и консультируясь у специалистов, чтобы понять болезнь, осаждающую президента. Это происходит потому, что речь идёт о человеке, имеющем фундаментальное значение для Венесуэлы и венесуэльцев. Они имеют право и обязанность знать правду о здоровье своего президента. Слухи распространяются из-за недостатка достоверной информации, а также из-за загадочных причин, которые всегда заставляют его уезжать на Кубу. В любом случае болезнь Чавеса имеет две стороны: человеческую и политическую. Те из нас, кто имеет родственников или друзей, болеющих раком, представляют ту тяжёлую ситуацию, в которой находится Чавес как человек, болеющий раком, который, по его словам, поразил паховую область. Именно там находятся жизненно важные органы... Не надо быть врачом со специальным образованием, чтобы

понять, что речь идёт о сложном и агрессивном раке, на который сеансы химиотерапии никак не повлияли. Если рак вернулся, то его лечение должно быть более интенсивным и всесторонним. Это должны знать президент, его родственники и близкие. Я продолжаю считать, что президент ошибся, когда поехал на Кубу, хотя мог лечиться в Бразилии или Венесуэле, более продвинутых странах в области медицины. Для блага страны Бог позаботится о том, чтобы Чавес преодолел эти трудности и вернулся к нормальной жизни. Но чтобы это случилось, он должен соблюдать обязательный покой, не подвергать себя стрессам, вести здоровый образ жизни. Если он возобновит политическую деятельность на фоне не самого лучшего лечения, то его здоровье может быть обречено на несомненную и окончательную деградацию. По этой причине ситуацию в Единой социалистической партии трудно назвать обнадеживающей. Эта партия совершает одну ошибку за другой под руководством людей, которые умеют командовать войсками, но не политическими кадрами. Эти люди не имеют собственных лидерских качеств. Легко увидеть, что многие из них откровенно ждут развязки с Чавесом. Многие из них тоже консультируются с врачами и оценивают серьёзность болезни президента. Они не такие наивные, чтобы не готовиться на тот случай, когда Уго Чавес не сможет быть кандидатом или же, даже будучи им, окончательно подорвет своё здоровье».

Подобные публикации давали повод для возобновления в СМИ дискуссий о преемнике Чавеса. В качестве возможных кандидатов называли брата президента Адана, министра иностранных дел Николаса Мадуро, министра энергетики и президента государственной нефтяной компании PDVSA Рафаэля Рамиреса, вице-президента Элиаса Хауа и некоторых

других. Однако боливарианским руководством тема не обсуждалась. Для всех членов президентской команды это было бы равносильно предательству. «Чавес будет переизбираться в 2012 году и ещё много лет после этого, — заявил министр финансов Хорхе Джордани, давая понять, что революция в Венесуэле будет продолжаться. — В стране и на континенте ещё много созидательной работы. Команданте Уго рано уходить на пенсию по болезни...» В конце марта — начале апреля 2012 года Чавес прошёл через новые сеансы радиотерапии в Гаване. На Пасху он прилетел в родной штат Баринас. «Я в руках Бога, — сказал президент журналистам. — Сейчас я христианин больше, чем когда-либо прежде». В храм на богослужение «о возвращении здоровья» отправились всей семьёй. Оно транслировалось по государственному каналу, и можно было видеть, с каким вниманием слушал Чавес проповедь священника, как впитывал каждое слово, как нежно обнимал родителей.

После мессы выступил Чавес: «Из этого любимого города я отправился в путь сорок лет назад. Подобно урагану пронеслась моя жизнь, но года два назад она перестала быть моей. Впрочем, такими были все эти годы. Пути революции не могут быть лёгкими, я старался отвечать требованиям исторического момента. К счастью, я не являюсь единственным, кто пытался отзываться на запросы времени и жизни. И вот — нагрянула болезнь, которая стала настоящей угрозой. От этой болезни пострадало много людей, эта болезнь часто означает конец пути. Даже представить было невозможно, что подобная страшная ситуация может произойти с тобой, что болезнь появится в твоём теле. Но я оптимист и верю, что смогу одолеть её. И ещё я хочу выразить то, что говорят не так часто, что обычно спрятано внутри. Сегодня всё невысказанное мной, все мои слова прозвучали в ваших молитвах. Я уверен, что

Бог помогает Чавесу и его друзьям. Я не мог сдержать слёз, когда ощутил любящую руку моей матери и в то же самое время любящую руку моего отца. Я сказал про себя: Боже, как давно я не ощущал одновременно двух этих рук на себе».

Прижимая к груди чётки, подаренные матерью, Уго продолжил: «Боже, дай мне жизнь. Если всего выстраданного мною недостаточно, я говорю Богу: добро пожаловать, пусть и дальше будет испепеляющая, приносящая мне боль жизнь. Мне это не важно. Дай мне твой венец, Христос, дай мне его, чтобы шла кровь, дай мне твой крест, сто крестов, чтобы я нёс их, но чтобы я жил, потому что ещё остаются дела, которые я должен завершить для этого народа и этого отечества. Не забирай меня пока, мой Христос, мой Господин, дай мне шипы с твоего венца, дай мне твою кровь, я готов на все испытания, какими бы трудными они ни были, но в этой, земной, жизни. Аминь».

Через два дня, 7 апреля, Чавес снова отправился на Кубу, чтобы продолжить сеансы радиотерапии. Находясь на острове, президент активно использовал микроблог «chavezсанданга», чтобы показать, что он в курсе венесуэльских дел, живёт только этим. Страна отмечала десятилетие событий, связанных с попыткой государственного переворота 11-13 апреля 2002 года, и, конечно, Чавес остро переживал вынужденную отстранённость от мероприятий, в центре которых должен был находиться. Поток твиттеров не мог компенсировать его оторванности от родины. Оппозиция издевательски комментировала послания Чавеса, адресованные министрам: «Президент управляет страной с помощью твиттеров».

О том, как Чавес совмещал свои президентские обязанности с лечением, рассказал несколько месяцев спустя Николас Мадуро: «Президент поражал нас своей бодростью и силой на всех этапах болезни. Он

подвергался тяжёлым и сложным операциям и всегда быстро и уверенно восстанавливался. Главным образом из-за воли к жизни, внутренней энергии и пассионарности. Помню, когда Чавес проходил химиотерапию, всего было пять сеансов: первые три — в Гаване, одна — здесь (в Каракасе) в Военном госпитале, и последняя снова в Гаване, — он звонил мне и говорил: “Приходи сюда”. В семь утра я был у него, он находился в самом разгаре химиотерапии... И так мы работали до десяти часов вечера почти без отдыха. В два часа после полудня он обедал, отдыхал полчаса, и потом мы снова беседовали, читали [документы], изучали [различные проблемы]. Я звонил в Каракас, передавал его указания, на некоторые звонки оттуда отвечал он сам. И ещё он занимался живописью: создал портрет Нестора Киршнера, картины с Казармой Монкада и Казармой Монтанья»(Panorama. 25.03.2013.).

Враждебные Чавесу силы не давали ему передышки. В массмедиа множились «протесты», инспирированные оппозицией: так нельзя управлять страной! За последнее время президент провёл два месяца на Острове и только один — в Венесуэле! Ещё в феврале Чавесу сделали третью операцию, но о её результате невозможно судить по информации из официальных источников. Попутно оппозицией распространялись выдумки о противоборствующих группировках в высших эшелонах власти: мол, Дьосдадо Кабельо, президент Национальной ассамблеи, активно работает с военными, а Николас Мадуро усиливает свои позиции в PSUV и «обхаживает» Чавеса в Гаване, совершая туда поездки под предлогом подписания документов.

Президент позвонил на государственный телеканал и в который уже раз опроверг слухи о своей недееспособности: «Я возглавляю страну, выполняю обязанности руководителя государства и из нынешней особой ситуации смогу выйти в ближайшие дни». Голос

Чавеса приобрёл стальной тембр: «В июле мы начнём избирательную кампанию, поскольку должны добиться семидесяти процентов голосов». Президент подтвердил, что стратегия, объявленная несколько недель назад, остаётся прежней: создание «Команды Антипереворот» или «Антидестабилизация», «Наша задача — быть начеку, чтобы нейтрализовать эти попытки. Лучшая война та, на которой побеждаешь без единого выстрела».

11 мая Чавес покинул Гавану, где завершил весь курс радиотерапии. Николас Мадуро вспоминал: «Радиотерапия — это было очень тяжело. Это был самый тяжёлый момент [его болезни], но он не сломался. После радиотерапии сделали анализы. Все получилось отлично». Постепенно Чавес втягивался в работу. В телефонном интервью рассказал, что строго выполняет рекомендации врачей — никаких ночных занятий, днём — не более восьми часов работы, диета, отдых по расписанию: «Я уже не тот необузданный конь, каким был раньше». Перед тем как зарегистрироваться в качестве кандидата в президенты в С НЕ, Чавес прошёл медицинское обследование. «Если бы обнаружили что-то негативное, — сказал он позднее (8 декабря 2012 года), — уверяю вас, я бы никогда не стал регистрироваться и претендовать на президентский пост».

Избирательная кампания длилась с июля по октябрь. Казалось, что Чавес находится в неплохой физической форме, хотя нагрузки были запредельными. Он вспоминал: «В июле мы участвовали во всех военных (праздничных. — К. С.) мероприятиях. Потом предвыборные поездки по стране. Потом пришлось ликвидировать последствия наводнения в Куманакоа. Затем, в конце августа, произошла трагедия с (нефтяным комплексом. — К. С.) Амуай. В сентябре — заключительный этап избирательной кампании,

поездки по стране, и последний завершающий её аккорд (серия предвыборных мероприятий) от Сабанеты до Мирафлореса».

Чавес победил: 7 октября за него проголосовало 54,5 процента избирателей. Победа далась нелегко. Митинги проводились по сокращённому варианту, выступления были на порядок короче, чем в прежних кампаниях. Чавес признался: «Я был как боксёр со связанной левой рукой и связанной правой ногой, из-за чего приходилось прыгать только на одной ноге». По свидетельству Николаса Мадуро, после завершения избирательной кампании «Чавес начал испытывать сильные боли. Всякий раз, когда мы общались, он упоминал о них. Это был второй труднейший этап его жизни после радиотерапии». Лечение в домашних условиях не принесло облегчения. С 15 ноября Чавес не появлялся на публике. Только 28 ноября стало известно, что он вылетел на Кубу для прохождения курса физиотерапии. Сообщалось, что ему предстоит «несколько сеансов в барокамере для укрепления здоровья».

Предполагалось, что после Гаваны Чавес отправится в Риоде-Жанейро на саммит Южноамериканского Общего рынка (МЕРКОСУР). Предстояло знаковое событие, за реализацию которого несколько лет боролся Чавес, — Венесуэла впервые принимала участие в саммите в качестве полноправного члена этого экономического блока. В бразильскую столицу пришлось лететь Рафаэлю Рамиресу. На вопросы журналистов о Чавесе он ответил, что «президент чувствует себя хорошо, проходит курс лечения, чтобы ещё больше укрепить здоровье». На деле ситуация была далека от оптимистичной. Врачи выявили у Чавеса рецидив опухоли в том же самом месте. Снова предстояла операция, и хирурги не давали гарантий, что она будет успешной.

Глава 37

ПРОЩАЛЬНЫЙ ВЗГЛЯД ЧАВЕСА

Николас Мадуро находился 2 декабря 2012 года в Национальном пантеоне, инспектируя подготовку к церемонии, традиционно проводимой 17 декабря, в день смерти Симона Боливара. Ожидалось, что после возвращения из Гаваны Чавес примет в ней участие.

Телефонный звонок президента перечеркнул все планы. Он произнёс условную фразу, которая означала: «Возникли осложнения». Мадуро вспоминал позднее: «Для нас это стало страшным ударом. Чавес просил меня направить в Гавану комиссию. Отправились Дьосдадо, Рафаэль Рамирес, Силия, Хорхе Арреаса. Чавес сообщил им о тех новых осложнениях, которые у него обнаружили специалисты. Он всегда подробно расспрашивал врачей. Интуиция ему подсказывала, что из этой операции ему не выбраться. Когда они, члены комиссии, вернулись и рассказали мне о его предчувствии, я почти уверился, что он не ошибается. В то утро я плакал, потому что почувствовал: именно так и будет. Чавес позвонил мне, и я отправился на Кубу 5 декабря. Мы беседовали с 10 часов вечера до 6 часов утра. Раньше он никогда не говорил о том, что в случае его смерти или чего-то такого, что сделает его недееспособным, я должен буду возглавить революцию, исполнять обязанности президента и потом — выдвигаться кандидатом на этот пост. Во время нашего более чем шестичасового разговора на Кубе 6 декабря он впервые сказал мне об этом...» Чавес давно готовил Мадуро в качестве преемника. Они познакомились в 1993 году, когда молодой профсоюзный деятель,

водитель автобуса по профессии, побывал с группой товарищей у него «в гостях» в тюрьме Яре. Ещё со школьной поры Мадуро входил в организации левого направления (группу «Разрыв» — кузницы кадров для Дугласа Браво, затем — в марксистскую «Социалистическую лигу»). Николас восхищался достижениями кубинской революции, изучал труды Фиделя. В 1986–1987 годах был слушателем Школы политической подготовки на Кубе. Вскоре Николас стал близким помощником Чавеса под псевдонимом Верде (Verde), что по-испански означало «зелёный, незрелый». Псевдоним для Николаса Чавес выбрал с юмористическим подтекстом: это была антитеза фамилии Maduro (зрелый, спелый). Верде выполнял конфиденциальные поручения Чавеса, был его водителем и телохранителем. Крепкий, высокий — 190 сантиметров, с хорошей реакцией (Мадуро тоже увлекался бейсболом). С ним Чавес чувствовал себя в большей безопасности, когда приходилось совершать поездки в отдалённые регионы в условиях постоянной полицейской слежки и угрозы провокаций. Жена Николаса, адвокат Силия Флорес, тоже стала бескомпромиссной чависткой. В 1999 году Мадуро вошёл в состав Национальной конституционной ассамблеи, годом позже стал депутатом парламента.

В дни апрельского переворота Николас Мадуро и Силия Флорес организовывали сопротивление путчистам. С мегафоном в руках у ограды дворца Мирафлорес, в котором делили власть заговорщики, где было легко потерять жизнь от шальной пули, Мадуро призывал народ и армию защитить президента Чавеса. В 2002–2005 годах Мадуро несколько раз выступал на Восьмом телеканале с разоблачениями подрывной деятельности ЦРУ и «пятой колонны» в Венесуэле. Это было небезопасно. Прокурор Данил о Андерсон, который вёл следствие по заговору ультраправых в апреле 2002

года, погиб от взрыва бомбы, заложенной в его автомашину. Угрозы расправы неоднократно звучали и по адресу Мадуро. В сентябре 2006 года он был избран председателем Национальной ассамблеи, но через несколько месяцев покинул этот пост, чтобы возглавить министерство иностранных дел.

С тех пор Мадуро хорошо узнали на международной арене. Он представлял страну и президента Чавеса в ООН, на форумах ОАГ и других региональных организаций. Без преувеличения можно сказать, что Мадуро — «соавтор» Чавеса в формировании блока ЛЬВА — Боливарианского альянса народов Латинской Америки, а также UNASUR — Союза южноамериканских наций. В создании CELAC — Сообщества латиноамериканских и карибских государств — Мадуро принял самое непосредственное участие. Он многое сделал для вступления Венесуэлы в MERCOSUR — Южноамериканский торговый союз, переезжая из одной столицы в другую, согласовывая формулировки и документы, преодолевая саботаж ультраправых политиков в Парагвае и Уругвае. Ему довелось решать многие проблемы политического оформления «солидарной нефтяной политики», ориентированной на укрепление позиций Венесуэлы в регионе. Вся работа всегда шла с «подстраховкой» Чавеса, который даже на больничной койке находил возможность подсказать, поддержать, обозначить перспективу развития событий. С декабря 2012 года эта страховка становилась всё более призрачной. На Мадуро лёг весь груз ответственности...

Врачи, настаивавшие на срочной операции, были вынуждены разрешить Чавесу на два дня покинуть клинику. Чавес прилетел в Венесуэлу ночью 7 декабря. На аэродроме его встречали дочери, члены правительства и журналисты. В Интернете сохранился ролик той ночи в Майкетии. Чавес казался таким же,

как и прежде: собранным, энергичным. Первым делом он объяснил двухчасовую задержку прилёта: «Ко мне в последний момент приехал Фидель, и мы проговорили с ним...» Уже одно это должно было насторожить: с чего это вдруг Фидель на ночь глядя приехал к другу?.. Но Чавес был в прекрасном настроении и продолжал рассказывать, подшучивая над собой: «Я читал Фиделю стихи, весь мой репертуар — стихи Андреса Элоя Бланко, Сесара Ренхифо, Луиса Альберто Креспо, Альберто Арвело Торреальбы»... Чавес процитировал встречавшим его: «Por aquí paso compadre, hacia aquellos montes lejos. Por aquí, vestido de humo, mi general que iba ardiendo»...

Это стихотворение Арвело Торреальбы, посвящённое Боливару, Чавес особенно любил, часто цитировал его:

Здесь прошёл он, компаньеро!

К тем горам, простёртым вдали.

Здесь, одетый в дымку бризом, посвистом земли свободной,

Сновиденьем обернулся, мощным пламенем сияя.

(Перевод Ольги Равченко. См:

<http://www.tiww.com/Dais/venezuela/poemas/cid/rus.phtml>).

Чавес приехал в Венесуэлу, чтобы обратиться к народу, чтобы самому рассказать о своей борьбе с болезнью, о возникшей критической ситуации. Его близкое окружение и сам Мадуро были против: «Президент, не говорите этого». Чавес ответил: «Это моя историческая обязанность (быть откровенным. — К. С.), это самое меньшее, что я могу сделать». Вечером 8 декабря президент выступил по венесуэльскому телевидению.

О том, что это не рядовое появление Чавеса на экране, зрители могли догадаться по напряжённым лицам тех, кто находился в президентском кабинете. Стоит назвать тех, кого Чавес пригласил к себе. Слева и

справа от Чавеса — Николас Мадуро и Дьосдадо Кабельо. За столом для совещаний расположились без соблюдения иерархии: Йадира Кордова, вице-председатель Совета министров по социальным вопросам; Хорхе Джордани — вице-председатель по финансово-экономическим вопросам; Рафаэль Рамирес — президент PDVSA; Рикардо Менендес — вице-президент по экономическому и производственному развитию; адмирал Диего Молеро Бельявиа — министр обороны; Хорхе Арреаса — министр науки и технологии; Эрнесто Вильегас — министр информации и коммуникаций; адмирал Тереса Мелендес де Маниглиа — шеф администрации президента. Поодаль, у стены, сели генерал Хосе Аделино Орнеля, начальник службы охраны, и лейтенант Хуан Эскалона, личный адъютант Чавеса.

Несмотря на попытки президента расшевелить присутствующих шутками, воспоминаниями о фильме 1970-х годов «Лихорадка субботнего вечера» с Джоном Траволтой, «замечательным артистом», и о том, как божественно танцевали когда-то ламбаду Тереса Маниглиа и Йадира Кордова, атмосфера напряжённости сохранялась. Президент не стал затягивать вступление: «Что ж, не в моих правилах проводить общенациональную трансляцию вечером в субботу, но в виду сложившихся обстоятельств я обращаюсь к венесуэльскому народу, венесуэльской нации, ко всем друзьям, всем соотечественникам, а также к друзьям за рубежом»...

Он кратко, почти в телеграфном стиле, рассказал о достижениях Боливарианской революции, об униженных и замаранных продажной буржуазией знамёнах Симона Боливара, которые самоотверженно подхватило новое поколение венесуэльских революционеров на рубеже XX и XXI веков. «Революция — разве можно в этом сомневаться? — оказала большое

воздействие на Латинскую Америку, страны Карибского бассейна и на другие регионы мира, — сказал Чавес, — и влияние это будет сохраняться. Но помимо всех этих битв возникла ещё одна, дополнительная, непредвиденная, внезапная для меня, и не только для меня, для всех, для всех нас. И я счастлив, потому что у меня есть соратники, и я не одинок в борьбе с этой болезнью».

Президент сказал, что несмотря на постоянные боли, инъекции и предоперационные ограничения решил лично объяснить сложившуюся ситуацию венесуэльцам, а также получить разрешение Национальной ассамблеи на очередной отъезд из страны. Чавес подписал письмо к Ассамблее и вручил его Дьосдадо Кабельо: «Меня ожидает новое сражение. С помощью Бога, как в предыдущих случаях, мы выйдем победителями, двинемся вперёд. Я полностью уверен в этом, и Христос мне поможет. — Чавес поцеловал крестик. — Я всегда говорил, что наша жизнь идёт от чуда к чуду»... Президент перечислил события, в которых принимал участие как главное действующее лицо, особо упомянул попытку апрельского переворота 2002 года, когда заговорщики планировали убить его. «Но сейчас, в любом случае, как бы хорошо ни велась подготовка операции, с какой бы тщательностью ни отработывались детали этого нового сражения с болезнью, — продолжил Чавес, — всегда есть риск, тем более в операциях такого характера».

Впервые за весь период болезни Чавес обратился к теме преемника. Он объявил, что вице-президент Николас Мадуро остаётся во главе исполнительной власти: «Это настоящий революционер, который, несмотря на свою молодость, обладает большим опытом и всецело отдаётся работе. У него огромный потенциал для руководства большими группами людей,

разрешения самых трудных ситуаций. Я его видел, мы его видели в работе».

— Николас, сколько лет ты руководишь министерством иностранных дел? — обратился Чавес к Мадуро.

— Шесть лет и три месяца.

— Сколько-сколько? Шесть лет и три месяца... В каких только ситуациях и обстоятельствах все мы и лично я не видели Николаса, который сопровождал меня в решении задач на различных фронтах борьбы...

Чавес продолжил: «Так вот, он остаётся во главе исполнительной власти в качестве вице-президента и будет, как всегда мы это делали, поддерживать со мной постоянный контакт. И ещё я хочу сказать, хочу сказать, хотя это тяжело произнести... Я хочу и должен сказать, должен сказать это... Если возникнет, как говорит Конституция, какое-нибудь обстоятельство, которое воспрепятствует мне исполнять мои обязанности, то, слушайте меня внимательно, во главе президентской власти Боливарианской республики Венесуэла... Повторяю, если случится что-то непредвиденное, что сделает меня в той или иной форме недееспособным, Николас Мадуро в этой ситуации не только должен завершить, как это предписывает Конституция, мой период, но и в этих обстоятельствах, в соответствии с Конституцией, провести новые президентские выборы. Это моё твердое, завершённое, как луна в полнолуние, категоричное, абсолютное, тотальное мнение. Вы выберете Николаса Мадуро президентом Боливарианской республики Венесуэла. Я прошу вас об этом от всего сердца... Он является одним из молодых лидеров с наибольшим потенциалом, чтобы продолжить [нашу революцию]... Бог знает, что делает... Если я не смогу, Мадуро продолжит [эту работу] своей твёрдой рукой, своим видением, своим сердцем человека из

народа, своей гуманностью, своей интеллигентностью, с помощью того международного признания, которое он приобрёл. Со своими качествами лидера он будет руководить страной, всегда находясь рядом с народом, всегда подчиняясь интересам народа...» Уверенности в благополучном исходе четвёртой по счёту операции, которой подвергся Уго Чавес, не было. Операция в Гаване длилась шесть часов, прошла с осложнениями. Первые бюллетени были предельно осторожными. Никаких прогнозов.

Инаугурация президента намечалась на 10 января. Споры о том, сумеет ли выздороветь Чавес к этому сроку, не прекращались ни на день. В информационное поле вбрасывались прогнозы «бывших врачей» президента, предрекавших смертельный исход весной 2013 года. Некрофильская кампания набирала обороты. Чтобы приглушить её, в Каракасе организовали митинг солидарности с Чавесом. TeleSur, новостной канал для стран Латинской Америки, вёл репортаж в режиме non-stop с улиц венесуэльской столицы. Десятки тысяч сторонников боливарианского лидера сконцентрировались вокруг дворца Мирафлорес, чтобы выразить Чавесу поддержку. Борьба президента с болезнью стала объединяющим фактором для всех людей доброй воли. В Венесуэлу прибыли президенты Даниель Ортега, Эво Моралес, Хосе Мухика. Выступления гостей были пронизаны оптимизмом: Чавес справится, он всегда героически преодолевал трудные ситуации.

Вице-президент Мадуро и председатель Национальной ассамблеи Дьосдадо Кабельо призвали к единству, сплочению рядов, дальнейшей борьбе за углубление социалистических преобразований: «У нас нет личных амбиций, стремления перехватить власть, лидером революции был и остаётся Уго Чавес, и все мы входим в его команду». Мадуро говорил о

бдительности: враги революции планируют серию «целевых убийств», чтобы спровоцировать беспорядки на улицах городов, испытать боливарианское руководство на прочность.

Действительно, в различных регионах страны находили тайники с контрабандным оружием и боеприпасами. Заговор осуществлялся по многим каналам и был направлен на дестабилизацию Венесуэлы, разжигание конфликтов, раздувание панических настроений по поводу неизбежного обострения продовольственного и финансового кризисов. Количество сообщений на тему дефицита продуктов первой необходимости резко возросло. Действовали саботажники: предприниматели как по команде начали прятать продовольствие, а оппозиционные СМИ распространяли панические сведения, что в отсутствие Чавеса правительство не способно обеспечить население продуктами питания. В укромных местах, в «заброшенных ангарах» полиция обнаруживала сотни тонн маисовой и пшеничной муки, сахара, растительного масла, мясо-молочной продукции.

Журналист Хосе Сант Рос предупредил в серии публикаций, что спецслужбы США готовятся к кризисному развитию событий в стране. Он отметил, что в Венесуэле заметно увеличилось число американских корреспондентов, многие из них специализировались на работе в «горячих точках». Было зафиксировано проникновение в страну колумбийских парамилитарес, поддерживающих связи с резидентами ЦРУ и военной разведкой США. В прошлом парамилитарес привлекались для провокационных атак на иностранные посольства в Каракасе, поджогов церквей и редакций газет, покушений на оппозиционеров и сторонников Чавеса. Выросло число преступлений с использованием огнестрельного оружия. Выстрелы

звучали в богатых и бедных районах. От шальных пуль гибли люди. Оппозиция подстрекала граждан к открытому проявлению недовольства: боливарианцы не в состоянии навести порядок, поэтому должны уйти. Хосе Сант Рос призвал к усилению охраны Николаса Мадуро, Дьосдадо Кабельо, Элиаса Хауа, Хорхе Родригеса и других боливарианских деятелей. Покушение на любого из них будет интерпретировано подрывной западной пропагандой как начало междоусобной войны за «наследие Чавеса».

Ситуация, складывающаяся в Венесуэле, была прокомментирована департаментом информации и печати МИДа России: «Сейчас крайне важно не допустить дестабилизации обстановки в Венесуэле. Именно на это должны быть нацелены усилия всех политических сил как внутри страны, так и за её пределами. Призываем их проявить взвешенный и ответственный подход... Испытывая чувство солидарности, искренне желаем президенту Уго Чавесу скорейшего и полного выздоровления. Твёрдо верим в то, что свойственные венесуэльскому лидеру стойкость и жизненная энергия помогут ему преодолеть выпавшие испытания и вернуться в строй». Последние слова комментария перекликаются с тем, что написал президент Владимир Путин, поздравляя Уго Чавеса с Рождеством и Новым годом. Российский лидер выразил уверенность, что под руководством Чавеса «Боливарианская Республика Венесуэла будет и далее успешно развиваться».

Несмотря на ежедневные бюллетени правительства Венесуэлы, пропагандистская кампания по поводу «недееспособности» президента Чавеса раскручивалась в глобальном масштабе. Был распространён фальшивый видеосюжет с «Чавесом на операционном столе». Трудно поверить, что публикация этой фальшивки была импровизацией. Итальянский журналист Томмассо

Дебenedетти наткнулся в YouTube на видеосъемку хирургической операции, сделанной в 2008 году человеку, похожему на Чавеса. Журналист изготовил фотографии и предложил приобрести их за несколько тысяч евро некоторым европейским газетам. Ключнула редакция испанской газеты «Эль Пайс», которая давно ведёт информационную войну против «режима Чавеса». Подстёгиваемая этой фальшивкой, оппозиция потребовала поездки в Гавану «заслуживающих доверия лиц, включая депутатов и врачей». Мотивировалась эта поездка тем, что президент, «если он жив», «фактически интернирован» на острове и находится «под контролем кубинцев, которые управляют Венесуэлой через своих агентов — Николаса Мадуро и Дьосдадо Кабелью».

Председатель Национальной ассамблеи Дьосдадо Кабелью так сказал об официальном подходе к освещению болезни Чавеса: «Мы уверены, что наилучший способ информировать народ, не вызывая у него беспокойства, — говорить правду. Оппозиция хотела бы услышать только одно: с президентом произошло несчастье. Поэтому всё, что бы мы ни говорили, они подвергают сомнению. У них большой опыт в сочинении лживых версий. Они пытаются деморализовать народ и чавистов».

Чавес не хотел, чтобы публиковались его фотографии в пижаме на больничной койке. Однако враждебная кампания становилась всё более грязной и разнузданной: «У президента ещё 30 декабря была зафиксирована смерть головного мозга, его отключили от аппарата искусственного дыхания, он находится в вегетативном состоянии». Эти выдумки распространялись в социальных сетях, воспроизводились в СМИ. По этой причине Национальное информационное агентство Венесуэлы 15 февраля опубликовало фотографию Чавеса и его

дочерей, сделанную в кубинском госпитале. Чавес полулежит, еле заметно улыбаясь, и в руках у него свежий номер газеты «Гранма» как подтверждение, что фото не сфальсифицировано. На сегодняшний день это последняя прижизненная фотография президента с его прощальной, чуть отрешённой улыбкой.

Через несколько дней после этой фотосъёмки Чавес был перевезён из Гаваны в Каракас. Распоряжение о возвращении на родину отдал 16 февраля сам Чавес. Чтобы избежать столпотворения, переезд был проведён в обстановке полной секретности, средства массовой информации не оповещались. Чавес был помещён в специально оборудованное крыло военного госпиталя имени доктора Карлоса Арвело. Уже через день неподалёку от главного входа в госпиталь была построена деревянная часовенка, чтобы люди могли помолиться за здоровье Чавеса. Из коротких сводок о состоянии президента можно было сделать вывод, что клиническая картина остаётся неблагоприятной: он страдает от дыхательной недостаточности. Из-за перенесённой интубации трахеи Чавес не мог говорить, только по шевелению его губ помощники-адъютанты догадывались, о чём пытается сказать президент. Для общения с врачами, близкими родственниками и Николасом Мадуро Чавес использовал специальный планшет для переписки.

Больше всего Чавес переживал из-за того, что приближающаяся трагическая развязка не позволит ему завершить начатые реформы. «Что вы будете делать без меня, Николас? — настойчиво спрашивал он. — Справитесь ли?» Обеспокоенность за судьбы революции и страны прозвучала в последних словах президента, которые были обращены к начальнику службы безопасности Аделино Орнелье: «Пожалуйста, не дайте мне умереть». Это не было страхом смерти. После перенесённых мучений Чавес был готов к такому

исходу. Его терзал один и тот же безответный вопрос: «Справитесь ли вы без меня?» Президент умер 5 марта в 16.25. Смерть была спровоцирована резким перепадом атмосферного давления над Каракасом: в страшную мартовскую жару откуда-то прорвался холодный ветер и на город опустился туман. Ослабленный организм Чавеса не выдержал. Позднее Мадуро расскажет, что в этот день, как обычно, приехал в военный госпиталь с «красной папкой» для доклада. От врачей узнал, что Чавес вскоре будет готов к встрече. И вот — странная суэта на этаже, непривычно громкие тревожные голоса и — внезапное, кажущееся невероятным известие: у Чавеса был обширный инфаркт, его больше нет в живых.

Вице-президент Мадуро, не скрывая переживаний, в телевизионном обращении сообщил соотечественникам о смерти президента и просил их достойно, с миром проводить его в последний путь. Он призвал венесуэльцев сохранять спокойствие: «В этот скорбный час национальное единство как никогда необходимо стране». Основания для тревоги были: радикальная оппозиция могла спровоцировать беспорядки, празднуя «смерть тирана». Правительство Венесуэлы объявило семидневный траур (позже он был продлён на три дня). Армия и национальная полиция получили приказ об обеспечении порядка в усиленном режиме на всей территории страны. Занятия в школах отменили. Была запрещена продажа алкоголя.

До поздней ночи Николас Мадуро, Дьосдадо Кабельо, Хорхе Арреаса и другие члены правительства обсуждали хронограмму действий и меры по увековечению памяти Чавеса. Было принято решение об объявлении мемориальной зоной того крыла Мирафлореса, где трудился президент. Кабинет Чавеса будет сохранён таким, каким он был при его жизни. Обсудили предложения боливарианских организаций и

членов PSUVo захоронении президента в Национальном пантеоне. Решение далось нелегко, но было единодушным: по существующему закону осуществить это предложение будет возможно не ранее чем через 30 лет. Когда пройдет время, когда спадёт острота нынешних политических и других сопутствующих конфликтов, только тогда венесуэльцы смогут объективно решить — достоин ли Уго Чавес упокоения в Пантеоне, рядом с Симоном Боливаром...

Декрет о размещении саркофага с телом президента в Музее революции приняли единогласно. Это здание, бывшая казарма JТа Монтанья, превращённая в Музей, было выбрано потому, что там располагался командный пункт, из которого Чавес руководил неудавшимся военным переворотом 4 февраля 1992 года. Знаковый символ революции — достойное место для захоронения её руководителя. Эскиз саркофага и наброски плана его размещения в центральном зале Музея революции были подготовлены в предельно сжатые сроки венесуэльским архитектором Фруто Вивасом, коммунистом, другом Оскара Нимейера, и одобрены правительством и родственниками Чавеса. К работе в музее строители приступили незамедлительно.

Поначалу было принято также решение о бальзамировании тела президента, о чём объявил Мадуро. Однако после консультаций с российскими и немецкими специалистами от этого намерения отказались. Просрочили время, к тому же не подходил вариант отправки тела Чавеса на семь-восемь месяцев в Россию для осуществления этой сомнительной для многих венесуэльцев процедуры...

На следующий день, 6 марта, в 10.40 черный катафалк с гробом, накрытым государственным флагом, выехал из ворот военного госпиталя. Сотрудники президентской Службы охраны и военные с трудом

справлялись с натиском толпы. Под палящим солнцем следом за катафалком шли близкие родственники Чавеса, Николас Мадуро, боливийский президент Эво Моралес, министры. Уже на первых сотнях метров пути катафалк был засыпан цветами. Казалось, гроб плыл по человеческому морю, в котором преобладал красный «боливарианский» цвет. Над головами людей — портреты Чавеса, самодельные плакаты с благодарностью президенту за всё хорошее, что он сделал для народа. Со всех сторон раздавались возгласы: «Чавес всегда с нами!», «Борьба продолжается, мы победим!», «Все мы — это Чавес!» Прорваться к катафалку удавалось не всем, и тогда розы и гвоздики устилали мостовую по маршруту движения кортежа. Бесконечный красный ковёр из цветов. Что-то похожее, такой же всплеск неподдельного горя был отмечен в Латинской Америке только один раз, когда в Аргентине в июле 1952 года хоронили Эву Перон, защитницу бедняков, инициатора многих социальных реформ. Она скончалась от рака в возрасте 33 лет.

Семь часов кортеж добирался до здания Венесуэльской военной академии. Люди стекались туда через проспект ЛосПросерес. «Ощущение всеобщего народного горя, — отмечали в репортажах корреспонденты, не забывая упомянуть, что речь идёт о венесуэльцах невысокого социального положения. — Несколько миллионов граждан хотят проститься со своим вождём, своим бесстрашным Команданте, Команданте надежды, который подарил им веру в справедливость, лучшую жизнь для них и их детей». Впервые за многие годы опустели карибские пляжи. Почти вся Венесуэла погрузилась в траур, за исключением тех привилегированных районов, особенно на востоке Каракаса, где живут состоятельные люди. Они не смогли примириться с Чавесом даже после его ухода. Откровенно

праздничные настроения царили в Майами, где в основном сосредоточена враждебная Боливарианской республике эмиграция.

Гроб с телом Чавеса установили в Зале славы Венесуэльской военной академии. Члены 55 иностранных делегаций участвовали в церемонии прощания. Представительные делегации прибыли из Китая и России. Министр иностранных дел Сергей Лавров перед отъездом из Москвы в Каракас посетил 469 посольство Венесуэлы и написал в Книге скорби: «От имени руководства РФ и лично президента Владимира Путина выражаю глубокие соболезнования в связи с кончиной президента Венесуэлы Уго Чавеса — великого сына своего народа и всей Латинской Америки, выдающегося государственного деятеля современности, большого друга нашей страны. Уверен, что народ Венесуэлы сможет в эти тяжёлые дни отстоять завоевания Боливарианской революции. Россия с вами».

В Каракас съехались все латиноамериканские президенты. Среди тех, которых относят к «левым», — Кристина Фернандес, Дилма Руссефф, Рафаэль Корреа, Хосе Мухика, Даниель Ортега, Рауль Кастро. Прилетел Инасио Лула да Силва — экспрезидент. Проводить Чавеса в последний путь приехали те президенты, которых называют «правыми» или «правоцентристами» — мексиканец Пенья Нето, гватемалец Перес Молина, костариканка Чинчилья Миранда, чилиец Себастьян Пиньера, колумбиец Хуан Мануэль Сантос, Рикардо Мартинелли из Панамы... У смерти нет политических предпочтений и разногласий...

Церемония началась с государственного гимна Боливарианской Республики Венесуэлы. С речью выступил Николас Мадуро. Он выразил благодарность всем, кто приехал в Каракас, переступив через политические и идеологические границы, «следуя

импульсу самой чистой любви к Чавесу, человеку, который как никто другой на земле подвергался оскорблениям и клевете». «Его душа была такой огромной, что тело не смогло удержать её, и теперь она кружится по всему миру, расширяясь и наполняя нас благословением и любовью, — говорил он. — У него была самая мощная защита, которую может иметь истинный сын Христа, — это его чистота, его правда, которые спасали его от потока оскорблений и подлости. Вот он — непобеждённый, чистый, открытый, единственный, настоящий, живой навсегда: и сейчас, и для всех других времён. Команданте, они не смогли тебя победить, они не смогут справиться и с нами, никогда не смогут!» Мадуро достал из пиджака синий миниатюрный томик и продемонстрировал его присутствующим так, как раньше это делал Чавес: «Его завещание — это Конституция, верховный устав для отечества, устав мира для всех [венесуэльцев]... Есть у нас и программа действий, подготовленная Чавесом, это “Второй социалистический план развития нации на 2013–2019 годы”». «Борьба продолжается, команданте президент Чавес! — воскликнул Мадуро. — Мы продолжим дело защиты обездоленных, мы накормим нуждающихся, мы будем создавать Великую Родину!»

Николас Мадуро и министр обороны Диего Молеро возложили на гроб Чавеса копию золотой сабли героя национальной освободительной борьбы Симона Боливара. Это одна из высших государственных наград. Копии сабли Чавес вручал тем иностранным политикам, которых считал друзьями Венесуэлы. Среди них — Владимир Путин, Рафаэль Корреа, Рауль Кастро, Эво Моралес, Муаммар Каддафи, Роберт Мугабе, Башар Ассад, Хосе Мухика, Ольянта Умала и другие.

У гроба Чавеса сменяли друг друга в почётном карауле главы государств и правительств, входящих в Сообщество латиноамериканских и карибских

государств и Боливарианского альянса народов Америки. Они всматривались в непривычно спокойное лицо Чавеса, с которым ещё недавно шутили, иногда ссорились, потом мирились и шаг за шагом, вопреки всем препятствиям, укрепляли латиноамериканскую и карибскую интеграцию, создавали центры силы, способные противостоять натиску Империи. Искушённые политики, ежедневно подвергающиеся стрессам и сильнейшим эмоциям — XXI век никому не даёт передышки, — не могли сдержать слёз. Вытирал глаза президент Белоруссии Александр Лукашенко. Президент Ирана Ахмадинежад, человек стальной воли, заплакал, выражая соболезнование матери Чавеса — донье Елене.

С Чавесом простились молодые спортсмены, артисты, музыканты, деятели кино, писатели — все те, кто принял Боливарианскую революцию и продвигал культуру в народные массы. В сопровождении оркестра Густаво Дудамеля певец Кристобаль Хименес исполнил «Майсантеру». Тот самый Хименес, который помогал молоденькому капитану Чавесу организовывать праздники для жителей городка Элорса в степном штате Апуре, а потом не раз пел в передачах «Алло, президент!» и на семейных праздниках президента.

Около двух миллионов человек простилось с Чавесом в здании Академии, «доме голубых мечтаний», как в годы учёбы называл её кадет Уго. Днями и ночами нескончаемый людской поток протекал мимо открытого гроба — всего полторыдве секунды, чтобы бросить взгляд на хорошо знакомое лицо под стеклом. Чавес почти не изменился по сравнению с тем, каким выглядел во время последнего выступления в декабре. Он был облачён в военную форму с президентской лентой, на голове — красный берет десантника. За неделю прощания люди справились со своими чувствами, стали более спокойными. Один из тех, кто

простился с Чавесом в эти дни, написал: «Мне пришлось отстоять в очереди семь часов — с 10 утра до 5 вечера. Какого-то опустошающего горя в очереди не чувствовалось. Люди говорили об изменениях к лучшему, которые произошли во время правления Чавеса, о необходимости продолжить его политику, а также о своих повседневных делах — и даже умеренно сплетничали, шутили. Многие взяли с собой детей, которые бегали и играли. Эта атмосфера мне понравилась»(Штраус Д. Семь часов в очереди к Чавесу // <http://liva.com.ua/chavezfuneral.html>).

Заключительный этап похоронной церемонии прошёл 15 марта. Гроб с телом Уго Чавеса вынесли военные, облачённые в форму гусар. Церемония началась под залпы пушек и звуки национального гимна Венесуэлы. Над Академией прощально пронеслись и взмыли в небесную высь боевые самолёты. Кorteж автомобилей, ведомый катафалком, отправился в неспешный 18-километровый путь до Музея революции.

На всём пути каравана из динамиков звучал гимн батальона «Храбрецы из Апуре» («Bravos de Apure»), тот самый гимн, который Чавес пел 8 декабря, прощаясь с друзьями во дворце Мирафлорес: «Родина, родина, любимая родина, это твоё — моё небо, это твоё — моё солнце, родина, моя жизнь — твоя, моя душа — твоя, моя любовь — твоя». Часть пути караван продвигался в сопровождении сотен motorizados — мотоциклистов в красных рубашках. «Боливарианские байкеры» всегда появлялись там, где радикальная оппозиция грозила беспорядками и конфронтацией. Но в этот раз они собрались для того, чтобы сказать Чавесу: «Прощай, Команданте, adios para siempre!» В Музее революции гроб был помещён в саркофаг из черного мрамора, установленный на постаменте посреди неглубокого круглого водоёма. На передней части саркофага выбито

имя венесуэльского лидера и годы его жизни: 1954–2013. Постамент изготовлен в форме плавающего на воде мраморного цветка с четырьмя лепестками, которые символизируют главные «элементы природы» — землю, воздух, воду и огонь... Чавес — продолжатель дела Боливара, свято веривший в свою особую миссию. И Боливар, и Чавес — Люди Огня: носители высшей воли по всем астрологическим критериям. Равно как и Боливару, Чавесу — носителю миссии небесной природы Огня — обещана Вечность...

По всему миру прощались с Чавесом: во многих странах был объявлен траур, сообщалось о планах по увековечению его памяти, возведению памятников, присвоению его имени улицам, площадям и даже горным вершинам. В России центром притяжения в эти дни стало посольство Боливарианской Республики Венесуэла. Один из московских сайтов организовал акцию «Две гвоздики»: им со всей страны присылали деньги на приобретение цветов, которые возлагались к портретам Чавеса у стены посольства и внутри его. В радиусе нескольких километров от посольства было невозможно купить ни красных роз, ни красных гвоздик.

Алла Зенькович, которая была переводчиком Чавеса во время его приездов в Россию, так рассказала о днях прощания (Зенькович А. Уго Чавес ни разу не предал свой бедный народ // Столетие. 2013. 11 апреля.

http://www.stoletie.ru/rossivai_mir/alla_zenkovich_ueo_chaves_ni_razu_ne_predal_svoi_bednyi_narod_864.htm): «Когда его не стало, в посольстве Венесуэлы в Москве в течение двух недель была открыта книга соблезнований — каждый мог оставить в ней свою запись. Люди шли толпами: военные, домохозяйки, молодёжь. Причём студенты приезжали целыми факультетами — добровольно, без всякого принуждения “сверху”. Но что меня больше всего потрясло, так это портрет Уго Чавеса, установленный у

ограды посольства. Он был завален цветами, там лежали листки бумаги, на которых по-русски было написано: “Чавес, почему ты не жил в России!”, “Чавес, ты не умер, ты всегда с нами!” Вот искренние слова тех, кого называют “простыми людьми”. Как же велико желание наших сограждан иметь идеал для подражания, такого лидера, каким был президент Венесуэлы! Абсолютно все согласны: он был бесребреником, не нажил для себя богатств и не был замешан в коррупции — в этом не пытались обвинить его даже противники. Он не окружал себя проходимцами, если же такие вдруг появлялись возле него, быстро от них избавлялся — после того, как понимал, кто они есть. Уго Чавес — человек невероятной чистоты... Уго Чавес очень уважительно относился к нашему президенту, никогда не переходил на панибратство. Видимо, они с Владимиром Путиным как-то сразу почувствовали друг в друге соратников. У них много общего, оба они — офицеры, большие патриоты своих стран, знают, для чего люди их выбрали, защищают национальные интересы своих государств и понимают, что есть в мире силы, которые будут противостоять их союзу, и с ними следует бороться».

Чавес обеспечил себе место в истории Венесуэлы. Он изменил страну до неузнаваемости. Любая «волевая» попытка пересмотреть направленность реформ, поставить точку на программе построения социализма с «венесуэльским лицом» станет болезненным испытанием для Венесуэлы. Обитатели городских окраин и сельской глубинки воспримут подобные попытки с позиций классовой борьбы: «эсквалидос» хотят отобрать те завоевания, которые мы получили благодаря нашему Уго. Будущее покажет, выживет или нет боливарианская идеология Чавеса, сохранится ли тот мощный импульс, который он придал

развитию страны на началах социальной справедливости, доброты и максимально возможного счастья для всех. Чавес всегда радовался тому, что, по опросам, граждане Венесуэлы признавались самыми счастливыми жителями Латинской Америки. Он считал, что во многом это и его заслуга.

Надо ли говорить, что в сознании простых венесуэльцев идеальный образ Чавеса — народного защитника со сверхъестественными возможностями — будет крепнуть год от года. Это народное восприятие Чавеса Телеканал ViVe отразил в минутном мультипликационном сюжете «Чавес в раю». В крестьянских альпаргатах и в трёхцветной боливарианской куртке он неторопливо идёт по зелёному лугу, напоминающему венесуэльские Льянос. Оглядевшись, Чавес замечает в отдалении, в тени небольшой рощи, людей. Он ускорил шаг и, когда приблизился к ним, радостно улыбнулся: его встречали все те, о ком он часто вспоминал, у кого искал поддержки и вдохновения при жизни — индейский вождь Гуайкайпуро, никарагуанец Аугусто Сесар Сандино, чилийский президент Сальвадор Альенде, Негро Примеро — герой битвы при Карабобо, защитница народа аргентинка Эва Перон, певец Али Примера, генерал Эсекиэль Самора, революционер Че Гевара, Симон Боливар и любимая Мама Роса Инес...

Сейчас, когда прошли официальные траурные мероприятия, люди идут в Мавзолей Чавеса постоянно, по собственной инициативе. Невозможно свыкнуться с мыслью, что Чавеса нет. Ежедневно в 16.25 из старинной пушки, установленной на холме близ Музея революции, раздаётся выстрел — как напоминание о том мгновении, когда остановилось сердце президента.

Глава 38

НЕНАПИСАННАЯ КНИГА

У Чавеса была мечта: на закате жизни написать мемуары. В программе «Алло, президент!» он не раз демонстрировал разысканные в полицейских досье или на пыльных полках военной контрразведки тетрадки со своими дневниками, конспиративную переписку, блокноты со стихами и рисунками.

Когда умерла бабушка, его Мама Роса, Чавес после похорон нашёл в её стареньком бауле письма, которые посылал ей в годы учёбы в Академии и военной службы. И ещё он сохранял ежедневники для рабочих записей — эту своеобразную хронику будней. Однажды Чавес показал телезрителям такой ежедневник — неимоверно располневший от вклеек и вложений — и сказал: «Здесь наша история, в подобных томах, которых у меня много набралось за последние годы, содержатся материалы для будущих воспоминаний».

В августе 1998 года, когда Чавес только мечтал о президентстве, в одной из газет были опубликованы его ответы на анкету: — Какова ваша мечта о счастье? — Хотя бы на день стать тем мальчишкой, каким я был.

— Чему вы посвятите себя, уйдя из политики? — Стану учителем в начальной школе.

— Как именно вы хотели бы умереть? — Стариком, читающим книгу под деревом на берегу реки, в окружении внуков и правнуков.

Чавес постоянно подчёркивал, что в той гипотетической старости, «до которой ещё надо дожить», он обойдётся минимальными благами: домик у реки, библиотека из любимых книг под рукой, гамак в небольшом саду. Много ли человеку надо для достойной

жизни? Мечты Чавеса не исполнились, какая-то враждебная сила помешала ему дожить до преклонных лет и написать книгу воспоминаний. Интересно, как бы он её назвал? «На стройке Социализма XXI века»? «Я предсказал крушение Империи зла»? «Мемуары одинокого революционера»? Этого мы никогда не узнаем...

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ УГО ЧАВЕСА

1954, 28 июля — в Сабанете, штат Баринас, в семье учителей начальной школы Елены Фриас и Уго де лос Рейеса Чавеса родился сын Уго. Он был вторым из шести сыновей.

1960–1971 — учёба в начальной школе «Хулиан Пино» (Сабанета) и в средней школе (лицее) «Даниэль Флоренсио О’Лири» (Баринас).

1971, август — поступил в Военную академию Венесуэлы (Каракас).

1974, декабрь — поездка в Перу для участия в праздновании 180-й годовщины со дня Битвы при Айякучо. Был представлен президенту Хуану Веласко Альварадо.

1975, 7 июля — завершил учебу в академии в звании младшего лейтенанта, военная специальность — артиллерист. После окончания курсов усовершенствования в Школе связи и электроники ВС Венесуэлы был направлен офицером связи в батальон егерей «Мануэль Седеньо» (штат Баринас).

1977 — батальон Чавеса передислоцирован в город Кумана (штат Сукре).

1978, 5 июля — получил звание лейтенанта. Направлен для продолжения службы в танковый батальон «Бравое-де-Апуре» (Маракай, штат Арагуа).

1979 — учёба на курсах усовершенствования по специальности «Бронетанковые войска».

1980 — в Военной академии возглавил отдел по физической подготовке, затем отдел по культуре, после чего стал командиром взвода кадет «Хосе Антонио Паэс».

1982, 5 июля — присвоено звание капитана.

17 декабря — Чавес и его друзья поклялись бороться за трансформацию страны и реформу вооружённых сил в духе идейного наследия Симона Боливара. Клятва была дана под Саманом Гюэре, у которого, по легенде, Боливар не раз останавливался на отдых.

1983 — приступил к формированию в ВС Венесуэлы нелегальных ячеек «Движения Боливарианской революции» — «MBR-200».

1984, апрель — знакомство с Эрмой Марксман, которая стала его «тайной» любовью и помощницей в конспиративных делах.

1985 — Чавес возглавил танковую часть — Caballeria Motorizada «Francisco Farfan» — в Элорсе (штат Апуре).

1986, 5 июля — присвоено звание майора; назначен на должность коменданта военно-гражданской зоны развития границы Араука — Мета.

1988 — переведён в Каракас, назначен адъютантом секретаря Национального совета по безопасности и обороне.

Август — слушатель на международных курсах по гражданским проблемам в Гватемале.

1990 — Чавесу присвоено звание подполковника; направлен уполномоченным по гражданским вопросам в бригаду егерей в Матурин (штат Монагас).

1991, июль — после завершения курсов Генерального штаба в Высшей школе армии принял командование батальоном парашютистов «Полковник Антонио Николас Брисеньо», расквартированным в Маракае (штата Арагуа).

1992, 4 февраля — возглавил неудавшееся вооружённое выступление военных, участников «Движения Боливарианской революции», в Каракасе, принял всю ответственность за мятеж на себя и выступил по телевидению с призывом к соратникам

сложить оружие, подчеркнув, что «пока что» цели восстания достигнуты не были; после допросов в военной контрразведке направлен в тюрьму Сан-Карлос; стремительный общенациональный взлёт популярности Чавеса. Февраль — переведён в тюрьму Яре; принимает участие в подготовке программного манифеста «Как выбраться из лабиринта».

27 ноября — имя Чавеса связывают с новой неудавшейся попыткой военного переворота в городе Пуэрто-Кабельо (штат Карабобо).

1993, май — президент Карлос Андрес Перес смещён Конгрессом с поста президента за коррупцию.

1994, 26 марта — президент Рафаэль Кальдера амнистировал Чавеса и его соратников.

27 марта — Чавес вышел на свободу из тюрьмы Яре.

Приступил к созданию «Движение Пятая Республика» («MVR») на базе «MVR-200».

Поездка по странам Латинской Америки с целью изучения социально-политической обстановки на континенте.

14 декабря — прилетел на Кубу и был встречен у трапа самолёта Фиделем Кастро.

1997, 29 апреля — «Движение Пятая Республика» («MVR») официально зарегистрировано в Национальном избирательном совете.

1998; 8 ноября — выборы в Национальный конгресс: «MVR» завоевало 49 из 189 мест в парламенте, пропустив вперёд только партию Action Democrática.

6 декабря — Чавес избран президентом Венесуэлы.

1999, 2 февраля — инаугурация Чавеса; объявление о начале работы по подготовке новой конституции.

25 апреля — победа на референдуме о созыве Национальной конституционной ассамблеи.

23 мая — впервые по Национальному радио прошла программа «Алло, президент!».

15 декабря — победный референдум в поддержку новой конституции.

2000, 30 июля — всеобщие выборы в соответствии с новой конституцией. Чавес переизбран президентом.

Август — поездка по странам ОПЕК с целью активизации этой организации.

Сентябрь — в дни работы «Саммита Тысячелетия» в Нью-Йорке состоялось знакомство Уго Чавеса и Владимира Путина.

26 октября — Фидель Кастро прибыл с официальным визитом в Венесуэлу, которая стала основным поставщиком нефти на Кубу.

2001, апрель — Чавес, выступая на Третьем саммите стран Западного полушария в Квебеке, пошёл «вразрез» со сценарием США по «единодушному» одобрению Межамериканской зоны свободной торговли (ALCA).

14 мая — первый визит Чавеса в Москву.

2002, 9—10 апреля — Демократический координационный центр объявил всеобщую забастовку.

11—13 апреля — попытка государственного переворота.

2 декабря — оппозиция вновь объявила о начале всеобщей забастовки, которая была поддержана управленцами нефтяной компании PDVSA.

2003, 11 апреля — начала действовать первая социальная программа — «Mision Barrio Adentro», кубинские медики приступили к работе в самых бедных районах страны.

1 июля — начало кампании по ликвидации неграмотности «Mision Robinson».

2004, июль — создан стратегический альянс с Аргентиной «Petrosur».

15 августа — победа Чавеса на «отзывном референдуме».

Ноябрь — министр энергетики и горной промышленности Рафаэль Рамирес назначен директором PDVSA «по совместительству»; очередной визит в Москву.

25 ноября — выступление в Институте философии РАН.

14 декабря — Чавес и Фидель Кастро подписали совместную декларацию по созданию «Боливарианской альтернативы для Америк» (ЛьВА).

2005, 24 июля — первый выход в эфир международного телевизионного канала TeleSur; страны-соучредители — Аргентина, Боливия, Куба, Эквадор, Никарагуа, Уругвай и Венесуэла.

4—5 ноября — Четвёртый всеамериканский саммит в аргентинском городе Мар-дел-Плата похоронил идею США о «зоне свободной торговли» от Канады до Чили (ALCA). Создание «Petrocaribe».

2006, 3 февраля — Фидель Кастро вручил Чавесу Международную премию Хосе Марти, патронируемую ЮНЕСКО. Премией был отмечен выдающийся вклад Чавеса в региональную интеграцию и борьбу за сохранение культурных традиций.

20 сентября — выступление Уго Чавеса на 61-й Генеральной Ассамблее ООН, на которой он назвал «дьяволом» президента США Буша.

3 декабря — Чавес с большим преимуществом победил на очередных президентских выборах.

2007, 1 мая — Чавес объявил о проекте «Социализма XXI века».

28 июня — визит в Россию Чавес начал с открытия в Москве Латиноамериканского культурного центра имени Симона Боливара. Декабрь — поражение на референдуме по вопросу «корректировки» Конституции на социалистических принципах.

2008, 28 ноября — официальный визит в Венесуэлу президента РФ Д. Медведева.

2009, 15 февраля — победа на новом референдуме по внесению поправок в Конституцию.

21 ноября — в Каракасе начал работу Первый чрезвычайный съезд Единой социалистической партии (PSUV).

2010, 2 апреля — визит премьер-министра В. Путина в Венесуэлу.

26 сентября — альянс PSUV — Компартия побеждает на парламентских выборах.

14—15 октября — 9-й визит Чавеса в Россию, в ходе которого подписано соглашение о строительстве АТС в Венесуэле.

2011, июнь — Чавес проходит лечение на Кубе.

10 и 20 июня — операции по удалению абсцесса в тазовой области и злокачественной опухоли.

2—3 декабря — на Саммите в Каракасе формализовано создание Сообщества стран Латинской Америки и Карибского бассейна (ICELAQ).

2012, 26 февраля — новый курс лечения и третья операция в Гаване. Июль — октябрь — участие в президентской избирательной кампании.

7 октября — Чавес переизбран президентом страны.

8 декабря — Чавес выступил с сообщением о рецидиве болезни и предстоящей операции. Николас Мадуро официально объявлен преемником Чавеса.

11 декабря — хирургическая операция в Гаване. Прогрессирующее ухудшение самочувствия Чавеса.

2013, 18 февраля — Чавеса перевозят в Каракас. Продолжение лечения в Военном госпитале.

5 марта — Уго Чавес Фриас умер.

5—15 марта — церемония государственных похорон. Саркофаг с телом Чавеса установлен в Музее революции.

ЛИТЕРАТУРА

На иностранном языке

Cien horas con Fidel. Conversaciones con Ignacio Ramonet. La Habana: Tercera edición, Oficina de Publicaciones del Consejo de Estado, 2006.

Baduel R. I. Mi solución — Venezuela, crisis y salvación. Caracas: Ed. Libros Marcados, C. A., 2008.

Blanco Muñoz Agustín. Habla el comandante Hugo Chávez. Caracas, 1998.

Blanco Muñoz Agustín. Habla Herma Marksman, Chávez me utilizó. Caracas, 2004.

Cariac Rafael. Quiénes somos los venezolanos? Antropología Cultural del Venezolano. Ed. ISSFE — Los Teques, 1982.

Ceresole Norberto. Caudillo Ejército Pueblo. La Venezuela del Comandante Chávez. Madrid, 2000.

Chaparro Camilo. El que me acuse de dictador es un ignorante. Frases de Hugo Chávez. Intermedio Editores, 2007.

Chávez Frías Hugo. El discurso de la unidad. Ed. «Socialismo del Siglo XXI». Caracas. 15 de diciembre de 2006.

Chávez Frías Hugo. La Financiación para el Desarrollo //Intervención en la Conferencia Internacional de las Naciones Unidas. Monterrey, México, 18-22 de marzo de 2002.

Chávez Frías Hugo. Para entender El Proceso. Discurso en la Asamblea Legislativa Rio Grande Do Sul, III Foro Social Mundial. Ediciones de la Presidencia de la República, enero Porto Alegre, Brasil 2003.

Chávez Frias Hugo. Ahora la batalla es por si //Discurso de presentacion del Proyecto de Reforma Constitucional ante la Asamblea Nacional. Caracas, 15 de agosto de 2007.

Diaz Rangel Eleazar. Todo Chávez. De Sabaneta al socialismo del siglo XXI. Ed. Planeta, 2006.

Elizade Rosa Miriam, Baez Luis. Chávez nuestro. La Habana: Casa Editorial Abril, 2004.

Garrido Alberto. Chávez con uniforme. Antibiografía (unicamente para chvologos). Ed. del Autor, 2007.

Golinger Eva. Bush vs. Chávez. La guerra de Washington contra Venezuela. La Habana: Editorial José Martí, 2006.

Harnecker Marta. Hugo Chávez Frias, un hombre, un pueblo. San Sebastian: Ed. Tercera Prensa, 2002.

Harnecker Marta. Venezuela: Militares junto al pueblo //Publicacion del Ministerio de Comunicacion e Informacion. Caracas, 2005.

Hello Castellon. Los Masones que han hecho Venezuela. Caracas: Ed. Por Fitolito Cannizzio S. R. L., 1993.

LaRouche Lyondon H. Narcotrafico S. A. Ed. Doper Inc., 1985.

Maso Fausto. El dia que se vaya Chávez. Ed. Libros marcados, 2007.

Miro Miro Los enemigos de la Quinta Republica. Valencia: Ed. del Autor, 2001.

Pineda Luis. El diablo paga con traición a quien le sirve con lealtad. Mérida: Ed. Karol, 2003.

Rangel Domingo Alberto. Alzado contra todo. Valencia: Ed. Vadell Hermanos, 2003.

Sant Roz José. Gustavo Cisneros, Una falacia global. Merida: Ed. Caldera del Diablo, 2004.

Sant Roz José. La CIA en Venezuela. Karina Editores, 2004.

Sanz, Rodolfo. Diccionario para uso de chavistas, chvologos y antichavistas. Ed. Nuevo Pensamiento Critico, Estado Miranda, 2004.

Tarre Briceno Gustavo. El 4F, El espejo roto. Ed. Libros marcados, 2007.

На русском языке

AURORA BOREALIS. Минск, 2008.

«Боливарианский проект» и перспектива российско-венесуэльского партнёрства. М.: Институт Латинской Америки РАН, 2005.

Фашистский заговор против Венесуэлы: Речи и выступления Уго Чавеса Фриаса. Декабрь 2002-го — январь 2003 года. Гавана: Эдисьонес Пласа, 2003.

Печатные СМИ Венесуэлы

Газеты и еженедельники: «El Nacional», «El Universal», «Tal Cual», «VEA», «Las Últimas Noticias», «La Razôn», «Panorama» (Maracaibo), «Quinto Dia», «Las Verdades de Miguel», «2001», «El Mundo», «Diario de Caracas», «Diario Reporte», «Temas de Venezuela».

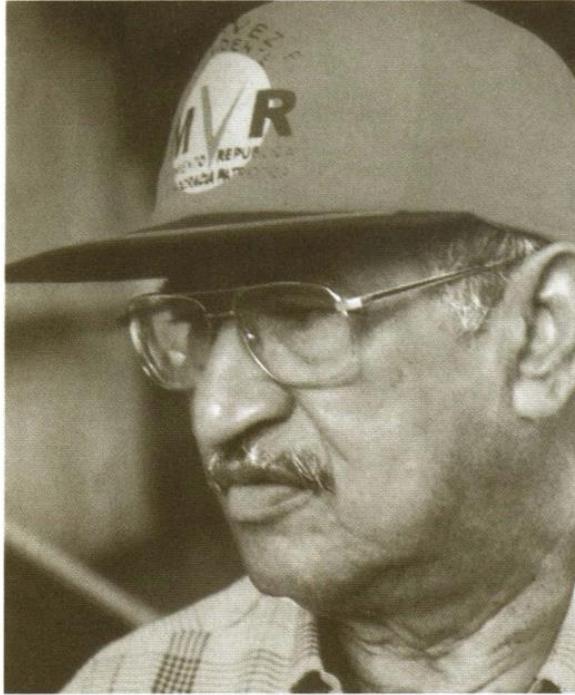
Журналы: «Zeta», «Primicia».

Иллюстрации I

[Handwritten signature]

Уго де лос Рейес Чавес,
отец Уго Чавеса

Елена Фриас де Чавес,
мать Уго Чавеса

Любимая бабушка
Мама Роса

«Бандит» Майсанта
(справа)

Сабанета. На этом пустыре находился домик бабушки Уго Чавеса Росы Инес

Сабанета. В бывшем доме родителей Чавеса сейчас располагается штаб-квартира местного отделения Единой соцпартии (PSUV)

Уго Чавес — звезда провинциального бейсбола

Младший лейтенант Чавес на параде в день завершения учёбы в Военной академии. 7 июля 1975 г.

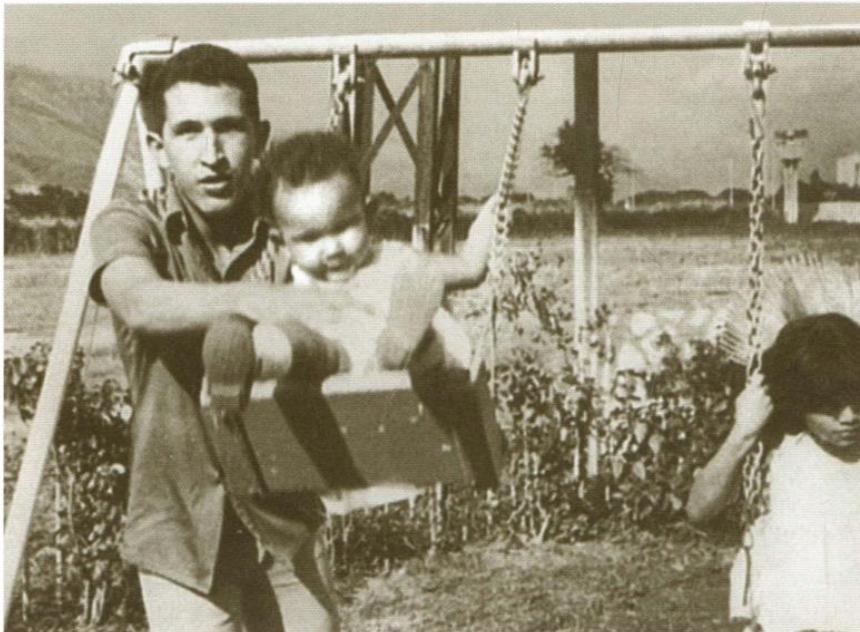

Уго Чавес с родителями в день выпуска из Академии

С дочерью Росой Вирхинией

Младший лейтенант Чавес в День национального флага

В образе крестьянского вождя XIX века Э. Саморы

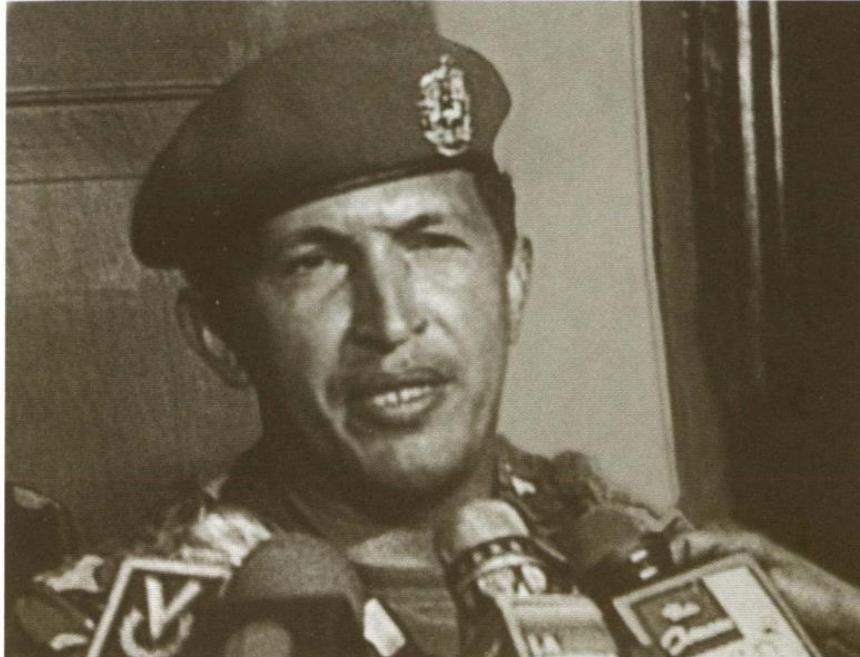

Будни гарнизонной
службы.
Элорса, штат Ануре

Эрма Марксман —
тайная любовь
Чавеса

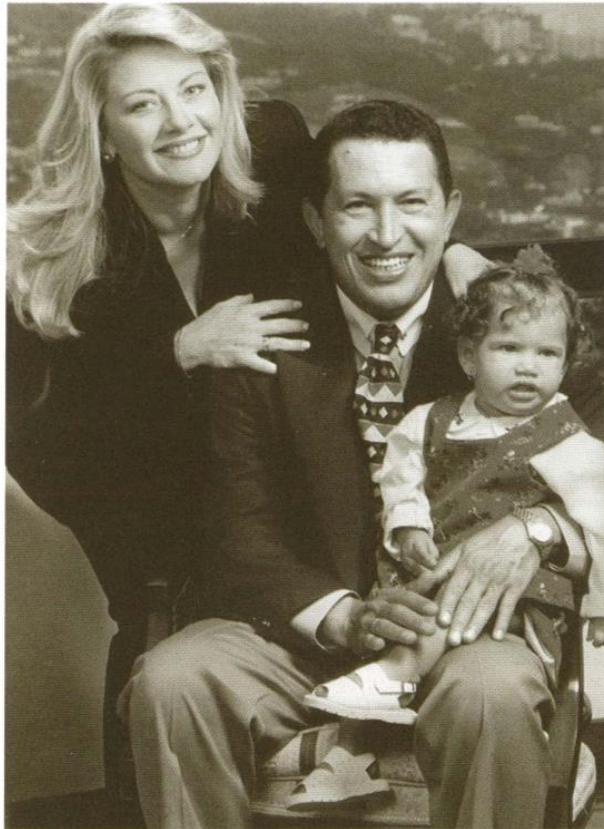

«Пока мы проиграли». 4 февраля 1992 г.

В тюрьме Яре

С женой
Марисабель
и дочерью Росинес

Состоятельные
граждане на одной
из манифестаций
против Чавеса

Президента
Аргентины
Кристину
Фернандес
де Кишнер
тоже относят
к «популистам»

Новое поколение
оппозиционных
деятелей:
Леопольдо Лопес
и Энрике
Каприлес
Радонски

Чавес выступает с «Балкона народа» президентского дворца

Типичный образец «чёрной пропаганды» — обложка журнала «Zeta» с У. Чавесом в форме советского маршала

A quienes me adversan y a quienes me
acompañan en este proceso de cambios,
con la Constitución de la República
Bolivariana de Venezuela en la mano...

**Feliz Chavidad y un muy
Próspero Año 2003...
!!Hasta el 2021!!**

Такую открытку рассылали сторонники Чавеса на Рождество 2002 года

«Культ личности Чавеса» в детском исполнении

Одна из военных специальностей Чавеса — танкист

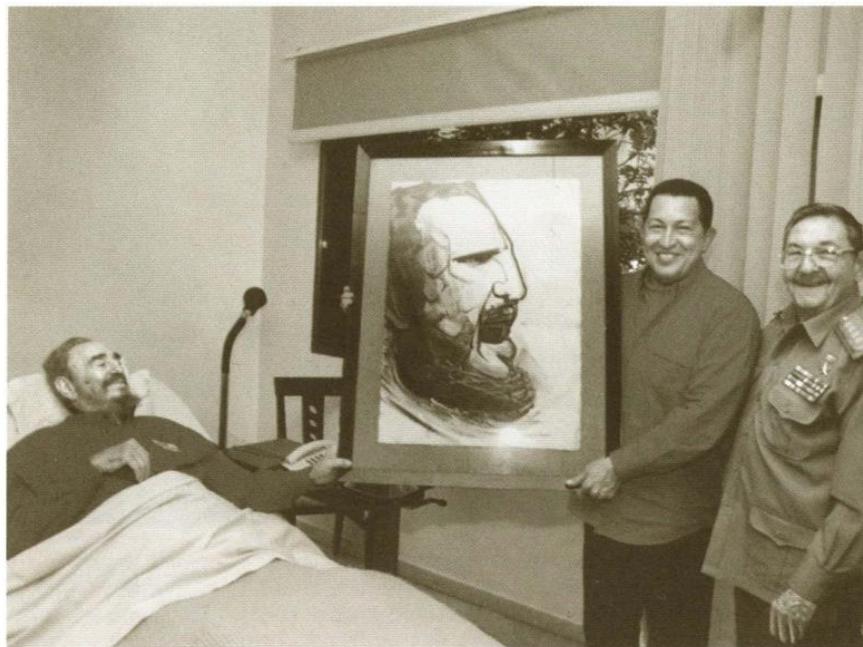

Изображения Чавеса — ходовой товар сувенирных лавок

Уго Чавес навещает в госпитале Фиделя Кастро

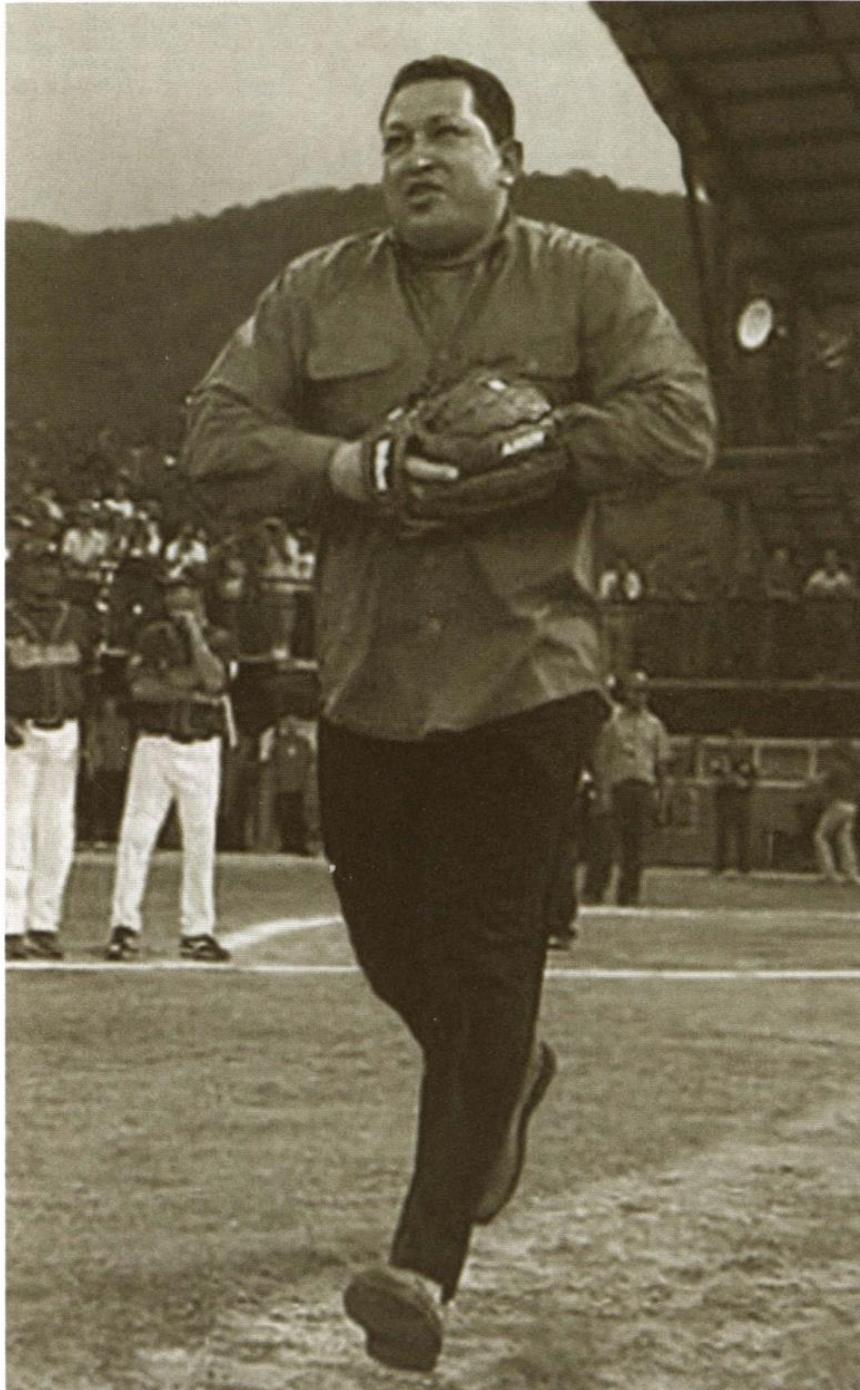

У. Чавес и генерал Р. Бадуэль пока что шагают в ногу

Иллюстрации II

Бейсбольный имидж Чавеса — мощь и боевитость

Чавес в день своего 50-летия. Справа — посол России А. Ермаков, слева — советник М. Назаренко

Рафаэль Корреа и Уго Чавес

Уго Чавеса и Александра Лукашенко, президента Республики Беларусь, связывала настоящая дружба

У. Чавес и Э. Моралес в торжественных индейских одеждах

Именно так чаще всего решается дилемма: революция или пляж?

Дети — самые привилегированные венесуэльцы

Хосе Висенте Ранхель — один из ближайших сподвижников Чавеса

Совещание
представителей
стран —
членов ALBA —
Бolivарианской
альтернативы
для Латинской
Америки

У. Чавес на Кубе
у монумента
Эрнесто Че Геваре

Манифестация
сторонников Чавеса

Агитаторы Чавеса
на улицах Каракаса

Уго Чавес и президент Никарагуа Даниэль Ортега

Братство президентов-социалистов: У. Чавес, Э. Моралес (Боливия),
Луис Инасио Лула да Силва (Бразилия), Рафаэль Корреа (Эквадор)

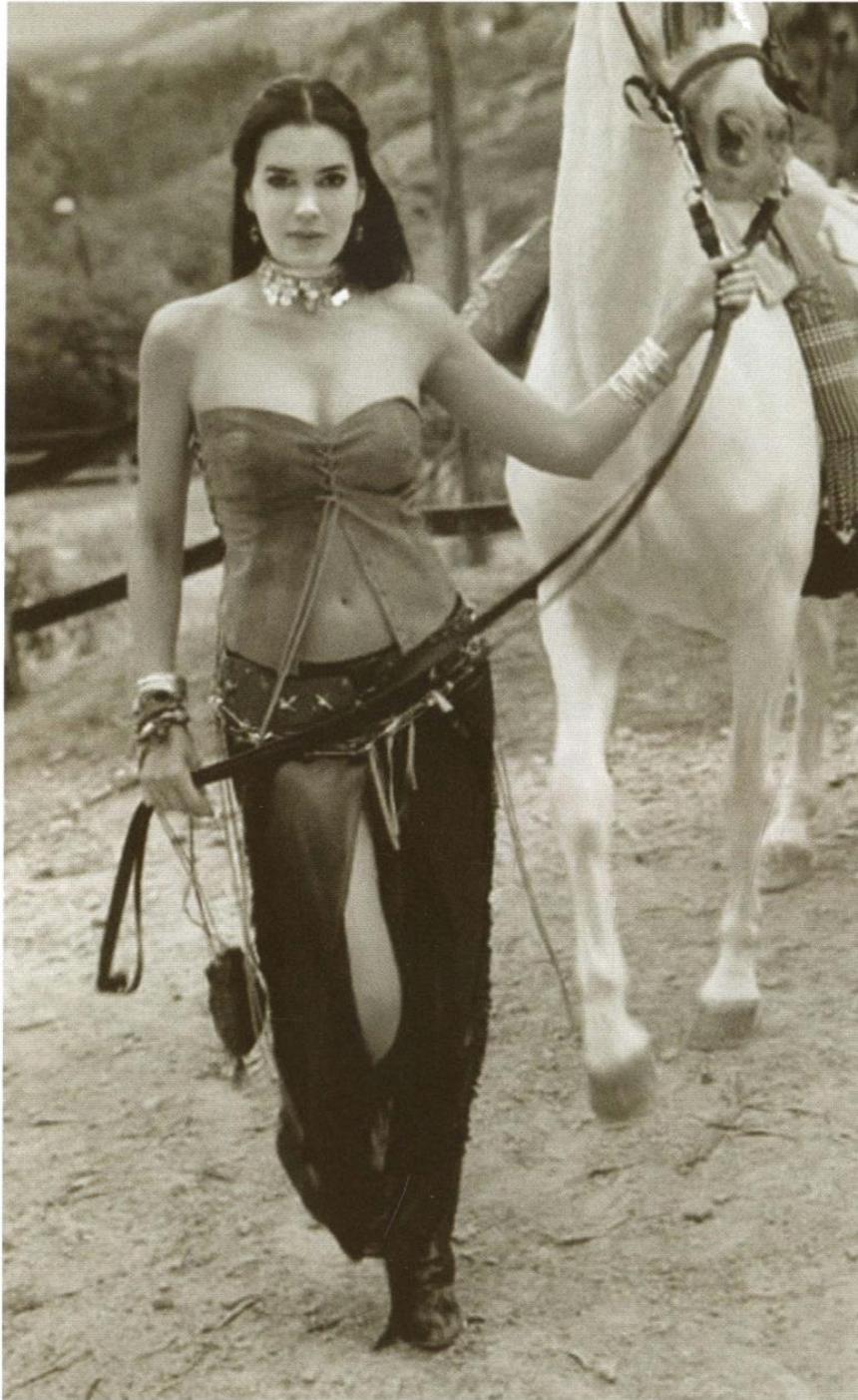

Уго Чавес и Пьедад Кордоба

Уго Чавес и Наоми Кэмпбелл

Актриса Руди Родригес:
«Мои отношения с президентом — чисто деловые!»

С отцом,
сыном Уго,
дочерью
Росой Вирхинией
и внуком

С детьми
от первого брака

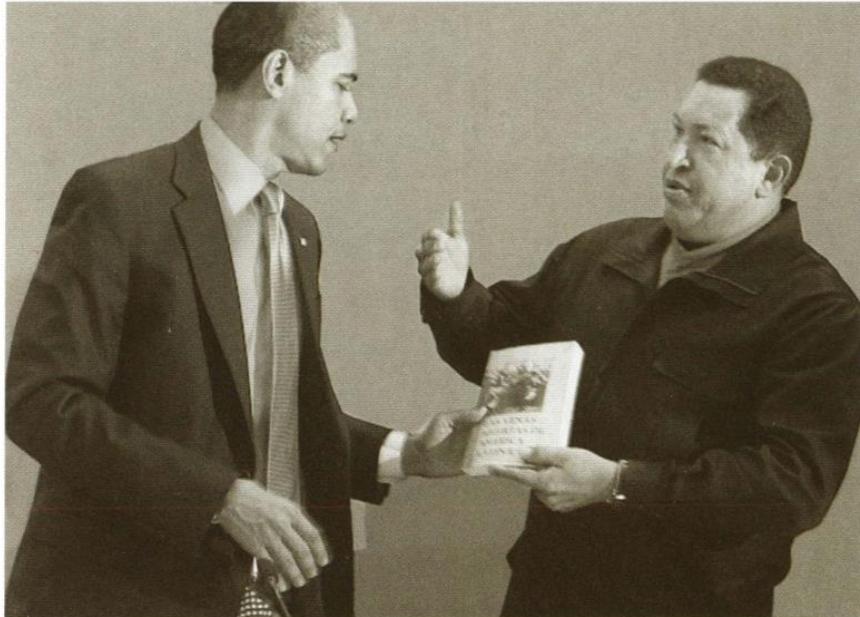

Подарок В. Путина — автомат Калашникова

Передовая медицина пришла в районы бедноты

Уго Чавес
и Барак Обама

Ещё один образец
«чёрной
пропаганды»:
Чавес —
«сталинист»

Визит В. Путина в Каракас. *Апрель 2010 г.*

Уго Чавес и вице-премьер РФ Игорь Сечин в Каракасе. *Октябрь 2011 г.*

Чавес в кубинской клинике.
Рядом дочери — Мария Габриэла и Роса Вирхиния

Президент Венесуэлы Николас Мадуро и его жена Силия Флорес
в Мавзолее Уго Чавеса. *Апрель 2013 г.*

Уго Чавес Фриас всегда был устремлён в будущее...

СОДЕРЖАНИЕ

- Глава 1. «Бенито Адольф Уго Чавес...»
- Глава 2. Каракас, июнь 2002 года: первые впечатления
- Глава 3. Венесуэльцы такие, какие они есть
- Глава 4. «Бандит Майсанта» — неукротимый предок
- Глава 5. Военная академия: на подступах к судьбе
- Глава 6. Ревностный служака, начинающий конспиратор
- Глава 7. Компаньера «Педро» — тайная любовь
- Глава 8. Ел из одного котла с индейцами йарурос
- Глава 9. Пора братья за оружие!
- Глава 10. Вооружённое выступление 4 февраля 1992 года
- Глава 11. Тюрьма как фактор популярности
- Глава 12. Путь наверх в «чреве чудовища»
- Глава 13. Избирательные урны вместо винтовок
- Глава 14. Друг Фидель, олигарх Сиснерос и пятая колонна
- Глава 15. Новая конституция и трагический декабрь 1999 года
- Глава 16. Первый визит в Москву
- Глава 17. «Венесуэлой правит сумасшедший...»
- Глава 18. Дни апрельского путча: на волосок от смерти
- Глава 19. Схватка с нефтяными заговорщиками
- Глава 20. Империя — главный враг
- Глава 21. Друзья и враги. «Отзывной» референдум
- Глава 22. Русское оружие для Венесуэлы
- Глава 23. Чавес против «дьявола Буша»
- Глава 24. Президентские выборы 2006 года
- Глава 25. Президенты-«популисты» — новые союзники

- Глава 26. Чавес и Россия
- Глава 27. Западный «накат»: «Во всём виноват Чавес!»
- Глава 28. Чавес — «вождь коррупционеров»?
- Глава 29. Частная жизнь Чавеса
- Глава 30. «Если со мной что-то случится...»
- Глава 31. Жёны и женщины Чавеса
- Глава 32. Поражения и победы в информационной войне
- Глава 33. Обвинения в культе личности
- Глава 34. По пути к «Социализму XXI века»
- Глава 35. Книга в подарок Обаме, или Тучи сгущаются
- Глава 36. Борьба с беспощадной болезнью
- Глава 37. Прощальный взгляд Чавеса
- Глава 38. Ненаписанная книга
- Основные даты жизни и деятельности Уго Чавеса